

Годъ шестой (1914).

Еврейская Старина

ТРЕХМѢСЯЧНИКЪ

Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ редакціей **С. М. ДУБНОВА.**

Томъ VII.

ПЕТРОГРАДЪ.

1914.

Содержаніе „Еврейской Старины“ за 1914 годъ.

Изслѣдованія и очерки.

Мемуары и переписка.

Матеріалы и сообщенія.

Критика и библіографія.

Приложенія.

1. **Областной Пинкосъ**. Ваада главныхъ еврейскихъ общинъ, Литвы. Текстъ съ рус. пер. д-ра И. I. Тувима. Томъ II. стр. 97—144 (до Ваада 1687 года).

2) **Отчетъ** Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества за 1913 годъ (39 страницъ).

Историческая тайна Крыма.

I.

Періоды крымской исторіи.

Крымъ съ примыкающимъ къ нему побережьемъ Чернаго и Азовскаго морей (историческая Таврида) занимаетъ исключительное мѣсто въ исторіи еврейской діаспоры. Это—единственный пунктъ Восточной Европы, гдѣ эпиграфически доказано существованіе еврейскихъ общинъ еще въ I вѣкѣ христіанской эры (извѣстные греческіе памятники 80—81 г. о „синагогѣ іудеевъ“ въ Пантикапеѣ, нынѣшней Керчи). Еврейская колонія въ древней Тавридѣ явилась слѣдствіемъ того великаго разселенія грековъ и іудеевъ по всей передней Азіи и сѣверной Африкѣ, которымъ ознаменовалась эпоха Селевкидовъ и Птолемеевъ. Крымская вѣтвь діаспоры находилась въ непосредственной связи съ эллинизированною Малой Азіей, которая съ южнаго берега Чернаго моря издавна смотрѣла на свою сѣверную визави—Тавриду и посылала туда отряды своихъ поселенцевъ еще въ ранніе вѣка персидской универсальной монархіи, въ вѣка классическихъ Аѳинъ и расцвѣта Греціи. Крымъ могъ стать греко-еврейскою колоніей задолго до того, какъ въ Галліи и Германіи появились римско-еврейскія колоніи, ибо греческое разселеніе по извѣстной части Средиземнаго бассейна предшествовало римскому. И правильнымъ со стороны исторической перспективы будетъ противорѣчащій обычнымъ представленіямъ выводъ, къ которому могутъ привести дальнѣйшія раскопки и открытія, а именно: что восточно-европейская діаспора (въ предѣлахъ Крыма и Кавказа) старше западной, что она—современница великой діаспоры временъ Іудейскаго государства.

„Кусокъ Азіи, затерявшійся въ Европѣ“, Крымъ испыталъ участь, во многомъ сходную съ участью народа, къ которому остроумный поэтъ примѣнилъ эту характеристику. Въ теченіе двухъ тысячелѣтій этотъ полуостровъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и великіе перевороты всемірной исторіи оставили въ

немъ свои слѣды. Восемь историческихъ волнъ пронеслись надъ Тавридой, пока ее не поглотилъ девятый валъ—Россія.

I. Древне-греческій періодъ (до I вѣка до христіанской эры).—За шесть вѣковъ до обычной эры, на сѣверномъ берегу Понта Эвксинскаго, тамъ гдѣ онъ соединяется съ Меотидой (Азовскимъ моремъ), въ землѣ тавровъ, сарматовъ и скиѳовъ, показываются первые греческіе выходцы (іонійцы) изъ Малой Азіи. Основываются колоніи, главный экономическій стимулъ которыхъ— вывозъ хлѣба въ Малую Азію и далѣе въ Грецію. Таврида становится житницею Аѳинъ, и рабскій трудъ полудикихъ тавровъ-сарматовъ кормитъ высококультурныхъ гражданъ республики Перикла и Сократа. Аѳины покровительствуютъ тавридскимъ колоніямъ. Возникаютъ города-республики эллинскаго типа, съ мѣстнымъ царемъ или „архонтомъ" во главѣ. Поднимается царство Боспора Киммерійскаго въ пунктѣ пересѣченія Чернаго и Азовскаго морей, съ городомъ Пантикапеемъ (онъ же Боспоръ) въ центрѣ; появляются городскія республики Фанагорія (Тамань), Ольвія, Горгиппія (Анапа), позже Херсонесъ и Ѳеодосія. Геродотъ (V вѣкъ) уже знаетъ Боспоръ и Ольвію. Великое переселеніе грековъ, вызванное завоеваніями Александра Македонскаго, усиливаетъ напоръ переселенцевъ въ Тавриду. Въ III и II вѣкѣ до христ. эры ее втягиваетъ въ сферу своего вліянія монархія Селевкидовъ, гдѣ іудейская діаспора имѣла свои крупные центры. Эллинизированные іудеи Малой Азіи могли переплывать поперечникъ Чернаго моря, чтобы попасть въ страну, откуда вывозился хлѣбъ, гдѣ выростали торговыя факторіи. Такъ могъ возникнуть крайній пунктъ іудеоэллинской діаспоры, въ области сѣвернаго Черноморья, задолго до паденія Іудейскаго государства [1]).

II. Понтскій промежутокъ (80—63 г. до хр. эры).—Послѣ распада Селевкидской монархіи, тавридскимъ Боспоромъ овладѣваетъ царь малоазійскаго Понта, Митридатъ, который тридцать лѣтъ ведетъ войну съ великимъ Римомъ за свободу Азіи.

---

[1]) Свидѣтельства Геродота, Страбона и другихъ писателей объ этомъ періодѣ собраны въ книгѣ Латышева „Scythica et caucasica" (Спб. 1893 и 1896; два тома). Эпиграфика Тавриды въ его же трудѣ: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini (т. I—1885, т. II—1890). Сводка наиболѣе существенныхъ данныхъ по исторіи Крыма — въ книжкѣ Ю. Кулаковскаго: „Прошлое Тавриды", Кіевъ, 1906. Общая историческая перспектива— въ статьяхъ М. Ростовцева: „Боспоранское царство и южно-русскіе курганы" (Вѣст. Европы 1912 г., кн. 6); „Эллинистическая Азія въ эпоху Селевкидовъ" (Научный Историч. Журналъ 1913 г. № 1.).

Изгнанный изъ Понта римскимъ завоевателемъ Помпеемъ, Митридатъ укрѣпляется въ Боспорѣ, но гибнетъ вслѣдствіе измѣны сына, тяготѣвшаго къ Риму. Это было въ тотъ памятный 63-й годъ до христіанской эры, когда Помпей положилъ конецъ независимости Іудеи. Таврида и Іудея одновременно попадаютъ подъ протекторатъ Рима.

III. **Римскій періодъ** (I—IV в. хр. эры).—Больше трехъ столѣтій длится протекторатъ Рима надъ Боспоромъ. Во времена императорскаго Рима цари Боспора изъ туземно-греческихъ династій (Рескупоридовъ и др.) титулуются „друзьями Кесаря и римлянъ“ и часто прибавляютъ къ своему имени римское династическое имя „Тиберій-Юлій“. Іосифъ Флавій, изображая могущество римлянъ (въ извѣстной рѣчи Агриппы II къ іудеямъ, въ 66 г. хр. эры), пишетъ: „Не говорю уже о племенахъ эніоховъ, колховъ и тавровъ, о жителяхъ Боспора и Понта (Чернаго моря) и племени Меотиды (Азовскаго моря), которые.. нынѣ сдерживаются трехтысячной арміей; сорокъ большихъ кораблей обезпечиваютъ миръ и спокойствіе на дикомъ, ранѣе непроѣзжемъ морѣ“ (Bella jud. II, 16.). Слова эти были написаны Іосифомъ Флавіемъ около 75—80 г. христ. эры, а къ 80—81 годамъ относятся греческія надписи на двухъ памятникахъ, найденныхъ въ землѣ древняго тавридскаго Боспора и свидѣтельствующихъ о существованіи тамъ организованной еврейской общины [2]). Надписи удостовѣряютъ совершенный въ молельнѣ актъ освобожденія рабовъ съ обязательствомъ для освобожденныхъ являться въ молельню и отдачею ихъ подъ опеку „синагоги іудеевъ“, т. е. іудейской **общины** (молельня въ этихъ актахъ обозначается греческимъ словомъ „proseuche“, а не „synagoge“, что значитъ общинное собраніе, общество). Если въ I вѣкѣ были уже благоустроенныя еврейскія общины въ Пантикапеѣ, то онѣ несомнѣнно развились изъ первоначальныхъ колоній или торговыхъ факторій, существовавшихъ въ предшествующіе вѣка. Съ другой стороны имѣются указанія на религіозное вліяніе іудаизма въ томъ районѣ и въ слѣдующіе вѣка. Въ пріазовской Танаидѣ сохранились греческія надписи II и III вѣковъ о „чтящихъ всевышняго Бога“—язычникахъ, стоявшихъ на пути отъ Зевса къ Ягве, отъ политеизма къ іудейству

[2]) **Латышевъ**, Inscriptiones II, № 52; Регесты и надписи, т. I, №№ 1—2; Corpus inscriptionum graecarum II, № 2114; **Schürer**, Geschichte d. jüd. Volk. III, 23—24 (4 изд. 1909 г.); **Idem**, Die Juden im Bosporanischen Reiche (Sitzungsberichte d. Berliner Akademie 1897. S. 200—225.).

либо къ христіанству. Надписи Горгиппіи и Фанагоріи съ изображеніемъ семисвѣчника-„меноры“ свидѣтельствуютъ также о еврейской культурѣ въ этихъ областяхъ, гдѣ несомнѣнно находились эллинизированныя, но вѣрныя своей религіи іудейскія общины.

IV. Византійскій періодъ (IV — VII в.). — Подобно тому, какъ эллинизированныя еврейскія общины Малой Азіи, родины апостола Павла, служили очагами распространенія христіанства, такъ и въ общинахъ Тавриды, этой малоазійской колоніи, рано созрѣли всходы новой религіи. Къ концу III вѣка мы уже видимъ въ Херсонесѣ христіанское епископство, вооруженное властью. Проявленіе этой власти привело, повидимому, къ тому возмущенію язычниковъ и іудеевъ противъ херсонесскихъ епископовъ, о которомъ разсказываетъ христіанскій лѣтописецъ подъ 300 годомъ [3]). На Никейскомъ соборѣ присутствуетъ епископъ Боспора, а на соборѣ 381 года—епископъ Херсонеса. Въ это время Таврида вступаетъ въ новую полосу своей исторіи: надъ нею властвуетъ восточный христіанскій Римъ—Византія, близкая къ ней и географически и этнографически, какъ центръ христіанизованнаго эллинизма. На первыхъ порахъ метрополія оставляетъ за колоніей ея былую широкую автономію, но со времени императора Юстиніана вводится непосредственное управленіе провинціей изъ центра (ок. 520—650). Гнетъ надъ евреями въ церковной Византіи гонитъ многихъ въ Тавриду, но и тутъ, повидимому, имъ приходится терпѣть отъ натиска воинствующей церкви. Византійскій хронографъ Өеофанъ (VII вѣкъ), свидѣтельствуетъ о многихъ племенахъ, находящихся въ Фанагоріи „около живущихъ тамъ евреевъ“, какъ племени коренного и многочисленнаго [4]). Обрывки еврейскихъ надгробныхъ надписей IV—VIII в., сохранившіеся въ Тамани и окрестностяхъ, наводятъ на слѣдъ еврейскихъ общинъ [5]). Можно было бы сослаться еще на множество надгробныхъ надписей, подтверждающихъ непрерывность пребыванія евреевъ въ Крыму, по крайней мѣрѣ въ Чуфутъ-Кале (близъ

[3]) Регесты I, № 137.—Къ концу IV вѣка о еврейской діаспорѣ въ Боспорѣ говоритъ св. Іеронимъ въ своемъ толкованіи къ извѣстному стиху пророка Обадіи: גלות ירושלים אשר בספרד, гдѣ онъ послѣднее слово переводитъ, со словъ своего учителя-іудея, именемъ „Боспоръ“. Ibid. № 138.

[4]) Ibid. № 139.

[5]) Хвольсонъ, Сборникъ еврейскихъ надписей (Спб. 1884), стр. 137. 140, 142; Регесты I, №№ 26, 27, 38.

Бахчисарая), съ первыхъ лѣтъ христіанской эры [6]); но этотъ эпиграфическій матеріалъ прошелъ черезъ руки извѣстнаго караимскаго „изслѣдователя" Фирковича, и поэтому пользоваться имъ слѣдуетъ съ большою осторожностью. Надо полагать, что много памятниковъ погибло во время нашествія готовъ, ибо и въ Крыму великое переселеніе народовъ вызвало значительныя измѣненія въ составѣ населенія.

V. Хазарскій періодъ (VII—X в.).—Волна хазарскаго нашествія шла съ Кавказа, черезъ бассейнъ Волги и Дона, къ бассейну Днѣпра. На ея пути лежалъ Крымъ, и восточное нашествіе на время одолѣло здѣсь западное — византійское. Сначала византійское управленіе въ Крыму мирно уживается съ данничествомъ населенія по отношенію къ хазарамъ. Византійское духовенство находитъ среди хазаръ широкое поле для пропаганды христіанства, но скоро встрѣчаетъ противника въ лицѣ іудейства. Борьба религій разыгрывается вокругъ хазарскаго племени: побѣдителей хотятъ духовно покорить и іудеи, и христіане. Обращеніе хазарскаго правящаго класса въ іудейство должно было испортить отношенія между хаганами и византійскими императорами, но ревностные миссіонеры церкви не перестаютъ работать надъ обращеніемъ хазарскихъ массъ. Отсюда—сказанія о хожденіи Кирилла и Меѳодія къ хазарамъ и о спорахъ этихъ миссіонеровъ съ „іудеями, хулившими христіанскую вѣру". Византійскіе церковники мечтали и объ обращеніи тавридскихъ іудеевъ, и патріархъ Фотій пишетъ въ IX вѣкѣ епископу Боспора: „Если еще и іудеевъ, тамъ живущихъ, ты плѣнишь въ послушаніе Христу, я отъ всей души буду привѣтствовать плоды такихъ прекрасныхъ надеждъ [7]). Въ эту эпоху еврейское населеніе Тавриды увеличилось притокомъ новыхъ элементовъ. Хазарская волна занесла туда евреевъ изъ странъ восточнаго халифата: Персіи и Вавилоніи. Надъ древнимъ пластомъ іудео-греческой діаспоры наслоился средневѣковый пластъ изъ странъ мусульманскихъ, изъ центровъ экзилархата и гаоната. Идутъ въ Крымъ и приверженцы устнаго ученія и вновь народившіеся сектанты-караимы; послѣдніе, можетъ быть, уже тогда находятъ здѣсь убѣжище въ особомъ городѣ и сливаются съ тою частью хазаръ, которая исповѣдуетъ іудейство также въ его упрощенной формѣ. Большіе торговые пути вели изъ

---

[6]) Фирковичъ, אבני זכרון, (Вильна 1872); Хвольсонъ, н. с.; Регесты, №№ 4—133.

[7]) Регесты. I, №№ 140—144.

Кавказа черезъ Крымъ въ славянскія земли, и купцы часто останавливались въ „еврейскомъ Самкершѣ“ (Тамань или Керчь) и близлежащихъ пунктахъ [8]). Перешедшія въ русскія лѣтописи преданія о византійцахъ и евреяхъ, являвшихся къ русскому князю Владиміру для обращенія его въ христіанство либо іудейство, связаны съ Херсонесомъ, старымъ церковнымъ гнѣздомъ Тавриды, гдѣ издавна шла борьба двухъ религій. „Жидове козарстіи“ русскихъ лѣтописей шли несомнѣнно изъ этихъ старыхъ гнѣздъ. Не успѣли они въ своей миссіи: одолѣли византійцы, точнѣе—политическіе интересы, толкнувшіе и Византію и Кіевскую Русь къ союзу, залогомъ котораго было крещеніе Руси. И плоды союза не замедлили сказаться на судьбахъ хазарскаго Крыма: ударъ, ранѣе нанесенный русскимъ хазарамъ на Волгѣ (при Святославѣ), повторился скоро въ Херсонесѣ, завоеванномъ Владиміромъ для византійцевъ (989). Въ началѣ XI вѣка крымская „Хазарія“ терпитъ крушеніе подъ ударами союзныхъ Руси и Византіи. Но скоро византійская культура тонетъ въ волнѣ нашествія варваровъ.

VI. Періодъ варваровъ (XI — XIII в.). — На окраинахъ Тавриды ютятся завоеватели: византійцы въ Херсонесѣ, руссы въ Тамани — Тмутаракани, а внутри страны хозяйничаютъ орды печенѣговъ и половцевъ (кумановъ). Волна варварства смываетъ насажденія былой культуры. Отголоски еврейской жизни еще доносятся въ темныхъ сказаніяхъ греческой церкви. Въ 1096 г. — годъ перваго крестоваго похода — какой то монахъ Евстратій, взятый въ плѣнъ половцами, былъ проданъ въ рабство корсунскому (херсонесскому) еврею и умерщвленъ; за это византійскій императоръ изгналъ изъ Корсуня всѣхъ евреевъ, которые торговали христіанскими рабами [9]). Спустя 80 лѣтъ, путешественникъ рабби Петахія проѣхалъ и черезъ Хазарію (Крымъ), и черезъ прилегающія къ ней „земли кедаровъ“, на восточной границѣ полуострова; въ землѣ кедаровъ — авангарда будущаго татарскаго нашествія — онъ нашелъ только евреевъ-сектантовъ, по описанію тождественныхъ съ караимами [10]).

[8]) Свидѣтельства арабскихъ писателей IX и X вѣковъ, см. Регесты № 145 сл.

[9]) Регесты I, № 166.

[10]) Путешествіе р. Петахіи—въ кн. „Три еврейск. путешественника X и XII в. (Спб. 1881); ср. Регесты № 175.

VII. Періодъ татарскій и генуэзскій (XIII—XV в.). — Татарское нашествіе, на многіе вѣка рѣшившее участь Крыма, не отрѣзало полуострова отъ цивилизованнаго міра. Посреди владѣній татаръ утвердилась на два столѣтія (1266—1475) автономная колонія Генуэзской республики съ центромъ въ городѣ Кафѣ (Ѳеодосія). Крымъ пріобщился къ міровой торговлѣ Италіи, и коммерческіе корабли непрерывно бороздили море между Генуей и Кафой, проходя черезъ византійскіе Дарданеллы. Итальянцы, греки, евреи и армяне наполняли Кафу и прилегающія мѣста южнаго берега Крыма, и правительство Генуэзской республики неоднократно предписывало управлявшимъ крымской колоніей консуламъ соблюдать начала вѣротерпимости по отношенію къ этому разноплеменному населенію. Если вѣрить показанію путешественника Шильтбергера, посѣтившаго Крымъ между 1394 и 1427 г., въ Кафѣ жили евреи „двухъ родовъ" (очевидно, раббаниты и караимы), имѣвшіе двѣ синагоги и около 4000 домовъ, — населеніе, весьма внушительное по своей численности. Великій кризисъ Византіи — взятіе Константинополя турками — поколебалъ и генуэзскую колонію Крыма. Турки дѣлали генуэзцамъ затрудненія въ плаваніи черезъ проливы. Правительство Генуэзской республики уступило свою кафскую колонію Банку св. Георгія въ Генуѣ (1455). Новое управленіе принялось водворять порядокъ въ колоніи и устанавливать нормальныя отношенія между населявшими ее племенными группами [11]; но дни культурнаго оазиса въ Крыму были уже сочтены. Въ 1475 г. Кафа взята была турками, и на всемъ полуостровѣ установилось турецко-татарское владычество.—Въ собственно-татарскихъ владѣніяхъ Крыма въ ту эпоху также находились значительныя еврейскія общины. Въ старой столицѣ татарскихъ хановъ, Сулхатѣ (Эски-Крымъ), процвѣтаютъ въ XIII вѣкѣ двѣ общины — еврейская и караимская; близъ новой столицы, Бахчисарая (съ 1428 г.), растетъ караимская община Чуфутъ-Кале (Іудейская скала). Надгробныя надписи этой эпохи слѣдуетъ признать большею частью подлинными даже въ коллекціи Фирковича. Населенный евреями Крымъ посылаетъ уже своихъ переселенцевъ въ Литву, гдѣ въ концѣ XIV вѣка ихъ принимаетъ подъ свое покровительство великій князь Витовтъ; образуются

[11]) „Евреи въ Генуэзской Кафѣ". Евр. Стар. 1912 г., стр. 66 сл.; Регесты №№ 185, 189.

крымскія колоніи въ Трокахъ и Луцкѣ, снабженныя широкими привилегіями [12]).

VIII. Періодъ татарско-турецкій (1475—1783).— Остатки прежней еврейско-итальянской культуры еще проявляются въ первые годы этого періода. Московскій великій князь Иванъ Васильевичъ III въ переговорахъ съ ханомъ Менгли-Гиреемъ пользуется посредничествомъ кафскаго еврея Кокоса и вообще даетъ ему разныя порученія (1474—86). Еврей итальянскаго происхожденія Захарія Гвизольфи, носящій титулъ „таманскаго князя", приглашается Иваномъ III на службу въ Москву (1484—89) [13]). Но постепенно западная имиграція вытѣсняется польско-литовскою и турецкою; постоянныя сношенія между Крымомъ и Польшею съ одной стороны и суверенной Турціей съ другой—привлекаютъ на полуостровъ и польскихъ ашкеназовъ и турецкихъ сефардовъ изъ среды испано-португальскихъ изгнанниковъ. Иные попадаютъ туда среди плѣнныхъ, увозимыхъ татарами во время своихъ „мирныхъ" набѣговъ на Литву. Такъ складываются три элемента еврейскаго населенія: 1) евреи-раббаниты изъ Польши и Литвы, 2) тѣ же-изъ Италіи и Испаніи (ядро „крымчаковъ); 3) караимы—мѣстные и пришельцы изъ Турціи. На всѣ эти элементы постепенно наводится лоскъ татарской культуры; татарскій языкъ дѣлается обиходнымъ языкомъ крымскихъ евреевъ. Ханскіе ярлыки (привилегіи) обезпечиваютъ свободу еврейскихъ общинъ. Въ Кафѣ, Мангупѣ, Карасубазарѣ, Чуфутъ-Кале и другихъ городахъ находятся значительныя общины; Мангупъ—„неприступный городъ въ Крымскихъ горахъ, населенъ евреями" (по свидѣтельству географа отъ 1625 года). Выдѣляются люди науки, сѣятели духовнаго просвѣщенія: литовецъ рабби Моше Гагола въ XVI в., крымчакъ р. Давидъ Лехно въ первой половинѣ XVIII в. и др. [14]). Тихо прозябаетъ старая крымская колонія между

---

[12]) Гаркави, приложеніе къ דברי ימי ישראל Греца-Рабиновича, IV, 46; Фирковичъ, אבני זכרון; Neubauer, Aus d. Petersb. Bibliothek (1866), 123, 142 etc.; Русско-евр. Архивъ I, №№ 2, 3.

[13]) Регесты I, №№ 193—204; Jewish Encyclopedia VI, 107; Евр. Энц. VI, 216

[14]) Регесты I, №№ 594, 774, 1051; Фирковичъ, Сборникъ караимскихъ грамотъ (Спб. 1890); Кацъ, לקורות היהודים ברוסיא (Берлинъ 1899), стр. 44-52; Дейнардъ, משא קרים (Вар. 1878). 180, 189 и др.; Гаркави, Altjüd. Denkmäler a. d. Krim (Спб. 1876); idem, אבני זכרון ч. II, 15; חרשים גם ישנים, и друг. Коррективомъ къ показанію географа де-Люка отъ 1625 г. служитъ показаніе его современника, итальянца д'Асколи, что въ началѣ XVII в. въ Мангупъ-Кале жило скудное населеніе изъ грековъ, турокъ, евреевъ и что

сефардской Турціей и ашкеназской Польшей, до нашествія новой исторической силы: съ 1783 г. Крымъ превращается въ россійскую провинцію, въ часть Таврической губерніи.

II.

Памятники Мангупъ-Кале (XIV—XVIII в.).

Изъ предыдущаго бѣглаго обзора мы вправѣ заключить, что еврейская жизнь не прекращалась въ Тавридѣ въ теченіе двухъ тысячелѣтій. Въ этомъ дивномъ уголкѣ земли, ровесникѣ Іудеи греко-римскихъ временъ, долгими вѣками ткалась нить діаспоры; въ ткани вѣковъ сплетались востокъ и западъ, Персія и Греція, Хазарія и Византія, Татарія и Италія, Польша и Турція, старая и новая Русь. Болѣе или менѣе скудныя литературныя указанія, подтверждающія этотъ выводъ, мы имѣемъ почти для всѣхъ эпохъ; эпиграфическія же свидѣтельства, наиболѣе достовѣрныя, сохранились лишь въ памятникахъ древнихъ эпохъ и новыхъ; средняя полоса — почти все тысячелѣтіе отъ византійскаго до татарскаго періода — лишена еврейскихъ памятниковъ съ безспорными датами. Эту пустоту пытался заполнить караимскій изслѣдователь Авраамъ Фирковичъ, но сдѣлалъ это такъ, что совершенно спуталъ границы подлинннаго и поддѣльнаго въ памятникахъ.

Этотъ своеобразный ученый предпринялъ свои историческія изысканія подъ вліяніемъ толчка извнѣ. Въ 1839 г. Новороссійскій генералъ-губернаторъ Воронцовъ потребовалъ отъ караимскаго хахама въ Евпаторіи отвѣта на рядъ вопросовъ, имѣвшихъ цѣлью выяснить происхожденіе караимовъ, причины выдѣленія ихъ изъ еврейства, время ихъ поселенія въ Крыму и т. п. Караимскіе общественные дѣятели усмотрѣли въ этихъ вопросахъ скрытое намѣреніе правительства отнять у караимовъ дарованное имъ при Екатеринѣ II гражданское равноправіе, если выяснится, что они принадлежатъ къ той же вѣтви еврейскаго племени, откуда произошли іудеи-талмудисты или раббаниты. Подъ этимъ вліяніемъ страха за будущее, уполномоченный караимами Фирковичъ приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ о прошломъ своего племени. И скоро выросла цѣлая коллекція древ-

послѣдніе занимались выдѣлкою кожъ (главная профессія нынѣшнихъ крымчаковъ). По его же словамъ, въ Кафѣ имѣлись двѣ синагоги, „по одной на каждую народность" (раббанитовъ и караимовъ). См. Записки Одес. Общ. Древностей, т. 24, отд. 2, стр. 121 —.

нихъ рукописей и надписей на манускриптахъ Библіи, изъ коихъ явствовало, что караимы суть потомки выходцевъ не изъ Іудейскаго, а изъ Израильскаго царства, что ихъ предки за много вѣковъ до христіанской эры прибыли изъ Персіи въ Крымъ, будучи такимъ образомъ непричастны ни къ суду іудеевъ надъ Христомъ, ни къ устному ученію, основѣ Талмуда,— словомъ, что караимы и по религіи и по національности имѣютъ лишь весьма отдаленное касательство къ іудеямъ. Грубые историческіе промахи въ документахъ, открытыхъ Фирковичемъ, не бросались сразу въ глаза, ибо терялись въ массѣ весьма правдоподобныхъ свѣдѣній; но позже стали обнаруживаться слѣды поддѣлокъ въ собранномъ матеріалѣ. Тогда Фирковичъ обратился къ обработкѣ эпиграфическаго матеріала, подлинность котораго трудно заподозрить: къ надгробнымъ надписямъ. Тысячи еврейскихъ надписей съ памятниковъ Чуфутъ-Кале, Мангупъ-Кале, Сулхата и другихъ мѣстъ были скопированы, и среди нихъ оказалось свыше сотни, относящихся къ первому тысячелѣтію христіанской эры, начиная съ 6-го года по Р. Х. Ученые (Хвольсонъ и др.) сначала ухватились было за этотъ историческій кладъ, какъ и за прежнія открытія Фирковича, но скоро выяснилось, что и надгробныя надписи несвободны отъ поддѣлокъ въ буквахъ, опредѣляющихъ даты документовъ, что посредствомъ передѣлки одной какой либо буквы или частицы ея на камнѣ можно было превратить позднюю дату въ раннюю, съ разницею на нѣсколько вѣковъ или даже цѣлое тысячелѣтіе (акад. Куникъ, Гаркави и др.). Горячій споръ, длившійся до 80-хъ годовъ, склонилъ наконецъ вѣсы въ сторону опороченія многихъ документовъ Фирковича, но безъ точнаго разграниченія подлиннаго и поддѣльнаго матеріала [15]).

Мы такимъ образомъ вновь очутились въ потемкахъ. Изъ всей коллекціи надписей Фирковича можно признать достовѣрными только тѣ, которыя относятся къ татарскому періоду и отчасти къ двумъ предшествовавшимъ вѣкамъ, начиная съ XI-го. Но гдѣ же памятники хазарскаго и византійскаго періодовъ? Отвѣтъ на этотъ волнующій историка вопросъ могутъ

[15]) Не касаясь здѣсь подробностей спора и предоставляя себѣ въ другой разъ вернуться къ спеціальному обсужденію этого вопроса, я пока ограничусь только указаніемъ на самую существенную литературу: Фирковичъ. אבני זכרון. (Вильно, 1872); Гаркави. Altjüdische Denkmäler aus d. Krim (Спб., 1876); Хвольсонъ, Corpus inscriptionum (Спб. 1882) и „Сборникъ еврейскихъ надписей“ (Спб. 1884); Дейнардъ. משא קרים (Варш. 1878).

дать только дальнѣйшія изысканія, въ особенности систематическія раскопки, производимыя съ чисто-научною цѣлью.

Вотъ почему такъ радостно встрѣчена была мною вѣсть о предпринятыхъ въ Мангупъ-Кале, по иниціативѣ А. Я. Гидалевича (Севастополь), новыхъ раскопкахъ съ цѣлью обнаруженія наиболѣе старыхъ надгробныхъ памятниковъ. Осенью 1912 и осенью 1913 г. А. Я. Гидалевичъ доставилъ комитету Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества свыше 60 эстампажей (оттисковъ) съ надгробныхъ памятниковъ Мангупъ-Кале, съ 17-ю фотографическими снимками, какъ результатъ работъ на мѣстномъ кладбищѣ, производившихся лѣтомъ 1912 и 1913 г.г. въ связи съ изслѣдованіями крымскаго археолога Р. Х. Леппера. Въ приложенномъ къ этому матеріалу описаніи, между прочимъ, сообщалось:

„Въ 15 верстахъ отъ Бахчисарая, бывшей столицы крымскихъ хановъ, на высокой, кажущейся недоступной, скалѣ, находятся развалины, основанной по мнѣнію историковъ въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х., древней готской столицы Мангупа.

„Не смотря на недоступность города, жители, населявшіе его, воздвигли вокругъ всей почти скалы толстыя высокія стѣны со многими башнями. Судя по величинѣ раскапываемыхъ нынѣ храма и дворца и многочисленныхъ развалинъ разнообразныхъ зданій, Мангупъ былъ многолюднымъ городомъ; согласно описаніямъ Палласа, Клерке, Кеппена и другихъ изслѣдователей Крыма. Мангупъ былъ населенъ наиболѣе іудеями. Многія развалины почти уже сравнялись съ землею. Встрѣчающіяся мѣстами группы фруктовыхъ деревьевъ и сирени указываютъ на процвѣтавшее здѣсь садоводство. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются группы памятниковъ византійскихъ, армянскихъ, татарскихъ и проч., на которыхъ совершенно не сохранилось надписей. Еврейское же кладбище, расположенное между первой и второй городской стѣной, занимаетъ большое пространство, на которомъ находятся многочисленные памятники. Мѣстность, гдѣ находится кладбище, называется Т а б а н ъ-Д е р е, т. е. долина кожевниковъ, потому что въ верхней части долины въ скалахъ высѣчены бассейны, въ которыхъ евреи-крымчаки вырабатывали кожи; даже послѣ того, какъ крымчаки покинули свои жилища въ Мангупѣ, послѣ покоренія Крыма Екатериной, они ежегодно приходили сюда въ извѣстное время года выдѣлывать въ этихъ бассейнахъ кожу, объясняя, что свойство воды Мангупа самое подходящее для выработки кожъ. Крымчаки-евреи до сихъ поръ преимущественно занимаются кожевеннымъ производствомъ, унаслѣдовавъ вѣроятно это занятіе отъ своихъ предковъ, населявшихъ Мангупъ.

„Древнее еврейское кладбище, расположенное по обоимъ склонамъ Табанъ-Дере, занимаетъ довольно большое простран-

ство, сплошь покрытое памятниками, на большей части которыхъ сохранились надписи съ различными начертаніями буквъ, смотря по времени постановки памятниковъ. Видъ кладбища въ настоящее время весьма печальный. Многіе памятники сдвинуты съ первоначальныхъ мѣстъ ихъ постановки; часть ихъ свалена въ кучи, и между ними много разбитыхъ. Прежніе владѣльцы Мангупа смотрѣли на эти памятники какъ на удобный строительный матеріалъ и употребляли ихъ на постройки. Не очень давно еще старый владѣлецъ построилъ изъ памятниковъ огромный бассейнъ, вмѣщающій тысячъ десять ведеръ воды. Форма памятниковъ весьма разнообразна: одногорбые, двугорбые, со Stella'ми, т. е. приставными плитками, гробообразные, мавританскіе и др.; всѣхъ формъ десять. Самые распространенные состоятъ изъ прямыхъ плитъ громадной величины, вѣсъ которыхъ достигаетъ до ста пудовъ. По мнѣнію изслѣдователей это самые древніе—9 и 10 в.в., а можетъ быть еще древнѣе, такъ какъ надписи на многихъ изъ нихъ уже исчезли или же совершенно не разборчивы. На нѣкоторыхъ памятникахъ высѣчены символическіе знаки и украшенія. Въ послѣдній день раскопокъ удалось обнаружить нѣсколько памятниковъ, совершенно скрытыхъ въ землѣ съ хорошо сохранившимися, благодаря этому, надписями. Подобно памятникамъ въ Чуфутъ-Калѣ, и на Мангупѣ встрѣчаются памятники съ надписями, вѣроятно, нѣсколько измѣненными. Чтобы убѣдиться въ томъ, что на мѣстѣ расположенія еврейскаго кладбища не производились погребенія и другихъ народовъ, были вскрыты нѣсколько могилъ, но кромѣ черепковъ отъ битой посуды готскаго періода, ничего не найдено, за исключеніемъ конечно скелета, положеннаго на самой скалѣ. Судя по гвоздямъ, найденнымъ въ могилѣ и лежавшимъ въ правильномъ порядкѣ, надо полагать, что покойниковъ хоронили въ гробахъ. Въ одной изъ могилъ обнаруженъ деформированный черепъ, на подобіе встрѣчающихся при раскопкахъ въ Херсонесѣ; по объясненію завѣдывающаго раскопками Р. Х. Леппера, погребенія эти относятся къ VI вѣку по Р. Х. Въ другой могилѣ въ зубахъ покойника обнаружена монета конца XV вѣка, царствованія крымскаго хана Менгли-Гирея. Въ самомъ Мангупѣ, по сосѣдству съ крѣпостной стѣной и башней, находятся развалины древней синагоги; по кладкѣ стѣнъ надо полагать, что первоначальный размѣръ впослѣдствіи былъ увеличенъ" [16]).

---

[16]) Въ первой коллекціи доставленныхъ г. Гидалевичемъ, вмѣстѣ съ эстампажами, фотографическихъ снимковъ оказались: №№ 1-й 2-й: развалины синагоги; 3, памятникъ Евфросиніи (см. дальше); 4, группа памятниковъ; 5, двугорбый памятникъ; 6, бассейны; 7, часть кладбища; 8, плита съ греческой надписью; 9, часть скалы Мангупа; 10, видъ на долину съ Мангупа; 11, развалины замка.—Вторая коллекція (1913 г.) содержитъ шесть фотографическихъ снимковъ памятниковъ съ надписями, большею частью очень ясными, дающими возможность провѣрить соотвѣтствующіе эстампажи,– какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

По поводу вновь открытыхъ еврейскихъ памятниковъ, въ печати сообщалось предположеніе, что они относятся приблизительно къ XI—XII вѣку и имѣютъ связь съ обнаруженными г. Лепперомъ во время тѣхъ же раскопокъ христіанскими памятниками съ греческими надписями византійской эпохи [17]).

Разобранныя мною по эстампажамъ и фотографическимъ снимкамъ надписи на памятникахъ не оправдали ожиданій относительно такихъ, сравнительно раннихъ, датъ [18]). Изъ 50 разобранныхъ надписей только одна помѣчена ה׳ ק׳ מ׳ ז׳, т. е. 1387 годомъ (№ 1): 36 надписей относятся къ XVI, XVII и XVIII вѣкамъ, отъ 1505 ло 1730 года; на 13 надписяхъ даты не удалось установить даже приблизительно. Около 15 надписей изъ нашей коллекціи встрѣчаются также у Фирковича (אבני זכרון, 211—16); изъ нихъ большинство совпадаетъ болѣе или менѣе въ текстахъ и датахъ, но нѣкоторыя надписи у Фирковича, при сходствѣ текстовъ, рѣзко отступаютъ отъ нашихъ въ датахъ (на 600 лѣтъ раньше), что даетъ намъ возможность провѣрить пріемы копированія караимскаго изслѣдователя. Несмотря на то, что наша первая научная добыча еще не ввела насъ въ глубь наиболѣе интересующихъ насъ загадочныхъ эпохъ, она однако и сама по себѣ имѣетъ важное историческое значеніе, и предвѣщаетъ возможность дальнѣйшихъ, болѣе существенныхъ, открытій. Я передамъ здѣсь вкратцѣ результаты разбора упомянутыхъ двухъ коллекцій надписей.

Фирковичъ былъ настолько счастливъ въ своихъ поискахъ, что нашелъ въ Мангупѣ 27 надгробныхъ памятниковъ отъ 866 г. до 1356 г. (אבני זכרון, стр. 211—213). Намъ такое счастье не выпало на долю. Старѣйшій памятникъ въ доставленной намъ коллекціи датированъ, какъ уже сказано, 1387 годомъ. Онъ гласитъ (и въ оттискѣ, и въ фотографіи):

מצבת קבורת
אפרוסיני בת
יוסף שנת
ה׳ ק׳ מ׳ ז׳

(Памятникъ погребенія Ефросиніи, дочери Іосифа, въ 5147 году). Буквы, обзначающія дату, довольно ясны въ оттискѣ (въ фото-

[17]) См. Историч. Вѣстникъ 1912 г., кн. XI, стр. 886 („Извѣстія").

[18]) Зимою 1913 года я читалъ на Курсахъ Востоковѣдѣнія спеціальный курсъ по исторіи евреевъ въ Тавридѣ съ практическими занятіями, состоявшими въ разборѣ первой коллекціи этихъ надписей, сличеніи ихъ съ надписями Фирковича и т. п. Недавно доставленная мнѣ 2-я коллекція надписей разобрана мною при содѣйствіи слушателя Курсовъ И. С. Лурье.

графіи менѣе ясны), и нужно обладать уже чрезмѣрнымъ скептицизмомъ, чтобы допустить для второй буквы ר или ש вмѣсто ק, т. е. 1487 или 1587 вмѣсто 1387 г. Сравнительно большая древность этого памятника подтверждается (если не считать доказательствомъ, что чтеніе его у Фирковича—№ 28—вполнѣ согласуется съ нашимъ) слѣдующими данными: 1) надъ первою строкою памятника красуется орнаментъ—звѣзда, не встрѣчающійся на прочихъ памятникахъ; 2) имя Евфросинія и вообще греческія имена не встрѣчаются въ остальныхъ памятникахъ, начинающихся съ XVI вѣка [19]). Изъ этого я заключаю, что данный памятникъ дѣйствительно относится къ концу XIV вѣка, т. е. къ генуэзскому періоду, когда греческія и итальянскія имена были въ большомъ употребленіи у евреевъ Тавриды.

Далѣе идетъ у насъ перерывъ въ 118 лѣтъ. Дата ближайшаго памятника—1505 годъ, да и она подлежитъ сомнѣнію въ виду неясности буквы, обозначающей сотни, могущей при иномъ—менѣе вѣроятномъ—чтеніи дать дату 1705 г. (см. ниже въ приложеніи, № 2). Слѣдующія даты—1549 (неясно), 1552, 1555—находятся на болѣе или менѣе дефектныхъ памятникахъ (№№ 3—5). Болѣе четки остальныя даты XVI вѣка (№№ 6—14), гдѣ ясно начертаны годы 1568, 1582, 1584, 1586, 1589, 1596, 1598. При сличеніи трехъ датъ съ копіями Фирковича я нашелъ ключъ къ одному изъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ этотъ „изслѣдователь“ превращалъ позднія даты въ раннія. Два памятника 1598 года (№№ 14—15) фигурируютъ у Фирковича (въ его колекціи №№ 11—12) подъ 998 г., такъ какъ онъ въ первой буквѣ-цифрѣ даты ставитъ ת вмѣсто ה и получаетъ ד'אלפים תשנ"ח (ибо въ шестой тысячѣ эта дата 1998 г. еще не достигнута) вмѣсто ה'אלפים שנ"ח, какъ дѣйствительно слѣдуетъ читать, выгадавъ такимъ образомъ 6 столѣтій. На нашемъ оттискѣ одного памятника (№ 14) замѣтны даже слѣды „обработки“: ножка въ первой буквѣ даты ה'ש'נ'ח' нѣсколько удлинена до очертаній ת, между тѣмъ какъ дата השנ"ח (1598) ясно доказывается одинаковостью шрифта и прочихъ особенностей на обоихъ памятникахъ этой даты. Точно также Фирковичъ умудрился превратить текстъ нашего памятника № 9 (אסתר בת ר'יצחק שנפטרה ב... אדר שנת השמ"ד) въ два памятника, изъ которыхъ при одинаковомъ текстѣ одинъ датированъ 984,

[19]) Имя „Евфросинія“ имѣется въ надписи на свиткѣ Торы отъ 939 г. въ коллекціи Фирковича, но дата сомнительна. См. Neubauer, н. с. стр. 135.

а другой 1584 годомъ, при помощи измѣненія въ сочиненномъ двойникѣ השמ״ד въ תשמ״ד (Ф. №№ 7 и 44) [20]).

Къ третьей, самой многочисленной группѣ относятся памятники XVII вѣка (№№ 16—30), а къ четвертой—XVIII вѣка (№№ 31—37). Среди нихъ встрѣчаются нѣкоторыя съ обширномъ текстомъ, расположеннымъ съ трехъ сторонъ памятника—спереди и съ двухъ боковъ (№№ 24, 36, 37). Послѣдніе ясно датированные памятники относятся къ 1728 г., а съ менѣе отчетливой датой—къ 1730 г. Всѣ остальныя надписи (№№ 38—50) выдѣлены мною въ разрядъ бездатныхъ или съ неразобранными датами (вслѣдствіе дефектовъ на самихъ памятникахъ или въ оттискахъ).

Первый вопросъ, который является при обзорѣ этихъ памятниковъ, это—еврейскіе-ли они или караимскіе? Для второго предположенія, поддерживаемаго по отношенію къ мангупскому кладбищу Фирковичемъ, я не нахожу достаточныхъ данныхъ. Большая часть именъ покойниковъ въ надписяхъ общи евреямъ и караимамъ; это—библейскія имена: Авраамъ, Ицхакъ, Ааронъ, Илія, Іосифъ, Нетанель, Іеремія, Сара, Эстеръ. Противъ караимскаго имени Іафетъ (№ 35) имѣется талмудическое Нахманъ (№ 23). Отатаренныя женскія имена караимовъ, изобилующія въ памятникахъ караимскаго Чуфутъ-Кале (Гулафъ, Элтенкизъ, Салтанъ и др.), крайне рѣдко попадаются на мангупскихъ памятникахъ. Кромѣ вышеупомянутой „Евфросиніи" изъ генуэзскаго періода, мы встрѣчаемъ лишь пару инородныхъ женскихъ имени, да и то въ нечеткихъ надписяхъ: Таптаръ (№ 2), Цамора или Муратъ (17), Эльтеки (48),—что можно приписать и крымчакамъ, также достаточно отатареннымъ. Одна только надпись наводитъ насъ на мысль о караимскомъ происхожденіи памятника: это—№ 32, отъ 1704 года, гдѣ о покойникѣ пишется, что онъ (Исахаръ или Іешуа бенъ Самуилъ) прибылъ изъ города Эличэ, т. е. Галича, и состоялъ учителемъ и „хазаномъ" въ Мангупѣ. Городокъ Галичъ, въ нынѣшней Галиціи, былъ издавна гнѣздомъ караимовъ, и данный памятникъ, вѣроятно, поставленъ надъ могилой караимскаго ученаго. Но это отнюдь не доказываетъ, что все кладбище было караимское. Въ Мангупѣ XVI—XVIII вѣковъ жили и крымчаки и караимы, и послѣдніе могли имѣть свой участокъ на кладбищѣ, гдѣ впослѣдствіи, какъ сообщаетъ г. Гидалевичъ, стерлись всѣ границы и даже смѣшались памятники, сдвинутые изъ своихъ мѣстъ. Судя по

[20]) Предположенія о такихъ поддѣлкахъ Фирковича сдѣланы еще д-ромъ Гаркави въ „Altjüdische Denkmäler aus d. Krim", p. 61 и 189. Наши данныя подтверждаютъ это по аутопсіи, насколько можно судить по оттискамъ и снимкамъ.

характеру надписей, я склоненъ думать, что въ Мангупѣ евреи-крымчаки численно не уступали караимамъ. Надо еще помнить, что крымчаки той эпохи имѣли сильную примѣсь сефардскую, чѣмъ и можно объяснить восточно-сефардскую орѳографію именъ, сходную съ караимскою: אליא, יאודא и т. п.

Не намѣреваясь въ этой статьѣ исчерпать археологическій анализъ нашей коллекціи надписей, я резюмирую пока лишь свои общіе выводы: 1) данная группа памятниковъ относится къ татарско-турецкому періоду, за исключеніемъ одного, который можетъ быть отнесенъ къ предшествующему татарско-генуэзскому періоду; 2) памятники, принадлежащіе какъ евреямъ-крымчакамъ, такъ и караимамъ, могутъ въ связи съ имѣющимся матеріаломъ пролить свѣтъ на исторію крымчаковъ; 3) въ тѣхъ частяхъ, гдѣ нашъ матеріалъ совпадаетъ съ тѣмъ, который былъ полвѣка назадъ использованъ Фирковичемъ, мы получаемъ возможность провѣрки пріемовъ этого „ученаго" и оцѣнки значенія прочихъ собранныхъ имъ матеріаловъ.

Но это—только скромное начало предстоящей намъ большой работы по раскрытію историческихъ тайнъ Тавриды. Необходимо энергично продолжать случайно начатыя раскопки и придать этой работѣ характеръ планомѣрный, систематическій. Мы пока открыли только одинъ уголокъ стараго Крыма, мы коснулись только верхнихъ пластовъ историческихъ реликвій, но мы должны идти дальше, копать глубже, пока не доберемся до болѣе древнихъ пластовъ еврейско-хазарскаго и византійскаго періодовъ. На длинномъ историческомъ пути еврейской Тавриды у насъ имѣются рѣдкія вѣхи—эпиграфическія и литературныя; надо идти по этимъ вѣхамъ, изслѣдовать путь во всѣхъ направленіяхъ, отъ временъ античной Греціи до послѣднихъ столѣтій. Задача трудная, но заманчивая для историка, котораго притягиваютъ темныя глубины прошлаго, открытыя въ древность. Будемъ работать съ надеждою, что раньше или позже мы разрѣшимъ въ еврейской исторіи двухтысячелѣтнюю загадку Крыма.

Приложеніе *).

№ 1. 1387 г. (Фот. 3; Фирк. № 28).

מצבת קבורת אפרוסיני בת יוסף שנת ה'ק'מ'ז'.

№ 2. 1505 г. (?)

וציון זה על קבר מ' (?) שפטר (?) הבתולה ב'כ' יצחק ז"ל נפטר' ביו' :' ד' לאלול ה'ר'ס'ה' (התס"ה ?).

№ 3. 1549 г. (?)

ז'א'ת' ה'מ'צ'ב'ה'... יוסף בן כ'ר' יצחק ה'... שנת הש"ט (הש"פ ?) ליצי(רה).

№ 4. 1552 г. (?).

מצבת... נפטר (?) קבורת... שנת השי"ב (?).

№ 5. 1555 г. (?)

. . . . שט"ו (?) ליצירה תנצב"ה.

№ 6. 1561 (? Фирк. № 41).

זאת המצבה של כ'ר' ישועה בן כ'ר' אלי' נפטר יום... אב שנת השכ"א (הש"פ ?) ליצירה.

№ 7. 1568 г. (Фот. 14. Фирк. № 40—1554 г.).

...ה'מצבה על קברת מ' אסתר בת כ"ר אליה שנת ה'ש'כ'ח' תנצב"ה.

№ 8. 1582 г.

וזאת המצבה של יצחק הקטן ב'כ'ר' אליה נ'ב'ת' שנפטר ביו' ד' ג' לטבת שנת ה'ש'מ'ב' ליצירה.

№ 9. 1584 г. (Фирк. № 7 и 44).

(אסתר) בת ר' יצחק שנפטרה ב... לאדר שנת ה'ש'מ'ד' ליצירה תנצב"ה

№ 10. 1585 г.

זאת המצבה של יצחק ב'כ' נתנאל ז"ל נפטר יום... ב' לחדש תשרי ה'ש'מ'ו' (תנצ)בה.

№ 11. 1586 г.

מצבת שרה... וכ...ל שנת ה'ש'מ'ו'.

№ 12. 1589.

זאת המצבה של אליהו בן כ'ר' יוסף ז"ל נפטר יום ד' לחש' אדר ה'ש'מ'ט' ליצירה.

---

*) Здѣсь мы печатаемъ еврейскіе подлинники надписей на надгробныхъ памятникахъ Мангупъ-Кале, размѣщая ихъ не по строкамъ оригинала, а полными строками. Современемъ мы надѣемся воспроизвести и оттиски и фотографическіе снимки памятниковъ. При нумерѣ каждой надписи по эстампажу указаны по русски ея дата, а также № фотографическаго снимка и копія ея у Фирковича (אבני זכרון, стр. 211—216) тамъ, гдѣ параллели имѣются. Въ нечеткихъ мѣстахъ ставится предполагаемое чтеніе или вопросительный знакъ въ скобкахъ. Многоточіе обозначаетъ пропуски въ мѣстахъ, не поддающихся разбору. Въ прямыхъ скобкахъ указаны дополненія по Фирковичу.

№ 13. 1596 г.

...יצחק (?) ז״ל נ׳ ל׳ שבת (שבט ?) שנת ה׳ש׳נ׳ו׳ תנצב״ה.

№ 14. 1598 г. (Фирк. № 11—998 г.).

מצבת קבורת לוי ב׳כ׳ר אהרן שנת ה׳ש׳נ׳ח׳ תנצב״ה.

№ 15. 1598 г. (Фирк. № 12—998 г.).

מצבת קבורת שרה בת אליה שנת ה׳ש׳נ׳ח׳ תנצב״ה.

№ 16. 1603 г.

מצבת קבורת... (יצחק ?) שנת השסג (השס״ו, השפ״ו ?).

№ 17. 1605 г. (Фирк. № 16—1008 г.)

הציון הלז של מ׳ צמורה (מורט ?) אשת שמואל נפטרה ביום ג׳ ה׳ש׳ס׳ה׳ הנצב״ה.

№ 18. 1606 г. (?)

מצבת קבורת (אברהם ?) בינה (?) ב׳כ׳ משה שנת ה׳ש׳ס׳ו׳ (השט״ו ?) תנצבה.

№ 19. 1608 или 1613 г. (Фирк. № 48).

וזאת המצבה של כ׳ר׳ צדוק המשכיל ז״ל ב״כ אברהם זקן נ״ע שנפטר יום ה׳ בירח בול שנת ה׳ש׳י׳ב׳נ׳ו׳ ליצירה*).

№ 20. 1621 г. (Фотогр. № 17).

הציון הלז ש... אליא נ״ע בכ״ר אברהם הזקן ז״ל שנפטר ביום ב׳ א לכסליו בשנת ו׳ש׳ל׳מ׳ו׳ ימי אבלך [שפ״ב].

№ 21. 1621 (Фот. № 17).

הציון הלז של אברהם הכמן בכ״ר אליא ה(זקן) נ״ע שנפטר יום ג׳ ב׳ לכסליו בשנת ה׳ש׳פ׳ב׳ ליצירה.

№ 22. 1526 г.

...(בת ?) יצחק... ז״ל נפטרה ביום... יז׳ לניסן שנת ל׳א׳ י׳ע׳ר׳כ׳נ׳ה׳ זהב ליצירה.

№ 23. 1648 (или 1657 г.).

הציון הלז של יצחק הזקן והיקר ב׳כ׳ר׳ נחמן ז״ל נפטר ביום ד׳ ו׳ לתמוז שנת ה׳ת׳ח׳ (התי״ז ?) ליצירה תנצב״ה.

№ 24. 1667 (Фот. № 16).

זאת המצבה של מ׳ א(סתר) כייבא (?) בת כ׳ר׳ אליא ב... הזקן אשת ר׳ שלמה כובי (?)... נפטרה ביום א׳ יח׳ לתמוז התכ״ז תנצב״ה. אוי לנשמה הלכה בל(י) מה׳... בן בת מש׳... תוך העפרים עובר (?) לאמה בכיה עצומה ה... תוך החדרים אכן ברב ימים... זכר ושם טוב הזכה גם טוב תוך הכשרים.

№ 25. 1671 г. (?)

הציון הלז של כ׳ר׳... הזקן... שבתי שנפ׳ ביום כו׳ לכסליו ה׳ת׳ל׳ב׳(?).

№ 26. 1672 г. (?)

זה ציון על קבר אשה צ... אל... בת כ״ר אליה ירושלמי... ז״ל נפטר... לחודש כ׳(ב ?) אדר שנת ה׳ת׳ל׳ב׳ (?) נבת.

---

*) Выходитъ ה׳שס״ח (1608) или שע״ג (1613 г.), въ зависимости отъ того, причислимъ-ли мы первую букву ה къ суммѣ, или будемъ считать ее знакомъ для указанія тысячелѣтія ה׳ אלפים

№ 27. 1673 г. (Фирк. № 57—1676 г.).

וציון זה על קבר יצחק הכהן ב׳כ׳ר׳ אברהם הכהן זצל נפטר ביום יג׳ לניסן שנת ה׳ת׳ל׳ג׳.

№ 28. 1677 г. (Фот. 12).

... של... הנעים ילד שעשועים שמואל בן כ׳ר׳ שם... הנכבד... שנפטר ביום... לכסלו ה׳ת׳ל׳ח׳.

№ 29. 1687 г. (Фот. 12).

הציון הלז של התלמיד הוק׳ שמואל בן כ׳ר׳ שכתי הנכבד יצ״י שנפטר ביו׳ ג׳ יא׳ לכסלו ה׳ת׳מ׳ח׳.

№ 30. 1699 г. (Фот. 16).

הציון הלז הוקם על קבר כ׳ר׳ אברהם... שבתי... נפטר ביו... לאב בשנת ה׳ת׳נ׳ט׳...

№ 31. 1702 г. (1682?) (Фот. 16).

הציון הלז שהוקם ז׳ל קבר יעקב הלוי ז׳ל ב׳כ׳ר׳ דוד הלוי ז׳ל נפט־ ביום ה׳ י״ז לאייר שנת ה׳ת׳ס׳ב׳ (ההמ״ב?).

№ 32. 1704 г. (Фирк. № 60).

הציון הזה הוקם על קבר איש משכיל וירא אלקים כ׳ר׳ ישכר (ישועה?) הענו ב׳כ׳ה׳ר׳ שמואל הזקן ז״ל שבא מעליץ לק״ק קהל מנגופ יצ״ו ולקח אשה ולמד עשרים וששה שנ... [נערים ועשה חזנות ובע׳ הג׳ ב״ה נפטר ממגפת הדבר ביו׳ א׳ ב׳ חשון] שנת ה׳ת׳ס׳ה׳ ליצירה.

№ 33. 1712 г. (Фирк. № 62).

הציון הזה הוקם על קבר איש נבון ודעת וחכמה מדותיו יפים ונא[ים] מנזע [חכמים] ושועים וירא אלקים וסר מרע כ׳ר׳ אברהם החכם [החזן המלמד] ז״ל בכ״ר יעקב החכם... הזקן נפטר ביום ה׳ י״ב (?) לתש(רי) שנת (ה׳ת׳)ע׳ג׳.

№ 34. 1726 г.

הציון הלז הוק׳ על קבר כ״ר יאודא הזקן בכ״ר אליא הנכבד (?) הנ... קן ז״ל נפטר ביום ג׳ (?) לחורש זיו (?) שנת ה׳ת׳פ׳ו׳ נב״ת.

№ 35. 1728 г. (Фирк. № 63).

הציון הלז הוק׳ על קבר כ״ר יפת בכ״ר יאודא היקר הנכבד הזקן ז״ל נפטר ביום ל׳ טבת בשנת ה׳ת׳פ׳ח נב״ת.

№ 36. 1728 г. (Фот. 15; Фирк. № 64).

...עלה לרום המעלות הרמות איש זקן ונשוא פנים [אהוב] לכל [בריות] ולאלהיו נכבד בתוך קהל כשושנים אב הוא לעניים ובנימן כהן בצדק הוא ברוב, אונים בן הוא לכ״ר יצחק כהן עליון תמים בדורותיו וכפנינים יום ב׳ ו׳ תמו פטירתו בפרט ל׳ה׳ב׳נ׳ו׳ת׳ לקץ שנים נפשו צרורה בצרור חיים תהא כצדיקים גם רוזנים שנת התפ״ח*).

№ 37. 1530 г. (?).—Фирк. № 23—1163 г.).

ציון אשר הוקם על איש תם ישר וגם (?) הוא טוב... זקן ונשוא פנים

---

*) Конечная дата התפ״ח согласуется съ пунктированной датой ,ל׳ה׳ב׳נ׳ו׳ת׳ только въ случаѣ, если ה отнести къ обозначенію тысячелѣтія.

במשפחתו משכים ומעריב הפלתו והיה (?) יאודא הוא שמו נקרא כ״ר מרדכי... זקן בתפארת... כ׳ ביח (?) תמוז יהיתה שנת ה׳ת׳צ׳ (?) בפטרתו ונפשו בטוב תלין.

№ 38.

הציון הלז של מ... נחמה בת ר׳ ירמיה ז״ל שנפטרה ביו׳ ג... שנת אניש ואיש (?)*)... ליצירה.

№ 39.

... זאת המצבה של מ׳ אסתר... נפטרה יום... בטעות (בטבת? לש׳... ש״ח לפ״ק (?) ליצ(ירה).

№ 40.

מצבה הלז הוקם על קבר איש תם וישר ירא אילהם וסר מרע כ״ר יוסף היקר בכ״ר בנימין הזקן ז״ל.

№ 41.

... זאת מצבה... של... בר׳... מיכאל...

№ 42.

מצבת קב׳... בת יצחק...

№ 43.

מצבה הזאת של אסתר בת ר׳ אברהם ז״ל נפטרה יום ה׳ שנת ו׳מ׳מ׳**) אסתר עושה לפ״ק.

№ 44 ***).

... נפטרה יום וגם (?)... לפ״ק.

№ 45.

הציון הלז של... הקטן ב״ר (?) נפטר יום... תשרי...

№ 46.

... יעקב ז״ל... שנת...

№ 47.

... של... הקטן ב״ר... נחמן זקן... נפטר יום... תשרי... שנת...

№ 48.

המצבה הזאת של מרת... אלטעקי... בת כ״ר׳ שבתי ז׳(ל) נפטרה ביום ילחדש... שנת ה׳... ומר... קל...

№ 49.

. . . . . אליה . . . . שלות . . . . . .

№ 50.

. . . . אהרן ז״ל . . . .

С. Дубновъ.

---

*) Не сокращенiе ли это библейскаго стиха (Псал. III, 9) ?אני שכבתי ואישנה

**) Очевидная абревiатура ואת מאמר מרדכי, согласно Кн. Эсеири II, 20.

***) Въ могилѣ подъ этимъ памятникомъ найдена татарская монета.

Общественныя настроенія „эпохи великихъ реформъ“.

I.

Къ концу 50-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія Одесса стала крупнымъ центромъ еврейской интеллигенціи. Этому въ значительной степени способствовали благопріятныя условія развитія южнаго портоваго города, имѣвшаго съ первыхъ же десятилѣтій своего возникновенія оживленныя торговыя сношенія съ европейскими государствами. Еврейская община здѣсь образовалась изъ разнородныхъ элементовъ. Тотчасъ по возникновеніи Одессы, съ конца XVIII вѣка, туда стали стекаться выходцы изъ еврейскихъ общинъ Польши и Литвы, а также изъ странъ запада, которые искали счастья въ новомъ краѣ. Въ одесской еврейской жизни всегда наблюдались характерныя черты, свойственныя всякому общежитію, которое создается путемъ эмиграціи: отсутствіе глубокихъ корней въ старой культурѣ и склонность быстро усваивать новыя, главнымъ образомъ, внѣшнія формы современной культуры.

І. И. Тарнополь въ своей французской брошюрѣ объ одесскихъ евреяхъ, появившейся въ 1855 г., свидѣтельствуетъ, что знаменитый николаевскій указъ о запрещеніи носить патріархальную еврейскую одежду, съ которымъ польское и литовское еврейство такъ долго и упорно боролось, возымѣлъ очень быстрое дѣйствіе въ Одессѣ. Чуть-ли не въ теченіе трехъ дней послѣ опубликованія указа, большая часть одесскихъ евреевъ поспѣшила переодѣться въ европейскій или полуевропейскій костюмъ. При этомъ Тарнополь увѣряетъ, что это переодѣваніе совершилось не только подъ давленіемъ извнѣ, но и по внутреннему влеченію къ европейской цивилизаціи. Но нужно полагать, что для широкой еврейской массы главное значеніе тутъ имѣлъ принудительный характеръ этой мѣры, ибо тотъ же авторъ констатируетъ, что многіе одесскіе евреи „изъ массы“ старались сшить себѣ такое

платье, которое отчасти было бы похоже на старую одежду и въ то же время не шло бы въ разрѣзъ съ требованіями правительства [1]). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что „реформа“ одежды не встрѣтила въ Одессѣ большого противодѣйствія. О. Лернеръ считаетъ это явленіе, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, характернымъ для всего Новороссійскаго края. „Любопытно, говоритъ онъ, что въ то время, какъ въ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ евреи всячески добивались сохраненія прежняго покроя подъ тѣмъ или другимъ видомъ и осаждали высшую администрацію сотнями ходатайствъ въ этомъ направленіи, во всемъ Новороссійскомъ краѣ нашлись только четыре еврея, обнаружившихъ приверженность къ старинѣ“, т. е. хлопотавшихъ, чтобы имъ разрѣшили донашивать старую одежду [2]).

Заимствованіемъ внѣшняго лоска европейской цивилизаціи часто и ограничивалось усвоеніе новой культуры высшими кругами одесскаго еврейскаго общества, среди котораго въ то же время сталъ развиваться и большой индифферентизмъ къ старой еврейской культурѣ. Уже Тарнополь, рисуя бытъ одесскихъ евреевъ 40-ыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, жалуется, что еврейская молодежь, преимущественно изъ состоятельнаго класса, воспринимаетъ только внѣшній обликъ цивилизаціи и становится чуждой всему еврейскому [3]).

Однако, на ряду съ подобными явленіями въ Одессѣ начался гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ еврейскихъ центрахъ, процессъ проникновенія въ еврейскую среду новыхъ идей и новыхъ знаній. Австрійскіе выходцы,—такъ называемые „бродскіе евреи“,—поселившіеся въ Одессѣ въ первыя же десятилѣтія ея существованія, по своему сравнительно высокому культурному уровню, играли большую роль въ развитіи одесской еврейской общины. Основанная ими въ 1826 г. свободная школа, пользовавшаяся въ теченіе 25 лѣтъ полнымъ самоуправленіемъ и независимостью отъ администраціи (только въ 1856 г. она была превращена въ казенное училище), служила разсадникомъ интеллигентныхъ силъ, которыя уже къ сороковыхъ годамъ стали чувствовать живую потребность въ расширеніи своихъ гражданскихъ правъ для лучшаго использованія своихъ знаній.

---

[1]) I. Tarnopol, „Notices historiques et caracteristiques sur les israélites d'Odessa“, Одесса, 1855, стр. 168.

[2]) Лернеръ, „Евреи въ Новороссійскомъ краѣ“, Одесса, 1901, стр. 65.

[3]) „Notices historiques“ etc. 96—97.

Какъ извѣстно, д-ръ Лиліенталь, вызвавшій въ Литвѣ вражду къ своей миссіи казеннаго просвѣщенія, встрѣтилъ очень радушный пріемъ въ Одессѣ. Устроенное имъ тамъ (осенью 1842 г.) совѣщаніе представителей мѣстной еврейской общины вполнѣ ясно и опредѣленно формулировало требованіе о расширеніи правъ евреевъ. Этотъ мотивъ звучалъ и на совѣщаніи въ Минскѣ, — въ возраженіяхъ противниковъ д-ра Лиліенталя; но въ Одессѣ этотъ пунктъ вылился въ обстоятельную докладную записку, покрытую многочисленными подписями и врученную д-ру Лиліенталю, который въ свою очередь передалъ ее тогдашнему Новороссійскому генералъ-губернатору М. С. Воронцову. Эта записка, извлеченная изъ архива еще О. Лернеромъ, нѣкоторымъ образомъ освѣщаетъ и настроенія одесской еврейской интеллигенціи 50-хъ годовъ. Не лишнимъ будетъ по этому привести оттуда пару выдержекъ.

Подписавшіе докладную записку ходатайствуютъ о томъ, „чтобы вмѣстѣ съ нравственнымъ преобразованіемъ евреевъ улучшить также ихъ гражданскій бытъ“, такъ какъ „безъ вещественныхъ правъ и преимуществъ, какими пользуются сыны Россіи, и наука, и искусство, и просвѣщеніе обратятся въ пагубу потомкамъ древняго Якова“... „Что должно ожидать впередъ,—говорится дальше въ запискѣ,—когда вслѣдствіе предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ число образованныхъ людей непомѣрно возрастетъ, а средства къ употребленію пріобрѣтенныхъ знаній на пользу отечеству, согражданамъ и лично себѣ останутся въ такомъ же, какъ и теперь, ограниченномъ кругу? Тогда пріобрѣтенное просвѣщеніе неминуемо должно обратиться имъ на пагубу, ибо вмѣсто того, что нынѣ единовѣрцы наши при теперешнихъ своихъ понятіяхъ, не сознавая, можетъ быть, въ себѣ призыва къ высшей степени въ гражданскомъ обществѣ, терпѣливо переносятъ заслуженное или незаслуженное горе и униженіе, тогда, напротивъ, въ полномъ сознаніи собственнаго достоинства, они тѣмъ сильнѣе почувствуютъ угнетающую тягость своего положенія, и мѣра злополучія ихъ будетъ переполнена“ [1]).

II.

Въ 50-хъ годахъ, въ особенности же къ кануну „эпохи великихъ реформъ“, все усиливается среди одесской еврейской интеллигенціи и образованной части купечества движеніе въ сторону

[1]) Лернеръ, „Евреи въ Новорос. краѣ“. 41.

эмансипаціи, сближенія съ окружающимъ населеніемъ и внутреннихъ реформъ. Этому благопріятствовали и общія вѣянія новаго времени, и специфически мѣстныя условія Новороссійскаго края, гдѣ евреи въ первую половину 19-го столѣтія не испытывали въ такой степени гнета правовыхъ ограниченій, какъ въ остальной области „черты". Отъ высшей новороссійской администраціи даже исходили ходатайства о смягченіи участи еврейскаго населенія. Какъ извѣстно, единственный голосъ русскаго администратора, опредѣленно выступившаго противъ пресловутаго проекта „разбора" евреевъ, принадлежалъ новороссійскому ген.-губернатору Воронцову (1843 г.), а въ 1858 г. его преемникъ гр. Строгановъ представилъ въ высшія сферы докладную записку объ общемъ уравненіи евреевъ въ правахъ съ русскимъ населеніемъ [1]).

Экономическій уровень еврейскаго населенія въ южныхъ губерніяхъ былъ также значительно выше, чѣмъ въ Литвѣ и Польшѣ, гдѣ Новороссія долгое время считалась обѣтованной страной. Въ особенно же благопріятныхъ условіяхъ находилось еврейское купечество въ Одессѣ, которое сыграло огромную роль въ торгово-промышленномъ развитіи этого города. Здѣсь евреи еще съ начала 19-го столѣтія избирались гласными дореформеннаго городского управленія и членами коммерческихъ судовъ и участвовали въ выборахъ городского головы [2]). Благодаря оживленнымъ торговымъ сношеніямъ и необходимости постоянно обращаться въ различныя административныя учрежденія, въ высшихъ кругахъ еврейскаго общества въ Одессѣ стало все больше распространяться знаніе русскаго языка, который еще въ 50-хъ годахъ оставался чуждымъ не только еврейской массѣ, но и большей части еврейской интеллигенціи, воспитанной на древне-еврейской и нѣмецкой литературѣ.

Тарнополь въ вышецитированной французской монографіи (стр. 183) насчитываетъ 13 одесситовъ-евреевъ, которые къ тому времени (1855 г.) опубликовали какія нибудь литературныя работы. Изъ нихъ только трое писали по русски, остальные—по древне-еврейски, по нѣмецки, французски и итальянски. Это вполнѣ гармонировало съ общимъ многоязычіемъ, господствовавшимъ тогда въ Одессѣ. Но уже къ концу 50-хъ годовъ въ Одессѣ образовался небольшой кругъ еврейскихъ читателей русскихъ изданій.

[1]) Ibid. 47; Дубновъ, въ „Восходѣ" 1901 г., № 5, стр. 15—19 Ю. Гессенъ въ „Пережитомъ" т. I, 146—150.

[2]) Гессенъ. „Евреи въ Россіи". 261.

Все чаще „Одесскій Вѣстникъ" (который въ началѣ 30-хъ годовъ издавался и на русскомъ, и на французскомъ языкѣ [1]) начинаетъ печатать статьи изъ еврейской жизни, мѣстной и краевой, удовлетворяя, очевидно, потребностямъ своихъ еврейскихъ подписчиковъ, и удѣляетъ вниманіе даже синагогальному вопросу, волновавшему умы въ Одессѣ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Впрочемъ, и другіе языки, еврейскій и иностранные, продолжаютъ культивироваться въ одесской еврейской общинѣ. Нѣмецкій языкъ оставался языкомъ преподаванія въ школѣ, будучи господствующимъ въ средѣ „бродскихъ евреевъ". Древне-еврейскій языкъ вскорѣ пріобрѣлъ органъ для своего выраженія въ лицѣ одесскаго „Гамелица", печатавшаго въ первое время и нѣмецкій текстъ. Позже сдѣлана была редакціей „Гамелица" попытка заговорить и на языкѣ народной массы — „жаргонѣ" („Kol Mewasser"). Наконецъ, французскій „Journal d'Odessa" также одно время удѣлялъ мѣсто полемикѣ по синагогальному вопросу, имѣя повидимому въ виду и своихъ еврейскихъ читателей.

Одно обстоятельство быстро привлекло вниманіе еврейскаго образованнаго общества къ русской журналистикѣ Это — новое отношеніе къ еврейскому вопросу, которое стало завоевывать себѣ мѣсто въ русской публицистикѣ, въ связи съ общими освободительными идеями. Русская литература дореформенной эпохи оставалась чуждой еврейской интеллигенціи не только по основнымъ мотивамъ своей поэзіи, беллетристики и литературной критики, слишкомъ далекимъ отъ переживаній и умственныхъ запросовъ еврейскаго интеллигента-ешиботника, но и вслѣдствіе того юдофобства, которое часто въ ней проявлялось. Новыя слова, слова терпимости и состраданія къ угнетеннымъ, на языкѣ, на которомъ еврейство слышало до тѣхъ поръ только грозные приказы администраціи и брань юдофобовъ, казались совершенно необычайными въ еврейской средѣ.

Въ одной изъ самыхъ раннихъ своихъ статей, которая появи-

---

[1]) Въ началѣ 20-ыхъ годовъ въ Одессѣ издавалась коммерческая газета по французски „Messager". Попытка издавать ее и на русскомъ языкѣ не имѣла никакого успѣха: хотя полиціймейстеръ самъ собиралъ подписку, но больше пяти подписчиковъ онъ не нашелъ. „Всѣ остальные, заявляетъ редакція „Messager", отозвались, что они черезъ евреевъ-факторовъ такъ же хорошо получаютъ свѣдѣнія о торговлѣ, какъ изъ нашей газеты". („О періодическихъ изданіяхъ въ Одессѣ". Од. Вѣстн. № 1. 1858 г.).

лась въ 1848 году въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, подъ заглавіемъ „По поводу добраго слова“, О. А. Рабиновичъ передаетъ впечатлѣніе еврейскихъ читателей, впервые услышавшихъ доброе слово со столбцовъ русскаго журнала (въ статьѣ „Прежнее и нынѣшнее положеніе евреевъ въ Европѣ“, напечатанной въ „Иллюстраціи“ за тотъ же годъ). Съ какимъ опасеніемъ приступили они къ чтенію этой статьи, ожидая встрѣтить обычныя юдофобскія выходки, и какъ они были поражены, когда вмѣсто ходячихъ упрековъ въ „вѣроломствѣ, сребролюбіи, трусости, фанатизмѣ“, они услышали трезвый голосъ, доказывавшій, что евреи даже имѣютъ свои особенныя національныя добродѣтели и, шагая впередъ съ вѣкомъ, такъ же способны на все великое и прекрасное, какъ и всѣ образованные народы! Рабиновичъ, приведя эту мысль русскаго автора, не находитъ словъ, чтобы выразить свой восторгъ по этому поводу, такъ какъ, говоритъ онъ, „съ нами впервые заговорили такимъ языкомъ“. [1])

Необходимо проникнуться духомъ той эпохи, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить слѣдующее мѣсто изъ той же статьи: „Какъ сирота, повсюду толкаемый и унижаемый, при первомъ сострадательномъ словѣ, въ недоумѣніи вперяетъ прослезившійся взоръ въ своего благодѣтеля,—такъ мы, привыкшіе съ давнихъ поръ въ литературѣ русской встрѣчать слово „еврей“, „жидъ“ нераздѣльно съ фальшивой монетой, контрабандой, шинкарствомъ, не вѣрили собственнымъ глазамъ при чтеніи статьи, въ которой о насъ разсуждаютъ кротко, по человѣчески“.

Спустя 10 лѣтъ, наканунѣ 60-ыхъ годовъ, человѣческій языкъ по отношенію къ евреямъ сталъ раздаваться все чаще на страницахъ русской журналистики, и это производило огромное впечатлѣніе на еврейскихъ читателей. Каждая статья, трактовавшая какую нибудь еврейскую тему, вызывала сенсацію среди еврейской интеллигенціи. Ее читали и перечитывали, взвѣшивали каждое слово, комментировали каждую мысль. Это можно заключить по той оживленной полемикѣ, которая велась на столбцахъ „Одесскаго Вѣстника“ (1858 г.) по нѣкоторымъ вопросамъ еврейской жизни, и по неоднократному комментированію въ той же газетѣ другихъ статей по еврейскому вопросу, появившихся въ нѣкоторыхъ столичныхъ органахъ печати,—въ „Рус. Вѣстникѣ“, „Рус. Инвалидѣ“, „Современникѣ“. А. Дума-

[1]) „Одесскій Вѣстникъ“ 1848 г. № 34; см. Собр. соч. Рабиновича, III, 103 сл.

шевскій, одинъ изъ одесскихъ русско-еврейскихъ литераторовъ, также свидѣтельствуетъ о „жадности и вниманіи, съ которыми евреи читаютъ все явившееся въ русскихъ журналахъ о евреяхъ, особенно въ новѣйшее время“ [1]).

По мѣрѣ увеличенія числа еврейскихъ читателей русскихъ газетъ и журналовъ, стали выступать и первые русско-еврейскіе публицисты, увлеченные той же перемѣной фронта по еврейскому вопросу въ русскомъ обществѣ. Центромъ этихъ піонеровъ была Одесса, гдѣ еще до возникновенія „Разсвѣта“ подвизались въ русской литературѣ О. А. Рабиновичъ, І. И. Тарнополь, А. Б. Думашевскій, П. Лякубъ и др. Это также было совершенно новымъ явленіемъ: до того времени русское общество не привыкло слышать серьезныя рѣчи о евреяхъ, да еще отъ еврейскихъ писателей. До тѣхъ поръ еврейская интеллигенція въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей знала литературу, главнымъ образомъ, для цѣлей внутренней пропаганды и на языкѣ, доступномъ только евреямъ. Рамки литературы „гаскалы“ ограничивались восхваленіемъ просвѣщенія и обновленіемъ древне-еврейскаго языка. Къ концу 50-хъ годовъ впервые возникла среди представителей еврейской интеллигенціи потребность во внѣшней пропагандѣ—среди русскихъ читателей. Но русская столичная журналистика была очень далека отъ центровъ еврейской интеллигенціи, сосредоточивавшейся тогда почти исключительно въ чертѣ осѣдлости. И тутъ на помощь пришла провинціальная газета въ лицѣ „Одесскаго Вѣстника“. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала гуманисту Н. И. Пирогову, бывшему тогда (1858 г.) попечителемъ одесскаго учебнаго округа.

III.

„Одесскій Вѣстникъ“, созданный въ 1828 г. по инициативѣ Новороссійскаго генералъ-губернатора гр. Воронцова, долгое время находился подъ вліяніемъ мѣстной администраціи и высшихъ круговъ одесскаго общества, въ которомъ большую роль играли греки. Но въ 1858 г. газета перешла, при главномъ содѣйствіи Пирогова, въ руки его кружка, состоявшаго изъ молодыхъ профессоровъ Ришильевскаго лицея, изъ которыхъ А. Георгіевскій и А. Богдановскій стали оффиціальными и фактическими редакторами „Одесскаго Вѣстника“. Близко къ этому кружку стояли и нѣкоторые представители еврейскаго общества. Это была первая

---

1) „Рус. Инвалидъ“, 1859 г. № 75.

попытка сближенія между передовыми группами русской и еврейской интеллигенціи. Впрочемъ, еще въ 1849—1850 г. О. А. Рабиновичъ сблизился съ кружкомъ одесскихъ литераторовъ, издававшихъ сборники „Литературные вечера", гдѣ печатались первые разсказы Рабиновича [1]).

При новой редакціи широкій доступъ туда получили и представители мѣстной еврейской интеллигенціи. Вскорѣ, когда на страницахъ „Одес. Вѣстника" (въ томъ же 1858 г.) открылась полемика на тему: кто стоитъ выше въ умственномъ отношеніи, евреи или караимы,—редакція, между прочимъ, писала: „Принявши на себя редакцію „Од. Вѣстн.", мы приглашали къ участію въ немъ всѣхъ, кому есть что сказать во всеуслышаніе; и что-же?—на нашъ призывъ тотчасъ отозвалось множество евреевъ и ни одного караима." Изъ этого же редакціоннаго заявленія мы узнаемъ, что въ составъ сотрудниковъ вошли евреи: Березкинъ, Бурксеръ, Вейнбергъ, Думашевскій, Лякубъ, О. Рабиновичъ, Тарнополь, Шапиро, Чудновскій и др. [2]) И, дѣйствительно, въ теченіе 1858 г. на страницахъ „Одесскаго Вѣстника" появился рядъ статей по еврейскому вопросу, изъ которыхъ иныя вызвали благопріятные отклики и въ столичной печати.

Въ первыхъ выступленіяхъ русско-еврейскихъ публицистовъ уже отчасти намѣтились тѣ задачи, которыя поставили себѣ потомъ первые органы русско-еврейской журналистики: внутреннее „очищеніе" и просвѣщеніе евреевъ, борьба за эмансипацію, сближеніе съ окружающимъ населеніемъ и защита противъ юдофобской печати.

Первая статья по еврейскому вопросу въ обновленномъ „Одесскомъ Вѣстникѣ" (въ № 10) принадлежала О. А. Рабиновичу. Эта статья („О Мошкахъ и Іоськахъ") вызвала къ себѣ отрицательное отношеніе въ нѣкоторой части еврейской интеллигенціи. Въ стремленіи Рабиновича исправить имена евреевъ многіе видѣли пустую забаву, неумѣстную въ такой важный моментъ. А тѣ „Іоськи и Мошки", которые прислушивались къ шуму, вызванному этой статьей, считали ее насмѣшкой надъ собой и укоризненно спрашивали: „Развѣ онъ (авторъ статьи) не еврей?" Объ этомъ подробно разсказываетъ намъ А. Думашевскій въ томъ же „Одес. Вѣстникѣ", въ своей полемикѣ съ Рабиновичемъ.

---

1) Соч. О. А. Рабиновича, предисловіе къ III т., стр. IX и сл.; „Вѣкъ", одесскій историческій альбомъ изд. 1894 г., стр. 104; „День" 1869 г № 7: „Письмо въ редакцію" О. А. Рабиновича.

2) „Од. Вѣстникъ" 1858 г.. № 139.

„Какъ!—восклицаетъ Думашевскій. Тысячи братьевъ нашихъ—эти же Мошки и Іоськи—лежатъ въ моральномъ и умственномъ оцѣпенѣніи, не принимая никакого участія въ великомъ торжествѣ человѣческаго разума; тысячи другихъ, подъ наружнымъ лоскомъ европеизма, являютъ намъ печальную картину нравственнаго безобразія, а мы станемъ заниматься какой-то пустой забавой?“ Онъ хочетъ вѣрить, что „просвѣщенные соплеменники не оставятъ въ пустынѣ поверженныхъ минувшей грозой братьевъ нашихъ“. „О нѣтъ! общими силами станемъ пробуждать ихъ отъ усыпленія, братскимъ дыханіемъ вдохнемъ въ нихъ новую жизнь и сдѣлаемъ ихъ способными и достойными вступить въ родную семью европейскихъ народовъ. Станемъ же дружно приближать оцѣпенѣлыхъ братьевъ нашихъ къ благотворному вліянію просвѣщенія: они растаютъ предъ этимъ живительнымъ свѣтиломъ, подобно воску передъ лучами солнца,—и тогда они примутъ и форму и имя, какія вамъ угодны“. „Не бойтесь тогда ихъ гнѣва! [1]). Они не разсердятся на васъ; но, пробужденные братскимъ зовомъ нашимъ отъ вѣкового сна своего, они бодро пойдутъ по тому обширному поприщу, которое открываетъ намъ благое правительство наше, имѣющее право гордиться своей справедливостью и терпимостью“ [2]).

Эта вѣра въ правительство, готовившееся къ великимъ реформамъ, раздѣлялась тогда всей русской журналистикой. Но увѣренность въ силѣ еврейской интеллигенціи далеко не соотвѣтствовала ея значенію въ дѣйствительной жизни. Среди еврейскихъ массъ, сплоченныхъ своей старой культурой и чувствовавшихъ свое нравственное превосходство передъ образованными „отщепенцами“, еврейская интеллигенція конца 50-ыхъ годовъ была еще совершенно одинокой, безсильной и безпомощной, не встрѣчая сочувствія и поддержки и внѣ еврейскаго міра. И тотъ же А. Думашевскій, выставляя требованіе эмансипаціи, исходитъ при этомъ, прежде всего, изъ интересовъ еврейской образованной молодежи, переживающей тяжелую трагедію. Еврейскій интеллигентъ стремится „къ свѣту“, „къ сліянію“ съ новымъ обществомъ. „Но стой!—кричитъ ему на встрѣчу общество—ты не нашъ гражданинъ, мы не принимаемъ тебя въ свою

1) О. А. Рабиновичъ въ своей ст. „О Мошкахъ и Іоськахъ“ выражаетъ опасеніе, что „Мошки и Іоськи“ разсердятся на него. Болѣе ранняя его статья о синагогальной реформѣ, напечатанная въ „Од. Вѣстн.“ навлекла на него гнѣвъ ортодоксовъ. (Соч. Рабиновича III. Предисловіе).

2) „Од. Вѣстн“. 1858, № 25.

среду: образованіе, хотя университетское, дало тебѣ **права почетнаго гражданства**, но не дало тебѣ **правъ гражданства**. Ступай къ своимъ Мошкамъ и Беркамъ: съ ними и между ними живи; между нами тебѣ нѣтъ мѣста!" „Убитый, уничтоженный,—продолжаетъ Думашевскій,—герой нашъ идетъ къ прежнему обществу своему; но оно говоритъ ему: между нами живутъ Берки, Іоськи, Мошки; ты же Мозесъ или Моисей; между нами тебѣ нѣтъ мѣста,—ступай къ своимъ". Тогда съ сокрушеннымъ сердцемъ, съ глубоко уязвленной душой, онъ идетъ отыскивать своихъ Бернгардовъ, Іосифовъ, Мозесовъ; но увы! они столько же несчастны и отверженны, какъ и онъ; они могутъ доставить ему только удовольствіе выплакать скорбь свою на ихъ братской груди". Только эмансипація, по мнѣнію нашего автора, освободитъ ихъ отъ этого безвыходнаго положенія, доставитъ имъ возможность примѣнять свои силы на различныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни [1]). Онъ предвидитъ возраженія противниковъ эмансипаціи, ссылающихся на „невѣжество" и „обособленность" еврейской массы. Но онъ проситъ снисхожденія къ „отсталымъ" евреямъ. „Не должны-ли мы, говоритъ онъ, смотрѣть на нихъ, какъ на нравственно-больныхъ и заботиться объ ихъ исцѣленіи? Не должны ли мы сближаться съ ними вмѣсто того, чтобы ожидать, пока они придутъ къ намъ? Да! этого требуетъ отъ насъ Богъ, совѣсть и священныя права человѣчества. Иначе чѣмъ мы лучше этихъ меньшихъ братьевъ нашихъ? Не заботьтесь объ ихъ гражданскихъ добродѣтеляхъ: „гражданская свобода рождаетъ гражданскія добродѣтели" [2]).

Въ такомъ же духѣ высказывались и другіе представители еврейской интеллигенціи на страницахъ „Одесскаго Вѣстника". Но больше всего шуму вызвала знаменитая статья Н. И. Пирогова „Одесская Талмудъ-Тора", появившаяся тамъ въ 1858 г. (№ 26). О евреяхъ, правда, въ статьѣ было сказано немного. Н. И. Пироговъ воспользовался своимъ посѣщеніемъ одесской талмудъ-

[1]) А. Б. Думашевскій, въ періодъ его выступленія въ „Од. Вѣстн.", былъ еще юношей, бѣдствовалъ въ Одессѣ, перебиваясь уроками въ талмудъ-торѣ. Впослѣдствіи передъ нимъ открылись широкіе горизонты научной работы и государственной дѣятельности. Но помѣшало ему еврейство: онъ не былъ допущенъ къ профессурѣ, а потомъ, достигнувъ поста оберъ-секретаря 3-го департамента сената, не могъ по той же причинѣ двигаться дальше. (Евр. Энцикл. т. VII).

[2]) „Од. Вѣст". № 145.

торы, о состояніи которой онъ вынесъ очень хорошее впечатлѣніе, чтобы призвать русское общество къ распространенію просвѣщенія и созданію благотворительныхъ обществъ. Этой темѣ и посвящена большая часть статьи. Но необычайнымъ казалось тогда констатированіе попечителемъ учебнаго округа положительныхъ чертъ еврейства, какъ любовь къ просвѣщенію, благотворительность и т. п. И прогрессивные русскіе журналы, „Современникъ". „Русскій Вѣстникъ", „Русскій Инвалидъ", откликнувшись на статью Пирогова (какъ и на нѣкоторыя другія статьи „Одес. Вѣстника" по еврейскому вопросу), поставили въ порядокъ дня вопросъ о еврейскомъ безправіи. Когда же въ „Иллюстраціи" въ томъ же году и въ связи съ этими разговорами о евреяхъ появились клеветническія нападки на сѣверо-западныхъ евреевъ и двухъ еврейскихъ литераторовъ, Чацкина и Горвица, послѣдніе были взяты подъ защиту лучшей частью русской журналистики. Напечатанъ былъ извѣстный протестъ противъ „Иллюстраціи" подписанный 140 литераторами, учеными и общественными дѣятелями. [1])

Въ этой кампаніи противъ „Иллюстраціи" и автора юдофобской брани—Знакомаго Человѣка „Одесскій Вѣстникъ" принялъ горячее участіе. И сама редакція и, въ особенности, сотрудники-евреи близко приняли къ сердцу этотъ литературный эпизодъ. Одинъ изъ нихъ, Ѳ. Березкинъ, бросилъ вызовъ Знакомому Человѣку, совѣтуя ему раскрыть свой псевдонимъ: „Если вы дѣйствительно рыцарь, поднимите забрало и бросьте перчатку; можетъ быть, изъ среды оклеветанной вами націи найдется человѣкъ, котораго девизъ справедливость, и станетъ грозно за правду"... Въ этомъ же направленіи выступилъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" и другой начинающій еврейскій литераторъ, П. Лякубъ [2]).

Упомянутый протестъ русскихъ литераторовъ въ теченіи долгаго времени служитъ благою вѣстью для одесской еврейской интеллигенціи, что и отражалось на страницахъ либеральнаго „Одесскаго Вѣстника". Хотя текстъ протеста тщательно обходитъ національный моментъ и подчеркиваетъ только грубое нарушеніе добрыхъ литературныхъ нравовъ, еврейскіе сотрудники „Од. Вѣстн." видѣли тутъ, прежде всего, отпоръ стремленію къ „затменію свѣтлой звѣзды вѣротерпимости, на нашемъ горизонтѣ

---

[1]) *С. Гинзбургъ.* „Забытая эпоха", Восходъ 1896 г. № 6, 130—143.

[2]) „Одес. Вѣстн." 1858 г. №№ 117, 139.

появившейся, и къ пробужденію въ русскомъ народѣ засыпающей ненависти къ евреямъ". А. Думашевскій слѣдующимъ образомъ выразилъ радость и надежды, вызванныя этимъ литературнымъ событіемъ. „Единодушный протестъ противъ него (Знакомаго Человѣка) нашихъ отечественныхъ литераторовъ по истинѣ можетъ быть названъ безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ какой бы то ни было литературы, и если за одного незаслуженно-оскорбленнаго еврея такъ сильно вступились передовые люди Россіи, то чего же можетъ ожидать цѣлая еврейская нація, еще отчужденная отъ полноправнаго гражданскаго общества? Съ радостью повторяемъ теперь слова божественнаго псалмопѣвца: Сей день, его же сотворилъ Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь".

Сама редакція „Од. Вѣстника", по поводу той же исторіи съ „Иллюстраціей", высказалась въ томъ смыслѣ, что при замѣчаемыхъ успѣхахъ евреевъ въ просвѣщеніи „и теперь было-бы уже возможно даровать имъ доступъ ко всѣмъ должностямъ, по пріобрѣтеніи извѣстнаго образованія, и право повсемѣстно жить во всей Россіи". Хотя тутъ же редакція предвидитъ возможность неблагопріятныхъ экономическихъ послѣдствій, но полагаетъ, что послѣднія должны быть парализованы общимъ подъемомъ народнаго образованія [1]).

IV.

Осенью 1858 г. Н. И. Пироговъ оставляетъ свой постъ въ Одессѣ. По этому поводу представители мѣстнаго еврейскаго общества, въ числѣ 70 человѣкъ, горячо чествовали его. О. А Рабиновичъ, д-ра Левинсонъ, Гольденблюмъ и Пинскеръ благодарили Пирогова за его доброе отношеніе къ евреямъ. Изъ представителей русскаго общества присутствовали только городской голова и преподаватели Ришельевскаго лицея, гдѣ и сосредоточивался кружокъ Пирогова. „Одесскій Вѣстникъ" видѣлъ въ этомъ чествованіи евреями христіанина очень важное событіе. „Фактъ знаменательный самъ по себѣ—писала газета. Значитъ нѣтъ болѣе той непроходимой пропасти, существованіе которой предполагали въ отношеніяхъ между христіанами и евреями: просвѣщеніе и развитіе истинной нравственности перебросили черезъ нее прочный мостъ, по которому твердо пойдутъ будущія поколѣнія къ высокой цѣли, намѣченной свыше человѣчеству. Ни для насъ, русскихъ и христіанъ, ни для евреевъ этотъ празд-

[1]) Ibid. №№ 116. 139. 145.

никъ не долженъ пройти незамѣченнымъ и не можетъ скоро изгладиться изъ памяти". Само чествованіе явилось гимномъ человѣколюбію и терпимости и закончилось рѣчью профессора Ришельевскаго лицея и редактора „Одесскаго Вѣстника", А. И. Георгіевскаго, который между прочимъ, сказалъ: „Давно уже въ этомъ обширномъ краѣ русскіе и евреи связаны между собой интересами промышленными и торговыми; но, говоря вообще, внутренняго сближенія между ними еще не замѣтно, чувство взаимнаго недовѣрія и даже недоброжелательства еще продолжаются. Для пользы и той, и другой стороны я отъ души желалъ бы, чтобы эти чувства исчезли навсегда"... [1])

„Одесскій Вѣстникъ", руководимый кружкомъ Пирогова, ставилъ себѣ въ заслугу возбужденіе и освѣщеніе еврейскаго вопроса въ духѣ идеаловъ любви и терпимости. Въ газетѣ неоднократно подчеркивалось, что „Одесскій Вѣстникъ" „первый возбудилъ вопросъ объ этомъ (еврейскомъ) народѣ, а ему вторили другія періодическія изданія", что благодаря его содѣйствію еврейскій вопросъ сталъ „однимъ изъ самыхъ видныхъ вопросовъ современности" [2]). И дѣйствительно, въ первомъ выступленіи прогрессивной русской журналистики въ пользу евреевъ „Одесскій Вѣстникъ" за 1858 г. игралъ роль застрѣльщика. Вліяніе Пирогова и активное участіе первыхъ русско-еврейскихъ журналистовъ въ этой газетѣ превратили ее изъ безцвѣтнаго и безъидейнаго органа въ ярко-прогрессивное изданіе. Но это продолжалось только въ теченіе одного года.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Пирогова изъ Одессы прекратилось и вліяніе его кружка на „Одесскій Вѣстникъ". Еще до истеченія этого года, мѣсяца черезъ два послѣ отъѣзда Пирогова, кратковременные редакторы этой газеты, А. Георгіевскій и А. Богдановскій, заявили въ № 135, что они не отвѣтственны за будущее направленіе „Вѣстника" и что они будутъ издавать литературные сборники, посвященные имени Н. И. Пирогова (въ этихъ сборникахъ принималъ участіе и О. А. Рабиновичъ). А въ послѣднемъ (145-омъ) номерѣ газеты за 1858 г. Георгіевскій и Богдановскій, прощаясь съ читателями, объясняютъ, что они вынуждены сложить съ себя редакторскія обязанности, такъ какъ они не желаютъ и не могутъ плыть по теченію „безъ руля и вѣтрилъ". При этомъ они считаютъ необходимымъ оправды-

---

[1]) Ibid. № 100.
[2]) №№ 117, 139.

ваться противъ обвиненія въ стремленіи хулить русскихъ людей. „Обвинять насъ—говорятъ они—въ направленіи чернить все отечественное на томъ основаніи, что мы считаемъ ниже европейской и христіанской націи скрывать свои недостатки, значило бы въ томъ упрекать всю русскую литературу“. Но за весь 1858 г. только одна статья въ „Од. Вѣстн.“ могла дать поводъ для подобныхъ упрековъ: все та же статья Н. И. Пирогова объ одесской талмудъ-торѣ. Авторъ ея въ своемъ вступленіи самъ предвосхищаетъ удивленіе или даже возмущеніе своихъ читателей: „Какое намъ дѣло до жидовскаго приходскаго училища? Какъ можно смѣть сравнивать нравственныя свойства, и еще чьи?—семитическаго, отжившаго племени съ нашими! Это неслыханная дерзость!“ И въ такомъ именно духѣ отозвались „С.-Петербургскія Вѣдомости“ на статью Пирогова, такъ что редакція „Од. Вѣстн.“, отвѣчая на это нападеніе, нашла тогда же (въ № 46 за 1858 г.) необходимымъ смягчить смыслъ статьи о талмудъ-торѣ и доказать, что авторъ имѣлъ въ виду не клеймить русскіе недостатки и рисовать еврейскія добродѣтели, а выставлять потребность русскаго общества въ просвѣщеніи и пр. Недовольство новымъ направленіемъ „Од. Вѣстн.“ замѣчалось, повидимому, и со стороны нѣкоторой части читателей. Объ этомъ редакція говоритъ въ томъ же своемъ прощальномъ словѣ: „Съ опредѣленной впереди цѣлью, съ твердыми убѣжденіями, мы были по необходимости поставлены въ неблагопріятныя отношенія къ той части публики, которая не раздѣляла нашихъ убѣжденій“.

Что все это имѣло весьма близкое отношеніе къ еврейскому вопросу, видно еще изъ того, что при новой редакціи, смѣнившей кружокъ Пирогова, позиція „Одес. Вѣстника“ по отношенію къ евреямъ рѣзко измѣнилась. Это, впрочемъ, не было перемѣной въ достаточно опредѣленномъ направленіи. Тутъ проявилось именно то отсутствіе ясно-выраженныхъ убѣжденій, безъ которыхъ прежніе редакторы считали немыслимымъ остаться на своемъ посту. Въ первой же статьѣ по еврейскому вопросу въ „Одес. Вѣстн.“ за 1859 г. (№ 16), т. е. послѣ новой смѣны редакціи, мы встрѣчаемся съ тщательно скрытымъ антисемитизмомъ. Авторъ этой статьи, правда, не высказывается прямо противъ еврейскаго равноправія, но онъ рѣзко выступаетъ противъ новыхъ взглядовъ, высказывавшихся въ русской журналистикѣ (а раньше и въ „Одес. Вѣстн.“) по еврейскому вопросу. Онъ считаетъ ихъ неосновательными и голословными. Евреи, — говоритъ онъ,—ихъ

исторія, ученіе - terra incognita для христіанъ. Еврейское населеніе занято исключительно непроизводительнымъ трудомъ и т. д. Указывая на успѣхи эмансипаціи въ Англіи и на проявленную евреями вездѣ сплоченность, авторъ замѣчаетъ: „Это свойство даетъ имъ силу и необходимую связь для существованія въ видѣ отдѣльныхъ общинъ, какъ бы маленькихъ государствъ среди большихъ, интересы которыхъ не сливаются между собой". Сама редакція „Одес. Вѣстн.", не высказываясь по существу, предоставляетъ мѣсто и „Литературному возраженію" на эту статью со стороны одного изъ представителей одесской еврейской интеллигенціи, который, возражая въ обычномъ апологическомъ духѣ, между прочимъ сообщаетъ, что предприняты шаги для изданія русско-еврейскаго органа, одной изъ главныхъ цѣлей котораго явится—большее ознакомленіе русскаго общества съ еврействомъ, которое будто бы составляетъ тайну для внѣшняго міра.

Повидимому, разрывъ представителей одесской еврейской интеллигенціи съ „Одес. Вѣстникомъ" еще больше укрѣпилъ въ ней потребность въ собственномъ литературномъ изданіи, идея котораго зародилась еще за два—три года до этого. А вскорѣ, въ апрѣлѣ 1859 г., произошли въ Одессѣ антиеврейскіе безпорядки, къ которымъ „Одес. Вѣстникъ" проявилъ такое отношеніе, которое вызвало крайнее негодованіе въ мѣстномъ еврейскомъ обществѣ. Еврейскіе же литераторы, съ О. А. Рабиновичемъ во главѣ, лишены были возможности надлежащимъ образомъ освѣтить погромныя событія.

V.

Объ одесскомъ погромѣ 1859 г. почти ничего нѣтъ въ нашей исторической литературѣ. Считаю поэтому необходимымъ систематизировать здѣсь тотъ скудный матеріалъ, который сохранился въ двухъ нееврейскихъ изданіяхъ того времени.

Напечатанное въ Русскомъ Вѣстникѣ „Письмо изъ Одессы" слѣдующимъ образомъ излагаетъ происшедшія событія.

Уже давно, со времени преданія землѣ въ одесской греческой церкви замученнаго турками патріарха Григорія [1]), не проходило ни одной Пасхи безъ погромныхъ запугиваній со стороны грековъ. Этому способствовала близость греческой церкви къ Еврейской улицѣ и къ двумъ большимъ синагогамъ. Уже въ 1858 г. полиція прибѣгала къ „пожарному брандсбою", чтобы разогнать

[1]) Въ 1821 г. О погромѣ 1821 г. см. Евр. Стар. 1911 г., стр. 263—67.

толпы грековъ, нападавшихъ на евреевъ. Наканунѣ же Пасхи 1859 г. въ Одессу прибыло нѣсколько греческихъ судовъ изъ Галаца, гдѣ незадолго передъ тѣмъ греки устроили антиеврейскій погромъ, обвиняя евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ. „Говорятъ, греческіе матросы съ этихъ судовъ заранѣе подговаривали другихъ грековъ на судахъ, находившихся въ порту, пройти въ Свѣтлое Воскресеніе въ городъ и избить въ немъ евреевъ. И въ самомъ дѣлѣ греческіе матросы, въ числѣ 280 человѣкъ, съ кинжалами, стилетами и заостренными на концахъ палками, принимали дѣятельное участіе въ гоненіи евреевъ, такъ что на другой день, когда они къ ночи удалились на свои суда, начальство сочло за должное приставить къ карантину двѣ роты солдатъ, чтобы не пускать ихъ въ городъ". Къ нимъ присоединились и мѣстные греки. Наканунѣ Пасхи мѣстная администрація предупреждала евреевъ не показываться на улицахъ и не торговать въ первый день праздника. Но это оказалось невыполнимымъ для многихъ евреевъ.

Мѣръ предупрежденія погрома совершенно не было принято. И вотъ въ третьемъ часу дня Свѣтлаго Воскресенья, на дворѣ греческой церкви и на Екатерининской и Троицкой улицахъ, собралась огромная толпа грековъ „съ нѣкоторой примѣсью русскихъ мальчишекъ". „Съ другой стороны, на Еврейской улицѣ, прохаживались и стояли группами евреи, со страхомъ выдвигаясь по временамъ на Екатерининскую улицу и заглядывая на собравшуюся тамъ толпу. На одну изъ такихъ группъ съ грозными криками набросились греки со своими, до того времени спрятанными, кинжалами. Евреи пустились бѣжать и сбили съ ногъ одного своего единовѣрца, мѣщанина Лейбу Бердичевскаго, торговавшаго апельсинами. Несчастный думалъ, вѣроятно, въ своей простотѣ, что дѣло идетъ только о его апельсинахъ, и принялся собирать ихъ съ улицы; въ это самое время какой-то изступленный грекъ пронзилъ его насквозь кинжаломъ въ спину, и тотъ остался на мѣстѣ. Если вѣрить говору, трупъ его тутъ же подвергся поруганію, о которомъ неприлично было бы говорить печатно". Подоспѣлъ приставъ съ двумя полицейскими, но, раненный въ ногу, онъ удалился. „Между тѣмъ другіе греки продолжали преслѣдовать бѣжавшихъ евреевъ, къ которымъ подоспѣли на помощь ихъ единовѣрцы, хватавшіеся за что ни попало въ лавкахъ, чтобы какъ нибудь отстоять своихъ собратьевъ отъ ярости грековъ. Послѣдніе безъ труда одолѣли: пятеро евреевъ были такъ тяжело ранены кинжалами, что медики отчаявались

въ ихъ спасеніи; одинъ изъ нихъ дѣйствительно на другой же день умеръ въ госпиталѣ, другіе до сихъ поръ еще находятся между жизнью и смертью. Всѣхъ пораненныхъ кинжалами насчитываютъ за эти дни до 30 евреевъ... Не говоримъ о евреяхъ, избитыхъ палками и кулаками". Послѣ всего этого на поле битвы отправлено было администраціей нѣсколько казаковъ и жандармовъ и пожарный брандсбой. „Не видя энергическихъ мѣръ противъ себя, толпа и не думала расходиться". Она избила брандмейстера и пожарную команду, овладѣла брандсбоемъ и начала направлять струи воды на евреевъ и полицейскихъ. Увѣщанія присланнаго „военнаго чиновника" остались тщетными. Казаки успѣли арестовать человѣкъ пять изъ громилъ, но старшіе полицейскіе чиновники скоро выпустили ихъ. Прискакало болѣе значительное число казаковъ и жандармовъ, арестовали до 40 грековъ, но большинство было освобождено (только семь оставлено въ заключеніи).

Наступили сумерки. Матросы удалились на свои суда. Толпа стала рѣдѣть. Часть ея гналась съ неистовыми криками за двумя евреями. Тутъ уже преобладали „русскіе мальчишки". Одинъ изъ преслѣдуемыхъ евреевъ былъ сбитъ съ ногъ, другой спасся въ трактирѣ, но послѣдній подвергся штурму толпы, которая въ концѣ концовъ, была разсѣяна нѣсколькими жандармами и пожарной командой.

На другой день Пасхи погромъ продолжался уже при участіи русской черни. Убійствъ больше не было, но районъ погрома распространился на весь городъ. Особеннаго вниманія громилъ привлекли винные погреба. Распространился слухъ, что именно въ нихъ совершаются ритуальныя убійства. Безпорядки принимали все болѣе угрожающій характеръ. „Можно было опасаться не евреямъ только, но вообще всѣмъ жителямъ Одессы, что безпорядки перемѣнятъ свой характеръ и будутъ грозить бѣдою вообще частной собственности". Подверглись избіеніямъ не только простые евреи, но и тѣ, „которые уже вполнѣ усвоили себѣ европейскіе нравы, обычаи, образованіе и костюмъ"... „Евреи, несмотря на свою многочисленность, не вооружились на свою защиту, и только изрѣдка и очень слабо отражали силою силу".

„На третій день убѣдились наконецъ въ необходимости мѣръ энергическихъ и болѣе дѣйствительныхъ"... Началась расправа. Людей хватали безъ разбору и тутъ же, на улицѣ, сѣкли казацкими нагайками. Причемъ высѣченъ былъ, по требованію толпы, и совершенно невинный старикъ-еврей.

На воскресенье опасались возобновленія безпорядковъ. Черезъ раввина администрація предупредила евреевъ не открывать магазиновъ. Но порядокъ не былъ нарушенъ.

Такъ повѣствуетъ о погромѣ авторъ „Письма изъ Одессы", М. Д—ъ (Рус. Вѣстн. 1859 г. май, 1 кн., 50—58).

Но „Одесскій Вѣстникъ" старался придать всему происшедшему характеръ обыкновеннаго праздничнаго разгула. Вотъ какъ газета разсказываетъ (въ № 42 отъ 1859 г.) объ этихъ событіяхъ: „Въ первый день Свѣтлаго Праздника, въ различныхъ частяхъ города, начались обыкновенныя насмѣшки и поддразниванія русскихъ и еврейскихъ мальчишекъ, которыя оканчивались при первомъ же появленіи полицейскаго служителя. Но около трехъ часовъ по-полудни, у греческой Троицкой церкви, на углу Еврейской ул., толпа матросовъ съ иностранныхъ судовъ, расположенныхъ въ портѣ, пользуясь скопленіемъ еврейскаго населенія въ этой части города, принялась подтрунивать надъ ними и, встрѣчая отпоръ, начала бить стекла въ домахъ и затѣяла драку, въ которой одинъ еврей былъ убитъ, а пять человѣкъ ранено. Немедленно прибывшіе на мѣсто нѣсколько человѣкъ казаковъ и пожарный брандсбой успѣли однакоже быстро разогнать толпу. Во время задержанія виновныхъ одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ укушенъ за руку. Съ тѣхъ поръ повторялись, правда, драки,—но самыя незначительныя, которыя обыкновенно кончались тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ были задерживаемы за разбитіе стеколъ въ еврейскихъ домахъ и безчинства на улицахъ. На четвертый же день, въ среду 15-го апрѣля, толпа мальчишекъ и пьяныхъ русскихъ рабочихъ, возвращаясь изъ-подъ качель, затѣяли было новую ссору съ евреями на Арнаутской улицѣ и начали было выбивать стекла въ нѣсколькихъ домахъ, — но строгія полицейскія мѣры, принятыя на этотъ разъ, совершенно прекратили безпорядки, и по настоящее время ничего уже подобнаго не повторялось. — Вотъ сущность дѣла, о которомъ мы слышали множество различныхъ и чрезвычайно преувеличенныхъ разсказовъ. До какой степени русскій человѣкъ считаетъ естественнымъ разгуляться на праздникахъ, можно судить изъ того, что одинъ изъ зрителей этихъ сценъ разсказывалъ намъ, будтобы „по телеграфіи получено на первый день позволеніе—быть кулачному бою". Какъ ни странна такая логика, но нельзя не сказать, что преданія старины еще сильно поддерживаютъ наклонность къ такимъ боямъ въ крови русскаго человѣка".

Этой версіей „Одесскій Вѣстникъ" не только превращаетъ серьезные антиеврейскіе безпорядки въ обычныя драки, что соотвѣтствовало видамъ администраціи, но и совершенно умалчиваетъ о томъ, что главными зачинщиками и участниками погрома были греки. Эта тенденція выступаетъ достаточно опредѣленно. Даже говоря о толпѣ матросовъ, газета скрываетъ отъ читателя, что это были греческіе матросы. Греки были тогда очень вліятельны въ Одессѣ и, несомнѣнно, оказали свое воздѣйствіе на „Одесскій Вѣстникъ", успѣвшій уже ликвидировать традиціи Пирогова и его кружка. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Л. О. Розенталю О. А. Рабиновичъ прямо обвиняетъ „Одесскій Вѣстникъ", что въ своемъ освѣщеніи погрома газета дѣйствовала „подъ вліяніемъ начальства, которое не хочетъ правды", что она была „подкуплена греками" и поэтому свалила „весь срамъ" на русскихъ, выдумавъ „эту подлую ложь" (версію о русскомъ разгулѣ [1]).

Что погромъ былъ устроенъ греками,—объ этомъ свидѣтельствуетъ и корреспонденція изъ Одессы, появившаяся вскорѣ послѣ погрома въ лондонскомъ „Times" и перепечатанная въ упомянутой выше книжкѣ „Рус. Вѣстника" (стр. 59). Подтверждая общій, греческій характеръ погрома, одесскій корреспондентъ (подписавшійся „Veritas") англійской газеты продолжаетъ: „Нѣкоторые знатные греческіе торговцы въ нашемъ городѣ одобрили подобный образъ дѣйствій ихъ „собратій" и старались, съ помощью взятокъ, предлагаемыхъ мелкимъ чиновникамъ, освободить изъ заточенія убійцъ. Къ несчастью, старанія ихъ остались не безъ успѣха. Но, слава Богу, подобный способъ позлащать совѣсть все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія; благодаря энергическимъ распоряженіямъ ген. губернатора гр. Строганова, такъ же какъ гражданскаго губернатора барона Мессмахера, многіе изъ убійцъ сидятъ теперь въ тюрьмѣ и должны ожидать безпристрастнаго суда и наказанія. Справедливость требуетъ заявить, что многіе изъ нашихъ греческихъ торговцевъ открыто говорятъ объ участіи своемъ въ этомъ отвратительномъ происшествіи и хвастаются, что „они построятъ золотой мостъ для того, чтобы вывести виновныхъ изъ тюрьмы". Ни одинъ изъ виновныхъ, ни словомъ, ни жестомъ, не обнаружилъ раскаянія, точно такъ же, какъ многочисленное греческое духовенство не обратилось къ нимъ ни съ малѣйшимъ укоромъ".

---

[1]) „Евр. Старина" 1911, кн. 1-ая, письмо Рабиновича отъ 17-го мая 1859 года.

На одесскую еврейскую интеллигенцію, еще находившуюся тогда подъ вліяніемъ новыхъ словъ, раздававшихся въ русской журналистикѣ по еврейскому вопросу, погромъ, разумѣется, произвелъ ошеломляющее дѣйствіе. Выраженіемъ этого настроенія является конецъ уже цитированнаго выше „Письма изъ Одессы". „Кто бы могъ думать и ожидать,—пишетъ авторъ письма,—что послѣ еще такъ недавно заявленныхъ человѣколюбивыхъ намѣреній правительства относительно евреевъ, послѣ всѣхъ еще продолжающихся литературныхъ толковъ объ уравненіи ихъ правъ со всѣми другими русскими подданными, послѣ всѣхъ возгласовъ и протестовъ въ ихъ пользу,—кто бы могъ думать, что они за свое происхожденіе и за свои вѣрованія такъ скоро подвергнутся неистовымъ преслѣдованіямъ въ городѣ, который по справедливости слыветъ европейскимъ, въ которомъ евреи въ послѣднее время проявили столько несомнѣнныхъ признаковъ своего искренняго сочувствія къ общечеловѣческому образованію и къ сближенію со всѣмъ остальнымъ населеніемъ! Какъ было не увлекаться мыслью, что по крайней мѣрѣ здѣсь, въ разноплеменной и разновѣрной Одессѣ, мы ближе, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, къ одной изъ главнѣйшихъ цѣлей истиннаго просвѣщенія—къ уваженію во всякомъ человѣкѣ, независимо отъ его происхожденія и религіозныхъ вѣрованій, его человѣческаго достоинства, его способности служить гражданскому обществу"? [1])

Изъ русской журналистики только „Русскій Вѣстникъ" внимательно отнесся къ одесскимъ безпорядкамъ, напечатавъ всѣ сообщенія о нихъ (и это письмо изъ Одессы, и версію „Одес. Вѣстника", и замѣтку изъ „Times'a"), подъ общимъ заглавіемъ „Гоненія евреевъ въ Одессѣ", и прибавивъ отъ себя редакціонное примѣчаніе (журналъ выходилъ подъ редакціей тогда еще либеральнаго Каткова) съ рѣзкимъ упрекомъ по адресу грековъ. „Исторія неподкупна въ своемъ возвышенномъ правосудіи,— говорится тамъ, между прочимъ.—Кто угнеталъ своихъ ближнихъ, или былъ наклоненъ къ тому, чтобы угнетать ихъ, тотъ никогда еще не спасался самъ отъ угнетенія. Свободенъ бываетъ только тотъ, кто умѣетъ и хочетъ уважать свободу другихъ" [2]).

Невозможность надлежащимъ образомъ освѣщать погромные дни и распространившаяся версія „Одес. Вѣстника", перепечатанная другими органами печати, крайне угнетала предста-

---

[1]) „Рус. Вѣстн." 1859 г., май, 1-ая кн., 58.

[2]) Ibid 50—51

вителей одесской еврейской интеллигенціи. Это видно изъ того же письма изъ Одессы въ „Рус. Вѣстникѣ“, въ которомъ не мало мѣста удѣляется полемикѣ съ „Одесскимъ Вѣстникомъ“. Еще болѣе рѣзко это угнетенное состояніе выражено въ приведенномъ выше письмѣ О. А. Рабиновича къ Л. О. Розенталю. Изъ него видно, что Рабиновичъ усиленно и, повидимому, тщетно хлопоталъ о помѣщеніи своей статьи о погромѣ въ „Рус. Дневникѣ“ и крайне возмущался, что этотъ журналъ перепечаталъ замѣтку о погромѣ изъ „Одес. Вѣстника“, „гдѣ факты искажены, дѣло извращено, гдѣ о грекахъ, самыхъ главныхъ разбойникахъ, ни слова“! „Гдѣ же, спрашиваетъ Рабиновичъ, хваленая жажда „Дневника“ на раскрытіе всѣхъ злоупотребленій, когда онъ умалчиваетъ о такомъ страшномъ происшествіи“? „Грустно, больно, отвратительно“, заканчиваетъ онъ свое письмо, сообщая Розенталю, что отъ досады уѣзжаетъ на время за-границу.

Это писано 17-го мая 1859 г. И въ то же лѣто, подъ непосредственнымъ вліяніемъ всего пережитаго, Рабиновичъ и Тарнополь принялись особенно энергично хлопотать о созданіи своей собственной литературной трибуны.

И. Сосисъ.

(Продолженіе будетъ).

Письма Элизы Оржешко.

(1876—1883 г.).

Приводимая ниже переписка Элизы Оржешко съ варшавскимъ журналистомъ и адвокатомъ Адольфомъ Кономъ *), обнимаетъ семилѣтній періодъ, отъ 1876 до 1883 года. Написанныя съ подкупающей искренностью и простотой, письма недавно умершей писательницы переносятъ насъ въ кругъ напряженной и согрѣтой душевнымъ огнемъ умственной работы, въ которой значительное мѣсто занимало изученіе еврейской исторіи, религіи, быта.

Никто въ польской литературѣ не подошелъ такъ близко къ еврейской жизни, какъ Элиза Оржешко. Съ болью сознается она въ первомъ своемъ письмѣ, что польскіе писатели удѣляли евреямъ мало мѣста въ своихъ произведеніяхъ и довольствовались поверхностнымъ знаніемъ еврейскаго быта. „Они—говоритъ Оржешко—скользятъ по поверхности, ловя на лету комическія и отрицательныя черты; они слышатъ какое то невнятное бормотаніе, видятъ пейсы и халаты, но не пытаются понять, что означаютъ эти странныя слова, какія сердца бьются подъ осмѣиваемой всѣми одеждой". Сознавъ этотъ грѣхъ, писательница стремится побороть его въ себѣ самой и страстно хватается за матеріалы по исторіи еврейства. Письма ея вводятъ насъ въ атмосферу ея рабочаго кабинета, гдѣ неустанно созрѣваютъ новые планы: то задумываетъ Оржешко статью о еврейскихъ типахъ въ польской литературѣ, гдѣ хочетъ развить мысль, высказанную въ предыдущей цитатѣ; то рѣшаетъ—подъ вліяніемъ изученія Греца, Сальвадора и др. — переводить еврейскія легенды, красота ко-

*) Ад. Конъ, бывшій въ 70-хъ и 80-хъ годахъ соредакторомъ варшавскаго еженедѣльника „Izraelita", еще при жизни передалъ эти письма С. В. Познеру, который теперь любезно предоставилъ ихъ въ распоряженіе редакціи „Еврейской Старины" — *Ред.*

торыхъ ее плѣняетъ, то собирается писать этюдъ о Маймонидѣ, то наконецъ собираетъ матеріалы для большой повѣсти изъ еврейскаго быта. Эта повѣсть — „Мееръ Езофовичъ"—и является главнымъ предметомъ переписки; особенно интересны и содержательны письма Оржешко, относящіяся къ тому періоду, когда она обдумывала и писала „Езофовича" (1876 и 1877 г.). Писательница подробно сообщаетъ своему корреспонденту о ходѣ работы, нерѣдко прося у него совѣтовъ, указаній. Съ любовью погружается Оржешко въ изученіе матеріала. Греца она „знаетъ хорошо, какъ добраго друга"; она очарована красотой еврейской исторіи; въ особенности плѣняютъ ее старыя еврейскія легенды, „легенды вѣковъ".

Любознательность писательницы неисчерпаема. Всѣ ея письма полны просьбами о книгахъ. Она съ жадностью поглощаетъ книги о талмудической и раввинской литературѣ, имѣющіяся, на европейскихъ языкахъ, и мечтаетъ изучить еврейскую письменность въ подлинникахъ.

Появленіе „Меера Езофовича" вызвало нареканія на автора во вліятельныхъ кругахъ польскаго общества; это отмѣчаетъ корреспондентъ Оржешко въ своей рецензіи въ „Izraelita", привѣтствуя гражданское мужество автора, осмѣлившагося идти противъ господствующей юдофобіи своихъ соплеменниковъ. Но писательница скромно отказывается отъ похвалъ, утверждая, что нападки враговъ прогресса дѣлаютъ ей честь, тѣмъ болѣе, что появленіе ея повѣсти встрѣтили радостно такіе люди, какъ Ежъ, Спасовичъ и др.

Работа надъ „Езофовичемъ" надолго приковала Оржешко къ изученію еврейства. Въ 1881 г. она пишетъ публицистическую статейку для выходившаго въ то время въ Варшавѣ еврейскаго календаря, а въ 1883 г.—большую повѣсть „Миртала" изъ эпохи римскаго владычества въ Іудеѣ. Изучая прошлое, она не перестаетъ въ то же время съ тревогой слѣдить за современностью. Съ горечью видѣла писательница, что идеалъ, которому она ревностно служила—идеалъ братства и сближенія двухъ угнетенныхъ національностей—еще далекъ отъ осуществленія. Это сознаніе иногда дѣйствовало на нее такъ, что у нея опускались руки. „Какъ Вы думаете,—спрашиваетъ она тревожно въ 1881 г.,—съ той зимы, когда я писала „Меера Езофовича", подвинулось ли въ нашей странѣ дѣло единенія и братства хотя бы на шагъ впередъ? Не напрасна ли наша работа? Въ силахъ ли мы одолѣть препятствія"?

Усилившаяся въ восьмидесятыхъ годахъ реакція заставляетъ Оржешко отъ тревоги перейти къ безотрадной резигнаціи; въ последнемъ письме (ноябрь 1883) она скорбитъ объ участи техъ, которые „сквозь туманъ увидели чудесный обликъ идеала и пытались указывать на него другимъ, но убедились, что самый прахъ ихъ истлеетъ раньше, чемъ у слепыхъ откроются глаза".

Непрестанная работа духа, ищущаго правды, правды-истины и правды-справедливости,—вотъ въ чемъ смыслъ и неотразимая привлекательность писемъ польской писательницы.

№ 1.—Декабрь 1876 г. Гродно *).

Я немного запоздала съ ответомъ на Ваше письмо лишь вследствіе того, что я теперь съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, работаю надъ повестью, которую мне приходится писать, а мое сильно расшатанное здоровье не позволяетъ мне посвящать этой работе много силъ и времени.

Ваше письмо доставило мне большое удовольствіе и навело на много мыслей. Я душевно рада, что какъ ни слабы встречающіяся кое где въ моихъ произведеніяхъ попытки, оне все же даютъ представленіе о томъ, какъ глубоко интересуетъ меня еврейство, какое огромное значеніе я придаю тому изученію еврейскаго быта, которое велось у насъ донынѣ съ небрежностью и легкомысліемъ поистине поразительными. Донынѣ польское общество руководится въ своихъ сужденіяхъ объ одной изъ самыхъ интересныхъ, даровитыхъ и вліятельныхъ частей населенія страны какими то преданіями и различными предразсудками. Никто не попытался проникнуть въ глубь ея морали и умственной жизни, уразуметь источники ея вліянія, ея характерныя черты; смело можно сказать, что за исключеніемъ очень немногихъ людей, въ существованіи которыхъ я впрочемъ далеко не уверена, еврейство является для насъ всехъ какимъ то неразгаданнымъ сфинксомъ, тайну котораго каждый пытается по своему объяснить и разгадать. Вопреки пословице, твердящей, что незнаніе не грехъ, это незнаніе следуетъ считать однимъ изъ главныхъ нашихъ греховъ; это грехъ противъ правильно понятыхъ собственныхъ интересовъ; онъ ведетъ за собою длинный рядъ другихъ прегрешеній и бедствій.

Эти мысли, которыя я здесь излагаю бегло, дабы не выйти за пределы частнаго письма, пришли мне въ голову уже давно—несколько летъ назадъ. Уже тогда возникло у меня решеніе написать рядъ повестей, изображающихъ религіозные обряды,

*) Даты помещены въ подлинникахъ то въ начале, то въ конце писемъ; мы ихъ всегда помещаемъ въ начале. Нумерація писемъ принадлежитъ намъ; въ случаяхъ сомненія въ ихъ хронологической последовательности (напр. въ первыхъ двухъ письмахъ, помеченныхъ однимъ месяцемъ безъ указанія чиселъ), мы располагали ихъ по внутреннему содержанію.—*Ред.*

умственную жизнь, поведеніе и вообще бытъ евреевъ. Объ этомъ рѣшеніи своемъ я писала даже г. Пельтыну *), прося у него совѣта и указаній.

И вотъ прошло нѣсколько долгихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ я, впрочемъ, не предавалась праздному отдыху, и вся эта огромная гора мыслей и плановъ родила маленькую мышку— повѣсть „Эли Маковеръ". Я знаю, что эта повѣсть кое кому понравилась, но это еще не то, о чемъ я думала; здѣсь не высказана и сотая доля того, что я хочу высказать, когда думаю о еврействѣ. Другія сдѣланныя мною въ томъ же направленіи попытки еще менѣе меня удовлетворяли, и многія начатыя или полуоконченныя повѣсти такъ и почили на вѣки во мракѣ моего ящика отъ письменнаго стола. Почему же несмотря на мои искреннѣйшія желанія и прилежное изученіе предмета, меня постигла такая неудача? Это происходитъ отъ того, что я смотрю на эту работу серьезно и не стремлюсь произвести лишь мгновенное впечатлѣніе, но хочу изучить предметъ основательно; основательно же изучить еврейскую среду и все, что съ ней связано, въ высшей степени трудно. Въ моей библіотекѣ есть около полутора десятка книгъ по этому вопросу; я собрала также много живыхъ наблюденій,—и тѣмъ не менѣе я еще не чувствую прочной почвы подъ ногами и не рѣшаюсь взяться за повѣсть, въ которой фигурировали бы одни лишь евреи, изъ опасенія надѣлать ошибокъ и стать похожей хотя бы отчасти на извѣстнаго слѣпого, разсуждавшаго о цвѣтахъ. Но я совсѣмъ не хочу навсегда отказаться отъ своего намѣренія. Наоборотъ, оно пока является однимъ изъ тѣхъ, которыя особенно вдохновляютъ мой умъ и окрыляютъ фантазію. Поэтому позвольте ужъ мнѣ, такъ какъ Вы начали эту бесѣду, окончательно довѣрить Вамъ свои сомнѣнія. Послѣ этого мнѣ легче будетъ рѣшить вопросъ объ участіи моемъ въ „Izraelita", для котораго я искренно хотѣла бы работать.

Уже около года я ношу въ умѣ замыселъ повѣсти изъ еврейской жизни. Первый толчекъ къ этому дало мнѣ прочитанное въ одной изъ русскихъ газетъ извѣстіе объ уголовномъ процессѣ, разбиравшемся въ бѣлорусскомъ городкѣ Шкловѣ. Быть можетъ, это дѣло Вамъ немного знакомо. Имена его участниковъ испарились изъ моей памяти. Суть дѣла заключается въ борьбѣ молодого, непокорнаго, почти инстинктивно передового еврея съ деспотизмомъ и обскурантизмомъ кагала. Фигура бунтовщика поразила меня своими почти героическими чертами. Побѣда надъ нимъ большинства можетъ послужить трагическимъ сюжетомъ для повѣсти. Конечно, въ художественномъ произведеніи вокругъ голаго факта дѣйствительности слѣдовало бы сгруппировать различные типы, образы и характеры даннаго общества, то-есть возвысить этотъ фактъ до значенія идеи, сохраняя въ то же время драматизмъ.

---

*) Редакторъ журнала „Izraelita" въ Варшавѣ.

Такимъ образомъ, если я вообще буду въ ближайшемъ будущемъ писать какую нибудь повѣсть въ этомъ родѣ, то непремѣнно только эту. Можетъ ли такая повѣсть пригодиться для „Izraelit'ы,“ если въ ней, въ интересахъ художественной правды, поневолѣ изображены будутъ отрицательные типы и черты наряду съ положительными? Рядомъ со свѣтомъ въ этой повѣсти будетъ не только тѣнь, но и тьма. Такъ всегда бываетъ—и въ жизни, и въ беллетристикѣ, но быть можетъ „Izraelita“ не рѣшится дать мѣсто на своихъ столбцахъ цѣлому ряду отрицательныхъ типовъ, рѣзкихъ характеристикъ? Я знаю, что редакціи этого органа нельзя отказать въ гражданскомъ мужествѣ, что въ своихъ статьяхъ она нерѣдко смѣло высказываетъ горькую правду. Но статья и повѣсть—вещи разныя. Конечно, обо всемъ этомъ можете судить Вы сами; я только считала своимъ долгомъ предупредить Васъ, что въ этой моей повѣсти, какъ впрочемъ и во всѣхъ другихъ, я не собираюсь изображать однѣ лишь розы и звѣзды.

Если же повѣсть, характеръ которой я Вамъ сейчасъ обрисовала, окажется пригодной для „Izraelit'ы“, я съ истиннымъ удовольствіемъ пришлю ее Вамъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Новаго Года. Для того чтобы не было никакихъ недоразумѣній, я теперь же хочу объявить Вамъ одно условіе, которое, исходя изъ своихъ личныхъ интересовъ, считаю непремѣннымъ. Въ виду того, что „Izraelita“ имѣетъ опредѣленный кругъ читателей, я могла бы помѣстить въ немъ повѣсть только въ томъ случаѣ, если по отпечатаніи ея на столбцахъ журнала редакція издастъ ее отдѣльной книжкой, причемъ конечно доходъ съ этой книжки пойдетъ въ пользу редакціи. Я хотѣла бы получить за оба изданія гонораръ въ 400 руб.

Теперь у меня къ Вамъ большая просьба. Будьте любезны указать мнѣ въ ближайшемъ письмѣ, поскольку можно довѣрять недавно вышедшей брошюрѣ „Żydzi i Kahały“ и основываться на ней, пиша о кагалахъ. Считаете ли вы трудъ Греца „Geschichte des Judenthums“ *) вполнѣ исчерпывающимъ предметъ и отвѣчающимъ требованіямъ исторической правды? Можно ли найти на какомъ нибудь языкѣ, и если да, то на какомъ—переводъ той части Талмуда, которая носитъ названіе Агада? Еслибъ Вы могли, помимо отвѣтовъ на мои вопросы, указать мнѣ еще источники, гдѣ я могу найти особенно много данныхъ относительно еврейскихъ вѣрованій, преданій и обычаевъ, я была бы Вамъ отъ души благодарна. Я ищу, приглядываюсь, сама строю догадки, но не увѣрена въ правильности своихъ дѣйствій. Мнѣ нужна помощь, а въ этой именно области особенно трудно ее найти. Ваше письмо внушило мнѣ надежду, что Вы сможете оказать мнѣ эту помощь.

Съ глубокимъ уваженіемъ Эл. Оржешкова.

*) Ошибка—вмѣсто „Geschichte der Juden“.—*Ред.*

№ 2.—Декабрь 1876. Гродно.

Прежде всего я хочу сердечно поблагодарить Васъ за всѣ поучительныя свѣдѣнія, которыя вы любезно сообщили мнѣ въ письмѣ, полученномъ мною третьяго дня. Я очень рада, что нашла наконецъ то, чего давно ищу: человѣка просвѣщеннаго, принадлежащаго къ средѣ, которую я хочу изучить, т. е. человѣка, знающаго эту среду и могущаго помочь мнѣ познакомиться съ нею.

Помѣщенное въ „Izraelita“ объявленіе о томъ, что я состою сотрудницей этого органа, очень меня обрадовало. Я считала бы для себя величайшей честью, если бы въ мѣру силъ моихъ могла, при помощи своего небольшого литературнаго дарованія, способствовать сближенію моихъ земляковъ обоихъ вѣроисповѣданій и расъ. Правда, въ польской литературѣ не мало было людей, которые въ свое время съ большимъ умѣніемъ и жаромъ брались за разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ Польшѣ (Чацкій, Бутримовичъ, Коллонтай и т. п.); но эти благородные и разумные голоса давно умолкли, а другихъ не слышно. Въ беллетристикѣ, являющейся прекраснымъ средствомъ для пропаганды идей и реформъ, мы за все время не видимъ ни одной такой попытки. За исключеніемъ устарѣлаго и мало извѣстнаго разсказа Нѣмцевича „Лейба и Сура“, да еще нѣсколькихъ весьма слабыхъ вещей Крашевскаго, я не знаю ни одной польской повѣсти, гдѣ бы авторъ серьезно описывалъ еврейскую жизнь, еврейскіе типы. Поскольку еврейскіе типы встрѣчаются въ польской беллетристикѣ, они выводятся въ комическомъ или явно непривлекательномъ свѣтѣ, а такое изображеніе является и неправдивымъ, и нехудожественнымъ. Писатели скользятъ по поверхности, ловя на лету комическія или отрицательныя черты; никто не пытается глубже понять душу людей, ихъ бытъ. Они слышатъ какое то невнятное бормотаніе, видятъ пейсы и халаты, но не пытаются понять, что означаютъ эти странныя слова, раздающіяся въ стѣнахъ домовъ и въ общественныхъ собраніяхъ этого народа, не хотятъ понять, какія сердца бьются подъ осмѣиваемой всѣми одеждой. Былъ моментъ, когда мнѣ хотѣлось обратить вниманіе общества на этотъ грѣхъ польской беллетристики въ критической статьѣ подъ заглавіемъ „О еврейскихъ типахъ въ польской повѣсти“; но мнѣ пришло въ голову, что при осуществленіи этого плана я неминуемо должна была бы задѣть нѣкоторыхъ старыхъ писателей, имѣющихъ бóльшія литературныя заслуги, чѣмъ я сама, и это показалось мнѣ нетактичнымъ. Поэтому я рѣшила избавиться сама отъ этого серьезнаго недостатка; а при мысли, что быть можетъ мнѣ первой среди польскихъ беллетристовъ суждено вывести на свѣтъ изъ мрака забвенія или пренебреженія значительную часть населенія нашей страны, я заранѣе начинаю гордиться своей ролью. Удалось бы мнѣ только хорошо ее выполнить!

Относительно объема моей повѣсти могу сказать Вамъ слѣдующее: это будетъ одинъ томъ, поскольку я могу предвидѣть, довольно объемистый. Что касается ея названія, то я, слѣдуя своему обыкновенію, хотѣла бы, чтобъ названіемъ книжки служило только имя главнаго героя, Меера Езофовича (родъ Езофовичей будетъ вообще играть главную роль въ этой книгѣ; я читала о нихъ въ одномъ изъ руководствъ по еврейской исторіи и очень ими заинтересовалась); впрочемъ, если хотѣть въ названіи книги яснѣе выразить основную ея идею, можно бы было назвать ее „Ночь и разсвѣтъ", такъ какъ это дѣйствительно будетъ изображеніе темной ночи предразсудковъ, невѣжества и фанатизма и прекраснаго разсвѣта пробуждающихся стремленій къ просвѣщенію и прогрессу. Я предоставляю редакціи выбрать любое изъ этихъ заглавій.

Это все, что я могу сказать о моей повѣсти; что же касается условій, о которыхъ говорится въ предыдущемъ письмѣ, то я охотно обошла бы ихъ молчаніемъ, еслибъ не то, что они имѣютъ для меня большое значеніе. Работая главнымъ образомъ ради идеи и ради личнаго удовлетворенія, я вынуждена писать въ то же время и для заработка. Вы поймете такимъ образомъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій съ моей стороны, почему мнѣ придется настаивать на извѣстныхъ уже Вамъ требованіяхъ.

А теперь приношу Вамъ сердечную благодарность за всѣ сообщенныя мнѣ свѣдѣнія и перехожу къ ряду просьбъ.

Буду Вамъ очень благодарна, если Вы исполните то, что обѣщали въ послѣднемъ письмѣ и выпишете для меня труды „О книгѣ кагала" *) и „Міровоззрѣніе талмудистовъ" **). Мнѣ самой было бы трудно получить эти книги и пришлось бы долго ждать, такъ какъ варшавскіе книготорговцы неохотно высылаютъ русскія книги, а съ петербургскими у меня нѣтъ никакихъ связей. Всѣ расходы я съ благдарностью тотчасъ же возвращу. Но мнѣ хотѣлось бы имѣть эти книги какъ можно скорѣе; до ихъ прочтенія я не смогу приняться за писаніе повѣсти, такъ какъ тамъ рѣчь будетъ главнымъ образомъ о кагалѣ, и мнѣ необходимо будетъ основательное знакомство съ еврейской религіей. Начать же эту повѣсть я должна непремѣнно вскорѣ послѣ Новаго года. Работа надъ нею отниметъ у меня два-три мѣсяца, а весною и лѣтомъ я уже обыкновенно не работаю, такъ какъ изъ за расшатаннаго здоровья мнѣ приходится въ это время уѣзжать лечиться. Лучше всего было бы имѣть тотъ французскій переводъ, объявленіе о которомъ Вы мнѣ любезно прислали,—эта книга страшно меня интересуетъ, но я вынуждена немного повременить съ ея пріобрѣтеніемъ, такъ какъ она очень дорога.

---

*) Книга И. Шершевскаго, направленная противъ юдофобской „Книги Кагала" Брафмана. (Спб. 1872).—*Ред.*

**) Книга въ трехъ частяхъ, содержащая извлеченія изъ талмудической и раввинской письменности въ русскомъ переводѣ. Издана Обществомъ Просвѣщенія евреевъ въ 1874 г.

Мнѣ пришло на дняхъ въ голову, что я современемъ смогу быть полезна Izraelit'ѣ, помѣщая тамъ компиляціи, составленныя на основаніи нѣкоторыхъ книгъ или отдѣльныхъ главъ изъ этихъ книгъ (напр. изъ Греца), имѣющихъ историческій и общественный интересъ. Теперь я не могу еще за это приняться, потому что очень занята работой для журналовъ, съ которыми давно уже заключила условіе. Но спустя нѣкоторое время,—вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ—я попытаюсь обдумать, написать и представить эти мои работы на усмотрѣніе Вашей уважаемой редакціи. Еще одинъ вопросъ: какой интересъ представляетъ выходящій въ Парижѣ органъ „Les Archives Israélites"? Я хотѣла бы его выписать на будущій годъ, но не знаю, стоитъ ли.

Я могла бы написать Вамъ еще много по поводу предмета нашей корреспонденціи, но не рѣшаюсь злоупотреблять Вашимъ терпѣніемъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ Эл. Оржешкова.

№ 3.—⁹/₂₁ января 1877 г. Гродно.

Я получила Ваше письмо какъ разъ въ тотъ день, когда начала повѣсть подъ заглавіемъ „Мееръ Езофовичъ". Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ непріятно, что въ силу различныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ для меня большое значеніе, я не могу понизить свои требованія, считаясь съ матеріальными средствами „Izraelita". Я вполнѣ понимаю, что редакція вынуждена считаться со своими средствами, а то, что книготорговцы не соглашаются заключить договоръ относительно второго изданія, легко объясняется теперешнимъ застоемъ во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ, вызваннымъ ожиданіемъ войны.

Что касается моей повѣсти, которую я теперь начала, то если я ее кончу и если она выйдетъ у меня хорошо,—а я въ этомъ не увѣрена, потому что тема трудна и нова,—то напечатать ее будетъ вѣроятно нетрудно. Именно благодаря новизнѣ и оргинальности сюжета, т. е. тѣмъ свойствамъ, которыя затрудняютъ мою работу, повѣсть пріобрѣтаетъ особый интересъ для журналовъ болѣе или менѣе передовыхъ и либеральныхъ. Самымъ подходящимъ для нея мѣстомъ я считаю однако столбцы „Izraelita" и тамъ охотнѣе всего помѣстила бы свою вещь, главнымъ образомъ потому, что мнѣ хотѣлось бы, чтобы польская литература дала еврейскому обществу прямое и непосредственное доказательство сердечнаго отношенія къ нему и сочувствія, предлагая ему вещь, написанную не только о немъ, но и для него. Поэтому я не теряю надежды, что несмотря на неблагопріятныя для обѣихъ сторонъ условія, „Мееръ Езофовичъ", если мнѣ только удастся дѣйствительно написать его и написать болѣе или менѣе удачно, увидитъ свѣтъ въ органѣ тѣхъ своихъ единовѣрцевъ, которые проявляютъ симпатію и дружественныя чувства

къ польскому народу, говоря на его языкѣ и стремясь къ соглашенію между обоими народами. Съ этой цѣлью я обдумываю одну комбинацію, но не знаю, выгоритъ ли она, и потому не хочу пока писать Вамъ о ней. Когда повѣсть моя будетъ закончена, я попытаюсь осуществить свой планъ, и если это мнѣ удастся, тотчасъ извѣщу Васъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ я уже заранѣе прошу Васъ разрѣшить мнѣ прислать Вамъ на просмотръ рукопись законченной повѣсти: я хотѣла бы окончательно убѣдиться, что не сдѣдала серьезныхъ промаховъ въ описаніи еврейскихъ обычаевъ и обрядовъ.

Впрочемъ, что касается первыхъ (обычаевъ), то откровенно говоря, я немного сомнѣваюсь, знаете ли Вы эти обычаи такими, каковы они здѣсь, въ Литвѣ. Евреи Царства Польскаго, и въ особенности Варшавы, рѣзко и во многомъ отличаются отъ своихъ литовскихъ братьевъ, причемъ первые стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ выше. У насъ невѣжество гораздо глубже и носитъ болѣе общій характеръ (?), а отношенія между евреями и мѣстнымъ населеніемъ гораздо хуже съ обѣихъ сторонъ, если конечно подъ мѣстнымъ населеніемъ понимать поляковъ. Что же касается русскихъ, то по отношенію къ нимъ евреи заняли положеніе, которое раздражаетъ и не можетъ не раздражать даже тѣхъ изъ мѣстныхъ поляковъ, которые—повѣрьте—питаютъ къ евреямъ самыя лучшія чувства. Только низшіе слои еврейскаго населенія, да и то лишь въ старшемъ поколѣніи, относятся къ намъ съ нѣкоторой симпатіей или по крайней мѣрѣ держатся нейтрально по отношенію къ обѣимъ сторонамъ. По болѣе или менѣе богатые и вліятельные евреи всѣ, безъ исключенія, безусловно отреклись отъ насъ, какъ Петръ отъ Христа, въ годину несчастья. Во всѣхъ домахъ слышишь только русскую рѣчь; дѣти одѣваются въ національный русскій костюмъ, носятъ имена: Володя, Иванъ и т. п. Намъ приходится мириться съ тѣмъ, что они въ нашихъ собственныхъ домахъ говорятъ съ нами на чуждомъ языкѣ. Все это очень скверно и печально, и если такой образъ дѣйствія и можетъ быть оправданъ обстоятельствами, понятными для наиболѣе просвѣщенныхъ среди насъ, то несомнѣнно, что онъ препятствуетъ наступленію момента союза и единенія. Впрочемъ, о союзѣ съ нами никто тутъ и не думаетъ. А между тѣмъ—развѣ обстоятельства не могутъ измѣниться, и развѣ еврейское общество не могло бы найти хоть какой нибудь способъ, хоть какой нибудь нейтральный пунктъ, стоя на которомъ оно можетъ, служа своимъ собственнымъ интересамъ, не издѣваться надъ несчастьемъ тѣхъ, рядомъ съ которыми евреи какъ бы то ни было прожили много лѣтъ, и пожалуй не плохо прожили?

Эта жалоба вырвалась у меня почти помимо воли. Я хотѣла бы, чтобы Вы не истолковали ее дурно. Я думаю, что никто въ польской средѣ не видитъ яснѣе меня и не цѣнитъ выше всѣхъ достоинствъ, отличающихъ еврейство, не понимаетъ глубже всего значенія, которое можетъ оно имѣть для цивилизаціи и

общаго прогресса не только въ нашей странѣ, но и во всемъ мірѣ. Я думаю, что этому народу предстоитъ будущее, не менѣе великое, чѣмъ его прошлое; презирать евреевъ можетъ лишь глупецъ и обскурантъ. Но „что правда—то не грѣхъ"—справедливо говоритъ пословица. А я говорю правду, утверждая, что литовскіе евреи въ смыслѣ нравственномъ и интеллектуальномъ стоятъ ниже (?) своихъ соплеменниковъ, живущихъ въ другихъ странахъ и въ Царствѣ Польскомъ, причемъ эти соплеменники или дѣйствительно не знаютъ этого, или дѣлаютъ видъ, что не знаютъ. Поэтому въ моей повѣсти будутъ выведены нѣкоторыя черты, которыя могутъ показаться Вамъ не правдоподобными,—между тѣмъ, къ сожалѣнію, у насъ онѣ существуютъ. Впрочемъ, Вы скажете мнѣ свое мнѣніе о повѣсти, когда она будетъ закончена—заранѣе прошу Васъ объ этомъ,

Къ сожалѣнію, мнѣ этой зимой не удастся написать новеллу или небольшой разсказъ въ томъ же духѣ. Силъ у меня очень мало—три четверти времени я хвораю, и едва лишь четвертую часть могу посвятить работѣ. Притомъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ я работала усерднѣе, чѣмъ когда либо, въ тѣ минуты, когда могла работать. Я много написала. Кромѣ того, немало силъ отняло у меня чтеніе, предшествующее созданію повѣсти изъ еврейскаго быта. Не легко было хотя бы просмотрѣть всего огромнаго Греца. Этотъ трудъ имѣется у меня уже давно, но я читала раньше лишь немногіе отрывки изъ него. Теперь я проглотила всѣ его одиннадцать томовъ, нѣсколько сочиненій Сальвадора и огромную массу брошюръ, молитвенниковъ и т. п. Все это было для меня въ высшей степени интересно, но я немного устала. Поэтому я предвижу, что послѣ трехъ мѣсяцевъ работы надъ повѣстью мнѣ придется отложить въ сторону перо вплоть до будущей осени. Я, впрочемъ, пока не теряю окончательно надежды, что еще до будущей осени „Меиръ" будетъ печататься въ „Izraelita".

Я Васъ интригую этой своей таинственной комбинаціей, но замыселъ мой на самомъ дѣлѣ такъ своеобразенъ, что я смогу открыть его Вамъ въ томъ только случаѣ, если дѣло выгоритъ. Если же оно осуществится, я буду считать, что мнѣ принадлежитъ честь замѣчательнаго изобрѣтенія въ области издательской техники. Изобрѣтеніе это удовлетворитъ обѣ стороны, и кромѣ того доставитъ славу еще одному лицу. Я улыбаюсь, думая объ этомъ, и могла бы написать Вамъ, какъ г-жа Сталь: je vous donne en dix, je vous donne en cents, je vous donne en mille, que vous ne devinerez pas le mot de l'enigme!"

Я не получила еще книгъ, которыя Вы любезно мнѣ послали. Онѣ вѣроятно уже лежатъ здѣсь на почтѣ, но въ праздникъ все происходитъ медленнѣе.

A propos книгъ. Недавно со мной произошло недоразумѣніе Я нашла на обложкѣ Греца заглавія книгъ, которыя очень меня заинтересовали. Заглавія эти напечатаны были на двухъ языкахъ—по древнееврейски и по нѣмецки. Я была убѣждена, что

эти книги имѣются на нѣмецкомъ языкѣ, и тотчасъ же написала въ книжный магазинъ, чтобы мнѣ ихъ прислали. Мнѣ отвѣтили, что на нѣмецкомъ языкѣ этихъ книгъ нѣтъ, онѣ имѣются лишь по древнееврейски. Какое это упущеніе—не знать древнихъ языковъ! Давно уже приходившее мнѣ въ голову рѣшеніе заняться изученіемъ еврейскаго языка теперь окончательно созрѣло, и какъ только закончится для меня сезонъ литературной работы, я начну брать уроки. Боюсь только, что въ моемъ возрастѣ и при моихъ силахъ это будетъ слишкомъ трудно. Но попытаться все же слѣдуетъ.

Съ сердечнымъ привѣтомъ и уваженіемъ Эл. Оржешкова.

№ 4. 1877. Февраль. Гродно.

Я должна извиниться передъ Вами, что такъ поздно собралась поблагодарить Васъ за присланную книгу и вернуть ея стоимость. Хотя Вы мнѣ писали, что эти книги получаются безплатно отъ Общества распространенія просвѣщенія между евреями, я не чувствую себя вправѣ пользоваться этой льготой и прошу Васъ отдать эту небольшую сумму въ пользу тѣхъ, для кого изданы находящіяся теперь у меня книги.

Я запоздала съ этимъ письмомъ по винѣ „Меера Езофовича", большая половина котораго уже написана. Вы не можете себѣ представить, какъ захватила меня эта работа, какъ я привязалась къ ея предмету, и какъ боюсь, что ея выполненіе окажется слабѣе, чѣмъ этого требуетъ столь серьезный сюжетъ! Пока я не прерываю своихъ занятій по еврейской исторіи. Греца я знаю теперь хорошо, какъ добраго друга; полюбила я и Сальвадора, три главныя произведенія котораго у меня имѣются. Теперь я достала нѣсколько книжекъ журнала „Еврейская библіотека" и нахожу въ нихъ много цѣнныхъ свѣдѣній. Самое сильное чувство, какое я испытываю во время этихъ занятій—это чувство постояннаго изумленія при видѣ открывающихся передо мною все новыхъ и новыхъ областей. Въ особенности поражаютъ красотой старыя еврейскія легенды и преданія, о которыхъ никто ничего не знаетъ. Когда мнѣ хочется нѣкоторыя изъ нихъ ввести въ мою повѣсть, я просто должна выдерживать борьбу съ собой, чтобы не загромоздить этими легендами повѣствованія, долженствующаго носить характеръ по преимуществу реалистическій—такъ велико богатство поэтическаго матеріала. Тѣмъ не менѣе въ моей вещи имѣется все таки прекрасная легенда о Іосифѣ Акибѣ *) и женѣ его Рахили, затѣмъ прелестное сказаніе о рѣкѣ Самбатіонъ и много другихъ. Значительную роль играетъ также въ этой повѣсти воспоминаніе о величественной и въ то же время необычайно привлекательной фигурѣ Моисея Маймонида. Впрочемъ, къ этому человѣку, такъ

*) Т. е. Акибѣ бенъ-Іосифѣ.—*Ред.*

мало извѣстному намъ, полякамъ, я рѣшила вернуться въ другой формѣ, не беллетристической. Къ счастью, главное, какъ мнѣ кажется, произведеніе Маймонида „Море Небухимъ" имѣется на французскомъ языкѣ, въ переводѣ Мунка. Я узнала объ этомъ изъ историческаго словаря и тотчасъ же принялась бомбардировать книжный магазинъ, чтобы мнѣ ее прислали. Когда она получится, я напишу о ней и объ ея авторѣ особый этюдъ. Отрывки изъ этой книги, которые я нашла у Греца и Сальвадора, принадлежатъ къ числу самыхъ умныхъ вещей, какія я когда либо читала.

Мнѣ не хочется больше отнимать у Васъ время описаніемъ моихъ занятій, тѣмъ болѣе, что я не знаю, каковы будутъ ихъ результаты. Примите мой сердечный привѣтъ и увѣреніе въ истинномъ уваженіи. Эл. Оржешкова.

№ 5.—1877. 13/25 ноября. Гродно.

Мнѣ говорила г-жа Косцюлковская, что г. Пельтынъ предложилъ ей, чтобы она переводила талмудическія легенды, придавая имъ болѣе или менѣе поэтическую форму. Мы полагаемъ, что эта книга имѣется на нѣмецкомъ языкѣ, а такъ какъ г-жа К. этого языка не знаетъ, я рѣшила просить Васъ прислать ее мнѣ, потому что, хорошо зная нѣмецкій языкъ, я могла бы использовать ее въ духѣ желательномъ для г. Пельтына, а можетъ быть и какъ нибудь иначе; во всякомъ случаѣ я хотѣла бы заняться обработкой этихъ легендъ въ прозѣ или стихахъ и ознакомленіемъ общества съ произведеніями еврейскаго творчества путемъ помѣщенія ихъ въ періодическихъ органахъ - между прочимъ, если Вы найдете это удобнымъ, и въ „Izraelita".

Надѣюсь, что Вы не откажетесь одолжить мнѣ книжку, которая была предложена моей пріятельницѣ и живо меня интересуетъ. Съ искреннимъ уваженіемъ Эл. Оржешкова.

№ 6. 1878. 2/14 января. Гродно.

Не получая долго отвѣта на свое послѣднее письмо, я думала уже, что оно затерялось, изъ за того ли, что неправильно написанъ былъ адресъ или по другой причинѣ. Я собралась уже было написать снова, но получила Ваше любезное и милое письмо. Мнѣ вполнѣ понятны всѣ указанныя Вами причины запозданія Вашего письма—я сама не разъ была въ такомъ же положеніи. Прошу Васъ вѣрить, что когда бы ни получилось Ваше письмо, я всегда буду ему душевно рада.

Сердечно благодарю за присланныя книги. Постараюсь по мѣрѣ силъ использовать легенды, а въ мартѣ, когда пріѣду въ Варшаву, отвезу Вамъ эти книги. Томъ Талмуда въ переводѣ будетъ для меня пріятнымъ подаркомъ и очень полезнымъ пособіемъ при составленіи моей книжки по еврейскому вопросу, о которой я постоянно думаю. Я думаю о ней, но пока не при-

нялась еще за осуществленіе своего плана. Я хотѣла бы, чтобы это былъ серьезный трудъ, а такую книгу не легко написать скромной беллетристкѣ, вдобавокъ привыкшей выражать свои мысли при помощи образовъ и картинъ, а не аргументовъ. Беллетристика создаетъ для мысли и воображенія вообще навыки, отъ которыхъ трудно отрѣшиться. Вѣдь она, также какъ и другія отрасли литературы и искусства, является особой спеціальностью,—а бѣда тому, кто берется не за свое дѣло. Можетъ быть, поэтому мы знаемъ такъ мало беллетристовъ, которые дали что нибудь значительное въ другихъ областяхъ. Какъ въ драмахъ, такъ и въ серьезныхъ статьяхъ, у беллетриста всегда будетъ не тотъ стиль, который нуженъ: волка всегда въ лѣсъ тянетъ. Тѣмъ не менѣе я попытаюсь что нибудъ написать спустя нѣкоторое время, а пока буду читать и собирать матеріалъ. Я должна еще добавить, что живя въ провинціи, гораздо труднѣе писать книгу, содержаніе которой составляютъ не образы и картины, а доказательства и факты, потому что часто не хватаетъ какого нибудь источника, какой нибудь помощи со стороны людей или книгъ, а найти ее трудно, а то и совсѣмъ невозможно. Это плохая сторона жизни въ захолустьи, но есть и хорошія стороны: тишина, покой, сосредоточенность, отдаленность отъ всякихъ вліяній и конфликтовъ; все это способствуетъ самостоятельной выработкѣ мнѣній и понятій.

Мнѣ страшно хочется узнать мнѣніе Ваше о моемъ „Езофовичѣ". Я боюсь, что эта повѣсть не оправдаетъ ожиданій, вызванныхъ замѣтками о ней, предшествовавшими ея появленію въ свѣтъ. Къ счастью, ее украшаютъ и придаютъ ей большую цѣнность прекрасные рисунки Андріоли, изъ которыхъ впрочемъ самымъ лучшимъ кажется мнѣ первый (я знаю только тѣ три, которые уже появились въ краскахъ).

Поздравляю Васъ съ прекрасной мыслью написать для юбилейнаго сборника статью о евреяхъ въ произведеніяхъ Крашевскаго; я нахожу, впрочемъ, что онъ слишкомъ мало думалъ и мало сдѣлалъ для разрѣшенія этого столь важнаго вопроса нашей жизни. Я вспоминаю въ повѣсти „Resurecturi" благородную фигуру еврея, впрочемъ испорченную въ конецъ фальшивой характеристикой. Это корчмарь Шмуль, излагающій свои мысли самымъ чистымъ и возвышеннымъ языкомъ, какой существуетъ подъ солнцемъ, произносящій цѣлыя тирады о самопожертвованіи и героизмѣ и могущій своими манерами заткнуть за поясъ любого свѣтскаго человѣка. Фальшь, лежащая въ основѣ этой характеристики, дѣлаетъ этотъ типъ блѣднымъ и неправдоподобнымъ, превращаетъ его не то въ манекена, не то въ абстракцію. Все это доказываетъ, какое важное мѣсто въ кодексѣ беллетриста должна занимать обрисовка характера. Если она невѣрна, то самыя лучшія намѣренія автора вызовутъ только недовѣрчивую улыбку на устахъ читателя. Поэтому Шмуль изъ „Resurecturi" является крайне неудачнымъ типомъ, и не можетъ произвести впечатлѣнія даже на самыхъ непред-

убѣжденныхъ читателей. Вообще я имѣю слабое представленіе о еврейскихъ типахъ у Крашевскаго, но мнѣ кажется, что Вы при писаніи своей статьи встрѣтите не мало затрудненій, тѣмъ болѣе что статья эта, предназначенная для юбиляра, должна быть выдержана преимущественно, а пожалуй и исключительно, въ похвальномъ тонѣ. А тутъ бѣда съ такими явными похвалами! Должна сознаться, что я всегда охотно и съ радостью готова преклониться передъ человѣческими заслугами, но мнѣ трудно и непріятно бить челомъ передъ божками. А Крашевскій теперь прямо произведенъ въ божки, и когда пишемъ о немъ, приходится съ самаго начала отказаться отъ критики и настроиться на диѳирамбическій ладъ. Но будущее покажетъ, какое мѣсто придется отвести критикѣ. Я многое уважаю въ Крашевскомъ, но убѣждена, что черезъ 20 лѣтъ будетъ выброшено много словъ изъ гимна, котрый теперь ему поется. Я говорю это Вамъ по секрету, потому что теперь я въ особенности, какъ беллетристка, должна молчать, хотя нерѣдко повторяю сама себѣ святыя слова Талмуда (?): не говори—„согласенъ“ на все, на что народъ скажетъ „согласенъ!“ Что же касается еврейскихъ типовъ въ польской литературѣ, то по моему гораздо выпуклѣе, правдивѣе, вообще лучше рисуетъ ихъ Ежъ. Недавно я нашла у него въ „Historyi praprawnuka“ прелестное описаніе корчмаря и его семьи въ сопоставленіи съ типомъ идеально благороднаго поляка. Какъ забавенъ этотъ старый Борухъ, который говоритъ и держитъ себя такъ, какъ долженъ себя держать человѣкъ въ его положеніи, и какъ онъ трогателенъ, когда плачетъ на груди стараго шляхтича, вспоминая героическое прошлое, или когда отсиживаетъ девятидневный (?) трауръ послѣ смерти національнаго героя (Костюшки),—и насколько этотъ простоватый и вообще, какъ я уже сказала, забавный Борухъ жизненнѣе, выше, прекраснѣе патетическаго и какого то прилизаннаго Шмуля изъ „Resurecturi“! Вообще, я должна Вамъ сказать (все еще по секрету), что если потомство вычеркнетъ что нибудь (а можетъ быть и многое) изъ гимна, который поется въ честь нынѣшняго юбиляра, то оно должно будетъ прибавить много, много къ той тихой, едва слышной пѣсенкѣ, которую очень немногіе читатели поютъ въ сердцахъ своихъ въ честь самаго умнаго, талантливаго и серьезнаго изъ нашихъ беллетристовъ—Теодора Томаша Ежа. Правда, онъ не исписалъ въ жизни милліоновъ листовъ бумаги, и среди писаній его есть вещи посредственныя, а то и совсѣмъ слабыя, но изъ подъ его пера вышло нѣсколько произведеній, поражающихъ глубиной мысли и художественностью, какія и не снились........ *).

Но я должна умѣрить свой пылъ, не то напишу еще больше кощунственныхъ вещей, которыя и Вамъ, быть можетъ, покажутся кощунствомъ. Во всякомъ случаѣ, это лишь мое личное мнѣніе, и весьма возможно, что я ошибаюсь. Немало смущаетъ меня,

*) Многоточіе въ подлинникѣ.—*Ред.*

однако, вопросъ о статьѣ, посвященной Крашевскому, для книжки, издающейся въ честь Крашевскаго. Я просто ломаю себѣ голову надъ вопросомъ, о чемъ бы мнѣ написать, такъ чтобы воскурить возможно больше ѳиміаму съ возможно меньшимъ ущербомъ для того, что считаю правдой.

Г. Дроздовскій, переводчикъ при варшавской судебной палатѣ, просилъ у меня разрѣшенія перевести „Меера Езофовича" на русскій языкъ. Сообщаю Вамъ этотъ фактъ, который меня очень радуетъ, а для Васъ, быть можетъ, небезынтересенъ. Г. Дроздовскій прочелъ всю повѣсть въ рукописи, которую одолжилъ ему редакторъ „Klos'овъ"

Я очень бы хотѣла дать этой зимой для „Israelit'ы" какой нибудь разсказецъ или статью, но какъ то въ этомъ году съ моей работой дѣло обстоитъ плохо. Мнѣ нездоровится, и различныя обстоятельства мѣшаютъ мнѣ писать. Но я воспользуюсь первой удобной минутой, чтобы осуществить свое намѣреніе, и хотѣла бы дѣйствительно оказать помощь журналу, который долженъ былъ бы встрѣтить живѣйшее сочувствіе среди польскихъ писателей, еслибы эти писатели...etc...etc.

Кончаю длинную нашу бесѣду. Примите выраженіе истиннаго уваженія и дружескій привѣтъ. Если у Васъ найдется какъ нибудь свободная отъ занятій минута и Вамъ захочется черкнуть мнѣ пару словъ, искренно буду рада. Эл. Оржешкова.

№ 7. — 1879, 1 февраля. Гродно.

Я давно уже не имѣла удовольствія бесѣдовать съ Вами, хотя бы письменно. Но теперь, послѣ прочтенія рецензіи на мою повѣсть въ „Izraelita", я хочу отъ души поблагодарить Васъ за столь лестную и серьезную оцѣнку моей работы. Я обязана этой рецензіи тѣмъ, что на этихъ дняхъ мнѣ сдѣланъ былъ пріятный сюрпризъ: Михаилъ Рабиновичъ, прочитавъ статью въ „Izraelita", прислалъ мнѣ свой трудъ (переводъ Талмуда на французскій языкъ) и милое письмо, въ которомъ выражалъ желаніе имѣть повѣсть „Мееръ Езофовичъ". Я тотчасъ же исполнила это желаніе и послала свою книжку въ Парижъ, душевно радуясь, что она заинтересовала уважаемаго ученаго, который, судя по тому, что о немъ имѣется во французскихъ журналахъ, пользуется уваженіемъ въ европейскомъ литературномъ мірѣ.

Надѣюсь, Вы меня извините, если я рѣшусь, въ ущербъ самой себѣ, возражать противъ одного мѣста Вашей рецензіи. Вы пишете, что мнѣ нужна была большая смѣлость, чтобы внести въ литературу еврейскій вопросъ, и что я могла заранѣе предвидѣть, что потеряю популярность среди большинства своихъ сородичей. Я не думаю, что дѣло обстоитъ такъ печально. Нѣкоторая смѣлость требуется отъ каждаго серьезнаго писателя, который высказывается объ общественныхъ вопросахъ нѣсколько иначе, чѣмъ его предшественники. Все новое кажется многимъ

непонятнымъ и досаднымъ. Но въ данномъ случаѣ требовалось не больше смѣлости, чѣмъ въ другихъ, — и дѣйствительно то, что я написала „Меера Езофовича", не дало мнѣ ничего, кромѣ цѣлаго ряда пріятныхъ переживаній. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ при извѣстной зрѣлости ума огорчаться изъ за неразумныхъ упрековъ или еще болѣе неразумныхъ подозрѣній, которыя возникаютъ въ средѣ людей невѣжественныхъ и злыхъ и въ которыя въ сущности никто не вѣритъ, даже тѣ, которые измышляютъ все это и повторяютъ. Зато я получила множество доказательствъ того, что всѣ тѣ, кого можно и слѣдуетъ уважать, тѣ, чье слово имѣетъ вѣсъ на вѣсахъ прогресса и судебъ нашего народа, раздѣляютъ взгляды и стремленія, которые я пыталась выразить въ своей повѣсти. Такъ напр., въ 11-мъ № „Nowin" я нашла необычайно благопріятный и лестный отзывъ о „Меерѣ" Ежа, а нѣсколько дней назадъ получила письмо отъ Вл. Спасовича, который привѣтствуетъ появленіе въ свѣтъ этой повѣсти и увѣряетъ, что со мною заодно всѣ тѣ, кто искренно и разумно любитъ свою страну и вообще любитъ людей. Какое же значеніе могутъ имѣть наряду съ такими отзывами самыя неблагопріятныя сужденія горсти людей отсталыхъ и фанатичныхъ? Для меня во всякомъ случаѣ сужденія эти никакого значенія не имѣютъ и скорѣе могутъ меня обрадовать, чѣмъ огорчить, такъ какъ доказываютъ и другимъ и мнѣ самой, что по стремленіямъ своимъ и чувствамъ, какъ и по своему научному развитію, я принадлежу не къ этимъ людямъ, а къ тѣмъ, которые, служа обществу въ правдѣ и любви, прокладываютъ для него новые пути.

Я провела все прошлое лѣто въ деревнѣ, прилежно и съ интересомъ изучала древнюю исторію,— въ особенности исторію еврейской религіи. Я собрала много данныхъ, исписала замѣтками массу листовъ бумаги, составила цѣлый планъ книги, о которой мы не разъ съ Вами говорили, а потомъ вдругъ у меня такъ разболѣлись глаза, что вотъ ужъ пять мѣсяцевъ, какъ я не пишу ничего, кромѣ писемъ. Каковы будутъ результаты этого бѣдствія, и будетъ ли ему конецъ — сама не знаю. Знаю лишь, что для меня это такой неожиданный и жестокій ударъ, что я должна собрать всѣ силы, чтобы перенести его съ мужествомъ. Я лечусь, и въ послѣднее время мнѣ стало немного легче. Возможно, что съ теченіемъ времени—опредѣлить срокъ, конечно, невозможно — я смогу вновь приняться за работу и попытаюсь тогда осуществить намѣреніе, отъ котораго съ болью мнѣ пришлось отказаться. Я надѣюсь, что Вы какъ нибудь въ минуту досуга вспомните обо мнѣ и напишете мнѣ пару словъ, что доставитъ мнѣ большое и искреннее удовольствіе. А пока примите выраженіе истиннаго уваженія и сердечный дружескій привѣтъ. Эл. Оржешкова.

№ 8. — 6 авг. 80. Гродно.

Я съ большимъ удовольствіемъ принимаю Ваше предложеніе — открыть въ нашемъ книжномъ магазинѣ подписку на Вашъ

журналъ, и сердечно благодарю за память. Что касается условій, то они въ самомъ скоромъ времени будутъ посланы Вамъ лицами, завѣдывающими книжнымъ магазиномъ, которымъ я и переслала сегодня Ваше письмо.

Я искренно рада, что этотъ обмѣнъ краткими письмами даетъ намъ возможность возобновить наше прежнее, столь для меня пріятное и цѣнное знакомство, и что я снова могу послать Вамъ выраженіе искренняго уваженія и преданности.

Эл. Оржешкова.

№ 9. — 22 мая 1881 г. *)

Меня всегда радуетъ каждое Ваше письмо — оно приноситъ съ собою пріятныя воспоминанія о нашей продолжительной и систематической перепискѣ въ тѣ времена, когда я обдумывала, а потомъ писала „Меера Езофовича".

Привѣтствую отъ души Вашъ планъ изданія еврейскаго календаря; искренно хотѣла бы принять въ немъ участіе. Очень жалѣю, что Вы не предложили мнѣ этой работы немного раньше: теперь я сильно утомлена безпрерывной зимней работой, немного слаба и вообще не настроена писать. Такое состояніе продолжается у меня обыкновенно въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ; если лѣтомъ мнѣ удается вполнѣ отдохнуть, я осенью чувствую приливъ энергіи, необходимой даже для такой скромной творческой работы, какъ моя. Я ни за что не хочу, чтобы моя статья для еврейскаго календаря была написана кое-какъ, а не знаю, удастся ли мнѣ теперь написать что нибудь порядочное. Поэтому не рѣшаюсь ничего обѣщать; могу Васъ только увѣрить, что если еще до окончанія срока наступитъ болѣе благопріятный моментъ, то я воспользуюсь имъ только для того, чтобы исполнить Вашу просьбу. Письмецо, адресованное г-жѣ Косціолковской, уже прочитано ею. Охотно напишу пару словъ Ежу.

Съ уваженіемъ, искренно преданная Эл. Оржешкова.

№ 10. — 8 іюня 81. Гродно.

Я просто въ отчаяніи, что никоимъ образомъ не могу теперь же удовлетворить Ваше желаніе. Готоваго у меня ничего нѣтъ, а писать я не могу вслѣдствіе разныхъ причинъ. Какъ жаль, что я не знала обо всемъ этомъ раньше... Если-бы Вы могли подождать хоть нѣсколько недѣль, пока я пришлю свою работу!.. Когда начнется печатаніе календаря? Я больше всего хотѣла бы и скорѣе всего смогла бы написать вступленіе — у меня есть уже много мыслей для этого; будьте любезны сообщить мнѣ, когда послѣдній срокъ присылки

*) На бланкѣ письма—печатная фирма: „E. Orzeszko et C°. Vilno, Rue S-t Jean, maison Weber. Livres, journaux, notes, tableaux etc.

рукописи а также, считаете ли вы удобнымъ, чтобы я въ этой статьѣ выступала отъ своего имени: вѣдь всѣ знаютъ (по крайней мѣрѣ, я льщу себя надеждой, что знаютъ), что я, какъ полька, питаю самыя сердечныя чувства къ евреямъ, моимъ иновѣрнымъ согражданамъ. Вы не можете даже себѣ представить, какъ мнѣ хочется принять участіе въ этомъ симпатичномъ изданіи, и какъ будетъ мнѣ грустно, если я, изъ за недостатка времени или вѣрнѣе изъ за того, что предоставленный мнѣ срокъ слишкомъ кратокъ, не смогу этого сдѣлать. Жду Вашего отвѣта. Съ истиннымъ уваженіемъ, преданная Вамъ

Эл. Оржешкова.

№ 11.— 7 авг. 1881.

Мое „Вступленіе къ календарю" всецѣло принадлежитъ Вамъ, и Вы можете сдѣлать съ нимъ все, что Вамъ угодно—напечатать въ этомъ году или сохранить до будущаго; я на все совершенно согласна. Впрочемъ, сегодня я получила письмо и отъ г. Гольдшмидта, въ которомъ онъ пишетъ, что мое вступленіе уже вошло въ составъ календаря этого года. Можетъ быть, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и непріятностей для кого бы то ни было, лучше будетъ наши статьи—мою и Косціолковской—оставить у г. Гольдшмидта, а мы въ будущемъ году напишемъ для Васъ другія статьи. У меня, можетъ быть, даже лучше выйдетъ: эту свою статью я, какъ Вамъ уже писала, считаю неудачной. Впрочемъ, я предоставляю Вамъ рѣшить этотъ вопросъ и пишу объ этомъ г. Гольдшмидту.

Съ искреннимъ уваженіемъ, душевно преданная Эл. Оржешкова.

№ 12.— 13 авг. 1881. Гродно.

Я очень рада, что моя небольшая статейка пригодится для еврейскаго календаря; я въ этомъ сомнѣвалась, потому что писала ее въ состояніи крайне неблагопріятномъ для умственной работы. Мнѣ несомнѣнно было бы пріятно принимать участіе въ издательствѣ, во главѣ котораго стоите Вы; но я не имѣю ничего противъ того, чтобы статья моя была напечатана въ другомъ изданіи, если конечно направленіе его будетъ такое же, какъ подъ Вашимъ руководствомъ. Въ этомъ я впрочемъ не сомнѣваюсь. Съ г-жей Косціолковской я теперь не могу снестись, такъ какъ она уѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ довольно далеко, и я не имѣю ея точнаго адреса. Но я думаю, что имѣю полное право выразить отъ имени своей подруги согласіе на печатаніе ея статьи въ календарѣ при новомъ составѣ редакціи—конечно, при томъ лишь условіи, если Вы признаете эту редакцію и считаете, что она держится тѣхъ же взглядовъ, что и Вы.

Мнѣ кажется впрочемъ, что польское изданіе, предназначенное для евреевъ, не можетъ имѣть другихъ цѣлей и стремленій,

кромѣ братства и единенія. Что касается этихъ послѣднихъ словъ, то, еслибъ я не боялась отнимать у Васъ дорогое время и злоупотреблять Вашей любезностью, я задала бы Вамъ одинъ вопросъ и просила бы отвѣтить на него. Какъ Вы думаете—съ той зимы, когда мы такъ часто переписывались, а я писала „Меера Езофовича", подвинулось ли въ нашей странѣ дѣло единенія и братства хотя бы на шагъ впередъ? Я знаю, что политическія условія, въ которыхъ мы живемъ, и невозможность созданія нужныхъ намъ законовъ и учрежденій сильно тормозятъ прогрессъ во всѣхъ сферахъ, а значитъ и въ этой; я знаю также, что нельзя ни требовать, ни ждать большихъ перемѣнъ. Но подвинулось ли дѣло хоть немного впередъ? Не напрасна ли наша работа? Въ силахъ ли мы преодолѣть препятствія?

Буду Вамъ благодарна, если попросите издателя календаря прислать мнѣ своевременно одинъ экземпляръ этого изданія.

Глубоко уважающая и искренно преданная Эл. Оржешкова.

№ 13.—13 ноября 1883 г. Гродно.

Ваше письмо доставило мнѣ большую радость, такъ какъ оно доказываетъ, что Вы питаете еще ко мнѣ дружескія чувства, которыя я очень цѣню, и помните меня. На Вашъ вопросъ—что я думаю о вновь усилившемся у насъ настроеніи, неблагопріятномъ разрѣшенію еврейскаго вопроса, я многократно, подробно и въ разныхъ формахъ отвѣчаю въ печати. Вы знаете мои взгляды на это, какъ знаетъ ихъ и читающая публика; я думаю, что было бы безполезно повторять сказанное мною тѣмъ болѣе, что столь важный и сложный вопросъ нельзя разрѣшать поверхностно, въ нѣсколькихъ словахъ. Я не знаю, что именно побудило уважаемаго Ежа коснуться этого въ поверхностной статьѣ; но, несмотря на нѣсколько фразъ, которыя пріобрѣтаютъ вѣсъ лишь потому, что вышли изъ подъ его пера, нельзя сомнѣваться въ его либеральныхъ убѣжденіяхъ вообще и въ частности въ справедливомъ и дружественномъ отношеніи къ еврейству. Онъ, впрочемъ, далъ доказательства такого отношенія во многихъ своихъ повѣстяхъ, за него говоритъ все прошлое, и нѣсколько выраженій, слишкомъ подчеркивающихъ одну сторону вопроса, не должны, по моему, возбуждать противъ него неудовольствіе или полемику. Мы боремся съ попятными теченіями, каждый по мѣрѣ силъ своихъ, мы глубоко страдаемъ при видѣ ихъ и возлагаемъ всю надежду на время, которое приноситъ свѣтъ, разъясняетъ, успокаиваетъ и примиряетъ. Вообще, грустно жить на свѣтѣ, и грустно, что—по своей ли волѣ или нѣтъ—должны жить на землѣ и такіе люди, которые сквозь туманъ увидѣли чудесный обликъ идеала и пытались указывать на него другимъ, но убѣдились, что самый прахъ ихъ истлѣетъ раньше, чѣмъ у слѣпыхъ откроются глаза.

Я написала въ этомъ году большую повѣсть изъ іудео-римской эпохи *), гдѣ изображаются столкновенія и борьба обоихъ народовъ въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., въ эпоху Веспасіана и Тита. Эту повѣсть пріобрѣлъ у меня г. Левенталь, но она появится въ печати не раньше 1885 г.

Глубоко уважающая и искренно преданная Эл. Оржешкова.

Перев. съ польскаго **С. Мстиславская.**

---

*) „Миртала". Переведена въ „Восходѣ" 1887 г., кн. 1—7.

Воспоминанія о старой Одессѣ.

Мое пребываніе въ Талмудъ-торѣ и Сиротскомъ домѣ.

(1868—70 г.).

I.

Одинъ изъ моихъ ближайшихъ родственниковъ тайно отъ своей семьи бѣжалъ въ Житоміръ, чтобы тамъ поступить въ Раввинское Училище. Такъ какъ бѣглецъ роднымъ не писалъ, а переписывался только съ учителемъ И. Варшавскимъ, который, очевидно, содѣйствовалъ ему въ этой поѣздкѣ, то меня часто посылали къ послѣднему за извѣстіями. Ицхокъ Варшавскій извѣстенъ былъ среди благочестивыхъ одесскихъ евреевъ, составлявшихъ тогда огромное большинство въ общинѣ, подъ именемъ „Ицикль деръ апикойресъ", такъ какъ занималъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ среди одесскихъ „маскилимъ". Онъ состоялъ учителемъ одесской Талмудъ-торы, считавшейся центромъ и оплотомъ маскилизма, просвѣщенія, или „эпикурейства" съ точки зрѣнія правовѣрныхъ. Болѣе всего онъ сдѣлался извѣстенъ послѣ появленія въ печати его книги החוקר („Изслѣдователь"),—сборника статей по филологіи и исторіи на древнееврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (1863—66 г.). Въ тѣ времена достаточно было выпустить въ свѣтъ самую невинную книжку съ претензіей на научность, чтобы пріобрѣсти себѣ громкую славу среди „просвѣщенныхъ" и репутацію „подозрительнаго" въ лагерѣ ортодоксіи. Впрочемъ, къ Варшавскому даже самые строгіе ортодоксы относились безъ вражды и только иронически улыбались, когда заговаривали объ этомъ „апикойресѣ".

Однажды, когда я находился у Варшавскаго, я увидѣлъ на краю комода листъ газеты „Гамелицъ". Этотъ большой листъ съ древнееврейскими буквами меня крайне заинтересовалъ, и я принялся его просматривать, въ то время какъ хозяинъ чѣмъ-то былъ занятъ. Замѣтивъ мое любопытство, Варшавскій предложилъ мнѣ взять себѣ этотъ номеръ.

На другой день, когда утренняя молитва въ нашемъ бесъ-гамедрашѣ была окончена и большая часть молящихся уже разошлась, я принялся за повтореніе урока Талмуда, которому меня даромъ обучалъ одинъ старикъ-„литвакъ“, проводившій, подобно многимъ другимъ бездомнымъ скитальцамъ, всѣ дни и ночи въ этомъ своеобразномъ домѣ Торы и молитвы. Позанявшись немного, я вытащилъ изъ-за пазухи запрятанный тамъ листъ „Гамелица“ и принялся читать помѣщенный въ фельетонѣ очеркъ, въ которомъ въ юмористической формѣ описывалась брачная горячка („бегола“), свирѣпствовавшая въ эпоху николаевской рекрутчины, когда женили мальчиковъ, начиная съ 10-лѣтняго возраста, чтобы ихъ такимъ образомъ избавить отъ страшной участи кантонистовъ. Между прочимъ разсказывалось, какъ одинъ проѣзжій, зашедшій въ еврейскую корчму, нашелъ мальчика лѣтъ двѣнадцати, лежавшаго на печи въ одной рубахѣ. На вопросъ, почему онъ, взрослый мальчикъ, лежитъ такимъ образомъ, онъ отвѣтилъ, что свои штаны онъ долженъ былъ отдать своему брату, котораго отвезли въ городъ жениться.

Я при этомъ громко расхохотался. И почти въ то же мгновеніе почувствовалъ какъ-будто сильный ожогъ на щекѣ, происшедшій отъ прикосновенія жесткой, костлявой руки. Рука принадлежала сидѣвшему позади меня, въ „талесѣ“ и „тефилинъ“, торговцу мукой—Мотель-Гершу, который имѣлъ обыкновеніе послѣ утренней молитвы оставаться на часокъ и „пройти листъ Гемары“. Однако пощечиной онъ еще не удовлетворился. Онъ взволнованно зашагалъ по бесъ-гамедрашу. Его негодованіе не имѣло предѣловъ.—Какъ! осквернять Талмудъ прикосновеніемъ грязной бумаги, годной лишь для „ascher jozar“! Внести въ бесъ-гамедрашъ подобную нечисть! И кто это сдѣлалъ!..

Скандалъ вышелъ крупный; я долженъ былъ убѣжать изъ бесъ-гамедраша—и больше не осмѣливался туда идти, по крайней мѣрѣ въ первое время.

На другой день я явился къ Варшавскому, который меня всегда принималъ очень привѣтливо, и разсказалъ ему про случившееся. Онъ выслушалъ меня со своей обычной добродушной улыбкой, ничего не сказалъ, а только спросилъ, что я намѣренъ теперь дѣлать. Я ему отвѣтилъ, что думаю поступить въ Талмудъ-тору. Эта идея, признаться, пришла мнѣ въ голову только въ тотъ моментъ, когда мнѣ пришлось отвѣтить на его вопросъ. Онъ не выразилъ никакого одобренія, какъ я того ожидалъ, а только велѣлъ мнѣ придти на другой день утромъ въ Талмудъ-тору.

Это было недѣли за двѣ до Пурима, около 1868 года, если не ошибаюсь. Часовъ въ десять утра, я явился въ Талмудъ-тору, которая тогда помѣщалась въ Авчинниковскомъ переулкѣ, между Еврейской и Троицкой улицами. Съ неописуемымъ трепетомъ поднялся я по грязной и зловонной деревянной лѣстницѣ, среди десятковъ оборвышей, которые подняли меня на смѣхъ за мою длинную одежду и мои пейсы.

— Флохтъ, хусидель!—раздавалось со всѣхъ сторонъ. И у меня больно сжалось сердце отъ обиды.

Наконецъ, я очутился въ такъ называемой учительской, составлявшей собственно часть корридора, отъ котораго она отдѣлялась деревяннымъ простѣнкомъ. Она была очень непривѣтлива и наполнена густымъ табачнымъ дымомъ. Почти всѣ учителя были тутъ въ сборѣ, хотя это было время уроковъ.

Всѣ отнеслись ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ, очевидно, благодаря моему родственнику, который считался крупнымъ пріобрѣтеніемъ въ воинствѣ „гаскалы". Да и я самъ представлялъ для нихъ лакомый кусочекъ, какъ принадлежавшій къ уважаемой и развѣтвленной въ Одессѣ ортодоксальной семьѣ. Надо замѣтить, что въ Талмудъ-тору тогда поступали почти исключительно дѣти еврейской черни, изъ самой отчаянной голытьбы.

Меня спросили, умѣю ли я читать по-русски. Я отвѣтилъ утвердительно. Я, дѣйствительно, умѣлъ читать по складамъ не только по русски, но и латинскій шрифтъ. Мнѣ какъ-то одинъ учитель чистописанія показалъ обѣ азбуки, и я сейчасъ же сталъ прилагать свои знанія, упражняясь въ чтеніи на вывѣскахъ питейныхъ заведеній и ренсковыхъ погребовъ, которыя писались въ Одессѣ на трехъ языкахъ: русскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ. Постоянно, бывало, мнѣ мерещатся тексты вывѣсокъ: „Распивóчно и на вынóсъ (такъ я произносилъ), Ренсковой погребъ, Cantina Condenerse Vini, Weinhandlung и т. д.

Меня приняли въ первый классъ и сейчасъ туда повели. Когда меня посадили на скамью, втиснувъ среди десятка оборванныхъ уличныхъ мальчугановъ, которые насмѣшливо на меня смотрѣли, я думалъ объ одномъ только: какъ бы бѣжать отсюда. Подобное чувство долженъ испытывать еврейскій новобранецъ изъ благочестивой семьи, очутившійся въ первый разъ въ казармѣ. Все тутъ казалось мнѣ чуждымъ, сѣрымъ и будничнымъ. И съ болѣзненной тоской думалъ я объ оставленномъ бесъ-гамедрашѣ, который рисовался мнѣ теперь во всемъ ореолѣ своей духовной красоты и поэтическаго обаянія. Наибольшую прав-

ственную муку причиняло мнѣ сидѣніе безъ шапки. Я себя почувствовалъ до того преступнымъ, какъ будто совсѣмъ оставилъ еврейство, и глаза наполнились жгучими слезами.

Шелъ урокъ русскаго языка, преподавателемъ котораго былъ очень извѣстный въ Одессѣ Э. Трубичъ. Читали какой-то разсказъ изъ „Друга дѣтей", и каждое слово переводили на чистый нѣмецкій языкъ, точно такъ какъ переводили въ хедерѣ „хумешъ" на жаргонъ, съ той разницей, что жаргонъ дѣти знали, а по нѣмецки они ни слова не понимали. Въ классѣ, въ которомъ было больше пятидесяти учениковъ, несмотря на крайнюю строгость учителя, стоялъ непрерывный шумъ. Стиснутые вмѣстѣ по десяти-двѣнадцати на скамьѣ, гдѣ было мѣсто только для восьми, ученики находились въ напряженномъ состояніи, безпрерывно двигались, шушукались, болтали между собой, каждый разъ со смертнымъ страхомъ оглядываясь, не слѣдитъ ли за ними учитель.

А бояться было чего; ибо линейка, которою передовые учителя замѣнили тутъ „канчукъ" отсталыхъ меламедовъ, довольно часто опускалась на спины и руки бѣдныхъ учениковъ, которые при этомъ подскакивали отъ боли.

Впрочемъ, какъ увидимъ дальше, была отдана дань и традиціи: „канчукъ" тоже не былъ совсѣмъ изъятъ изъ употребленія.

II.

Домъ, составлявшій собственность одесской Талмудъ-торы, имѣлъ два фасада, изъ которыхъ одинъ выходилъ въ Авчинниковскій переулокъ, а другой на Александровскій проспектъ. Въ послѣднемъ и помѣщалась школа, а въ первомъ, годъ спустя послѣ моего поступленія, былъ устроенъ сиротскій домъ, о которомъ еще будетъ рѣчь дальше.

Талмудъ-тора имѣла шесть классовъ: три основныхъ, два приготовительныхъ *А* и *Б*, и одинъ, почему-то называвшійся „параллельнымъ", а на самомъ дѣлѣ—старшій приготовительный, изъ котораго ученики поступали въ первый классъ. Преподавались древнееврейскій, русскій и нѣмецкій языки, ариѳметика и чистописаніе.

На урокахъ древнееврейскаго языка преподавалась Библія до пророковъ, безъ всякой грамматики, даже безъ малѣйшихъ практическихъ ґрамматическихъ объясненій, съ переводомъ на русскій языкъ. Въ первомъ классѣ тогда еще сохранился методъ

перевода Пятикнижія на нѣмецкій языкъ (раньше все переводилось по-нѣмецки). Въ старшемъ приготовительномъ (параллельномъ) Пятикнижіе проходили по сокращенному תולדות ישראל. Кромѣ Библіи, въ высшихъ классахъ—второмъ и третьемъ—еще переводили молитвы, конечно также на русскій языкъ.

Во главѣ Талмудъ-торы стоялъ докторъ А. Гольденблюмъ, зять Цедербаума и соредакторъ его по „Гамелицу". Одно время оба эти мужа занимали нижній этажъ флигеля, выходившаго въ Авчинниковскій переулокъ. Докторъ Гольденблюмъ былъ высокій, статный, нѣсколько полный, но красивый и весьма представительный мужчина, съ небольшой русой бородкой, съ длинными русыми волосами и мягкими синими глазами, не выражавшими большого ума. Онъ былъ нѣмецкій еврей и не зналъ поэтому ни еврейскаго жаргона, ни русскаго языка. Его выписали изъ Германіи еще тогда, когда среди „маскилимъ" вообще и одесскихъ въ особенности преобладалъ нѣмецкій духъ, стремленіе къ нѣмецкой культурѣ, съ которой собственно и началась вся „гаскала". Культуртрегерами же въ Одессѣ вообще были такъ называемые „бродскіе", т. е. галиційскіе евреи, которые и по богатству, и по образованности играли главную роль въ общинѣ, являясь руководителями всѣхъ лучшихъ еврейскихъ общественныхъ учрежденій.

Докторъ Гольденблюмъ преподавалъ въ Талмудъ-торѣ нѣмецкій языкъ, который тогда былъ сохраненъ среди преподаваемыхъ предметовъ, повидимому, только ради него. Ибо въ то время сталъ уже сильно проявляться руссификаторскій духъ, не столько культурный, сколько казенный. Глухая борьба между руссификаторскими стремленіями и просвѣтительными въ духѣ Мендельсона отражалась и на отношеніяхъ учительскаго персонала къ Гольденблюму, о чемъ разскажу дальше.

Преподавателями по древне-еврейскому языку состояли: Юліусъ Бардахъ, тоже занимавшій очень видное мѣсто въ области тогдашняго „просвѣщенія", уже упомянутый Ицхокъ Варшавскій и Іосифъ Зонненбликъ, приходившійся (несмотря на различіе фамилій) роднымъ братомъ Ю. Бардаху.

Русскій языкъ, какъ я уже упомянулъ, во всѣхъ основныхъ классахъ преподавалъ Э. Трубичъ—человѣкъ образованный, нѣсколько педантичный, но честный и прямой, державшійся съ большимъ достоинствомъ. Ариѳметику преподавалъ ребъ - Узіэль Пастернакъ, котораго ученики называли „der Rochmaister".

Ребъ Узіель представлялъ собою самую оригинальную фигуру

среди талмудъ-торскихъ учителей. Въ то время, какъ всѣ одѣвались совсѣмъ по „европейски", а нѣкоторые, какъ напримѣръ Ю. Бардахъ и учитель чистописанія Корнфельдъ, одѣвались даже щеголевато и изысканно, находя въ этомъ верхъ „европеизма",— ребъ Узіэль сохранялъ свой длиннополый костюмъ, свою ермолку, свои длинныя растрепанныя пейсы и длинную бороду. Онъ это дѣлалъ не изъ особеннаго благочестія, а потому, что находилъ крайне смѣшнымъ для себя мѣнять вдругъ свой внѣшній видъ. „Хорошъ бы я былъ въ коротенькомъ сюртучкѣ съ прорѣзомъ: настоящій пуримъ-шпилеръ!"—говорилъ онъ. Вообще онъ былъ большой шутникъ и постоянно смѣшилъ учителей своими анекдотами, часто весьма скабрезнаго характера.

Математикъ онъ былъ выдающійся, и всѣ свои крупныя познанія въ этой области черпалъ изъ однихъ только еврейскихъ источниковъ, такъ какъ не зналъ никакого другого языка. Онъ былъ также выдающійся талмудистъ и отличался большимъ и проницательнымъ умомъ. Но, вообще, во всемъ его поведеніи преобладало какое-то совсѣмъ ему не подобавшее легкомысліе. Не будучи совсѣмъ строгимъ ортодоксомъ, читая все, что тогда появлялось въ просвѣтительной еврейской литературѣ, онъ однако далеко не былъ приверженцемъ „гаскалы", надъ которой посмѣивался частенько. Особенно враждебно относился онъ къ руссификаціи. „Хорошо",—говорилъ онъ саркастически,—„будемъ, значитъ, теперь черпать Тору у будочника" [1]).

Преподавалъ ребъ-Узіель очень плохо. Онъ объяснялъ урокъ до того плохо, что даже я, которому математика давалась легко, ничего не понималъ въ его объясненіяхъ—и машинально дѣлалъ ариѳметическія дѣйствія, на которыя смотрѣлъ, какъ на забавные фокусы. Дѣлаешь, молъ, такъ и такъ, и получается то-то и то-то.

Чистописаніе во всѣхъ классахъ преподавалъ учитель Шнейдеръ, онъ же Корнфельдъ, который очень щеголялъ своими длинными волосами, подстриженными подъ „польку", какъ у трактирныхъ слугъ, и своимъ русскимъ произношеніемъ, казавшимся ему чисто-московскимъ. Въ силу этихъ особенностей онъ считалъ себя человѣкомъ недюжиннымъ и высоко-просвѣщеннымъ. Правда, языкъ онъ зналъ довольно слабо и самымъ, какъ онъ думалъ, лучшимъ русскимъ акцентомъ отчеканивалъ, обращаясь къ какому-либо ученику: „Принеси мнѣ двѣ бублики".

[1]) Тогда въ Одессѣ городовыхъ называли будочниками.

Въ „параллельномъ“ классѣ онъ, несмотря на это, преподавалъ также русскій языкъ.

Кромѣ названныхъ главныхъ преподавателей, столповъ Талмудъ-торы, было еще двое учителей приготовительнаго класса А и Б.

Учитель приготовительнаго класса А, гдѣ обучали еврейскому и русскому чтенію, начиная съ азбуки, былъ совершенный невѣжда, и даже въ еврейскомъ языкѣ дальше умѣнія читать его знанія не шли. Его третировали какъ бегельфера, и онъ самъ держался униженно и подобострастно передъ другими учителями. Учителемъ приготовительнаго класса Б состоялъ старичекъ Менькисъ, маленькій, рыжій, со впалой грудью, немного сгорбленный, который по выходѣ изъ класса постоянно выглядѣлъ такъ, какъ будто его только что взяли съ пытки. На перемѣнахъ онъ только и дѣлалъ, что кряхтѣлъ и хватался то за бока, то за грудь. Большой ученостью онъ также не отличался и безпощадно уродовалъ при чтеніи русскія слова.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, былъ учительскій персоналъ. О нѣкоторыхъ мнѣ еще придется говорить подробнѣе.

Классы (за исключеніемъ двухъ, параллельнаго и приготовительнаго А, окна которыхъ выходили въ стеклянный корридоръ), были свѣтлые и просторные, съ большими окнами, выходившими на широкій Александровскій проспектъ, который въ серединѣ во всю длину пересѣкался двумя аллеями старыхъ акацій. Дворъ былъ небольшой и застроенный со всѣхъ сторонъ; и когда всѣ 250—300 учениковъ спускались во время перемѣны, не оставалось буквально проходу.

III.

Новая „тора“ оказалась для меня пустякомъ, и неудивительно, что я въ первые же дни сталъ „первымъ ученикомъ“. Трубичъ, на мое несчастье, назначилъ меня „старшимъ“; это было скорѣе тяжелое иго, чѣмъ отличіе. Дѣло въ томъ, что учителя обыкновенно приходили въ классъ съ большимъ опозданіемъ и торопились уходить. Случалось даже, что они и совсѣмъ не приходили на урокъ. Заходить же въ классъ за пятнадцать—двадцать минутъ до окончанія урока у очень многихъ было почти правиломъ. Собственно въ самое зданіе Талмудъ-торы учителя приходили всѣ почти во время, и рѣдко случалось, чтобы кто-либо опаздывалъ, а тѣмъ болѣе совсѣмъ пропускалъ урокъ.

Но они очень цѣнили שבת אחים גם יחד и, вмѣсто того, чтобы заходить въ классъ, оставались тѣснымъ кружкомъ въ учительской, гдѣ вели всякія бесѣды, разсказывали анекдоты, читали вслухъ и обсуждали сенсаціонныя статьи еврейскихъ газетъ и т. п. Вѣдь это было самое горячее время, медовые мѣсяцы „гаскалы", и было о чемъ поспорить и поразсуждать. Какъ бы то ни-было, пока учителя сидѣли въ учительской и обсуждали важные культурные вопросы, отъ которыхъ зависѣло спасеніе еврейскаго народа, весь классъ оставался на рукахъ „старшаго". Онъ долженъ былъ наблюдать за порядкомъ и тишиной, записывать непокорныхъ, производящихъ шумъ и безпорядокъ, собирать тетради съ заданными уроками и т. п. Но всего этого было мало. Старшій долженъ былъ еще заниматься съ классомъ во время отсутствія учителей, т. е. „повторять".

Когда поднимался чрезчуръ сильный шумъ, нарушавшій покой и мирныя бесѣды учителей, нѣкоторые изъ нихъ яростно бросались въ классъ, и первый, кто платился, былъ старшій, какъ отвѣтственный за всѣхъ. Были такіе учителя, которые дѣлали „старшихъ" отвѣтственными даже за незнаніе учениковъ. Зато „старшій" пользовался почти неограниченной властью надъ учениками, ибо по его указанію учителя наказывали безъ дальнѣйшаго разбирательства. Зайдетъ, бывало, учитель въ классъ—и сейчасъ смотритъ на доску, гдѣ были записаны провинившіеся въ шумѣ или неприготовленіи уроковъ. И вотъ пойдетъ расплата. Преступники вызываются и становятся въ рядъ около столика учителя, гдѣ получаютъ должное: удары по головѣ сложенными въ грушу пальцами, удары линейкой по краямъ пальцевъ и т. п. Самое худшее наказаніе для бѣдныхъ учениковъ было оставленіе безъ обѣда. Ибо это было не платоническое наказаніе, не лишнее пребываніе въ классѣ послѣ окончанія уроковъ, а самое дѣйствительное лишеніе прекраснаго, горячаго супа съ мясомъ, который отпускался въ Талмудъ-торѣ огромному большинству учениковъ въ двѣнадцать часовъ дня. Бѣдняги готовы были перенести самыя ужасныя „линейки" и „груши", лишь бы не лишиться этого столь ожидаемаго обѣда. У многихъ вѣдь это являлось единственною ѣдою за цѣлый день. Впрочемъ, и сами учителя рѣдко прибѣгали къ этой жестокой мѣрѣ.

При такой власти старшаго, неудивительно, что ученики боялись его больше самого учителя, и очень часто съ горькимъ плачемъ вымаливали пощаду у него, а то еще подкупали всесильнаго классного дядьку, который почти всегда злоупотреблялъ

своею властью. Ему нерѣдко отдавали послѣдній грошъ, послѣднія крохи отъ своего нищенскаго завтрака, чтобы откупиться отъ наказанія.

Само собой разумѣется, что учителя не знали о тѣхъ злоупотребленіяхъ, къ которымъ велъ этотъ, на первый взглядъ невинный, институтъ старшихъ. Да они и не хотѣли этого знать, и вообще мало надъ такими вопросами задумывались. Въ интересы дѣтей ни одинъ изъ нихъ не входилъ, и никогда я не замѣтилъ малѣйшаго участія, малѣйшей сердечности по отношенію къ этимъ глубоко несчастнымъ малышамъ, которыхъ вся жизнь дома большей частью составляла сплошной адъ. Отношеніе было скорѣе брезгливое, подчасъ презрительное.

Маскилизмъ вообще не отличался демократизмомъ и къ народной массѣ относился пренебрежительно и свысока, какъ баринъ къ мужику. Это было первое „культурное" заимствованіе. Но я нѣсколько уклонился въ сторону.

Итакъ, я въ первую же недѣлю попалъ въ старшіе. Дѣло было передъ экзаменами, которые тогда производились весною, передъ Пасхою, и на мою долю выпалъ поистинѣ каторжный трудъ. Я долженъ былъ ежедневно повторять пройденное со всѣмъ классомъ въ теченіе полутора-двухъ часовъ послѣ окончанія уроковъ. Это было самое жестокое наказаніе, какое только можно было придумать для меня. Меня какъ будто взяли, да бросили въ клѣтку среди разъяренныхъ звѣрей. Другого сравненія я не нахожу для этихъ послѣурочныхъ занятій. Вообразите только классъ изъ пятидесяти самыхъ недисциплинированныхъ, какихъ только можно себѣ представить, мальчиковъ, съ которыми и самый строгій и опытный учитель не могъ всегда совладать, ребятъ, истомленныхъ шестичасовой учебой и мечтающихъ только о свободѣ и улицѣ, ихъ стихіи,—которыхъ вдругъ задерживаютъ и сдаютъ на руки тринадцатилѣтнему бесъ-гамедрашнику. Ученики прыгали по столамъ, яростно ревѣли и стучали руками и ногами. Словомъ, происходило что-то невообразимое. Хорошо еще, если надзиратель Шметерлингъ (о немъ будетъ рѣчь дальше), оказывался въ эти часы въ Талмудъ-торѣ и, услышавъ дикіе крики и стукъ, являлся усмирять буяновъ. Ибо одного его появленія было достаточно, чтобы все замерло. Онъ, однако, изъ „политическихъ соображеній" это рѣдко дѣлалъ. А „политика" эта состояла въ томъ, чтобы пакостить возможно больше учителямъ, ибо, какъ увидимъ ниже, онъ принадлежалъ къ партіи д-ра Гольденблюма, котораго былъ креатурой.

* * *

Наконецъ наступили экзамены, и я освободился отъ своей каторги.

Никогда не забуду этихъ экзаменовъ, которые на меня произвели сильное впечатлѣніе своей импозантностью и торжественностью, какія мнѣ пришлось видѣть въ первый разъ. Уже съ девяти часовъ утра переулокъ и дворъ стали наполняться разнаго рода крытыми дрожками и экипажами, запряженными породистыми, красивыми лошадьми различной масти.

Первыми пріѣхали оба попечителя талмудъ-торы: докторъ Эмануилъ Соловейчикъ и ребъ Иделе Гессенъ, которые въ всемъ представляли рѣзкую противоположность другъ другу. Докторъ Соловейчикъ былъ высокаго роста, съ длинными русыми волосами, падавшими до плечъ, съ длинной и довольно широкой рыжей бородой, расходившейся двумя острыми концами. Большіе проницательные, но нѣсколько суровые глаза скрывались подъ синими очками, что придавало имъ еще большую суровость. Суровость выражалъ и его высокій лобъ, который при малѣйшемъ неудовольствіи покрывался множествомъ складокъ. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе строгаго начальника, какимъ часто и проявлялъ себя. Недаромъ онъ былъ военнымъ врачемъ. Но за этой суровостью скрывалось множество высокихъ и цѣнныхъ качествъ.

Ребъ Иделе Гессенъ, родоначальникъ всѣхъ теперешнихъ Гессеновъ, былъ человѣкъ маленькаго роста, узкоплечій, съ очень смуглымъ, изрытымъ оспой, лицомъ, черными волосами, всегда низко остриженными, съ маленькой, острой бородкой и сильно утолщеннымъ носомъ. Но поразительно: не смотря на эту неказистую внѣшность, во всемъ его существѣ было что-то такое хорошее, тонкое, что привлекало и внушало уваженіе. Нашъ литературный „дѣдушка“ Менделе сказалъ, что въ евреѣ нечего искать внѣшней красоты: его еврейство есть его красота. Такая красота была и у ребъ-Иделе Гессена, который представлялъ собою лучшій типъ „гвира“ стараго закала, съ его горячей любовью ко всему еврейскому, съ его доступностью для всякаго нуждающагося, словомъ съ его истымъ еврейскимъ демократизмомъ. Соловейчикъ во все вкладывалъ свой крупный умъ и свои горячія просвѣтительныя стремленія; Гессенъ вкладывалъ во всякое дѣло свою душу, свою любовь къ народу. Когда Соловейчикъ появлялся въ Талмудъ-торѣ или въ Сиротскомъ домѣ, чувствовался приходъ начальника, а когда приходилъ Гессенъ, чувствовалось появленіе близкаго родного.

Эти два человѣка, между которыми, казалось, было большое разстояніе въ познаніяхъ и умственномъ развитіи, дополняли другъ друга и всегда шли рука объ руку, искренно любя и уважая другъ друга.

Но возвращаюсь къ экзаменамъ.

Докторъ Соловейчикъ, по своему обыкновенію, волновался, кричалъ, отдавалъ приказанія Шметтерлингу, распекалъ дворника, бѣгалъ по коррпдору, по классамъ, перебрасываясь нѣсколькими словами съ Гольденблюмомъ, который, весь красный, запыхавшись, тоже отдавая какія-то приказанія, каждый разъ пробѣгалъ мимо съ кучей всякихъ бумагъ подъ мышкой. А въ это время ребъ Иделе Гессенъ преспокойно велъ бесѣду съ Бардахомъ и Варшавскимъ по поводу какого-нибудь стиха изъ Библіи.

Наконецъ съѣхались всѣ, и насъ ввели въ экзаменаціонный залъ, въ каковой былъ превращенъ самый большой классъ. За длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣло человѣкъ десять-двѣнадцать мужчинъ, въ черныхъ костюмахъ и ослѣпительно бѣлыхъ манишкахъ, и нѣсколько дамъ, изъ которыхъ одна поражала своей красотой и царственной осанкой: то была жена банкира Абрама Бродскаго. Между мужчинами находились: докторъ Леонъ Пинскеръ, нотаріусъ Симонъ Гуровичъ, ребъ Беришъ Трахтенбергъ, Абрамъ Бродскій, директоръ казеннаго еврейскаго училища Максъ Гуровичъ, извѣстный оригиналъ и старый холостякъ Ратгаузъ, извѣстный биржевикъ Мендель Гольдбергъ, о геніальности котораго въ финансовыхъ операціяхъ разсказывались легенды, и другіе представители тогдашней денежной аристократіи и интеллигенціи.

Часовъ въ девять, когда уже экзамены должны были начаться, произошло вдругъ сильное волненіе, и на порогѣ показалась импозантная фигура совершенно бѣлаго, полнаго старика съ гладко выбритымъ лицомъ и низко остриженной крупной головой. На немъ былъ синій фракъ съ золотыми пуговицами, на груди нѣсколько орденовъ. Это былъ директоръ одесской Второй Гимназіи, Акимъ Константиновичъ Циммерманнъ, крещеный еврей и первый среди русскихъ евреевъ, который окончилъ русскій университетъ. Всѣ вскочили со своихъ мѣстъ, и д-ръ Соловейчикъ бросился ему на встрѣчу. Сначала Циммерманнъ окинулъ все общество нѣсколько суровымъ взглядомъ, который увеличилъ и безъ того сильное общее смущеніе. Но скоро все успокоилось, и приступили къ экзаменамъ. Передъ экзаменаторомъ одинъ за другимъ стали проходить бѣдныя, оборванныя еврейскія дѣти съ

исхудалыми и безкровными, но умными и выразительными личиками, которыхъ онъ отъ времени до времени осматривалъ съ ногъ до головы, покачивая головой. Но постепенно его взглядъ все, болѣе и болѣе смягчался и наконецъ принималъ славное, добродушное и отеческое выраженіе, къ которому мгновеніями примѣшивалось такъ много грусти. Я впослѣдствіи часто видѣлъ у него это выраженіе глубокой грусти на торжественныхъ актахъ и на экзаменахъ въ его гимназіи, гдѣ преобладали евреи и гдѣ иногда попадались классы, въ которыхъ христіанъ почти не было.

Это былъ поистинѣ феноменальный мешумедъ, который въ глубинѣ души, очевидно, таилъ любовь къ своему народу и, несмотря на всѣ свои старанія, не всегда могъ сдерживать это чувство въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ-евреямъ. Послѣднихъ Циммерманнъ постоянно отстаивалъ на педагогическомъ совѣтѣ, доходя иногда до пристрастія. Онъ, напримѣръ, постоянно утверждалъ, что еврей не можетъ быть плохимъ ученикомъ, особенно по математикѣ.

Экзаменъ въ Талмудъ-торѣ тогда имѣлъ только значеніе провѣрки, контроля учителей. Отмѣтокъ не ставили, и судьба учениковъ тутъ не рѣшалась. Все было уже раньше опредѣлено по годовымъ успѣхамъ. Я перешелъ во второй классъ съ наградой, которую получилъ изъ рукъ красавицы Бродской. Какъ всѣ получившіе награды, я долженъ былъ поцѣловать руку, преподнесшую мнѣ ее. Несмотря на ея обаятельную, ласковую улыбку, я до того смутился и растерялся, что книга чуть не выпала изъ моихъ рукъ, и въ первую минуту я не зналъ, куда направиться, какъ уйти... Эта награда, Пятикнижіе съ нѣмецкимъ переводомъ, еще гдѣ-то хранится у меня до сихъ поръ.

IV.

Когда экзамены были кончены, докторъ Соловейчикъ подошелъ ко мнѣ и объявилъ, что мнѣ отпускается три рубля на содержаніе на мѣсяцъ Нисанъ, т. е. на то время, что Талмудъ-тора будетъ закрыта. Тутъ же онъ обратился къ учителямъ съ вопросомъ, не пожелаетъ-ли кто-нибудь изъ нихъ взять меня къ себѣ на каникулярное время за эту плату. Ребъ Узіэль Пастернакъ изъявилъ свое согласіе.

Дѣло въ томъ, что, будучи сиротой, я живалъ то у одной, то у другой тетки. Въ послѣднее время я жилъ у тетки, строгая

набожность которой была необычна даже среди членовъ нашего благочестиваго рода. Будучи вдовой, она однако не хотѣла лишить себя и своихъ дѣтей тѣхъ религіозныхъ церемоній, которыя совершаетъ обычно мужчина, и сама ихъ совершала самымъ торжественнымъ образомъ, даже съ настоящимъ хасидскимъ экстазомъ. Я сначала скрывалъ отъ нея, какъ и отъ всей родни, мое поступленіе въ Талмудъ-тору и утверждалъ, будто только перемѣнилъ бесъ-гамедрашъ и теперь занимаюсь въ бесъ-гамедрашѣ на Schulgass (Еврейская улица), но долго скрывать нельзя было, и все скоро открылось. Тетка—доброе, мягкое и рѣдкаго благородства существо—была глубоко огорчена этимъ, но ничего мнѣ не говорила. „Будь я богата,—говорила она,—я уже нашла бы, что съ нимъ дѣлать"; но она была настолько бѣдна, что не всегда возвращалась домой съ хлѣбомъ (она имѣла „ящикъ" съ мелкими галантерейными товарами, съ которымъ стояла во дворѣ, около одного мануфактурнаго магазина), а потому не считала себя въ правѣ противодѣйствовать мнѣ.

Однажды, въ пятницу вечеромъ, тетка, возвратившись домой изъ синагоги, нашла на столѣ одну изъ моихъ русскихъ учебныхъ книжекъ. Она съ сердцемъ швырнула книжку вонъ и въ глубокомъ волненіи воскликнула: „Эту гадость ты мнѣ кладешь на субботній столъ, около благословенныхъ свѣчей!" И въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она не могла придти въ себя. Она и послѣ этого ничего мнѣ не говорила, но отношенія уже сдѣлались натянутыми. Варшавскому, какъ моему покровителю, я все разсказалъ, а онъ, очевидно, переговорилъ съ д-ромъ Соловейчикомъ, который и пристроилъ меня къ нашему учителю.

Въ тотъ же день, часа въ три, я отправился къ нашему „рохмайстеру" (учителю математики). Онъ жилъ на одной изъ окраинныхъ, пустынныхъ и глухихъ улицъ Новаго Базара, гдѣ содержалъ шинокъ, въ которомъ его жена или дѣти, а временами и онъ самъ, отпускали „шкалики". Я вошелъ въ мрачную, низкую комнату съ грязнымъ поломъ, запыленными, сѣрыми и сырыми стѣнами. За стойкой, на которой стояли чарки и тарелка съ нарѣзанными кусочками ржаного хлѣба и солью для „закуски", сидѣлъ подростокъ лѣтъ пятнадцати, сынъ ребъ Узіэля, котораго я хорошо зналъ изъ бесъ-гамедраша. Я съ нимъ посидѣлъ съ полчаса, разговаривая о всякой всячинѣ. Затѣмъ явилась мать, полная, пожилая женщина, которую я тоже хорошо зналъ. Она меня ввела въ другую комнату, тоже низкую и полутемную, въ

которой царилъ ужасный безпорядокъ. Она меня посадила на большой сундукъ и дала ломоть хлѣба съ луковицей.

Пока я ѣлъ, она меня разспрашивала о моей роднѣ, которую знала отлично, о моей матери, которая тогда жила у моей сестры въ нѣмецкой колоніи, въ двадцати верстахъ отъ Одессы. Моего поступленія въ Талмудъ-тору она не одобряла и удивлялась, что моя родня это терпитъ. И нѣсколько разъ она повторяла со вздохомъ: „Ой, что теперь за свѣтъ! Сынъ ребъ-Янкеля, внукъ ребъ-Мотеле—въ Талмудъ-торѣ!“...

Когда я кончилъ ѣду, она мнѣ стала задавать разную домашнюю работу: выносить соръ и т. п. Я почувствовалъ горячую обиду, и, глотая слезы, исполнялъ приказанія. Это обстоятельство и вся эта непривѣтливая обстановка, къ которой я не привыкъ, а въ особенности крайняя отдаленность отъ моего квартала и моего бесъ-гамедраша, куда я такъ любилъ забѣгать, особенно по вечерамъ, несмотря на все случившееся,—произвели на меня невыносимо тяжелое впечатлѣніе. Я воспользовался первымъ представившимся случаемъ и ушелъ, чтобы больше туда не возвратиться.

На другой день я явился къ Варшавскому и разсказалъ ему всю правду. Его жена Злата, присутствовавшая при нашемъ разговорѣ, переглянулась съ мужемъ—и тутъ-же предложила мнѣ остаться у нихъ. Я этому чрезвычайно обрадовался, и въ тотъ же день водворился въ ихъ квартирѣ. Тутъ вся обстановка была мнѣ очень симпатична, но больше всего меня привлекала сама чета Варшавскихъ, въ которыхъ я чувствовалъ что-то родное.

Самъ Ицхокъ Варшавскій былъ очень тихій, скромный человѣкъ, нѣсколько холодный съ виду, но несомнѣнно добрый, готовый на серьезныя услуги тамъ, гдѣ онъ находилъ это дѣйствительно нужнымъ. Это былъ человѣкъ рѣдкаго трудолюбія. Онъ вѣчно работалъ, вѣчно копался въ словаряхъ, грамматикахъ и т. п., проявляя невѣроятное терпѣніе. Чтобы пріобрѣсти русскій акцентъ, который у него былъ ужасенъ, и особенно для того, чтобы правильно ставить ударенія, которыя у него были еще ужаснѣе, онъ въ состояніи былъ просиживать долгіе часы надъ чтеніемъ вслухъ длиннѣйшихъ балладъ Жуковскаго, которыя онъ тогда очень слабо понималъ. И надо было видѣть, какъ серьезно онъ это дѣлалъ, почти благоговѣйно, словно іешиботникъ-„масмидъ“, корпѣющій надъ Талмудомъ. Вообще, онъ былъ большой руссификаторъ и являлся горячимъ проповѣдникомъ россійскаго патріотизма. Передъ русскимъ чиновникомъ онъ испытывалъ благого-

вѣйный трепетъ и не находилъ лучшаго пути для спасенія Израиля, какъ идти по стопамъ начальства. Свое прежнее благоговѣніе передъ авторитетами Талмуда и Шулханъ-Аруха онъ теперь словно перенесъ на авторитетъ русской канцеляріи. И все, повторяю, совершенно искренно. Вообще, это былъ типъ смиренника и молчальника, „тишайшаго" человѣка.

Жена Варшавскаго, Злата, составляла совершенную противоположность мужу во всемъ. Она была высокая, полная женщина, красивая, живая, экспансивная, нѣсколько крикливая, но безконечно добрая и глубоко благочестивая.

Семья Варшавскихъ занимала скромную квартиру изъ двухъ комнатъ и кухни, очень хорошо, какъ мнѣ казалось тогда, обставленную. Во всемъ царили порядокъ и чистота, и все глядѣло привѣтливо и уютно.

Сильно волновался я, когда пошелъ въ первый разъ съ ними къ обѣду. Какъ это—думалъ я—обѣдаютъ у апикойреса?

И вотъ „апикойресъ", прежде чѣмъ итти къ столу, совершаетъ омовеніе рукъ, произноситъ надъ хлѣбомъ благословеніе המוציא и, прежде чѣмъ проглотить кусокъ хлѣба, погружаетъ его въ солонку, точно также, какъ дѣлаютъ всѣ добрые, благочестивые евреи.

Обѣдаемъ въ кухнѣ, чистенькой и свѣтлой; тутъ же за столомъ сидитъ служанка, молодая дѣвушка, которая держитъ себя совершенно, какъ въ родномъ домѣ. Трехлѣтняя дѣвочка, единственный ребенокъ, сидитъ на рукахъ отца, который кормитъ ее съ какой-то невыразимой нѣжностью и все время глядитъ на нее съ безконечной любовью.

Я совершенно очарованъ этой идиллической семьей, и мнѣ кажется, что высшаго счастья, чѣмъ жить тутъ, быть не можетъ.

Моя тетка жила на той-же Мѣщанской улицѣ, и я ночевалъ дома, а у Варшавскаго только столовался и проводилъ по нѣсколько часовъ въ день.

Такъ какъ шли приготовленія къ Пасхѣ, то и мнѣ давали всякія порученія, посылали въ лавку и т. п. Но когда однажды служанка хотѣла меня заставить вынести лохань, Злата на нее покричала. „Ты думаешь,—сказала она ей,—что онъ сынъ какого-нибудь сапожника!" Злата сама была дочерью очень уважаемаго одесскаго даяна, ребъ Аврумце, и цѣнила духовный „ихусъ".

Пасху, конечно, я тоже справлялъ у Варшавскаго. Оба „седера" были обставлены съ рѣдкой торжественностью и затянулись

далеко за полночь. Несомнѣнно, что во всемъ этомъ строгомъ религіозномъ строѣ сказалось сильное вліяніе жены, которой мужъ не прекословилъ. Впрочемъ, и самъ Варшавскій не принадлежалъ къ тѣмъ маскиламъ, которые пренебрежительно или отрицательно относились къ религіознымъ обычаямъ и вообще къ религіи.

Бенъ-Ами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Зундель Лурье.

(Біографическая замѣтка.)

Врядъ-ли многимъ изъ нашихъ читателей извѣстно имя проповѣдника р. Зунделя Лурье, автора популярной книги „כנף רננים“. Его, конечно, нельзя поставить на ряду съ знаменитымъ дубенскимъ магидомъ, Яковомъ Кранцомъ, стяжавшимъ себѣ извѣстность своими глубокомысленными „мешолимъ“ (притчи), въ которыхъ было очень много остроумія и наблюдательности; но по своему умственному кругозору Лурье стоялъ неизмѣримо выше дубенскаго магида. Его въ извѣстной степени можно считать культуртрегеромъ. Въ своемъ родномъ городѣ Жагорахъ (Ковенской губерніи), гдѣ онъ примкнулъ къ славной плеядѣ тамошнихъ просвѣтителей, такъ называемыхъ „חכמי זאגר“, съ семьей Мандельштаммовъ во главѣ, Лурье занималъ далеко не послѣднее мѣсто. Сильное и очень благотворное вліяніе въ умственномъ отношеніи имѣлъ на него постоянный жагорскій житель, р. Хаимъ Закъ, извѣстный во всей Жмуди, какъ ученый талмудистъ, обладавшій притомъ солиднымъ общимъ образованіемъ. Этотъ типичный представитель просвѣтительной эпохи, такъ умѣло соединившій въ себѣ знаніе Торы и свѣтскихъ наукъ, не мало содѣйствовалъ успѣхамъ всѣхъ, стремившихся къ свѣту знанія, не смотря на то, что не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ печати *).

*) Единственное литературное письмо р. Хаима Зака напечатано въ литературномъ сборникѣ друга его С. Закса „כנפי יונה“, Берлинъ, 1860 г. Мнѣ извѣстно изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, что цѣнныя рукописи его долго хранились у Сеніора Закса, который собирался ихъ издать, но не успѣлъ отчасти вслѣдствіе нерадѣнія наслѣдниковъ ихъ автора. Болѣе подробныя свѣдѣнія о замѣчательной личности Зака читатели найдутъ въ воспоминаніяхъ жаргоннаго писателя Я. Динесона, напечатанныхъ въ вышедшемъ недавно историческомъ альманахѣ פנקס (Вильно, 1913 г.).

Извѣстный еврейскій ученый Сеніоръ Заксъ, выходецъ изъ Жагоръ, жившій въ Берлинѣ и Парижѣ, привѣтствуя своихъ друзей на родинѣ изъ далекой чужбины, упомянулъ и имя Зунделя Лурье *). Мой покойный учитель А. Б. Дубжевичъ, авторъ книги „המערך“ (Одесса 1870 г.), заключающей въ себѣ раціональное объясненіе талмудическихъ легендъ, и произведеній по библейской экзегетикѣ, передалъ мнѣ какъ фактъ, что въ одномъ изъ литовскихъ городовъ, куда Лурье пріѣхалъ, въ качествѣ странствующаго магида, онъ подвергся экзекуціи со стороны тамошнихъ хасидовъ, которые въ порывѣ обуявшаго ихъ религіознаго фанатизма высѣкли его за „вольнодумство“. Не обладая подробными біографическими свѣдѣніями о жизни и дѣятельности р. Зунделя Лурье, который почему то не отмѣченъ даже въ Еврейской Энциклопедіи, ограничимся только однимъ характернымъ эпизодомъ, имѣющимъ безспорно культурно-историческій интересъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка, Лурье отправился за границу для печатанія своей книги, надъ которой онъ много трудился, и затѣмъ издалъ ее въ Кротошинѣ, въ 1842 г. **). Посѣщая нѣкоторыя нѣмецкія общины, гдѣ тогда еще былъ значительный контингентъ людей, интересовавшихся еврейской письменностью, онъ очутился въ маленькомъ городкѣ Оберзишко, въ нынѣшней Познанской области, гдѣ жили родители извѣстнаго еврейскаго ученаго Авраама Берлинера, который тогда еще былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Вотъ, что говоритъ о Лурье этотъ ученый въ своихъ юношескихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ послѣднемъ выпускѣ берлинскаго научно-литературнаго ежегодника:

„Я не могу точно опредѣлить дату; я знаю только, что это было въ 1843 году, когда въ нашъ городъ пріѣхалъ р. Зундель Лурье съ выпущеннымъ тогда уже въ Кротошинѣ сочиненіемъ своимъ „כנף רננים“, съ цѣлью найти для него покупателей. Для лучшаго ознакомленія читающей публики съ содержаніемъ этой книги, онъ въ зимніе вечера читалъ лекціи изъ своего комментарія къ „Perek Schirah“, древнему агадическому сборнику, въ которомъ каждой породѣ животныхъ и даже растеній приписывается опредѣленный библейскій стихъ, которымъ она восхваляетъ великаго творца міра. Мы знаемъ, напримѣръ, что Талмудъ и

*) См. сборникъ Закса כנפי יונה, въ концѣ книги. Берлинъ, 1860 г.

**) Второе изданіе этой книги появилось въ Пресбургѣ, въ 1859 г.

Іосифъ Флавій сходятся въ своихъ сказаніяхъ о томъ, что пшеничное зерно произноситъ стихъ: „изъ глубины я взываю къ Богу“ (Псалмы, 130, 1). Р. Зундель Лурье, котораго всѣ прозвали „Perek-Schirah Mann“, обладалъ настолько знаніемъ естественной исторіи, что на основаніи природныхъ качествъ животнаго или растенія могъ объяснять загадочный смыслъ тѣхъ библейскихъ текстовъ, коихъ произнесеніе имъ приписывается. Благодаря своему ораторскому таланту, онъ съ умѣньемъ использовалъ для этой цѣли агады Талмуда и Мидраша. Его своеобразный жаргонъ, который можно услышать только въ глубинѣ Литвы, его оригинальная мелодія (нигунъ), душу захватывающій тонъ проповѣди, превращавшій прозу въ поэзію—все это вмѣстѣ взятое обаятельно дѣйствовало и имѣло сильное вліяніе на слушателей, среди которыхъ былъ и нашъ почтенный раввинъ.

„Среди слушателей затесался также мальчикъ, внимательно прислушивавшійся къ словамъ пылкаго оратора и тщетно старавшійся уловить ихъ смыслъ; въ потокѣ словъ онъ уловилъ фразу, что греческіе философы утверждаютъ, будто міръ не былъ сотворенъ. Затѣмъ точно раскатъ грома изъ толпы раздались слова: „Спиноза ימ"ש“ (Спиноза, да сотрется имя его!). Услышавъ эти слова, впечатлительный мальчикъ испуганно началъ оглядываться кругомъ. Его, конечно, поразило не произнесеніе имени Спинозы, о которомъ онъ врядъ-ли имѣлъ какое-либо понятіе, а то жестокое проклятіе, которое было тогда обычно въ народѣ. Невольно припоминаю по этому поводу,—прибавляетъ авторъ воспоминаній,—какъ я впослѣдствіи, въ своихъ историческихъ и литературныхъ лекціяхъ, особенно подчеркивалъ слова, что Спиноза не былъ еврейскимъ мыслителемъ, а только мыслящимъ евреемъ“ *)

Такимъ образомъ, скромный комментаторъ религіозной книги, осмѣлившійся привести мнѣніе греческихъ философовъ—конечно, съ цѣлью осужденія,—прослылъ „Спинозой“—nomen odiosum для еврейской ортодоксіи. Въ ту пору, въ темныхъ слояхъ польскаго еврейства, небезопасно было вообще „мудрствовать“ по поводу религіозныхъ сюжетовъ, и Зундель Лурье, хотѣвшій оправдать традицію доводами отъ „науки“, поплатился за свою смѣлость.

Заканчивая нашу замѣтку, считаемъ нелишнимъ указать, что р. Зундель Лурье своимъ замѣчательнымъ комментаріемъ

*) См. Jahrbuch für jüdische Geschichte und Literatur. т. XVI, ст. 189—190. Берлинъ, 1913 г.

на „פרק שירה“ является предшественникомъ нашего великаго художника, С. М. Абрамовича. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Абрамовичъ издалъ въ стихотворной формѣ жаргонный переводъ этого агадическаго сочиненія, съ небольшимъ комментаріемъ на древне еврейскомъ языкѣ, въ которомъ онъ также старался найти аналогію между природными качествами животныхъ и растеній и смысломъ библейскихъ стиховъ, ими распѣваемыхъ, какъ это установлено еврейскимъ фолклоромъ.

С. Станиславскій.

Евреи въ Ржешовѣ [1]).

Пребываніе евреевъ въ Ржешовѣ связано съ легендой объ Эстеркѣ, любовницѣ Казиміра Великаго, благодаря которой евреямъ будто бы даны были значительныя привилегіи. Фактически мы встрѣчаемъ уже въ XVI вѣкѣ въ Ржешовѣ семь еврейскихъ домовъ, которые находились на той окраинѣ, гдѣ теперь находятся синагоги и кладбище. Въ первой половинѣ XVII вѣка число еврейскихъ домовъ взросло до 40 (Пенцковскій, 360). Въ Старомъ Ржешовѣ евреямъ нельзя было жить, вслѣдствіе запрета князя Владислава Острожскаго, владѣльца Ржешова. Послѣ перехода города въ собственность Любомірскихъ, евреи могли пріобрѣтать дома и площади, но каждый разъ по особому разрѣшенію владѣльца и съ согласія жителей-христіанъ. Несмотря на запреты и препятствія, ростъ еврейскаго населенія продолжался. Въ 1674 году число еврейскихъ жителей будто бы превышало число христіанъ. Въ серединѣ XVIII вѣка изъ 250 домовъ 104 принадлежало евреямъ (стр. 88).

Изъ старѣйшаго документа, относящагося къ исторіи евреевъ въ Ржешовѣ, а именно изъ привилегіи Іеронима Любомірскаго (1657), мы узнаемъ, что евреи занимались всякаго рода торговыми предпріятіями въ городѣ и внѣ города: они варили медъ, торговали рыбой, скупали по деревнямъ хлѣбъ и т. п. Грамота Любомірскаго, оберегая преимущества обывателей-христіанъ, запрещаетъ евреямъ производить медъ въ большемъ количествѣ, нежели требуется на домашнее употребленіе въ Пасху; но это не мѣшало отдѣльнымъ лицамъ получать—разумѣется, за большія деньги—особыя привилегіи для варки меда. Та же грамота возстановила всѣ старыя правила касательно преимуществъ

[1]) Эта статья составлена преимущественно на основаніи недавно вышедшаго обширнаго труда Яна Пенцковскаго (Pęckowski): „Dzieje miasta Rzeszowa do konca XVIII wieku“ (1913). Цитируемыя въ скобкахъ цифры указываютъ на страницы этой книги.

христіанскихъ ремесленниковъ передъ еврейскими. Всѣ городскіе налоги и повинности евреи должны вносить пропорціонально къ числу жителей. Въ судебныхъ тяжбахъ съ христіанами они подвѣдомственны въ первой инстанціи городскому суду, а во второй—замковому. На дѣлѣ однако этотъ регламентъ не урегулировалъ отношеній между евреями и прочими жителями города, какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя жалобы привилегированныхъ мѣщанъ-католиковъ.

Несмотря на всѣ ограниченія, многіе евреи, благодаря торговлѣ съ заграницей, богатѣютъ. Въ 17 вѣкѣ мы встрѣчаемъ нѣкоего Изаковича, богатаго еврея, имя котораго упоминается въ судебныхъ актахъ города Ржешова по дѣламъ о поставкѣ хмеля и другихъ товаровъ къ ярмарочнымъ срокамъ (стр. 275). Въ 18-мъ вѣкѣ торговля по большей части находится въ рукахъ евреевъ. Въ спискѣ купцовъ отъ 1730 года обозначены 85 еврейскихъ фамилій и лишь 6 католическихъ. Въ началѣ XIX вѣка Ржешовъ считался, по выраженію одного географа, „еврейскимъ городомъ“ [1]).

Организація еврейскаго кагала, который основался одновременно съ возникновеніемъ общины, ничѣмъ почти не отличалась отъ организаціи другихъ кагаловъ въ городахъ Польши, какъ напр. Львова или Кракова [2]). Во главѣ стояла комиссія изъ 12 членовъ. Четыре члена, т. н. „бурмистры квартальные“, составляли свѣтскую административную власть, раввинъ и три члена—„духовный судъ“; затѣмъ шли школьникъ, повѣренный („вѣрникъ“), сборщикъ и пр. Въ силу привилегіи 1724 года, должность „бурмистра“ опредѣлялась на одинъ годъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ на два года; его избирала еврейская община. Раввина назначалъ владѣлецъ (pan dziedziczny) изъ кандидатовъ, представленныхъ „синагогой“ или кагаломъ. Въ универсалѣ Игнація Любомірскаго отъ 30 января 1736 года мы находимъ всѣ предписанія относительно выборовъ раввина (Пенцковскій, стр. 365). Жалованье получалъ раввинъ отъ 4 до 8 злотыхъ польскихъ еженедѣльно, кромѣ праздничныхъ подарковъ, и при томъ освобождался отъ всякихъ налоговъ и податей.

Раввинскій судъ состоялъ изъ 4—6 человѣкъ; на судѣ предсѣдательствовалъ раввинъ, а „перо держалъ“ школьный; иногда при-

---

[1]) Slownik Geograficzny: Rzeszów; см. также B o d e l s k i, Eine Reise über Galizien, 1803.

[2]) Б а л а б а н ъ въ исторія общинъ Кракова и Львова, а также въ статьѣ объ организаціи еврейскихъ общинъ, помѣщенной въ варшавскомъ польско-еврейскомъ трехмѣсячникѣ (Kwartalnik etc.), кн. II, 1912.

сутствовали также канторъ синагоги и повѣренный. Судъ этотъ разбиралъ гражданскія и мелкія уголовныя дѣла. Рѣшеніе замковаго суда отъ 1757 года опредѣляетъ компетенцію раввина слѣдующимъ образомъ: „Къ суду раввина относятся всякія гражданскія дѣла: долги, разводы, брачные договоры и дѣла о наслѣдствѣ". Судебная книга хранилась у раввина либо при кагалѣ.

Для особыхъ функцій существовали братства при кагалѣ. Городскіе акты гор. Ржешова упоминаютъ о больничномъ и школьномъ братствахъ. Больничное братство завѣдывало больницами и пріютами, а также кладбищами. Школьное братство завѣдывало школами и синагогами. Что касается обязанности кагальныхъ чиновниковъ, то „школьникъ" наблюдалъ за порядкомъ въ синагогѣ и за письменной работой при раввинскомъ судѣ; „вѣрникъ" наблюдалъ за чистотой и кошерностью молочной пищи, мяса и вина, провѣрялъ правильность мѣръ и вѣсовъ; сборщики же оцѣнивали состоятельность каждаго еврея при раскладкѣ податей и налоговъ. Словомъ, кагалъ представлялъ собою самостоятельное административное вѣдомство, которое имѣло свои доходы и расходы, свои учрежденія и своихъ чиновниковъ съ широкимъ кругомъ дѣйствій (стр. 570).

Главнымъ источникомъ дохода были налоги. Какіе же это были налоги? На этотъ вопросъ даютъ намъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ матеріалы спеціальной комиссіи отъ 1757 года. Первымъ источникомъ дохода былъ кагальный налогъ (podatek kahalny), уплачиваемый всѣми членами еврейскаго общества соотвѣтственно имущественному цензу. Затѣмъ — „коробка купеческая" (krupka kupiecka), налогъ отъ еженедѣльнаго торга, взимавшійся со всякихъ торговыхъ предпріятій. Въ 17 вѣкѣ торговцы платили по 24 гроша со 100 злотыхъ польскихъ, а съ 1736 года, въ силу постановленія кагала, налогъ былъ повышенъ до 2 злотыхъ со ста. Слѣдующія суммы дадутъ ясное понятіе о размѣрѣ этого налога и его ростѣ: въ 1739 году откупщикъ „крупки" уплатилъ 4.500 злотыхъ; на 1740 годъ обязался добыть 6.000 зл., а въ 1757 г. собрано 7.500 зл. (стр. 374). Третьимъ источникомъ дохода считалась т. н. „коробка рѣзничная", доходъ съ кошернаго мяса. Въ 1757 году этотъ налогъ приносилъ 520 зл. пол. Четвертымъ источникомъ дохода была монополія табака, которая въ 1757 году приносила около 1.000 зл. пол. Наконецъ пятый источникъ—это „свободный шинокъ" (Szynek wolny), право винокуренія кошернаго и не-

кошернаго. Въ 1757 году кагалъ платилъ владѣльцу замка кн. Любомірскому 1.080 зл. пол. за откупъ этого налога.

Кромѣ этихъ постоянныхъ доходовъ въ распоряженіи кагала находились временные. Однимъ изъ нихъ былъ пороховой доходъ—исключительное право выдѣлывать порохъ, дарованное княземъ Любомірскимъ въ 1727 г. еврейскому кагалу для увеличенія его финансовъ; въ виду несоблюденія порядка и осторожности, этотъ доходъ былъ отобранъ и переданъ магистрату въ 1731 году. Въ 1728 г. кагалъ получилъ право исключительной продажи кошерныхъ молочныхъ продуктовъ. Наконецъ кагалъ получалъ доходъ съ аренды провоза (szkuty pańskie) для торговли съ Данцигомъ. Аренда, которую кагалъ взялъ отъ кн. Любомірскаго въ 1730 году за 3.360 зл. пол., состояла въ томъ, что евреи должны были везти товаръ въ Данцигъ на „панской шкутѣ“. Если мы ко всему этому прибавимъ доходы съ похоронъ, свадебъ, судебныхъ пошлинъ и наконецъ налоги съ сосѣднихъ мѣстечекъ, деревень и корчемъ, то не удивимся счету ревизіонной комиссіи, показавшей, что въ 1757 году доходъ ржешовскаго кагала составлялъ 32.562 злотыхъ польскихъ—по тѣмъ временамъ громадная сумма.

Что касается расходовъ кагала въ Ржешовѣ, то они дѣлились на государственные, замковые, городскіе и кагальные. Согласно отчету, представленному комиссіи 1757 года, кагалъ имѣлъ слѣдующія постоянныя статьи расхода: 1) „Поголовное“ (общегосударственный налогъ) 1.200 зл. пол.; 2) арендную плату по разнымъ откупамъ и монополіямъ 14.736 злотыхъ; 3) городскіе налоги 745 зл. 22 гр.; 4) кагальные расходы 936 зл.; 5) проценты по кагальнымъ займамъ — 3.710 зл.; 6) подношеніе костелу вмѣсто воску, согласно условію—84 зл. Итого, расходы кагала составляли 22.211 зл. 22 гр., т. е. были меньше доходовъ на десять тысячъ злотыхъ. Согласно постановленію комиссіи, остатокъ раздавался въ пользу школы, больницы и наконецъ на чрезвычайные расходы, какъ напр. починка заборовъ и мостовыхъ, жалованье писарю и т. д.

Кагальная касса обыкновенно находилась при синагогѣ, а ключи отъ нея хранились у замковаго управителя, кагальнаго бурмистра и писаря. Несмотря на частыя превышенія доходовъ надъ расходами, кагалъ никогда не выходилъ изъ долговъ. Кромѣ чрезвычайныхъ причинъ—войнъ, пожаровъ и т. п., много содѣйствовало такому положенію плохое управленіе, безтолковое веденіе дѣлъ кагальными сеніорами или старшинами. Отголоски

этого плохого управленія общиннымъ хозяйствомъ мы находимъ во многихъ жалобахъ, поданныхъ въ ревизіонную комиссію. Такъ напримѣръ, по разнымъ причинамъ бурмистры не представили счетовъ за 1751—2—3—4 годы, а общая сумма недоборовъ съ кагала отъ 1750 до 1757 года составляла 19.000 зл. п.

Въ правовомъ отношеніи еврей считался подданнымъ пана—владѣльца города, какъ впрочемъ и жители-католики. Иногородній еврей, желавшій поселиться въ Ржешовѣ, долженъ былъ просить пана о принятіи его въ „подданство" и уплатить разные налоги. Если за евреемъ оставались податныя недоимки, то домъ его подвергался конфискаціи, и панъ имѣлъ право продать домъ или уступить другому. Еврею нельзя было безъ особаго разрѣшенія пана переселиться или удалиться за предѣлы города на разстояніе больше 6 миль; отлучка разрѣшалась только въ томъ случаѣ, если еврей заявлялъ, что ѣдетъ по торговымъ дѣламъ, и это заявленіе подтверждалось четырьмя свидѣтелями.

Несмотря на то, что еврейскій кагалъ пользовался автономіей, во многихъ случаяхъ онъ зависѣлъ отъ католическаго духовенства. Въ универсалѣ епископа Сѣраковскаго отъ 1746 года (Пенцковскій, 389) установлены слѣдующія обязательныя для евреевъ правила: 1) богослуженіе въ синагогахъ и всякія религіозныя церемоніи должны совершаться скромно и безъ всякаго шума; 2) на постройку новой синагоги требуется разрѣшеніе церковной власти; 3) нельзя употреблять христіанъ въ Судный день для синагогальныхъ услугъ; 4) въ силу конституціи Сигизмунда-Августа отъ 1562 года, запрещается евреямъ держать въ своихъ домахъ католическую прислугу; 5) въ христіанскіе праздничные дни запрещается открывать лавки и исполнять публичныя работы; 6) во время процессіи Божьяго Тѣла, какъ и въ великую пятницу, евреи должны оставаться въ своихъ домахъ; 7) устраивать свадьбы разрѣшается только въ дни, назначенные и для христіанъ; 8) за привилегіи, какими пользуются евреи въ городахъ и мѣстечкахъ, обязаны они ежегодно подносить въ пользу костела 2 камня воску и камень свѣчного сала.

Нельзя сказать, чтобы отношенія между ржешовскими евреями и христіанами въ частной жизни были мирныя. Въ 17 вѣкѣ, когда евреямъ еще запрещалось жить въ Старомъ Ржешовѣ, появленіе еврея на рынкѣ вызывало драку. Однако, до массовыхъ погромовъ дѣло никогда не доходило. Да это едва ли было бы выгодно христіанамъ, которые часто являлись кредиторами еврейской общины. Такъ наприм. въ 1757 году евреи одолжили—

разумѣется, на проценты—у братства св. Шкаплена и св. Ружанца около 100.000 злотыхъ польскихъ на уплату долговъ и на постройку синагоги.—Чтобы дополнить картину отношеній евреевъ къ католикамъ, нужно вспомнить и о случаяхъ крещенія среди евреевъ. Въ метрическихъ книгахъ Ржешова часто встрѣчаемъ евреевъ-неофитовъ. Такъ въ 1753—1756 годахъ метрическія книги показываютъ 15 еврейскихъ семействъ, принявшихъ католичество; въ 1758 г.—5, въ 1759 г.—3, въ 1757 и 1762 г. по два еврея. Что случаи крещенія бывали и раньше 1753 года (ибо метрическія книги сохранились только отъ этого времени), доказываетъ обозначеніе въ судебныхъ актахъ, кто предсталъ передъ судомъ—„infidelis" или „neofita" [1]).

Кромѣ торговли, евреи занимались также ремеслами. Вышеприведенный реестръ отъ 1757 года насчитываетъ людей неопредѣленныхъ занятій 99, портныхъ 29, „злотниковъ" 27, цирюльниковъ 6 и др. [2]). Мы имѣемъ основаніе причислить людей съ неопредѣленными занятіями къ мелкимъ торговцамъ. Это по большей части были факторы, на которыхъ христіанскіе цехи довольно часто жаловались въ своихъ прошеніяхъ къ кн. Любомірскому, владѣльцу Ржешова. Слѣдствіемъ этихъ жалобъ было изданіе распоряженія (1723 г.), въ которомъ говорится, что безъ особой привилегіи запрещается заниматься факторствомъ. Въ 1757 г. число факторовъ было ограничено до четырехъ. Но несмотря на эти ограниченія, жалобы на факторовъ не прекращаются.

Каковы были отношенія христіанъ-ремесленниковъ, въ лицѣ своихъ представителей—цеховъ, къ еврейскимъ сотоварищамъ по труду? О евреяхъ упоминаютъ цеховые статуты цирюльниковъ, кузнецовъ, рѣзниковъ и пекарей. Евреи приписывались къ цехамъ, чтобы имѣть возможность легально заниматься своимъ ремесломъ, но они не имѣли права пользоваться льготами и привилегіями христіанъ-цеховыхъ. Уставъ цеха цирюльниковъ требовалъ отъ каждаго еврея-„хирурга", желавшаго поселиться въ

---

[1]) Слѣдуетъ выяснить, какое отношеніе имѣли эти крещенія къ массовому обращенію франкистовъ въ Галиціи и Подоліи въ 1759—1760 г.г.—*Ред.*

[2]) Ржешовъ славился еврейскими выдѣлывателями печатей. Нѣмецкій путешественникъ Шултесъ, въ своемъ описаніи Галиціи послѣ перехода ея подъ австрійское владычество, восхваляетъ евреевъ-ювелировъ. Нѣкоторые изъ нихъ были „печатниками" даже при дворахъ въ Петербургѣ и Копенгагенѣ. См. Słownik Geograf.

Ржешовѣ, выдержанія спеціальнаго экзамена, причемъ экзаменаторами назначались члены цеха и „синагоги". Еврейскимъ врачамъ разрѣшалось жить только на Еврейской улицѣ (platea judaeorum) или въ Новомъ Городѣ. Въ пользу цеха еврей платилъ двойной членскій взносъ, такъ какъ не исполнялъ церковныхъ услугъ, обязательныхъ для членовъ-христіанъ. Изъ привилегіи кн. Любомірскаго мы узнаемъ о жалобахъ христіанскихъ врачей и цирюльниковъ на возрастающее число еврейскихъ цирюльниковъ и врачей, которые, не имѣя законныхъ свидѣтельствъ, хотятъ пользоваться тѣми же „льготами, которыхъ пóтомъ и трудомъ добились христіане" (Пенцковскій, 223). Что касается мясниковъ и пекарей, то по уставу евреямъ разрѣшалось имѣть 6 мясныхъ лавокъ и 8 пекарень. Цеховымъ старшиной у мясниковъ обязательно былъ христіанинъ (стр. 264). Евреи-мѣховщики имѣли свой собственный цехъ. Согласно привилегіи 1686 года, они обязаны были имѣть свое цеховое знамя, ружья, порохъ и пули, а въ судебныхъ дѣлахъ подлежали юрисдикціи замковаго старосты.

Вообще число еврейскихъ ремесленниковъ ежегодно возрастало, хотя въ сравненіи съ числомъ купцовъ оно было невелико. Если въ 1647 году евреи въ Ржешовѣ еще не имѣли собственнаго портного, то въ началѣ 18 столѣтія судебные акты говорятъ о частыхъ спорахъ и дракахъ между еврейскими и христіанскими портными при покупкѣ сукна и портняжныхъ издѣлій у данцигскихъ купцовъ. Къ концу 17 вѣка торговля была по большей части въ рукахъ евреевъ. Въ 1762 году во всемъ Ржешовѣ была только одна христіанская лавка. И неудивительно, ибо торговля была единственнымъ свободнымъ полемъ дѣятельности для евреевъ. Такъ какъ промышленность и ремесло были связаны съ цехами, то въ этихъ областяхъ встрѣчается меньше евреевъ, чѣмъ въ торговлѣ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ старыхъ синагогахъ, до сихъ поръ сохранившихся въ Ржешовѣ. Одна изъ нихъ, называемая „die alte Schül", построена по всей вѣроятности въ началѣ 17 вѣка. Изъ преданій извѣстно только, что въ концѣ 16-го вѣка, когда Ржешовъ принадлежалъ Любомірскому, евреи построили синагогу на землѣ, принадлежавшей ксендзамъ. За это благодѣяніе они платили налогъ натурою—32 фунта восковыхъ свѣчей. (Этотъ налогъ уплачивался до 1767 года). Синагога эта два раза пострадала отъ пожара, во время наѣзда Ракочаго и казацкихъ войнъ (1649). Въ 1671 г. синагогу перестроили на

деньги, одолженныя у одного католическаго братства. Въ 1842 г. ее обновили на средства еврейскаго кагала. Построенное въ стилѣ ренессанса, зданіе это принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ синагогальной архитектуры въ Польшѣ. Новая синагога (die neue Schül) построена въ началѣ XVIII столѣтія (1705—10) на средства еврейскаго кагала, который для этого сдѣлалъ заемъ у костельнаго братства [1]).

Я. Шацкинъ.

---

[1]) Лущевскій въ Spraw. Komis. hist. sztuki Akad. Um. w Krakowie t. V, 173—177 (1891).—Въ 1842 г. сгорѣли всѣ книги Ржешовскаго кагальнаго архива, и нельзя поэтому точно опредѣлить время возникновенія старыхъ синагогъ.

Матеріалы и сообщенія.

Борьба правительства съ хасидизмомъ (1834—1853 г.).

Въ началѣ 1850-хъ годовъ русское правительство, вслѣдствіе донесеній о „вредной дѣятельности“ хасидовъ и цадиковъ, вновь занялось вопросомъ объ искорененіи хасидской „секты“. „Еврейскому Комитету“, состоявшему изъ сановниковъ и представителей различныхъ министерствъ, было поручено изыскать способы для этой цѣли. Была выкопана изъ архива представленная правительству въ 30-хъ годахъ виленскимъ цензоромъ В. Тугендгольдомъ „Записка о сектѣ хасидовъ“, въ которой авторъ, ревнитель казеннаго просвѣщенія, представилъ ученіе хасидизма въ самомъ отвратительномъ видѣ. Къ дѣлу были пріобщены и цѣлый рядъ донесеній: о дѣятельности цадика Израиля Ружинера, бѣжавшаго изъ Россіи въ 1841 г.; о чернобыльской династіи цадиковъ, властвовавшей въ Кіевской и Черниговской губерніяхъ; наконецъ о дѣятельности любавичскаго цадика Менделя Шнеерсона, котораго правительство подозрѣвало въ распространеніи вредныхъ ученій и чуть-ли не въ укрывательствѣ преступниковъ, но въ то же время привлекало его къ участію въ оффиціальной Раввинской Комиссіи, призванной осуществить планъ „преобразованія евреевъ“. Немало свѣдѣній имѣется здѣсь и о цензурѣ еврейскихъ книгъ.

Весь этотъ архивный матеріалъ (извлеченный изъ одного уголовнаго дѣла, о которомъ мы сообщимъ особо) фигурировалъ недавно въ процессѣ Бейлиса, причемъ прокуратура придавала особенно важное значеніе цитатамъ изъ хасидскихъ книгъ, приведеннымъ въ запискѣ Тугендгольда. Не имѣя намѣренія разбирать здѣсь содержаніе этой записки-доноса, мы ограничимся указаніемъ, что послѣ провѣрки всѣ эти цитаты оказались взятыми не изъ первоисточниковъ, а изъ „писемъ темныхъ людей“ — извѣстной сатиры Іосифа Переля „Megale Temirin“ (1819 г.), гдѣ подо-

браны наиболѣе курьезныя изреченія цадиковъ и изложены далеко не точно. Во всякомъ случаѣ, большой интересъ представляютъ и записка—плодъ усердія еврея-чиновника, и еще болѣе свѣдѣнія о слѣжкѣ правительства за дѣятельностью цадиковъ того времени.

Редакція считаетъ излишнимъ въ научномъ журналѣ отмѣчать всѣ курьезныя ошибки относительно вѣроученія и быта хасидовъ, встрѣчающіяся въ нижеслѣдующихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ. Лишь кое гдѣ мы ставимъ въ скобкахъ вопросительные знаки.—*Ред.*

„Дѣло о сектѣ хассидовъ, началось 5-го апрѣля 1853 года, кончилось 8-го іюля 1856 года, на 147 листахъ.

Въ дѣлѣ этомъ находится „Записка о сектѣ Хассидовъ", составленная по сдѣдѣніямъ, имѣющимся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и бывшимъ въ соображеніи при внесеніи въ Еврейскій Комитетъ представленія отъ 31 марта 1853 года за № 925, но не вполнѣ вошедшимъ въ оное, съ дополнительными свѣдѣніями, поступившими въ Министерство уже въ позднѣйшее время. Въ запискѣ этой значится: „Въ 1834 году бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія препроводилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ копію донесенія цензора Виленскаго Цензурнаго Комитета еврея Тунегольда *) о Хассидахъ, ихъ сочиненіяхъ и ученіяхъ. Тугенгольдъ между прочимъ доносилъ:

а) Объ основателѣ секты хассидовъ, времени ея появленія и послѣдствіяхъ. Основателемъ этой секты былъ еврей Израиль, названный Балъ-Шемъ (т. е. *чудотворцемъ*), который будучи родомъ изъ Польши поселился около 1740 года въ Подольской губерніи, въ мѣстечкѣ Меджибожѣ, гдѣ, въ пожилыхъ уже лѣтахъ, началъ разсѣивать свои ложныя ученія и окружилъ себя послѣдователями. Ученія его составляютъ непонятную смѣсь каббалистическихъ и мистическихъ вымысловъ, имѣющихъ цѣлью затмевать разсудокъ и распалять воображеніе послѣдователей. Усилія знаменитѣйшихъ раввинновъ къ искорененію сей секты въ самомъ ея началѣ остались безъ успѣха. Ни проклятія, ни преслѣдованіе ея послѣдователей не воспрепятствовали ей усилиться. Польское Правительство не обращало вниманія на этихъ новыхъ сектаторовъ, которые въ короткое время потомъ распространились по всѣмъ западнымъ губерніямъ Россіи, Царству Польскому, Молдавіи, Валахіи, Галиціи и Венгріи. Невозможно опредѣлить число послѣдователей сей секты, но въ настоящее время оно весьма значительно, и нѣтъ сомнѣнія, что оно скоро поглотитъ и остальную часть русскихъ евреевъ, которыхъ начальники Хассидовъ усиливаются привлекать на свою

*) Ошибочно вмѣсто Тугендгольдъ.—Ред.

сторону всѣми мѣрами и особенно посредствомъ сочиненій, наполненныхъ безумными ученіями секты.

б) О духѣ сочиненій секты Хассидовъ. Главнымъ основаніемъ этой секты есть слѣпое повиновеніе Хассидовъ волѣ своихъ начальниковъ, именуемыхъ Цадиками, т. е. праведниками, и почитаемыхъ намѣстниками Божіими. Вотъ нѣкоторыя мысли о семъ предметѣ, заимствованныя изъ подлинныхъ извѣстныхъ сочиненій сей секты:

1) Отношеніе Цадика къ Богу: a) Цадики суть наставники самаго Бога; они управляютъ его волею; опредѣленія Божіи въ ихъ рукахъ; они превозмогаютъ самаго Бога (?), который предоставилъ имъ управленіе симъ міромъ. Посему Цадики составляютъ высшую для евреевъ инстанцію. (Смотри сочиненіе Ликуте Амаримъ листъ 18; Мабасеръ Цедекъ л. 62; Ноамъ Алимелекъ л. 41 и 81).—b) Цадики низвергаютъ людей съ ихъ достоинства и лишаютъ власти Государей, сопротивляющихся ихъ велѣніямъ. (См. Ноамъ Алимелекъ л. 54).—c) Богъ радуется, когда Цадикъ ему противоборствуетъ и съ величайшимъ удовольствіемъ уступаетъ его совершенной волѣ (Ликуте Амаримъ).—d) Должно ежедневно благословлять Цадика за то, что онъ отверзаетъ Богу ослѣпленныя его очи(?). (Ноамъ Алимелекъ л. 11)—e) Цадикъ украшается именемъ Царя, имѣя власть собирать для себя подати (Сеферъ Гамыдотъ л. 171; Ликуте Маграмъ Тыніана л. 38).—f) Цадикъ *называется даже Богомъ* (Ноамъ Алимелекъ 58 л. 79 л. 2 стр.).

2) О власти Цадиковъ надъ людьми: a) Цадикъ имѣетъ право наказывать человѣка смертью даже по ошибкѣ (Сеферъ Гамыдотъ л. 52); b) кто подвергается гнѣву Цадика, тотъ умираетъ преждевременно (тамъ же); c) отъ воли и усмотрѣнія Цадика зависитъ назначить людямъ мѣстопребываніе въ раю или въ аду (тамъ же); d) даже платье, оставшееся послѣ Цадика, заключаетъ въ себѣ большую силу; рубаха его разрѣшаетъ отъ совершеннаго убійства, а исподнее платье отъ кровосмѣшенія (тамъ же, 10, 13 и 55).—e) Когда Цадикъ умираетъ, міръ дѣлается омерзительнымъ, и Богъ гнушается тогда самою добродѣтелью (Сеферъ Гамыдотъ л. 55).—f) Цадикъ вступаетъ въ разговоръ съ иновѣрцами для того, чтобы исторгнуть изъ нихъ ту малѣйшую искру Божества, которая иногда у нихъ бываетъ; послѣ чего эти люди подвергаются совершенному отверженію (Ликуте Тыніана 58).

3) Какъ должно судить о Цадикѣ: a) Хотя повидимому Цадикъ нарушаетъ права Божіи, Хасидъ долженъ твердо вѣрить, что всѣ дѣянія Цадика угодны Богу (Кицуръ Ликуте Магранъ).—b) Устранивши умъ, чувства и опытъ и принявши въ теченіи жизни путеводительницею одну лишь волю Цадика, Хассидъ можетъ надѣяться, что ведетъ жизнь богоугодную (Ликуте Магранъ).—c) Хассидъ, не вполнѣ приверженный къ своему Цадику, полагаетъ, что долженъ вести себя по человѣчески (?) и по разсудку (Ноамъ Алимелекъ л. 270).—d) Цадикъ находится въ тѣснѣйшей связи съ Богомъ, хотя-бы предавался свѣтскимъ удо-

вольствіямъ (Кесеръ шемъ товъ л. 25).—е) Распутство есть единый путь къ спасенію (?!) (Ликуте Маграпъ л. 19).

4) Другія безумныя и вредныя мысли секты.—Сіи безумныя ученія Хассидовъ тѣмъ вреднѣе, что служатъ основаніемъ воспитанія юношества, понятій о Богѣ и объ обязанностяхъ сектаторовъ къ иновѣрцамъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ ученій: а) Богъ не только имѣетъ жену, но и наложницу. Замѣчаніе. Хассиды говорятъ, что подъ словами Матронута (супруга Бога) и Пилегешъ (наложница) они разумѣютъ и совсѣмъ иное (Оръ Гамейеръ л. 24, Ликуте Амаримъ л. 2, Ноамъ Алимелекъ л. 46, Ликуте Магранъ Тыніана л. 56).—b) Грѣшники нехассиды, т. е., неисповѣдующіе ихъ вѣру, грѣхами своими производятъ то, что Шехина, т. е., жена Бога, получаетъ мѣсячное кровотеченіе и что Богъ принужденъ тогда ее оставлять (Ликуте Магранъ л. 47).—с) Позволяется обманывать (?) людей иной вѣры (Сеферъ Гамыдотъ л. 14).—d) Должно подкупать людей, чтобы поработить нехассидовъ (Кицуръ Ликуте Магранъ 15).—е) Судилища Акумовъ (неевреевъ) состоятъ во власти Клипотъ, т. е., нечистыхъ духовъ, и какъ мы (т. е. Хассиды) поневолѣ лишены власти мстить грѣшникамъ нехассидамъ, то должны отдавать ихъ въ судилище Акумовъ, и такимъ образомъ судъ нечистыхъ духовъ становится священнымъ (тамъ же).—f) Во время молитвы мы (Хассиды) должны дѣлать сильныя тѣлодвиженія, такъ какъ соединеніе Бога съ его женой (?) совершается особенно помощью нашихъ молитвъ. Поелику соитію всегда предшествуютъ тѣлодвиженія, то мы должны подражать оному во время нашего моленія (Ликуте Амаримъ). Просвѣщеніе есть величайшая зараза. Посему Хассиды должны всячески охранять себя отъ онаго. Даже взглянуть въ научныя книги не позволяется, хотя-бы оныя были писаны самымъ набожнымъ евреевъ (Соферъ Гамыдотъ л. 10).

5) О духѣ толкованія Хассидами Св. Писанія.—По мнѣнію Хассидовъ, обыкновенный буквальный смыслъ Библіи, не составляетъ ея истиннаго значенія, а служитъ только покрываломъ сокровенныхъ тайнъ, къ которымъ ключъ ввѣренъ Цадикамъ. Цадики же часто дають Св. Писанію такой смыслъ въ противность нравственности и здравому разсудку. Отъ того во всѣхъ Государствахъ, гдѣ только существуетъ цензура, сочиненія этой секты строжайше запрещены. Вотъ собственныя слова Цадиковъ: „Такъ какъ (говоритъ авторъ сочиненія Исмахъ-Лебъ, стр. 44) цѣль всѣхъ дѣйствій Хассидовъ, особенно Цадиковъ, есть способствовать небесному соитію, (т. е. брачному соединенію Бога съ его женою), мы же во все время нашего соитія скидываемъ съ себя платье свое,—то, изъясняя Библію, эту любимицу Господа Бога, должны также ее обнажать отъ удобопонятнаго значенія словъ и предоставить ее предъ лице Бога во всей таинственной ея наготѣ".

6) Способъ, коимъ основатель секты Балъ-Шемъ примирилъ Бога съ народомъ еврейскимъ.—Въ 1749 году, наканунѣ дня очищенія, Балъ-Шемъ замѣтилъ, что всѣ врата къ Божію мило-

сердію были такъ крѣпко затворены, что молитвы евреевъ никакимъ образомъ не могли черезъ оныя проникнуть. Послѣ продолжительнаго и усиленнаго старанія, Цадикъ постигъ наконецъ причину сего внезапнаго гнѣва Господня. Въ одномъ мѣстѣ съ Балъ-Шемомъ жилъ ксендзъ, который провелъ всю свою жизнь такъ цѣломудренно, что Богъ, радуясь чрезвычайной его добродѣтели, возгнушался всѣмъ народомъ еврейскимъ. Тогда Цадикъ, пораженный ужасомъ, поспѣшилъ къ ксендзу и, соблазнивъ его любострастными разговорами къ мерзости и рукоблудію, примирилъ такимъ образомъ Бога съ народомъ, и врата милосердія къ принятію ихъ молитвъ отверзлись...

в) Перечень важнѣйшихъ сочиненій секты Хассидовъ, съ показаніемъ времени и мѣста ихъ изданія.—Время и мѣсто изданія извѣстнѣйшихъ Хассидскихъ сочиненій, ниже сего исчисленныхъ, здѣшніе типографщики, изъ опасенія наказанія, большею частью означаютъ ложно, такъ какъ ни одна изъ сихъ книгъ не удостоилась цензурнаго одобрѣнія (sic). Вотъ ихъ заглавія: 1) Шыбхе бештъ или шыбхе балъ-шемъ Товъ, заключающее похвальное слово Израилю балъ-шему и описаніе чудесныхъ его дѣяній и случившихся съ нимъ событій. Составлено на еврейскомъ языкѣ однимъ изъ его послѣдователей. Оно издано въ первый разъ въ Бердичевѣ 1814 г. и потомъ, въ продолженіи четырехъ (лѣтъ), въ большомъ количествѣ перепечатано пять разъ; а для большей доступности издавалось потомъ въ Острогѣ, Лащовѣ и Копысѣ на простонародномъ жидовско-нѣмецкомъ нарѣчіи, ибо Хассиды, не довольствуясь развращеніемъ школьнаго юношества, стараются распространять свое гибельное вліяніе и на женскій полъ, которому коварные Цадики обѣщаютъ въ награду многочисленное потомство, если онѣ охотно будутъ внимать похваламъ Балъ-Шема. 2) Сеферъ-Гамыдотъ Шель Бештъ, содержащее нравоученіе Бешта и правила о вѣрѣ и людяхъ, составленное Балъ Шемомъ для своихъ учениковъ и изданное его внукомъ Цадикомъ Ребъ-Нахманомъ въ 1811 году. Изъ этой безумной книги приведено было выше довольно примѣровъ и выписокъ. 3) Цавуотъ Ребшъ, завѣщаніе Балъ-Шема. Сочиненіе сіе безъ означенія времени и мѣста изданія перепечатывалось нѣсколько разъ. 4) Ликуте Магранъ, напечатано въ Острогѣ 1808 года въ Австріи (?); благомыслящіе евреи первыя два изъ сихъ сочиненій сожгли предъ синагогою. Цадикъ грозилъ имъ за сіе дуновеніемъ изъ своей трубки *), опустошивъ весь свѣтъ, но сіе ихъ не устрашило. Здѣшніе однако же евреи затрепетали бы отъ такой угрозы. 5) Ликуте Магранъ Тыніана, напечатано въ Могилевѣ 1810 г. 6) Ликуте Магранъ Тишри, безъ означенія мѣста изданія, напеч. 1812 г. 7) Кицуръ Ликуте Магранъ, 2 тома, напечатано въ Могилевѣ 1810 г.

*) По вѣрованію Хассидовъ, Цадикъ сильнымъ куреніемъ трубки можетъ производить страшныя бури въ мірѣ духовъ.

(Примѣч. автора)

8) Толдотъ Якобъ Іосифъ, напечатано въ Меджибожѣ два раза въ 1801 (1781 ?) и 1816 г. 9) Кессеръ-Шемъ-Тобъ, 2 тома, безъ означенія мѣста издакія, 1797 г. 10) Таніа или Ликуте Амаримъ. 11) Сипуре Масіотъ, т. е разсказы безъ означенія мѣста изданія, напечатано въ 1814 г. иждивеніемъ внука Балъ-Шема. 12) Ноамъ Алимелекъ имѣло нѣсколько изданій, но безъ означенія времени и мѣста печатанія. 13) Оръ-Гамейиръ 1814 г. въ м. Порѣцкѣ. 14) Ликуте Екарымъ 1794 г. 15) Дархе Цадыкъ, т. е. дѣяніе Цадика. 16) Исмакъ-Лебъ, т. е. радость сердца, 1800 г. 17) Ноамъ Мегадымъ, т. е. пріятность плодовъ. 18) Оръ-Пене-Моше, т. е. сіяніе лица Моисея, 1800 г.

г и д) Въ большомъ ли употребленіи книги и открыто ли ихъ евреи имѣютъ или тайно?—Книги сіи распространены наиболѣе на Волыни и Подолѣ, гдѣ, какъ въ своей колыбели, находятся почти во всеобщемъ употребленіи и гдѣ во всякомъ почти мѣстечкѣ существуютъ еврейскія типографіи *). Изъ нихъ извѣстнѣйшія: въ Славутѣ, Острогѣ, Судзиловѣ, Меджибожѣ. Въ сихъ то типографіяхъ, равно какъ и въ Шкловскихъ, Бердичевской и Полипченской (?), ни одна еще полезная книга не была издана. Отъ сего евреи Волынской и Подольской губерніи отстали нѣсколькими столѣтіями въ просвѣщеніи и образованіи отъ своихъ собратій, живущихъ въ другихъ Государствахъ. Сочиненіе Мегале-Темырымъ, т. е. открытыя тайны, изданное въ Вѣнѣ въ 1820 году, изображаетъ всю гнустность (sic) и интриги сей секты. Мѣсто происшествій, въ семъ сочиненіи описываемыхъ, суть: Волынская и Подольская губерніи.

е) Средства къ уничтоженію сочиненій Хассидовъ въ Австріи: 1) Австрійское Правительство строго запретило какъ перепечатаніе Хассидскихъ сочиненій внутри Государства, такъ и ввозъ оныхъ изъ заграницы. Еврейскіе типографщики въ Россіи нѣсколько разъ пытались ввозить въ Австрію сіи книги подъ разными другими названіями, но Правительство Австрійское сіе замѣтило и три года тому назадъ (это относится къ 1832 году) запретило ввозъ всѣхъ безъ исключенія еврейскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Россіи. 2) Сверхъ того Австрійское Правительство постановило, чтобы всѣ еврейскія книги, какъ находящіяся уже въ употребленіи, такъ и имѣющія впредь поступить въ обращеніе, были окаймлены особымъ штемпелемъ") **).

II) Въ 1841 году Министерство Внутреннихъ Дѣлъ получило слѣдующія свѣдѣнія объ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ предводителей Хассидской секты на Волыни. Еврей Израиль Шулимовичъ Фридеманъ живетъ въ мѣстечкѣ Ружинѣ, Кіевской губерніи. Онъ записанъ въ купцы 2-й гильдіи, хотя не занимается никакимъ торгомъ, извѣстенъ у евреевъ подъ именемъ Ребеисруельцы и

*) Это относится къ 1831-му году. (Прим. автора)

**) Здѣсь кончается записка Тугендгольда. Дальше идутъ оффиціальныя донесенія о хасидахъ позднѣйшаго времени.—*Ред.*

признанъ всѣми Хассидами главнѣйшимъ раввиномъ во всей Россіи и въ Польшѣ, также въ Молдавіи, Бессарабіи и проч. Власть сего раввина почитается верховною. Всѣ прочіе раввины вышеозначенныхъ мѣстъ отъ малаго до большого, какъ и всѣ служители синагогъ, учителя дѣтей и взрослыхъ, канторы, рѣзники, чтецы и писцы священныхъ книгъ и пр., обязаны своими мѣстами и своимъ существованіемъ одному куппу Фридеману Ребеисруельцы. Изъявленіемъ отъ сего великаго раввина малѣйшаго неудовольствія на кого либо изъ вышеупомянутыхъ лицъ эти несчастные не только лишаются вдругъ своихъ должностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и навсегда всякаго снисхожденія отъ своихъ собратій и почитаются какъ-бы изверженными изъ общества. Сколь ни обширенъ кругъ дѣйствій Ребеисруельцы и вліяніе его почти на все, происходящее между Хассидами въ Россіи по части духовной и гражданской, однакоже всѣ дѣла и связи, существующія между имъ и ему подчиненными Хассидами, производятся не письменнымъ порядкомъ, а другимъ, именно: всѣ подвѣдомственныя раввину Ребеисруельцы лица, раввины, служители синагогъ и прочіе евреи, въ томъ числѣ и лица женскаго пола, обязаны, по возможности, являться къ нему три или по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ для испрошенія благословенія, для переговоровъ съ нимъ о нужныхъ дѣлахъ, для приношенія ему даровъ и проч., которые почитаются наравнѣ съ жертвами, принесенными Израилемъ въ храмѣ Іерусалима; являться же къ нему Хассиды должны, для исполненія заповѣди Моисея (Исходъ гл. 23 ст. 17): „трикраты въ лѣтѣ да явится всякъ мужеска пола передъ Господомъ Богомъ твоимъ". Всѣ эти лица, такъ называемые „дароносцы великаго раввина", записаны у него въ особой книгѣ, употребляемой имъ при совершеніи молитвъ и твореніи разныхъ чудесъ. Они состоятъ подъ ближайшею защитою и покровительствомъ великаго раввина, такъ что малѣйшая обида, причиненная кѣмъ либо упоминаемымъ лицамъ, отмщается со стороны раввина жесточайшимъ образомъ, а иногда преслѣдованіемъ обидчика даже до лишенія жизни. Раввинъ Ребеисруельцы почитается евреями не столько за его ученость въ законѣ и книгахъ религіи, сколько по особому уваженію къ его происхожденію отъ рода основателя секты Израиля Балъ-Шема или Бешта (?), который былъ признанъ Хассидами, въ началѣ 18 столѣтія, Мессіею (?), но явившимся не въ надлежащее время,—а какъ въ нынѣшнія времена изъ потомковъ Балъ-Шема не оставалось вполнѣ достойныхъ его имени, кромѣ его правнука, вышеупомянутаго Ребеисруельцы, то онъ почитается всѣми Хассидами Россіи почти на равнѣ съ прадѣдомъ его Балъ-Шемомъ.

III) Въ томъ же 1841 году до свѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ дошли свѣдѣнія: 1) что другой начальникъ Хассидской секты въ Витебскомъ и Виленскомъ Генералъ-Губернаторствахъ, проживающій въ мѣстечкѣ Любавичахъ, Могилевской губерніи, Оршанскаго уѣзда, по имени Рабби Мендель Шнеерсонъ или Любавицеръ (или Любави-

черъ), весьма уважается между евреями и имѣетъ на нихъ, особенно на живущихъ въ Бѣлоруссіи и по всей Литвѣ, сильное вліяніе; 2) что сіе уваженіе есть послѣдствіе происхожденія его отъ одного изъ учениковъ Бал-Шема; и 3) что намѣреніе Правительства нашего объ улучшеніи состоянія находящихся въ Россіи евреевъ нашло злостныхъ толкователей, и что въ особенности секта Хассидовъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, во главѣ коихъ стоитъ Мендель Любавицеръ, старается всѣми мѣрами противодѣйствовать благодѣтельнымъ видамъ Правительства на евреевъ.

IV) Въ 1843 году одинъ изъ кагальныхъ старшинъ Кіевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда, доносилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ слѣдующее: между евреями въ послѣднемъ столѣтіи (со времени польскаго владычества) явились раввины самозванцы. Имена сихъ раввиновъ, извѣстныхъ просителю, суть: Кіевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Чернобылѣ, сыновья умершаго тамошняго раввина 1) Аронъ, 2) того же уѣзда въ м. Горностайполѣ, Янкель-Сруль, 3) Кіевскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Макаровѣ, Нухимъ, 4) въ городѣ Васильковѣ, Давидъ и 5) въ городѣ Сквирѣ Ицка, да и Радомысльскаго уѣзда въ м. Брусиловѣ Аврумъ Казнадзей и прочіе, которыхъ проситель поименовать не можетъ, хотя ихъ есть множество въ разныхъ мѣстахъ. Всѣ они люди необразованные, промышляющіе единственнымъ обманомъ. Для искорененія сего зла, кагальный старшина предлагалъ Правительству, между прочимъ, переселить всѣхъ начальниковъ Хассидской секты съ семействами ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ евреевъ нѣтъ, и впредь въ званіе раввиновъ допускать лишь надлежащимъ образомъ экзаменованныхъ и благонадежныхъ.

V. Противъ Хасидской секты изданы просвѣщеннымъ Кременецкимъ евреемъ Левинсономъ слѣдующія сочиненія: а) въ 1823 году подъ заглавіемъ „Эмекъ Рафаимъ“ (адъ), или сатирическое описаніе двухъ Хасидскихъ начальниковъ, которое распространилось въ рукописи между евреями въ Россіи и Австріи; б) въ 1832 году, подъ заглавіемъ „Дивре Цадикимъ“, которое изображаетъ заблужденія Хасидской секты и было напечатано въ Вѣнѣ Директоромъ Тарнопольскаго училища Перломъ.

VI. Въ 1847 году ученый оріенталистъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорьевъ напечаталъ въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ подробныя свѣдѣнія о Хасидахъ, ихъ ученіи и начальникахъ, заимствованныя имъ изъ сочиненій ученѣйшихъ евреевъ. Статья эта вошла въ изданную г. Григорьевымъ въ томъ же году особую книгу подъ заглавіемъ „Еврейскія религіозныя секты въ Россіи“.

VII. Въ 1850 г. 3-го Іюля, Высочайше утверждена секретная инструкція Генералъ-Губернаторамъ о евреяхъ, избираемыхъ ими для особыхъ порученій по дѣламъ еврейскаго закона. Сею инструкціей Генералъ-Губернаторамъ вмѣнено въ обязанность наблюдать, чтобы ни подъ какимъ видомъ въ сію должность не поступили евреи, принадлежащіе къ Хасидистамъ.

VIII. Въ Мартѣ 1852 года Предсѣдательствовавшій въ Комитетѣ 2-го Апрѣля 1848 года генералъ-адъютантъ Анненковъ, препровождая по Высочайшему повелѣнію въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ изданныя въ Житомірѣ въ 1851 году еврейскія сочиненія Шеветъ-Мусаръ и Симхатъ-Нефешъ вмѣстѣ съ сдѣланными изъ оныхъ въ Комитетѣ выписками, увѣдомилъ, что въ сихъ сочиненіяхъ, между прочимъ, внушается евреямъ слѣпо повиноваться раввинамъ, которые на подобіе ангеловъ, властны исцѣлять безплодіе и всякіе недуги, умерщвлять и воскрешать; что раввины, пугая невѣжественную толпу привидѣніями, колдунами, переселеніемъ душъ и проч., въ то же время внушаютъ ей, что такія напасти постигаютъ ее именно за непослушаніе раввинамъ, которые одни и властны избавить отъ нихъ, ради умилостивительныхъ жертвъ, но что, завладѣвъ совѣстью и имѣніемъ толпы, раввины, особенно главы Хасидовъ, увлекаютъ ее за собою къ упорному сопротивленію всѣмъ благимъ мѣрамъ Правительства. Принимая при этомъ въ соображеніе, что оба помянутыя сочиненія изданы были въ одно время въ Житомірѣ— этой столицѣ Хасидскихъ изувѣровъ, и при томъ на простомъ жидовскомъ нарѣчіи, для большей доступности невѣжественнымъ еврейскимъ женщинамъ и простолюднамъ, Комитетъ испросилъ Высочайшее повелѣніе обратить на эти сочиненія вниманіе Главнаго Управленія Иностранными Исповѣданіями какъ на сочиненія, могущія служить опаснымъ орудіемъ въ рукахъ раввиновъ для противоборства благимъ видамъ Правительства о преобразованіи евреевъ. Въ выпискахъ изъ означенныхъ сочиненій между прочимъ сказано, что, по вѣрованію Каббалистовъ, Израиль олицетворяетъ стихію всемірной святости, тогда какъ всѣ другіе народы состоятъ изъ стихіи нечестія, коей начало и глава самъ сатана, но какъ въ сатанѣ и его нечистой стихіи, по первобытному ангельскому его свойству, остались еще кое-какія искры святости, то евреи обязаны въ сношеніяхъ съ иноплеменниками стараться извлекать изъ нихъ и притягивать къ себѣ всѣ послѣднія искры святости, дабы такимъ образомъ пополнить съ одной стороны мѣру святости Израиля, а съ другой мѣру нечестія другихъ народовъ, и что ученіе это подробно развито въ главныхъ кодексахъ современныхъ Хасидовъ: Таніа, Кесеръ-шемтовъ, Цофнатъ-панеахъ, Ликуте-мегерань, Ликуте-екаримъ, Кеду-шатъ-леви, Аспекларіа-гамеира и другихъ, не менѣе вредныхъ и вниманія Правительства достойныхъ сочиненіяхъ начальниковъ означенной секты. Вслѣдствіе сего, согласно мнѣнію Раввинской Комиссіи, по соглашенію съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, сдѣлано отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ распоряженіе объ изъятіи обоихъ помянутыхъ сочиненій изъ продажи.

IX. Въ октябрѣ 1852 года Раввинская комиссія, составивъ по Высочайшему повелѣнію правила о цензурѣ еврейскихъ духовныхъ книгъ, въ томъ числѣ Хассидскихъ и каббалистическихъ, признала необходимымъ важнѣйшія и вреднѣйшія изъ хасид-

скихъ сочиненій подвергнуть совершенному запрещенію, а прочія произведенія Кабаллы и Хасидизма подвергнуть строгимъ во всѣхъ отношеніяхъ ограниченіямъ. Сими правилами, между прочимъ, предположено было: Каббалистическая литература раздѣляется на древнюю и новую. Древняя объемлетъ собою всѣ каббалистическія сочиненія, писанныя послѣ Зогара, преимущественно же Ицхакомъ Ашкенази или Лоріею (сокращенно Ари), умершимъ въ 1572 году въ Галилеѣ, ученикомъ его Хаимомъ Виталомъ, Моисеемъ Кардуеро (или Кардоверо), жившимъ также въ XVI вѣкѣ въ Палестинѣ, учениками его, братьями Галанте, и сочиненія ихъ послѣдователей, до Израиля Балъ-Шема или Бешта. Къ новѣйшей Каббалистикѣ принадлежатъ каббалистическія сочиненія, начиная съ половины XVIII вѣка (ст. 32). Сочиненія древней, такъ называемой созерцательной каббалы (Каббала инуіотъ) подвергаются всей строгости цензуры, по ст. 6 сихъ правилъ, а содержащія въ себѣ ученіе практической каббалы (каббала масіотъ) о колдунахъ, заклинаніи бѣсовъ, талисманахъ, симпатическихъ леченіяхъ и т. под., каковы наприм. сочиненія Мифалотъ-Элогимъ, Шемъ-Товъ Котонъ, Бритъ Мелуха, Сеферъ Зехира и другія, подлежатъ совершенному запрещенію (ст. 33). Сочиненія новѣйшей каббалы также допускаются по строгой цензурѣ, на основаніи ст. 6-й сихъ правилъ, если не содержатъ въ себѣ разсказовъ о чудесахъ и чрезмѣрныхъ достоинствахъ и благочестіи Хасидскихъ раввиновъ, внушеній о слѣпомъ, безусловномъ имъ повиновеніи, о сверхъестественныхъ дѣйствіяхъ ихъ заступничества и молитвъ, о обязанности евреевъ собираться къ нимъ въ извѣстное время года, приносить имъ дары, и т. п. и вообще если не могутъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій на гражданское устройство евреевъ (стр. 34). Книги, особеннаго классическаго достоинства не имѣющія и преимущественно такія, коихъ сочинители жили или живутъ въ настоящемъ столѣтіи, подлежатъ въ примѣненіе къ ст. 23 п. 13 устава о цензурѣ (XIV т. Св. Зак. изд. 1842 года), сверхъ общей цензуры, еще предварительному разсмотрѣнію особой духовной цензуры, состоящей по назначенію Правительства изъ трехъ благонадежныхъ раввиновъ, пользующихся довѣріемъ единовѣрцевъ. Духовная цензура должна имѣть неуклонно въ виду: а) чтобы одобряемыя ею сочиненія были или по содержанію полезнѣе, лучше и чище, или по методѣ и системѣ удобнѣе, нежели прежнія такого рода книги; б) чтобы оныя не отягощали напрасно совѣсть евреевъ новыми религіозными обычаями и запрещеніемъ такихъ предметовъ, которые донынѣ были дозволены; в) чтобы не содержали въ себѣ схоластическихъ преній о предметахъ безполезныхъ (Хилукимъ), и г) чтобы сочиненія писателей нынѣшняго столѣтія отличались ясностью изложенія и совершенною правильностью языка. Но по таковомъ предварительномъ разсмотрѣніи сихъ книгъ въ духовномъ отношеніи, оныя долженствуютъ быть вносимы въ подлежащій Цензурный Комитетъ для одобренія къ напечатанію на основаніи общихъ правилъ (ст. 6).

X) Въ 1853 году бывшій Витебскій, Могилевскій и Смоленскій Генералъ-Губернаторъ представлялъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ подробныя свѣдѣнія о Бѣлорусскихъ Хасидахъ, ихъ ученіи, главномъ предводителѣ Менделѣ Шнеерсонѣ, и о предположеніяхъ къ обузданію его вредныхъ дѣйствій. Изъ свѣдѣній сихъ видно, что ученіе Хасидовъ тѣмъ болѣе вредно, что ложнымъ толкованіемъ Моисеева закона оно утверждаетъ въ заблужденіяхъ народъ еврейскій и безъ того невѣжественный, возбраняетъ занятіе науками, поселяетъ отчужденіе отъ иновѣрцевъ, внушая къ нимъ презрѣніе и непріязнь. При такихъ началахъ и основаніяхъ нравственнаго и религіознаго образованія, вселяемаго въ понятіяхъ и чувствахъ Хасидовъ съ дѣтства, нельзя удивляться противодѣйствію Бѣлорусскихъ евреевъ всякому благому предначертанію Правительства. Хасиды преимущественно наполняютъ г. Витебскъ, уѣзды Лепельскій, Городецкій, Невельскій, Суражскій и Дрисскій, а въ Могилевской губерніи: Копысскій, Оршанскій, Сеннинскій, Гомельскій, Рогачевскій и Чаусовскій; въ прочихъ мѣстахъ губерніи Хасиды не составляютъ большинства. Всѣми этими вредными сектаторами управляетъ съ безграничною властью главный раввинъ всѣхъ Бѣлорусскихъ Хассидовъ Мендель Шнеерсонъ. Прикрывая вредныя дѣйствія свои личиною усердія и преданности Правительству, онъ выказывалъ ревность въ учрежденіи Казеннаго еврейскаго училища въ Любавичахъ, но не помѣстилъ въ училище никого изъ своего многочисленнаго потомства и родства. По этой причинѣ какъ въ Любавичскомъ училищѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, находятся только дѣти послѣднихъ изъ народа. Всѣ распоряженія и самыя предположенія Правительства происками Хасидовъ обнаруживаются; слухъ объ нихъ доходитъ до евреевъ прежде, нежели главные Начальники получаютъ оныя оффиціальнымъ путемъ. Для распространенія зловредныхъ ученій Хасидской секты, Могилевской губерніи въ г. Копысѣ существовала съ 1836 года до 1853 года тайная еврейская типографія въ домѣ еврея Шепселя Славина. Это зло, совершавшееся столько лѣтъ сряду предъ глазами мѣстнаго начальства, неисчислимо по послѣдствіямъ своимъ, возбуждая фанатизмъ многочисленной секты Хасидовъ тысячами вредныхъ сочиненій, распространенныхъ по различнымъ губерніямъ, гдѣ есть Хассиды. Въ началѣ 1854 года обнаружено, что Шнеерсонъ скрывалъ два года сряду въ своемъ обществѣ еврея Зуся Альперовича, убійцу, бѣжавшаго изъ Виленскаго острога, и когда этотъ преступникъ былъ арестованъ и отправленъ въ Оршанскій острогъ, то агенты Шнеерсона доставили ему средство убѣжать. При производствѣ же слѣдствія Хассиды показали, что никогда не слыхали имени Альперовича. Это представляетъ новое доказательство, что всѣ усилія Правительства остаются тщетными, когда надобно открывать преступленія, совершаемыя Хассидами. Главныя основанія этого вреднаго раскола состоятъ въ томъ, что при внушаемой ученіемъ ихъ ненависти и презрѣнія къ Христіанамъ всякое нарушеніе законовъ Правительства, всякій

обманъ и клятвопреступленіе считаются не порокомъ, а заслугою. По дѣлу о тайномъ убійствѣ еврея Проточайна, совершенномъ въ Волынской губерніи въ мѣстечкѣ Славутѣ по приговору Хассидскихъ раввиновъ [1]), состоялось 15 іюня 1839 года высочайше утвержденное заключеніе Генералъ-Аудиторіата о наказаніи преступниковъ, но и въ этомъ дѣлѣ, при всѣхъ усиліяхъ производившаго слѣдствіе флигель-адъютанта къ раскрытію истины, не обнаружено требуемыхъ закономъ доказательствъ въ совершеніи убійства, и Генералъ Аудиторіатъ имѣлъ въ совершеніи онаго только нравственное убѣжденіе.

Соображая всѣ сіи обстоятельства, Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ находилъ: 1) что порча еврейскаго народа и тайное противодѣйствіе Хассидовъ всѣмъ видамъ Правительства, поощряемое ихъ религіозными правилами будутъ, продолжаться, если не примутся дѣятельныя и рѣшительныя мѣры противъ распространенія секты; 2) что Мендель Шнеерсонъ есть дѣйствительно предводитель секты, управляющій оною въ религіозномъ отношеніи самостоятельно, 3) что юридическія доказательства противъ него невозможны какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и на будущее время, и 4) что поэтому рѣшительною и самою дѣйствительною мѣрою было бы удаленіе Менделя Шнеерсона изъ Бѣлорусскаго края, но приведеніе этой мѣры въ исполненіе при нынѣшнихъ обстоятельствахъ было бы неудобно. Къ сему Генералъ-Адъютантъ Игнатьевъ присовокупилъ, что по порученію его состоящими при немъ учеными евреями для особыхъ порученій составлена подробная исторія Хассидизма. Наконецъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ признаетъ необходимымъ на будущее время не допускать Хассидовъ въ члены Раввинской комиссіи.

XI) Въ концѣ 1854 года Шнеерсонъ, продолжая систему лицемѣрія передъ правительствомъ, изъявилъ готовность жертвовать въ пользу военныхъ надобностей 100 руб. сер. Но Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, имѣя въ виду, что Шнеерсонъ главный предводитель всѣхъ Бѣлорусскихъ Хассидовъ, коихъ секта признается болѣе другихъ фанатическою и вредною, что онъ прикрываетъ дѣйствія свои личиною усердія и преданности Правительству, почему и въ особенности по подозрѣніи въ укрывательствѣ бѣглаго еврея, обвиняемаго въ убійствѣ, учреждено надъ нимъ строгое наблюденіе, и что наконецъ генералъ-губернаторъ не ручается за искренность выраженныхъ и нынѣ симъ евреемъ въ прошеніи его чувствъ преданности къ Государю Имератору и къ Россіи,—нашло неудобнымъ доводить до Высочашаго свѣдѣнія о ходатайствѣ Шнеерсона и затѣмъ, отклонивъ означенное его пожертвованіе, возвратило генералъ-губернатору присланныя деньги для выдачи Шнеерсону.

XII) Наконецъ изъ журнала Раввинской комиссіи о сектѣ Хассидовъ 6 ноября 1852 года видно, что кромѣ Менделя Шнеерсона въ настоящеее время Хассиды почитаютъ Цадиками еще

---

[1]) Извѣстное дѣло славутскихъ типографовъ Шапиро.—*Ред.*

сына его Боруха-Шолима Шнеерсона, живущаго въ мѣстечкѣ Любавичахъ вмѣстѣ съ отцомъ, и живущихъ въ Кіевской губерніи братьевъ Арона, Якова, Израиля, Ицека, Давида и Нухома, сыновей умершаго Цадика Мотеля, изъ коихъ первый въ м. Чернобылѣ, второй въ м. Горностайполѣ Радомысльскаго уѣзда, третій въ городѣ Сквирѣ, а четвертый въ гор. Васильковѣ.

Далѣе слѣдуютъ подписи Директора Департамента Духовныхъ дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій и пр.“.

Сообщ. **Я. И.**

Ханскіе ярлыки, данные крымчакамъ.

Помѣщаемые ниже два документа содержатъ копіи русскаго перевода двухъ „ярлыковъ“ (грамотъ), выданныхъ евреямъ крымскими ханами въ 1597 и 1742 гг. Ярлыки эти въ татарскихъ подлинникахъ и русскихъ переводахъ хранятся въ Карасубазарѣ, у крымчака М. А. Пейсаха, и копіи доставлены намъ учителемъ карасубазарской „крымско-еврейской Талмудъторы“ И. Кая. Сходство этихъ, данныхъ крымчакамъ, ярлыковъ съ тѣми, которые опубликованы нѣкогда З. А. Фирковичемъ *) подъ видомъ грамотъ, выданныхъ исключительно караимамъ, наводитъ на мысль: не относится ли и часть послѣднихъ къ крымчакамъ или къ еврейскимъ жителямъ вообще? Вѣдь въ коллекціи ярлыковъ Фирковича (сына) вездѣ говорится о „іудеяхъ“ (ягуди) и „іудейскомъ народѣ“, безъ особыхъ оговорокъ.— Дальнѣйшее собираніе актовъ, относящихся къ исторіи евреевъ въ татарскомъ Крыму, можетъ привести къ разрѣшенію этого вопроса.

Ред.

№ 1.

„Данъ отъ Селяметъ-Герей-Хана, Славы нашей. Правой и лѣвой руки командующимъ, городскимъ и деревенскимъ начальствамъ, муфтіямъ, кадіямъ, мудеррисамъ, начальникамъ монаховъ-дервишей, сухопутнымъ и морскимъ властямъ, и всѣмъ служащимъ по должности, а также всѣмъ жителямъ дворянамъ и прочимъ, повелѣваемъ: предъявителямъ сего ярлыка, евреямъ — Лазарю, Муемину, Исааку, Мортхаю, Яху, Меиру, Шолеме, Арону, другому Яху, Исхаку, Кришму и Юсуфу, которые явились ко мнѣ и представили документы, данные имъ отъ отцовъ, дѣдовъ и предковъ нашихъ: Девлетъ-Гирей-Хана, Маметъ-Гирей-Хана, Гази-Гирей-Хана и прочихъ покойныхъ нашихъ родственниковъ, пожаловавшихъ поименованнымъ выше евреямъ, за заслуги, милостивые ярлыки съ красною и синею печатью; евреи сіи просили отъ меня того же. Я съ своей стороны жалую этимъ евреямъ за таковою же печатью ярлыкъ и приказываю

---

*) Сборникъ старинныхъ грамотъ и пр. касательно правъ и состоянія русско-поданныхъ караимовъ. Спб. 1890. См. особенно предисловіе стр. XVIII, и въ текстѣ стр. 55—105.

съ сегодняшняго дня, чтобы всѣ знали, что означенные евреи освобождены отъ всѣхъ повинностей, какъ-то: отъ обязанности давать лошадей, отводить квартиры въ домахъ своихъ служащимъ чиновникамъ, не должны рѣзать ихъ барановъ, освобождаются отъ десятины съ хлѣба, изъ ихъ амбара не должны брать хлѣбовъ; если они изъ за границы будутъ привозить крѣпостныхъ людей, лошадей, рогатый скотъ и овецъ и прочіе товары, то и за оные не брать съ нихъ никакихъ пошлинъ и коммерческихъ повинностей; съ наслѣдства получаемаго ими и при раздѣлѣ ими между собою имущества не взимать рехаима; ни въ чемъ ихъ не притѣснять, а охранять, дабы они, живя въ спокойствіи, возносили бы молитвы къ Богу за насъ и предковъ нашихъ. Отъ всѣхъ исчисленныхъ повинностей освободили мы ихъ и дѣтей ихъ и все потомство ихъ. Этотъ ярлыкъ данъ имъ, какъ прежде ихъ отцамъ, для того, чтобы всегда служилъ имъ документомъ, чтобы родъ нашъ, всѣ дворяне, мурзы и всѣ подданные не препятствовали бы и не нарушали бы и вѣрили бы этому ярлыку".

(По татарскому лѣтосчисленію 1003 года, мѣсяцъ Джемазинъ-Эвеля 1 дня. По русскому лѣтосчисленію въ 1597 г. *).

Написано въ Качи-Сараѣ.

№ 2.

„Дано отъ Селямъ-Герей-Хана, сына Капланъ-Герей-Хана.

Данъ сей ярлыкъ жителямъ Карасубазара, евреямъ Мошу и Шолеме Якубовымъ сыновьямъ и Ягьѣ сыну Ильи, въ томъ, что ихъ отцы издревле отъ нашихъ предковъ и дѣдовъ, а именно: Меметъ-Герей-Хана, Девлетъ-Герей-Хана, Газый-Герей-Хана, Селяметъ-Герей-Хана, Джанбекъ-Герей-Хана и отъ прежнихъ нашихъ родственниковъ и отъ вышепрописанныхъ предковъ имѣли ярлыкъ. На основаніи этого мною тоже дается имъ ярлыкъ, чтобы по предъявленіи его не взимать съ нихъ лошадей для разъѣздовъ, не занимать ихъ квартиры для постоя, не требовать продовольствія, освобождать ихъ отъ всякихъ податей и повинностей. Кадій, Эмины и другія власти, нами поставленныя, не должны дѣлать имъ никакихъ притѣсненій, десятину отъ хлѣбовъ и прочихъ доходовъ не взимать, таможенныхъ пошлинъ, городовыхъ доходовъ и положенной въ нашу Ханскую казну дани не взымать. Они издревле освобождены отъ всѣхъ ханскихъ требъ за заслуги, каковое освобожденіе отъ всѣхъ податей и повинностей мы симъ ярлыкомъ подтверждаемъ".

(Данъ по татарскому лѣтосчисленію въ 1156 году; по русскому лѣтосчисленію въ 1742 году).

---

*) Переводъ татарской даты на „русскую" не совпадаетъ здѣсь съ мусульманскимъ лѣтосчисленіемъ—„геджрою" (622 г. хр. эры), ибо къ татарскому году 1003 прибавлено не 622, а 594 года. Въ слѣдующемъ документѣ разница между двумя эрами составляетъ уже не 594, а 586 (1156 + 586 = 1742). Въ коллекціи Фирковича, гдѣ напечатаны и татарскіе подлинники ярлыковъ, разница между татарской и русской эрами колеблется между 591 и 586 г.

Документы изъ эпохи Николая I.

(Изъ Кіевскихъ архивовъ).

№ 1.—Дѣло по отношенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ о наблюденіи, дабы не скитались по Россіи Евреи (1830 г.).

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Департаментъ полиціи Исполнительной. Отдѣленіе 2, Столъ 2, 31 Мая 1830 года. № 1585.

Господину Кіевскому Военному Губернатору.

Честь имѣю препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству экземпляръ циркулярнаго предписанія моего Гг. Гражданскимъ Губернаторамъ отъ 22 сего Мая, за № 1417, о Евреяхъ, скитающихся по Россіи.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Генералъ-Адъютантъ Закревскій.

Циркулярно.

Господину Гражданскому Губернатору.

Дошло до моего свѣдѣнія, что многочисленныя Еврейскія семейства скитаются безъ всякихъ занятій по внутреннимъ Россійскимъ Губерніямъ; что изъ числа таковыхъ 10 семействъ прибыли въ Москву, гдѣ они живутъ по паспортамъ Оберъ-Полиційместера болѣе мѣсяца, имѣя при себѣ служителей Христіанъ; что по показанію сихъ служителей, нѣкоторыя изъ тѣхъ Евреевъ объѣхали до 18 Губерній; что въ Саратовѣ ихъ было болѣе 20 семействъ, гдѣ они праздновали по своему закону Кучки, а въ Казани ихъ съѣхалось до 40 семействъ; что Евреи ѣздятъ въ городахъ по домамъ, а въ деревняхъ къ помѣщикамъ и крестьянамъ, продаютъ томпаковыя вещи за золотыя и подъ предлогомъ бѣдности выпрашиваютъ милостыню, тогда какъ они имѣютъ во всемъ довольство.

Всѣ сіи обстоятельства я предлагалъ на разсмотрѣніе Еврейскаго Комитета, который, принявъ въ соображеніе существующіе о Евреяхъ законы и правила, какъ то: Положенія 1804 года § 28; Указъ 24 Августа 1826 года; правила, разосланныя черезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ 1827 году: Указы: 17 Ноября 1797, 25 Февраля 1823, 8 Іюня 1826 года и Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее 17 Апрѣля 1828 года, полагаетъ: 1) что по силѣ сихъ узаконеній Евреи, пребывающіе въ Москвѣ и въ другихъ городахъ безъ занятій, не могутъ быть терпимы въ оныхъ точно также, какъ и бродяги; 2) что они даже для дѣлъ дозволенныхъ не могутъ жить по паспортамъ Оберъ-Полиціймейстера, но должны имѣть Губернаторскіе (отъ Губернаторовъ тѣхъ Губерній, въ которыхъ они записаны по ревизіи) и получать позволенную отсрочку отъ Губернскаго Правленія; и что для прекращенія бродяжничества Евреевъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, остается только исполнять въ точности законы, на сей случай изданные.

О таковомъ положеніи Еврейскаго Комитета я счелъ нужнымъ увѣдомить Ваше Превосходительство для надлежащаго съ Вашей стороны по оному исполненія.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,
Генералъ-Адъютантъ Закревскій.

№ 2. О дозволеніи евреямъ, отдаваемымъ въ рекруты, принимать христіанскую вѣру всѣхъ терпимыхъ исповѣданій.

Циркулярно.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Департаментъ Полиціи Исполнительной, Отдѣленіе 2, Столъ 2, 6 Сентября 1830 № 2591.

Господину Гражданскому Губернатору.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить Евреямъ, въ рекруты отдаваемымъ, принимать Христіанскую вѣру всѣхъ терпимыхъ въ Россіи исповѣданій; но не удерживая таковыхъ на мѣстахъ набора, отправлять по назначенію, соблюдая правила, на сей послѣдній предметъ изданныя. Начальство-же тѣхъ войскъ, въ которыя они поступятъ, получивъ надлежащее увѣдомленіе о желаніи ими объявленномъ, должно заботиться объ изученіи ихъ избранному ими терпимому Христіанскому вѣроисповѣданію и присоединенія къ оному, на основаніи узаконеній, Духовнымъ начальствомъ тѣхъ исповѣданій предназначенныхъ. О таковомъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи я спѣшу увѣдомить Ваше Превосходительство для надлежащаго по оному исполненія, поручая Вамъ о распоряженіяхъ Вашихъ по сему донести мнѣ безотлагательно.

Подписалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,
Генералъ-Адъютантъ Графъ Закревскій.

№ 3. О радости евреевъ г. Хмѣльника по случаю освобожденія отъ рекрутскаго набора 1854 года.

А. 6 Августа 1854 г. Исправляющаго должность Военнаго Губернатора г. Каменца Подольскаго и Подольскаго Гражданскаго Губернатора. Каменецъ-Подольскъ. Объ оказаніи евреями города Хмѣльника радости при объявленіи имъ Высочайшаго повелѣнія объ освобожденіи отъ рекрутской повинности при 11 частномъ наборѣ съ Восточной полосы.

Господину Исправляющему должность Кіевскаго Военнаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора.

Хмѣльницкая Градская Полиція донесла мнѣ, что по объявленіи Высочайшаго повелѣнія объ освобожденіи, въ видѣ особой Монаршей милости, евреевъ отъ исполненія рекрутской повинности при 11 частномъ очередномъ наборѣ съ Восточной полосы Имперіи, евреи г. Хмѣльника, какъ мужского, такъ и женскаго пола, столпившись въ одну массу, выслушавъ Монаршую милость, произносили съ поднятыми до небесъ руками громкій возгласъ: Ура, да здравствуетъ нашъ Великій Государь Николай Павловичъ много лѣтъ, и да поможетъ ему Богъ одержать побѣду надъ врагами! и въ такомъ невыразимомъ на лицѣ каждаго еврея удовлетвореніи разошлись по домамъ.

На другой день всѣ евреи, собравшись въ синагогу, по окон-

чанiи по обряду ихъ вѣры молитвъ, въ особенности принесли они молебствiе Господу Богу, въ видѣ молебна при хорѣ пѣвчихъ, о здравiи и долгоденствiи Государя Императора и Всего Августѣйшаго Дома Его за дарованную имъ милость. День сей не какъ обыкновенный сабашъ, но какъ рѣдкiй въ жизни ихъ праздникъ проводили евреи въ полномъ удовольствiи, и въ довершенiи этой радости вечеромъ, городъ былъ освѣщенъ, какъ нельзя требовать лучше отъ бѣдныхъ жителей.

Долгомъ считаю донести о томъ Вашему Сiятельству. Подлинное подписалъ Генералъ-Маiоръ... (Подпись неразборчива).

Б. (Донесенiе о томъ же Кiевскаго Генералъ-Губернатора).
24 августа 1854 г.

Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

При объявленiи евреямъ города Хмѣльника (Литинскаго уѣзда, Подольской губернiи) Высочайшаго повелѣнiя объ освобожденiи, въ виду особой Монаршей милости, евреевъ отъ исполненiя рекрутской повинности при 11 частномъ очередномъ наборѣ съ Восточной полосы Имперiи, евреи этого города обоего пола, столпившись въ одну массу, выслушавъ Монаршую милость, съ поднятыми вверхъ руками кричали: Ура, да здравствуетъ нашъ Великiй Государь Николай Павловичъ много лѣтъ, и да поможетъ ему Богъ одержать побѣду надъ врагами—и въ величайшемъ восторгѣ разошлись по домамъ.

На другой день послѣ сего, всѣ евреи города Хмѣльника, собравшись въ синагогу по окончанiи своихъ молитвъ, принесли Господу Богу молебствiе о здравiи и долгоденствiи Государя Императора и Всего Августѣйшаго Дома Его.

И весь этотъ день проводимъ былъ евреями въ радости. Вечеромъ же городъ былъ иллюминованъ, какъ нельзя было ожидать по бѣдности жителей.

Получивъ это увѣдомленiе Начальника Подольской губернiи, долгомъ поставляю довести обо всемъ вышеизложенномъ до свѣдѣнiя Вашего Высокопревосходительства.

Сообщ. **И. Галантъ.**

Быль или вымыселъ?

Авторъ компилятивной работы подъ названiемъ „Инквизицiя въ Польшѣ и Литвѣ" („Историческiй Вѣстникъ" 1885 г. т. III. стр. 102—104), А. Ѳ. Хойнацкiй, желая подтвердить высказанную имъ мысль, что свѣтскiе суды и приговоры ихъ въ Польшѣ и Литвѣ были въ 17—18 вѣкахъ не менѣе жестоки, чѣмъ духовно-инквизицiонные суды того времени,—приводитъ между прочимъ одинъ случай жестокаго суда изъ личныхъ воспоминанiй. Это—разсказъ, слышанный авторомъ въ дѣтствѣ, въ родной Волыни, отъ своей бабушки, 80-ти лѣтней старухи, умершей въ 1860-хъ годахъ. Ея разсказъ, относящiйся къ послѣдней четверти 18-го столѣтiя, имѣетъ связь съ какимъ-то ритуальнымъ обвиненiемъ, возбужденнымъ противъ евреевъ м-ка Полоннаго, Волынской губернiи, каковое

обвиненіе повлекло за собою мученическую смерть нѣсколькихъ невинныхъ еврейскихъ жертвъ, въ томъ числѣ и мѣстнаго раввина.

Любопытно знать, насколько нижеприведенный разсказъ содержитъ въ себѣ отголосокъ дѣйствительнаго событія, — т. е. имѣло ли мѣсто на самомъ дѣлѣ въ послѣдней четверти 18-го вѣка подобное обвиненіе противъ Полонскихъ евреевъ, или же воспоминаніе бабушки Хайнацкаго есть повтореніе темныхъ слуховъ и толковъ, циркулировавшихъ въ народѣ. Во всякомъ случаѣ считаю нужнымъ привести здѣсь этотъ разсказъ, записанный Хойнацкимъ, въ виду его характерныхъ историческихъ и бытовыхъ чертъ, а тѣмъ болѣе, что въ немъ попутно говорится также о позднѣйшемъ (въ 1850-хъ годахъ) обвиненіи полонскихъ евреевъ въ „святотатственномъ посмѣяніи надъ христіанской религіей“:

„Когда на родинѣ нашей (А. Ѳ. Хойнацкаго), въ мѣстечкѣ Полонномъ Волынской губ. Новоградъ-Волынскаго уѣзда, въ началѣ (18) 50-ыхъ годовъ, нѣсколько евреевъ были обвинены въ святотатственномъ посмѣяніи надъ христіанской религіей, по доносу на нихъ викарія полонскаго римско-католическаго косціола, въ такъ называемые шаленые дни по окончаніи праздника кучекъ *), то бабушка, надо замѣтить, обладавшая рѣдкою памятью, между прочимъ, вспомнила и разсказала слѣдующее:

„Въ Полонномъ, въ одномъ изъ хуторовъ, и доселѣ облегающихъ его съ разныхъ сторонъ въ изрядномъ количествѣ, жило семейство одного побережника, или полѣсовщика, у котораго была дочь, отличавшаяся рѣдкой красотой. Понятно, за ней ухаживали многіе, въ томъ числѣ и извѣстный въ то время на все мѣстечко грамотѣй, панъ Бакаляръ, или дьячекъ. Разсчитывая на свою образованность и на свое привиллегированное положеніе, панъ Бакаляръ имѣлъ основаніе думать, что дѣвушка не откажетъ ему ни въ коемъ случаѣ. Но вдругъ онъ узнаетъ, что его возлюбленная отдала свое сердце другому, одному сосѣднему парню—хуторянину. Закипѣла страшная злоба въ душѣ пана Бакаляра, и онъ рѣшился во чтобы то ни стало жестоко наказать своего соперника. Неизвѣстно, какъ обо всемъ этомъ узнали всевѣдующіе сыны Израиля и, пользуясь злобою Бакаляра на несчастнаго парня, предложили ему продать сего послѣдняго имъ на пейсахъ... За это евреи предложили Бакаляру тарелку червонцевъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ вызвалъ своего соперника въ лѣсъ на извѣстное мѣсто и тамъ, положивши руку на него, сказалъ жидкамъ: берите, я вамъ продаю его. Сдѣлка состоялась, и несчастный парубокъ былъ тутъ же на мѣстѣ передачи брошенъ въ бочку, натыканную внутри гвоздями. Бочку катали нѣкоторое время по землѣ, пока вся кровь не истекла изъ несчастнаго. Потомъ его выпули, выцѣдили кровь, куда слѣдуетъ, а трупъ убитаго закопали невдалекѣ въ землѣ, запрятавъ туда же въ кучѣ хвороста и самую бочку.

„Такъ бы это дѣло и погибло безслѣдно, тѣмъ болѣе, что въ ту пору весьма часто было въ обычаѣ, что молодые люди бѣжали въ Кіевъ или въ другія мѣста, такъ могли подумать и о несчастномъ парубкѣ,—если бы совѣсть не заговорила бы у дьячка и не заставила его сознаться въ учиненномъ преступленіи, сперва передъ духовенствомъ, а потомъ и передъ начальствомъ. Конечно, при этомъ дьячекъ выдалъ и всѣхъ участниковъ своего преступленія, евреевъ. Произведенное тогда по распоряженію тог-

*) Повидимому, Симхатъ-Тора, въ концѣ праздника Кущей.

дашняго Полонскаго владѣльца князя Любомірскаго, слѣдствіе раскрыло дѣло какъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе что въ улику виновнымъ найдены были какъ трупъ убитаго парня, исколотый гвоздями, такъ и бочка, въ которой онъ погибъ. И вотъ какая судьба постигла Бакаляра и его соучастниковъ. Его самого прежде провели по всему мѣстечку, обмотавши его руки паклею, намоченною въ смолѣ и зажегши ихъ. По приведеніи на лобное мѣсто за мѣстечкомъ, несчастному отсѣкли голову. Что до евреевъ, оказавшихся виновными въ дѣлѣ, то самаго главнаго изъ нихъ, (по преданію) раввина, подвели къ столбу, стоявшему посреди мѣстечка, и вырѣзавъ ему пупъ съ кишкою, заставляли его бичами бѣгать вокругъ столба до тѣхъ поръ, пока всѣ кишки не высыпались изъ живота, и онъ палъ мертвымъ Другихъ евреевъ тутъ же заставляли брать голыми руками раскаленное желѣзо, и когда они не рѣшились дѣлать это, то сѣкли ихъ до тѣхъ поръ, пока отъ страшныхъ обжоговъ и ударовъ бичей они не умирали.

„Насколько есть правды въ этомъ разсказѣ и на сколько вымысла, мы сказать не можемъ. Но вотъ факты, на которые мы не можемъ не обратить вниманія своихъ читателей, чтобы ближе судить о дѣлѣ. Покойный отецъ нашъ еще помнилъ въ дѣтствѣ своемъ женщину изъ отцовскаго прихода, у которой правая щека была вся обуглена отъ ожоговъ. Бабушка говорила, и сама та женщина разсказывала, что она была родною сестрою несчастнаго Бакаляра, казненнаго за продажу евреямъ своего соперника Когда его съ зажженными руками водили по улицамъ, то она была еще малюткой и въ пеленкахъ матерью положена на печку Печка крѣпко была натоплена, а мать, узнавъ о казни, убѣжала изъ дому, забывъ про дитя. Тогда она случайно скатилась съ подушки, на которой лежала, на печку и здѣсь обожгла лицо себѣ до костей. Кромѣ того, мы сами еще помнимъ толстый обрубокъ дерева, стоявшій въ усадьбѣ одного крестьянина въ Полонномъ, на западной окраинѣ мѣстечка. Бабушка говорила, и всѣ старожилы подтверждали, что на томъ обрубкѣ, по приказанію Любомірскаго, сѣкли головы виновнымъ, и что тамъ же былъ казненъ и помянутый панъ Бакаляръ.

„Если такъ судили польскіе суды за преступленіе противъ вѣры, то не диво, что народъ забывалъ о судахъ инквизиціи, которые были если не гуманнѣе, то ужъ никакъ не хуже послѣднихъ".

Не менѣе интересны подробности обвиненія противъ евреевъ въ 1850-хъ годахъ въ святотатствѣ противъ христіанской вѣры; въ чемъ выражалось это святотатство, въ какой степени поплатились Полонскіе евреи? По всей вѣроятности, въ Полонномъ и его окрестностяхъ еще живы и понынѣ потомки участниковъ этого дѣла, обвиняемыхъ или обвинителей. Съ большимъ интересомъ встрѣтили бы читатели „Еврейской Старины" сообщеніе о подробностяхъ этого случая, о которомъ возможно узнать не только въ Полонномъ или въ архивахъ житомірскихъ присутственныхъ мѣстъ, но и, пожалуй, въ глухой мѣстности далекой Сибири отъ какого нибудь сосланнаго по этому дѣлу или его потомковъ *).

С. Бейлинъ.

*) Въ слѣдующей книжкѣ „Евр. Старины" читатели найдутъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ портфелѣ редакціи имѣется уже одно сообщеніе относительно дѣла о богохульствѣ въ Полонномъ въ 1855 г. Тѣмъ не менѣе мы просимъ лицъ освѣдомленныхъ прислать намъ дополнительный матеріалъ.—Ред.

Критика и библіографія.

Зомбартъ передъ судомъ нѣмецкой науки.

Появившаяся два года тому назадъ книга Зомбарта „Die Juden und das Wirtschaftsleben"[1]) до сихъ поръ не перестаетъ быть предметомъ оживленнаго критическаго обсужденія. Выдвинутые авторомъ книги и его критиками вопросы существенно важны для соціально - экономической исторіи евреевъ всѣхъ странъ. Поэтому и читателямъ журнала, посвященнаго исторіи евреевъ въ Россіи и Польшѣ, не безъинтересно будетъ познакомиться съ той оцѣнкой, которую книга Зомбарта встрѣтила со стороны нѣмецкой исторической науки. И цѣль настоящей статьи— систематизировать главнѣйшіе критическіе отзывы объ этой книгѣ, насколько эти отзывы, или точнѣе—рѣзкія возраженія, касаются чисто - исторической части книги, единственной, которая насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ.

Кампанію открылъ извѣстный историкъ нѣмецкихъ городовъ—Беловъ (Historische Zeitschrift. B. 108., S. 614 ff.).

Основная тема книги Зомбарта, говоритъ Беловъ, сводится къ слѣдующему: Израиль подобенъ солнцу; гдѣ онъ является, тамъ хозяйственная жизнь расцвѣтаетъ; когда онъ уходитъ, она замираетъ. Въ 16-мъ столѣтіи евреи переселяются изъ Испаніи и Португаліи на сѣверъ Европы; въ то же самое время и хозяйственный центръ тяжести передвигается съ юга на сѣверъ Европы. Беловъ соглашается, что оба эти факта были; но вѣдь одновременно съ ними имѣло мѣсто и много другихъ фактовъ. Пиренейскій полуостровъ, по мнѣнію Белова, никогда не игралъ первенствующей роли въ экономической жизни Европы; мало того, онъ никогда даже не переживалъ состоянія хозяйственнаго расцвѣта; то обстоятельсто, что открытіе новыхъ странъ пошло оттуда, имѣло не экономическія, а совершенно другія причины. Почему же, если теорія Зомбарта вѣрна, жившіе въ Испаніи евреи не вызывали тамъ экономическаго подъема? Въ позднее средневѣковье главными очагами хозяйственной жизни является Италія, сѣверная Германія и южныя Нидерланды. Во всѣхъ этихъ странахъ численность еврейскаго населенія незначительна.

[1]) Первая, историческая часть книги имѣется и въ русскомъ переводѣ „Евреи и хозяйственная жизнь", Спб. Книгоизд. „Разумъ", 1912.

Съ середины 16-го вѣка ихъ роль переходитъ къ Англіи и сѣвернымъ Нидерландамъ. Евреи ли были тому причиной? Вспомните ткацкую промышленность Англіи. Въ дѣлѣ развитія торговыхъ сношеній Англія занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ странъ міра, а между тѣмъ тамъ въ XVII и XVIII вѣкахъ жило меньше евреевъ, чѣмъ гдѣ бы то не было. Испанскіе евреи дѣйствительно переселились въ 16-омъ вѣкѣ въ Нидерланды, и Зомбартъ отмѣчаетъ, что благодаря этому обстоятельству торговля съ востокомъ перешла въ руки нидерландцевъ. Да, но центръ тяжести нидерландской торговли лежалъ отнюдь не въ сношеніяхъ съ востокомъ, а въ сношеніяхъ съ вновь открытыми странами. Въ Гамбургъ тоже переселилось много евреевъ изъ Пиренейскаго полуострова, но и здѣсь хозяйственный расцвѣтъ города былъ обусловленъ не ими: Гамбургъ выдвинулся благодаря тому, что заключилъ съ Англіей союзъ, къ которому не примкнули остальные Ганзейскіе города. Часть евреевъ переселилась изъ Пиренейскаго полуострова на востокъ; отчего они здѣсь не создали ни экономическаго процвѣтанія, ни современнаго государства?

Въ своей книгѣ Зомбартъ совершенно игнорируетъ средніе вѣка. Участіе евреевъ въ развитіи банковыхъ операцій Флоренціи ничтожно. Въ Германіи ихъ положеніе въ позднее средневѣковье очень неважно. Изъ крупныхъ городовъ и большихъ государствъ ихъ въ большинствѣ случаевъ изгоняютъ. Терпятъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ мало. Охотно принимаютъ евреевъ владѣльцы маленькихъ государствъ изъ финансовыхъ соображеній. И что же, развѣ отъ этого погибли города и расцвѣли эти государства? Подчеркиваемое Зомбартомъ значительное участіе евреевъ въ Лейпцигской ярмаркѣ (евреи составляли тамъ четвертую часть общаго числа посѣтителей) Беловъ признаетъ, но объясняетъ это торговыми отношеніями Лейпцига къ Польшѣ [1]). Любимая мысль Зомбарта состоитъ въ томъ, что евреи создали современное государство: они были поставщиками армій, арендаторами податей, давали князьямъ взаймы громадныя суммы; „князь и еврей“—символъ развивающагося капитализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и современнаго государства. Все это, говоритъ Беловъ, ни на чемъ не основанное обобщеніе. Евреи-финансисты играли роль развѣ при маленькихъ нѣмецкихъ дворахъ. Самый типъ такого финансоваго агента какъ нельзя болѣе далекъ отъ современности; въ немъ сильный оттѣнокъ чего то средневѣковаго, восточнаго. И тутъ слѣдуетъ имѣть въ виду, по мнѣнію Белова, и оборотную сторону допущенія евреевъ: ихъ склонность къ мелкимъ кредитнымъ операціямъ среди сельскаго населенія, вызывавшую не мало нареканій. Очень благопріятную оцѣнку находитъ у Зомбарта эпоха грюндерства; но участіе въ ней евреевъ указано слишкомъ суммарно. Къ тому же это — эпоха беззастѣнчиваго хищничества.

[1]) Ср. Коробковъ, Участіе евреевъ во внѣшней торговлѣ Польши. „Евр. Старина“ 1911 г., стр. 28 сл.—*Ред.*

Что касается общихъ недостатковъ Зомбартовской книги, то самый основной—методологическаго свойства: надо помнить, что хозяйственное развитіе всегда опредѣляется цѣлымъ рядомъ факторовъ. Зомбартъ самъ отмѣчаетъ это во введеніи. Но въ дальнѣйшемъ онъ выдвигаетъ, какъ движущую силу, однихъ только евреевъ, игнорируя все остальное. Кромѣ того Беловъ ставитъ Зомбарту въ вину бездоказательность его выводовъ, некритическое отношеніе къ матеріалу. Зомбартъ, напримѣръ, пользуется жалобами купцовъ-христіанъ на еврейскую конкурренцію, какъ доказательствомъ громадной экономической силы евреевъ.

Подводя итоги своей оцѣнкѣ, Беловъ заявляетъ: Зомбартъ не создалъ никакой надежной опоры для сужденія о роли евреевъ въ историческомъ развитіи хозяйственной жизни. Что они играли большую роль въ торговлѣ, это фактъ давно извѣстный; но степень и размѣры ихъ вліянія не выяснены книгой Зомбарта.

Возраженія Белова порой очень мѣтки и остроумны. Но въ общемъ его небольшая статья носитъ характеръ отрывочности и разбросанности. Повидимому, онъ и не ставитъ себѣ цѣлью пространно опровергать или доказывать. Онъ или аподиктически утверждаетъ, или такъ же аподиктически отвергаетъ положенія Зомбарта.

Полнѣе и подробнѣе обосновываетъ свой взглядъ Рахфаль, въ Preussische Jahrbücher (Januar 1912). Съ внѣшней стороны статья написана не блестяще; изложеніе расплывчато, авторъ часто повторяется. Зато она по содержанію болѣе компактна, чѣмъ замѣтка Белова. Рахфаль не прослѣживаетъ всей нити Зомбартовскаго построенія. Онъ сосредоточиваетъ вниманіе лишь на нѣсколькихъ, наиболѣе важныхъ, по его мнѣнію, вопросахъ. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, вопросъ о перемѣщеніи экономическихъ центровъ въ 16-омъ вѣкѣ. Уже въ самой постановкѣ проблемы Зомбартъ, по мнѣнію Рахфаля, допустилъ рядъ ошибокъ и неточностей. Зомбартъ, говоритъ: до конца 16-го вѣка хозяйственная жизнь Европы сосредоточивается на юго-западѣ, въ Италіи, Испаніи и Португаліи; затѣмъ она перемѣщается на сѣверо-западъ, сперва въ Бельгію и Голландію, а потомъ во Францію и Англію; основной моментъ всего переворота—это внезапный расцвѣтъ Голландіи. Но вѣдь эта цѣлая сѣть заблужденій—восклицаетъ Рахфаль. Такой преемственности этаповъ не было; до конца 15-го вѣка первое мѣсто въ торговыхъ оборотахъ Европы занимали итальянцы, нѣкоторые южно-германскіе города и (что Зомбартъ совершенно упускаетъ изъ виду) Ганзейскій союзъ; въ связи съ эпохой открытій на смѣну имъ выступили португальцы, испанцы и городъ Антверпенъ; наконецъ торговое преобладаніе переходитъ къ Нидерландамъ, Франціи и Англіи. Такое смѣшиваніе разновременныхъ моментовъ какъ преобладаніе Италіи съ одной стороны, Испаніи и Португаліи съ другой, производитъ крайне досадное впечатлѣніе. Что касается основного вопроса — расцвѣта Антверпена и Нидерландовъ, то

онъ начался задолго до появленія тамъ маррановъ. Антверпенъ выдвинулся еще въ эпоху преобладанія Испаніи,—можно сказать больше: благодаря этому преобладанію. До расцвѣта испанской торговли Антверпенъ былъ лишь мѣстомъ ввоза англійской шерсти; благодаря Испаніи, онъ становится исходнымъ пунктомъ для снабженія сѣверной и средней Европы колоніальными продуктами. Кадры антверпенскаго купечества въ то время заполняются главнымъ образомъ иностранцами; туземный элементъ стушевывается рядомъ съ ними. Евреи врядъ ли переселились въ Нидерланды тотчасъ же послѣ изгнанія ихъ изъ Испаніи (т. е. въ концѣ 15-го столѣтія). Волна изгнанниковъ частью хлынула въ Португалію [1]), частью вообще разлилась по берегамъ Средиземнаго моря. Въ правленіе Іоанна Третьяго (1522—1557 г.). ихъ и въ Португаліи застигла инквизиція [2]). Тогда только начинается массовое переселеніе евреевъ въ Нидерланды, гдѣ преимущественно привлекалъ ихъ Антверпенъ. Какова была политика Карла V по отношенію къ марранамъ? Король готовъ былъ терпимо отнестись къ тѣмъ изъ нихъ, которые искренне обратились въ христіанство, но былъ враждебно настроенъ противъ тѣхъ маррановъ, которые приняли его лишь для виду. Такъ какъ разграничить обѣ эти категоріи представлялось на практикѣ чрезвычайно труднымъ дѣломъ, то общей чертой его политики все время остается недовѣріе къ марранамъ. Что касается королевской администраціи, то она руководится разсчетомъ на еврейскія богатства: въ силу этого она то относится чрезвычайно снисходительно къ іудейской ереси, то, наоборотъ, принимается рьяно ее искоренять, чтобы обогатиться на счетъ гонимыхъ. Совершенно другой характеръ носитъ отношеніе антверпенскаго магистрата къ марранамъ. Понятно, что въ интересахъ города было привлечь какъ можно больше богатыхъ купцовъ. Притокъ маррановъ для отцовъ города чрезвычайно желателенъ, и религіозныя гоненія встрѣчаютъ въ ихъ лицѣ вполнѣ опредѣленныхъ противниковъ.

Какъ продуктъ столькихъ вліяній, политика Карла V въ марранскомъ вопросѣ была колеблющейся. Онъ то проникается къ нимъ терпимостью и даетъ имъ охранныя грамоты, то, наоборотъ, издаетъ эдикты съ приказомъ о немедленномъ выселеніи. Благодаря вмѣшательству антверпенскаго магистрата, эти эдикты до поры до времени остаются мертвой буквой. Но въ 1550 году наступаетъ кризисъ. Король отказался терпѣть дольше, и евреи повидимому были выселены. Такъ кратковременно было ихъ пребываніе въ Антверпенѣ. Дѣйствительно ли этотъ короткій періодъ совпалъ съ моментомъ наивысшаго подъема антверпенской торговли и дѣйствительно ли носителями этого подъема были марраны, какъ утверждаетъ Зомбартъ? Оба утвержденія, по мнѣнію Рахфаля, положительно противорѣчатъ фактамъ. Чтобы

[1]) Лишь на короткое время: 1492—1498 г.—Ред.
[2]) Это относилось уже къ марранамъ.—Ред.

выяснить экономическое значеніе маррановъ въ торговой жизни Антверпена, Рахфаль прибѣгаетъ къ извѣстной ремонстраціи антверпенскаго магистрата отъ 1549 года, вызванной эдиктомъ о выселеніи маррановъ. Въ ней марраны характеризуются слѣдующимъ образомъ: они очень дѣльные купцы, весьма умѣренны въ личной жизни и довольствуются поэтому небольшимъ заработкомъ, заслуживаютъ полнаго довѣрія въ торговыхъ сношеніяхъ, потому что рѣже объявляютъ себя несостоятельными, чѣмъ купцы другихъ націй. Антверпенская биржа многимъ обязана имъ: благодаря тому, что они снабжаютъ ее своими капиталами, она уже лѣтъ пять (съ 1542—1543 г.г.) не испытываетъ той острой нужды въ деньгахъ, которая такъ болѣзненно сказалась въ 1539 году. Съ другой стороны, понизился процентъ на капиталъ. Для торговли города марраны необходимы. Они вывозятъ пряности, сахаръ, растительныя масла, хлопокъ, бразильское дерево, сафьяновую кожу, южные фрукты. Большая часть кораблей, приходящихъ въ Антверпенъ съ запада, являются изъ Португаліи и альгарвскихъ острововъ, благодаря связямъ маррановъ. Ихъ значеніе, какъ торговаго фактора, не ограничивается однимъ Антверпеномъ; они вывозятъ всевозможныя произведенія фландрской обрабатывающей промышленности въ Испанію, Португалію, въ Индію, во всѣ вообще страны свѣта, къ большой выгодѣ для мѣстнаго купечества.

Таково содержаніе документа. Казалось бы, онъ неблагопріятенъ для Рахфаля, по крайней мѣрѣ по вопросу о биржѣ. Однако Рахфаль умудряется дѣлать изъ него обратные выводы. Очевидно, говоритъ онъ, въ рукахъ маррановъ находилась торговля съ Испаніей и Португаліей. Конечно, это была важная отрасль, но отнюдь не главная. По статистическимъ даннымъ, сообщаемымъ Гиккардини, общая сумма ежегоднаго ввоза изъ Испаніи простиралась до четырехъ милліоновъ дукатовъ, между тѣмъ какъ ежегодный торговый оборотъ Антверпена съ Англіей (ввозъ и вывозъ) равнялся двѣнадцати милліонамъ дукатовъ (отмѣчу, что взяты несоизмѣримыя величины: съ одной стороны одинъ только ввозъ, съ другой—весь торговый оборотъ. *В. Т*). Что касается антверпенской биржи, то въ ея развитіи роль евреевъ неоспорима. Но не они все таки создали ее. Биржа возникаетъ еще въ 15-омъ вѣкѣ, держится первое время средствами нѣмецкихъ финансистовъ, а послѣ государственнаго банкротства 1557 г.—деньгами генуэзцевъ.

Аналогичное можно сказать объ Амстердамѣ и сѣверныхъ Нидерландахъ. Еще въ теченіе 16-го столѣтія, задолго до прибытія маррановъ (а вѣдь по даннымъ Греца ихъ не было въ Амстердамѣ до 1593 г.), тамъ успѣли развиться капиталистическій духъ и капиталистическія формы промышленности. Позднѣе, послѣ отпаденія Нидерландовъ отъ Испаніи, ихъ экономическій расцвѣтъ обусловленъ былъ развитіемъ трехъ отраслей: средиземно-морской торговли, колоній и амстердамской биржи. Развитіе первой Зомбартъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: изгнанные

изъ Испаніи марраны разбрелись въ разныя стороны, часть ушла на востокъ, другая въ Нидерланды. Собратья по вѣрѣ черезъ моря протянули другъ другу руки; отсюда расцвѣтъ нидерландской торговли съ востокомъ. Во всемъ этомъ построеніи, говоритъ Рахфаль, нѣтъ ни слова истины. Плаваніе нидерландцевъ черезъ Гибралтаръ и въ страны, расположенныя вокругъ Средиземнаго моря, началось еще въ 80-хъ годахъ 16-го вѣка, т. е. до того, какъ нога маррана успѣла ступить на почву Голландіи. И впослѣдствіи участіе евреевъ въ этой торговлѣ незначительно. По торговому отчету за 1646—47 гг., во ввозѣ принимало участіе 430 фирмъ. Среди болѣе крупныхъ насчитывается 22 еврейскихъ; но самыя крупныя всѣ христіанскія. Такъ 25 купцовъ въ общемъ ввозили на 1,150,000 флориновъ; среди нихъ фигурируютъ три еврея съ общей суммой ввоза въ 150,000 флориновъ. Еще хуже соотношеніе при вывозѣ: 27 купцовъ вывозятъ товаровъ на полтора милліона флориновъ; среди нихъ одинъ только еврей—на 32500 флор.

И амстердамская биржа—созданіе христіанскихъ фирмъ, перенесшихъ свою дѣятельность изъ Бельгіи въ сѣверныя Нидерланды. Зомбартъ говоритъ, что одновременно съ поселеніемъ маррановъ въ Нидерландахъ наблюдается и другой фактъ: тамъ появляются громадные капиталы. По его мнѣнію, существовавшій въ то время ограниченный запасъ благородныхъ металловъ перемѣстился вслѣдъ за марранами. Рахфаль признаетъ фактъ, но не признаетъ его объясненія. Для этого накопленія капиталовъ, говоритъ онъ, были другія, чисто мѣстныя причины. (Замѣчу, что читатель оставляется въ полномъ невѣдѣніи относительно того, какія же это причины. *В. Т.*). Случалось дѣйствительно, что марраны привозили съ собой крупныя богатства. Но вѣдь сплошь и рядомъ они спасали лишь жизнь. Зомбартъ говоритъ, что торговля векселями, имѣющая такое важное значеніе въ жизни биржи, сосредоточивалась въ рукахъ евреевъ. Но въ пользу этого предположенія приводятся данныя, относящіяся только къ концу 17 вѣка и произвольно распространенныя на предыдущую эпоху. Доказательство дѣйствительно не заслуживаетъ названія научнаго аргумента. Но еще болѣе сомнителенъ, скажемъ мы, тотъ способъ опроверженія, къ которому прибѣгаетъ Рахфаль. Онъ приводитъ цитату изъ труда Вагенаара, гдѣ рисуется бытъ амстердамскихъ евреевъ въ 18-омъ вѣкѣ. При томъ же въ этой цитатѣ есть фраза, прямо противорѣчащая его мысли:... „Viele handeln mit Wechseln und Geldsorten"...

Общій выводъ, къ которому приходитъ Рахфаль на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, можно формулировать слѣдующимъ образомъ: и торговля, и капитализмъ на сѣверѣ Европы возникли независимо отъ евреевъ. Евреи лишь являлись туда, гдѣ капитализмъ успѣшно развивался, чтобы использовать создавшееся положеніе въ своихъ интересахъ. Не смущаютъ Рахфаля и данныя относительно роли евреевъ въ американскихъ колоніяхъ. Открытіемъ Америки, говоритъ Зомбартъ, мы обязаны

евреямъ. Экспедиція Колумба не могла бы состояться, если бы марраны покинули Испанію однимъ поколѣніемъ раньше. Когда испанское правительство устрашилось чрезмѣрныхъ требованій Колумба, выступили на сцену марраны, и одинъ только Луи Де Сантангель вложилъ въ предпріятіе около полутора милліона мараведовъ. Вторая экспедиція Колумба состоялась на счетъ богатствъ, конфискованныхъ у изгнанныхъ евреевъ. Не отрицая этихъ, документально доказанныхъ фактовъ *), Рахфаль пытается однако ослабить ихъ значеніе: содѣйствіе Сантангеля есть лишь одинъ изъ факторовъ, обусловившихъ открытіе Новаго Свѣта. Не отрицаетъ Рахфаль и того, что значительный притокъ евреевъ въ испанскія и португальскія колоніи оплодотворяющимъ образомъ дѣйствовалъ на экономическую жизнь страны. Особенно сильно сказалось это вліяніе въ Бразиліи и на такихъ отрасляхъ колоніальной промышленности, какъ сахарныя плантаціи, добываніе благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней. Но Зомбартъ сильно преувеличиваетъ значеніе этой дѣятельности.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе статьи Рахфаля. Она пропитана ѣдкимъ сарказмомъ по отношенію къ Зомбарту. Рахфаль ставитъ ему въ вину незнаніе элементарныхъ историческихъ фактовъ, невѣроятное легковѣріе, сознательное искаженіе истины въ угоду заранѣе намѣченной схемѣ, недопустимые методологическіе пріемы. Чтобы получить правильную историческую перспективу, говоритъ Рахфаль, необходимо опредѣлить отношеніе изучаемаго фактора къ другимъ факторамъ; неправильно терять изъ виду цѣлое. Съ ѣдкой насмѣшкой отзывается Рахфаль о генетическомъ методѣ Зомбарта. Этотъ методъ замѣняетъ статистическія данныя, которыя почему либо нельзя было достать, измышленіями автора. Какъ мы видѣли, самъ Рахфаль стремится опереться и на статистическій, и на документальный матеріалъ. Нельзя однако сказать, чтобы онъ всегда достигалъ этимъ желаемаго. Уже одного изложенія его статьи достаточно, чтобы убѣдиться, какъ шатки бываютъ его аргументы, какъ насильственно пригнаны бываютъ факты. Матеріала, приведеннаго Рахфалемъ, достаточно для того, чтобы оспорить нѣкоторыя утвержденія Зомбарта, разрушить цѣльность его построенія, вызвать даже недовѣріе къ общимъ пріемамъ его работы. Но его совершенно недостаточно для того, чтобы оправдать собственный выводъ Рахфаля о роли евреевъ въ европейской торговлѣ.

Переходимъ къ наиболѣе интересному критику Зомбарта, Ветьену, статьи котораго опубликованы въ послѣднихъ книжкахъ „Vierteljahrsschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte“ (III—IV за 1913 г.). Большая ясность и отчетливость мысли и вполнѣ научная постановка вопроса невольно подкупаютъ въ пользу этого критика. Изъ массы проблемъ, затронутыхъ Зомбартомъ,

*) Она доказана Кайзерлингомъ въ книгѣ „Christoph Kolumbus und der Anteil der Juden an den spanischen und portugiesischen Entdeckungen“ (1894 г.). На него и опирается Зомбартъ въ этой части своего труда.

Ветьенъ выдѣляетъ одну только колоніальную, чтобы прослѣдить на ней, съ помощью изданнаго и неизданнаго матеріала, насколько правильна историческая конструкція Зомбарта. На первомъ планѣ тутъ стоитъ вопросъ объ Остъ-Индіи и Остъ-индской компаніи. До начала 17-го вѣка торговля съ Остъ-Индіей находится главнымъ образомъ въ рукахъ португальцевъ. Въ 1600 и 1602 г.г. появляются обѣ остъ-индскія компаніи: англійская и голландская. Вскорѣ вторая вытѣсняетъ первую, и остъ-индская торговля становится почти исключительнымъ достояніемъ голландцевъ. Какимъ образомъ совершился этотъ переворотъ? Что помогло голландцамъ вырвать эту торговлю изъ рукъ португальцевъ? Для Зомбарта отвѣтъ совершенно ясенъ: помогли богатства маррановъ. Зомбартъ въ этомъ отношеніи вполнѣ примыкаетъ къ Грецу (Geschichte der Juden, B. IX). Чтобы поставить вопросъ на вполнѣ научную почву, Ветьенъ подвергъ внимательному анализу книги акцій Остъ-индской компаніи, хранящіяся въ Гаагскомъ государственномъ архивѣ. Вотъ какая картина представляется по даннымъ этого изслѣдованія. Остъиндская компанія возникла изъ потребности объединить большіе капиталы для торговли съ Индіей. Съ этой цѣлью устроена была подписка, давшая въ общемъ шесть съ половиной милліоновъ гульденовъ. Изъ нихъ 3,674,915 гульд. приходится на Амстердамъ, 1,333,882 — на Миддельбургъ, полтора милліона — на остальныя палаты. Еврейскіе паи въ Амстердамѣ составляютъ 4800 гульденовъ, а что касается зеландскихъ подписчиковъ, то между ними не было ни одного еврея. Книги акцій остальныхъ палатъ, относящіяся къ первому времени существованія компаніи, утрачены, и нѣтъ поэтому возможности опредѣлить участіе евреевъ въ ихъ взносахъ. Но врядъ ли тамъ вообще было много евреевъ. Вѣдь главный потокъ испанскихъ переселенцевъ направлялся въ Амстердамъ.

Такимъ образомъ можно считать вполнѣ установленнымъ фактомъ, что евреи вложили только $^1/_{10}\%$ въ капиталъ, собранный Амстердамомъ и Миддельбургомъ (4800 г. на пять милліоновъ). Внесены были эти деньги двумя лицами: Стефаномъ Кордоццо и Елизаветой Пинто. И такъ, говоритъ Ветьенъ, утвержденіе Греца, что Остъ-индская компанія была своего рода еврейскимъ предпріятіемъ, распадается какъ ни на чемъ необоснованное. Такое же положеніе дѣла сохраняется и въ 1603 г. и во всѣ ближайшіе годы. Правда, еврейскія имена начинаютъ мелькать чаще, но вклады ихъ по прежнему невелики. Такъ въ 1604 г. появилось пять новыхъ подписчиковъ, вложившихъ въ общемъ въ компанію 22,000 гульденовъ. Даже книги акцій, относящіяся къ 1659—1682 гг., отражаютъ то же состояніе. Изъ 20-ти пайщиковъ, носящихъ еврейскія имена (общая сумма ихъ вкладовъ доходитъ до 50,000 гульденовъ), только одинъ внесъ сумму, превышающую 10,000 гульденовъ.

Соотношеніе еврейскихъ и христіанскихъ акцій существенно мѣняется только къ концу 17-го вѣка. Число участниковъ-евреевъ сильно возрастаетъ. Книги акцій буквально пестрятъ еврейскими

именами. Въ 18-омъ столѣтіи уже четвертая часть амстердамскихъ акцій находится въ рукахъ членовъ еврейской общины. Чрезвычайно интересно было бы подробно прослѣдить отдѣльныя фазы этого процесса. Къ сожалѣнію, гигантскіе размѣры счетныхъ книгъ дѣлаютъ эту задачу трудно выполнимой. Но общая линія развитія ясна и безъ того.

Чѣмъ объяснить ее? Дѣло въ томъ, говоритъ Ветьенъ, что не сразу для переселившихся въ Голландію марановъ наступилъ золотой вѣкъ. Изслѣдованіемъ Вольфа (Bijdr. voor Vaderl. Gesch., Deel IX) доказано, что въ первой половинѣ 17-го вѣка положеніе евреевъ въ Голландіи далеко не было прочно. Они продолжали оставаться чужаками, рѣдкій еврей могъ пріобрѣсти права гражданства. Но и ставшій гражданиномъ не всегда передавалъ это свое званіе дѣтямъ. Какъ неграждане, евреи лишены были права заниматься ремеслами, состоять членами торговыхъ компаній, а слѣдовательно и Остъ-индской компаніи. Если бы эти законы проводились въ жизни съ неумолимой строгостью, то евреямъ закрытъ былъ бы доступъ къ торговлѣ. Но на практикѣ отъ закона часто дѣлались отступленія; фактически многіе евреи и въ то время занимались въ Голландіи торговлей. Только въ 1657 г. постановленіемъ генеральныхъ штатовъ евреямъ даровано было званіе подданныхъ, „обывателей“. Съ этого момента и начинается погоня за акціями Остъ-индской компаніи. Въ началѣ ихъ трудно было достать, такъ какъ онѣ сильно поднялись въ цѣнѣ. Но уже къ концу столѣтія евреи, какъ мы видѣли, съумѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ цѣлую четверть ихъ. Совершенно ясно, продолжаетъ Ветьенъ, что при такихъ условіяхъ евреи не могли быть директорами компаній, какъ утверждаетъ Зомбартъ.

Во второй части своей критики Ветьенъ останавливается на двухъ новыхъ сторонахъ вопроса: 1) евреи и Вестъ-индская компанія, 2) участіе евреевъ въ первоначальномъ и дальнѣйшемъ заселеніи Америки. Театромъ дѣйствія Нидерландской Вестъ-индской компаніи, основанной въ 1621 году, были: западное побережье Африки, Америка и Тихій океанъ. Съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности компанія обратила жадные взоры на Бразилію. Она нашла дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ жившихъ тамъ евреевъ, которые изнывали подъ религіознымъ гнетомъ Испаніи. Не слѣдуетъ однако, на основаніи одного этого факта помощи евреевъ голландцамъ, создавать преувеличенное представленіе объ участіи евреевъ въ Вестъ-индской компаніи. На первыхъ порахъ оно было не больше, чѣмъ участіе ихъ въ Остъ-индской компаніи. Это ясно видно изъ единственной, сохранившейся въ архивахъ компаніи, книги акцій; къ счастью для науки, это—амстердамскій регистръ. За 1623—1626 гг. Амстердамъ вложилъ въ предпріятіе 2,846,582 гульдена (основной капиталъ компаніи былъ 7,108,106 гульд.); еврейскіе же вкладчики—ихъ было 18 человѣкъ—внесли не больше 36,100 гульд. Важно отмѣтить, что эта сумма лишь на сто гульденовъ превышаетъ вкладъ

одного христіанскаго пайщика, принца Ангальтскаго. Измѣнилось ли это сдержанное отношеніе еврейскихъ капиталистовъ къ компаніи въ слѣдующіе годы? Трудно сказать, за отсутствіемъ матеріала: счетныя книги компаніи за послѣдующіе годы утрачены. Часто высказывалось мнѣніе, и притомъ въ серьезныхъ научныхъ трудахъ, что главные пайщики Вестъ-индской компаніи были евреи. Въ противовѣсъ этому взгляду Ветьенъ указываетъ на три интересныхъ отрывка изъ Participantenlisten, опубликованныхъ Самуиломъ Оппенгеймеромъ (Public. XVIII). По этимъ отрывкамъ Вестъ-индская компанія насчитывала:

въ Ноябрѣ	1656 г.	въ числѣ	167	пайщиковъ	7	еврейскихъ	именъ
26 апрѣля	1658 г.	"	169	"	11	"	"
въ мартѣ	1671 г.	"	192	"	10	"	"

Выводъ ясенъ безъ комментаріевъ.

Однако самъ авторъ затрудняется его сдѣлать въ виду того, что происхожденіе цитируемыхъ отрывковъ спорно. Только утраченныя книги акцій могли бы съ несомнѣнной ясностью указать, которому изъ двухъ взглядовъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе, тому ли старому, который подчеркиваетъ роль евреевъ въ операціяхъ Вестъ-индской компаніи, или новому, который на основаніи данныхъ Оппенгеймера сводитъ эту роль къ минимуму.

Переходя къ колоніямъ Новаго Свѣта, Ветьенъ въ первую очередь подвергаетъ разсмотрѣнію экономическое значеніе евреевъ въ Бразиліи, за короткое время голландскаго владычества (1635—1654 гг.). Это значеніе громадно и неоспоримо. Какъ только Вестъ-индская компанія объявила, что въ голландской Бразиліи терпимо всякое вѣроисповѣданіе, туда началась сильная еврейская иммиграція. Покинутыя владѣльцами сахарныя плантаціи и земли были распроданы съ аукціона, и главными покупателями явились евреи. Это не значитъ, что масса переселившихся въ Бразилію евреевъ состояла изъ капиталистовъ; среди переселенцевъ былъ значительный процентъ лицъ, жившихъ на счетъ общественной благотворительности. Но правительство шло на встрѣчу новымъ подданнымъ: можно было пріобрѣтать продаваемыя имѣнія въ разсрочку, что конечно облегчало покупку. Еврейская конкуренція во всѣхъ отрасляхъ экономической жизни, особенно въ области сахарнаго производства, не замедлила поднять волну юдофобіи. Но штатгальтеръ Новой Голландіи, графъ Іоганнъ-Морицъ Нассаускій, съумѣлъ отстоять права евреевъ. Они до конца сохранили занятыя ими экономическія позиціи и зато до конца остались вѣрными сынами своего новаго отечества, геройски защищая бразильскую столицу въ послѣдней схваткѣ съ португальцами, въ 1654 г. Этотъ моментъ—1654 г.—Зомбартъ считаетъ знаменательнымъ; масса бразильскихъ евреевъ растеклась тогда по другимъ американскимъ областямъ, разнося повсюду торговый духъ и спеціальныя знанія.

Какъ относится къ этому послѣднему утвержденію Ветьенъ? Опираясь на монографическій матеріалъ, онъ рисуетъ исторію

евреевъ въ различныхъ частяхъ Вестъ-Индіи. Подробнѣе всего изображена картина прошлаго голландскихъ владѣній; кое-что узнаемъ мы и о французскихъ и англійскихъ владѣніяхъ; экономическая жизнь испанскихъ владѣній охарактеризована отрывочно; главный матеріалъ для этихъ странъ хранится въ архивахъ инквизиціи, которые до сихъ поръ тщательно оберегаются отъ постороннихъ взоровъ. Не останавливаясь на передачѣ мелкихъ фактическихъ данныхъ, приведу лишь общіе выводы Ветьена. Онъ обставляетъ ихъ массой оговорокъ, долженствующихъ ослабить ихъ значеніе. Но и черезъ эту сѣть умаляющихъ обстоятельствъ ясно вырисовываются два момента: 1) евреи принимали чрезвычайно активное участіе въ производствѣ сахара и торговлѣ имъ, 2) они примѣняли въ дѣлѣ производства сахара особые техническіе пріемы, впервые испытанные въ Бразиліи. Разсѣявшись изъ Бразиліи по другимъ вестъ-индскимъ колоніямъ, они разнесли съ собой и знаніе новыхъ пріемовъ, благодаря чему добыча сахара значительно возрасла.

Въ другомъ видѣ рисуется Ветьену соотношеніе факторовъ христіанскаго и еврейскаго въ раннюю эпоху исторіи Соединенныхъ штатовъ. Зомбартъ убѣжденъ, что Соединенные штаты обязаны евреямъ самымъ фактомъ своего существованія и что каждый шагъ въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи есть результатъ труда и предпріимчивости евреевъ. Это историческая фантазія, при томъ совершенно не научно доказываемая,—восклицаетъ его критикъ. Матеріаломъ ему служатъ работы L. Hühner'а, напечатанныя въ Publications Еврейскаго Историческаго Общества въ Америкѣ („The Jews of Virginia from the earliest times to the close of the 18-th Century“ — Public. XX; „Jews of New England“—Public. XI). Въ Виргиніи, Мериленлѣ, Каролинѣ, Новой Англіи евреи появились не раньше конца 17 и начала 18 вѣка. Во всѣхъ этихъ областяхъ условія были мало благопріятны для еврейской колонизаціи. Въ первыхъ двухъ замѣчается въ ту пору отсутствіе городовъ и спеціальнаго класса купцовъ. Въ Новой Англіи выдвинулось другое препятствіе: основатели колоніи, „пуритане“, нетерпимо относились ко всѣмъ инако вѣрующимъ. Та же атмосфера нетерпимости господствовала въ основанной голландцами Новой Голландіи. Евреямъ пришлось выдержать упорную борьбу съ губернаторомъ, прежде чѣмъ они добились возможности селиться тамъ. Притокъ евреевъ въ эти мѣста усиливается лишь съ середины 18 столѣтія. Ихъ экономическое значеніе основывалось въ то время на торговыхъ сношеніяхъ съ средней и южной Америкой, главнымъ образомъ на торговлѣ сахаромъ. Зомбартъ утверждаетъ, что вся торговля съ Вестъ-Индіей находилась въ рукахъ евреевъ. Въ такой формѣ эта мысль безспорно преувеличена и не мирится съ малочисленностью еврейскаго населенія; изъ нѣсколькихъ статистическихъ таблицъ Ветьенъ беретъ слѣдующія цифры: евреевъ было въ Сѣверной Америкѣ до революціи 700, всѣхъ же вообще бѣлыхъ—231,200.

Резюме этой части критики Ветьена сводится къ слѣдующему: еврей отсутствовалъ при основаніи англійскихъ колоній. Онъ появился лишь позднѣе, когда жизнь въ колоніяхъ успѣла вполнѣ сложиться и наладиться.

Чрезвычайно интересная статья Ветьена вызываетъ однако кое-какія недоумѣнія. Прежде всего важно знать, какимъ критеріемъ руководился авторъ, отличая въ спискахъ еврейскія имена отъ нееврейскихъ. Далѣе, если нарисованная Ветьеномъ картина соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то почему первые евреи-акціонеры Остъ-индской компаніи—какіе то мелкіе вкладчики. Скорѣе можно было ожидать, что законъ будетъ нарушенъ для крупныхъ финансовыхъ силъ еврейства.

Однако оба эти вопроса относятся не столько къ матеріалу, извлеченному изъ Гаагскаго архива, сколько къ интерпретаціи его Ветьеномъ. Самъ по себѣ матеріалъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны изслѣдователя еврейской исторіи.

Подъ напоромъ критики книга Зомбарта потерпѣла значительный уронъ. Мало того: выяснилось, что при современномъ состояніи соотвѣтствующей монографической литературы постановка даннаго вопроса въ той общей формѣ, которую выбралъ Зомбартъ, врядъ ли цѣлесообразна.

Разработка отдѣльныхъ сторонъ экономическаго быта евреевъ въ разныхъ странахъ—вотъ необходимое предварительное условіе для того, чтобы возможно стало нарисовать общую картину роли евреевъ въ хозяйственной жизни. Эта предварительная работа должна вестись на основѣ строгой объективности — первѣйшей предпосылки всякаго научнаго изслѣдованія. Только тогда она можетъ быть успѣшна. Но какъ трудно сохранить беспристрастіе въ вопросѣ, возбуждающемъ столько страстей! Лучшій примѣръ тому подаютъ не только самъ Зомбартъ, но и его критики [1])

В. Стоклицкая-Терешковичъ.

Саббатіанство въ Венгріи.

L. Grünwald. לקורות השבתאים באונגריא. Zur Geschichte der Sabbatianer in Ungarn. Eine historische Skizze. Waitzen. 1912.

Саббатіанское движеніе, въ отличіе отъ другихъ однородныхъ явленій еврейской исторіи, было движеніемъ всемірнаго еврейства. Мессіи, предшествовавшіе Саббатаю Цеви, развивали свою дѣятельность въ предѣлахъ опредѣленныхъ странъ, и только мессіанское движеніе второй половины XVII вѣка захватило всѣ части діаспоры на востокѣ и западѣ, темную Турцію, просвѣщенную Голландію, Польшу и Германію, сефардовъ и ашке-

[1]) Дополнительныя свѣдѣнія о раннихъ критикахъ Зомбарта—Фр. Оппенгеймера и Фейхтвангера—имѣются въ статьѣ И. Левина: „Зомбартъ, капитализмъ и евреи", въ сборникѣ „Извѣстія Общества распространенія правильныхъ свѣдѣній о евреяхъ", вып. I, Москва, 1912.—Ред.

назовъ. 1666 годъ какъ бы снялъ на время территоріальныя границы, раздѣлявшія міровое еврейство, и предъ лицомъ великой надежды предстала единая нація. Въ этомъ заключается глубочайшее историческое значеніе первой, классической эпохи саббатіанства. Но по мѣрѣ того, какъ національно-политическій элементъ мессіанства блѣднѣетъ и уступаетъ первенство мистическому, движеніе начинаетъ дифференцироваться. Прежде міровое и единое, оно распадается на множество теченій, соотвѣтствующихъ культурному состоянію отдѣльныхъ землячествъ. Воспроизведеніе основныхъ типовъ позднѣйшаго саббатіанства, въ связи съ ихъ территоріальными разграниченіями, является поэтому въ настоящее время очередной задачей исторіографіи саббатіанства.

Съ этой точки зрѣнія нужно привѣтствовать небольшое изслѣдованіе г. Грюнвальда, какъ попытку выдѣлить одно такое землячество—Венгрію - изъ общей исторіи саббатіанства. Авторъ, венгерскій еврей, уже долго занимается исторіей венгерскаго еврейства. Вышедшій недавно первый томъ его труда "היהודים באונגריא" (Евреи въ Венгріи) содержитъ біографическія свѣдѣнія о ста раввинахъ и писателяхъ, жившихъ въ этой странѣ до 1840 г. Отъ него, слѣдовательно, можно было бы ожидать обстоятельнаго изученія вопроса на основаніи первоисточниковъ не только общесаббатіанскихъ, но и мѣстныхъ.

Послѣднее тѣмъ болѣе необходимо, что Венгрія съ самаго начала распространенія саббатіанства заняла въ немъ исключительное положеніе: здѣсь разыгралась тогда война между Турціей и Австріей. Центральная Венгрія находилась во власти Турціи, но нѣкоторыя отдѣльныя ея провинціи принадлежали Габсбургамъ. Очевидно, черезъ Венгрію шли саббатіанскія вѣсти изъ Турціи въ Европу. Близостью къ Турціи объясняется то, что въ самой Венгріи, какъ и въ культурно-родственныхъ ей Богеміи и Моравіи, саббатіанская традиція продолжала жить дольше, чѣмъ гдѣ бы то не было. Еще въ 1845 г. Леопольдъ Леви, извѣстный реформистъ, свидѣтельствуетъ, что онъ лично зналъ здѣсь почтенныхъ евреевъ „большихъ познаній и безупречнаго поведенія, которые однако не допускались къ общественнымъ должностямъ, въ виду того, что народная молва считала ихъ тайными саббатіанцами“ [1]). А случайно сохранившіяся въ общей литературѣ о саббатіанствѣ свѣдѣнія о Венгріи свидѣтельствуютъ, что здѣсь въ теченіе цѣлаго столѣтія мессіанскія броженія не прекращались. Отсюда вышелъ саббатіанскій проповѣдникъ Мордохай Мохіахъ, пользовавшійся въ 1678 — 1682 г.г. большимъ успѣхомъ на родинѣ и въ другихъ странахъ. Когда р. Іуда Хасидъ предпринялъ въ 1700 г. массовое паломничество въ Палестину, то сборнымъ пунктомъ для его послѣдователей служила Венгрія. Сюда бѣжалъ изъ Моравіи и Лебеле Просницъ, преданный въ 1725 г. анаѳемѣ за сектантскую ересь; здѣсь искалъ пріюта и престарѣлый каббалистъ, агитаторъ позднѣйшаго саббатіанства,

[1]) Ben-Chanania. I, S. 23; Zur Geschichte der Juden in Ungarn, 1855.

р. Нехемія Хайонъ. Среди послѣдователей Якова Франка фигурируютъ также венгерскіе евреи. Задача историка венгерскаго саббатіанства заключалась такимъ образомъ въ томъ, чтобы собрать и провѣрить всѣ слѣды, оставленные этимъ движеніемъ въ литературѣ и въ народныхъ преданіяхъ и на этомъ основаніи дать вѣрную картину секты и ея развѣтвленій.

Разбираемая книжка однако свидѣтельствуетъ, что авторъ понялъ свою задачу совершенно своеобразно. Объ участіи венгерскихъ евреевъ въ саббатіанскомъ движеніи перваго періода авторъ повторяетъ лишь немногія свѣдѣнія, извѣстныя изъ общихъ руководствъ по еврейской исторіи и вдобавокъ почерпнутыя не изъ первоисточниковъ. Слухъ о томъ, что венгерскіе евреи въ 1666 г., будучи увѣрены въ близости переселенія въ Палестину, прекратили всякія торговыя сношенія и „снимали крыши съ своихъ домовъ“, авторъ передаетъ не на основаніи источника („Theatrum Europeum“, t. X, 1667 г.), а со словъ Греца (стр. 5).

Исторію дѣятельности р. Мордохая Мохіаха изъ Айзенштадта авторъ излагаетъ по книгѣ Д. Когана (стр. 6). Покончивъ такимъ образомъ съ Мохіахомъ, авторъ прямо переходитъ къ изложенію... распри между р. Яковомъ Эмденомъ и р. Іонатаномъ Эйбешютцемъ, т. е. дѣлаетъ скачекъ черезъ 70 лѣтъ (начало мессіанской дѣятельности М. Мохіаха относится къ 1678—1682 гг., а первый „херемъ“ въ Венгріи противъ враговъ Эйбешютца былъ провозглашенъ по указанію самого автора, въ 1751 г.), Всѣ указанныя выше особенности исторіи саббатіанства въ Венгріи не только не объяснены авторомъ, но совершенно имъ не упоминаются. А вѣдь въ этомъ все назначеніе разбираемой книжки. Неужели вся эта бурная жизнь группы саббатіанцевъ, въ теченіе многихъ десятилѣтій находившейся въ постоянной связи съ заграничными единомышленниками, не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ въ памяти венгерскаго еврейства?

Такой фактъ, какъ массовое переселеніе аскетовъ-каббалистовъ изъ Польши въ Палестину (кампанія р. Іуды Хасида въ 1700 г.), вызвалъ безконечные толки какъ среди евреевъ, такъ и не-евреевъ въ разныхъ странахъ, черезъ которыя пилигримы проходили. Въ Германіи объ этомъ подробно писали современники: Spenner, Schudt, Eisenmenger, Bodenschatz; объ этомъ долго упоминали и различные еврейскіе писатели [1]). А вѣдь черезъ Германію проѣзжала лишь небольшая часть этихъ переселенцевъ, въ то время, какъ ихъ подавляющее большинство продолжало оставаться въ Венгріи и въ ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ.

---

[1]) Здѣсь умѣстно исправить досадную ошибку, допущенную въ моей рецензіи въ предыдущемъ выпускѣ „Евр. Старины“ (1913 г., стр. 548), въ абзацѣ, касающемся книги „אורי וישעי“. Хотя книга эта дѣйствительно не содержитъ „части проповѣди р. Іуды Хасида“, однако на 56 стр. (Берлинъ, 1714 г.) авторъ передаетъ мимоходомъ одинъ каламбуръ отъ р. Іуды. Въ виду рѣдкости этой книги, привожу здѣсь цитату цѣликомъ: „ויתכן לומר על פי ההלצה שאמר רבי יהודה חסיד ז"ל בתוכחתו: רשעים אותיות עשירים. עשרם לרשע דכשהוא עני מקבל על עצמו להיות נדבן ולפזר ממון לצדקה ובאשר מתעשר אינו נותן כלום ואפשר דלכך קאמר הק"א הפוך רשעים ואינם.

Гоненіями на Хайона волновался весь раввинскій міръ въ первыя десятилѣтія XVII вѣка. И неужели все это, и даже участіе въ сектѣ Якова Франка, авторъ считаетъ для исторіи саббатіанства настолько безразличнымъ, чтобы обойти это полнымъ молчаніемъ?

Скупый на слова въ предѣлахъ главной задачи книги—исторіи саббатіанства, авторъ становится весьма словоохотливымъ, когда переходитъ къ полемикѣ между р. Яковомъ Эмденомъ и Іонатаномъ Эйбешютцомъ. Стараясь „реабилитировать“ тѣхъ, кого Эмденъ въ разгарѣ своей борьбы съ Эйбешютцомъ заподозрилъ въ саббатіанствѣ, г. Грюнвальдъ обнаруживаетъ и знаніе источниковъ и умѣніе пользоваться ими. Этому отводится большая часть книжки, и здѣсь нѣкоторыя указанія не лишены интереса, какъ напр. свѣдѣнія объ Айзенштадскомъ раввинѣ р. Мордехаѣ Мохіахѣ, котораго авторъ предлагаетъ не смѣшивать съ знаменитымъ саббатіанцемъ того-же имени и прозвища (стр. 8 и 19). Много труда даетъ себѣ авторъ также, чтобы установить alibi раввиновъ Натана Оргольца изъ Штампфена и Лейба Стасова изъ Рехнитца, которыхъ р. Яковъ Эмденъ открыто объявилъ саббатіанцами (стр. 12 и 16). Подобно тому, какъ нѣкогда Грецъ старался свалить всю вину позднѣйшаго саббатіанства на Польшу, а С. П. Рабиновичъ (Шеферъ) стремился снять это „пятно“ съ лица польскаго еврейства, такъ и нашъ авторъ, вѣрный той же традиціи, пытается теперь очистить отъ подобныхъ подозрѣній и свою родину—Венгрію. Этимъ, очевидно, объясняется тотъ фактъ, что авторъ, который хотѣлъ дать исторію саббатіанцевъ въ Венгріи, далъ въ дѣйствительности лишь собраніе доказательствъ объ отсутствіи таковыхъ въ этой странѣ.

З. Рубашевъ.

Опытъ систематической обработки еврейскаго права.

יסודי המשפט העברי. סדר דיני ממונות בישראל עפ"י מקורות התלמוד והפוסקים. מאת אשר גולאק, סגן עורך דין מושבע. חלק ראשון: תורת הקנין. ווארשא. תרע"ג. (О. З. Гулякъ. Основы еврейскаго гражданскаго права. Ч I. Варшава, 1913 (29+154 стр.).

Книга эта представляетъ собой первый значительный и весьма серьезный опытъ систематической обработки еврейскаго гражданскаго права. Небогатая литература по еврейскому праву носитъ главнымъ образомъ монографическій характеръ, а тѣ немногія сочиненія, которыя ставятъ своей задачей изложить все право, либо слишкомъ схематичны, либо лишены всякаго научнаго значенія. Я полагаю, что при современномъ состояніи науки еврейскаго права—этой юной, неокрѣпшей дисциплины, дѣлающей лишь первые шаги,—еще не наступило время для всеобъемлющихъ систематическихъ работъ. Прежде чѣмъ приступить къ системѣ, надо имѣть достаточное количество монографій, которыя бы подробно и тщательно изслѣ-

довали отдѣльные вопросы, институты, отдѣлы и отрасли права. Нельзя строить цѣлое зданіе, когда не готовы еще отдѣльные кирпичи. Авторъ разсматриваемой книги держится иного взгляда: онъ полагаетъ, что для кладки кирпичей нужно предварительно имѣть передъ собой общій планъ всего зданія, и настоящее его сочиненіе призвано, по его мнѣнію, служить такимъ планомъ. Однако трудность дать систематическое изложеніе предмета при отсутствіи надлежащаго фундамента изъ монографически разработанныхъ отдѣльныхъ вопросовъ не могла не отразиться на трудѣ г. Гуляка. Ему приходилось по каждому отдѣльному вопросу, по каждому институту дѣлать самостоятельныя изслѣдованія по первоисточникамъ, по каждому вопросу продѣлывать такую работу, которая обычно распредѣляется между нѣсколькими лицами. Затѣмъ, ему пришлось вовсе отказаться отъ общей части гражданскаго права, которая является необходимымъ элементомъ современной системы права. Данныя, которыя по общепринятой классификаціи входятъ въ общую часть, нашъ авторъ размѣстилъ по разнымъ отдѣламъ своего труда. И это вполнѣ понятно; если хоть и съ большими трудностями все же удалось дать теперь систематическое изложеніе вещнаго права, то составить общую часть, которая представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ синтезъ другихъ отдѣловъ права, уже оказалось совершенно невозможнымъ.

Несмотря на столь трудную задачу, поставленную себѣ г. Гулякомъ, онъ, можно сказать, выполнилъ ее съ честью. Передъ нами лежитъ первая часть, въ которую входитъ в е щ н о е п р а в о. Какъ разъ по вопросамъ вещнаго права до сихъ поръ не появлялось почти ни одной монографіи. Авторъ потратилъ много труда на изслѣдованіе юридическихъ проблемъ и конструкцій, относящихся къ этому отдѣлу права. Въ основѣ своего изслѣдованія авторъ кладетъ еврейское право въ его самой послѣдней стадіи развитія, въ самой совершенной его формѣ, въ какой оно вылилось въ средневѣковой кодификаціи Маймонида, позднѣйшей—Іосифа Каро и др. Лишь изрѣдка онъ касается также и историческаго процесса развитія тѣхъ или иныхъ институтовъ. Не входя въ детали каждаго института, авторъ подвергаетъ его глубокому и вдумчивому анализу и старается вскрыть его юридическую природу. Въ этой важнѣйшей операціи догматическаго изслѣдованія права начинающій авторъ проявляетъ недюжинныя способности и самостоятельность научнаго мышленія. Его научныя конструкціи, его выводы порой слишкомъ смѣлы, недостаточно уснащены фактическимъ матеріаломъ; иногда его аргументація не имѣетъ той силы убѣдительности, какую желательно имѣть при выставленіи новыхъ тезисовъ; но его положенія почти никогда не бываютъ шаблонны. Въ общемъ необходимо признать, что онъ весьма удачно справился со своей задачей, если принять во вниманіе, съ одной стороны, трудность этой задачи, а съ другой—что это первый опытъ, что авторъ является піонеромъ въ своемъ дѣлѣ.

Въ книгѣ г. Гуляка, кромѣ введенія о системѣ еврейскаго права вообще, содержится ученіе о субъектахъ и объектахъ вещныхъ правъ, о способахъ пріобрѣтенія ихъ и подробно изслѣдуются разные виды вещныхъ правъ. Не имѣя возможности въ общемъ, неюридическомъ изданіи входить въ подробный разборъ всѣхъ конструкцій и тезисовъ автора, я укажу лишь на нѣкоторые его выводы, представляющіеся мнѣ наиболѣе интересными. Въ § 14 авторъ отмѣтилъ интереснѣйшую черту еврейскаго права — его

индивидуалистическій характеръ въ томъ смыслѣ, что при обсужденіи сдѣлокъ оно ставитъ во главу угла интересы участниковъ этихъ сдѣлокъ и не столь ревниво оберегаетъ интересы гражданскаго оборота, его прочность и устойчивость, которыя часто идутъ въ разрѣзъ съ интересами конкретныхъ участниковъ той или иной сдѣлки. Этотъ выводъ представляется и мнѣ отвѣчающимъ дѣйствительности, но научная осторожность требуетъ, чтобы, высказывая подобное серьезное положеніе, мы имѣли возможность подтвердить его достаточнымъ количествомъ данныхъ изъ разныхъ областей права, чего не сдѣлалъ г. Гулякъ и по нынѣшнему состоянію науки сдѣлать было невозможно. Въ § 16 авторъ отмѣчаетъ, что актъ купли недвижимости согласно талмудическому праву могъ играть въ оборотѣ роль цѣнной бумаги, переходящей изъ рукъ въ руки. Чрезвычайно было бы интересно изслѣдовать, насколько часто въ талмудическую эпоху этой возможностью на дѣлѣ пользовались, а также дальнѣйшее практическое и юридическое развитіе этого института. Этотъ интересъ можно считать для настоящаго времени особенно актуальнымъ, въ виду теоріи Зомбарта, что евреи являются творцами цѣнныхъ бумагъ въ новѣйшей исторіи Европы. Въ § 32 авторъ даетъ самостоятельное юридическое освѣщеніе съ догматической точки зрѣнія оригинальнѣйшему институту талмудическаго права—а с м а х т ѣ, по которой условныя сдѣлки въ извѣстныхъ случаяхъ признаются недѣйствительными потому, что контрагенты при заключеніи ихъ стремились не къ осуществленію самого содержанія сдѣлки, а къ выполненію или невыполненію условія. Асмахта—одна изъ труднѣйшихъ проблемъ еврейской цивилистики, и освѣщеніе, данное г. Гулякомъ этому институту, представляетъ поэтому большой интересъ, хотя бы мы и не согласились съ его выводами.

Въ своемъ введеніи авторъ между прочимъ указываетъ, что система въ правѣ не есть нѣчто произвольное, которое можно привести извнѣ въ тотъ или иной комплексъ юридическихъ нормъ, а должна строиться извнутри, изъ данныхъ самого права. Поэтому нельзя при изслѣдованіи еврейскаго права слѣпо пользоваться готовой системой современной науки, сложившейся подъ вліяніемъ изученія римскаго права, заимствовать оттуда всѣ институты, понятія, опредѣленія и по этимъ формуламъ, какъ по протоптаннымъ дорожкамъ, изучать содержаніе еврейскаго права. Такъ какъ еврейское право имѣетъ своеобразное содержаніе, то на основаніи этого содержанія должна быть выработана и соотвѣтствующая, вытекающая изъ него самого, система. Этими соображеніями авторъ руководствуется въ своемъ изслѣдованіи. Основное, общепринятое дѣленіе всѣхъ правъ на вещныя и обязательственныя онъ, впрочемъ, сохраняетъ. Однако, въ отличіе отъ римской системы, онъ относитъ ссуду и наемъ имущества къ праву вещному, а не обязательственному, что вполнѣ объясняется особымъ характеромъ этихъ сдѣлокъ по Талмуду. Далѣе, вещныя права, какъ и въ системахъ римскаго права, дѣлятся на 2 вида: право собственности и право на чужую вещь. При отнесеніи нѣкоторыхъ институтовъ къ той или иной категоріи мы встрѣчаемъ у г. Гуляка опять таки рѣзкія отклоненія отъ общепринятыхъ въ современной юриспруденціи понятій и классификацій, и дѣлаетъ онъ это на сей разъ, по моему мнѣнію, безъ достаточнаго основанія. Такъ называемый въ римскомъ правѣ узуфруктъ, т. е. право лица пользоваться чужой вещью и извлекать изъ нея плоды подъ условіемъ сохранности самой вещи, всегда относили къ разряду правъ на чужую вещь. Аналогичный этому

институту талмудическій Kinjan peroth (קנין פרות) весьма мало отличается отъ своего римскаго двойника. Различія между ними столь незначительны и случайны, что было бы ужъ слишкомъ рискованно и смѣло на основаніи этихъ различій говорить объ особой природѣ еврейскаго узуфрукта и—что еще важнѣе—не относить его къ правамъ на чужую вещь, а считать его особымъ видомъ права собственности. Вѣрна и заслуживаетъ вниманія мысль автора, что нельзя во всемъ слѣпо слѣдовать утвердившимся въ римскомъ правѣ понятіямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и ломать установившіеся у каждаго современнаго юриста методы и пріемы научной классификаціи юридическихъ явленій не слѣдуетъ безъ достаточно вѣскихъ основаній.

Признавая большое значеніе за историческимъ методомъ, авторъ однако считаетъ примѣненіе его при изслѣдованіи еврейскаго права въ широкомъ объемѣ несвоевременнымъ (частично самъ авторъ пользуется этимъ методомъ). Несвоевременность эта, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отсутствія исторіи экономической жизни еврейскаго народа; во-вторыхъ, затруднительности при своеобразныхъ формахъ развитія еврейскаго права опредѣлить хронологію той или иной нормы. То и другое указываетъ лишь на трудности историческаго метода, трудности, которыя въ интересахъ дѣла слѣдуетъ преодолѣвать, тѣмъ болѣе, что большей частью одни и тѣ же памятники одинаково служитъ къ выясненію исторіи развитія какъ экономической, такъ и правовой жизни народа. Поэтому можно надѣяться, что созданіе исторіи еврейскаго права можетъ идти параллельно съ изученіемъ экономической исторіи евреевъ.

Необходимо также замѣтить, что сочиненіе г. Гуляка представляетъ собой первый опытъ научно-юридическаго трактата на еврейскомъ языкѣ. Пришлось создать заново юридическую терминологію на этомъ языкѣ, причемъ надо было умѣло воспользоваться богатой сокровищницей терминовъ, которая имѣется въ талмудической и раввинской литературѣ, а съ другой стороны для понятій современной юриспруденціи, которыхъ нельзя было не ввести въ научное изслѣдованіе, съ извѣстной осторожностью подыскивать новые термины и образовывать новыя слова. Въ этомъ отношеніи авторъ оказалъ большія услуги древне-еврейскому языку, хотя по новизнѣ дѣла отдѣльные имъ созданные термины могутъ иногда вызывать нареканія.

Вообще книгу г. Гуляка слѣдуетъ считать плодомъ долгой, кропотливой и вдумчивой работы и цѣннымъ вкладомъ въ науку.

Ф. Дикштейнъ.

Словарь аббревіатуръ.

מאיר היילפרין. הנוטריקון הסימנים והכנוים, כוללים ע"פ סדר א"ב: א) כל ראשי התיבות... בספרותנו העתיקה והחדשה, ב) כל הסימנים הנמצאים בספרי חז"ל והמסורה דקדוק ועברונות,.. ג) השמות המבודים של המחברים והסופרים. (ווילנא, תרע"ב). 266+50 עמודים

(М. Гальпернъ. Инициалы, сокращенныя оглавленія и псевдонимы, встрѣчаемые въ древней еврейской и ново-еврейской литературѣ. Вильна 1912.).

Книга г. Гальперна является не только послѣдней, но полнѣйшей и серьезнѣйшей работой въ этой области. Она заключаетъ по приблизительному подсчету не меньше 10 тысячъ аббревіатуръ (т. е. сокращеній еврейскихъ словъ по инициаламъ), условныхъ буквъ и псевдонимовъ; при

этомъ надо принять во вниманіе, что многія аббревіатуры имѣютъ даже по нѣсколько десятковъ объясненій (напр., א"א—78, א"ב—32, א"ה—52, א"כ—61, א"נ—45 и т. д.). Въ обширномъ введеніи авторъ разсказываетъ о происхожденіи аббревіатуръ, о способахъ пользованія ими, объ ихъ распространенности, разнообразіи и злоупотребленіи ими, разсказываетъ о курьезныхъ послѣдствіяхъ ошибочнаго ихъ объясненія, а наконецъ даетъ литературу аббревіатурныхъ лексиконовъ и справочниковъ. Авторъ, оказывается, пользовался почти всѣми работами своихъ предшественниковъ, исправлялъ и дополнялъ ихъ. Несмотря однако на такую старательность и вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, авторъ не избѣгъ значительныхъ пропусковъ. Такъ, имъ почти игнорируются многочисленныя и своеобразныя аббревіатуры, встрѣчаемыя въ общинныхъ документахъ и записяхъ, изъ коихъ многое уже напечатано. Точно также нѣтъ въ книгѣ и очень многихъ псевдонимовъ какъ новыхъ, такъ и старыхъ еврейскихъ писателей. Псевдонимы, подписанные нееврейскими литерами, совершенно отсутствуютъ въ книгѣ, и т. д. Для примѣра позволю себѣ привести слѣдующій маленькій списокъ пропущенныхъ сокращеній и псевдонимовъ, отсутствіе которыхъ замѣчено при обыкновенномъ перелистываніи книги:

אבי"ה—אברהם ב"ר יעקב הרכבי; אד"ם—אברהם דוב מהללאל נאסט-לאבער), אני דוד מגיד (המליץ); א"ז ברמ"ם—?; אספקלריא—ד' מגיד (המליץ); אשר טוביה בן עמרם—אברהם שמעון טרויב; בד"ש—? (שם משפחה); ב"ה—בית האוצר (ס'); במפ"י—? (שם משפחה); בן גבריאל—ליב נארדאן; בע"ח—בעל עץ חיים (ס'); דון יחייא הרב מאקלימה—חיים יהודה ליב מארקאן (הכרמל); דניאל בגא"ר—ליב נארדאן; ה"א וה"א—האמת והשלום אהבו; הו"ד—הויכדייטשלאנד (כולל אשכנז בירושלים); החש"ן, הנח"ם, הנש"ר—הלל נח שטיינשניידר (הכרמל, המליץ ועוד); הק' יחיאל אברהם מודינו—חיים יהודה ליב מארקאן (הכרמל); והו"א והו"א—מתתיהו שטראשון (המגיד); זונ"פ—זקן ונשוא פנים; ז"כ ל"ב—זכרונו לברכה (въ древнихъ документахъ); יא"ר—יצחק איזיק ראבינאוויץ; י"ב—מתתי' שטראשון (בא"ת ב"ש—המגיד); יונה בן אמתי—רמ"א גינצבורג (מח' מגיד אמת); יעבץ ישוע שר עסק—צבי שערשעווסקי (הכרמל); מג"ת—? (שם משפחה); מזא"ה—מזרע אהרן הכהן (שם משפחה); מזי"א—מזרע ישראל איסרלין (שם משפחה); צלפחד בר חושים התהה—(משה ליב ליליענבלום) יהודה פרח חבצלת; צפוני מערבי—ד' מגיד (הצפירה); ק"ב—קח ברכתי; ק' ירמק—ד' מגיד (בא"ת ב"ש—המליץ); רב"י—רשעים בחשך ידמו, רפאים בל יקומו; רשי"פ—ר' שמואל יוסף פין; תכמצף בר"פ ימלתך—אליהו בר"פ מיכאל (בא"ת ב"ש).

Этимъ спискомъ, въ который включены и нѣкоторыя поправки покойнаго Х. Л. Маркона, конечно, далеко не исчерпывается количество пропущенныхъ въ книгѣ словъ. Однако, сколько-бы ни было пропусковъ, цѣнность того многаго, что есть въ книгѣ, отъ этого нисколько не умаляется. Книга достойна всякаго одобренія, и появленіе ея слѣдуетъ привѣтствовать. Надо надѣяться, что при второмъ изданіи авторъ постарается пополнить пробѣлы.

Д. Маггидъ.

Научно-литературная хроника.

Отъ редакціи. – Вводя съ нынѣшняго года отдѣлъ „Научно-литературной хроники", редакція „Еврейской Старины" имѣетъ въ виду удовлетворять насущной потребности не только людей науки, но и всѣхъ, интересующихся движеніемъ нашей научной мысли, въ возможно полныхъ библіографическихъ свѣдѣніяхъ въ этой области. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться краткія рецензіи или извѣстія обо всѣхъ извѣстныхъ намъ новыхъ книгахъ и важнѣйшихъ журнальныхъ статьяхъ, относящихся не только къ еврейской исторіи, но и ко всѣмъ отраслямъ еврейскаго знанія. Редакція не можетъ поручиться за абсолютную полноту своихъ библіографическихъ свѣдѣній, ибо обозрѣватель тутъ имѣетъ дѣло съ литературою на многихъ языкахъ, часто теряющеюся въ огромномъ литературномъ производствѣ всѣхъ культурныхъ народовъ; мы только можемъ обѣщать стремиться къ возможной полнотѣ. Для этого мы просимъ всѣхъ авторовъ присылать намъ по одному экземпляру своихъ научныхъ произведеній, а всѣхъ читателей — сообщать намъ точныя и подробныя названія извѣстныхъ имъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей, появившихся въ теченіе года до присылки сообщенія и имѣющихъ отношеніе къ еврейской исторіи и „еврейской наукѣ" вообще. Сообщать слѣдуетъ также — и это особенно важно — объ относящихся къ еврейству **частяхъ** обще-научныхъ книгъ или актахъ и документахъ, разбросанныхъ въ различныхъ сборникахъ, спеціальныхъ изданіяхъ разныхъ историческихъ обществъ, архивныхъ комиссій и т. п.

Книги, о которыхъ помѣщаются краткіе отзывы или извѣстія въ настоящемъ отдѣлѣ, могутъ сверхъ того быть предметомъ подробнаго разбора въ предшествующемъ отдѣлѣ „Критики и библіографіи", который редакція съ нынѣшняго года также значительно расширила.

Въ библіографическихъ сообщеніяхъ, присылаемыхъ со стороны, будутъ отмѣчаться въ концѣ каждаго сообщенія имя или иниціалы авторовъ. Не отмѣченныя какимъ-либо именемъ замѣтки принадлежатъ редакціи.

М. Соловейчикъ. Основныя проблемы библейской науки. Спб. 1913. Изд. книж. маг. „Эзро". 119 стр. Ц. 80 к.

Авторъ поставилъ себѣ задачей „не разрѣшеніе сложныхъ проблемъ библейской науки, а исключительно пробужденіе къ нимъ дѣйствительнаго, живого интереса" (предисл.). Эта задача исполнена, въ предѣлахъ небольшой книжки, очень успѣшно. Въ рядѣ главъ авторъ сжато и ясно из-

лагаетъ выводы современной библейской науки относительно развитія, точнѣе — наслоеній, исторіографическихъ и законодательныхъ книгъ Библіи, „эволюціи израильской духовной культуры", происхожденія и исторіи библейскаго канона. Въ пятой главѣ („Задача и исторія библейской критики") авторъ между прочимъ воспользовался разбросанными въ талмудической литературѣ элементами библейской критики. Послѣдняя глава, трактующая о школьномъ преподаваніи Библіи, обязана своимъ происхожденіемъ тому, что первоначально разсматриваемая книга печаталась въ видѣ статей въ педагогическомъ журналѣ „Вѣстникъ еврейскаго просвѣщенія" (1913), Въ концѣ помѣщенъ указатель наиболѣе существенной литературы по библейской наукѣ (стр. 113—119).

Не входя въ подробную оцѣнку „Основныхъ проблемъ", мы считаемъ нужнымъ указать только, что г. Соловейчикъ, весьма тщательно изложившій доктрину библейско-критической школы Вельгаузена (съ коррективами изъ новѣйшей литературы), не удѣлилъ мѣста тѣмъ открытіямъ въ области ассиріо-и египтологіи, которыя въ послѣднія десятилѣтія озарили новымъ свѣтомъ библейскую науку и открыли передъ нею широкіе горизонты. Въ этомъ отношеніи авторъ могъ бы взять примѣръ съ однороднаго очерка Р. Киттеля: Die alttestamentliche Wissenschaft in ihren wichtigen Ergebnissen" (2 Aufl. 1912), гдѣ много мѣста отведено, наряду съ аналитическимъ, и синтетическому или сравнительному методу библейской науки.

Ю. Гессенъ. Исторія евреевъ въ Россіи. Съ иллюстраціями и картами. Спб. 1914. IV + 345 + VII стр. Ц. 2 руб.

Послѣ многолѣтней разработки вопросовъ правовой исторіи русскихъ евреевъ въ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ и статей, Ю. Гессенъ приступилъ къ систематизаціи матеріала въ формѣ сжатаго историческаго курса. Ядро книги обнимаетъ столѣтнюю исторію евреевъ въ Россіи отъ Екатерины II до начала царствованія Александра III. Въ этихъ хронологическихъ границахъ внѣшняя исторія русскаго еврейства изложена съ достаточной полнотой. Довольно подробно изображены ходъ спеціальнаго законодательства и длинный, извилистый путь еврейскаго вопроса въ правительственныхъ кругахъ. Порою авторъ удѣляетъ даже слишкомъ много мѣста второстепеннымъ эпизодамъ этой оффиціальной исторіи еврейства (напр. стр. 52—56, 142 сл., 197—99), въ перемежку съ крупными событіями, что ослабляетъ впечатлѣніе отъ послѣднихъ. Ясность исторической перспективы часто страдаетъ также отъ недостаточной послѣдовательности въ хронологическомъ изложеніи событій. Въ главѣ IX репрессивная политика Николая I, увѣнчавшаяся Положеніемъ 1835 г., предшествуетъ болѣе раннему центральному акту этого царствованія — рекрутскому уставу 1827 г. Въ X главѣ подготовка школьной реформы Лиліенталя (1841 — 44) слѣдуетъ за проектомъ „разбора" евреевъ и актомъ уничтоженія кагала (1843—44), безъ указанія на послѣдовательность проведенія просвѣтительно-репрессивнаго плана Комитета 1840 года. Совершенно прихотливо расположены событія въ главахъ, посвященныхъ царствованію Александра II, вообще оставляющихъ впечатлѣніе бѣглости, причемъ недостаточно ярко отмѣчена грань между либеральными и реакціонными моментами этого царствованія, а также между ними и слѣдующимъ за 1881 годомъ режи-

момъ. Изложеніе, впрочемъ, обрывается на „временныхъ правилахъ“ 1882 года.

Авторъ старается вплести въ свое изложеніе и факты внутренней жизни еврейства: кагалъ, раввинизмъ, хасидизмъ, просвѣщеніе; но часто связь между этими фактами и оффиціальной исторіей слишкомъ искусственна, или же случайнымъ явленіямъ придается неподобающее имъ значеніе. Такъ напр., на основаніи проекта школьной реформы нѣкоего Гирша изъ Могилева (1783 г.) нельзя еще утверждать, что „въ послѣднія десятилѣтія 18-го вѣка въ нѣдрахъ русскаго и польско-литовскаго еврейства столкнулись три теченія: раввинизмъ, хасидизмъ и просвѣтительное движеніе“ (стр. 65). Просвѣтительнаго движенія въ Россіи тогда еще не было, а было нѣсколько разрозненныхъ лицъ, сочувствовавшихъ берлинскому просвѣщенію. Прямого отношенія къ „ячейкамъ просвѣтительнаго движенія“ не имѣлъ и рабби Менаше Иліеръ (стр. 123—24, 209), жертва окаменѣлости ортодоксіи. Дѣятельность П. Смоленскаго, почему-то выдвинутаго изъ ряда литературныхъ дѣятелей, отмѣчена въ ненадлежащемъ мѣстѣ (стр. 315): она развернулась лишь въ 70-хъ годахъ.

Но центръ тяжести книги, конечно, не въ этихъ культурныхъ обзорахъ, а въ изложеніи метаморфозъ „еврейскаго вопроса“. Тутъ авторъ оперируетъ въ хорошо знакомой ему области и даетъ намъ достаточный, болѣе или менѣе провѣренный матеріалъ. Спорными являются для насъ только выводы г. Гессена въ первой, вступительной главѣ, касающейся старой Россіи. Поскольку эта глава представляетъ собою лишь вводный краткій обзоръ къ ядру книги, отъ нея конечно полноты не требуется, но осторожность въ выводахъ здѣсь нужна сугубая, въ виду скудости и малодостовѣрности матеріала. Этой осторожности авторъ не соблюлъ. Говоря объ отношеніяхъ московскаго великаго князя Ивана III къ евреямъ, онъ допускаетъ (вслѣдъ за историкомъ церкви Голубинскимъ) тождество еврея Схаріи, виновника новгородской „ереси жидовствующихъ“, съ крымскимъ Захаріемъ Гвизольфи, котораго Иванъ III звалъ къ себѣ на службу въ Москву (стр. 3—5). Такого рода гипотезу нельзя вставить въ сжатый курсъ исторіи, какъ установленный фактъ. Тѣмъ рискованнѣе строить на этомъ основаніи выводъ, что „московское общество (XV вѣка) не знало религіозной непріязни къ евреямъ“ (стр. 5). Эту мысль авторъ подчеркиваетъ въ цѣломъ рядѣ страницъ и по отношенію къ XVI и XVII вѣкамъ (стр. 6, 9, 10), полемизируя съ... московскими людьми той эпохи, явно выражавшими свое презрѣніе къ „жидовинамъ“. По странной случайности, авторъ совершенно не охарактеризовалъ отношенія царя Алексѣя Михайловича къ евреямъ во время Московскаго вторженія въ Бѣлоруссію и Литву (Могилевъ, Вильно), а прямо перескочилъ отъ царя Михаила къ Андрусовскому миру 1667 года. Неосторожность въ выраженіяхъ коснулась и сосѣдней, 2-й главы, гдѣ авторъ нѣсколько разъ указываетъ, что евреи при Екатеринѣ II, включенные въ составъ русскаго купечества, „становятся равноправными гражданами“ (стр. 22, 32 и др.). Тутъ, конечно, смѣшаны два различныхъ понятія: Stadtbürgertum и Staatsbürgertum; евреи тогда стали горожанами, т. е. получили сословныя и муниципальныя права, но не гражданами.

Несмотря на всѣ эти недочеты, книгу г. Гессена слѣдуетъ признать, въ существенной части ея, весьма полезною, какъ исторію не столько еврейскаго народа, сколько еврейскаго

вопроса въ Россіи. Авторъ самъ символизировалъ эту преобладающую черту своей книги, помѣстивъ въ ней и портреты русскихъ сановниковъ, замолвившихъ доброе слово о евреяхъ: Мордвинова, Воронцова, Киселева, Строганова, Ланского; но мы все-таки считаемъ эти символы излишними въ еврейской исторіи.

Парламентскія рѣчи по еврейскому вопросу. Ч. I. Переводъ подъ ред. и съ примѣч. С. В. Познера, съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Спб. Изд. „Разумъ". 1914. XIII+320 стр. 16°. Ц. 1 р. 25 к.

Вотъ книга, полезная и какъ историческій матеріалъ, и какъ орудіе публицистической и парламентской борьбы за равноправіе евреевъ. Современнымъ борцамъ за эмансипацію придется многое повторить изъ того, что сказано ихъ предшественниками на Западѣ въ прежніе вѣка. Наибольшее мѣсто въ I томѣ „Рѣчей" занимаютъ англійскія парламентскія рѣчи, произнесенныя по поводу билля о натурализаціи 1753 года и затѣмъ во время 25-лѣтней эмансипаціонной борьбы (1830—55). Меньше мѣста удѣлено французскимъ рѣчамъ временъ великой революціи (стр. 267—313; приведены рѣчи Грегуара, Клермонъ, Тоннера и Бертоліо), но этотъ недочетъ можетъ быть пополненъ въ слѣдующемъ томѣ. Каждой рѣчи предпослано краткое вступленіе о политическомъ моментѣ, вызвавшемъ ее, - что придаетъ книгѣ планомѣрный, систематическій характеръ. Слѣдуетъ еще прибавить, что тексты рѣчей переведены по первоисточникамъ — парламентскимъ отчетамъ, и хорошо переведены.

И. М. Чериковеръ. Исторія Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Культурно-общественныя теченія въ русскомъ еврействѣ. 1863—1913 гг. Подъ редакціей и съ предисловіемъ С. М. Гинзбурга. Томъ I. Съ 8 портретами. Спб. 1913. XIV + 257. Ц. 1 р. 50 к. (Рецензія будетъ въ ближайшей книжкѣ „Евр. Старины").

Г. М. Барацъ. Происхожденіе лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси. Кіевъ, 1913. 68 стр.—Какъ въ прежнихъ своихъ монографіяхъ относительно еврейскихъ элементовъ въ культурѣ древней Руси, маститый авторъ и здѣсь сопоставляетъ русскія лѣтописныя сказанія о группѣ „Афетовыхъ" племенъ съ перечнемъ Яфетидовъ въ еврейскомъ „Іосиппонѣ"; затѣмъ останавливается подробно на сказаніи о призывѣ варяговъ, гдѣ находитъ элементы, сходные съ однородными сказаніями въ сборникѣ библейскихъ легендъ — „Книга Яшаръ", выясняя такимъ образомъ чисто-книжное происхожденіе лѣтописнаго сказанія о призывѣ варяговъ.

А. Д. Хейнъ. Іудаизмъ и кровь. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на кровавый навѣтъ. Спб. 1913. 78 стр. Скл. изд. „Эзро". Ц. 60 коп.—Это горячая защита іудаизма противъ гнусной ритуальной легенды, написанная духовнымъ раввиномъ. Хорошо подобранъ талмудическій матеріалъ, характеризующій возвышенную этику іудаизма и уже самъ по себѣ уличающій клеветниковъ. Оригинальная по афористическому стилю, книжка производитъ впечатлѣніе, какъ крикъ возмущенной души, какъ гордый протестъ пастыря вѣчной религіи.

С. А. Вайсенбергъ. Имена южнорусскихъ евреевъ. Этнографическій очеркъ. Оттискъ изъ „Этнографическаго обозрѣнія". Москва 1913. Стр. 76—109.

Ф. М. Дикштейнъ. Смертная казнь по законамъ Моисея и ученію Талмуда. Оттискъ изъ „Журнала уголовнаго права и процесса“ 1913 г., № 4. Стр. 32—61.

Юридическіе Памятники, издаваемые Варшавскимъ Главнымъ Архивомъ древнихъ актовъ. Выпускъ I. Описаніе дѣлъ, хранящихся въ Варшавскомъ Главномъ Архивѣ древнихъ актовъ. Томъ I. Книги привилегій и рѣшеній польской коронной канцеляріи XV—XVIII ст. Варшава. 1912. 329 стр. Ц. 4 руб.

Составленная подъ редакціей профессора Ѳ. Вержбовскаго, книга эта содержитъ, между прочимъ, указанія и на еврейскія дѣла, хранящіяся въ Варшавскомъ Главномъ Архивѣ. Приводимъ эти указанія. 1) Стр. 63, № 209. Реестръ еврейскихъ дѣлъ. Rejestr spraw żydowskich, 1781—1783 (169 листовъ).—2) На той-же стр., № 210. Реестръ дѣлъ о незаконномъ жительствѣ евреевъ въ Варшавѣ. Rejestr spraw o bezprawne bawienie się żydów w Warszawie. 1783 г. (33 л.).—3) Стр. 115, глава XX. Тарифы еврейскаго подушнаго сбора (Taryfy pogłownego żydowskiego. 1764—1787 г.). Въ этой коллекціи находятся 64 отдѣльныхъ тетрадей, касающихся разныхъ уѣздовъ Люблинскаго и Краковскаго воеводствъ. — 4) Стр. 319. № 1116. Opisanie żydow w Warszawie 1787 г. (82 л.). 5) Та-же стр. № 1117. Списокъ евреямъ въ Варшавѣ, 1794—1795 г. (79 л.).— 6) Стр. 320. №№ 1118—1124. О билетахъ, выдававшихся Маршалковской канцеляріей пріѣзжавшимъ въ Варшаву евреямъ и полученныхъ за билеты деньгахъ. 1784—1794 (семь большихъ книгъ). 7) Та-же стран. № 1125. Разные документы, касающіеся евреевъ, 1628 — 1797 г. (457 листовъ). — 8) Та-же стр. №№ 1133—1134. Двѣ счетныя книги еврейскихъ купцовъ на еврейскомъ языкѣ. 1787 годъ (42 и 137 л.).

Немало актовъ о евреяхъ, повидимому, хранится въ Варшавскомъ Архивѣ, о которомъ общія свѣдѣнія имѣются въ предисловіи проф Вержбовскаго къ настоящему тому. (Сообщ. Б. Тoпоровскій).

דער פנקס. יאהרבוך פאר דער געשיכטע פון דער יודישער ליטעראטור און שפראך, פאר פאלקלאר, קריטיק און ביבליאגראפיע. ערשטער יאהרגאנג— תרע״ב. רעדאקטירט פון ש. ניגער. ווילנער פערלאג פון קלעצקין תרע״ג. (410 און 66 זייטען 4°).

Редакція ежегодника „Пинкосъ“ поставила себѣ двоякую задачу: научную разработку народнаго еврейскаго языка („жаргона“) и изслѣдованіе исторіи его литературы. Филологическимъ сюжетамъ посвящены статьи: Б. Борохова: „Задачи еврейской филологіи“ (гдѣ авторъ пытается создать новую „фонетическую“ орѳографію для жаргона) и М. Черинскаго: „Еврейская фонетика“. Объ исторіи народнаго языка трактуетъ статья Б. Рубштейна: „Прежній языкъ евреевъ въ Россіи“ и „Замѣчанія“ по поводу этой статьи С. Дубнова. Здѣсь читатели найдутъ обмѣнъ мыслей по спорному вопросу о томъ, былъ-ли разговорнымъ языкомъ польско-литовско-русскихъ евреевъ съ XVI вѣка мѣстный славянскій языкъ (мнѣніе Гаркави), или нѣмецко-еврейскій жаргонъ (мнѣніе Дубнова, въ „Евр. Старинѣ“ 1909 г. кн. I). Большинство статей относится къ области исторіи и критики жаргонной литературы (д-ръ А. Капель, „Соломонъ Этингеръ, его жизнь и дѣятельность“; С. Нигеръ, „Еврейская литература и читательница“; Х. Д. Гуревичъ, „Наша первая ежедневная газета, къ десяти-

лѣтію „Фраинда“; С. Рейзенъ, „Къ 20-лѣтнему юбилею Авраама Рейзена)“. Читаются съ интересомъ школьныя воспоминанія Я. Динесона. Матеріалы для еврейскаго „фольклора“ содержатъ значительную коллекцію еврейскихъ народныхъ пѣсенъ. Весьма полно составленъ отдѣлъ критики и библіографіи (статьи Баалъ-Диміона, Борохова и др.). Данъ также списокъ всѣхъ жаргонныхъ книгъ и періодическихъ изданій, выходившихъ въ 1912 г. Особенную же историческую цѣнность имѣетъ обширный очеркъ Б. Борохова: „Библіотека еврейскаго филолога“ — систематическій указатель всѣхъ книгъ и статей, относящихся къ филологіи и исторіи нѣмецко-еврейскаго языка за послѣднія 400 лѣтъ (отд. приложеніе, стр. 1—66). Вообще „Пинкосъ“ представляетъ собою отрадный признакъ наступающей зрѣлости нашей литературы на народномъ языкѣ.

זלמן רייזען. לעקסיקאן פון יודישער
ליטעראטור, רעדאקטירט פון ש. ניגער.
ווארשוי, פערלאג, „צענטראל“. 1914
(768 אן XXI ז') ופרייז 3 רובל.

Это — біо-библіографическій словарь еврейской народной (жаргонной) литературы за все время ея четырехвѣковаго существованія. Историческое значеніе имѣютъ замѣтки о многихъ забытыхъ дѣятеляхъ народной литературы прошлыхъ вѣковъ. Кромѣ алфавитнаго списка именъ писателей, имѣется въ книгѣ списокъ всѣхъ періодическихъ изданій и анонимныхъ сочиненій. Составитель словаря стремился къ наибольшей полнотѣ и включилъ въ алфавитъ даже лицъ, имѣвшихъ весьма отдаленное отношеніе къ народной литературѣ; но съ другой стороны онъ самъ признаетъ возможность пропусковъ и обѣщаетъ въ дальнѣйшемъ дополнить свой лексиконъ. Во всякомъ случаѣ, это очень цѣнное пособіе къ изученію исторіи еврейской литературы.

העתיד. מאסף ספרותי-מדעי לברור
עניני היהדות והיהודים. העורך ש"י איש
הורוויץ, ספר חמישי, ברלין תרע"ג.
הוצאת „סיני“. 211 + 34 עמודים, המחיר
1,50 רו"כ.

Научно-историческій элементъ въ 5-мъ томѣ ежегодника „Геатидъ“ представленъ слѣдующими статьями: проф. І. Гутманъ, „Пророкъ Илія въ еврейскихъ легендахъ“; І. Н. Симхони, „Пророкъ Іехезкель“ (окончаніе обстоятельной монографіи, начатой въ предыдущемъ томѣ сборника); А. С. Гершбергъ, „Обычаи обрученія и бракосочетанія въ эпоху Талмуда“; С. А. Городецкій, „Мистическія теченія въ польскомъ еврействѣ XVI—XVIII в.“ (о каббалистахъ М. Делакрутѣ, Іешаѣ Горовицѣ, Натанѣ Шапиро, Самсонѣ Острополерѣ); М. Балабанъ, „Къ исторіи секты франкистовъ“ (о географическомъ распространеніи саббатіанства изъ Турціи въ Польшу, о Каменецкомъ диспутѣ франкистовъ по рѣдкимъ источникамъ, etc.); Баръ-Тобія, „Два тысячелѣтія мессіанскаго времени“ (къ теоріи мессіанства въ еврейской исторіи); І. Клаузнеръ, „Іешуа изъ Назарета“, отдѣлъ II (продолженіе книги о жизни и эпохѣ Іисуса Христа, печатавшейся въ предыдущихъ выпускахъ, стр. 87—120 приложенія).

השלח. ירחון לספרות, למדע ולעניני
החיים. העורך ד"ר יוסף קלוזנר. המו"ל
חברת „אחיאסף“. כרך כ"ח (שבט-סיון
תרע"ג). כרך כ"ט (תמוז תרע"ג-כסליו
תרע"ד). אודיסה 1913.

Въ двухъ томахъ ежемѣсячника „Гашилоахъ“ за 1913 г. имѣются слѣдующія научныя статьи: Нафтали б. Самуилъ, „Раббену Гершонъ Меоръ-гагола“ (обстоятельное

изслѣдованіе дѣятельности отца раввинизма по источникамъ, кн. янв. — мартъ); Д. Коганъ, „Новый источникъ по исторіи Хазаръ“ (о найденномъ Шехтеромъ въ Каирской „генизѣ“ фрагментѣ изъ посланія одного хазара, служащемъ дополненіемъ къ извѣстной хазарской перепискѣ X вѣка (іюнь); Г. Штернъ, Женщина въ Библіи и Талмудѣ (янв.); Х. Бунимъ, „Хабадскій хассидизмъ“ (мартъ, сент.); С. Бернфельдъ: „Іегуда-Арье Модена“ (мартъ—май); его же, „Смыслъ библейскихъ именъ (нояб. — дек.); З. Рубашевъ, „Секретарь мессіи: къ біографіи Самуила Примо“ (іюль); М. З. Рапопортъ, Еврейское право въ литературѣ (окт.).

Monumenta Talmudica. Herausgegeben von Dr. S. Funk, Dr. W. A. Neumann, Dr. A. Wünsche. Erster Band: Bibel und Babel, bearb. von S. Funk. Orion-Verlag, Wien—Leipzig, 1913. VII + 348 SS in 4°.

Это монументальное изданіе, разсчитанное на шесть томовъ, представляетъ собою нѣчто въ родѣ научной хрестоматіи талмудической письменности. По опредѣленной системѣ расположено множество отрывковъ изъ Талмуда, въ подлинникѣ и нѣмецкомъ переводѣ, снабженныхъ обильными объясненіями и примѣчаніями. Въ законченномъ нынѣ I томѣ представленъ одинъ отдѣлъ книги, названный „Библія и Вавилонъ“, но не имѣющій прямого отношенія ни къ библейской критикѣ, ни къ панвавилонизму школы Делича - Винклера: Это — неудачно выбранное названіе для коллекціи талмудическихъ цитатъ, характеризующихъ Вавилонію въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ, культуру, религію и міросозерцаніе вавилонянъ въ томъ видѣ, какъ все это отразилось въ представленіяхъ талмудистовъ. Эту часть работы удачно исполнилъ д-ръ С. Функъ. Авторъ мѣстами даже расширялъ рамки своего изслѣдованія: онъ включилъ, напримѣръ, въ серію своихъ цитатъ и отрывки изъ позднѣйшаго „Зогара“, псевдографически приписываемаго таннаю р. Симону бенъ-Іохаи, для характеристики вавилонской космогоніи (стр. 177, 194—95 и др.). Вполнѣ законно, конечно, причислены къ талмудической литературѣ Мидрашъ рабба, Тосефта, Мехилта, Сифра и т. п. Обширный „комментарій“ г. Фукса (стр. 276—329) имѣетъ большую научную цѣнность, особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ онъ сопоставляетъ талмудическія преданія съ новѣйшими изслѣдованіями по исторіи древняго Востока. Конечно, тутъ не слѣдуетъ забывать границы, отдѣляющей Ассиро-Вавилонію временъ древняго Израиля отъ Вавилоно-Персіи временъ Талмуда, и не переносить позднѣйшихъ понятій въ болѣе ранніе періоды. Въ этомъ отношеніи слишкомъ широкія обобщенія д-ра Функа часто нуждаются въ коррективѣ.

Слѣдующіе томы „Талмудическихъ Памятниковъ“ будутъ содержать: 2) право, 3) теологію, 4) народныя преданія, 5) исторію, 6) свѣтское знаніе. Каждый отдѣлъ будетъ составляться спеціалистами въ данной отрасли. 1-й выпускъ второго тома („Recht“), обработаннаго С. Гандзомъ, уже вышелъ въ свѣтъ и будетъ рецензированъ нами, когда томъ будетъ законченъ.

Общее руководство изданіемъ возложено на представителей трехъ религій: босковицкаго раввина С. Фукса, вѣнскаго католическаго богослова В. Неймана и протестантскаго теолога, дрезденскаго профессора А. Вюнше. Это, какъ объясняютъ издатели въ проспектахъ, имѣло цѣлью гарантировать безпристрастіе въ выборѣ талмудическаго матеріала и перевода его, а

также для избѣжанія „конфессіональныхъ недоразумѣній“. Такія предосторожности кажутся намъ нѣсколько странными. На обложкѣ послѣдняго выпуска, впрочемъ, вмѣсто Неймана и Вюнше (нынѣ покойнаго), фигурируютъ два имени малоизвѣстныхъ христіанскихъ профессоровъ.

Dr. **Heinrich Loewe.** Die Juden in der katholischen Legende. Berlin, 1912, Jüdischer Verlag. 93 стр.

Авторъ изображаетъ въ краткомъ очеркѣ, на основаніи произведеній средневѣковой литературы, ту „католическую легенду“, которая много крови стоила евреямъ. Большая часть легенды вращается вокругъ культа дѣвы Маріи, проявляющей чудеса надъ „нечестивыми евреями“, оскорбителями святого образа и церковныхъ гостій. Старинныя иллюстраціи представляютъ картину прокалыванія гостій евреями и казни несчастныхъ, обвиненныхъ въ небываломъ преступленіи. Это только одинъ уголокъ средневѣковаго міросозерцанія, но ярко освѣщенный и освѣщающій тьму былыхъ вѣковъ народнаго суевѣрія и католическаго фанатизма.

W. Kaplun-Kogan. Die Wanderbewegungen der Juden. Bonn, 1913. 164 SS. (Kölner Studien zum Staats-und Wirtschaftsleben).

Историческій обзоръ еврейскихъ эмиграціонныхъ движеній занимаетъ лишь одну треть этой книги (стр. 9—59), главная задача которой—національно-экономическая оцѣнка современной еврейской эмиграціи. Какъ вводная часть, этотъ обзоръ составленъ бѣгло и нѣсколько поверхностно. Особенно слабо разработано главное теченіе исторической эмиграціи—передвиженіе еврейскаго центра съ Востока на Западъ въ раннее средневѣковье, періодъ заселенія Европы (до крестовыхъ походовъ). Тутъ автору слѣдовало бы пользоваться не только новѣйшими обработками, но и первоисточниками: лѣтописными данными, сообщеніями еврейскихъ и арабскихъ путешественниковъ, конечно—съ надлежащей критикой. Вообще, первоисточники не фигурируютъ въ исторической части работы. Центръ тяжести книжки—въ ея современной части, подлежащей уже публицистической оцѣнкѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ стоитъ на партійной точкѣ зрѣнія.

Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. Herausg. v. Dr. M. Brann. 57 Jahrgang. 1913. Hefte 1—10.

Въ истекшемъ году старѣйшій изъ нашихъ научныхъ журналовъ далъ намъ слѣдующія, по объему болѣе значительныя, историческія статьи (въ первыхъ четырехъ изъ шести двухмѣсячныхъ выпусковъ): Луи Гинцбергъ, „Неизвѣстная іудейская секта“ (№№ 3—7)—продолженіе обширнаго изслѣдованія объ открытой Шехтеромъ „цадукейской“ рукописи, начатаго еще въ 1912 г. и донынѣ не оконченнаго; М. Балабанъ, „Яковъ Полякъ“ (№№ 1—3); статья раньше появилась въ „Евр. Старинѣ“ 1912 г.); Р. Левинъ, „Законодательство о евреяхъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II“ (№№ 1—7); Я. Гутманъ, „Семья Шемтобъ въ ея отношеніяхъ къ философіи“ (3—7); Ю. Гессенъ, „Русское правительство и западно-европейскіе евреи“ (переписка министра Уварова съ Филипсономъ и Іостомъ въ 1841—42 г. по поводу школьной реформы въ Россіи (№№ 5—7).

Revue des études juives. Tome LXV—LXVI, №№ 129—132. Paris, 1913.

Изъ крупнѣйшихъ работъ, появившихся въ этомъ трехмѣсячникѣ за

1913 годъ, первое мѣсто занимаетъ: „Каталогъ актовъ арагонскихъ королей Хайме I, Педро III и Альфонса III относительно евреевъ" (1213—1291)—обширная коллекція регестъ, преимущественно изъ архивовъ, публикуемая уже четвертый годъ Жакомъ Ренье и все еще не законченная. Этотъ сырой матеріалъ — настоящій кладъ для исторіи самоуправленія еврейскихъ общинъ (Aljama) въ Испаніи XIII вѣка. М. Либеръ закончилъ въ послѣдней книжкѣ свою начатую еще въ прошломъ году работу: „Евреи и созывъ генеральныхъ штатовъ въ 1789 г.", гдѣ использованъ большой матеріалъ депутатскихъ наказовъ (cahiers) и современной брошюрной литературы. Далѣе слѣдуютъ: М. Гинзбургеръ, „Самуилъ Леви, раввинъ и финансистъ" (№№ 130—132) — статья, освѣщающая общинную и экономическую жизнь евреевъ Эльзаса-Лотарингіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка; С. Канъ, „Евреи въ Бокерѣ (Лангедокъ) въ XIV вѣкѣ" (№№ 130—131); А. Рейнахъ, „Ной Сангаріу. Изслѣдованіе о фригійскомъ потопѣ или іудео-фригійскомъ синкретизмѣ" (№№ 130—132) — характеризуетъ смѣсь іудео-эллинскихъ легендъ о потопѣ и ковчегѣ въ эпоху возникновенія христіанства. Изъ небольшихъ статей и матеріаловъ обращаютъ на себя вниманіе: А. Галанте, „Два новыхъ документа о доннѣ Граціи Насси" (№ 129), относящихся къ 1565 г. и связанныхъ съ ранѣе опубликованною въ журналѣ (1912 г.) перепискою знаменитаго Іосифа Насси; Изр. Леви, „Документъ объ общинѣ сына Цадока" (№ 129; изъ каирской „генизы"); К. Бернгеймеръ, „Документъ о евреяхъ Негропонта" (№ 130); Марксъ и Либеръ, „Пребываніе Азулая въ Парижѣ" (1777—78; № 130); С. Познанскій, „Два памятныхъ листа изъ генизы (№ 131; дополненія къ исторіи „гаоната" въ Палестинѣ XI вѣка).

L. Hersch. Le juif érrant d'aujourd'hui. Etude sur l'émigration des israèlites de l'Europe orientale aux Etats-Unis de l'Amérique du Nord. Paris, 1913. 331 pp. (Bibliothèque internationale d'Economie politique).

M. Balaban, Przegląd literatury historyi Żydów w Polsce. I, 1907—1909; II, 1909—1911.— Библіографія по исторіи евреевъ въ Польшѣ за послѣдніе 7—8 лѣтъ, составленная умѣлою рукою д-ра Балабана. Часть ея появилась въ „Еврейской Старинѣ" 1909 г. Настоящій обзоръ помѣщенъ въ „Kwartalnik Historyczny" 1912 г. и содержитъ 555 нумеровъ.

Kwartalnik poświęcony badaniu przeszłości Żydów w Polsce. Rocznik I, Zeszyt 3. Warszawa, 1913. 190 + 8 стр.

Возникшій въ 1912 г. польско-еврейскій историческій трехмѣсячникъ далъ въ первый годъ своего существованія двѣ книжки, а въ 1913 г.— только одну. Въ этой книжкѣ встрѣчается весьма интересный историческій матеріалъ, хотя порою тенденціозно подобранный и освѣщенный *). Проф. Ш. Аскенази занимается „Еврейскими дѣлами во время конгрессовое" (до и послѣ Вѣнскаго Конгресса 1815 г.). Ксендзъ Я. Вархалъ подробно описываетъ, на основѣ данныхъ изъ итальянскихъ архивовъ, положеніе еврейскихъ студентовъ изъ Польши въ Падуанскомъ университетѣ, преимущественно въ 17 и 18 вѣкахъ. С. Туровскій излагаетъ содержаніе рукописи епископа Залусскаго

*) См. нашъ разборъ I книжки въ „Евр. Стар." 1912 г., 342 сл.

„Польша—рай для евреевъ", составленной въ 1760 г. по поводу тогдашнихъ ритуальныхъ процессовъ. Есть и нѣсколько интересныхъ документовъ по новѣйшей исторіи (о петиціи варшавскихъ евреевъ на имя Александра II въ 1857 г., изъ бумагъ Я. Тугендгольда и раввина Майзельса и др.).

P. Wiernik. History of the Jews in America. New-York, 1912. XXIII + 449 pp.

Эта книга, содержащая сжатый очеркъ исторіи евреевъ въ Америкѣ отъ ея открытія до настоящаго времени, составлена компилятивно, на основаніи литературы послѣдняго времени. Какъ опытъ обобщенія собраннаго до сихъ поръ историческаго матеріала, она является весьма полезнымъ руководствомъ для ознакомленія съ главными моментами исторіи американскаго еврейства.

The American Jewish Year Book. 5674 (1913—1914). Ed. by H. Friedenwald. Philadelphia, 1913. 630 pp.

Какъ всѣ предыдущіе календари-ежегодники, издаваемые „Еврейскимъ Издательскимъ Обществомъ въ Америкѣ", и этотъ томъ богатъ справочнымъ содержаніемъ. Много мѣста занимаетъ въ немъ описаніе торжествъ по случаю 25-лѣтняго юбилея Издательскаго Общества (стр. 19—187). Статистическій интересъ имѣетъ статья „Балканскія войны и евреи" и примыкающая къ ней по сюжету „Левантинскіе евреи въ Соединенныхъ Штатахъ" (188—220).

Извѣстія Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

18 января 1914 г. въ общемъ собраніи членовъ Общества, подъ предсѣдательствомъ Л. Я. Штернберга, былъ прочитанъ докладъ д-ра С. А. Вайсенберга: „По Палестинѣ. Личныя впечатлѣнія". Докладъ былъ иллюстрированъ многими туманными картинами.

---

22 февраля 1914 г. состоялась въ пользу Евр. Историко-Этнограф. О-ва (Спб., залъ Тенишевскаго училища) публичная лекція С. М. Дубнова на тему: „Что такое хасидизмъ".

Программа лекціи: Развитіе іудаизма въ связи съ сохраненіемъ еврейской націи въ діаспорѣ. Талмудизмъ и раввинизмъ, какъ орудія религіозной и бытовой дисциплины. Тяжесть этой дисциплины; формализмъ обряда; недостатокъ эмоціональнаго начала. Мистическія теченія среднихъ вѣковъ (каббала) и мессіанскія движенія XVII вѣка. Упадокъ духа послѣ неудачи мессіанскихъ движеній. Ухудшеніе соціально-экономическаго положенія польскаго еврейства въ XVIII вѣкѣ. Книжные люди и простонародье. Возникновеніе хасидизма, какъ отвѣтъ на потребность народа въ простой „религіи сердца". Основатель хасидизма Израиль Бештъ, его жизнь и его ученіе. Первые хасидскіе кружки въ Подоліи. Распространеніе новаго ученія: апостолы его Беръ изъ Межерича и Яковъ-Іосифъ изъ Полоннаго (Волынь). Начало хасидской литературы. Размноженіе „цадиковъ"—вѣроучителей хасидской секты. Гоненія со стороны раввиновъ на сектантовъ (1772—1800). Творецъ раціональнаго хасидизма, Залманъ Шнеерсонъ. Элементы возвышенной морали въ ученіи и жизни хасидовъ. Быстрый ростъ хасидизма и превращеніе „секты" въ значительную часть народа. Вырожденіе цадикизма. Хасидизмъ и просвѣтительное движеніе XIX вѣка. Постепенный упадокъ хасидизма во второй половинѣ XIX вѣка. Настоящее и будущее хасидизма.

---

6 февраля состоялось засѣданіе секціи для изученія исторіи еврейскаго права. А. И. Кардинъ прочелъ докладъ: „Значеніе принужденія въ гражданскихъ сдѣлкахъ".

Евреи въ Курляндіи (XVI—XVIII в.).

I.

Курляндія, составлявшая часть владѣній Ливонскаго ордена меченосцевъ, превратилась въ 1561 г. въ особое герцогство. Послѣдній магистръ ордена, Кеттлеръ, чтобы пріостановить разгромъ страны русскими войсками, заключилъ съ польскимъ королемъ договоръ, въ силу котораго Ливонія отошла къ Польшѣ. За Кеттлеромъ же, принявшимъ титулъ герцога, была оставлена въ наслѣдственное владѣніе Курляндія (и Семигалія) съ тѣмъ, чтобы герцогъ призналъ себя вассаломъ польскаго короля.

Не разрѣшая вопроса, проживали-ли евреи въ Прибалтійскомъ краѣ въ годы существованія Ливонскаго ордена, надо сказать, что едва Курляндія стала нуждаться въ помощи со стороны Польши, тотчасъ же зашла рѣчь о евреяхъ.

Это было вполнѣ понятно. Какъ бы ни относились къ евреямъ отдѣльныя сословія въ Ливоніи въ пору ея самостоятельнаго существованія, появленіе евреевъ въ этомъ краѣ стало почти неизбѣжнымъ съ того момента, когда территорія бывшаго Ливонскаго ордена перешла во владѣніе Польши. Судя по роли евреевъ въ экономической жизни Польши и по благосклонному отношенію къ нимъ со стороны польскаго короля Сигизмунда Августа, можно было предвидѣть, что евреи перенесутъ свою экономическую дѣятельность въ область, вновь присоединенную къ Польшѣ. Поэтому группы Ливонскаго населенія, заинтересованныя въ томъ, чтобы сохранить за собою прежнюю торговую монополію, поспѣшили выступить противъ евреевъ, едва только выяснилась возможность появленія ихъ въ странѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что не одни евреи встрѣчали недружелюбіе въ Ливоніи; здѣсь относились нетерпимо и къ послѣдователямъ нѣкоторыхъ христіанскихъ ученій и вообще къ конкуррентамъ въ торгово-промышленной дѣятельности.

Еще тогда, когда польскія войска вступили въ Ливонскіе города, чтобы угрожать русскимъ (1560), польскому королю было предложено не допускать „злобный (bosshaftige) еврейскій народъ“ къ участію въ дѣлѣ снабженія войскъ припасами [1]). А когда начались переговоры съ польскимъ королемъ о подчиненіи ему Ливоніи, городъ Рига потребовалъ, чтобы евреямъ не было разрѣшено торговать и жить въ городѣ безъ разрѣшенія городского совѣта. Этотъ запретъ долженъ былъ относиться, впрочемъ, также къ голландцамъ, англичанамъ и вообще ко всякимъ націямъ [2]). Домогательства городовъ, направленныя противъ евреевъ, увѣнчались успѣхомъ. Согласно договору, заключенному между польскимъ королемъ и магистромъ Кеттлеромъ, евреямъ было запрещено по всей Ливоніи торговать, а также брать на откупъ подати и пошлины [3]).

Врядъ-ли, однако, стороны, подписавшія договоръ, придавали реальное значеніе параграфу, который формально не закрывалъ евреямъ доступа въ страну, а лишь ограничивалъ ихъ въ правѣ занятій. И польскій король, ставшій господиномъ Ливоніи, и магистръ Кеттлеръ, превратившійся въ правителя одной лишь Курляндіи, принимая указанное условіе, имѣли въ виду лишь одно: умилостивить городской торговый классъ; при этомъ не предполагалось, что страна фактически окажется закрытой для евреевъ. Въ краѣ имѣлось сословіе, которое въ собственныхъ интересахъ должно было привлекать ихъ къ себѣ: это были дворяне, землевладѣльцы.

Дѣйствительно, уже вскорѣ города той части Ливоніи, которая перешла подъ полное господство Польши, видятъ себя вынужденными выступать съ протестомъ противъ евреевъ, занимавшихся торговыми дѣлами подъ покровительствомъ дворянъ. Въ 1595 г. король издалъ указъ, чтобы евреи, наравнѣ съ шотландцами, не пользовались правомъ торговли и не были терпимы [4]). Однако это распоряженіе не было осуществлено. Евреи и другіе иностранцы продолжали оставаться въ краѣ; дворяне по преж-

[1]) J. Joffe, Regesten und Urkunden zur Geschichte der Juden in Riga und Kurland, Riga. 1910. Регеста № 3.

[2]) Тамъ же, № 5 (1561 г.).

[3]) „Judaeis vero nulla per totam Livoniam commercia, vectigalia, teloniave ullo unquam tempore concedimus“. Ib. № 6. См. Ziegenhorn, Staats-Recht der Herzogthümer Curland und Semgallen, Königsberg, 1772; приложенія, стр. 55.

[4]) Joffe, № 14.

нему покровительствовали евреямъ, города же добивались изгнанія торговыхъ конкуррентовъ.

Повидимому, евреи проживали въ ту пору и въ Курляндіи. Ziegenhorn [1]) замѣчаетъ, будто въ теченіе болѣе ста лѣтъ со времени перехода края въ ленную зависимость отъ Польши, евреи не допускались въ Курляндію [2]). Однако это невѣрно. Въ первое время по образованіи курляндскаго герцогства стали появляться, какъ видно, лишь единичные евреи изъ Польши, снабженные герцогскимъ охраннымъ листомъ [3]). Курляндскіе сановники находились въ близкихъ сношеніяхъ съ польскими магнатами, и евреямъ, имѣвшимъ связи въ высшемъ польскомъ обществѣ, представлялась возможность получать охранные листы.

А позже, постепенно, пребываніе евреевъ въ краѣ стало обычнымъ явленіемъ. Одинъ документъ, относящійся къ концу восемнадцатаго вѣка, говоритъ, что евреи уже въ теченіи двухъ столѣтій находятся въ краѣ. Возможно, впрочемъ, что не всѣ евреи, занимавшіеся въ Курляндіи различными видами экономической дѣятельности, являлись осѣдлымъ населеніемъ; и въ болѣе позднее время многіе евреи проводили на территоріи курляндскаго герцогства лишь шесть трудовыхъ дней, возвращаясь къ субботѣ на родину, въ пограничное польское селеніе. Однако, съ теченіемъ времени, въ Курляндіи образовалось и осѣдлое еврейское населеніе, пользовавшееся терпимостью со стороны правительства и общества. Это можно заключить изъ того обстоятельства, что въ постановленіяхъ ландтага за многіе годы нѣтъ даже упоминанія о евреяхъ; а между тѣмъ изъ указа 1661 г. объ обложеніи населенія сборомъ видно, что евреи представляли собою извѣстную податную единицу, о которой правительство не забывало, и что они въ отношеніи фиска находились въ равныхъ условіяхъ съ соотвѣтствующими группами христіанскаго населенія. Упомянутый указъ герцога гласилъ, что сборомъ облагаются „всѣ наши города, наши и частновладѣльческія имѣнія, всѣ прочіе жители, домохозяева, торговые люди и ремесленники, евреи и русскіе, проживаютъ ли они на нашихъ земляхъ или на земляхъ дворянъ"; размѣръ сбора былъ назначенъ въ зависимости отъ занятія, и евреи не были исключены изъ общаго правила. Взысканіе

[1]) Упомянутое выше сочиненіе, § 576.

[2]) Вундербаръ въ своей книгѣ Geschichte der Juden in den Provinzen Liv-und-Kurland (Митава, 1853) говоритъ, что сохранились еврейскіе надгробные памятники отъ 16-го вѣка.

[3]) Письмо курляндскаго герцога къ князю Радзивиллу отъ 1565 г.

сбора было возложено на особыя комиссіи, въ которыя входили и представители горожанъ, но для Динабургскаго округа были назначены лица со спеціальной миссіей—взыскать деньги „съ русскихъ и евреевъ и съ городовъ Иллукстъ и Субботъ“ [1]). Судя по этому распоряженію, можно, какъ кажется, предположить, что въ той мѣстности проживало болѣе или менѣе значительное еврейское населеніе, не сосредоточенное однако въ какомъ либо пунктѣ, а разбросанное по помѣщичьимъ владѣніямъ. Быть можетъ, это скопленіе евреевъ было вызвано происходившими незадолго до того погромами въ Польшѣ. О томъ, что пребываніе евреевъ на частновладѣльческихъ земляхъ было обычнымъ явленіемъ, можно заключить также изъ того, что братья Остенъ-Сакенъ, учреждая въ 1686 г. на своихъ земляхъ городъ, сочли нужнымъ спеціально оговорить, что они не разрѣшаютъ евреямъ проживать тамъ (и никому не позволялось заводить корчмы) [2]).

Евреи не ограничивались тѣмъ, что оказывали дѣловыя услуги помѣщикамъ. Роль евреевъ въ экономической жизни края была болѣе значительной не только потому, что они обходили и объѣзжали страну, торгуя разнаго рода товаромъ (нѣкоторые даже водворились въ столичномъ городѣ Митавѣ), но и потому, что они держали на откупѣ пошлины.

Впервые евреямъ была отдана пошлина на откупъ (повидимому, въ 1686 г.) герцогомъ Фридрихомъ Казиміромъ, который, тратя много денегъ на придворный блескъ, запутался въ долгахъ. Сперва передача евреямъ откупа не вызывала никакихъ протестовъ. Но на ландтагѣ, созванномъ въ 1692 г., герцогу было предложено отказаться отъ услугъ евреевъ. Герцогъ признавалъ, что согласно закону евреевъ не слѣдовало допустить къ откупу, но такъ какъ ландтагъ на это не реагировалъ, то въ теченіе ближайшихъ лѣтъ дѣловыя сношенія герцога съ евреями осложнились, и ссылаясь на то, что евреи дали ему извѣстную сумму, которую онъ сейчасъ не можетъ возвратить, герцогъ не хотѣлъ устранить ихъ отъ откупа, пока они не получатъ обратно своихъ денегъ [3]). Тѣмъ не менѣе герцогу пришлось обязаться отнять у евреевъ откупъ послѣ ближайшей пасхи, причемъ онъ былъ вынужденъ также подтвердить, что они навсегда

---

[1]) Karl von Rummel, Curländische Landtags-und Conferential Schlüsse von 1618 bis 1759, Dorpat, 1851. Постановленіе 2 іюня 1661 г., §§ 3 и 6.

[2]) Joffe, № 109.

[3]) Архивъ Курляндскаго герцогства, папка № 246, текущій № 1639. Черновая бумага въ дѣлахъ ландтага 1692 г.

лишены права арендовать пошлины и подати, равнымъ образомъ заниматься торговлей. Все это было внесено въ постановленіе ландтага 23 августа 1692 г. [1]).

Но герцогу, находившемуся въ денежныхъ затрудненіяхъ, было не до того, чтобы отпустить отъ себя евреевъ; аренда пошлинъ осталась въ ихъ рукахъ. И протестъ противъ этого раздался лишь тогда, когда герцогъ Фридрихъ-Казимиръ скончался (1698) и управленіе краемъ, въ виду малолѣтія его сына Фридриха-Вильгельма, перешло къ дядѣ послѣдняго, Фердинанду. На ландтагѣ 1698 г. (постановленіе 26 марта) отъ имени новаго герцога было объявлено, что евреи въ ближайшій срокъ должны быть устранены отъ аренды пошлинъ и что имъ запрещается вести торговыя дѣла; еврей, который окажется виновнымъ въ нарушеніи этого правила, не найдетъ нигдѣ защиты. Объ указанномъ запретѣ напомнилъ и ландтагъ 1699 г. [2]).

Съ этого времени, насколько извѣстно, евреи уже не имѣютъ прикосновенія къ откупамъ. Но они не прерываютъ своей торговой дѣятельности; они занимаются преимущественно мелкой, развозной и разносной торговлей, посѣщая небольшія поселенія; они также арендуютъ корчмы и курятъ вино на помѣщичьихъ земляхъ; для иныхъ источникомъ пропитанія служитъ посредничество. Они водворились и въ Митавѣ, подъ именемъ „покровительствуемыхъ евреевъ" [3]). Гдѣ то, на частновладѣльческой землѣ, была даже выстроена синагога, но вскорѣ, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, было приказано разрушить ее.

Однако евреи не знали спокойнаго существованія, потому что они попрежнему служили яблокомъ раздора между различными соціальными группами коренного населенія. Если городской торговый классъ старался парализовать дѣятельность евреевъ, то дворяне-помѣщики не только не позволяли удалять ихъ, но и брали ихъ подъ свое особое покровительство. Городское торговое сословіе, обрушиваясь на евреевъ, фактически выступало противъ дворянъ.

Вообще издавна шелъ споръ о томъ, имѣютъ ли право дворяне въ различныхъ странахъ заниматься торговыми дѣлами.

---

[1]) Rummel, стр. 307; Joffe, № 114; Ziegenhorn, прилож. № 229.

[2]) Ziegenhorn, прилож. 236 и 240; Joffe, №№ 122 и 123; Rummel, стр. 322 и 332.

[3]) Wunderbar, стр. 20, сообщаетъ, что въ Митавѣ евреи могли жить лишь въ опредѣленномъ кварталѣ, позже называвшемся Добленской улицей.

Существовалъ рядъ постановленій, согласно которымъ дворяне, въ силу своего привилегированнаго положенія, не должны были торговать, такъ какъ подобная дѣятельность съ одной стороны роняла ихъ достоинство, а съ другой—нарушала интересы городского населенія. Тѣмъ не менѣе, всюду дворяне вели обширныя торговыя дѣла. Курляндія не составляла исключенія.

Были такія отрасли торгово-промышленной дѣятельности, которыя безспорно принадлежали курляндскому дворянину; онъ могъ продавать продукты своей земли какъ въ сыромъ, такъ и въ обработанномъ видѣ, но продажа должна была происходить тутъ же, на мѣстѣ; оптовая продажа указанныхъ продуктовъ разрѣшалась и въ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянамъ разрѣшалось покупать все необходимое для себя на городскихъ ярмаркахъ, но тутъ то и происходило злоупотребленіе; крестьяне съ дворянскихъ земель и вообще чужіе люди покупали на ярмаркахъ не для личной надобности, а для перепродажи, вслѣдствіе чего приходилось устанавливать ограниченія по отношенію къ негородскимъ жителямъ. Право же на городскую мелочную торговлю принадлежало одному только городскому торговому сословію. Однако дворяне стали все больше вторгаться въ торговую область, предоставленную городамъ, и такъ какъ герцоги уклонялись отъ вмѣшательства въ возникавшіе споры, то города искали защиты у польскаго короля, и герцогамъ поневолѣ приходилось, подъ давленіемъ извнѣ, принимать мѣры къ охранѣ интересовъ городского сословія. Дворянское сословіе не подчинялось соотвѣтствующимъ распоряженіямъ, города же стремились парализовать дѣятельность дворянъ и въ той области, которая была предоставлена послѣднимъ [1]).

На фонѣ этой безпрерывной экономической борьбы городского сословія съ дворянскими вольностями, а также съ чужеземнымъ торговымъ людомъ, и протекала исторія евреевъ въ Курляндіи.

Еврейское населеніе тревожилось не только изъ за того, кто одержитъ побѣду—городской классъ или дворяне. Наряду съ городами и дворянствомъ, евреями интересовалась и герцогская казна. Добиваясь одного—взыскать съ еврейскаго населенія извѣстную сумму, правительство становилось то на сторону городовъ, то на сторону дворянства, вѣрнѣе сказать, оно то угрожало евреямъ изгнаніемъ, то соглашалось, чтобы евреи оставались въ странѣ.

Во время Сѣверной войны, когда Курляндія недолго находи-

[1]) Ziegenhorn, § 597, 598, 608 и др.

лась во власти шведовъ, митавскіе бюргеры жаловались (1704 г.), что евреи и прочіе чужіе торговцы причиняютъ подрывъ ихъ промысламъ, разъѣзжая по всей странѣ [1]). Тѣмъ не менѣе сами митавскіе бюргеры вступали въ дѣловыя сношенія съ евреями и, насколько извѣстно, не протестовали противъ того, что въ Митавѣ образовалось осѣдлое еврейское населеніе.

Хотя евреи, какъ мы знаемъ, издавна проживали въ Курляндіи, они однако не имѣли кладбищъ; покойниковъ отвозили для погребенія за границу. Это представляло особенно много затрудненій, когда въ Курляндіи распространилась въ 1710 г. чума. Въ то время правителемъ Курляндіи сталъ молодой Фридрихъ-Вильгельмъ. Привѣтствуя новаго герцога, митавскіе евреи просили, чтобы онъ, по примѣру своихъ предковъ, столь милостиво относившихся къ „бѣднымъ евреямъ" и защищавшихъ ихъ, подтвердилъ за евреями право на спокойное пребываніе въ краѣ. Одновременно митавскіе евреи возбудили ходатайство о разрѣшеніи имъ имѣть кладбище. Чума, писали они, не щадитъ насъ, одного за другимъ убирая съ пути; мы же не имѣемъ въ странѣ мѣста, гдѣ могли бы хоронить нашихъ покойниковъ; а между тѣмъ теперь, при большой смертности, увозить ихъ въ Литву невозможно. Съ вѣдома митавскаго обергауптмана подыскано даже подходящее мѣсто: это клочокъ земли въ Алтбергфридѣ, не имѣющій никакой цѣнности; пусть же герцогъ разрѣшитъ хоронить тамъ евреевъ [2])! Герцогъ выразилъ свое согласіе, если только не встрѣтится препятствія со стороны обергауптмана, и въ августѣ 1710 г. евреи были оффиціально введены во владѣніе указаннымъ участкомъ земли.

Но и милость, и гнѣвъ зависѣли главнымъ образомъ отъ вѣса золота. Ведя подвижную жизнь, тайно переходя границу, евреи, какъ видно, не приносили казнѣ той выгоды, которую можно было ожидать отъ ихъ торговой дѣятельности. А между тѣмъ новый герцогъ Фердинандъ, замѣстившій рано умершаго Фридриха-Вильгельма, оказался въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи благодаря тому, что часть герцогскихъ имѣній

---

[1]) Joffe, № 125.

[2]) Архивъ Курляндскаго герцогства, папка № 295; текущій № 1730.— Wunderbar (стр. 22) говоритъ, что это было исходатайствовано, согласно записи въ пинкосѣ, нѣкіимъ Исаакомъ бенъ Іегуда. На подлинномъ прошеніи нѣтъ подписей отдѣльныхъ лицъ; оно заканчивается слѣдующими словами: „Unterthänigste Knechte, sämtliche in Mitau sich aufhaltende Juden".

была заложена герцогомъ Фридрихомъ-Казиміромъ; нѣкоторыя же другія имѣнія перешли къ вдовѣ Фридриха-Вильгельма, племянницѣ Петра Великаго, Аннѣ Іоанновнѣ [1]). Герцогъ прибѣгалъ къ различнымъ средствамъ, чтобы поправить свои дѣла. Между прочимъ, онъ пытался получить съ евреевъ сто рейхсталеровъ за кладбище, и онъ несомнѣнно очень разгнѣвался, когда ему донесли, что этого нельзя добиться мирными средствами (mit der güte), такъ какъ помѣщики берутъ евреевъ подъ свою защиту.

Въ это время городъ Митава выступилъ съ предложеніемъ удалить евреевъ изъ страны, и герцогъ охотно согласился на это. 6 октября 1713 г. герцогъ далъ слѣдующее предписаніе своему совѣту [2]):

„Достопочтенные и высокоученые, любезные вѣрноподданные. Имѣя въ виду разные обманы со стороны евреевъ и то, что они лишаютъ христіанъ средствъ къ жизни, мы не хотимъ видѣть и терпѣть евреевъ въ городахъ и въ имѣніяхъ. Евреи, проживающіе, какъ въ Митавѣ, такъ и въ другихъ городахъ, должны быть высланы магистратами, согласно имѣющему быть изданнымъ приказу, каковой вы пошлете въ каждый городъ. Вы также распорядитесь, чтобы изо всѣхъ княжескихъ имѣній и корчемъ евреи были удалены безъ замедленія, дабы въ теченіе не далѣе этого года евреи совершенно покинули страну и города, о чемъ оберъ-раты должны дать знать дворянамъ; иначе придется употребить другія соотвѣтствующія мѣры“ [3]).

Совѣтъ не замедлилъ отдать надлежащее распоряженіе. Однако никто, какъ кажется, кромѣ Митавы не торопился его исполнить; въ декабрѣ 1713 г. герцогу пришлось повторить свое повелѣніе, при чемъ было потребовано, чтобы съ каждаго чужого еврея, впредь до его удаленія, взыскивалось ежедневно по одному талеру [4]). Быть можетъ, именно матеріальныя соображенія побудили герцога вступить на путь репрессій и угрозъ.

---

[1]) Seraphime, Die Geschichte des Herzogstums Kurland. Ревель, 1904, стр. 180.

[2]) Совѣтъ состоялъ изъ четырехъ высшихъ должностныхъ лицъ и двухъ докторовъ права. См. Ziegenhorn, № 407 и слѣд.

[3]) Далѣе въ посланіи герцога говорится о дѣлахъ, не имѣющихъ отношенія къ евреямъ, а потомъ слѣдуетъ постскриптумъ на имя „камеры“, завѣдывавшей финансовыми дѣлами. Камерѣ предписывается штрафовать евреевъ, которые тайно привозятъ въ Митаву зерно, воскъ и другіе продукты. См. архивъ Курляндскаго герцогства, папка № 295, текущій № 1730.

[4]) Объявленіе туккумскаго обергауптмана 13 января 1714 г. Архивъ Курляндскаго герцогства, указанное дѣло.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣлались исключенія. Такъ, совѣтъ герцога дозволилъ остаться въ Митавѣ до наступленія теплой погоды вдовѣ Лазаря, а также вдовѣ Іоеля съ сыновьями Аврамомъ и Энохомъ; одна изъ вдовъ была больна, другой преклонный возрастъ мѣшалъ двинуться въ путь, а вѣдь „христіанская любовь—писалъ совѣтъ герцогу—требуетъ терпимости по отношенію къ больнымъ и убогимъ"; милость была оказана также двумъ евреямъ изъ Гессенъ-Касселя, которые вели большія дѣла и имѣли сильныхъ покровителей. Митавская администрація была очень недовольна этой снисходительностью.

Требованіе объ удаленіи изъ страны глубоко поразило троихъ евреевъ, въ свое время переселившихся въ Туккумъ по предложенію тогдашняго туккумскаго обергауптмана. То были крупные торговцы, имѣвшіе привилегіи отъ польскаго и прусскаго правительствъ. Въ прошеніи на имя герцога эти туккумскіе евреи: Joseph Schapschejowitz (Louige Factor), Jankel Schapschejowitz и Samuel Elkan указывали, что на ихъ долю падаетъ половина сборовъ, которые взимаются съ мѣстнаго незначительнаго купечества, что они уплачиваютъ пошлину въ Либавѣ и Митавѣ; они готовы также уплачивать за терпимость „Schutzgelder"—каждый по шесть рейхсталеровъ ежегодно, лишь бы имъ было разрѣшено дальнѣйшее пребываніе, по меньшей мѣрѣ въ теченіе одного года, дабы успѣть инкассировать долги [1]).

Послѣдній срокъ, назначенный для окончательнаго удаленія евреевъ, приближался, и герцогъ напомнилъ (16 февраля 1714 г.) властямъ, чтобы они взыскали съ евреевъ за пребываніе въ краѣ причитающуюся сумму. Наконецъ, 23 марта 1714 г. послѣдовалъ нижеслѣдующій герцогскій декретъ:

...Мы уже неоднократно предписывали удалять евреевъ изъ страны—изъ имѣній, корчемъ, городовъ и мѣстечекъ—въ теченіе законнаго срока, подъ страхомъ немаловажнаго штрафа, потому что признавали ихъ промыселъ чрезвычайно вреднымъ для страны и для городовъ, вслѣдствіе чего въ минувшія времена ихъ никогда не терпѣли, такъ какъ это было противно законамъ страны и принятымъ обычаямъ, изъ каковыхъ соображеній противъ вышеназванныхъ (евреевъ) издавались и составлялись точныя распоряженія. Во всѣхъ сихъ случаяхъ принималось за правило, чтобы отъ даннаго числа въ теченіе шести недѣль изложенное распоряженіе было приведено въ исполненіе безразлично противъ всѣхъ и всякаго, никого не исключая подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, а также, что ежели тотъ

[1]) Тамъ же.

или иной еврей застигнутъ будетъ на княжескихъ границахъ по истеченіи сего съ излишкомъ предоставленнаго срока, то таковой немедленно долженъ быть захваченъ и не ранѣе отпущенъ, чѣмъ онъ или они внесутъ и уплатятъ назначенное за каждый день—по одному имперскому талеру. Равно и отъ тѣхъ, которые вопреки запрету съ начала сего года оставались еще въ странѣ или же тѣмъ временемъ ушли, должно быть взыскано установленное, причемъ оставшіеся должны быть принуждены уплатить за ушедшихъ причитающіеся деньги немедленно, еще до истеченія даннаго шестинедѣльнаго срока, считая ежедневно по одному имперскому талеру. Ихъ благородія, оберъ-раты, такъ и обергауптманы и чиновники, а также магистраты городовъ будутъ содѣйствовать евреямъ въ осуществленіи ихъ правомѣрныхъ притязаній (взыскивать съ христіанъ долги) въ теченіе предоставленнаго имъ срока и безъ всякаго дальнѣйшаго особаго распоряженія творить скорый судъ; но по окончаніи срока евреи не имѣютъ права, подъ подобнымъ предлогомъ, оставаться дольше въ странѣ, а могутъ поручить взыскать доказанные долги своему уполномоченному. Каковое распоряженіе долженъ твердо и неуклонно исполнять какъ чиновникъ, такъ и магистратъ и служитель безъ всякихъ дальнѣйшихъ запросовъ или изъятій" [1]).

Этотъ декретъ, вызвавшій на первыхъ порахъ большое замѣшательство среди евреевъ, не могъ быть полностью осуществленъ. Герцогъ, ненавидимый въ странѣ, встрѣчалъ такую оппозицію со стороны дворянъ, что онъ, правя государствомъ, былъ вынужденъ жить за его предѣлами, въ Данцигѣ. При такихъ условіяхъ дворяне менѣе всего намѣревались подчиниться требованію герцога. Къ тому же и самъ герцогъ отнюдь не желалъ, чтобы указъ былъ осуществленъ: герцогу было выгоднѣе, чтобы его казна, благодаря указу объ изгнаніи евреевъ, пополнялась штрафами съ нихъ. Евреи же смотрѣли на штрафъ, какъ на умѣренный налогъ за право проживать въ странѣ [2]). И именно въ этомъ отношеніи указъ 1714 г. сохранилъ на долго свое значеніе. Отнынѣ право пребыванія евреевъ въ краѣ, якобы предоставляемое временно, въ нарушеніе указа 1714 года, связывается съ вопросомъ объ уплатѣ ими извѣстной подати, причемъ, въ случаѣ неуплаты надлежащей суммы, евреямъ угрожаютъ изгнаніемъ. Евреи признаются „терпимыми" лишь въ той мѣрѣ, въ какой изъ нихъ можетъ быть извлечена матеріальная выгода.

---

[1]) Оригиналъ въ архивѣ герцогства Курляндскаго, папка № 295. Напечатано у Joffe, № 163; также у Wunderbar'а, стр. 20—21.

[2]) Wunderbar. стр. 21.

Въ виду возникшихъ вскорѣ внутреннихъ неурядицъ въ Курляндіи, въ ея дѣла вмѣшалась Польша. Особая комиссія, созванная въ 1717 г., устранивъ Фердинанда отъ власти, передала ее въ руки оберъ-ратовъ. Новое правительство постановило (§ 29): „Евреевъ отъ права винокуренія и содержанія корчемъ мы исключаемъ, и запрещаемъ въ силу привилегій и земскихъ положеній, подъ штрафомъ, въ законахъ установленнымъ, имѣть въ здѣшнемъ краѣ пребываніе" [1]). Это требованіе привело, какъ и раньше, не къ уходу евреевъ, а лишь къ уплатѣ ими извѣстной суммы денегъ въ казну. Уже вскорѣ евреямъ было разрѣшено остаться въ краѣ въ теченіе года съ тѣмъ, чтобы они заплатили четыреста альбертовыхъ талеровъ. Но евреи оказались неаккуратными, они не внесли всей суммы сполна; это можно объяснить тѣмъ, что разбросанные по имѣніямъ, они не имѣли внутренней организаціи, которая вѣдала бы сборомъ подати; кромѣ того, еврейское населеніе было очень бѣдно.

И вотъ не имѣя въ виду удалить евреевъ изъ страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, желая извлечь изъ нихъ выгоду, правительство ввело институтъ евреевъ-поручителей, какъ объ этомъ говоритъ нижеслѣдующее извлеченіе изъ постановленія ландтага 1719 г.

„Хотя евреи и получили на одинъ годъ право свободнаго пребыванія въ странѣ при уплатѣ ими четырехсотъ рейхсталеровъ, но они сверхъ того должны внести еще и двѣсти рейхсталеровъ, оставшіеся въ недоимкѣ; поэтому компанистовъ [2]) (Companisten) изъ Нейенбурга слѣдуетъ строгими мѣрами, принудить къ уплатѣ денегъ; это должно быть сдѣлано земскимъ офицеромъ, которому поручено производить взысканія въ томъ кирхшпилѣ (округъ); и если евреи въ настоящемъ году обяжутся чрезъ посредство поручительства компанистовъ уплатить ту сумму, которая была наложена на нихъ въ прошломъ году, ихъ

[1]) Архивъ министерства земледѣлія, дѣло 1798 г. № 14458. „По просьбѣ курляндскихъ евреевъ о сдѣланіи для нихъ общаго постановленія". Также: Joffe, № 178; Ziegenhorn, прилож. № 259 (конецъ § 29); „Auszug der wichtigsten Sachen sowohl aus den Landtäglichen als auch Conferencial-Schlüssen etc. von G. P. M. von der Recke, Mitau 1790; стр. 226. Постановленіе Комиссія 1717 гласитъ: „. . . imo et Judaeos á jure braxandi et cauponandi excludimus, iisdemque, ut penitus in hisce ducatibus tenore privilegiorum et laudorum publicorum non commorentur, sub poenis in legibus sancitis et expressis injungimus, atque ita totum hunc § phum ex ambonis publicari volumus et mandamus". См. также, Kruse, Kurland unter den Herzogen, Митава, 1833 г., т. I, стр. 204 и сл.

[2]) Kruse (стр. 265—266) ставитъ относительно „companisten" вопросъ: „wer waren diese?" Не ясно, имѣется ли въ виду „общество" евреевъ, или компаньоны, на которыхъ было возложено поручительство.

слѣдуетъ почитать „терпимыми“ еще въ теченіе года; въ противномъ случаѣ, если компанисты не примутъ на себя уплаты четырехсотъ рейхсталеровъ, земскій офицеръ доноситъ объ этомъ по начальству, и тогда съ церковной кафедры будетъ оглашено повелѣніе земскихъ чиновъ, чтобы никто изъ помѣщиковъ (Possessor) въ своихъ вотчинахъ евреевъ не держалъ, не защищалъ, ни же дозволялъ имъ жительство подъ страхомъ штрафа въ 50 рейхсталеровъ съ того, у кого они будутъ застигнуты. Для полученія же остальныхъ денегъ (очевидно 200 тал.) земскому офицеру при взысканіи долженъ быть данъ еврей, который установитъ раскладку и укажетъ уклоняющихся отъ уплаты, дабы они были принуждены къ тому земскимъ офицеромъ. Синагогу же, которую евреи, къ неудовольствію христіанскаго общества, построили на землѣ маннрихтера Шредера, нынѣ принадлежащей полковнику Гану, владѣлецъ земли обязанъ сломать не позже, чѣмъ черезъ четыре недѣли, или же долженъ быть готовымъ къ тому, что начальство своей властью велитъ сломать ее вооруженной рукой“ [1]).

Приведенный указъ, какъ мы видимъ, направленъ лишь противъ евреевъ, жившихъ по селеніямъ, а не противъ осѣвшихъ въ городахъ; угроза штрафа, долженствующая способствовать взысканію подати съ евреевъ, обращена къ помѣщикамъ, а не къ городамъ. Это можно, объяснить тѣмъ, что евреи, поселившіеся въ городахъ, находились подъ лучшимъ контролемъ, чѣмъ разбросанные по имѣніямъ, и что съ немногихъ городскихъ евреевъ было легче взыскать деньги, чѣмъ съ деревенскихъ. Однако, возникаетъ также вопросъ, не принадлежитъ ли мысль о поручителяхъ, о евреѣ-раскладчикѣ или таксаторѣ, виднымъ городскимъ евреямъ? Несомнѣнно, что городскимъ евреямъ, жившимъ, такъ сказать, на виду у всѣхъ, сильно вредило то, что ихъ собратья, скрытые въ имѣніяхъ, уклонялись отъ уплаты налога; для спокойнаго существованія городскихъ евреевъ необходимо было, чтобы сельскіе аккуратно уплачивали налогъ.

Но строгія мѣры не привели къ цѣли: угроза высылки не подѣйствовала на евреевъ, угроза штрафовъ не образумила помѣщиковъ. Въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ евреи не вносили ежегодной суммы въ четыреста рейхсталеровъ. И тѣмъ не менѣе они не только не были выселены, но за ними было даже упрочено существованіе въ странѣ. Какъ это ни странно, евреевъ спасъ ихъ долгъ казнѣ. „Земство оныхъ (денегъ) взыскать

[1]) Постановленіе ландтага 14 іюля 1719 г., § 21. См. архивъ министерства земледѣлія; Ziegenhorn, прилож. № 272; Joffe, № 197 (вкралась опечатка: вмѣсто § 21 указанъ § 2); Rummel, стр. 473.

съ нихъ не хотѣло—гласитъ одинъ документъ,—и пребываніе ихъ чрезъ то и продолжалось" [1]). Очевидно, помѣщики попрежнему ограждали своихъ евреевъ отъ поборовъ, и администрація не могла взыскать денегъ, опасаясь столкновенія съ помѣщиками.

Противозаконное проживаніе евреевъ становилось затяжнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при создавшемся положеніи казна какъ бы утрачивала надежду на полученіе съ нихъ денегъ. И вотъ, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, ландтагъ рѣшилъ отказаться отъ угрозы изгнанія, предоставивъ евреямъ безсрочное пребываніе въ краѣ. „Такъ какъ евреи,—гласило постановленіе ландтага 1724 г.,—частью проживающіе въ странѣ, частью же производящіе здѣсь торговлю, обѣщали уплатить къ ближайшему Іоаннову дню причитающіеся съ нихъ двѣ тысячи рейхсталеровъ, то имъ разрѣшается оставаться впредь въ странѣ [2]). Таксаторы, назначенные рыцарствомъ и земствомъ (Ritter und Landschaft), должны были оцѣнивать имущество согласно установленнымъ правиламъ. Если же какой либо еврей—угрожалъ ландтагъ—осмѣлится уклониться отъ таксаціи или прибѣгнетъ къ обману, дворянинъ, который уличитъ его, можетъ подвергнуть его наказанію по своему усмотрѣнію, и никто не смѣетъ защищать проживающихъ у него евреевъ, подъ страхомъ штрафа въ сто рейхсталеровъ [3]).

Таксаторы мало помогли дѣлу. 10 марта 1724 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы въ теченіе десяти недѣль евреи явились (въ Митаву?), дабы была произведена раскладка. Однако лишь немногіе откликнулись. Mannrichter Landesgevollmächtiger Корфъ предложилъ герцогу приказать, чтобы земскіе офицеры принудили евреевъ явиться къ раскладкѣ, а тѣ, которые не будутъ имѣть квитанціи объ уплатѣ налога, задерживались, съ конфискаціей товара въ пользу казны [4]). Но помѣщики оказывали защиту своимъ евреямъ, и на ландтагѣ 1725 г. говорилось о томъ,

---

[1]) Документъ изъ архива министерства земледѣлія.

[2]) Постановленіе 5 января, § 27. См. Ziegenhorn, приложен. № 276; Rummel, стр. 481; Joffe, № 225 (ошибочно указанъ долгъ въ суммѣ 200 рейхсталеровъ вмѣсто 2000 рейхстал.).

[3]) Эта часть постановленія приведена только у Rummel'а. Свою долю по раскладкѣ должны были заплатить также евреи, жившіе въ Туккумѣ, которые дали задатокъ въ 425 альбертовъ, съ тѣмъ однако, чтобы эта сумма была имъ зачтена.

[4]) Письмо Корфа 16 іюня 1724 г. Архивъ Курляндскаго герцогства, названное дѣло.

что деньги съ евреевъ поступаютъ очень туго [1]). Заботу о взысканіи сбора пришлось возложить всецѣло на таксаторовъ. Но послѣдніе не сумѣли выполнить свои обязанности. Герцогу было доложено, что таксаторъ Майнцъ (Bendix Mayntz), не смотря на принесенную присягу, удержалъ деньги, взысканныя со многихъ евреевъ; поэтому его слѣдуетъ арестовать и привлечь къ отвѣтственности [2]).

А въ это время таксаторъ Майнцъ и его товарищъ Авраамъ Іоель (Abraham Joel) жаловались герцогу [3]) на трудность своихъ обязанностей. Таксація, писали они, доставляетъ много непріятностей, портитъ кредитъ, вредитъ имени. Согласно правиламъ, рыцарство и земство должны оказывать содѣйствіе таксаторамъ, но дурные люди лживыми выдумками могутъ убить саму правду, а потому таксаторы просятъ герцога милостиво освободить ихъ отъ этихъ обязанностей. Дѣйствительно, было установлено, что Landesgevollmächtiger обязанъ оказывать Майнцу и Аврааму помощь и защиту, а всякій еврей, который пытался бы противиться узаконенію о сборѣ налога, или угрожалъ бы таксаторамъ, ложно доносилъ бы на нихъ, подлежитъ тѣлесному наказанію, изгнанію изъ страны, а его имущество конфискуется въ пользу казны [4]).

Когда таксаторамъ стало извѣстно о возведенномъ на нихъ обвиненіи въ присвоеніи денегъ, они поспѣшили оправдать себя въ глазахъ герцога. Изъ ихъ письма мы видимъ, съ какими затрудненіями было связано взысканіе налога съ евреевъ. Власти требовали, чтобы таксаторы облагали сборомъ также пріѣзжихъ евреевъ; таксаторы согласились взять на себя эту заботу, хотя она дурно вознаграждалась; многіе пріѣзжіе скрывались, не уплативъ сбора, и таксаторы возлагали отвѣтственность за нихъ на другихъ пріѣзжихъ; пріѣзжій, который долженъ былъ быть поручителемъ за своихъ десять товарищей, вносилъ извѣстную сумму таксаторамъ и раввину, каковая служила залогомъ впредь до того, пока поручитель не захватитъ тѣхъ, за кого онъ отвѣтствуетъ, и не представитъ ихъ къ таксаціи.

Эти залоги вызывали, какъ видно, недовольство среди пріѣзжихъ евреевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, давали таксаторамъ поводъ къ злоупотребленіямъ. На таксаторовъ посыпались

---

[1]) Landtags Abschied 5 іюля 1726 г., § 15. См. Bummel. стр. 494—495.

[2]) Письмо Корфа 8 марта 1725 г. Тамъ же.

[3]) Письмо 6 марта 1725 г. тамъ-же.

[4]) Тамъ же. Приложеніе къ письму Майнца и Авраама.

жалобы, которыя и привели къ обвиненію Майнца и Авраама въ утайкѣ денегъ. Но обвиненные съ горечью отрицали свою виновность и требовали, чтобы жалобщиковъ задерживали, пока не будутъ разсмотрѣны ихъ необоснованныя домогательства.

Майнцъ и Авраамъ сумѣли себя обѣлить, они остались таксаторами, но имъ не удалось удовлетворить правительство. На ландтагѣ 1726 г. зашла рѣчь, не изгнать ли евреевъ въ виду того, что отъ нихъ нѣтъ дохода, но рѣшеніе вопроса, вмѣстѣ съ другими дѣлами, было отложено до слѣдующаго ландтага [1]).

Но и ближайшій ландтагъ не принялъ рѣшенія [2]), а поручилъ Корфу удостовѣриться въ честности таксаторовъ, а также въ томъ, приняли-ли они мѣры ко взысканію денегъ. Въ письмѣ на имя герцога таксаторы увѣряли, что за ихъ счетъ разъѣзжали по странѣ двое уполномоченныхъ, чтобы созвать всѣхъ евреевъ въ Митаву для таксаціи, но мало кто отозвался. Поэтому таксаторы просятъ издать постановленіе, согласно которому, подъ угрозой тѣлеснаго наказанія, всѣ евреи должны въ шестинедѣльный срокъ прибыть въ Митаву, чтобы представить маннрихтеру Корфу всѣ свои росписки въ уплатѣ налога съ 1724 г., и тогда будетъ обнаружена невиновность таксаторовъ.

Приложивъ составленную ими поименную раскладку, таксаторы просили герцога, чтобы она была вручена земскимъ офицерамъ для взысканія. Это былъ, какъ видно, списокъ евреевъ, постоянно жившихъ въ Курляндіи. Такъ какъ они не явились къ производству раскладки, то таксаторы составили ее вмѣстѣ съ раввиномъ.

Изъ этого списка видно, что евреи были разбросаны по всей странѣ; среди нихъ встрѣчаются ремесленники, корчмари, богатые торговцы. Давидъ изъ Туккума долженъ былъ внести одну седьмую часть всей суммы, причитавшейся съ евреевъ.

Таксаторы искали у правительства помощи для взысканія налога, но безуспѣшно. Администрація не хотѣла или не могла принять репрессіи по отношенію къ евреямъ, пользовавшимся покровительствомъ. Однако, у правительства все еще тлѣла надежда на полученіе денегъ съ евреевъ; долгъ, оставшійся за евреями, все еще служилъ въ ихъ рукахъ орудіемъ самозащиты.

Это положеніе вещей отражается и въ опредѣленіи ландтага 1727 г. Объявивъ, что согласно прежнимъ постановленіямъ евреи

[1]) Постановленіе 5 іюля, § 15. См. Rummel, стр. 495.

[2]) Постановленіе 4 марта, § 14. См. Rummel, стр. 500.

должны покинуть страну, и назначивъ для этого предѣльный срокъ—къ ближайшему Іоаннову дню, ландтагъ все же потребовалъ, чтобы евреи передъ уходомъ изъ страны заплатили долгъ, наросшій за цѣлый рядъ лѣтъ. Для этого были даже предуказаны особыя мѣры. Каждый депутатъ ландтага, вернувшись домой, долженъ былъ вызвать къ себѣ всѣхъ евреевъ своего кирхшпиля и, отобравъ у нихъ квитанціи и раскладочныя записки за всѣ годы, переслать таковыя счетчикамъ въ Митаву. Послѣ этого, съ тѣхъ евреевъ, которые, какъ окажется, ничего не внесли въ казну или не всю сумму, земскіе офицеры должны были взыскать долгъ въ двойномъ размѣрѣ, причемъ земскіе офицеры могли взыскать въ свою пользу за безпокойство съ каждаго такого еврея извѣстную сумму; помѣщики же, подъ страхомъ штрафа, не смѣли оказывать покровительство евреямъ [1]).

Дѣло приняло серьезный характеръ: евреевъ стали удалять изъ края. Но судьбу евреевъ все же въ концѣ концовъ рѣшило золото. Правительство нуждалось въ средствахъ, и именно въ виду этого, какъ гласитъ заключеніе ландтага 1729 г. [2]), дабы получить съ евреевъ обычный взносъ въ четыреста рейхсталеровъ, имъ было разрѣшено остаться въ краѣ до Іоаннова дня 1730 г. Конечно, при этомъ послѣдовало предупрежденіе, что послѣ указаннаго срока евреи не могутъ находиться въ странѣ: штрафъ угрожалъ тому, кто окажетъ гостепріимство евреямъ, а послѣднихъ ожидала конфискація имущества.

Іоанновъ день наступилъ. Онъ вырвалъ жертвы изъ среды еврейскаго населенія, но не тронулись съ мѣстъ тѣ, которые сумѣли поладить съ низшей исполнительной властью или же найти надежныхъ покровителей.

Ландтагу 6 сентября 1730 г. пришлось вновь напомнить о многократно повторявшихся постановленіяхъ, причемъ было даже объявлено объ обѣщаніи правительства наблюсти за тѣмъ, чтобы таковыя были приведены въ дѣйствіе. Но оказалось, что постепенно, въ силу экономическихъ взаимоотношеній между евреями и христіанскимъ обществомъ, вопросъ о евреяхъ осложнился, и ландтагъ увидѣлъ себя вынужденнымъ считаться съ этимъ обстоятельствомъ.

---

[1]) Постановленіе 17 декабря 1727 г., § 7. См. Rummel, стр. 505. Въ другихъ источникахъ напечатана лишь первая часть постановленія ландтага, см. Recke, стр. 61; Ziegenhorn, прилож. № 292; Kruse, стр. 266—267; Joffe, № 245.

[2]) Постановленіе 3 сентября, § 8. См. Rummel, стр. 513.

Оказалось, что изъ общей массы евреевъ выдѣлилась довольно многочисленная группа, пользовавшаяся благосклонностью не только со стороны правительства, но и со стороны городского общества.

Вотъ почему ландтагъ 1730 г. [1]), подтвердивъ требованіе объ удаленіи евреевъ, допустилъ двоякое исключеніе. Чужеземнымъ евреямъ было предоставлено право посѣщать страну въ торговыхъ цѣляхъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не осмѣлились устроиться здѣсь осѣдлой жизнью; при этомъ имъ была гарантирована полная безопасность. Кромѣ того,—что особенно важно—право постояннаго проживанія было дано евреямъ, занимающимся винокуреніемъ у дворянъ во дворахъ и въ бюргерскихъ домахъ, а также ремесленникамъ, которые не причиняютъ ущерба христіанамъ.

Такимъ образомъ, торговому элементу было разрѣшено лишь временное пребываніе въ краѣ, а ремесленникамъ—тѣмъ, очевидно, которые занимались отраслью, не составлявшей конкурренціи для мѣстныхъ христіанскихъ ремесленниковъ,—и винокурамъ было предоставлено постоянно проживать въ странѣ.

Офиціальное признаніе за извѣстными группами евреевъ права на осѣдлость побудило видныхъ митавскихъ евреевъ создать то учрежденіе, которое обычно служило первымъ камнемъ общинной жизни: въ 1730 г. возникло въ Митавѣ погребальное братство (хевра кадиша) [2]); тогда же стали вести пинкосъ, т. е. общинную лѣтопись. Въ 1730—1732 г. общинное представительство составляютъ четверо лицъ: два габая, одинъ нееманъ и ревизоръ. Позже появляется также должность старшины, но она вскорѣ замѣняется должностью писаря. Въ 1742 г. представительство увеличилось тремя новыми лицами, такъ называемыми депутатами (Baale Takonot); въ слѣдующемъ году возрождается должность старшины. Къ этой девятичленной коллегіи присоединяются въ 1745 г. второй нееманъ и третій габай. Увеличеніе числа членовъ общиннаго представительства было несомнѣнно вызвано ростомъ еврейскаго населенія въ Митавѣ и окрестностяхъ [3]).

---

[1]) Постановленіе 6 сентября, § 32. См. Ziegenhorn, прилож. № 294; Kruse, стр. 267; Rummel, стр. 525; Joffe, № 297; Recke, стр. 61.

[2]) Wunderbar, стр. 22. Въ 1735 г. въ Митавѣ умеръ раввинъ или законоучитель Давидъ Леви, родомъ изъ Касселя. Тамъ же, стр. 71.

[3]) Joffe, Ueber einige jüdische Chroniken oder Pinkossim aus den Ostseeprovinzen (Sitzungsberichten der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde in den Ostseeprovinzen, 1904).

Предоставленіе евреямъ права осѣдлости безъ специальной выгоды для казны показалось вскорѣ чрезмѣрной льготой, а потому было объяснено, что новымъ закономъ, поставившимъ нѣкоторыя группы евреевъ въ привилегированное положеніе, имѣлось въ виду не только пресѣчь прежнія злоупотребленія, но и извлечь изъ евреевъ матеріальную выгоду, т. е. ежегодные четыреста рейхсталеровъ должны по прежнему быть взимаемы съ осѣдлыхъ евреевъ [1]).

За терпимость приходилось платить.

Разъ нѣкоторыя группы могли теперь въ силу закона проживать на дворахъ помѣщиковъ и въ городахъ, борьба съ тѣми еврейскими элементами, противъ которыхъ издавна выступало городское христіанское общество, стала практически еще болѣе затруднительной. И мы видимъ, что и въ дальнѣйшемъ борьба изъ за евреевъ ведется въ прежнемъ направленіи. Евреи не уплачиваютъ подати, находя защиту у помѣщиковъ, и ландтаги вынуждены безплодно подтверждать старыя постановленія объ изгнаніи евреевъ изъ страны.

Юлій Гессенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Kruse, стр. 267.

Эпизоды изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ и антиеврейской литературы въ Польшѣ (XVI—XVIII в.).

I.

Сохачевскій процессъ (1556—57 г.).

Однимъ изъ раннихъ ритуальныхъ процессовъ въ Польшѣ было Сохачевское дѣло 1556 года, жертвами котораго сдѣлались четверо невинныхъ евреевъ. Подробныя свѣдѣнія по этому вопросу даетъ „Historia reformationis polonicae“ Станислава Любенецкаго (Фрейштадтъ, 1685). Этотъ трудъ использованъ Валеріаномъ Красиньскимъ въ его „Geschichte der Reformation in Polen“ (Лейпцигъ, 1841). Данными Красиньскаго воспользовался Штернбергъ въ своей „Geschichte der Juden in Polen unter den Piasten und Jagellonen“ (стр. 138), гдѣ онъ ссылается на Любенецкаго, не будучи совершенно знакомъ съ его трудомъ. У Штернберга заимствуетъ свои свѣдѣнія о процессѣ Грецъ (Geschichte, т. IX, стр. 44) *).

Совершенно неиспользованными остались литературныя произведенія XVII в., какъ напр. сочиненія патера Моецкаго и его послѣдователей. Изслѣдователи прошли мимо такихъ документовъ первостепенной важности, какъ архивные матеріалы, хранящіеся въ Познани, а въ копіяхъ—и въ другихъ архивахъ. Послѣ процесса, семейства сожженныхъ принесли жалобу на судей и обвинителей; это побудило короля издать въ январѣ 1557 г., во время засѣданій сейма въ Варшавѣ, декретъ, въ которомъ онъ, оправдывая судей, даетъ въ то же время рядъ указаній относительно веденія подобныхъ процессовъ въ будущемъ. Декретъ содержитъ въ себѣ жалобу евреевъ, объясненія, данныя по этому поводу судьями, и наконецъ мнѣніе короля и его совѣтниковъ. Этотъ документъ даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію всего процесса (Königl. Staatsarchiv in Posen, Schlossakta von Gnesen—castrensia Gnesnensia—annus 1557, Fol. 59a—61a;

---

*) При сравненіи ссылокъ Штернберга и Греца выясняется, что послѣдній пользовался и нѣкоторыми первоисточниками—Любенецкимъ, кенигсбергскимъ памфлетомъ и т. п.—*Ред.*

то же въ областномъ архивѣ въ Краковѣ—castrensia cracoviensia, annus 1557, стр. 183 и сл.). Заключенiе этого декрета приводитъ въ своей „Geschichte d. Juden in Posen“ (стр. 147) Перлесъ, заимствовавшій его изъ познанскаго городского архива. На основанiи этихъ источниковъ мы даемъ здѣсь обзоръ всего процесса.

Судя по всѣмъ даннымъ, инициаторомъ процесса былъ папскій нунцій Алоизій Липпомани. Это было во время Тридентскаго собора, когда въ Польшѣ протестанты прiобрѣли большую силу. Папскій посолъ явился въ Польшу и потребовалъ отъ короля выдачи вождей „диссидентовъ“, какъ называли здѣсь протестантовъ. Король Сигизмундъ Августъ, гуманистъ и человѣкъ просвѣщенный, былъ далекъ отъ мысли учредить въ странѣ инквизицію; на сеймѣ нунцій тоже не имѣлъ успѣха. Тогда католическая партія устроила въ Ловичѣ съѣздъ, на которомъ обсуждались способы укрѣпленія католицизма въ странѣ. На съѣздѣ рѣчь шла и о религіозныхъ догматахъ; какъ полагаетъ протестантскій историкъ (Любенецкій), здѣсь много говорилось между прочимъ о спорномъ таинствѣ евхаристiи — претворенія крови и тѣла Христа въ просфорѣ или гостіи. Вдругъ обнаружился фактъ кражи гостіи. Какъ утверждаютъ протестанты, епископъ холмскій Пшерембскій подкупилъ сохачевскаго старосту Борека, и тотъ инсценировалъ оскверненіе гостіи. Такъ полагаетъ Любенецкій. Если мы даже усомнимся въ справедливости этого предположенія, для насъ остается несомнѣннымъ, что участники съѣзда въ Ловичѣ и холмскій епископъ сыграли крайне печальную роль въ исторіи тогдашняго еврейства. Вотъ-что сообщаютъ по этому поводу евреи въ своей жалобѣ:

У еврея Беняша изъ Сохачева служила христіанка, Доротея Лазецкая, которую заподозрили въ томъ, что она во время причастія украла просфору въ сосѣдней деревнѣ Козлово. Кто обвинилъ ее въ этомъ преступленіи, намъ неизвѣстно; извѣстно лишь, что и дѣвушка, и ея хозяинъ, который въ королевскомъ декретѣ именуется то школьникомъ, т. е. синагогальнымъ служкой, то общиннымъ чиновникомъ или синдикомъ, были задержаны и подвергнуты жестокой пыткѣ. Та же участь постигла еще троихъ евреевъ изъ Сохачева, которые были обвинены въ соучастіи въ похищеніи гостіи. Это были еврей Трейтель и двое его сыновей — Яковъ-Соха и Іосифъ. „Вопреки закону о ритуальныхъ процессахъ, и вообще вопреки всякому закону“, четыре еврея, „въ отсутствіи законнаго истца и обвинителя, безъ разслѣдованія и судебнаго приговора, подвергнуты были жестокой пыткѣ, причемъ ихъ долго мучили, надѣясь вынудить у нихъ сознаніе“. Слова эти заимствованы изъ королевскаго декрета и даютъ правильное представленіе о ходѣ процесса. Въ другомъ мѣстѣ того же документа мы читаемъ слѣдую-

щее: „Вслѣдствіе вынужденнаго пыткой показанія нѣкоей женщины, по имени Доротея Лазецкая, будто она украла во время причастія въ церкви села Козлова святые дары и продала ихъ школьному служкѣ, еврею Беняшу, за три талера и платье изъ штофной матеріи, вышитое золотымъ галуномъ, и что она по уговору и приказанію этого Беняша совершила эту кражу, школьный Беняшъ, Іосифъ, Яковъ-Соха, а также Трейтель, безъ приговора и защиты были прямо преданы пыткѣ, и у нихъ удалось вынудить сознаніе, которое скорѣе было слѣдствіемъ жестокости пытокъ, чѣмъ правдивымъ свидѣтельствомъ (extortaque ab eis confessione quam tormentorum magis atrocitate impulsi... facere sunt).

Дѣйствительно, вскорѣ оказалось, что Лазецкая, враждебно настроенная противъ своего хозяина, дала свои показанія съ цѣлью мстить ему и остальнымъ евреямъ (слова королевскаго декрета: Quia vero postea apparuit, Dorotheam Lazecka ex odio in Judaeum Bieniasz concepto idipsum adversus eundem aliosque assererasse). Тѣмъ не менѣе холмскій епископъ Пшерембскій потребовалъ отъ короля осужденія всѣхъ обвиненныхъ. Когда онъ заговорилъ о крови, выцѣженной евреями изъ гостіи, королевскій чашникъ, протестантъ Мышковскій, громко разсмѣялся. Между обоими сановниками произошло рѣзкое объясненіе, причемъ лишь королю удалось примирить противниковъ. Король заявилъ, что онъ не вѣритъ подобнымъ бреднямъ, и послалъ на имя сохачевскаго старосты приказъ немедленно освободить евреевъ. Но холмскій епископъ, бывшій въ то же время подканцлеромъ, произвольно измѣнилъ распоряженіе короля и отдалъ предписаніе немедленно предать евреевъ сожженію. Многіе историки считаютъ невѣрнымъ разсказъ протестанта Любенецкаго, который впервые заклеймилъ этотъ поступокъ; но прямымъ подтвержденіемъ свидѣтельства Любенецкаго являются слова королевскаго декрета, въ которомъ говорится слѣдующее: „По легкомыслію осудили евреевъ, не выслушавъ ихъ, причемъ... literis autem mandati nostri actores ad erronesam informationem a nobis impetrasse, quibus neque id continebatur...“ Такимъ образомъ самъ король подтверждаетъ, что представлено было отъ его имени письмо, въ которомъ написано было не то, что онъ велѣлъ написать. Приговоръ, указанный въ этомъ подложномъ королевскомъ письмѣ, былъ приведенъ въ исполненіе съ необычайной быстротой. Доротея Лазецкая была сожжена въ Сохачевѣ 23 апрѣля 1556 г., а синагогальный служка Беняшъ—25 мая. При исполненіи обоихъ приговоровъ присутствовалъ по долгу службы мѣстный староста Станиславъ Борекъ. Другіе два еврея (третьему удалось бѣжать) были привезены въ Плоцкъ и здѣсь сожжены, въ присутствіи равскаго воеводы и плоцкаго старосты Андрея Серпскаго, 1 іюня 1556 г. Передъ смертью оба они

заявили слѣдующее: „Мы никогда не прокалывали гостіи, потому что не вѣримъ, что въ гостіи—тѣло Бога (nos enim nequaquam credimus, hostiae inesse Dei corpus), ибо знаемъ, что у Бога нѣтъ тѣла и крови. Мы вѣримъ, какъ и наши предки, что Мессія—не Богъ, а лишь его посланникъ. Мы знаемъ также по опыту, что въ мукѣ не можетъ быть крови. Мы продолжаемъ утверждать до послѣдняго часа, что намъ не нужна кровь". Какъ разсказываетъ Любенецкій, Липпомани и епископы такъ возмущены были этимъ заявленіемъ евреевъ, что приказали палачу заткнуть „преступникамъ" рты горящими факелами.

Король узналъ какимъ то образомъ о поступкѣ епископа, но не зналъ, что приговоръ приведенъ въ исполненіе уже надъ всѣми. 8 іюня онъ издалъ въ Мышигалѣ, въ Литвѣ, декретъ на имя сохачевскаго старосты Станислава Борека, въ которомъ требуетъ немедленнаго освобожденія троихъ евреевъ, находящихся въ заключеніи, и приказываетъ королевскимъ коммиссарамъ разслѣдовать дѣло. Но какъ мы уже знаемъ, распоряженіе это сдѣлано было слишкомъ поздно: обвиняемые были уже казнены.

О томъ, кто былъ настоящимъ виновникомъ ускоренія казни, мы узнаемъ изъ собственноручнаго письма папскаго нунція къ князю ди Паліано въ Римѣ; въ письмѣ этомъ, написанномъ въ Ловичѣ 22 сентября 1556 г., между прочимъ говорится: „Я получилъ папскую буллу, направленную противъ евреевъ; дай Богъ, чтобы и въ этой странѣ она могла войти въ силу; впрочемъ, я не вижу возможности этого, потому что евреи имѣютъ здѣсь многихъ защитниковъ; всѣ воеводы явно стоятъ на ихъ сторонѣ и бранятъ меня за то, что я требовалъ кары для тѣхъ троихъ евреевъ, которыхъ наконецъ сожгли въ Плоцкѣ; а если бы дѣло затянулось еще на одинъ день, они навѣрное были бы освобождены, потому что евреи здѣсь все могутъ сдѣлать при помощи денегъ".

Король былъ страшно возмущенъ, когда узналъ обо всемъ этомъ; онъ съ негодованіемъ отвернулся отъ Липпомани и заявилъ, по словамъ Любенецкаго, что „презираетъ этотъ поступокъ и не хочетъ, чтобъ его (короля) считали тупоумцемъ, вѣрящимъ, будто въ гостіи есть кровь" (se facinus illud immane detestari et nequaqua adeo mente captum esse ut hostiae illi sanguinem inesse credat).

Дворянство тоже возмущено было поведеніемъ Липпомани и другихъ высшихъ духовныхъ особъ. Въ январѣ 1557 г. король издалъ декретъ, предписывающій, какъ слѣдуетъ поступать при подобныхъ процессахъ. Если кто нибудь обвинитъ евреевъ въ похищеніи дѣтей съ ритуальными цѣлями или въ оскверненіи гостіи, то дѣло должно разбираться на сеймѣ, въ присутствіи короля и высшихъ государственныхъ сановниковъ; обвиняемые могутъ быть

освобождены подъ поручительство членовъ своей или сосѣдней общины, а если у нихъ нѣтъ поручителей, они должны содержаться въ тюрьмѣ, но не въ цѣпяхъ. Въ заключеніи своего декрета король отмѣняетъ всѣ прежнія постановленія о ритуальныхъ процессахъ, противорѣчащія данному, и предписываетъ своимъ чиновникамъ строго соблюдать декретъ.

Продиктованный гуманными соображеніями, декретъ Сигизмунда Августа не принесъ, однако, желанныхъ плодовъ. Вскорѣ въ Литвѣ повторились такія же обвиненія противъ тамошнихъ евреевъ, и въ 1566 г. король принужденъ былъ дважды повторить свой декретъ въ еще болѣе категорической формѣ, чѣмъ раньше. Тексты этихъ двухъ декретовъ, написанныхъ на западно-русскомъ языкѣ, приведены у Бершадскаго, въ „Русско-еврейскомъ Архивѣ" томъ II, №№ 240 и 244.

II.

Антиеврейская литература на рубежѣ XVI и XVII в.

Первымъ польскимъ историкомъ, внесшимъ въ литературу басню о ритуальныхъ убійствахъ, былъ Іоаннъ Лонгинусъ (Длугошъ), извѣстный авторъ „Historia Poloniae". Дѣятельность Длугоша относится ко второй половинѣ XV столѣтія. Спустя долгое время, въ 1543 г. появилось произведеніе Leopoliensis'а (Львовчика): „De sanctis interfectis a Judaeis" (о Симонѣ Тріентскомъ). Затѣмъ въ 1579 г. іезуитъ и знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга написалъ на польскомъ языкѣ книгу „Żywoty świętych" (Житія святыхъ) предназначенную для благочестивыхъ женщинъ, въ которой также приводитъ разсказъ о Симонѣ изъ Тріента. По этому поводу авторъ разсказываетъ ритуальную басню объ убійствѣ, совершенномъ якобы въ Пунѣ, въ Литвѣ, въ 1574 г., причемъ злобно нападаетъ на евреевъ. Какъ сообщаетъ одинъ современникъ (Губицкій), Скарга принималъ участіе въ ритуальномъ процессѣ въ Пултускѣ въ качествѣ королевскаго коммиссара. Дѣло обстояло такъ. На церковнаго сторожа въ Пултускѣ, Кшичковскаго, пало подозрѣніе, что онъ укралъ изъ церкви гостію и при посредствѣ другого христіанина продалъ ее еврею Елонеку (Гиршу). Скарга выступилъ на процессѣ въ качествѣ королевскаго коммиссара, и всѣ трое обвиняемыхъ подъ пыткой сознались въ преступленіи и приговорены были къ казни черезъ сожженіе.

Къ концу XVI столѣтія стали учащаться ритуальные процессы, оканчивавшіеся казнью. Кромѣ указаннаго выше процесса, писатели той эпохи упоминаютъ еще рядъ процессовъ—въ Шидловѣ въ 1590 г., въ Гостынинѣ—въ 1595 г., снова въ Шидловѣ—въ 1597 г., и наконецъ послѣдній про-

цессъ XVI в.—въ Свиняровѣ, въ 1598 г. Кровавый эпилогъ Свиняровскаго процесса разыгрался въ коронномъ трибуналѣ въ Люблинѣ; здѣсь приговоръ былъ отпечатанъ и хранится понынѣ.

Начиная съ этого времени, приговоры по ритуальнымъ дѣламъ оглашаются въ печати; они составили особую литературу, кровавую главу еврейской исторіи. Жаль, что Грецъ не имѣлъ подъ рукою этихъ рѣдкихъ документовъ *).

У насъ имѣются, между прочимъ, два такихъ документа, оба по латыни: 1) Actum Lublini in judiciis ordinariis generalibus Tribunalis Regni, sabbato ante festum stae Margarithae Virginis proximo, a. D. 1598. 2) Actum Lublini in judiciis ordinariis Generalibus tribunalis Regni, feria quinta ante festum S. Laurentii Martyris proxima, a. MDCXXXVI. На послѣдней страницѣ изображенъ памятникъ съ надписью: Cracoviae 1636. Мы познакомимся въ дальнѣйшемъ съ содержаніемъ этихъ приговоровъ; здѣсь я хотѣлъ бы только отмѣтить, что въ XVIII в. текстъ приговора въ такихъ случаяхъ писался по польски, причемъ къ нему прибавлялось подробное описаніе казни. Иногда въ текстѣ приговора помѣщалось также изображеніе убитаго и изувѣченнаго ребенка, какъ это дѣлалось въ Германіи (въ 1609 г. вышла съ такими иллюстраціями исторія Третера).

Эрою литературы по этому предмету слѣдуетъ считать 1598 годъ, т. е. годъ опубликованія приговора люблинскаго суда по Свиняровскому дѣлу. Въ этомъ году вышла книга патера Пшецлава Моецкаго: „Żydowskie okrucieństwa, mordy i zabobony" (Еврейскія жестокости, убійства и суевѣрія; 2-е изданіе вышло въ 1636 г., въ связи съ люблинскимъ процессомъ того года). Книга посвящена „подсудку" Русскаго воеводства, „горячему католику" Марціану Моравцу, и уже предисловіе, подъ которымъ имѣется также подпись люблинскаго типографа Андрея Лося, даетъ намъ представленіе объ авторѣ книги. „Я хочу показать міру злую гіену, которая съ предательской жестокостью подражаетъ человѣческому голосу; я привожу сюда въ цѣпяхъ жаднаго и, несмотря на множество пролитой крови, ненасытнаго крокодила; я хочу описать отвратительныя жестокости смрадной Каиновой орды, иначе говоря—повторить то, что давно уже было сказано, дабы придти на помощь обманутому христіанскому міру..." Въ первыхъ трехъ главахъ авторъ изощряется въ злобныхъ и нелѣпыхъ выдумкахъ насчетъ происхожденія польскихъ евреевъ и разсказываетъ между прочимъ слѣдующее: польскіе евреи не происходятъ отъ палестинскихъ предковъ, а являются незакон-

*) Процессы 1598—1639 гг. изслѣдованы частью Бершадскимъ („Старинное средство", Восходъ 1894 г.), частью Дубновымъ („Историческія сообщенія", Восходъ 1895 г., кн. 1—2).

ными дѣтьми еврейскихъ рабынь и нѣмецкихъ солдатъ. поэтому они и говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ §§ 4 и 5 авторъ, ссылаясь то на дѣйствительные, то на вымышленные источники, разсказываетъ о цѣломъ рядѣ ритуальныхъ преступленій съ такой увѣренностью, какъ если бы самъ былъ ихъ свидѣтелемъ. Патеръ Моецкій начинаетъ съ небывалаго пражскаго дѣла 1053 года, разсказываетъ о 24-хъ случаяхъ ритуальныхъ убійствъ въ Европѣ. Къ польскимъ ритуальнымъ убійствамъ онъ переходитъ въ § 6 и насчитываетъ ихъ десять. Всѣ процессы расположены въ хронологическомъ порядкѣ такимъ образомъ: 1—24) европейскіе ритуальные процессы; 25) случай въ Краковѣ въ 1407 году—по Длугошу; 26) другой случай въ Краковѣ (безъ даты), когда у одной женщины пропалъ ребенокъ; женщина, подкупленная евреями, не сообщила объ этомъ властямъ; 27 — 28) ритуальное убійство въ Ленчицѣ въ 1569 г., кончившееся безъ послѣдствій для евреевъ; 29) исторія въ Пунѣ, разсказанная Скаргой; 30) Зглонбицы—безъ даты; 31) Тарновъ (безъ даты); 32) Шидловъ, 1590 (евреи были освобождены); 33) Гостынинъ, 1595 (здѣсь портретъ ребенка былъ выгравированъ на мѣди и распространялся на сеймѣ въ Варшавѣ, но „несмотря на это очевидное доказательство и на сознаніе проклятой женщины, продавшей евреямъ своего ребенка, — евреямъ удалось, при помощи цѣнныхъ подарковъ, иначе представить все дѣло и избѣгнуть наказанія, за исключеніемъ двоихъ, которые издохли на скамьѣ пытокъ"); 34) дѣло 1597 года въ Шидловѣ (исходъ дѣла автору неизвѣстенъ).

Въ слѣдующей главѣ (§ 7) авторъ изливаетъ всю свою злобу на евреевъ. Онъ знаетъ, что религія запрещаетъ имъ употреблять въ пищу кровь, но увѣренъ, что они не исполняютъ предписаній своей религіи и потому въ особенности заслуживаютъ наказанія. Папскія буллы, воспрещающія обвинять евреевъ въ употребленіи крови, авторъ считаетъ вымысломъ; да если бы такія буллы и существовали, онѣ только свидѣтельствовали бы о чистотѣ еврейской религіи, въ чемъ и самъ Моецкій не сомнѣвается, а не о невиновности евреевъ,

Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ приводитъ рядъ юдофобскихъ цитатъ изъ произведеній отцовъ церкви, а затѣмъ приступаетъ ко второй части книги, гдѣ идетъ рѣчь объ оскверненіи гостій. И здѣсь онъ раньше перечисляетъ европейскіе процессы, а потомъ переходитъ къ Польшѣ. Всего онъ насчитываетъ такихъ случаевъ 14, изъ коихъ 6 имѣли мѣсто въ Польшѣ. Особенно подробно разсказываетъ онъ о вышеупомянутомъ Сохачевскомъ процессѣ, разумѣется, въ подобающемъ освѣщеніи. При этомъ онъ не забываетъ упомянуть, что въ трехъ случаяхъ изъ четырнадцати (№ 11—13) евреямъ удалось избѣгнуть наказанія; это даетъ Моец-

кому поводъ заподозрить судей въ томъ, что они были подкуплены (въ 1562 г. въ Скерневицахъ, въ 1580 въ Осьвенцимѣ и безъ обозначенія даты въ Пилицѣ).

Въ заключеніе авторъ перечисляетъ причины, побуждающія евреевъ употреблять христіанскую кровь. Всѣ евреи вообще чернокнижники и нуждаются для своихъ тайныхъ чаръ въ христіанской крови; съ этой цѣлью они ежегодно убиваютъ по одному христіанскому ребенку. Кромѣ того они вѣрятъ, что можно добиться милости христіанскихъ вельможъ, примѣшивая кровь ко всякимъ пряностямъ, которые приносятся въ даръ христіанамъ. Христіанская кровь служитъ для евреевъ также лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней; ее даютъ умирающему въ моментъ отпущенія грѣховъ и новорожденному ребенку. Интересно отмѣтить, что Моецкому совершенно неизвѣстна пріобрѣвшая впослѣдствіи такую огромную популярность легенда объ употребленіи христіанской крови при изготовленіи мацы. Онъ, впрочемъ, глубоко убѣжденъ вообще въ преступности всѣхъ евреевъ, а въ особенности старшинъ и раввиновъ, и совѣтуетъ въ случаѣ совершенія кѣмъ либо убійства всѣхъ ихъ подвергнуть пыткамъ.

Въ послѣдней главѣ авторъ касается вопроса объ экономической роли евреевъ; онъ перечисляетъ всѣ убытки, причиненные ими странѣ, и совѣтуетъ изгнать ихъ изъ Польши.

Мы такъ долго останавливались на сочиненіи Моецкаго потому, что оно представляетъ собою первый спеціальный трактатъ по этому предмету на польскомъ языкѣ; всѣ позднѣйшіе писатели принимаютъ эту работу за основу и лишь дополняютъ ее свѣдѣніями о новыхъ процессахъ.

При составленіи своей книги Моецкій, повидимому, имѣлъ подъ рукой извѣстныя анти-еврейскія брошюры Пфефферкорна, Виктора Карбена, Станислава Львовчика (см. выше), а также вышедшее въ 1485 въ Нюрнбергѣ произведеніе „Fortalitum fidei". Ему извѣстна была также средневѣковая легенда о рабби Самуилѣ—легендарномъ ренегатѣ, жившемъ около 1000 года въ Марокко и будто бы написавшемъ своему другу рабби Исааку длинное письмо, въ которомъ излагаетъ преимущества христіанской религіи передъ іудейской. Это апокрифическое письмо переведено было въ 1334 г. съ арабскаго языка на латинскій доминиканцемъ Альфонсо Боногомине, а въ 1514 издано въ Венеціи подъ названіемъ „Tractatus Rabbi Samuelis, errorem Judaeorum indicans". Эта книжка, принадлежащая очевидно перу самого Альфонса Боногомине, была вскорѣ переведена на нѣмецкій и польскій языки; оба перевода появились въ 1536 г. Нѣмецкій переводъ напечатанъ былъ въ Виттенбергѣ, подъ названіемъ: „Dass Jesus Nazarenus der wahre Messias sei. Ein Sendbrief von Rabbi Samuelis von Israel, derhalben der Jud auf keinen anderen warten soll" (имѣется въ библіотекѣ еврейской

общины въ Берлинѣ, № 8846). Польскій переводъ, сдѣланный Петромъ изъ Познани (Петръ Познаньчикъ). носитъ названіе: „Samuela żyda list ku Rabi Isakowi". Эта книга выдержала за короткое время три изданія—въ 1536, 1538 и 1539 гг. Интересно отмѣтить, что „Письмо рабби Самуила" выходило въ Польшѣ въ рядѣ изданій также въ теченіе XVIII вѣка и переиздавалось послѣ каждаго ритуальнаго процесса, хотя оно само по себѣ не содержитъ прямыхъ указаній на ритуальныя дѣла. Моецкій въ разныхъ мѣстахъ указываетъ источники, изъ которыхъ онъ непосредственно черпалъ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ ритуальныхъ процессахъ: Hajek, Annales Bohemicae—относительно Богеміи; Thomas patriarcha Barbariensis, называющійся также Thomas Cantipratanus—относительно процесса въ Пфорцгеймѣ въ 1267 г., Aventius: Liber annuale Bojorum; Stumfsius, Neander: Erotema linguae sanctae, и т. п. Свѣдѣнія о Симонѣ изъ Тріента онъ почерпнулъ у Петра Скарги; о процессѣ въ Тирнау (1494)—у Бонфина Антона: Rerum hungaricarun decades. Многіе изъ этихъ источниковъ сохранились донынѣ, но относительно другихъ указанія автора такъ сбивчивы, что ихъ совершенно немыслимо разыскать. Во всякомъ случаѣ книга Моецкаго является важнымъ документомъ: на нее ссылаются всѣ польскіе писатели, интересовавшіеся ритуальной легендой.

Спустя четыре года послѣ появленія книги Моецкаго, въ 1602 г., вышла другая книга этого типа, принадлежавшая перу Симона-Александра Губицкаго и озаглавленная: „Żydowskie okrucienstwa nad najswiętszym Sakramentem i dziatkami chrzescianskimi, ku temu przydana jest tychże zdrajców zbrodnie w Swiniarowie pod Łosicami popełniona, którą sądzono na tribunale lubelskim r. p. 1598". („Еврейскія жестокости, совершенныя надъ св. дарами и надъ христіанскими младенцами, съ добавленіемъ преступленія этихъ предателей, совершеннаго въ Свиняровѣ подъ Лосицами и разсмотрѣннаго Люблинскимъ короннымъ трибуналомъ въ 1598 г."). Книга эта была напечатана въ Краковѣ, въ типографіи Николая Шарфенберга. Она посвящена пшемысльскому кастеляну Адаму Стадницкому, который былъ предсѣдателемъ люблинскаго суда, осудившаго свиняровскихъ евреевъ. Авторъ книги, исполнявшій обязанности чтеца у краковскаго епископа Георгія Радзивилла, желаетъ Стадницкому, чтобы Богъ благословилъ его такъ же, какъ римскихъ императоровъ Веспасіана, Тита и Адріана, которые разрушили іудейское царство. Эта маленькая книжка поразительно напоминаетъ книгу Моецкаго; здѣсь тоже разсказываются басни о ритуальныхъ процессахъ, которые дѣлятся на европейскіе и польскіе. Но въ виду того, что эта книга появилась четырьмя годами позже Моецкаго, авторъ имѣетъ возможность сообщить читателю о судьбѣ евреевъ, судившихся

въ Пултускѣ въ 1597, и особенно подробно описать процессъ 1598 года. Губицкій, подобно Моецкому, задается вопросомъ о томъ, зачѣмъ нужна евреямъ христіанская кровь, и полагаетъ, что они употребляютъ ее для колдовства и ради того, чтобы добиться отпущенія грѣховъ; при этомъ онъ ссылается на книгу Антонія Маргариты, вышедшую въ Лейпцигѣ въ 1531 г. Какъ сообщаетъ Штракъ (стр. 172), этотъ Маргарита былъ лекторомъ по еврейскому языку въ Аугсбургѣ, Вѣнѣ и Лейпцигѣ и написалъ трудъ „Der gantze jüdische Glaube" (Аугсбургъ 1530), гдѣ, впрочемъ, нѣтъ ни единаго слова объ употребленіи евреями христіанской крови. Маргарита былъ крещеный еврей; онъ написалъ рядъ книгъ, въ которыхъ выступалъ противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ и велъ полемику съ рабби Іосельманомъ изъ Росгейма (см. Geiger, Zeitschr. f. Gesch. d. Juden in Deutschland, B. II: Die Juden und die deutsche Literatur[1]).

Почти одновременно съ появленіемъ книжки Губицкаго, въ Бохніи (нынѣшняя Галиція) разсматривалось въ судѣ дѣло объ оскверненіи гостіи, давшее поводъ мѣстному писцу при солеварнѣ Яну Ахацію Кмитѣ написать цѣлую поэму въ стихахъ подъ названіемъ „Proces sprawy bochenskiej z żydami o najswiętszy Sacrament od żydów swiętokradcow kupiony i cudownie okazany. Przytym dekret krola jegomosci, jako żydzi bezbożni jawnie przekonani i z Bochnii dlatego wygnani, kronikarzom potrzebny („Процессъ города Бохніи съ евреями по поводу св. даровъ, купленныхъ евреями-богохульниками и чудомъ обнаруженныхъ. При семъ декретъ короля, изъ котораго видно, что безбожные евреи открыто уличены и потому изгнаны изъ Бохніи — (декретъ) полезный для составителей хроникъ". На заглавномъ листѣ книги написано нѣсколько древнееврейскихъ словъ, какъ напр. אמת (Emeth) и „Heitiwa Adonaj la-tobhim", а на задней обложкѣ изображены двѣ скрижали, на которыхъ начертаны непонятныя еврейскія слова. Книга посвящена бургомистру города Бохніи.

Вотъ что разсказываетъ поэтически настроенный писецъ о томъ, какъ публично уличены были бохнійскіе евреи. Одинъ изъ учителей города, нѣкто Матвѣй Дудекъ, по совѣту какого то пришлаго горнорабочаго Матвѣя Мазура, укралъ просфору—гостію изъ бохнійской церкви. Мазуръ взялъ у него гостію, завернулъ ее въ бумагу и отнесъ еврею. Съ этого времени прошло полгода; Дудекъ заболѣлъ и не могъ ничего ѣсть. Тогда къ нему явился Св. Духъ въ

---

[1]) Относительно Стадницкаго, которому Губицкій посвящаетъ свою книгу, любопытно отмѣтить, что онъ сыгралъ большую роль въ процессѣ львовскихъ евреевъ съ іезуитами въ 1603—1606 и причинилъ евреямъ много вреда. (См. мою кн. Zydzi Lwowscy, стр. 90—178 и извлеченіе изъ этой работы въ „Skizzen und Studien zur Geschichte der Juden in Polen": процессъ львовской еврейской общины съ іезуитами, стр. 96—115).

образѣ молодой дѣвушки и побудилъ его сознаться въ преступленіи. На основаніи показаній Дудека, Мазуръ былъ арестованъ и подвергнутъ пыткѣ. Но несмотря на страшныя мученія, онъ ни въ чемъ не сознался и заявилъ, что не имѣлъ съ Дудекомъ никакихъ сношеній. Авторъ поэмы съ наслажденіемъ описываетъ муки несчастнаго: „Онъ не хотѣлъ сознаться; тогда палачъ ввелъ въ его желудокъ твердый орѣхъ, но онъ продолжалъ молчать: вѣдь и у дьявола есть свои мученики. Народъ молился за закоренѣлаго святотатца, а въ это время палачъ брилъ его, чтобы изгнать бѣса изъ его тѣла“. Лишь при третьей пыткѣ несчастный началъ давать кое-какія показанія; послѣ этого онъ испустилъ духъ. Современникъ Губицкій, въ упомянутой своей книжкѣ (fol. 5 в), положительно утверждаетъ, что несмотря на жестокія мученія, Мазуръ ни въ чемъ не сознался и умеръ подъ пыткою. Необходимо замѣтить, что Губицкій былъ чтецомъ у краковскаго епископа и имѣлъ такимъ образомъ возможность близко ознакомиться съ дѣломъ, и что Бохнія находится неподалеку отъ Кракова. Дудекъ, совершившій кражу изъ церкви и производившій, по словамъ Кмиты, впечатлѣніе скорѣе больного человѣка, чѣмъ преступника, былъ сожженъ вмѣстѣ съ трупомъ замученнаго Мазура; евреямъ же было приказано выдать указаннаго Дудекомъ ихъ единовѣрца, Якова, купившаго гостію. Зная, что его ждетъ, несчастный еврей бѣжалъ вмѣстѣ съ двумя своими зятьями—Франчекомъ и Исаакомъ Вронкой. Еврейскіе старшины Бохніи получили рядъ декретовъ съ требованіемъ выдачи Якова, но такъ какъ они не желая отдать въ руки палача своего единовѣрца, не исполнили этого требованія, то Сигизмундъ III предписалъ всѣмъ евреямъ покинуть Бохнію, давъ имъ 12 недѣль сроку (Краковъ, 23 ноября 1605 г.). Мы не находимъ въ источникахъ той эпохи никакихъ данныхъ относительно приведенія въ исполненіе королевскаго декрета; однако, считается установленнымъ, что евреи вынуждены были покинуть съ величайшей поспѣшностью свои синагоги, дома и поля, и частью переселились въ Краковъ, частью—въ городъ Висьнихъ, находящійся въ разстояніи одной мили отъ Бохніи. Отъ 1605 до 1860 года въ Бохніи не было ни одного еврея; какъ и многіе другіе польскіе города, Бохнія пользовалась привилегіей de non tolerandis judaeis[1]).

Благодаря своей поэмѣ объ изгнаніи евреевъ изъ Бохніи, Кмита сразу сталъ спеціалистомъ по еврейскому вопросу. Вскорѣ онъ переработалъ эту поэму и издалъ ее подъ за-

---

[1]) Въ 1609 г. горожане Бохніи добились отъ короля Михаила Вишневецкаго подтвержденія декрета Сигизмунда объ изгнаніи евреевъ. Актъ 1605 г. вмѣстѣ съ подтвержденіемъ 1669 года понынѣ хранится въ архивѣ города Бохніи, откуда его и заимствовалъ Махницкій для своего сборника актовъ: „Z przeszłosci miasta Bochnii“, 1887 г.

главіемъ „Lament żydów wygnanych z Bochnii“ (Плачъ евреевъ,„ изгнанныхъ изъ Бохніи). Затѣмъ онъ издалъ еще двѣ книжонки: „List od żydow polskich po Messyasza“) (Письмо польскихъ евреевъ о Мессіи) и „Talmud albo wiara zydowska... nie tylko rabinom ale i nierabinom potrzebny, a pospolstwu krotofilny“, (Краковъ 1610, Ossolineum № 7369: „Талмудъ или еврейскій законъ вѣры, необходимый не только для раввиновъ, но и не раввиновъ, а для народа забавный“). Слово „Талмудъ“ въ заглавіи книжки напечатано еврейскими буквами. Авторъ вообще притворяется знатокомъ еврейскаго языка, но въ дѣйствительности не понимаетъ по еврейски ни слова. Книжка посвящена „глубокому ученому Мордохею Рибенлейбу, раввину главной пражской синагоги и министру Гангедрина (Сангедрина?) [1]).

Изъ этого посвященія видно, что авторъ относится къ своему сюжету полу-юмористически, а свое знаніе Талмуда онъ обнаруживаетъ на стр. 3 своей брошюры, гдѣ указано дѣленіе Талмуда на отдѣлы. Талмудъ, по словамъ Кмиты, дѣлится на 4 части: I. „Мохемъ“ (?), т. е. граница, II. „Насимъ“, т. е. женщины, III „Теусесимъ“ (?), т. е. свѣтское, IV. „Іесебоно“ (?), т. е. искупитель. Послѣ этого подраздѣленія у автора идетъ нелѣпица, на которой не стоитъ останавливаться. Нужно отмѣтить, что многіе позднѣйшіе спеціалисты in Judaicis дословно воспроизвели эту брошюрку и завѣщали эту безсмыслицу позднѣйшимъ поколѣніямъ (см. Chmielowski, Nowe Atheny, sciencyi pełne, Львовъ 1745).

Кмита жилъ очень долго. Въ 1648 г. онъ выпускаетъ въ свѣтъ еще одну книжку противъ евреевъ, подъ заглавіемъ: „Oreiw, t. j. kruk w złotej klatce, albo żydzi w swiebodnej wolności Korony Polskiej“ („Воронъ въ золотой клѣткѣ, или евреи при полной свободѣ на земляхъ короны Польской“, см. Ossolineum, № 8157). Въ этой поэмѣ авторъ жалуется на то, что всѣ сословія страны терпятъ гнетъ евреевъ. Motto къ поэмѣ авторъ заимствовалъ изъ книги Плача, гл. V: „Recordare, Domine, quid acciderit nobis, intuere et respice opprobrium nostrum. Haereditas nostra versa est ad alienos, domus nostra ad extraneos“. Мы находимъ въ поэмѣ классическое описаніе еврейскаго благосостоянія:

Niema w Polsce nad żyda nikt większej rozkoszy,
Ma żyd w obiad gęs tłuztą ma tłuste kokoszy,
A ubogi katolik sztuczkę, chleba zmoczy,
Chcąc jej pożyć w tej wodzie, która z ocz się toczy.

(Никто въ Польшѣ не живетъ въ такомъ довольствѣ, какъ евреи: у еврея на обѣдъ всегда жирный гусь, жирныя куры,

[1]) Повидимому, „Рибенлейбъ“ есть рабби Лебъ бенъ-Бецалель, знаменитый пражскій и познанскій раввинъ.—*Ред.*

а убогій католикъ мокаетъ кусокъ хлѣба въ воду, которая льется изъ его глазъ).

Но вернемся къ началу XVII столѣтія. Въ 1609 г. появилась упомянутая выше книга Третера „Sacratissimi corporis Christi historia et miracula"; въ 1772 г. она была переведена на польскій языкъ подъ названіемъ „Trzy hostye święte, nożami od żydów ukłute", Познань, 1772 г. (Три священныя гостіи, проколотыя ножами евреевъ).

Въ 1601 г. въ Краковѣ появился риѳмованный пасквиль на дворянство подъ заглавіемъ „Wyprawa żydowska na wojnę" (Еврейскій походъ). Здѣсь между прочимъ описываются печальное положеніе евреевъ и нападенія на нихъ со стороны студентовъ (Ossolineum, № 9046). Въ 1611 г. напечатанъ былъ трудъ Вацлава Грабовскаго „O żydach w Koronie".

III.

Мичиньскій и Шлесковскій.

Въ 1618 г. въ Польшѣ много шума надѣлало сочиненіе Мичиньскаго: „Zwierciadło Korony polskiej". Полное заглавіе этой книги, которая была представлена, какъ докладъ польскаго купеческаго сословія, на сеймѣ 1618 г., гласитъ (въ переводѣ): „Зеркало Короны Польской, тяжкія оскорбленія и обиды, которыя терпитъ она отъ евреевъ, изложенныя передъ сынами Короны на главномъ сеймѣ 1618 г. Себастіаномъ Мичиньскимъ, докторомъ философіи. Краковъ, печатня Мацѣя Енджейовчика". Книга содержитъ въ себѣ 134 страницы формата in 4⁰ и представляетъ собой написанный въ юдофобскомъ духѣ очеркъ экономической жизни польскихъ евреевъ въ началѣ XVII в. Авторъ, краковскій мѣщанинъ, написалъ свой трудъ по порученію мѣстнаго магистрата, который хотѣлъ во что бы то ни стало искоренить еврейскую торговлю въ Краковѣ. Уже въ 1495 г. евреи были изгнаны изъ Кракова; но они прочно осѣли въ предмѣстьи Казимежъ, на противоположномъ берегу Вислы, и продолжали по старому торговать въ Краковѣ. Результатомъ такого положенія вещей былъ рядъ процессовъ и погромовъ, но еврейская торговля въ Краковѣ не прекращалась. Въ 1608 г. евреи заключили съ магистратомъ договоръ срокомъ на три года: договоръ этотъ былъ утвержденъ королемъ 22 дек. 1608 г. Послѣ трехлѣтняго затишья начались новые споры, такъ какъ городъ рѣшилъ окончательно искоренить еврейскую торговлю. Вопросъ этотъ долженъ былъ получить разрѣшеніе на сеймѣ: тогда то Мичиньскій и написалъ свою книгу, предназначенную для депутатовъ сейма. Книга эта въ сущности касается лишь экономической стороны еврейскаго вопроса; авторъ

обратился ко всѣмъ цехамъ крупныхъ городовъ, какъ Львовъ, Познань и т. п., съ просьбой о присылкѣ матеріала относительно еврейской конкурренціи; краковскіе матеріалы онъ собралъ самъ, и на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ написалъ свою книгу. Ближе всего, конечно, онъ знакомъ съ положеніемъ дѣла въ Краковѣ: онъ не только знаетъ, гдѣ живетъ каждый богатый еврейскій купецъ, но даже можетъ опредѣлить размѣры его состоянія. Несмотря на ярко-юдофобское освѣщеніе, книга Мичиньскаго имѣетъ нѣкоторую историческую цѣнность, такъ какъ даетъ полный перечень краковскихъ еврейскихъ богачей той эпохи.

Писатель типа Мичиньскаго не могъ, разумѣется, обойти молчаніемъ ритуальные процессы; этому вопросу посвящена IV-я глава книги. Воспользовавшись трудами Моецкаго и Губицкаго, Мичиньскій перечисляетъ ритуальные процессы, доводя свой списокъ до 1617 г. Мы узнаемъ изъ его книги, что епископъ Маціевскій передалъ трупъ ребенка, убитаго въ 1598 г., въ руки люблинскихъ іезуитовъ, которые выставили его на показъ въ своей церкви. Кромѣ того, Мичиньскій разсказываетъ еще о двухъ современныхъ ритуальныхъ процессахъ. Первый изъ нихъ относится къ 1610 г. Одна христіанская служанка въ Шидловѣ обвинила своего хозяина-еврея въ томъ, что онъ убилъ у себя въ пещерѣ ребенка, похищеннаго другимъ евреемъ, жителемъ Сташова. Вслѣдствіе этого обвиненія, нѣсколько шидловскихъ евреевъ и Авраамъ изъ Сташова съ сыномъ подвергнуты были пыткѣ, а затѣмъ судъ приговорилъ ихъ къ четвертованію. Двѣ дочери Авраама были, по предписанію владѣльца Сташова Андрея Тенчиньскаго, окрещены и отданы на воспитаніе въ монастырь. Второй случай произошелъ въ 1617 г., когда нѣкій еврей изъ Сѣльца, возлѣ Лукова, по приговору люблинскаго короннаго трибунала, былъ „дважды казненъ“.

Насколько данныя Мичиньскаго соотвѣтствуютъ истинѣ, мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго отрывка, который я привожу въ буквальномъ переводѣ: „О, еслибы удалось посадить на скамью пытокъ много сеніоровъ (еврейскихъ старшинъ!) Какъ много мы бы тогда узнали, какую бы пѣсню они тогда затянули! Въ особенности нужно было бы такъ поступить съ евреемъ Боцяномъ, о которомъ разсказываютъ, что онъ разсылаетъ христіанскую кровь въ продолговатыхъ стеклянныхъ сосудахъ, которые тщательно хранитъ среди другихъ сосудовъ, употребляемыхъ для пищи. Недавно онъ поѣхалъ въ свой родной городъ Ленчицу къ отцу; въ дорогѣ бричка опрокинулась. Боцянъ принялся стонать и умолять ловичскихъ возницъ помочь ему, такъ какъ онъ особенно безпокоится изъ за одного сосуда, который можетъ разбиться. Возницы бросились къ бричкѣ, такъ какъ надѣялись получить большую награду.

Когда Боцянъ обернулся, одинъ изъ возницъ схватилъ ящикъ, въ которомъ находился сосудъ, чтобы узнать, какая жидкость содержится тамъ. Сосудъ былъ тщательно перевязанъ; открывъ его, они увидѣли, что въ немъ находится кровь. Еврей взялъ у нихъ изъ рукъ сосудъ, но потомъ былъ безпокойнѣе, чѣмъ раньше, и чтобы расположить къ себѣ возницъ, заказалъ имъ на постояломъ дворѣ много водки".

Этотъ отрывокъ даетъ представленіе обо всей книгѣ Мичиньскаго. Замѣтимъ кстати, что настоящее имя упомянутаго Боцяна было Вольфъ Попперъ; это былъ богатѣйшій еврей, ведшій крупную торговлю шелкомъ въ Краковѣ и Бреславлѣ. Мичиньскій оцѣниваетъ его состояніе въ 300.000 польскихъ злотыхъ. Попперъ основалъ въ Краковѣ на свои средства синагогу, которая нынѣ носитъ его имя; возвращаясь какъ то въ декабрѣ изъ Бреславля, онъ простудился и слегъ; передъ смертью онъ завѣщалъ крупныя суммы въ пользу благотворительныхъ учрежденій.

Богатство этого еврея, какъ и многихъ другихъ, кололо глаза краковскимъ мѣщанамъ, и стремясь сдѣлать для евреевъ жизнь невыносимой, они придумывали такія исторіи, какъ разсказанная выше. И они дѣйствительно добились своего: вскорѣ послѣ появленія книги Мичиньскаго, въ Краковѣ начались безпорядки, грозившіе превратиться въ погромъ. Разсказъ о сосудѣ Вольфа Поппера пробудилъ злобу въ народѣ, и возможно, что появленіе книги Мичиньскаго привело бы еще къ худшимъ послѣдствіямъ, еслибъ евреи не обратились немедленно за помощью къ королю. Богатые евреи съумѣли найти нужные ходы, и 31 августа 1618 г. Сигизмундъ III въ декретѣ на имя краковскаго магистрата приказалъ конфисковать книгу (Bersohn, Dyplomataryusz, № 219).

Мы не знаемъ, была ли дѣйствительно эта книга конфискована; если принять во вниманіе, что магистратъ велъ непрерывную борьбу съ евреями, то скорѣе слѣдуетъ предположить, что декретъ короля не былъ приведенъ въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ, въ актахъ города Кракова объ этомъ не упоминается; зато изъ Senatus consulta, т. IX, fol. 294, видно, что была избрана комиссія, которая должна была изложить въ Варшавѣ передъ королемъ точку зрѣнія магистрата на торговыя права евреевъ. Тотъ фактъ, что мы находимъ въ публичныхъ библіотекахъ довольно много экземпляровъ книги Мичиньскаго, доказываетъ, что конфискація книги не производилась съ большой строгостью (см. Ossolineum, № 10094).

Одновременно съ Мичиньскимъ въ Калишѣ писалъ врачъ Слешковскій, который нападалъ на евреевъ съ профессіональной точки зрѣнія. Ненависть христіанскихъ врачей къ ихъ еврейскимъ коллегамъ была общеизвѣстнымъ фак-

томъ; епископы и свѣтскіе князья искони обращались къ еврейскимъ врачамъ за совѣтомъ, что возбуждало зависть христіанскихъ врачей. Польскіе короли, а въ особенности Ягеллоны, имѣли еврейскихъ лейбъ-медиковъ, и только Сигизмундъ III нарушилъ эту традицію. Понятно поэтому, что христіанскіе врачи стали нападать на своихъ еврейскихъ коллегъ, убѣждая въ своихъ произведеніяхъ народъ, что всякій, кто лѣчится у еврейскаго врача, тѣломъ и душой отдаетъ себя въ руки дьявола. Авторы не отказывали себѣ въ удовольствіи упоминать попутно и о ритуальныхъ убійствахъ и указывать на кровожадность евреевъ. Лѣкарь Слешковскій первый выступилъ печатно съ обвиненіями противъ еврейскихъ врачей. Книга его носитъ названіе: „Ясныя доказательства („Jasne dowody“ etc.), что не только душу, но и тѣло подвергаютъ опасности вѣчной гибели тѣ, кто, вопреки запретамъ всемірной Св. Церкви, пользуются услугами врачей-евреевъ, татаръ и другихъ невѣрныхъ, или склоняютъ къ этому другихъ совѣтомъ, убѣжденіемъ, рекомендаціей, или какимъ либо инымъ способомъ,—составлены на основаніи Св. Писанія и церковныхъ книгъ нѣкіимъ монахомъ, докторомъ Св. Писанія, священникомъ, который прославился своимъ благочестіемъ и ученостью, а нынѣ вновь изданныя и дополненныя ксендзомъ Себастіаномъ Слешковскимъ, докторомъ, въ лѣто отъ Р. Х. 1623“ (Ossolineum, 15732).

Книга этого врача создала цѣлую школу. Спустя 26 лѣтъ, она вышла вторымъ изданіемъ подъ краткимъ заглавіемъ „Jasne dowody o doktorach żydowskich“, 1649. Тотъ же авторъ выступалъ печатно и противъ всего еврейскаго народа въ своихъ книгахъ „Odkrycie zdrad... żydowskich“ (Раскрытіе еврейскихъ предательствъ; Брунсбергъ 1621) и „Dostateczna genealogia żydowska“ (Полное еврейское родословіе, Брунсбергъ, 1622). Въ своей книгѣ „O morowem powietrzu w Kaliszu (О моровомъ повѣтріи въ Калишѣ, 1623) онъ прямо заявляетъ, что уступчивость польскаго правительства по отношенію къ евреямъ привела къ тому, что Богъ въ наказаніе ниспослалъ на городъ моръ.

Во всѣхъ этихъ книгахъ Слешковскій разсказываетъ объ оскверненіи гостій и о ритуальныхъ убійствахъ, но повсюду преслѣдуетъ одну и ту же цѣль: отвлечь паціентовъ-христіанъ отъ еврейскихъ врачей. Въ томъ же духѣ написанъ и вышеупомянутый главный его трудъ, полное заглавіе котораго гласитъ: „Раскрытіе еврейскихъ предательствъ, злостныхъ обрядовъ, тайныхъ совѣтовъ, дѣйствій, вредныхъ Рѣчи Посполитой, и страшныхъ замысловъ, а также разоблаченіе нѣкоторыхъ еврейскихъ пособниковъ и здравый совѣтъ, какъ избѣгнуть предательства и т. д. Собрано изъ 78 безупречныхъ авторовъ и на основаніи личнаго опыта, auctore Sebastiano Sleskovio, doctore illustrissimi... Simonis

Rudnicki... Episcopi Varmiensis medico physico. Брунсбергъ, 1621". (Ossolineum, № 15736).

Эта книга, какъ и книга Мичиньскаго, посвящена мѣщанскому сословію. На это указываютъ и внутренній заглавный листъ, на которомъ имѣются городскіе гербы Кракова, Варшавы, Вильна, Львова, Познани, Люблина и Пшемысля, и обращенное къ бургомистрамъ и гласнымъ этихъ городовъ предисловіе къ книгѣ. Авторъ доказываетъ въ своемъ предисловіи, что только врачъ призванъ писать подобныя книги, и вкратцѣ излагаетъ содержаніе своего труда. Далѣе Слешковскій, подобно Моецкому и Мичиньскому, предпринимаетъ экскурсію въ область еврейской литературы и еврейскаго вѣроученія и доказываетъ ихъ вредъ; все это излагается тономъ знатока, „спеціалиста". Въ главѣ IX Слешковскій разсказываетъ о случаяхъ ритуальныхъ убійствъ, причемъ особенно подробно останавливается на свиняровскомъ дѣлѣ 1598 года, въ которомъ онъ, быть можетъ, принималъ дѣятельное участіе. Въ главѣ X сообщены случаи оскверненія гостій. Особенно много мѣста Слешковскій удѣляетъ берлинскому процессу 1510 г., который закончился сожженіемъ 38 евреевъ; при этомъ онъ забываетъ однако упомянуть, что въ 1536 г. найденъ былъ дѣйствительный виновникъ преступленія, который самъ въ этомъ сознался. Какъ извѣстно, бранденбургскій епископъ приказалъ тогда священнику, которому виновный сознался въ кражѣ, хранить молчаніе, чтобы объ этомъ не узналъ курфюрстъ Іоахимъ I. Только Іоахимъ II, узнавъ правду о берлинскомъ дѣлѣ, былъ глубоко потрясенъ и позволилъ евреямъ остаться въ бранденбургской области. Случай этотъ извѣстенъ былъ другимъ польскимъ писателямъ, и они поэтому тщательно избѣгали упоминанія о берлинскомъ процессѣ. Мы глубоко убѣждены, что этотъ случай извѣстенъ былъ и Слешковскому.

Въ слѣдующихъ главахъ своей книги Слешковскій затрагиваетъ экономическій вопросъ и приводитъ множество нелѣпыхъ свѣдѣній о колдовствѣ еврейскихъ купцовъ и о какихъ то еврейскихъ деревянныхъ идолахъ (гл. XV). Процитировавъ еще рядъ стихотвореній о зловредности евреевъ (Danticus), Слешковскій приступаетъ къ самой сути своей книги—къ вопросу о еврейскихъ врачахъ. Здѣсь онъ повторяетъ бредни, уже извѣстныя по другимъ его трудамъ, и оперируетъ тѣми же аргументами. Въ концѣ книги онъ даетъ правительству совѣты, какъ обращаться съ евреями и приводитъ проектъ закона о евреяхъ, состоящій изъ 31 статьи. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ статей, въ которыхъ злоба соперничаетъ съ непроходимой глупостью:

§ 1. Еврейскія книги, а въ особенности Талмудъ, подлежатъ сожженію. § 2. Евреямъ разрѣшается читать лишь Библію, Ветхій и Новый Завѣтъ, но не на еврейскомъ или нѣмецкомъ, а на латинскомъ языкѣ. § 3. По воскреснымъ

и праздничнымъ днямъ евреи должны слушать проповѣди въ церквахъ. § 4. Для того, чтобы они не думали о субботѣ, нужно обязать ихъ и по субботамъ ходить въ церковь. Когда они забудутъ о субботѣ, ихъ можно будетъ освободить отъ субботней проповѣди. § 5. Евреямъ воспрещается заниматься торговлей и ремеслами. § 8. Всѣ синагоги должны быть разрушены и ихъ обстановка перенесена въ церкви. § 9. Подъ угрозой смертной казни евреямъ запрещается изучать нѣмецкій и еврейскій языки. Они должны вмѣстѣ съ христіанской молодежью изучать польскій языкъ и латынь, для того чтобы легче было имѣть надъ ними надзоръ. § 10. Раввинамъ воспрещается подъ угрозой смертной казни произносить проповѣди. При этомъ никогда не слѣдуетъ миловать виновнаго раввина. Но если онъ не будетъ казненъ, то его не нужно изгонять изъ страны, чтобы не вредить сосѣду. Лучше въ такомъ случаѣ держать его всю жизнь въ тюрьмѣ и давать ему скудную пищу на его же средства. § 12. У евреевъ должны быть отняты всѣ ихъ дорогія одежды; они должны одѣваться какъ крестьяне. § 14. Евреи до тѣхъ поръ, пока не крестятся, должны носить желтую нашивку, установленную конституціей 1538 г. § 17. Если евреи заманятъ къ себѣ крещенаго еврея и убьютъ его, слѣдуетъ казнить 10 еврейскихъ старшинъ.

Въ § 20 авторъ возвращается къ ритуальной легендѣ, снова перечисляетъ старые процессы и подробно описываетъ свиняровскій процессъ 1598 г. Слешковскій убѣжденъ въ томъ, что евреямъ нужна христіанская кровь и мотивируетъ свое мнѣніе тѣмъ, что несмотря на происходящія каждый годъ казни евреевъ, они снова подвергаются риску, лишь бы добыть кровь. Онъ совѣтуетъ изгнать евреевъ изъ страны, какъ это сдѣлалъ во Франціи Филиппъ Красивый. Въ §§ 21—31 излагаются мѣры борьбы съ ритуальными убійствами, причемъ авторъ беретъ въ помощь постановленія кодекса Юстиніана, но сочиняетъ и собственные фантастическіе планы. Въ концѣ книги авторъ обращается ко всему польскому народу, горячо убѣждая принять къ сердцу изложенныя въ книгѣ мысли.

Произведеніе Слешковскаго пользовалось большой популярностью; даже въ XVIII в. этотъ авторъ имѣлъ много поклонниковъ и подражателей. Еще въ 1760 г. епископъ Залускій обсуждаетъ предложенія Слешковскаго и пытается осуществить ихъ на практикѣ въ своей епархіи. Многіе другіе писатели и духовныя лица XVIII в. также внимательно изучаютъ эту книгу, а постановленія червонно-русскаго дворянства отъ 1761 г., принятыя послѣ диспута франкистовъ, составлены подъ вліяніемъ книги Слешковскаго.

Конецъ первой половины XVII вѣка отмѣченъ перепечаткой вышеупомянутой книги Слешковскаго о евреяхъ-врачахъ (2-е изданіе, 1649), а также появленіемъ двухъ памфлетовъ Базилія Ваглиція (Vaglicius): „Swawola wyuzdana żydowska“ (Необузданное своеволіе евреевъ, Краковъ, 1648) и „Lament dzieci pomordowanych przez żydów“ (Плачъ дѣтей, загубленныхъ евреями, Краковъ, 1651).

М. Балабанъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Общественныя настроенія „эпохи великихъ реформъ“.

VI [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ настроеній начала 60-хъ годовъ, когда эти настроенія могли уже отражаться въ возникшихъ тогда еврейскихъ органахъ печати, мы считаемъ нужнымъ остановиться на одномъ литературномъ произведеніи, освѣщающемъ чаянія нѣкоторой части еврейскаго общества наканунѣ появленія спеціальной еврейской прессы, въ концѣ 50-хъ годовъ. Одесскій образованный купецъ, Іоахимъ Тарнополь, опубликовавшій еще въ 1855 г. свою французскую брошюру объ одесскихъ евреяхъ (выше, гл. 1), составилъ въ 1858 г. обширную программу „реформъ“ въ еврейской жизни. Отрывокъ изъ этой программы былъ напечатанъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ того же года (№ 37), подъ заглавіемъ „О бѣдномъ сословіи русскихъ евреевъ“, причемъ тутъ же указывалось, что это есть извлеченіе изъ рукописнаго сочиненія автора: „Современная реформа въ области русскаго евреизма“, которое скоро „появится въ свѣтъ“. Это однако произошло не такъ скоро—лишь черезъ десять лѣтъ, „по независящимъ отъ сочинителя обстоятельствамъ“, какъ отмѣчается въ предисловіи къ книгѣ („Опытъ современной и осмотрительной реформы въ области юдаизма“, Одесса, 1868).

Изъ всѣхъ русско-еврейскихъ публицистовъ, выступавшихъ на литературномъ поприщѣ до появленія „Разсвѣта“, одинъ только Тарнополь попытался формулировать общую программу русско-еврейской „реформы“. Этимъ и исчерпалась вся его литературная дѣятельность. Онъ прожилъ почти все 19-ое столѣтіе (родился въ началѣ его и умеръ въ 1900 г.), но ничего существеннаго не прибавилъ къ тому, что имъ было написано въ 1858 г. Его французская книга „Réflexions sur l'état religieux politique et social des israélites russes“, вышедшая въ 1871 г. резюмируетъ „Опытъ современной и осмотрительной реформы“;

---

[1]) См. Евр. Стар. с. г. вып. 1, стр. 21—14.

только послѣдняя глава „Объ эмансипаціи“ значительно расширена въ сравненіи съ русскимъ оригиналомъ; но и тутъ авторъ придерживается своей основной точки зрѣнія, установившейся у него наканунѣ 60-хъ годовъ.

Тарнополь воодушевленъ вѣрой въ благія намѣренія правительства, готовившагося къ великимъ реформамъ. Онъ приглашаетъ своихъ единовѣрцевъ „оправдаться въ глазахъ нашего правительства“, пріобщиться къ образованію, къ гражданской жизни, къ производительному труду, чтобы сдѣлаться достойными равноправія. Онъ полемизируетъ съ противниками русскаго правительства: „Пусть, говоритъ онъ, утопическіе реформаторы заграницей негодуютъ противъ будто бы политическаго и духовнаго гнета въ Россіи, особенно въ отношеніи еврейскихъ подданныхъ; пусть называютъ русское законодательство въ отношеніи евреевъ недостаточнымъ, несовременнымъ... Всѣ благомыслящіе и безпристрастные люди, которые умѣютъ отличать ложный блескъ мишуры отъ успѣшнаго, утѣшительнаго хода дѣлъ, сознаютъ, что въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ каждое разумное воззваніе, каждое справедливое требованіе, высказанное только благонамѣренно и сообразно съ духомъ новѣйшихъ государственныхъ учрежденій, находитъ себѣ осуществленіе“ („Опытъ“ и пр., предисловіе).

Рѣчь Тарнополя постоянно обращена къ представителямъ высшихъ сферъ. Для нихъ, главнымъ образомъ, была написана его первая французская книжка объ одесскихъ евреяхъ, которую онъ разсылалъ высшимъ сановникамъ и получалъ отъ нихъ одобрительные отзывы [1]. И въ своемъ „Опытѣ“ онъ прежде всего

[1]) Сынъ І. Тарнополя, М. І. Тарнополь, представилъ въ мое распоряженіе копіи двухъ писемъ къ его отцу: отъ бывшаго одесскаго генералъ-губернатора М. С. Воронцова (декаб. 1855) и отъ министра народнаго просвѣщенія (Норова, мартъ 1856). Воронцовъ пишетъ: „Я спѣшу поблагодарить Васъ отъ всего моего сердца за эту чрезвычайно интересную присылку, а также благодарю я Васъ тоже и за то, что Вы по этому поводу обо мнѣ пишете. Моимъ долгомъ и моей нравственной обязанностью было сдѣлать въ пользу Вашихъ единовѣрцевъ все то, что отъ меня зависѣло, пользуясь при этомъ содѣйствіемъ почетныхъ гражданъ одесской еврейской общины. Мнѣ очень пріятно сознавать, что то, что было сдѣлано въ пользу еврейской общины въ Одессѣ, послужило также примѣромъ для другихъ областей Россіи“. Министръ, выражая благодарность автору (черезъ попечителя одесскаго учебнаго округа), изъявляетъ желаніе, чтобы авторъ продолжалъ писать подобные труды „для пользы своихъ единовѣрцевъ, но если можно—на языкѣ, болѣе доступномъ еврейскому населенію“.

ходатайствуетъ за своихъ единовѣрцевъ передъ властъ имущими. Онъ доказываетъ, что евреи, въ качествѣ „третьяго сословія“, „не только безвредны, но, напротивъ, полезны и даже часто необходимы“, ибо Россія нуждается въ такомъ сословіи для оживленія своей торговли, особенно въ своихъ внутреннихъ губерніяхъ (стр. 148—149, 152, 258). Большую пользу принесутъ и дѣятельные ремесленники, и просвѣщенная молодежь. Этимъ категоріямъ евреевъ расширеніе правъ должно быть дано по заслугамъ. „Надѣемся, что со временемъ позволено будетъ надежнымъ купцамъ, честнымъ ремесленникамъ и вообще благовоспитанной или дѣятельной молодежи селиться безъ затрудненія и въ другихъ русскихъ провинціяхъ, гдѣ имъ до сихъ поръ не позволялось жить“ (стр. 103, 217—18).

Что касается еврейской народной массы, то она, правда, невѣжественна, лишена производительныхъ занятій,—соглашается Тарнополь, полемизируя (въ своихъ „Réflexions“) съ противниками эмансипаціи евреевъ. „Но, спрашиваетъ онъ, справедливо-ли, логично-ли отказать въ законныхъ правахъ людямъ образованнымъ и промышленнымъ на томъ основаніи, что масса ихъ недостойна? Допустимо-ли, чтобы одинъ классъ былъ отвѣтственъ (solidaire) за другой? (Réflexions, 185). Для массы онъ проситъ снисхожденія и содѣйствія правительства въ дѣлѣ поднятія ея изъ „унизительнаго положенія“ и пріобщенія ея къ болѣе достойной жизни и производительному, главнымъ образомъ, земледѣльческому труду. Тогда еврейская масса будетъ благодарна правительству и сдѣлается консервативной въ политическомъ отношеніи, ибо она будетъ дорожить тѣми государственными учрежденіями, которыя будутъ защищать семью и собственность еврея, „этихъ основъ консервативныхъ принциповъ (ibid. 163, 188). Въ этомъ раздѣленіи евреевъ на достойныхъ и малодостойныхъ слышатся не только мнѣнія правительственныхъ круговъ того времени, но и мотивы прошенія группы еврейскихъ купцовъ, ходатайствовавшихъ въ 1856 г. объ „отличеніи пшеницы отъ плевелъ“ и о дарованіи „достойнымъ“ правъ для поощренія массы къ образованію, трудолюбію и пр. [1]).

Въ вопросахъ внутренней реформы еврейской жизни Тарнополь строго придерживается примѣровъ западно-европейскаго еврейства, постоянно ссылаясь на западные авторитеты того времени въ области реформы іудаизма и будучи убѣжденъ, что путь. на-

[1]) Ю. Гессенъ, въ сборн. „Пережитое“ I, 153—158.

чертанный исторіей для западныхъ евреевъ, обязателенъ и для ихъ русскихъ соплеменниковъ. „Неужели, спрашиваетъ онъ, умѣренная и необходимая реформа и вообще истина должны у береговъ Днѣпра, Волги, Нѣмана, Чернаго или Бѣлаго моря принимать совершенно другой колоритъ, другія формы, чѣмъ у береговъ Сены, Темзы и Сѣвернаго моря?“ („Опытъ“ и пр., пред. XXIII). Самобытность должна выразиться только въ умѣренности и осмотрительности при перенесеніи реформы іудаизма на русско-еврейскую почву. Это неоднократно подчеркивается Тарнополемъ, указывающимъ на то, что необходимо считаться съ настроеніемъ большинства русскихъ евреевъ, враждебно относящихся ко всякой реформѣ во внутренней жизни своей. Поэтому предлагаемая имъ религіозная реформа затрагиваетъ лишь внѣшнюю сторону богослуженія: заведеніе хора въ синагогѣ, благочиніе при чтеніи молитвъ, проповѣдь просвѣщеннаго раввина и пр. Вокругъ этихъ вопросовъ и началась тогда (въ концѣ 50-хъ годовъ) въ Одессѣ борьба внутри еврейской общины. Говоритъ еще Тарнополь объ исключеніи нѣкоторыхъ молитвъ и обрядовъ, не соотвѣтствующихъ новому духу времени. „Иныя излишнія элегіи (піутимъ)—пишетъ онъ,—никакимъ авторитетомъ непризнанныя, въ которыхъ такъ и слышенъ молящій стонъ угнетеннаго раба, иныя сѣтованія, слезы, вопли сдѣлались больше не къ лицу свободному гражданину. Надежды изгнанника не имѣли больше прежняго физическаго, матеріальнаго смысла въ устахъ того, надъ головой котораго простиралось ясное, безоблачное небо отечества, даровавшаго ему права и защиту, какъ уроженцу. Иные обряды, которые не были освящены никакимъ раввинскимъ постановленіемъ и суть ничто иное, какъ воспоминанія и символы стариннаго гнета и униженія, не согласовались больше во многихъ странахъ съ воспитаніемъ и правами свободнаго гражданина. Поэтому, какъ мы сказали, во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ, гдѣ нашимъ соплеменникамъ даровано было болѣе или менѣе правъ, произведены значительныя измѣненія даже во всѣхъ внѣшнихъ формахъ нашего культа и нашего быта“ (ibid. 205). Но для русскаго еврейства Тарнополь не рѣшается практически предлагать такія измѣненія культа, ограничиваясь стремленіемъ преобразовать „кое-что внѣшнее“ („Опытъ“, стр. X, XIX, 7, 8, 21—31).

Тарнополь не разъ повторяетъ излюбленную формулу, проводимую имъ еще въ его французской монографіи объ одесскихъ евреяхъ,—что еврей долженъ быть евреемъ только въ синагогѣ,

а внѣ ея—гражданиномъ (стр. XIII, XXIII). И въ этомъ отношеніи онъ идетъ по стопамъ своихъ западныхъ учителей, заимствуя ихъ идеи, а часто и ихъ слова. Еврейство для него только „религіозная корпорація“ (стр. 35). Онъ очень дорожитъ еврействомъ, восхищается его многовѣковой устойчивостью, преодолѣвшей великія гоненія, „тогда какъ могущественнѣйшіе народы, народы, бывшіе всемірными дѣятелями, съ теченіемъ временъ сошли съ театра міра, исчезли изъ исторіи или слились съ другими“ (стр. 220). И онъ хочетъ сохранить еврейство, какъ организованную на европейскій ладъ общину съ учрежденіемъ консисторіи, ибо „на сколько іудейство продолжаетъ свое гражданское существованіе, на столько это общество должно имѣть свою администрацію“ (стр. 36). Въ гражданской и соціальной жизни евреи должны „приставать и приноравливаться“ къ той націи, среди которой они живутъ. Консисторія же должна быть общиннымъ представительствомъ, которое будетъ завѣдывать религіозными и внутренними вопросами еврейской жизни; этому учрежденію принадлежитъ и „общій надзоръ за нравственностью еврейскихъ массъ, взвѣшиваніе средствъ къ возвышенію гражданственности этихъ массъ и наконецъ заступничество у высшаго начальства за существенные интересы каждаго общества“ (стр. 39). Детальные статуты консисторіи заимствованы Тарнополемъ у Л. Филипсона (35—42). При этомъ Тарнополь подчеркиваетъ, что въ Россіи „простой народъ“ не можетъ еще пользоваться избирательнымъ правомъ при выборахъ въ консисторію, такъ какъ онъ еще находится „на низкой ступени общественности и культуры“. Участіе въ выборахъ должны принимать только состоятельные и образованные классы еврейскаго общества, къ которымъ Тарнополь все время и обращается со своимъ проектомъ „современной и осмотрительной реформы въ области іудаизма“ (стр. 33, 41, 125, 135, 137).

VII.

Пробужденіе, начавшееся среди еврейскаго общества и интеллигенціи наканунѣ „эпохи великихъ реформъ“, сейчасъ послѣ севастопольской катастрофы, достигло своего апогея въ началѣ 60-хъ годовъ. Общественное движеніе, которое сначала ограничивалось крупными центрами, какъ Одесса и Вильна, постепенно охватывало широкіе круги провинціальныхъ „маскиловъ“; новыя вѣянія проникли въ іешиботы и совершили умственный переворотъ среди еврейской молодежи. Многочисленныя корреспон-

денціи, какъ и вся публицистика возникшихъ въ началѣ 60-хъ годовъ еврейскихъ и русско-еврейскихъ періодическихъ изданій — „Разсвѣта“ (1860—1861 г.), „Сіона“ (1861—1862 г.), „Гамелица“, „Гакармеля“ (оба съ 1860 г.) съ его русскими приложеніями, а впослѣдствіи и „Колъ-Мевассера“—ярко рисуютъ это пробужденіе [1]).

Глубокая вѣра въ силу разума и просвѣщенія и во всемогущество „духа времени“—такова общая черта этого періода. Всѣ отдѣлы любого изъ только-что названныхъ изданій—передовыя статьи, иностранныя обозрѣнія, сообщенія съ мѣстъ—проникнуты необычайнымъ оптимизмомъ. „Въ наше время, когда благотворные лучи просвѣщенія озарили всѣ умы, когда во всѣхъ предѣлахъ міра за нами признаны человѣческія права“ и т. д.,—таково обычное вступленіе еврейскаго корреспондента той эпохи. Эта фраза взята наугадъ изъ одной корреспонденціи въ „Разсвѣтѣ“. Въ „Гамелицѣ“ такіе диѳирамбы духу времени, сопровождаемые незначительными сообщеніями о борьбѣ за реформу талмудъ-торы или за учрежденіе казеннаго училища, принимали еще большіе размѣры. Это объяснялось не только склонностью маскила къ громкой фразѣ; тутъ сказывалось и естественное желаніе излить свою душу послѣ продолжительнаго вынужденнаго молчанія. Корреспонденты первыхъ еврейскихъ и русско-еврейскихъ органовъ печати смотрѣли на себя, прежде всего, какъ на мѣстныхъ борцовъ за просвѣщеніе, и цѣль информаціи стушевывалась у нихъ передъ стремленіемъ проявить свое credo. Корресподентъ „Гамелица“, напримѣръ, обыкновенно дѣлаетъ сначала оцѣнку прошлому еврейскаго народа („тяжелыя гоненія и преслѣдованія мрачныхъ среднихъ вѣковъ“), ставитъ діагнозъ настоящему („черные дни прошли безвозвратно“, „возсіяло солнце просвѣщенія“, „мы признаны равноправными гражданами и т. п.), а потомъ лишь переходитъ къ сообщенію какого нибудь факта изъ мѣстной жизни, очень бѣдной сколько нибудь значительными событіями. И все это сопровождается восторженными похвалами по адресу всесильнаго духа времени [2]).

Таковъ характеръ и руководящей публицистики того времени. „Разсвѣтъ“ неоднократно возвращается къ мысли о переживаемомъ „положительномъ времени“, когда укрѣпляются „права че-

---

[1]) „Гамагидъ“, издававшійся за-границей, почти не отражалъ въ себѣ русско-еврейскихъ общественныхъ настроеній.

[2]) Многочисленные примѣры тому можно найти въ большей части корреспонденцій „Гамелица“ за 1860—62 гг.

ловѣка", а „поэзія кулака" все больше слабѣетъ, когда разумъ, „этотъ великій и непобѣдимый борецъ", можетъ вступить въ борьбу съ привиллегіями происхожденія и богатства. Еще торжествуетъ, правда,—оговаривается „Разсвѣтъ",—сила физическая, но ея торжество временное. „Матеріальная сила, даже на самыхъ крайнихъ предѣлахъ торжества своего, можетъ только на время сковать или сдавить мысль, но не поработить. Такимъ образомъ, въ одномъ только развитіи мысли и духа, въ просвѣщеніи, лежитъ мощь всего человѣчества, слѣдовательно, и счастье его будущихъ поколѣній". На западѣ, „гдѣ многія государственныя задачи уже рѣшены, право интеллектуальное давно занимаетъ подобающее ему мѣсто на лѣстницѣ гражданственности". Въ Россіи же это право „пока еще въ колыбели, говоря вообще, и только въ своемъ зачатіи, говоря о евреяхъ" („Разсвѣтъ" № 18). Авторъ этой статьи, О. А. Рабиновичъ, глубоко вѣритъ, что и въ Россіи и, въ частности, русскимъ евреямъ предстоитъ лучшее будущее. „До нашего отечества, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (№ 15, 249), теперь очередь дошла естественнымъ путемъ. Сознавая, что настало время перемѣнъ во многомъ, въ томъ числѣ и въ положеніи евреевъ, оно идетъ къ цѣли мѣрнымъ, но твердымъ шагомъ, въ прочности котораго никто не сомнѣвается".

„Слава Богу, что намъ довелось жить въ такое время! Не можемъ не радоваться этой свѣтлой страницѣ въ современной исторіи евреевъ",—эти слова „Разсвѣта" (№ 14) въ различныхъ варіаціяхъ повторяется и „Гамелицомъ" (чуть ли не въ каждомъ номерѣ), и „Гакармелемъ", особенно въ его русскихъ приложеніяхъ (за 1860—1863 г.г.), и „Сіономъ". Любопытенъ, между прочимъ, и слѣдующій голосъ изъ публики (изъ Вильны) на страницахъ „Гамелица" (1861 г. № 33): „Когда я читаю, какъ періодическія изданія восхваляютъ городъ или государство, гдѣ приверженцы различныхъ вѣроисповѣданій уравнены въ своихъ гражданскихъ правахъ, я удивляюсь этому, ибо, по моему, нельзя считать заслуживающимъ особой похвалы, если люди дѣлаютъ то, что они обязаны дѣлать. Я поднимаю глаза къ небу и спрашиваю: „Боже! неужели только теперь, въ XIX столѣтіи, люди научились читать азы человѣческой культуры"?..

VIII.

Изъ двухъ лозунговъ эпохи: „эмансипація и просвѣщеніе"—послѣдній доминировалъ въ стремленіяхъ большей части еврейской интеллигенціи, разбросанной по городамъ и мѣстечкамъ

еврейской „черты“. Присматриваясь къ тому, чѣмъ жила и воодушевлялась эта молодежъ и чѣмъ спѣшила она дѣлиться со своими единомышленниками на страницахъ первыхъ еврейскихъ періодическихъ изданій, мы убѣждаемся, какъ мало измѣнился типъ „маскила“ въ сравненіи съ періодомъ выступленія д-ра Лиліенталя, когда сдѣланъ былъ первый „смотръ“ еврейской интеллигенціи, собиравшейся въ союзѣ съ правительствомъ насаждать просвѣщеніе среди еврейскаго народа. Въ началѣ 60-хъ годовъ выступило новое поколѣніе „маскиловъ“, которое, однако, продолжаетъ старыя традиціи своихъ предшественниковъ.

Еврейскій юноша, углубленный въ старую еврейскую литературу, мыслящій библейскими образами и талмудическими изреченіями, только что познакомившійся съ новыми идеями, съ произведеніями первыхъ піонеровъ „гаскалы“ и всецѣло увлеченный ими — таковъ обычный типъ маскила „эпохи великихъ реформъ“. Отъ своихъ предшественниковъ онъ унаслѣдовалъ пламенную любовь къ „гаскалѣ“, которая рисуется ему въ нѣсколько туманныхъ, но очень соблазнительныхъ очертаніяхъ. Онъ готовится продолжать борьбу своихъ учителей съ „косностью“ и „невѣжествомъ“ еврейской массы, къ которой онъ, тѣмъ не менѣе, глубоко привязанъ. Вѣра его учителей въ благія намѣренія правительства въ области просвѣщенія евреевъ значительно усилилась у маскила 60-хъ годовъ, въ силу общихъ благопріятныхъ условій новой эпохи. Но, какъ и его предшественники, онъ имѣетъ весьма смутное представленіе о правительствѣ и администраціи, которымъ онъ поетъ хвалебные гимны. Не разбираясь въ политическихъ тенденціяхъ правительства, маскилъ вѣритъ въ доброжелательность попечительнаго начальства только потому, что оно приходитъ ему на помощь въ наиболѣе важномъ для него дѣлѣ, что оно покровительствуетъ просвѣщенію еврейскихъ массъ.

Огромное большинство корреспонденцій „Разсвѣта“, „Гамелица“, „Гакармеля“, „Сіона“—посвящено различнымъ перипетіямъ борьбы за насажденіе просвѣщенія. Экономическое, правовое и культурное положеніе еврейства начала 60-хъ годовъ лишь изрѣдка рисуется въ нихъ, да и то въ связи съ тѣми или иными просвѣтительными начинаніями.

„Разсвѣтъ“ сдѣлалъ попытку всесторонне изучить еврейскую дѣйствительность. Въ № 7 помѣщенъ своего рода анкетный листъ для руководства сотрудникамъ и корреспондентамъ при изученіи условій мѣстной еврейской жизни. Изъ этой программы вопросовъ явствуетъ, какъ широко смотрѣла редакція на задачи

такого обслѣдованія. Тутъ и вопросы экономическаго быта (положеніе промышленности и ремеслъ, ихъ успѣхи или неуспѣхи въ связи съ общими и мѣстными условіями), и интересы воспитанія (училища казенныя, общественныя и частныя, встрѣчаемыя ими препятствія или поощреніе), и общинныя дѣла (раввинатъ, благотворительность, синагоги, положеніе еврейской женщины въ семьѣ и обществѣ и т. д.), вопросы о сближеніи евреевъ съ окружающимъ ихъ населеніемъ и участіи ихъ „въ общественной и государственной службѣ", и общія историческія справки. Подобныя же указанія, хотя не въ такомъ систематизированномъ видѣ, дѣлалъ своимъ корреспондентамъ и редакторъ „Гамелица" (1861 г № 17). Эти директивы, однако, рѣдко находили откликъ на мѣстахъ (о единичныхъ попыткахъ коснуться экономическаго положенія еврейскаго населенія рѣчь будетъ дальше).

Борьба отцовъ и дѣтей изъ-за свѣтскаго образованія поглощаетъ все вниманіе большей части еврейской интеллигенціи начала 60-хъ годовъ. Ее захватываетъ процессъ умственнаго пробужденія, проникшій и въ бетъ-гамидрашъ: „не только купцы и интеллигенты,—съ обычнымъ энтузіазмомъ сообщаетъ корреспондентъ „Гакармеля" (1861 г., № 50),—но и „бетъ-гамидрашники", которымъ чужды свѣтскія дѣла, интересуются всѣмъ, что происходитъ теперь. „Гаскала" продолжала выдвигать своихъ героевъ и мучениковъ, порывавшихъ съ родительскимъ домомъ пускавшихся въ далекій путь, въ поиски за просвѣщеніемъ, безъ всякихъ средствъ. И мытарства этихъ юношей облекаются нашими корреспондентами поэтическимъ ореоломъ, а дѣйствія „приверженцевъ тьмы и невѣжества" клеймятся самыми рѣзкими эпитетами („Гамелицъ" 1861 г. № 43, 1862 г. № 2, 1863 г. № 13 и мн. др.).

За предѣлами этой семейной борьбы между отцами и дѣтьми „маскилъ" живо заинтересованъ судьбой школъ, главнымъ образомъ, казенныхъ, новыми раввинами (окончившими раввинскія училища), ихъ проповѣдями, а также торжественными встрѣчами съ правительственными властями, поскольку послѣднія обнаруживали симпатію къ просвѣщенію.

Синагогальныя проповѣди новыхъ раввиновъ на „чистомъ нѣмецкомъ или на чистомъ русскомъ языкѣ" (какъ неизмѣнно подчеркивается корреспондентами) были тогда рѣдкими явленіями, ибо общины вели упорную борьбу съ казеннымъ раввинатомъ. Эти проповѣди, съ любовью цитируемыя въ періодической печати, наполнены обыкновенно восхваленіемъ благихъ мѣръ правительства и обстоя-

тельной аргументаціей—на основаніи библейскихъ текстовъ — въ пользу необходимости просвѣщенія. Рѣчи, конечно, были совершенно недоступны большинству прихожанъ, не понимавшихъ не только по нѣмецки, но и по русски. Зато интеллигенты, какъ и представители администраціи, обыкновенно присутствовавшіе въ синагогѣ въ такихъ случаяхъ, бывали въ восторгѣ отъ краснорѣчія молодыхъ раввиновъ. „Въ большой синагогѣ,—пишутъ изъ Житоміра въ „Разсвѣтѣ" (№ 17),—гдѣ нѣкогда образованный почти не смѣлъ показываться, теперь всѣ образованные занимали почетныя мѣста, а враги образованія стояли вдали, стыдясь своего невѣжества и чувствуя свое ничтожество! Проповѣдь была превосходна. Цѣль ея состояла въ возбужденіи нашихъ единовѣрцевъ къ исполненію 10-ти заповѣдей не только въ буквальномъ, но и въ нравственномъ смыслѣ,—въ поощреніи ихъ къ образованію и въ представленіи невѣжества въ видѣ язычества, запрещеннаго по смыслу второй заповѣди". Другой корреспондентъ „Разсвѣта" (№ 46), сообщая о рѣчи новаго минскаго раввина, который, исходя изъ библейскихъ сказаній о сотвореніи міра и вавилонскомъ столпотвореніи, также пришелъ къ выводу о необходимости усвоить „современное просвѣщеніе" и стать „европейскими евреями",—дѣлаетъ слѣдующій практическій выводъ: „Эта рѣчь и новое распредѣленіе уроковъ въ здѣшнихъ казенныхъ еврейскихъ училищахъ обѣщаютъ приращеніе числа учениковъ".

Частыя выступленія представителей администраціи на школьныхъ праздникахъ, экзаменахъ, прощальныхъ обѣдахъ, устраивавшихся еврейскимъ купечествомъ, также вызываютъ восторженные отклики „маскила". Экзамены и школьныя торжества должны были „показать народамъ и высшимъ сановникамъ, что и насъ озарило солнце просвѣщенія, что и мы со своей молодежью и дѣтьми ищемъ знаній"... „Велика честь этого дня!— продолжаетъ этотъ корреспондентъ по поводу праздника въ житомірскомъ раввинскомъ училищѣ. Въ этотъ день христіане увидѣли, что евреи—народъ любознательный, а евреи поняли, что правительство желаетъ только нашего блага, и если мы будемъ шествовать впередъ согласно духу времени, оно приблизитъ и защититъ насъ"... („Гамелицъ" 1861 г. № 2).

Въ рѣчахъ администраторовъ, уѣздныхъ и губернскихъ, слышится все тотъ же старый мотивъ о необходимости „исправленія" еврейской народной массы. „Маскилъ" изъ Дубно приводитъ рѣчь губернатора, произнесенную имъ въ общинномъ собраніи для

выборовъ раввина. Губернаторъ нарисовалъ блестящую будущность, какая предстоитъ евреямъ, если только они будутъ слѣдовать по пути просвѣщенія. И корреспондентъ нашъ вполнѣ соглашается съ сущностью этой рѣчи, но тутъ же прибавляетъ, что онъ краснѣлъ, слушая эти наставленія, ибо стыдно и грустно было ему констатировать, „что помощь—не въ насъ самихъ, что требуются наставники не изъ нашего народа, который раньше самъ показывалъ путь другимъ" („Гамелицъ" 1862 г. № 27).

Представители еврейскаго купечества, встрѣчая или провожая губернскихъ администраторовъ, также говорили объ успѣхахъ просвѣщенія, о поощреніи свыше, о гражданскомъ сближеніи между евреями и окружающимъ ихъ населеніемъ; виновники торжества, съ своей стороны, говорили о способностяхъ евреевъ, о томъ, что они „достойны быть гражданами", о воцарившемся мирѣ между ними и христіанами и т. п. А „маскилъ", сообщая о такихъ фактахъ въ печати, дѣлалъ отсюда самые радужные выводы и неизмѣнно сопровождалъ ихъ своими наставленіями: „А вы, братья мои, старайтесь заслужить симпатіи и т. д. („Гамелицъ", 1862, № 32 и сл.).

Вообще, подобными нотаціями наполнены почти всѣ корреспонденціи „Гамелица" за указанный періодъ. И совершенно ясно становится, что авторы ихъ, описывая въ яркихъ краскахъ благія намѣренія правительства, имѣли въ виду, главнымъ образомъ, цѣли пропаганды: поощрять евреевъ къ просвѣщенію и переустройству своей внутренней жизни. Таковъ общій тонъ и руководящихъ статей „Гамелица". На Западѣ евреи, пользуясь гражданскими правами, быстро идутъ по пути просвѣщенія, занимаютъ государственныя должности, участвуютъ въ промышленности и наукахъ... И въ Россіи вовсіяло „солнце справедливости". Намъ простираютъ руку, чтобы вытащить изъ „глубины печали и позора", а приверженцы старины стоятъ на одномъ мѣстѣ, не слѣдуютъ призывамъ свыше, не проникаются духомъ времени, не отдаютъ своихъ дѣтей въ школу и т. д. („Гамелицъ" 1860, №№ 1, 5, 9 и сл.; 61 г. №№ 2, 3, 4, 7 и сл.).

Раздавались временами и иные голоса. „Разсвѣтъ", напримѣръ, выступилъ (№ 6) противъ теоріи предварительнаго „исправленія" евреевъ: „Мы не согласны съ тѣми, которые связываютъ вопросъ нашего нравственнаго перерожденія съ вопросомъ о нашей эмансипаціи. Исторія доказываетъ, что наша полноправность никогда не зависѣла отъ нашего образованія, а отъ большаго или меньшаго развитія политической жизни тѣхъ народовъ,

среди которыхъ мы живемъ"... Евреи должны, конечно, совершенствоваться и освобождаться отъ всего дурного, какъ это обязаны дѣлать и другіе народы. „Впередъ!—продолжаетъ „Разсвѣтъ"—это задача всего человѣчества, стало быть, и задача нашего племени, какъ части—и вовсе не худшей части—всего человѣчества".

Однако, такіе взгляды не характерны для большей части тогдашней еврейской интеллигенціи, которая смотрѣла на свою просвѣтительную миссію, какъ на самую главную и самодовлѣющую задачу момента, передъ которой стушевывался даже вопросъ объ эмансипаціи. Средній интеллигентъ того времени не интересовался политическими и правовыми преобразованіями еврейскаго быта. Слово „эмансипація" было для него очень соблазнительной, но отвлеченной формулой, которую онъ мыслилъ внѣ конкретныхъ условій времени и мѣста. Отмѣна нѣкоторыхъ правовыхъ ограниченій для высшаго еврейскаго купечества и интеллигенціи (законы 1859—61 гг.) интересовала еврейскую интеллигенцію, главнымъ образомъ какъ предвѣстникъ очень близкой „полной эмансипаціи", которая должна содѣйствовать окончательному торжеству просвѣщенія. Послѣ предоставленія окончившимъ университетъ извѣстныхъ правъ, корреспонденты „Гамелица" уже пишутъ объ эмансипаціи, какъ о фактѣ совершившемся: „Съ тѣхъ поръ какъ мы были признаны равноправными гражданами и пали тяжелыя ограниченія, свѣтъ просвѣщенія возсіялъ вездѣ и повсюду"... „Съ тѣхъ поръ, какъ мы были уравнены въ правахъ съ другими, безъ различія вѣроисповѣданія, новый духъ восторжествовалъ по всей линіи" и т. д. (1862 г. №№ 9, 10) [1]. И эти выраженія радости служатъ лишь вступленіемъ къ самому важному—къ поощренію дѣла просвѣщенія, которое стояло на очереди, какъ центральная идея и основная программа дѣятельности еврейской интеллигенціи.

IX.

На ряду съ этой типичной формаціей еврейской интеллигенціи черты осѣдлости, въ немногихъ еврейскихъ центрахъ: Одессѣ, Вильнѣ, Кіевѣ (въ послѣднемъ тогда появились первые

[1]) Корреспондентъ „Гакармеля" (1862 г. № 22) изъ Риги, описывая гоненія на евреевъ, лишенныхъ права жительства, удивляется, что въ то время, какъ по всей Россіи уже воцарился „духъ любви и справедливости" въ отношеніяхъ къ евреямъ, только въ Лифляндіи и Курляндіи сохранились еще старыя ограниченія.

кадры еврейскаго студенчества, — начинаетъ выступать новый типъ интеллигента, уже изжившаго наивныя мечты юности и искавшаго практическаго примѣненія своимъ силамъ. Въ Одессѣ, какъ мы видѣли въ первыхъ очеркахъ, этотъ вопросъ обострился еще въ концѣ 50-хъ годовъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Вильнѣ и Житомірѣ выросла въ стѣнахъ раввинскихъ училищъ сравнительно многочисленная интеллигенція, которая большей частью не могла найти удовлетворенія (по причинамъ, которыя будутъ указаны дальше) въ раввинской или учительской службѣ. Передъ этой интеллигенціей, какъ и передъ первыми еврейскими студентами, во всей своей прозаической сложности возникъ вопросъ: что дѣлать, какъ устроить свою жизнь?

Въ то время, какъ провинціальному „маскилу", вкусившему первые плоды просвѣщенія, „гаскала" рисовалась въ видѣ „юной, нѣжной красавицы", „дочери неба" (обычные эпитеты), къ которой онъ питалъ свою первую пламенную любовь,—Одесса, напримѣръ, уже имѣла передъ собой поколѣніе, пережившее медовый мѣсяцъ „гаскалы" и увидѣвшее себя, послѣ всей перенесенной борьбы съ „отцами", послѣ всѣхъ вынесенныхъ мукъ и лишеній, столь же безправнымъ и отверженнымъ, какъ и прежде. О. А. Рабиновичъ прекрасно выразилъ настроеніе своего круга, когда писалъ: „Судьбу образованныхъ евреевъ можно сравнить со смерчомъ на океанѣ. И онъ подымается до извѣстной высоты и объема, кружится и стремится впередъ съ неимовѣрной силой, издаетъ шумъ, сыплетъ брызги и всѣмъ своимъ явленіемъ обѣщаетъ что-то великое и необычайное; но удѣлъ его—безславное разрушеніе. Онъ распадается и смѣшивается съ началомъ, откуда поднялся, поверхность смыкается, принимаетъ обыкновенный видъ, и никто въ этой качающейся массѣ водъ не въ состояніи различить тѣхъ началъ, которыя собирались въ водяной столбъ и взлетали такъ гордо и высоко"... И еврейская молодежь, послѣ высокихъ полетовъ на вершины просвѣщенія, возвращалась, за неимѣніемъ другого поприща дѣятельности, въ свою прежнюю торговую среду, гдѣ ихъ способности глохли въ мелочныхъ заботахъ и тяжелой борьбѣ за существованіе („Разсвѣтъ", № 18). Тѣ же молодые люди, которые и послѣ полученія образованія оставались внѣ своей прежней среды, переживали нерѣдко очень тяжелыя чувства отъ сознанія своего одиночества, безправности и безпомощности. Одинъ изъ кіевскихъ студентовъ того времени, въ своемъ письмѣ изъ Кіева о положеніи тамошнихъ еврейскихъ студентовъ („Разсвѣтъ", № 31),

рисуетъ настроеніе этихъ юношей, возвращающихся домой, послѣ завершенія всѣхъ мытарствъ, безъ опредѣленнаго положенія и твердой почвы подъ ногами; каждому изъ нихъ приходится выслушивать нерѣдко насмѣшки и укоры „отцовъ“: „Зачѣмъ ты напрасно тратилъ самые лучшіе годы, самый цвѣтъ своей жизни, зачѣмъ было тебѣ трудиться, пріобрѣтать познанія“?.. Такую же трагедію переживали тогда и многіе изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, о чемъ М. Г. Моргулись подробно разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]).

Другой современникъ, хотя и не еврей, но стоявшій тогда очень близко къ активной еврейской интеллигенціи, А. И. Георгіевскій, въ своихъ иностранныхъ обозрѣніяхъ, которыя онъ велъ въ „Разсвѣтѣ“, также останавливается на трудномъ положеніи еврейской интеллигенціи. Какъ извѣстно, иностранныя обозрѣнія „Разсвѣта“ часто служили убѣжищемъ для выраженія тѣхъ мыслей о злобахъ дня русско-еврейской жизни (главнымъ образомъ, по вопросамъ о равноправіи евреевъ,) о которыхъ нельзя было, по цензурнымъ условіямъ, говорить въ статьяхъ о внутренней политикѣ. Георгіевскій рисуетъ три перспективы, стоящія передъ еврейской образованной молодежью: вернуться къ промыслу своихъ отцовъ—торговлѣ и удовлетвориться погонею за матеріальнымъ благополучіемъ, или стать въ „ряды огорченныхъ“, или же измѣнить своей религіи. Ренегатство встрѣчаетъ строгое осужденіе со стороны нашего автора. Употребляя слова разбираемаго имъ по этому поводу иностраннаго публициста, онъ замѣчаетъ, что ренегатство въ мірѣ нравственности,—„ce nest que le premier pas qui coute: только первый шагъ дорого стоитъ, и кто изъ внѣшнихъ побужденій рѣшился измѣнить своей религіи и вступить такимъ образомъ на путь лицемѣрія, тотъ, за немногими исключеніями, готовъ будетъ и впослѣдствіи преклонять свою совѣсть передъ внѣшними обстоятельствами“ („Разсвѣтъ“ № 1). Рѣчь тутъ идетъ объ австрійской еврейской интеллигенціи. Разбираемый А. Георгіевскимъ иностранный авторъ выражаетъ надежду, что австрійское правительство, имѣющее въ виду „развивать, а не подавлять и не извращать нравственныя силы страны“, расширитъ право евреевъ участвовать въ общественной и государственной жизни. Обозрѣватель „Разсвѣта“, вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, имѣетъ тутъ въ виду, по своему обыкновенію, и россійскія дѣла.

[1]) „Изъ моихъ воспоминаній“, Восходъ 1896 г., кн. 5—6, стр. 181—190.

И когда онъ снова возвращается къ этому вопросу въ связи съ обозрѣніемъ жизни итальянскихъ евреевъ и вопросомъ о расширеніи ихъ политическихъ правъ, онъ отмѣчаетъ, насколько важны эти права и для русскихъ евреевъ, которые, будучи допущены къ различнымъ поприщамъ научной и профессіональной дѣятельности и государственной службы, „принесутъ значительную пользу всѣмъ отраслямъ государственной жизни“ (№ 6).

Всѣ вышеприведенныя наблюденія о положеніи еврейской интеллигенціи, не находившей примѣненія своимъ силамъ, относятся ко времени, предшествовавшему изданію правилъ 27 ноября 1861 г. о предоставленіи нѣкоторыхъ преимуществъ евреямъ, получившимъ высшее образованіе. Эти правила, какъ извѣстно, дали имъ не только право жительства, но и нѣкоторый доступъ на бывшія до сихъ поръ закрытыми многія поприща общественной и государственной службы. Новый законъ вызвалъ большой энтузіазмъ среди еврейской молодежи, что и отразилось въ корреспонденціяхъ и публицистикѣ періодической печати. Открылись новыя перспективы передъ еврейской интеллигенціей. Но „Сіонъ“ поставилъ другой вопросъ: какъ отразятся новыя привиллегіи „на жизни и развитіи всего нашего народа“? И по напутствіямъ, которыя журналъ даетъ новымъ кандидатамъ на государственныя должности, мы можемъ отчасти судить о настроеніяхъ того времени. „Сіонъ“ привѣтствуетъ новыхъ піонеровъ и убѣждаетъ ихъ понять свое истинное назначеніе: способствовать внѣ черты осѣдлости расчищенію почвы для примиренія и сближенія между русскимъ и еврейскимъ народомъ. „При господствующихъ еще въ настоящее время понятіяхъ, нѣтъ основанія думать, говоритъ „Сіонъ“, чтобы на молодыхъ кандидатовъ нашихъ, имѣющихъ поступить въ различныя вѣдомства, смотрѣли прежде всего иначе, какъ только на евреевъ“. Они поэтому должны всегда помнить свою отвѣтственность и вездѣ усиливать собою „партію добросовѣстнаго, честнаго и разумнаго выполненія служебныхъ обязанностей, отнюдь не примыкая къ сильной еще партіи стараго времени—формализма, рутины и кривизны“. А вмѣстѣ съ тѣмъ „каждый изъ нихъ долженъ сохранить самосознаніе и отказаться разъ навсегда отъ того ложнаго стыда, который нерѣдко заставляетъ нашихъ молодыхъ людей скрывать свое еврейское происхожденіе и вѣроисповѣданіе“.

„Сіонъ“ надѣется, что при такихъ условіяхъ „разселеніе цвѣта нашего молодого поколѣнія по разнымъ мѣстностямъ чуждыхъ для насъ великороссійскихъ губерній“ можетъ принести

„великую пользу“ общимъ и еврейскимъ интересамъ. Но тутъ же передъ лицомъ современника снова возникаетъ тревожный вопросъ: какое вліяніе можетъ имѣть это разселеніе на еврейскую народную массу, процессъ возрожденія которой „только что начинается“? Ей необходимы просвѣщенные и энергичные дѣятели, „которые въ служеніи интересамъ своего народа полагали бы задачу своей жизни и для которыхъ служба, въ банальномъ смыслѣ этого слова, не была бы единственной цѣлью“. И „Сіонъ“ выражаетъ надежду, что „значительное число нашихъ кандидатовъ“ останется въ своей еврейской средѣ и, пользуясь новыми привиллегіями, расширитъ тутъ объемъ своей просвѣтительной работы. Въ самомъ же фактѣ дарованія привилегій окончившимъ высшія учебныя заведенія „Сіонъ“, какъ и другіе органы печати той эпохи, видѣлъ „важный шагъ впередъ на пути къ признанію равноправности евреевъ, шагъ, тѣмъ болѣе для насъ радостный, что мы имѣемъ твердую надежду, что нынѣ дарованная привиллегія откроетъ мѣсто другимъ“ („Сіонъ“, № 39).

И. Сосисъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пещерный городъ Тепе-Керменъ и его древнее еврейское кладбище.

Всякій, кому приходилось ѣздить по желѣзной дорогѣ въ Севастополь, могъ изъ окна своего вагона, на послѣдней станціи—Инкерманъ, видѣть цѣлый рядъ пещеръ, высѣченныхъ въ находящейся передъ нимъ скалѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ зіяютъ своими открытыми отверстіями, къ другимъ прислонены современныя пристройки монастырско-церковнаго характера. Большинство пещеръ сохранилось въ своей первобытной цѣлости, отъ другихъ отсѣчена большая или меньшая передняя часть, отъ третьихъ осталась одна задняя стѣна, выдающаяся въ видѣ чернаго пятна на бѣломъ фонѣ скалы (скала вокругъ пещеры, вмѣстѣ со всѣми стѣнами ея, ушла на добываніе того бѣлаго камня, изъ котораго построенъ весь Севастополь). Передъ нами пещерный городъ. Такихъ пещерныхъ городовъ въ Крыму нѣсколько: въ Инкерманѣ, около Бахчисарая, на Алмѣ.

Описанія, оставленныя намъ изслѣдователями разныхъ временъ, показываютъ, какъ быстро портятся и безжалостно уничтожаются эти интересныя сооруженія древности. Достаточно уже издали взглянуть на Инкерманскія каменоломни, чтобы сказать, что при дальнѣйшей такой работѣ отъ всѣхъ пещеръ не останется и слѣда.

Существующее въ Симферополѣ „Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы", въ программу дѣятельности котораго входитъ, между прочимъ, изученіе и охрана памятниковъ крымской старины, выдѣлило изъ своей среды группу членовъ, которой поручило изученіе крымскихъ пещерныхъ городовъ и на первую очередь поставило изслѣдованіе пещеръ Тепе-Кермена. Задача эта группой выполнена съ успѣхомъ, и результаты ея изслѣдованій помѣщены въ 3-мъ томѣ „Записокъ" Общества за 1913 годъ [1]).

[1]) Н. А. Боровко. Тепе-Керменъ, пещерный городъ въ Крыму. Съ 29 рис. Симферополь, 1913 (63 стр. Отд. оттискъ).

Отсылая читателей, интересующихся подробнымъ описанiемъ пещеръ Тепе-Кермена, къ означенному очерку, я въ настоящей замѣткѣ дамъ только краткое описанiе ихъ, останавливаясь на тѣхъ сторонахъ, которыя имѣютъ отношенiе къ еврейской исторiи въ Крыму.

Тепе-Керменъ находится въ 6 верстахъ отъ Бахчисарая, вблизи развалинъ Чуфутъ-кале—סלע היהודים, съ его знаменитымъ кладбищемъ „Iосафатова долина", памятники котораго такъ кощунственно осквернены рукою караима Авраама Фирковича. Тепе-Керменъ представляетъ собою гору съ двумя скатами, возвышающуюся на 1779 фут. надъ уровнемъ моря и на 750 футовъ надъ уровнемъ окружающей мѣстности. Оба ската его, равно какъ и плато, изрыты пещерами, число которыхъ доходитъ до 250. Пещеры расположены неправильными ярусами, группами по 6—7. Преобладаютъ пещеры одиночныя; имѣется только небольшая часть двойныхъ (17) и тройныхъ (3). По формѣ пещеры представляются четырехугольными, круглыми, полукруглыми, овальными и неправильной формы. Въ вышину онѣ имѣютъ около трехъ аршинъ, въ глубину и ширину по нѣсколько аршинъ (въ глубину до 10, а въ ширину до 13 аршинъ). Пещеры сообщаются съ внѣшнимъ мiромъ входными отверстiями, открывающимися сверху, въ видѣ люковъ, или же спереди. Пещеръ съ люками очень мало, и расположены онѣ главнымъ образомъ на плато. Открывающiяся спереди раздѣляются на открытыя, входное отверстiе которыхъ занимаетъ всю ширину пещеры, полузакрытыя—съ отверстiями отъ 2 до 7 аршинъ, и закрытыя—съ отверстiями менѣе 2 аршинъ, въ видѣ дверныхъ коробокъ, изъ которыхъ у однихъ выбраны фальцы для дверей, а у другихъ съ боковъ выдолблены отверстiя, куда очевидно вкладывались засовы или запоры.

Внутренняя обстановка пещеръ очень бѣдна. Часто пещера совершенно пуста; иногда въ полу имѣется одно или нѣсколько углубленiй, отъ нѣскольких вершковъ до 1 арш. въ дiаметрѣ, мѣстами съ желобкомъ сбоку. Изрѣдка въ стѣнѣ встрѣчаются отверстiе или проломъ, ниша или углубленiе, болѣе или менѣе правильной формы, иногда колонка. Наиболѣе частую особенность, встрѣчающуюся въ пещерахъ, представляютъ слѣдующiя образованiя, описанiе которыхъ, въ виду важности ихъ, передаю словами изслѣдователей: „Одна изъ нихъ (особенностей)—нѣчто въ родѣ заваленки, называемой нѣкоторыми лежанкою, высѣченной изъ камня. Другая—это каменный выступъ, изъ котораго или

вполнѣ или только отчасти извлеченъ камень, такъ что получается приспособленіе, очень похожее на ясли. Сходство это усиливается у многихъ изъ нихъ еще тѣмъ, что передняя стѣнка у нихъ невысока и снабжена иногда дырами, словно для привязи скота. Иногда же такое приспособленіе достигаетъ высоты аршина и болѣе, и тогда оно скорѣе напоминало бы закромъ, если бы въ такомъ случаѣ выемка не была очень мелка, иногда не болѣе вершка, двухъ“ (стр. 12—13).

Одна изъ пещеръ представляетъ для насъ особый интересъ, а потому ея описаніе также приведу цѣликомъ словами изслѣдователей: „...Самыя интересныя пещеры Тепе-Кермена расположены по верхнимъ краямъ его скалы. Доступъ къ нимъ съ плато... Проходъ шириною въ 2 аршина ведетъ съ этой площадки (на плато) къ пещерѣ. Это одна изъ наиболѣе разработанныхъ пещеръ: входъ у нея въ видѣ дверной коробки, съ выемкой для дверей; слѣва надъ нимъ выдѣлано маленькое круглое окно. Внутри пещеры пять выступовъ различной величины, но не высокихъ, съ очень мелкими выемками. На обѣихъ притолкахъ дверной коробки высѣчены надписи древне-еврейскими буквами. Буквы высѣчены довольно глубоко и частью уже вывѣтрились. Нѣсколько ступеней, высѣченныхъ въ скалѣ, выводятъ изъ этой пещеры на плато“ (стр. 29).

Кромѣ пещеръ обычнаго типа, въ Тепе-Керменѣ имѣется нѣсколько отличныхъ: это три большія пещеры, изъ которыхъ двѣ описаны подъ названіемъ „пещерныхъ церквей“, а третья принимается за храмъ, но не христіанскій. Отсылая интересующихся подробнымъ описаніемъ къ указанной работѣ, я приведу опять таки словами изслѣдователей описаніе одной изъ церквей въ части, интересной для насъ (стр. 22—23): „Вторая пещерная церковь... расположена также на лѣвой сторонѣ горы, во второмъ ярусѣ... Входъ въ нее, выходящій прямо на сѣверъ, выработанъ въ видѣ дверной коробки... Алтарь расположенъ прямо на востокъ. Восточная стѣна имѣетъ видъ полукруглой ниши. На полу алтаря сдѣлано углубленіе правильнымъ квадратомъ, глубиной въ 8 сант., очевидно, для престола... Вдоль всей западной стѣны тянется уступъ въ видѣ скамьи, 30 сант. ширины... На правой сторонѣ алтарной арки помѣщается греческая надпись въ нѣсколько словъ [1]). Тотчасъ у входа, съ лѣ-

[1]) Точнѣе—въ нѣсколько строкъ, какъ видно изъ рисунка на стр. 24 названной книжки. *А. Г.*

вой стороны его, высѣченъ въ стѣнѣ небольшой орнаментъ. Это два концентрическихъ круга, въ которыхъ расположены крестообразно четыре спицы [1]). Въ нижней части этого колеса высѣчены 4 ·буквы древне-еврейскаго алфавита".

Этимъ, мнѣ кажется, я исчерпалъ все, что насъ можетъ интересовать въ описаніяхъ пещеръ Тепе-Кермена.

Каково же назначеніе этихъ пещеръ? Относительно этого существуютъ три гипотезы: 1) Пещеры служили обиталищемъ древняго народа троглодитовъ, 2) служили убѣжищемъ для гонимыхъ христіанъ, 3) пещеры представляютъ собою древнее кладбище. Первая гипотеза, высказанная швейцарскимъ ученымъ Дюбуа де Монперэ (1843 г.), опровергается изслѣдователями, между прочимъ, по слѣдующимъ основаніямъ: изъ 223 изслѣдованныхъ пещеръ 145 не имѣютъ передней стѣны, цѣликомъ или значительной части ея, т. е. лишены защиты отъ холода, и только 57 имѣютъ входное отверстіе въ видѣ дверной коробки; только 14 имѣютъ отверстіе, напоминающее окно, и то странное окно, устроенное, напримѣръ, въ одной изъ пещеръ у самаго пола. Кромѣ 5—6, нѣтъ дымовыхъ отверстій, а если такое отверстіе и есть, еще сомнительно, чтобы оно служило для выхода дыма. Такимъ образомъ, уже по одному этому надо думать, что пещеры наврядъ ли могли служить жильемъ даже для такихъ первобытныхъ людей, какъ троглодиты.

По тѣмъ же отчасти мотивамъ должна быть отвергнута вторая гипотеза, что пещеры служили убѣжищемъ для христіанъ, спасавшихся отъ религіозныхъ преслѣдованій, хотя съ другой стороны нельзя отрицать того, что вокругъ обѣихъ церквей могла группироваться братія маленькаго монастыря.

Соблазнительнѣе всѣхъ третья гипотеза, нѣмца Тунмана (1777 г.), что пещеры представляютъ собою древнее кладбище; но и эта гипотеза считается изслѣдователями неосновательной, потому что тѣ данныя, на которыхъ основываетъ свое предположеніе Тунманъ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Эта гипотеза была, повидимому, вызвана ложнымъ представленіемъ о размѣщеніи пещеръ въ скалѣ горы (по словамъ Тунмана „вся скала покрыта безчисленнымъ количествомъ гротовъ и пещеръ, расположенныхъ въ особомъ порядкѣ, почти какъ колумбаріи древнихъ"), а этого то порядка на самомъ дѣлѣ нѣтъ (стр. 38).

[1]) Не вполнѣ точное описаніе. *А. Г.*

А между тѣмъ повсюду въ Тепе-Керменѣ вѣетъ могилой: пещеры со входомъ въ видѣ люковъ, пещеры безъ дверей, а гдѣ есть двери, то безъ оконъ, безъ дымовыхъ ходовъ, устроены во всякомъ случаѣ не для живого человѣка. Въ нишѣ одной изъ нихъ—человѣческая кость, вѣроятно, послѣдній остатокъ отъ цѣлаго скелета; среди пещеръ—могильники, наполненные человѣческими костями; въ церквахъ и вокругъ нихъ, на открытыхъ мѣстахъ, гробницы; цѣлыя группы пещеръ вокругъ церквей производятъ на изслѣдователей и теперь впечатлѣніе мѣстъ погребенія. Къ тому еще эти подозрительныя образованія—„лежанки, выступы, ясли", назначеніе которыхъ такъ таинственно, а между тѣмъ такъ легко объяснимо, если признать въ нихъ могильное ложе. Устройство ихъ—незначительная глубина выемки—уже говоритъ о томъ, что они не могли служить яслями, какъ нѣкоторые предполагаютъ, а отверстія у краевъ ихъ могли быть сдѣланы уже впослѣдствіи, когда пещерами дѣйствительно пользовались для загона скота и этими углубленіями—какъ яслями. Еще Дюбуа высказалъ предположеніе, что углубленія служили ложемъ, но для живыхъ, а не для мертвыхъ. Послѣдніе же изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что болѣе высокія изъ нихъ (почему только болѣе высокія?) скорѣе всего вызываютъ мысль о могильномъ ложѣ. Писатель Марковъ своимъ поэтическимъ чутьемъ разгадалъ, что въ пещерахъ Тепе-Кермена мы имѣемъ дѣло съ кладбищемъ какой то древней народности, но ошибся, считая, что эта народность христіанская.

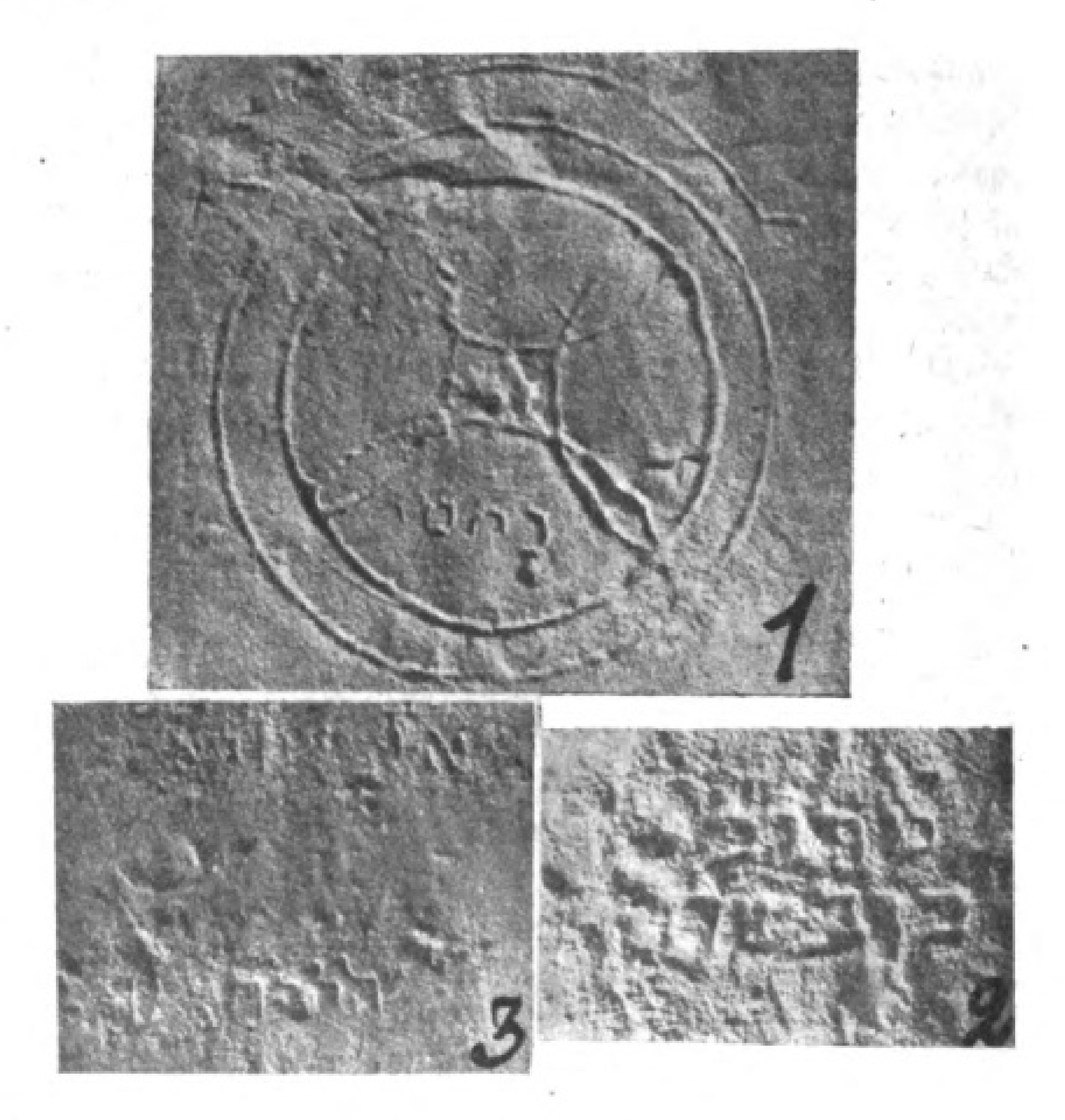
Обычай хоронить своихъ покойниковъ въ пещерахъ существовалъ въ глубокой древности у многихъ народовъ Востока—евреевъ и язычниковъ. Историческимъ указаніемъ на такое погребеніе можетъ служить пещера въ Махпелѣ, пріобрѣтенная патріархомъ Авраамомъ для погребенія въ ней Сарры и ставшая потомъ его семейнымъ склепомъ. Кладбищами для общественнаго пользованія служили или отдѣльныя пещеры—„hypogea", или катакомбы, устроенныя по установленнымъ правиламъ. Много такихъ склеповъ-пещеръ сохранилось въ окрестностяхъ Іерусалима: могилы пророковъ, могилы судей, членовъ синедріона. Богатыя семейства имѣли свои собственные, семейные склепы (напр. склепъ семейства священниковъ изъ рода Хезиръ—בני חזיר вблизи Іерусалима (Хвольсонъ, Сборникъ еврейскихъ надписей, стр. 60—65). Во время своего разсѣянія евреи вездѣ, гдѣ только позволяла почва, сохраняли этотъ обычай хоронить

своихъ покойниковъ. Въ послѣднее время много такихъ hypogea открыто, кромѣ Палестины, въ Геліополѣ, во Фригіи, въ Сиракузахъ, въ Сициліи, въ Карѳагенѣ и Киренаикѣ въ Африкѣ. Съ возникновеніемъ христіанства обычай хоронить въ пещерахъ и катакомбахъ перешелъ и къ христіанамъ. Христіанскія катакомбы устраивались такъ же, какъ и еврейскія, отличаясь только по надписямъ и эмблемамъ. При отсутствіи послѣднихъ, трудно отличить еврейское погребеніе отъ христіанскаго. Но есть одна особенность, характерная именно для еврейскаго погребенія: это — образованія въ формѣ корыта (acrosolia) и скамейки, на которыя клали тѣла покойниковъ. Эти образованія настолько характерны, что тамъ, гдѣ они встрѣчаются, погребеніе надо считать еврейскимъ, а никакъ не христіанскимъ. Благодаря именно этимъ образованіямъ, опредѣлена принадлежность многихъ открытыхъ въ прошломъ столѣтіи катакомбъ въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи (между прочимъ, знаменитыхъ катакомбъ благородной Домициллы въ Римѣ) именно евреямъ, а не христіанамъ (Еврейская Энциклопедія т. IX, стр. 370).

Если теперь обратиться къ тѣмъ таинственнымъ образованіямъ Тепе-Керменскихъ пещеръ, которыя прослыли подъ названіемъ „выступы, лежанки, ясли“ и назначеніе которыхъ до сихъ поръ не опредѣлено въ точности, то увидимъ, что это ничто иное, какъ acrosolia и скамьи еврейскихъ погребеній. Такимъ образомъ, эти образованія, которыя мы съ настоящаго времени должны называть принадлежащимъ имъ именемъ—acrosolia, служатъ подтвержденіемъ той дагадки, что пещеры Тепе-Кермена дѣйствительно представляютъ собою древнее кладбище, но не какой либо христіанской народности (по крайней мѣрѣ для того времени, когда были сооружены эти пещеры съ ихъ acrosolia), а евреевъ.

Подтвержденіемъ послѣдняго, т. е. принадлежности кладбища евреямъ, служатъ найденныя еврейскія надписи. Число ихъ, какъ видно изъ описанія, три. Надпись на стѣнѣ церкви хорошо сохранилась и состоитъ изъ четырехъ буквъ (рис. 1). Подъ первой буквой имѣется какъ бы знакъ „комацъ“ (ָ), но мнѣ кажется, что этотъ знакъ—просто вывѣтрившаяся часть скалы или же углубленіе, образовавшееся вслѣдствіе отскочившаго осколка, потому что онъ черезчуръ великъ соразмѣрно съ

буквой, подъ которой онъ стоитъ [1]). Если отбросить этотъ якобы „комацъ", то надпись, мнѣ казалось бы, можно читать רחמי — быть можетъ, недописанное רחמיאל. Если допустить, что вертикальная черта отъ знака ָ случайная, а горизонтальная принадлежитъ буквѣ, то эта буква будетъ не ר, а ב или כ; въ такомъ случаѣ, съ натяжкой, можно было бы читать בחסי—неправильное начертаніе „БАХШИ" (Бакши—крымчакская фамилія).

Что касается надписей на притолокахъ (косякахъ) пещеры, то надпись на лѣвомъ косякѣ сильно вывѣтрилась и состоитъ изъ двухъ строкъ (рис. 2). По мнѣнію академика П. Коковцова, надпись читается מרדכי בן בוטא—Мордохай бенъ-Бута. Съ большой осторожностью академикъ Коковцовъ высказывается, что въ палеографическомъ отношеніи надпись относится къ VII—IX столѣтію. Мнѣ кажется, что въ концѣ второй строки можно прочесть שרה.

[1]) Вдобавокъ, знаки пунктуаціи въ еврейской эпиграфіи не употреблялись.—Ред.

Надпись на правомъ косякѣ (рис. 3), очевидно, состояла изъ нѣсколькихъ строкъ. Къ сожалѣнію, отъ первой строки сохранилась только первая буква א, а на послѣдней строкѣ имѣются и теперь хорошо сохранившіяся 4 буквы. Въ виду того, что надъ каждой изъ нихъ ясно видна точка, полагаю, что это—дата, и читается она ה׳ר׳פ׳ח׳, т. е. 5288 г. по еврейскому лѣтосчисленію или 1528 г. христ. эры [1]), что вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру буквъ этой надписи, особенно хорошо выработанной буквѣ א 1-й строки.

Если мое чтеніе надписи на стѣнѣ церкви вѣрно, оно указываетъ, по всей вѣроятности, на имя тамъ погребеннаго. Надпись на лѣвомъ косякѣ пещеры, быть можетъ, указываетъ на имя или имена собственниковъ пещеры-склепа. Въ послѣдней же надписи на другомъ косякѣ дата совпадаетъ съ большею частью датъ памятниковъ Чуфутъ-Кале и Мангупа [2]).

Такимъ образомъ, изъ надписей можно сдѣлать заключеніе, что пещеры Тепе-Кермена находились въ распоряженіи евреевъ, по крайней мѣрѣ до 16 столѣтія, когда онѣ всецѣло или отчасти переходятъ къ христіанамъ, устроившимъ въ двухъ изъ нихъ церкви и, быть можетъ, основавшимъ и монастырь.

Нѣкоторый свѣтъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, могли бы пролить надписи, принимаемыя за греческія, но надпись на стѣнѣ одной изъ церквей вовсе не приведена въ названномъ выше „очеркѣ“, а другая (стр. 24) для насъ неразборчива.

Симферополь.

Д-ръ **А. Гидалевичъ.**

---

[1]) Можно также читать ה׳ר׳מ׳ח׳, т. е 1488 г. хр. эры.—Ред.

[2]) См. Евр. Старина 1914 г., вып. 1, стр. 13 сл.

Проекты реформы еврейскаго быта въ Польшѣ въ концѣ XVIII вѣка.

Въ Польшѣ, какъ и на западѣ, вопросы реформы еврейскаго быта стали на очередь въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка.

Нужно было урегулировать бытъ огромной массы людей, не принадлежавшихъ ни къ одному изъ польскихъ сословій, якобы пользовавшихся привилегіями, а на дѣлѣ угнетенныхъ, находившихся въ зависимости отъ капризовъ пана, города, магистратовъ. Нужно было найти modus vivendi для толпы „тунеядцевъ", какъ огульно называетъ еврейскую голтдьбу каштелянъ Еверскій въ проектѣ установленія „Taksy na prożniaków" (таксы для тунеядцевъ) въ 1790 г. Все это были вопросы тѣмъ болѣе жгучіе, что при господствѣ новыхъ философскихъ теченій, при общемъ увлеченіи идеями естественнаго права, въ эпоху деклараціи правъ человѣка и гражданина, нельзя было отрицать за евреями права на званіе гражданъ.

Евреи составляли въ Польшѣ значительную группу—1/8 всего населенія. Необходимо было предпринять что нибудь по отношенію къ нимъ. Нужно было „сдѣлать евреевъ гражданами", точнѣе—включить ихъ въ составъ какого либо сословія, уже пользовавшагося гражданскими правами. Таковъ былъ руководящій принципъ польскихъ общественныхъ дѣятелей конца XVIII вѣка.

Но тутъ возникалъ вопросъ: къ какому сословію причислить евреевъ? По этому вопросу мнѣнія раздѣлились, и выяснились два различныхъ направленія. Рѣчь могла идти лишь о двухъ сословіяхъ—крестьянскомъ и мѣщанскомъ.

Представители городовъ, не рѣшавшіеся признаться публично, что охотнѣе всего согласились бы на полное изгнаніе евреевъ, повторяютъ въ своихъ проектахъ одинъ и тотъ же рефренъ: евреи должны быть включены въ составъ крестьянскаго

сословія или въ ряды чернорабочихъ. Между тѣмъ евреи въ своихъ проектахъ реформъ добиваются включенія въ городское сословіе, ссылаясь на свои способности къ торговлѣ; впрочемъ, они не отказываются и селиться въ деревняхъ. На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ и законодатели-дворяне.

Проекты реформъ, присланные городами, диктовались чувствомъ ненависти, вызванной конкурренціей; еврейскіе дѣятели, составляя свои проекты, руководились чувствомъ любви къ своему гонимому народу, котораго реформы эти непосредственно касались. Что же касается такихъ реформистовъ, какъ Бутримовичъ или Коллонтай, то въ ихъ проектахъ отразились гуманитарныя идеи той эпохи и стремленія къ уравненію въ правахъ всѣхъ гражданъ страны, какъ людей, свободныхъ и равныхъ въ силу естественнаго права.

Всѣ либеральные проекты реформъ единогласно указываютъ, что просвѣщеніе является первымъ средствомъ, ведущимъ къ цѣли. Европейское просвѣщеніе должно освободить евреевъ отъ „ига Талмуда“ и средневѣковой схоластики и дать имъ толчокъ къ сліянію съ окружающей средой. Здѣсь, конечно, рѣчь шла не о полномъ сліяніи, какъ понималъ его ксендзъ-юдофобъ Пикульскій, не о крещеніи. Реформаторы и не думали посягать на еврейскую религію, а также на кагальную автономію [1]). Правда, предполагалось, что воевода или другое должностное лицо, указанное сеймомъ, будетъ регулировать и вѣдать еврейскія дѣла, но тѣмъ не менѣе права кагала будутъ гарантированы закономъ. Реформаторы не сомнѣвались, что уравненіе евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ пробудитъ въ нихъ патріотическія чувства; нужно только позаботиться чтобы государство исполняло свои обязанности по отношенію къ евреямъ для того, чтобы евреи исполняли свои обязанности по отношенію къ государству.

1. Проекты реформъ до созыва сейма 1788 года.

Уже въ 1778 г. коронный канцлеръ Андрей Замойскій занялся изготовленіемъ проекта законодательства о евреяхъ. Канцлера склонялъ къ этому король Станиславъ Августъ, который намѣревался дать проекту свою санкцію. До этого однако дѣло не дошло: проектъ не былъ утвержденъ. Онъ никого не удовле-

[1]) Однако, значительное сокращеніе этой автономіи входило въ планы даже либеральныхъ прожектеровъ, какъ изложено дальше, гл. 3 и сл. *Ред.*

творилъ. Въ немъ собраны были всѣ направленныя противъ евреевъ „конституціи", которыхъ въ прежнія времена добилось мѣщанство въ борьбѣ со своимъ конкуррентомъ. Авторъ проекта совершенно не имѣлъ въ виду реформировать положеніе евреевъ; наоборотъ—онъ стремился укрѣпить status quo, сохранить въ неприкосновенности прежнія формы. „Причиной этому было, то—разсказываетъ Мацѣевскій,—что плоцкій епископъ Шембекъ добивался разрѣшенія участвовать въ составленіи проекта, а Замойскій охотно на это согласился. Онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что необходимо оказать на евреевъ моральное давленіе, дабы они сами прониклись желаніемъ вступить въ лоно католической церкви" [1]).

Этотъ проектъ уже заключаетъ въ зародышѣ позднѣйшіе проекты, имѣющіе цѣлью „исправленіе" евреевъ, такъ какъ въ немъ имѣется пунктъ, требующій отъ каждаго еврея выбора опредѣленной профессіи; при этомъ евреямъ разрѣшается заниматься торговлей, ремесломъ и земледѣліемъ, за что они обязаны уплачивать особый подоходный налогъ государству. Канцлеръ настаиваетъ на необходимости строго соблюдать это постановленіе, поручаетъ раввинамъ неусыпно слѣдить за этимъ и рѣшительно воспрещаетъ вступать въ бракъ евреямъ, которые не могутъ представить доказательства того, что они занимаются какой нибудь профессіей [2]).

Однако, принадлежность еврея къ какому либо сословію не опредѣляется родомъ его занятій: еврей, занимающійся торговлей въ городѣ на основаніи договора или incolatum и проживающій въ предѣлахъ особаго квартала, не причисляется къ городскому сословію, хотя подлежитъ юрисдикціи не воеводы, а городскаго суда. Евреи, проживающіе въ деревняхъ, должны направлять свои дѣла не къ владѣльцу деревни, а въ уѣздный судъ. Не принадлежа къ городскому сословію, евреи несутъ однако обязанности мѣщанъ и должны нести всякіе поборы и повинности въ пользу городовъ, а наряду съ этимъ уплачивать цѣлый рядъ податей въ государственную казну [3]).

Благодаря вліянію епископа Шембека, были вновь извлечены на свѣтъ Божій постановленія церковныхъ съѣздовъ, воспрещающія евреямъ держать христіанскую прислугу и указывающія, какъ

---

[1]) Мацѣевскій.—Żydzi w Polsce etc., стр. 85.

[2]) Тамъ-же, §§ 1—4, 11—12.

[3]) Zbiór praw sądowych, 1778, §§ 5, 8.

имъ слѣдуетъ вести себя во время христіанскихъ процессій, праздниковъ и т. п.

Въ проектѣ подчеркивается, что евреи только терпимы въ странѣ и что эта терпимость позволяетъ имъ сохранить автономію въ дѣлахъ вѣры. Авторъ проекта предупреждаетъ, что не слѣдуетъ „силою принуждать евреевъ къ принятію крещенія, или крестить несовершеннолѣтнихъ дѣтей безъ согласія родителей". Выкресты не утрачиваютъ права наслѣдовать имущество родителей-евреевъ, а претензіи свои могутъ заявлять „соотвѣтствующей судебной инстанціи". Строго воспрещаются, подъ угрозой мѣсячнаго тюремнаго заключенія, бесѣды между неофитами и евреями наединѣ, не въ присутствіи христіанъ [1]).

Таковъ первый проектъ „реформы" еврейскаго быта, въ которомъ было очень мало новаго и слишкомъ много стараго, обветшалаго.

Въ 1782 г. вышла въ свѣтъ анонимная брошюра подъ названіемъ „Żydzi czyli konieczna potrzeba reformowania żydów" („Объ евреяхъ или о крайней необходимости реформировать бытъ евреевъ"). Принципы, изложенные въ этой брошюрѣ, легли въ основу всей позднѣйшей литературы по еврейскому вопросу. Авторъ пытается пробудить умы согражданъ, указывая имъ на то, что при настоящемъ положеніи евреи являются бременемъ для страны, такъ какъ у многихъ изъ нихъ „бездѣлье, обманъ, лѣность стали обычными свойствами". „Вездѣ—восклицаетъ онъ—евреи обратили на себя вниманіе правительствъ, а мы совсѣмъ не обращаемъ на нихъ вниманія, хотя этотъ народъ составляетъ 1/8 населенія страны".

Автору брошюры, повидимому, не чужды были западныя философскія идеи; это видно изъ того, что онъ обращается къ польскому обществу съ призывомъ перестать смотрѣть на евреевъ, „какъ на какое то особенное явленіе природы", перестать издѣваться надъ ними и преслѣдовать ихъ „за ихъ недостатки", потому что недостатки эти не являются врожденными, неизмѣнно присущими имъ чертами характера, а созданы условіями жизни, которыя имѣютъ свойство рождать въ каждой человѣческой душѣ злыя или добрыя чувства. „Человѣкъ не рождается ни злымъ, ни добрымъ, ни умнымъ, ни глупымъ; онъ рождается лишь съ возможностью стать тѣмъ или другимъ". Характеръ человѣка вырабатывается подъ вліяніемъ религіи, законодательства, воспитанія. Еврей-

---

[1]) Тамъ-же, §§ 13—15, 18, 21—22.

ская религія есть религія любви къ ближнему, а всѣ тѣ упреки, которыми осыпаютъ ее разные люди, вызываются лишь личнымъ озлобленіемъ. Нельзя конечно отрицать, что на практикѣ евреи не всегда соблюдали эти требованія морали, но виновато въ этомъ законодательство, для котораго евреи всегда были пасынками. Законодательство разсматривало евреевъ какъ особую какую то группу, и сами евреи привыкли къ тому, что они составляютъ обособленный организмъ и подчинены двоякимъ законамъ—государственнымъ и своимъ собственнымъ". Законодательство не разсматривало евреевъ, какъ общественный классъ. Въ Польшѣ существовали особые законы для каждаго класса, но евреи не входили въ составъ ни одного изъ нихъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они, ища средствъ къ пропитанію, набрасывались на торговлю, и такимъ образомъ въ нихъ выработались черты, вызывавшія всеобщее къ нимъ презрѣніе, ибо „люди таковы, какимъ ихъ дѣлаетъ законъ".

Автора брошюры нисколько не удивляетъ фактъ, что несмотря на конституцію 1775 года, разрѣшающую евреямъ заниматься земледѣліемъ, нашлось лишь 14 семействъ, воспользовавшихся этимъ разрѣшеніемъ: какой интересъ человѣку обрабатывать чужую землю, не могущую стать его собственностью? Вѣдь это значило бы промѣнять свободную жизнь на горькую долю крестьянина, прикрѣпленнаго къ землѣ и зависящаго отъ капризовъ пана. „Плохи наши законы о евреяхъ,—восклицаетъ авторъ,—плохо то, что евреи стоятъ внѣ всѣхъ сословій. Плохо, что власть надъ ними передана въ руки частныхъ лицъ или особыхъ еврейскихъ чиновниковъ. Плохо, что ихъ считаютъ чужимъ народомъ и что наша страна не является для нихъ отечествомъ. А хуже всего то, что мы имъ разрѣшили жить по собственнымъ законамъ и обычаямъ. Вслѣдствіе этого образовалось новое corpus in corpore, государство въ государствѣ, а въ виду того, что еврейскіе законы и обычаи идутъ въ разрѣзъ съ нашими, такое положеніе вещей породило конфликты, путаницу, взаимное недовѣріе, презрѣніе и ненависть. Основнымъ правиломъ для христіанина стало—преслѣдовать и ненавидѣть евреевъ, а для еврея—обманывать и ненавидѣть христіанъ". Такое положеніе вещей не можетъ долго продолжаться, такъ какъ оно невыгодно ни для страны, ни для евреевъ. Слѣдуетъ предпринять рядъ реформъ еврейскаго быта, причислить евреевъ къ городскому сословію, отмѣнить юрисдикцію воеводы, подчинить евреевъ власти магистрата, дать имъ всѣ права, которыми пользуется мѣщанство, убѣдить

ихъ въ необходимости нести наравнѣ съ мѣщанами всѣ поборы въ пользу городовъ, отнять у нихъ корчмы и принудить заниматься только нормальной торговлей и промышленностью; наряду съ этимъ слѣдуетъ заботиться о сближенiи евреевъ съ неевреями путемъ уничтоженiя еврейскихъ праздниковъ, отмѣны особой еврейской одежды, запрещенiя жаргона и отмѣны поголовнаго налога.

Передъ нами одинъ изъ тѣхъ проповѣдниковъ принудительной ассимиляцiи, которые впослѣдствiи, въ эпоху четырехлѣтняго сейма, выступятъ съ предложенiемъ, чтобы сеймъ занялся вопросомъ о реформѣ быта наиболѣе угнетенной группы населенiя. Всѣ проекты, появившiеся спустя нѣсколько лѣтъ, заключаютъ въ себѣ, лишь въ болѣе тщательной обработкѣ, мысли, высказанныя безымяннымъ авторомъ брошюры 1782 года.

2. Проекты реформъ въ эпоху четырехлѣтняго сейма.

Четырехлѣтнiй сеймъ (1788—1791) работалъ подъ влiянiемъ западно-европейскихъ теченiй, провозгласившихъ равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Въ эпоху сейма пользовались влiянiемъ люди, которые стремились уничтожить кастовыя привилегiи, сдѣлать крестьянина человѣкомъ свободнымъ, поднять презираемую донынѣ профессiю торговца на уровень занятiя почетнаго и выгоднаго для страны. А такъ какъ „желательно было создать подъемъ въ странѣ и поднять на болѣе высокую ступень просвѣщенiе всѣхъ классовъ народа",—какъ выражается Чацкiй,—то нельзя было обойти и евреевъ. Ихъ нельзя было обойти не только потому, что евреевъ насчитывалось въ странѣ около миллiона, но и потому, что они находились въ близкихъ и непосредственныхъ сношенiяхъ съ тѣми слоями, бытъ которыхъ сейму предстояло реформировать. Депутаты сейма прекрасно понимали, что если имъ не удастся урегулировать положенiе евреевъ, принятые сеймомъ проекты реформъ мѣщанскаго и крестьянскаго быта останутся лишь на бумагѣ.

Это поняла уже Скарбовая комиссiя, руководившая въ ту пору всѣми еврейскими дѣлами, когда она въ 1788 г. занялась изслѣдованiемъ еврейскаго быта и поручила нѣкоторымъ лицамъ, стоявшимъ внѣ комиссiи, составить проектъ реформы быта этой группы населенiя, не причисленной ни къ какому сословiю. „Было установлено,—говоритъ Чацкiй, членъ Скарбовой коммиссiи,—что 1) во всей странѣ числится 900.000 евреевъ обоего пола, 2) что племя это быстро размножается, 3) что въ молодомъ поколѣнiи

евреевъ все чаще встрѣчаются люди съ зачатками болѣзни и слабые, 4) что среди еврейскихъ дѣтей смертность больше, чѣмъ среди христіанскихъ, 5) что все ихъ образованіе въ сущности является „полнымъ невѣжествомъ", такъ какъ молодежь отъ простой грамоты прямо переходитъ къ Талмуду, а краткаго руководства моральнаго ученія у нихъ не имѣется, 6) что раввины обладаютъ деспотической властью, 7) что въ рукахъ евреевъ сосредоточены $^3/_4$ вывоза и $^1/_{10}$ ввоза, 8) что купецъ-еврей тратитъ на содержаніе вдвое меньше купца-христіанина и поэтому можетъ продавать товары дешевле, чѣмъ христіанинъ, 9) что среди еврейскихъ купцовъ чаще встрѣчаются случаи банкротства, чѣмъ среди христіанъ, 10) что во всѣхъ областяхъ, кромѣ Великой Польши, евреи составляютъ почти половину всего числа ремесленниковъ. Далѣе выяснилось, что во всей странѣ было лишь 14 еврейскихъ семействъ, занимающихся земледѣліемъ, что въ очень рѣдкихъ случаяхъ купеческой семьѣ удавалось сохранить свой капиталъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, въ виду множества банкротствъ въ еврейской средѣ; что среди евреевъ людей безъ всякаго занятія имѣется $^1/_{12}$ часть, а нищихъ—$^1/_{60}$; что еврейскіе арендаторы разоряли крестьянъ; что имѣются долги еврейскихъ общинъ, которые должны быть уплачены" [1]).

Таковы были итоги работы Скарбовой коммиссіи. Теперь оставалось обсудить, какія слѣдуетъ принять мѣры, какъ устранить все ненужное и создать необходимое. Всѣ сходились въ одномъ: что нынѣшнее положеніе вещей не можетъ продолжаться, что оно является раной, огромной мучительной раной на тѣлѣ Рѣчи Посполитой. Исходя изъ этого положенія, Скарбовая комиссія намѣревалась предпринять рядъ реформъ.

Когда въ общество проникли слухи о намѣреніяхъ Скарбовой комиссіи, посыпались съ разныхъ сторонъ проекты реформъ, которые комиссія должна была при своей работѣ принять во вниманіе. Иниціаторами этого движенія явились города. „Dziennik ekonomiczno-handlowy" (1788 г. стр. 86—87) пишетъ о томъ, какъ „осчастливить отчизну" путемъ удаленія евреевъ изъ городовъ въ села, по примѣру славной памяти князя Каликста Понинскаго [2]), и требуетъ, чтобы Рѣчь Посполитая „отдала евре-

---

[1]) Czacki, Rozprawa o żydach, стр. 215. Рукопись музея Кн. Чарторійскихъ № 1183, стр. 79.

[2]) Понинскій поселилъ въ своихъ владѣніяхъ, въ Брацлавскомъ уѣздѣ, 14 еврейскихъ семействъ для занятія земледѣліемъ.

ямъ на поселеніе два какіе нибудь крупные округа въ Коронѣ и Литвѣ, подъ условіемъ, что они сами, не нанимая крестьянъ, будутъ обрабатывать землю". Почти всѣ городскіе магистраты стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что евреямъ должно быть рѣшительно запрещено заниматься торговлей; стремясь улучшить матеріальное положеніе жителей, горожане просятъ въ своихъ проектахъ, чтобы Рѣчь Посполитая „соизволила избавить города отъ евреевъ и придумала другой способъ заработка для столь многочисленнаго народа [1]). И этотъ „другой способъ" есть конечно прикрѣпленіе къ землѣ. Правда, слѣдуетъ принять во вниманіе, что „этотъ народъ трудно будетъ склонить къ тому во имя личнаго достоинства или любви къ странѣ"; тѣмъ не менѣе, если рѣшительно запретить имъ заниматься торговлей, а также строго воспретить помѣщикамъ сдавать имъ въ аренду корчмы, они поневолѣ вынуждены будутъ заняться земледѣліемъ. Само собою разумѣется, что отъ еврея не можетъ быть никакой пользы странѣ, даже если онъ и займется земледѣліемъ: онъ будетъ тогда лишь занимать мѣсто крестьянина, не принося отечеству той пользы, какую приноситъ земледѣлецъ-христіанинъ, „ибо этотъ послѣдній и землю обрабатываетъ, и производитъ потомство, а слѣдовательно доставляетъ странѣ солдатъ; еврея же трудно и даже немыслимо убѣдить взяться за ружье". Несмотря на это, такое разрѣшеніе еврейскаго вопроса окажется выгоднымъ для страны, потому что Рѣчь Посполитая много выиграетъ отъ подъема благосостоянія городовъ (читай: христіанскаго купечества), вызваннаго удаленіемъ евреевъ.

Изобрѣтательное мѣщанство придумало, заботясь о „пользѣ края", еще одинъ родъ занятій для евреевъ, изгнанныхъ изъ городовъ: „Нужно поручать имъ всякія работы—предлагаютъ мѣщане,—какъ напримѣръ добываніе мрамора, соли, гипса, исправленіе дорогъ, постройку мостовъ, осушеніе ленчицкаго болота, очищеніе воды въ рѣкахъ, чистку каналовъ". Справедливость требуетъ, чтобы евреи исполняли эти работы, которыя они поручали въ былыя времена покореннымъ ими народомъ. Такъ поступили израильтяне съ гаваонитами, которыхъ Іошуа хитростью побѣдилъ. „Поляки же не пользуются тѣмъ, что евреи находятся у нихъ въ подчиненіи, и обращаются съ ними почти какъ съ панами". „Въ самомъ дѣлѣ, можно опасаться,—жалуются мѣщане,—что эти люди, насытившись нашимъ хлѣбомъ, поднимутъ

---

[1]) Wiadomośc o pierwiastkowej miast zasadzie, 1788 г., стр. 40—59.

противъ насъ мечъ и превратятъ нашу страну въ свою Палестину"[1]).

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ воззваній, жалобъ, просьбъ, домогательствъ и серьезныхъ опасеній, Скарбовая комиссія поручила одному лицу выработать проектъ реформы быта польскихъ евреевъ; проектъ этотъ долженъ былъ пріобрѣсти силу закона, регулирующаго отношенія евреевъ къ остальному населенію и къ государству. Вскорѣ появился проектъ, авторомъ котораго былъ Тадеушъ Чацкій; но онъ не получилъ законодательной санкціи, а лишь остался на бумагѣ, какъ и многіе другіе проекты того времени.

Этотъ обширный и тщательно разработанный проектъ [2]) подробно разсматриваетъ всѣ тѣ области, въ которыхъ еврею должно быть дозволено примѣнять свои силы. Еврей прежде всего долженъ зачислить себя въ одно изъ трехъ сословій: 1) земледѣльческое, 2) купеческое или 3) ремесленное. Евреи, принадлежащіе къ этимъ сословіямъ, должны пользоваться всѣми правами, присущими членамъ тѣхъ-же сословій—христіанамъ. Евреи, которые возьмутся за обработку земли, находящейся въ запустѣніи, совершенно освобождаются отъ всякихъ податей на десятилѣтній срокъ. Евреямъ запрещается въ теченіе ближайшихъ пятидесяти лѣтъ заниматься арендаторствомъ и продажей въ шинкахъ пива, меда, водки и вина. Каждый еврей долженъ имѣть при себѣ документъ, въ которомъ обозначена его профессія; тотъ, кто не имѣетъ такого „свидѣтельства", не имѣетъ права жениться. Раввину, который рѣшится вѣнчать такого человѣка, грозитъ суровая кара. Законъ долженъ вообще точно установить брачный возрастъ; надо строго слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣвушки ранѣе восемнадцати лѣтъ и юноши ранѣе двадцати не вступали въ бракъ. Желая сблизить евреевъ съ окружающимъ населеніемъ, авторъ проекта проводитъ рѣзкую грань между прежней еврейской образованностью, которая носила средневѣковый, схоластическій характеръ, и европейской наукой, изученію которой каждый еврей долженъ будетъ удѣлить нѣсколько лѣтъ своей жизни. Общины обязаны учреждать для евреевъ польскія школы, находящіяся подъ руководствомъ особой воспитательной комиссіи; въ этихъ школахъ должно быть опредѣленное число еврейскихъ

---

[1]) Музей кн. Чарторійскихъ, рукоп. 897: Zbiór dobrego rządu po miastach, стр. 29.

[2]) Чацкій, назв. соч., въ концѣ.

учителей, прошедшихъ курсъ учительской семинаріи. Языкомъ обихода долженъ стать польскій; древне-еврейскимъ языкомъ можно пользоваться лишь при богослуженіи. Кромѣ того, способнымъ и прилежнымъ учащимся-евреямъ разрѣшается обучаться въ школахъ сельскихъ, ремесленныхъ, хирургическихъ, а женщинамъ, которыя намѣрены посвятить себя уходу за родильницами, разрѣшается посѣщать соотвѣтствующія школы. Стремясь уничтожить созданный вѣками внѣшній обликъ еврея, Чацкій требуетъ, чтобы евреямъ воспрещено было носить особую одежду, отличающую ихъ отъ христіанъ; одежда эта должна быть замѣнена польскимъ или нѣмецкимъ платьемъ. Это правило не обязательно лишь для раввиновъ, которые „находясь въ синагогѣ, могутъ носить какую угодно одежду".

Въ этомъ проектѣ поражаетъ одно обстоятельство: въ немъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи объ обязанностяхъ евреевъ по отношенію къ государству. Это не доказываетъ, конечно, что авторъ игнорируетъ эти обязанности: онъ лишь отодвигаетъ ихъ на второй планъ, полагая, что онѣ будутъ естественнымъ слѣдствіемъ ассимиляціи евреевъ и приспособленія ихъ къ общимъ условіямъ жизни. Это обстоятельство роднитъ проектъ Чацкаго съ тѣми проектами, которые составлялись разными лицами еврейскаго происхожденія въ послѣдній годъ существованія четырехлѣтняго сейма. Характеръ всего проекта таковъ, что поневолѣ возникаетъ предположеніе, будто авторъ имѣлъ цѣлью только облагодѣтельствовать евреевъ путемъ приближенія ихъ къ европейскому просвѣщенію и созданія для нихъ нормальныхъ условій жизни. Авторъ, повидимому, постигъ психологію еврея, глубоко связаннаго съ религіей и стоящимъ на ея стражѣ кагаломъ. Онъ не пытается реформировать эту сторону духовной жизни еврея, какъ то дѣлаютъ авторы позднѣйшихъ проектовъ, и не посягаетъ на автономію кагала во внутреннихъ дѣлахъ, на юрисдикцію кагала въ тяжбахъ между евреями, на посредничество его въ сборѣ податей; онъ готовъ предоставить кагалу даже надзоръ за исполненіемъ предписаній, касающихся школьнаго обученія.

3. Еврейскій вопросъ въ засѣданіяхъ четырехлѣтняго сейма (до іюня 1790 г.).

Въ такомъ положеніи находился еврейскій вопросъ, когда на четырехлѣтнемъ сеймѣ выступилъ пинскій депутатъ Бутримовичъ,

потребовавшій, чтобы сеймъ опредѣленно высказался по этому вопросу. Это было въ 1789 г.

„Въ высшей степени удачную и не по лѣтамъ разумную рѣчь о евреяхъ произнесъ Бутримовичъ по поводу переписи еврейскаго населенія — говоритъ Крашевскій [1]). Нужно дать имъ хоть какія нибудь гражданскія права, нужно, чтобы законъ не налагалъ на нихъ особыхъ податей, связанныхъ съ ихъ вѣроисповѣданіемъ"—вотъ каковъ былъ основной принципъ пинскаго депутата. 4 декабря 1789 г. онъ вручилъ королю проектъ подъ названіемъ „Реформа еврейскаго быта", въ которомъ требуетъ помимо указанныхъ выше реформъ, запретить употребленіе древнееврейскаго языка, а также ношеніе особой одежды и шинкарство по деревнямъ, подъ угрозой штрафа въ 1000 злотыхъ; онъ, требуетъ уменьшенія количества еврейскихъ праздниковъ, „которые являются скорѣе днями преступной праздности, нежели религіозными праздниками" [2]), привлеченія евреевъ къ земледѣлію и промышленности, исполненію обязанностей почтальоновъ и т. п.; бродягъ и людей безъ опредѣленныхъ занятій онъ предлагаетъ ловить и отдавать на военную службу въ качествѣ ямщиковъ. Главное его требованіе—это ограниченіе общинной автономіи. Бутримовичъ отнимаетъ у кагаловъ судебную власть и оставляетъ за ними лишь право руководить религіозной жизнью общины и собирать подати. Онъ не выступаетъ противъ еврейской религіи, ибо „никакая религія не можетъ вредить людямъ и дѣлать ихъ дурными, просвѣщать же заблудшихъ—есть дѣло самого Бога". Онъ требуетъ отмѣны эпитета „невѣрный"—infidelis", который всюду въ документахъ ставится рядомъ съ именемъ еврея. По мнѣнію Бутримовича, эти реформы должны несомнѣнно превратить евреевъ въ полезныхъ гражданъ страны. Съ этой мыслью онъ во время декабрьской сессіи вручилъ королю свой проектъ, въ которомъ требовалъ назначенія особой депутаціи (комиссіи) для разработки еврейскаго вопроса [3]).

Проектъ Бутримовича не былъ признанъ срочнымъ. О назначеніи депутаціи пока не было рѣчи, такъ какъ предстояло заняться немедленно разсмотрѣніемъ другихъ дѣлъ, требовавшихъ большей поспѣшности. Въ промежутокъ времени между

---

[1]) Polska w czasie trzech rozbiorów, p. 150.

[2]) Къ этимъ требованіямъ репрессій авторъ, конечно, не относитъ эпитетовъ „удачная" и „разумная", примѣненныхъ Крашевскимъ къ рѣчи Бутримовича.—*Ред.*

[3]) Smolenski, Ostatni rok sejmu czteroletniego.

представленіемъ проекта и созывомъ „депутаціи“ появилось анонимное сочиненіе „Myśli polityczne dla Polski“, авторомъ котораго, по слухамъ, являлся тогдашній примасъ. „Эта книжка,— говоритъ Калинка—поражаетъ тѣмъ, что не содержитъ упрековъ по адресу евреевъ, какъ всѣ другія произведенія той эпохи“ [1]). Авторъ требуетъ, чтобы евреи лишены были права держать шинки въ деревняхъ, если не на всегда, то хотя бы до той поры, когда „крестьяне получатъ свободу и перестанутъ пьянствовать“. Его глубоко огорчаетъ бѣдность евреевъ, ихъ болѣзненность; ему больно, „что еврейскіе дома являются очагами болѣзней“. Онъ клеймитъ произволъ помѣщиковъ, которые пользуются тѣмъ, что евреи нигдѣ не могутъ добиться охраны своихъ правъ и поэтому ищутъ защиты у тѣхъ, „кто ихъ безбожно обираетъ“ Нужно, чтобы Эдукаціонная комиссія взяла въ свои руки дѣло просвѣщенія евреевъ и назначила для нихъ особыхъ учителей. „Плохо то, что евреи составляютъ особый классъ населенія, что они воспитываются на другомъ языкѣ“. Авторъ „Mysli politycznych“, высказываясь за желательность сліянія евреевъ съ поляками, не можетъ однако допустить, по крайней мѣрѣ для ближайшихъ десятилѣтій, чтобы еврейская молодежь посѣщала тѣ же школы, что и христіанская. Онъ находитъ, что евреи имѣютъ много дурныхъ привычекъ и укоренившихся недостатковъ, съ которыми слѣдуетъ бороться, но полагаетъ, что неудобно порицать ихъ за это въ присутствіи польской молодежи; кромѣ того еврейскія дѣти имѣютъ много болѣзней, которыми могутъ заразить христіанскихъ. Авторъ выступаетъ противъ автономнаго еврейскаго суда и требуетъ, чтобы евреи подлежали юрисдикціи городскихъ судовъ; только въ дѣлахъ религіозныхъ, по его мнѣнію, евреямъ слѣдуетъ предоставить полную автономію. Воинской повинности они не должны отбывать, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, такъ какъ при внимательномъ изученіи ихъ характера оказалось, что они неспособны къ военной службѣ.

Все это были единичные голоса, раздававшіеся внѣ залы засѣданій еще до того, какъ сеймъ приступилъ къ обсужденію еврейскаго вопроса.

Мартовскіе и майскіе уличные безпорядки въ Варшавѣ [2])

[1]) Sejm czteroletni, стр. 536. [Едва-ли можно согласиться съ этой характеристикой.—*Ред.*].

[2]) См. Геккеръ, Евреи въ польскихъ городахъ (Евр. Стар. 1913 г., стр. 329 сл.); Дубновъ, Еврейская Польша въ эпоху послѣднихъ раздѣловъ (Евр. Стар. 1911. стр 447 сл.).

ускорили обсужденіе этого вопроса, наглядно показавъ всю его важность. 17 мая 1790 г., на другой день послѣ погрома, Бутримовичъ, напоминая сейму о своемъ проектѣ реформъ, заявилъ, что событія предшествующаго дня сильно всѣхъ встревожили, и потребовалъ, чтобы виновники безпорядковъ были наказаны, а евреямъ были возмѣщены убытки. Его предложеніе встрѣтило сочувствіе. Луковскій каштелянъ Езерскій и депутатъ Вавжецкій, бывшіе свидѣтелями безпорядковъ, выступили съ рѣзкимъ порицаніемъ поведенія мѣщанъ, требуя для виновныхъ суровой кары.

Несмотря на это, обсужденіе еврейскаго вопроса было отсрочено еще на цѣлый мѣсяцъ. Тѣмъ временемъ, при разсмотрѣніи вопроса о податяхъ, сдѣлана была попытка повысить еврейскій поголовный налогъ. Противъ этого возсталъ Кублицкій, депутатъ Инфлянтскій, одинъ изъ свиты князя Чарторійскаго, плечистый и пузатый литвинъ, съ бритой головой и большими усами, типичный сеймовый забіяка; онъ заявилъ, что не допустить, чтобы сеймъ запятналъ себя несправедливымъ рѣшеніемъ, обложивъ податями „группу населенія, наиболѣе угнетенную и не имѣющую представителей въ палатѣ". Тѣмъ не менѣе предложеніе было принято.

Дальнѣйшее обсужденіе еврейскаго вопроса сосредоточилось вскорѣ въ особой сеймовой комиссіи или „депутаціи", о дѣятельности которой будетъ разсказано въ слѣдующей главѣ.

Д-ръ. **Елена Геккеръ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Рабби Шабси-Шефтель Горовицъ.

1.

Польскій раввинъ XVII вѣка Шабси-Шефтель Горовицъ былъ старшимъ сыномъ рабби Iешаи Горовица, знаменитаго автора „Шело“ [1]). Въ юности (род. ок. 1600 г.) онъ учился у своего отца и былъ также ученикомъ извѣстнаго пражскаго проповѣдника Соломона Эфраима изъ Ленчицы [2]). Семнадцати лѣтъ онъ женился на дочери кременецкаго, впослѣдствіи львовскаго раввина Моше Харифа. У него онъ продолжалъ совершенствоваться въ ученіи „по части галахи“ и другихъ отраслей еврейской науки. Въ 1621 году, послѣ того, какъ его отецъ оставилъ Прагу и переселился въ Палестину, р. Шабси, будучи еще „въ нѣжномъ возрастѣ“ [3]), остался на его мѣстѣ въ качествѣ постояннаго проповѣдника, и проповѣдывалъ тамъ „каждую субботу въ теченіе шести лѣтъ“. Въ 1627 г. онъ сдѣлался раввиномъ и рошъ-iешивой въ баварскомъ Фюртѣ—„маленькомъ городѣ, который мнѣ однако казался большимъ, чѣмъ Антіохія, ибо въ немъ находились выдающіеся мудрецы“ [4]).

Въ 1632 г. р. Шабси занялъ постъ раввина и рошъ-iешивы во Франкфуртѣ на Майнѣ—„величайшемъ изъ городовъ Германіи, центрѣ, куда всѣ устремляются“. Въ этомъ городѣ, гдѣ еще виталъ духъ его славнаго отца, р. Шабси нашелъ „людей, проникшихъ въ глубину галахи“. „Ежедневно, въ полдень—разсказываетъ онъ о Франкфуртѣ—здѣсь собираются группами и кружками, съ ученымъ во главѣ каждой группы, который толкуетъ имъ Талмудъ,

---

1) См. ст. „Вѣкъ аскетической морали“, Евр. Старина 1913 г. вып. II—IV.

2) Р. Шабси въ предисловіи къ ווי העמודים, приложенной къ книгѣ של״ה (изд. 1653 и 1698 г.).

3) Тамъ-же, гл. 19 и 21.

4) Въ предисловіи, указанномъ выше.

каждый по своей мудрости и своему пониманію, (затѣмъ) читаютъ Кадишъ ученыхъ (קדיש דרבנן) и бросаютъ въ кружку монету, которою они радуютъ Бога и людей" [1]). Раввинъ завелъ новые порядки въ общинномъ управленіи. Онъ учредилъ „раввинскую коллегію", состоявшую изъ девяти членовъ: шести дѣйствительныхъ членовъ и трехъ кандидатовъ; установилъ, чтобы о взиманіи общинныхъ налоговъ старшины - „парнасы" давали подробный отчетъ передъ всей общиной [2]), основалъ „кружки, въ которыхъ должны были изучать молитвы отъ начала до конца года, равно какъ и литургическія пѣсни и молитвы о прощеніи, изучая при этомъ значеніе словъ, дабы не щебетали, какъ птицы" [3]). Во Франкфуртѣ р. Шабси поддерживалъ дружескія отношенія съ гаономъ р. Меиромъ Шифомъ, авторомъ „Маграмъ Шифъ", который, повидимому, и есть „мудрецъ", упоминаемый въ его комментаріи [4]).

Въ 1643 г. р. Шабси-Шефтель былъ избранъ раввиномъ и общиннымъ судьей „въ царственной Познани, въ славномъ и великомъ государствѣ, именуемомъ Царствомъ Польскимъ" [5]). Свой переѣздъ изъ Франкфурта въ Познань онъ совершилъ черезъ Амстердамъ. О впечатлѣніи, которое произвела на него еврейская община въ Амстердамѣ „золотого вѣка", онъ разсказываетъ слѣдующее: „Я тамъ нашелъ значительныхъ людей, среди нихъ— много ученыхъ. Я былъ въ ихъ синагогахъ... видѣлъ, что дѣти изучаютъ Пятикнижіе отъ первой страницы до послѣдней, затѣмъ проходятъ всю Библію, послѣ Библіи—всю Мишну, и только въ юношескомъ возрастѣ начинаютъ изучать Талмудъ съ комментаріями, развиваясь и успѣвая въ наукѣ. И я сокрушался надъ тѣмъ, что въ нашей странѣ (Германіи и Польшѣ) не поступаютъ такъ же. Дай Богъ, чтобы этотъ обычай распространился всюду во Израилѣ. И чѣмъ плохо, если мальчикъ насытится знаніями Библіи и Мишны до тринадцатилѣтняго возраста и послѣ этого приступитъ къ изученію Талмуда? Вѣдь въ теченіе одного года онъ успѣетъ больше въ достиженіи цѣли—пріобрѣтеніи богоугодныхъ качествъ и пониманіи талмудическаго глубокомыслія, чѣмъ успѣваютъ при нашемъ способѣ ученія въ нѣсколько лѣтъ". Правда, такія же слова р. Шабси уже давно слышалъ отъ своего отца,

[1]) То же сочиненіе, гл. 5.

[2]) Horowitz: Frankfurter Rabbiner II, 34—35.

[3]) ווי העמודים, гл. 10.

[4]) Тамъ же, гл. 14, 26; см. назв. книгу Горовица.

[5]) Въ концѣ книги ווי העמודים.

но когда онъ въ школахъ Амстердама увидѣлъ новый методъ обученія на практикѣ, онъ съ жаромъ воскликнулъ: „Клянусь своей головой, что, если гаоны всей земли соберутся вмѣстѣ и предпишутъ этотъ методъ ученія, какъ прочное основаніе и законъ ненарушимый, то всѣ сердца озарятся свѣтомъ Торы истинной и часъ освобожденія приблизится" [1]).

Еврейская община въ Познани представляется Горовицу „вѣнцомъ и красой Израиля, общиной, изобилующей людьми разума". Онъ распространялъ знаніе Торы черезъ мѣстную раввинскую школу—іешиву. Попеченіе объ этой школѣ составляло главную задачу его жизни; онъ смотрѣлъ на школу, какъ на „наслѣдіе отцовъ", которое нужно тщательно оберегать [2]). Много учениковъ стекалось въ іешиву къ рабби Шабси, прослывшему великимъ талмудистомъ и образцовымъ наставникомъ. Онъ относился къ своимъ ученикамъ какъ товарищъ. „Я исполнилъ—пишетъ р. Шабси—изреченіе: многому я научился отъ своихъ учителей, но больше всего—отъ своихъ учениковъ". Въ своей книгѣ ווי העמודים онъ приводитъ вопросы учениковъ и свои отвѣты. Теоретическія пренія съ учениками побудили его изложить письменно свои толкованія къ разнымъ трактатамъ Талмуда" [3]).

1648 годъ, котораго еврейскіе мистики ждали, какъ года пришествія Мессіи [4]), превратился для евреевъ Польши въ годъ страшныхъ бѣдствій украинской рѣзни. Р. Шабси, какъ духовный пастырь одной изъ главныхъ общинъ Польши, лично пережившій всѣ ужасы того смутнаго времени, нарисовалъ кровью сердца картину бѣдствій въ сочиненныхъ имъ молитвахъ о прощеніи — „селихотъ" [5]). Онъ, подобно другимъ ожидавшій въ 1648 г. полнаго освобожденія еврейскаго народа („я въ сердцѣ своемъ думалъ въ 5408 году выйти на свободу"), послѣ обрушившихся бѣдствій плачетъ и скорбитъ: „Глаза мои истекаютъ слезами надъ жестокой гибелью тѣхъ, кто прославлялъ единство Божіе дважды въ день".—„Обрекали евреевъ на страшную смерть, которой нѣтъ подобія въ прошломъ", „бросали ихъ живыми

[1]) Тамъ же, гл. 5.

[2]) См. его завѣщаніе на концѣ יש נוחלין 44 (Амстердамское изд. 1701 г.).

[3]) Предисловіе къ ווי העמודים гл. 2. Всѣ они остались въ рукописи, и только немногія напечатаны въ книгѣ עמק ברכה его дѣда р. Авраама (Амстердамъ, 1728 г.).

[4]) См. זוהר 1 139 в.

[5]) Напечатаны въ книгѣ Гурлянда לקורות הגזרות בישראל.

въ могилы", „истребили многихъ замѣчательныхъ гаоновъ, погубили безчисленное множество народу, взрослыхъ и дѣтей, и груды тѣлъ ихъ валялись какъ навозъ въ полѣ". Его сердце разрывается при видѣ „разрушенныхъ синагогъ, растерзанныхъ свитковъ Торы и разорванныхъ священныхъ книгъ". Причину этихъ бѣдствій р. Шабси усматриваетъ въ томъ, что люди „отвернулись отъ заповѣдей и отъ Торы, дающей жизнь", и онъ взываетъ къ своему народу: „Вернись, Израиль, къ Господу Богу твоему! Хоть ты и многогрѣшенъ, но милостивъ Богъ и не покараетъ тебя болѣе, ибо Онъ твой удѣлъ и твое наслѣдіе". Онъ обращается къ Богу съ мольбой: „Спаситель мой! Вспомни мои муки и страданія... Отецъ нашъ, Царь нашъ! Сотри въ великой милости Твоей списокъ грѣховъ нашихъ и дай намъ отпущеніе" [1]).

Бѣдствія народа и поруганіе святынь, горе еврейства и „горе Шехины", разбили его сердце. Въ сочиненной имъ заупокойной молитвѣ о мученикахъ („Эль моле-рахамимъ"), р. Шабси обращается къ Богу съ призывомъ о милости къ разгромленной націи и о мести мучителямъ: „Боже милостивый, упокой въ сѣни крыльевъ Шехины, рядомъ со святыми и чистыми, какъ свѣтъ небесный сіяющими, души мучениковъ невинныхъ, милыхъ и праведныхъ, убитыхъ въ Немировѣ и окрестностяхъ за освященіе Всемогущаго Имени, равно какъ и души убитыхъ изъ прочихъ общинъ Царства Польскаго, кровь которыхъ лилась рѣкой. Губилъ ихъ мечъ на улицѣ и ужасъ въ домахъ; мужчины и женщины, юноши и дѣвушки, какъ овцы, подставляли шею (подъ ножъ), не желая спасти свою жизнь служеніемъ чужимъ богамъ. Жестокимъ смертямъ подвергали ихъ свирѣпые: убивали, рѣзали, топили и хоронили живыми. Среди замученныхъ—гаоны, главы іешивъ и учителя, освѣтившіе своимъ свѣтомъ народъ... Надъ освятившими Единое Имя общинами, разоренными въ это время въ Царствѣ Польскомъ, горько плачутъ плакальщики, надъ растерзанными священными книгами и свитками Торы, изъ которыхъ враги изготовляли сандаліи".

Чтобы поднять духъ народа, укрѣпить его въ вѣрѣ и смиренномъ ожиданіи мессіи, р. Шабси-Шефтель рѣшилъ издать книгу своего отца: „Двѣ скрижали завѣта" (של"ה, Амстердамъ, 1653)—

---

[1]) По замѣчанію Гурлянда, вожди Сейма четырехъ областей постановили читать эту молитву въ синагогахъ въ годовой траурный день 20 Сивана.

этотъ кодексъ аскетической морали, призванный подготовить людей къ скорому „концу временъ", къ вѣку мессіанскому. Къ этой книгѣ онъ присоединилъ свое произведеніе ווי העמודים („Скрѣпы столбовъ") и по своей чрезвычайной скромности назвалъ его „предисловіемъ" къ труду отца. Это не самостоятельная книга,—пишетъ р. Шабси, — которая могла бы носить мое имя, а только прибавленіе къ сочиненію моего отца, блаженной памяти". Заглавіе книги объясняется тѣмъ, что авторъ утверждаетъ свою систему на шести основныхъ принципахъ или „столбахъ": на Торѣ, богослуженіи, благотвореніи, законѣ, справедливости, мирѣ. На этихъ „столбахъ" построенъ міръ Божій, и на нихъ человѣкъ долженъ построить свое духовное зданіе, ибо только на этихъ основахъ онъ можетъ прочно стоять и достичь вѣчнаго бытія. Р. Шабси тутъ слѣдовалъ примѣру своего учителя Соломона-Эфраима, который въ такомъ же духѣ написалъ книгу עמודי שש („Мраморные столбы" или „Шесть столбовъ") [1]. Онъ считаетъ нужнымъ оправдываться въ томъ, что дерзнулъ написать книгу: „Признаюсь, я боялся подойти и сунуться въ вопросы морали, ибо что я и что моя сила? Я боялся, ибо нагъ я. Мнѣ ли дополнять слова божественно святого отца моего, блаженной памяти, обоснованныя на наукѣ и нравственности, или же слова моего дѣда, божественнаго мужа, собравшаго и сочинившаго много нравоучительныхъ книгъ, распространенныхъ по всему свѣту?" [2]). Писанія отца и дѣда были для автора святы, и въ своемъ завѣщаніи дѣтямъ онъ велитъ изучать и соблюдать изложенныя тамъ правила поведенія [3]). Онъ совѣтуетъ всѣмъ читать книгу של״ה, „полную мудрости, знанія и богобоязненности". Въ восхищеніи отъ словъ отца онъ восклицаетъ: „Блаженъ глазъ, видящій ихъ прелесть! Въ нихъ найдешъ радость и восторгъ души" [4]).

Кромѣ этой книги Ш. Горовицъ сочинилъ „толкованія къ разнымъ трактатамъ Талмуда и большое произведеніе по части запретнаго и дозволеннаго", до сихъ поръ не напечатанныя. Въ послѣднемъ произведеніи, равно какъ и въ остальныхъ его галахическихъ трудахъ, онъ былъ „вѣрнымъ слугой великаго учителя, автора בית יוסף (т. е. Іосифа Каро), свѣтъ котораго насъ оза-

[1]) Предисловіе къ ווי העמודים

[2]) Тамъ-же, гл. 5.

[3]) Завѣщаніе напечатано въ концѣ книги יש נוחלין р. Авраама, Амстердамъ 1701 г.

[4]) ווי העמודים, гл. 9, 15, 27.

ряетъ“. „Я могу—пишетъ р. Шабси относительно труда Каро—объяснять его всюду, гдѣ послѣдующіе авторы пытаются опровергать его“ [1]).

Вслѣдствіе бѣдствій, обрушившихся на польское еврейство съ 1648 года, жизнь евреевъ стала тамъ невыносимой. Катастрофа оставила слѣды опустошенія въ еврейской жизни. Многіе изъ оставшихся въ живыхъ переселялись въ другія страны, въ надеждѣ найти тамъ личную и экономическую обезпеченность. Въ 1654 г. оставилъ и р. Шабси свою любимую Познань и занялъ постъ раввина въ Вѣнѣ, замѣщая тамъ р. Файвуша, переселившагося въ Палестину. Положеніе евреевъ въ Вѣнѣ съ начала царствованія Леопольда I во многомъ улучшилось. Вѣна сдѣлалась убѣжищемъ для многихъ евреевъ, спасавшихся изъ Польши. Среди бѣглецовъ находились и знаменитые раввины Гешель изъ Кракова, Іона Тумимъ и др. [2]). Столица Австріи стала на короткое время большимъ еврейскимъ центромъ, откуда „распространялось ученіе“. Р. Шабси по праву назвалъ ее „городомъ многолюднымъ и многоученымъ“ [3]). Такъ какъ послѣ переворота въ Польшѣ осталось много „агунъ“—несчастныхъ женъ, мужья которыхъ пропали безслѣдно, онѣ обращались къ авторитетнымъ раввинамъ Вѣны, и р. Шабси былъ однимъ изъ тѣхъ, которые облегчали и разрѣшали вступленіе въ бракъ для такихъ вѣчныхъ вдовъ [4]). Но не долго жилъ р. Шабси въ Вѣнѣ. Въ 1660 г. онъ скончался, послѣ того, какъ около сорока лѣтъ дѣйствовалъ и вліялъ на народъ въ качествѣ проповѣдника, раввина и ректора раввинскихъ школъ.

Его надгробный памятникъ носитъ слѣдующую надпись:

„פ״נ מרנא ורבנא, רעיא מהימנא, גבר בגוברין, בר אבהן ובר אורין,
הגאון ר״מ ואב״ד מוה׳ שבתי נקרא שעפטיל בן ה״ה מהר״ר ישעיה הלוי הורוויץ,
יום כ״ח ניסן ת״ך לפ״ק.

שבתי וראיתי בשושנים והנה גפן לפני ויוציא פרח ויציץ ציץ ועליה להרופה, חבר ספרים מנופה בי״ג נפה, תפס ישיבה בפלפול חריפא, עוקר הרים, סיני עדיפא, למד לקבל אלפא, הלא הוא שוק התרומה וחזה התנופה, נאה דורש ונאה מקיים מילי דעלמא הן מילי דשמים, בבן שקולה מיתת צדיקים כחורבן ירושלים, ה״ה גאוננו מורנו ורבנו ר״מ ואב״ד מוה׳ שבתי שפע טל

---

[1]) Тамъ же, предисловіе, и гл. 14.

[2]) חכם צבי, § 25.

[3]) Въ своей аппробаціи къ חזן מטפט, ש״ך, Амстердамъ 1663.

[4]) См. עטרת הלוים 56. См. также J. Gastfreund, Die Wiener Rabbinen, Wien 1879, 56—58; Д. Кауфманъ: Die letzte Vertreibung d. Juden aus Wien, 66—68 (Wien 1889).

אורות, בנו של נשיא א״י הגאון מוהר״ר ישעיה הלוי ז״ל הורויץ, היה מוכתר בכתר שם טוב העולה על רוחו בראשי גולה, ונתבקש בישיבה של מעלה, סמוך להכנסת כלה, לסדר הן היום הקריבו את חטאתם ואת עולתם, כ״ח ניסן לפרט ת׳ה׳י׳ה׳ נשמתו צרורה בצרור החיים״ [1]).

Этотъ памятникъ свидѣтельствуетъ о популярности р. Шабси Горовица. Чѣмъ онъ отличился въ литературѣ, мы увидимъ въ слѣдующихъ главахъ.

2.

Дѣдъ и отецъ р. Шабси, Авраамъ и Іешая Горовицы—оба опредѣлили ходъ его мыслей. Отъ дѣда онъ унаслѣдовалъ крайній морализмъ, отъ отца—преданность таинствамъ каббалы. Онъ ничего существеннаго не прибавилъ къ этому наслѣдію предковъ, но часто углубляетъ ихъ мысль, выражаетъ ее ярче, съ большею силою чувства, такъ какъ вообще отличается большею экспансивностью.

Подобно отцу, онъ старается внести побольше религіозныхъ эмоцій въ окоченѣлый раввинскій іудаизмъ, въ царство формальнаго закона. Онъ, конечно, не возстаетъ противъ закона—на оборотъ, онъ требуетъ исполненія его до мельчайшихъ подробностей; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ душу закона, религіозное его начало и сокровенный этическій духъ.

Раввинское господство науки, Торы, остается для Шабси Горовица незыблемымъ „столбомъ". „За грѣхи наши—пишетъ онъ—мы такъ низко пали въ нашемъ горькомъ голусѣ, что еслибъ не наша Тора—наша радость, мы бы погибли въ нащемъ горѣ. А потому каждый еврей долженъ заниматься изученіемъ Торы и, если онъ дѣловой человѣкъ, назначить себѣ для этого опредѣленный часъ въ день и собрать около себя группу учащихся". Тору, „принадлежащую исключительно Израилю, а не другимъ народностямъ", слѣдуетъ изучать въ покорности и смиреніи душевномъ, ибо „слова ея укореняются только въ душѣ смиренныхъ" [2]).

Изученіе Талмуда съ комментаріемъ „Тосфотъ", по его мнѣнію, „такъ же обязательно, какъ одѣваніе филактерій". Рабби Шабси убѣжденъ, что „человѣкъ, свѣдущій въ Мишнѣ, не увидитъ ада". Но онъ былъ, подобно отцу, противникомъ всякой казуистики. Онъ возстаетъ противъ тѣхъ, „которые хотятъ провести слона черезъ ушко иголки и слишкомъ много занимаются

[1]) Напечатано въ עטרת הלוים, въ משפחת הורויץ תולדות и др.

[2]) ווי העמודים, гл. 1, 5.

словесными преніями между вопрошающимъ и отвѣчающимъ, (מקשן ותרצן), причемъ отвѣчающій не понимаетъ спрашивающаго а спрашивающій—отвѣчающаго; въ порывѣ спора люди доходятъ до взаимныхъ упрековъ и, окончательно разгорячившись, прибѣгаютъ къ выраженіямъ, недостойнымъ мудрецовъ, въ родѣ того, что спрашивающій обзываетъ отвѣчающаго невѣждой, или наоборотъ. Да сомкнется ротъ говорящихъ такъ!" Далѣе онъ жалуется на „зло, замѣчаемое у гомилетиковъ, которые, кичась своей эрудиціей въ кодексѣ „Туримъ" и въ „Поскимъ", рѣшаютъ вопросы законодательства путемъ неправильныхъ толкованій. „Законъ, безспорно, правиленъ на надлежащемъ мѣстѣ; но, оставляя эти рамки, законъ принимаетъ несоотвѣтственный характеръ; тогда Тора облекается въ трауръ и, пристыженная, возстаетъ противъ такой науки. Передъ вами широкая даль: Талмудъ вавилонскій и іерусалимскій, Сифра, Сифри, Мехилта, Танхума, Шохаръ-Товъ, Песикта—фундаменты, на которыхъ можно построить прочное зданіе. Не достаточно ли они солидны, чтобы опираться на нихъ, какъ дѣлали въ старину"? Р. Шабси, требующій изученія Торы въ смиреніи, возстаетъ противъ авторовъ, полемизирующихъ со старыми учеными и употребляющихъ при этомъ рѣзкія выраженія, хотя они пользуются при этомъ цитатами изъ Талмуда. „Вѣдь мы—говоритъ р. Шабси—всѣ, славу Богу, мудрые и разумные, всѣ мы знаемъ Тору и имѣемъ возможность разобраться, гдѣ тутъ правда; при чемъ же эта ярость, изливающаяся на бумагѣ въ злостныхъ выраженіямъ?" [1]).

Пріобрѣвъ достаточныя познанія въ Талмудѣ и раввинскихъ кодексахъ, человѣкъ долженъ изучать „мудрость каббалы". Она—корень и цѣль всего, „ибо человѣкъ, не изучившій этой мудрости, не можетъ быть богобоязненнымъ". Подобно отцу, р. Шабси ставитъ каббалистовъ выше галахистовъ. „Блаженъ тотъ, кто удостаивается узрѣть прелесть Бога и посѣтить Его великолѣпный храмъ!" Онъ осуждаетъ тѣхъ, „которые не желаютъ войти въ Садъ Таинствъ и изучать мудрость каббалы, говоря: сокровенное у Бога нашего, а намъ—явное и открытое"; „эти люди—говоритъ онъ—не удостоятся той высоты духа, какая дается изучающимъ таинства Торы. И если бы человѣкъ изучилъ даже всю галаху и мидраши и агады, онъ все же не удостоится подобной души" (какъ у каббалистовъ) [2]).

---

[1]) Тамъ же, гл. 5.

[2]) Завѣщаніе р. Шабси въ концѣ יש נוחלין, 46. Онъ совѣтуетъ читать книгу שפע טל своего родственника р. Шефтеля Горовица, „раскрывающаго эту мудрость легкимъ и яснымъ языкомъ" (ווי העמודים, гл. 5).

Но онъ не довольствуется теоріей явной и тайной. „Одно изученіе Торы—говоритъ р. Шабси—недостаточно, а слѣдуетъ ступать по пятамъ Бога, исполнять Его завѣты". Только дѣйствіемъ, богослуженіемъ, можно слиться съ Богомъ. Это служеніе двоякое: 1) служеніе посредствомъ исполненія законовъ и обрядовъ и 2) служеніе доброю, нравственною жизнью. Изъ первой категоріи онъ выдвигаетъ молитву. Во время молитвы слѣдуетъ „очистить свою душу отъ матеріальнаго". „Во время существованія храма человѣкъ согрѣшившій отправлялся въ храмъ для покаянія, молитвы и принесенія жертвы; и когда наступало время перейти въ иной міръ, гдѣ стояла его обитель изначала, онъ умиралъ въ святости и чистотѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы, изгнанные изъ нашей страны, лишились всего этого, мы проникнуты нечистью внутри и снаружи; нѣтъ праведника чистаго отъ грѣха; мы запятнаны грѣхомъ и утопаемъ въ преступленіяхъ,—а гдѣ же овца для жертвы? Вѣдь нѣтъ у насъ ни жертвъ всесожженія и искупленія, ни храма, ни окропленія,—и кто заступится за насъ въ день горя и искупитъ наши грѣхи, кто спасетъ насъ въ день Суда? Какъ хорошъ поэтому удѣлъ нашъ и какъ блаженны мы, что можемъ молиться утромъ и вечеромъ!.. Пакаяніе устъ въ молитвѣ—вотъ наше утѣшеніе".

Р. Шабси негодуетъ противъ людей, бесѣдующихъ въ синагогѣ и смущающихъ молящихся. „Доколѣ это будетъ намъ помѣхой, и нельзя ли запретить народу (бесѣду въ синагогѣ)? Слѣдовало бы, чтобы каждая община, въ которую проникаетъ слово и законъ Царя міра, поставила людей для надзора, которые карали бы и стыдили (болтающихъ) публично. Этимъ мы окажемъ честь Богу на землѣ, а весь народъ услышитъ и убоится, удержитъ свой языкъ въ синагогѣ отъ всякой будничной и праздной бесѣды". Онъ возстаетъ не только противъ житейской, но и религіозной бесѣды во время молитвы, противъ изученія Талмуда въ часъ молитвы, ибо „время Торы само по себѣ и время молитвы само по себѣ" [1]).

Въ отдѣлѣ о служеніи Богу посредствомъ нравственной жизни р. Шабси повторяетъ слова своего дѣда и отца. Онъ требуетъ отъ человѣка безупречной чистоты нравовъ и широкой благотворительности. „Слѣдуетъ оказывать помощь (нуждающимся) даже въ томъ случаѣ, если рискуешь потерей денегъ и даже съ опасностью для жизни". Благотворительность есть одинъ изъ

[1]) ווי העמודים гл. 5. 9, 10, 15; его „Завѣщаніе". 44.

„столбовъ“ іудейства, одинъ изъ трехъ атрибутовъ еврейскаго народа, наряду съ чувствами состраданія и стыдливости. Милостыню бѣднымъ надо давать отъ полнаго сердца, радостно и дружелюбно. „Хотя и имѣются благотворители въ настоящее время, но часто благодѣяніе совершается вынужденно и недоброжелательно“. Слѣдуетъ отдавать бѣднымъ десятую часть прибыли. „Хвалю я нѣмецкихъ евреевъ,—пишетъ р. Шабси,—отдающихъ десятую часть своихъ денегъ и тщательно оберегающихъ этотъ обычай. Онъ то и способствовалъ тому, что ихъ благосостояніе переходитъ изъ рода въ родъ“ [1]).

Нужно избѣгать гнѣва и ссоры. „Кто изобразитъ всю красу человѣка, старающагося водворить миръ между людьми! И тѣмъ болѣе важенъ миръ между супругами“. Слѣдуетъ всѣми силами избѣгать лжи и даже тѣни лжи. „Блаженъ человѣкъ, придерживающійся правды и не произносящій лживаго слова. Это спасетъ его отъ всѣхъ грѣховъ“. Да и не только въ рѣчи—„даже въ глубинѣ сердца да будетъ правда, хотя сердце и сокрыто отъ людей“. Ложь „гнуснѣе всѣхъ другихъ пороковъ“. Р. Шабси жалуется на многихъ изъ современниковъ, пренебрегающихъ этой заповѣдью. „Стыдно намъ, ибо міръ нашъ названъ міромъ лжи... Вѣдь изъ четырехъ стихій (минералы, растеніе, животное, человѣкъ)... человѣкъ превосходитъ всѣ предшествующія способностью говорить; если же онъ нарушаетъ свое слово или извращаетъ его ложью и лестью, чѣмъ онъ отличается тогда отъ животнаго, не говорящаго?“ Онъ порицаетъ свое поколѣніе за то, что именно лживые люди пользуются почетомъ и успѣхомъ. „Отвратительное я видѣлъ—негодуетъ р. Шабси: человѣка, обладающаго этимъ дурнымъ свойствомъ и идущаго по скользкому пути (обмана), называютъ ловкимъ и умнымъ. Я поражаюсь: развѣ потому, что онъ хитеръ и ловко обманываетъ, можно называть его умнымъ? Вѣдь онъ ничто иное, какъ негодяй, полный мерзости, и люди не могутъ остерегаться его... Сторонитесь же этихъ нечестивцевъ и руководствуйтесь правдою, дабы знать и провозглашать, что Богъ единъ и печать Его—правда!“.

Со словомъ укора Горовицъ обращается къ тѣмъ, „которые ропщутъ на Промыселъ Божій, говоря: прошлое было лучше настоящаго, полнаго горя и бѣдствій и не принесшаго еще спасенія; а вѣдь мы служимъ Богу нашему, преданы Его Торѣ, придерживаемся Его вѣры и исполняемъ Его завѣты; почему же

---

[1]) ווי העמודים, гл. 15.

Богъ допускаетъ, чтобы мы были изгнаны изъ Его дома? Почему не пришелъ еще Мессія?"—Такъ же жаловались современники пророка Іереміи. И, подобно Іереміи, р. Шабси возражаетъ: „Вы спрашиваете, почему Мессія не пришелъ, а Шехина спрашиваетъ, почему вы преступаете завѣты Царя, благословеннаго Царя міра? Ибо заповѣди мы исполняемъ механически, а не по побужденію сердца и вдохновенію души. Въ синагогѣ мы стоимъ, какъ человѣкъ, спящій въ Антіохіи и видящій сонъ въ Испаніи: стоимъ въ домѣ Божіемъ, а мысль витаетъ на площадяхъ и на улицахъ. Ученіе Торы смѣшано съ негодной мыслью. А сколько у насъ безпричинной вражды, недоброжелательства и злословія! Вотъ люди вмѣстѣ пируютъ, и жалятъ другъ друга своимъ языкомъ. Что пользы имъ въ этомъ? Одна злость и зависть ими руководитъ. Стоитъ человѣку чѣмъ-либо отличиться, и онъ сейчасъ-же подвергается сквернословію и мірскимъ пересудамъ. Вотъ почему длится нашъ голусъ, и горе и бѣдствія прошли надъ головой нашей. Горе намъ грѣшнымъ! Злой помыселъ не отступитъ отъ насъ, пока Богу не угодно будетъ стереть наши грѣхи, пока Онъ не умилостивится надъ нами и не пошлетъ намъ утѣшителя" [1]). Такъ р. Шабси обличаетъ своихъ современниковъ. Какъ пророкъ, онъ бичуетъ свое поколѣніе. Всѣ эти заповѣди и законы, будь они даже исполнены съ тщательной заботливостью, ничего не стоятъ, если нѣтъ строгаго нравственнаго чувства. Невозможно провести грань между обрядомъ и моралью, и если послѣдняя отсутствуетъ, человѣкъ, даже строго исполняющій всѣ законы, остается недостойнымъ.

Раввинъ-правдолюбецъ рѣзко обличаетъ карьеристовъ, позорящихъ еврейское духовенство. „Поговорю, дабы мнѣ легче стало, объ одномъ горькомъ явленіи, замѣченномъ мною. Горе глазамъ видящимъ и горе ушамъ слышащимъ это! Богъ знаетъ, что я тутъ не думаю о себѣ, ибо я, слава Богу, удостоился высокаго положенія и поставленъ на постъ раввина въ величайшихъ общинахъ—не по собственной заслугѣ, а по заслугѣ отцовъ. Я являюсь тутъ только ревнителемъ Бога. Ибо я видѣлъ рабовъ, скачущихъ верхомъ, а господъ, плетущихся пѣшкомъ подобно рабамъ. Сколько имѣется гаоновъ, отличающихся познаніями, мудростью и добродѣтелью,—и никто не обращаетъ на нихъ вниманія; они заброшены, никто имъ не предлагаетъ управленія (общиною), и ихъ мудрость посрамлена, унижена. А люди,

---

[1]) ווי העמודים, гл. 24, 27; Завѣщаніе, 46.

оглушающіе своимъ пустословіемъ, умѣютъ, съ помощью денегъ и услугъ разныхъ посредниковъ, выталкивать другихъ и дѣйствовать за себя... Объ этомъ времени сказано: горе поколѣнію, судящему своихъ судей!.. Случается, что обѣднѣвшія общины предпочитаютъ взять раввина за его богатство и оставляютъ въ сторонѣ людей добродѣтельныхъ и благородныхъ потому, что они бѣдны". Такъ р. Шабси, подобно отцу, возстаетъ противъ достиженія раввинскаго поста посредствомъ денегъ. Онъ восхваляетъ „великихъ гаоновъ Польши", предавшихъ анаѳемѣ частныхъ лицъ и представителей обществъ, дающихъ и получающихъ деньги лично или черезъ посредниковъ за предоставленіе раввинскихъ мѣстъ; но ему приходится установить печальный фактъ, что многіе не подчиняются этому постановленію и, „нарушая анаѳему и клятвы, сбиваютъ многихъ съ пути". Подобно отцу, р. Шабси осуждаетъ полученіе раввиномъ платы за разборъ тяжебъ. „Всякій благородный человѣкъ избѣгнетъ взиманія платы за рѣшеніе дѣлъ, ибо это гнусно въ глазахъ Бога и людей и вызываетъ клевету и постыдную молву противъ судей". Онъ считаетъ долгомъ общины содержать своихъ судей и ученыхъ, дабы они не были вынуждены получать вознагражденіе за рѣшеніе дѣлъ [1]).

3.

По примѣру своего отца и дѣда, р. Шабси написалъ завѣщаніе дѣтямъ и приказалъ имъ хранить „сію тетрадь", но давать ее также всякому, желающему списать ее, „ибо она содержитъ нравственную проповѣдь и жизненныя истины".

Въ началѣ своего завѣщанія онъ разсказываетъ дѣтямъ свою родословную, руководствуясь слѣдующимъ соображеніемъ. „Какъ извѣстно, въ страшные дни избіенія 5408 (1648) года, ничѣмъ не уступающіе ужасному времени разрушенія обоихъ храмовъ, произошло большое смѣшеніе [2]). То, что мудрецы того времени могли установить, ими было сдѣлано, а то, чего нельзя было (выяснить), осталось въ неясности. Можно поэтому опасаться, что съ теченіемъ времени люди будутъ другъ друга пятнать подозрѣніемъ въ происхожденіи отъ того сѣмени. Поэтому каждый еврей того времени долженъ составить родословную для своихъ дѣтей и внуковъ, какъ доказательство".

---

[1]) ווי העמודים, гл. 21.

[2]) Рѣчь идетъ о множествѣ случаевъ изнасилованія еврейскихъ женщинъ во время казацкаго разгула на Украйнѣ.—*Ред.*

Завѣщаніе р. Шабси Горовица содержитъ главнымъ образомъ кодексъ нравственной жизни. „Слѣдите тщательно за честнымъ веденіемъ дѣлъ и соблюдайте, ради Бога, отдачу десятой части своихъ доходовъ на нужды бѣдныхъ, не освобождая себя вмѣстѣ съ тѣмъ отъ благотворительности". „Гнѣвъ—источникъ скверны. Единственный результатъ гнѣва—вредъ здоровью. Всѣ поступки человѣка въ гнѣвѣ глупы и сумасбродны. Остерегайтесь этого; не вредите своему тѣлу, тѣмъ болѣе—своей душѣ... Будьте привѣтливы съ людьми. Высокомѣріе—дурное свойство, причиняющее человѣку зло". „Далѣе предостерегаю васъ отъ ссоры. Сторонитесь ея, ибо она очень гнусна. Ссора—зло, губящее душу, тѣло и деньги. Она приноситъ гибель міру. Я въ теченіе своей жизни успѣлъ убѣдиться, что люди, живущіе въ раздорѣ, бѣднѣютъ и подвергаются многимъ бѣдствіямъ, которыхъ не исчислить тутъ. Если сказанное обязательно по отношенію къ единичной личности, то тѣмъ болѣе по отношенію къ цѣлому обществу. Не возставайте противъ общества, ибо право всегда на сторонѣ большинства. Если вамъ покажется, что общество притѣсняетъ васъ, то излагайте свои претензіи спокойно и смиренно, не поднимая голоса, ибо Богъ присутствуетъ въ толпѣ. Если вы пожелаете содержать іешиву, а общество воспротивится этому, то отстаивайте свое право—сначала мягко, а затѣмъ и рѣшительно, излагайте свою жалобу публично и объясняйте, что это вашъ отцовскій завѣтъ. Если же, несмотря на это, общество не приметъ вашихъ словъ къ свѣдѣнію, поступайте, какъ найдете нужнымъ, такъ какъ подобный раздоръ происходитъ во имя Бога, который будетъ вамъ въ помощь, и вы преуспѣете.— Также я вамъ завѣщаю не ссорится со своими женами, ибо жена—половина вашей плоти, а всякое сочетаніе совершается по волѣ Неба. Слѣдите за тѣмъ, чтобы Шехина витала въ вашемъ домѣ, дабы удостоиться богобоязненнаго потомства. Если жена слишкомъ требовательна, скажите ей мягко: милая, что мнѣ дѣлать? Я больше не могу; или ты хочешь, чтобы я, упаси Богъ, кралъ и грабилъ? Нѣтъ сомнѣнія, что жена послушается". Обращаясь къ женщинамъ, онъ говоритъ: „Вы, дочери и невѣстки мои, равно какъ и ваши дочери и внучки! Держите своихъ мужей въ почетѣ и большой любви и не причиняйте имъ непріятностей. Если мужья разсердятся, удаляйтесь изъ дому и, когда пройдетъ гнѣвъ, укоряйте ихъ и напоминайте имъ о моемъ завѣщаніи".

Началами аскетической морали проникнуты пункты завѣщанія, касающіеся отношеній между полами. „Далѣе я вамъ завѣщаю сторониться блуда—и да будете святы. Не бесѣдуйте съ женщинами. Въ случаѣ необходимости говорите поспѣшно и не удѣляйте имъ вниманія: пусть онѣ уподобятся въ вашихъ глазахъ бѣлымъ гусямъ. Блаженъ человѣкъ, ихъ избѣгающій! Тѣмъ болѣе нельзя танцовать съ женщинами, не только держась за руки, изъ чего несомнѣнно вытекаетъ зло, но и вообще двигаться съ ними взадъ и впередъ, ибо сатана прыгаетъ между ними. Во имя Бога Израиля, избѣгайте всего этого; помните Бога и будете святы“ [1]).

Въ завѣщаніи имѣется также рядъ предписаній гигіеническихъ. Нужно избѣгать всякихъ излишествъ и въ особенности пьянства, которое „влечетъ за собою всякіе грѣхи и бѣдствія“. „Горе, горе!—говорю я о пьянствующемъ: горе ему и горе душѣ его! Всячески старайтесь смыть съ себя этотъ позоръ“ [2]).

Далѣе р. Шабси завѣщаетъ дѣтямъ изучать Тору, какъ самоцѣль, а не изъ какихъ либо постороннихъ побужденій. Онъ совѣтуетъ учить Талмудъ съ комментаріемъ „Тосфотъ“, упражняться въ Мишнѣ, постоянно повторять Шулханъ Арухъ, знать Библію съ комментаріемъ Раши и обращать вниманіе на пунктуацію, ибо „перемѣною одной точки разрушаются міры“. Пятикнижіе слѣдуетъ учить каждый годъ съ новымъ комментаріемъ: въ этомъ году съ „Мизрахи“, въ слѣдующемъ—съ „Гуръ-Арія“ и т. д. „Комментарій Рамбана очень важенъ“.—„Ко всякому сборищу людей, ведущихъ бесѣды о Торѣ, будь то на улицѣ или въ синагогѣ, направляйтесь и вы. Высказывайте свое мнѣніе, тщательно подумавъ... Во время спора не говорите своимъ товарищамъ ругательныхъ словъ, въ родѣ „невѣжда“ и т. п. Если же тотъ упрямъ и споритъ съ вами не во имя Бога, скажите ему: „ты не знаешь“, или „не понимаешь“, или „оставь“, но не больше. Блаженъ, кто оберегаетъ свои уста отъ недостойныхъ выраже-

[1]) Завѣщаніе, 43—46.

[2]) Завѣщаніе 5а. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что всѣ трое —р. Авраамъ, р. Іешая и р. Шабси—безпрестанно внушаютъ дѣтямъ избѣгать пьянства. Подобно своему дѣду, р. Шабси сознается въ излишнемъ употребленіи напитковъ. „Много я плакалъ—разсказываетъ онъ, — когда я напивался“ (ibid). Изъ безпрерывныхъ предостереженій всѣхъ троихъ, ихъ признаній, равно какъ изъ вышеприведенныхъ словъ р. Шабси („смыть съ себя этотъ позоръ“)—видно, что склонность къ алкоголю была у нихъ какъ-бы семейной болѣзнью.

ній! Въ публичныхъ проповѣдяхъ будьте кратки. Каждая проповѣдь должна содержать какое нибудь нравоученіе, ибо оно то и составляетъ суть и цѣль проповѣди. Упаси васъ Богъ упомянуть въ своихъ рѣчахъ какого либо человѣка, согрѣшившаго передъ вами. Обобщайте всѣ недостатки времени, поднимите вашъ голосъ подобно трубному звуку и уличайте въ грѣхахъ, но лишь намеками и въ смиреніи душевномъ".

Для обученія дѣтей рекомендуется слѣдующая программа: сначала пройти библейскую книгу „Ваикра", а послѣ—отъ Бытія до самаго конца. По Мишнѣ—отдѣлы „Моэдъ" и „Незикинъ", и лишь по изученіи ихъ приступить къ Талмуду. „Обучайте дѣтей также грамматикѣ,—говоритъ р. Шабси,—чтобы они знали элементарныя правила". А послѣ того, какъ „вы насытитесь Талмудомъ и кодексами, я вамъ предписываю изучать мудрость каббалы, ибо безъ нея нельзя быть богобоязненнымъ [1]).

Какъ р. Іешая, такъ и р. Шабси Горовицъ много содѣйствовали распространенію Луріянской каббалы въ Польшѣ. Они были изъ первыхъ, подготовившихъ тамъ почву для позднѣйшихъ религіозно-мистическихъ движеній: саббатіанства, франкизма и хасидизма.

Д-ръ С. А. Городецкій.

---

[1]) Завѣщаніе 45в, 46а.

Мемуары и переписка.

Изъ впечатлѣній минувшаго вѣка.

Воспоминанія средняго человѣка [1]).

Оглядываясь на прожитыя мною три четверти вѣка, совпадающія съ четырьмя царствованіями и проведенныя въ разныхъ мѣстностяхъ, среди людей различныхъ народностей и общественныхъ положеній, я нахожу нѣкоторые моменты и эпизоды заслуживающими вниманія. Излагая здѣсь свои личныя впечатлѣнія, я постараюсь держаться хронологическаго порядка.

I.

Внушительная фигура императора Николая I, котораго мнѣ удалось увидѣть близко въ Брестъ-Литовскѣ, произвела на меня, 8-лѣтняго мальчика, глубокое впечатлѣніе. Преисполненный благоговѣнія къ величію царя, я долго послѣ этого спорилъ со своими товарищами по хедеру и очень злился на взрослыхъ, которые о немъ были совершенно другого мнѣнія. Мой отецъ, однако, часто вспоминалъ царя добромъ за его окончательную резолюцію по извѣстному Велижскому дѣлу, приведшую къ прекращенію кошмарнаго ритуальнаго процесса.

Еврейская масса не могла забыть указа о рекрутчинѣ, который исполнялся особенно жестоко и варварски. Наборы рекрутъ, по 5 человѣкъ съ тысячи, для еврейскаго населенія производились два раза въ году; а когда почти вывелись молодые люди требуемаго возраста изъ подлежащихъ рекрутчинѣ мѣщанъ, по-

---

[1]) Эти мемуары принадлежатъ перу стараго писателя-гебраиста и общественнаго дѣятеля, современника и друга поэта Л. О. Гордона.— Юношескія воспоминанія автора относятся къ Литвѣ, а дальнѣйшія—къ Петербургу и другимъ мѣстамъ внѣ и внутри „черты осѣдлости“.—Р е д.

слѣдовала „льгота“: принимать отъ евреевъ малолѣтнихъ начиная съ 9 лѣтъ. Въ такіе „солдаты“ попали и нѣкоторые изъ моихъ товарищей. Съ болью въ сердцѣ нужно установить, что значительная часть вины въ жестокомъ исполненіи рекрутчины падала на самихъ евреевъ. Евреи тогда пользовались своего рода „автономіей“. Всѣ повинности съ нихъ (податныя, рекрутскія и пр.) взыскивались не городскими и мѣщанскими управами, а чрезъ выборныхъ „кагальныхъ“; исполнители по такимъ дѣламъ обыкновенно вербовались изъ худшихъ элементовъ еврейскаго общества, ибо подходящими для этой роли считались только лица, умѣвшіе кое-какъ объясняться съ начальствомъ. Эта „власть“ показала, насколько извѣстнаго рода законы могутъ деморализировать людей и превратить ихъ въ палачей своего же народа.

Не могу и теперь, спустя слишкомъ 65 лѣтъ, вспоминать безъ содроганія видѣнныя мною сцены обращенія такихъ „представителей народа“ съ меньшей братіей. Хозяинъ квартиры, въ которой помѣщался нашъ хедеръ, широкоплечій рыжій еврей былъ „кагальнымъ“. Около 2-хъ часовъ дня онъ обыкновенно приходилъ изъ „кагальной избы“ домой обѣдать. Не успѣвалъ онъ помыть руки и набожно произнести установленныя благословенія, какъ являлись просители и просительницы, ходатайствовавшія объ уменьшеніи наложенной подати или объ освобожденіи забраннаго въ рекруты сына, при чемъ не мало проливалось слезъ. Хозяинъ-кагальный, преспокойно жуя хлѣбъ и проглатывая ложку похлебки, поданной ему на краю того же хедернаго стола, набрасывался на „нахаловъ“, особенно на тѣхъ, которые приходили съ пустыми руками: не даютъ ему, молъ, даже спокойно пообѣдать, не стѣсняются присутствіемъ дѣтей и нашего меламеда.

Какъ члены кагала, такъ и ихъ прислужники, особенно „ловцы“ рекрутъ, представляли собою шайку насильниковъ. При встрѣчѣ съ ними люди сторонились, ими пугали дѣтей. Ни раввины, ни другія почтенныя лица, изъ боязни, не поднимали голоса противъ этихъ извергов, которые беззастѣнчиво властвовали надъ запуганнымъ народомъ.

Помнится мнѣ и другая „льгота“, данная евреямъ въ началѣ 50-хъ годовъ. Льгота состояла въ томъ, что каждому еврею дозволялось схватить перваго встрѣчнаго единовѣрца, не имѣющаго при себѣ паспорта, и сдать его въ солдаты вмѣсто своего сына, подлежащаго призыву. Мнѣ неизвѣстно, пользовались-ли частные люди этой льготою; но кагальные дѣятели ухватились за не-

обѣими руками, и пошелъ торгъ невольниками. Многіе зажиточные люди, боясь за участь своихъ сыновей, покупали „пойманника“, чтобы получить зачетную квитанцію. Такіе пойманники у кагала всегда были въ запасѣ; разсказывали, что ловили іешиботниковъ и уничтожали имѣвшіеся при нихъ паспорта, а самихъ сдавали въ рекруты, какъ бродягъ. По пути изъ хедера домой, мимо дома съ мезониномъ, куда запирали пойманныхъ, мнѣ приходилось во время наборовъ слышать плачъ и вопли этихъ несчастныхъ.

Изъ такихъ кагальныхъ дѣятелей многіе впослѣдствіи превращались въ „штадлонимъ“, т.-е. ходатаевъ по общественнымъ дѣламъ; благодаря своему знакомству съ начальствомъ, они ловко исполняли эту профессію, которая сводилась къ факторству и подкупу. Другіе, умѣвшіе кое-какъ писать по русски, создали себѣ профессію „писцовъ прошеній“. Отъ писанія „прошенія“ до доноса былъ одинъ только шагъ, что давало новый поводъ для вымогательства.

II.

Свѣжо еще у меня воспоминаніе о тогдашнихъ меламедахъ и хедерахъ. Слово „меламедъ“ издавна служило синонимомъ неумному человѣку, неудачнику, ни къ чему неспособному. Дѣйствительно, всякому, не приспособленному къ жизни молодому человѣку или потерпѣвшему неудачи въ жизни, оставалось только сдѣлаться меламедомъ. Для этого не требовалось ни ценза, ни даже знанія своего дѣла, не говоря уже о какихъ-либо педагогическихъ способностяхъ. Люди, обладавшіе ничтожнѣйшими свѣдѣніями въ еврейской письменности, обучали дѣтей наивныхъ родителей чтенію, молитвамъ, Пятикнижію и даже Талмуду, смотря по степени своей смѣлости. Преподаваніе было машинальное и выражалось болѣе въ крикахъ, крѣпкихъ словахъ и употребленіи плетки, чѣмъ въ объясненіяхъ наставника. Надо удивляться, какъ при такомъ обученіи дѣти все таки сколько-нибудь выносили изъ хедера. Учившіеся Пятикнижію знали агадическіе отрывки по комментарію Раши, но почти не понимали значенія словъ. Точно также занимающіеся Талмудомъ, зная замысловатые казусы, почти не понимали простого смысла текста. Меламеды большею частью были нетерпѣливые и сердитые и наводили страхъ на учениковъ; но попадались и мягкіе, мямли, надъ которыми ученики чуть-ли не издѣвались.

Одинъ меламедъ, изъ разряда грозныхъ, приступая къ урокамъ, бралъ въ руку палку и задорно острилъ словами пророка (Hosea, IV, 12): עמו בעצו ישאל ומקלו יגיד לו. Увы, эта палка часто ѣздила по нашимъ спинамъ и заставляла говорить. Я считался не изъ послѣднихъ учениковъ, но долженъ сознаться, что, при вѣрномъ пересказѣ пройденнаго текста, я очень мало понималъ смыслъ казуистическихъ выводовъ. Добрымъ словомъ упомяну послѣдняго моего меламеда, Вольфа Вейсфельда (Вельвелъ Зауерникъ), отъ котораго я получилъ правильное понятіе о еврейской грамматикѣ и о Библіи. Подъ его же руководствомъ я прошелъ много страницъ текста Талмуда, какъ и много главъ изъ Маймонида, въ то время, какъ моимъ товарищамъ задавалась лишь одна страница „гемары" для самостоятельнаго изученія („Leienen"). Отборный и ясный стиль Маймонида, въ противоположность туманному и разноязычному изложенію Талмуда, открылъ мнѣ глаза и далъ толчекъ къ упражненію въ сочинительствѣ на чисто-библейскомъ языкѣ. Однажды въ нашъ городъ пріѣхалъ Давидъ Ароновичъ Лурье изъ Минска, одинъ изъ передовыхъ людей того времени, назначенный инспекторомъ еврейскихъ училищъ и хедеровъ. Кто-то изъ представителей общины завелъ его въ нашъ хедеръ. Онъ экзаменовалъ меня по грамматикѣ, а по предложенію моего меламеда я толково прочелъ главу изъ Маймонида, чѣмъ заслужилъ его похвалу.

Хедера, по большей части, помѣщались въ убогой квартирѣ самого меламеда, состоявшей изъ двухъ комнатокъ. Въ одной, которая была побольше, поближе къ окну, стоялъ длинный некрашенный столъ съ двумя длинными скамьями по обѣимъ сторонамъ. На одномъ концѣ стола сидѣлъ самъ меламедъ на табуреткѣ, другой-же конецъ часто служилъ для разныхъ хозяйственныхъ работъ его жены, что не мало отвлекало наше вниманіе отъ ученія. Въ углу комнаты находилась русская печь, въ которой хозяйка пекла ржаной хлѣбъ для продажи. Во время посадки хлѣбовъ въ печь, какъ и раньше при закваскѣ, двери наглухо запирались, и въ комнатѣ была необыкновенная духота.

Бывало также, что подъ хедеръ нанимались помѣщенія въ квартирахъ лавочниковъ или другихъ лицъ, уходившихъ на цѣлый день изъ дому. По возвращеніи хозяевъ домой, днемъ или вечеромъ, дѣти часто бывали свидѣтелями семейныхъ и иныхъ сценъ, совершенно не подходящихъ къ нашему возрасту. По простотѣ тогдашнихъ нравовъ, однако, никто на это не обращалъ вниманія.

Говоря о хедерахъ и меламедахъ, нельзя не упомянуть о молитвенныхъ домахъ того времени. За неимѣніемъ публичныхъ зданій для совѣщаній и обмѣна мыслей, такими мѣстами служили молитвенные дома. Тутъ, кромѣ выборовъ раввиновъ, канторовъ и другихъ должностныхъ лицъ, до и послѣ утренней молитвы и между подвечерней и вечерней молитвами, происходили разговоры на общія темы. Образовывались кружки разсказчиковъ и слушателей всякихъ новостей, событій и слуховъ; появлялись спеціальные анекдотисты и остряки. Какъ въ хасидскихъ молельняхъ разсказывали о чудесахъ, совершенныхъ цадиками, такъ въ кружкахъ ихъ „противниковъ" (миснагдимъ) въ Литвѣ, издѣваясь надъ легковѣріемъ хасидовъ, говорили о чудесахъ Виленскаго гаона, р. Хаима Воложинскаго и тому подобныхъ столповъ раввинизма. Чаще же разговоръ шелъ о политикѣ. Наивность аудиторіи въ политическихъ вопросахъ, при тогдашнемъ отсутствіи гласности и скорыхъ путей сообщенія, благопріятствовали созданію особеннаго типа вралей и сочинителей нелѣпыхъ слуховъ. Кто имѣлъ случай побывать въ Петербургѣ или въ Москвѣ (о поѣздкахъ заграницу никто тогда и понятія не имѣлъ) могъ разсказывать всякія небылицы, которыя жадно выслушивались довѣрчивою публикою. Помню, какъ одинъ подрядчикъ, вернувшись изъ Петербурга, гдѣ пробылъ мѣсяца три, много разсказывалъ про царя и про министровъ, съ которыми онъ ежедневно будто бы встрѣчался на Невскомъ проспектѣ и которые никакъ не хотѣли его отпустить, такъ что онъ на силу вырвался. Во время венгерской компаніи (1849 г.) въ молитвенныхъ домахъ очень интересовались ходомъ войны. Какой-то толстый еврей изъ Польши складно излагалъ событія дня, причемъ тутъ же на столѣ наглядно показывалъ позиціи воюющихъ: „Вотъ тутъ стоятъ генералы Бемъ и Гергей, а тутъ—австрійцы и Паскевичъ. Кошутъ приказалъ забрать корпусъ австрійцевъ—и забрали".—Не знаю, какими путями до этихъ политиковъ дошли имена венгерскимъ и другихъ генераловъ. Общія симпатіи были на сторонѣ венгерцевъ.

Помню также одного сухопараго еврея, странствовавшаго по югу, вѣроятно не дальше Одессы [1]), который въ теченіе нѣсколькихъ затѣмъ лѣтъ все разсказывалъ, какъ онъ былъ въ Стам-

[1]) Одесса тогда считалась на краю свѣта. Когда какой-нибудь ремесленникъ или меламедъ уѣзжалъ туда искать заработка, про него говорили: „онъ пустился (האט זיך ארויסגעלאזט) въ Одессу".

булѣ, въ Іерусалимѣ и—въ Римѣ. Въ последнемъ городѣ онъ видѣлъ занавѣсъ изъ храма Соломонова, на которомъ видны еще капли крови отъ окропленій при жертвоприношеніяхъ. Онъ былъ также въ гостяхъ „у Дарданеловъ". Въ Меккѣ его избрали раввиномъ, но онъ тамъ не захотѣлъ остаться. За этотъ послѣдній разсказъ онъ пріобрѣлъ кличку „Меккскій раввинъ".

Всѣмъ подобнымъ росказнямъ и невѣроятнымъ слухамъ впослѣдствіи было присвоено названіе „почта изъ бетъ-гамидраша".

III.

Важнымъ событіемъ того времени въ жизни евреевъ былъ указъ о казенныхъ еврейскихъ училищахъ, о чемъ ходили разные слухи, пугавшіе какъ родителей, такъ и дѣтей. Родители знали, что въ „школахъ" сидятъ безъ шапокъ и „хумешъ" объясняютъ по нѣмецки; дѣтямъ разсказывали, что тамъ наказываютъ такъ: учениковъ привязываютъ головою и ногами къ скамейкѣ, а сѣчетъ солдатъ.

Такія басни наводили на насъ, хедерныхъ дѣтей, страхъ при одномъ словѣ „школа". Помню, однажды уходя изъ хедера домой, я столкнулся въ сѣняхъ съ какими-то двумя евреями, изъ которыхъ одинъ, вѣроятно шутя, спросилъ меня: „мальчикъ, хочешь поступить въ школу"? Полагая, что это „школьные ловцы", я, ни живъ ни мертвъ, бросился обратно въ хедеръ и спрятался за спиной „ребе", хотя слышалъ за собою смѣхъ.

Но какъ ни толковали и возмущались, отъ новаго указа—„гзейры" нельзя было уйти: для школы нужны-же ученики. И вотъ въ общинѣ рѣшили отдать въ казенную школу, какъ жертву Молоху, 10—15 мальчиковъ бѣднѣйшихъ родителей. Вслѣдъ затѣмъ въ городъ пріѣхалъ еврейскій учитель съ подстриженной бородою и смотритель-христіанинъ. Наняли помѣщеніе, и ученіе началось. Этотъ первый учитель, получившій патентъ на преподаваніе въ училищѣ, отличался отъ нашихъ меламедовъ только болѣе чистоплотной наружностью и весьма ограниченнымъ знаніемъ русскаго и нѣмецкаго языковъ. Объясненіе имъ перваго стиха Пятикнижія стало притчею во языцѣхъ въ нашемъ городѣ: слово "בראשית", учитель перевелъ по нѣмецки „im Anfang", и это слово коверкалось на всѣ лады: in Onpang, in Umpank и пр., къ великой потѣхѣ меламедовъ и лавочниковъ. Не встрѣчая ни откуда одобренія и живя на мизерномъ жалованіи, учитель долго не могъ держаться на своемъ посту; его одинъ за другимъ замѣняли

новые, болѣе умѣлые. Между ними были отлично знающіе еврейскій и нѣмецкій языки, какъ Бендетсонъ изъ Гродны и Заменгофъ изъ Варшавы, затѣмъ Гурвичъ, окончившій курсъ Раввинскаго училища въ Вильнѣ. Отъ Гурвича я получилъ первое толковое понятіе о русскомъ языкѣ. Раньше же этого, въ тѣхъ немногихъ домахъ города, гдѣ дѣтей обучали сверхъ хедерной науки свѣтскимъ знаніямъ, уроки русскаго и нѣмецкаго языковъ давали разные самоучки и недоучки. Одинъ изъ такихъ преподавателей заставилъ меня изучать 15 падежныхъ окончаній имени существительнаго по грамматикѣ Востокова, не давая никакого понятія о значеніи и примѣненіи этихъ формъ.

Не меньшею, если не худшею „гзейрою“ считался указъ о замѣнѣ еврейскаго одѣянія. „нѣмецкимъ“. Способъ исполненія этого указа практиковался своеобразно. Десятники (городовые), запасшись ножницами, хватали евреевъ по улицамъ, отрѣзывали имъ пейсы и подрѣзывали длиннополые кафтаны на аршинъ отъ земли, конечно—не ровно; часто отрѣзывали одну только „пейсу“, оставляя другую, длинную. За право ношенія еврейскаго платья былъ назначенъ какой-то налогъ.

Но время взяло свое. Въ еврейскомъ обществѣ стали терпимѣе относиться къ изученію чужихъ языковъ, къ короткимъ сюртукамъ, къ женскимъ парикамъ и шляпкамъ. Задолго до этого у насъ образовался тайный кружокъ молодыхъ людей („берлинеры“), получавшихъ откуда-то еврейскія и нѣмецкія книжки, которыя передавались изъ рукъ въ руки. Одинъ изъ основателей этого кружка былъ извѣстный впослѣдствіи Леонъ Розенталь изъ Вильны. Рядомъ съ этой жаждущей просвѣщенія молодежью, составлялись кружки вольнодумцевъ, про которыхъ говорили, что, за неимѣніемъ запрещенныхъ кушаній, они ѣдятъ сальныя свѣчи.

IV.

Слѣдующая эпоха, глубоко запечатлѣвшаяся въ моей памяти, это—время питейно-акцизныхъ откуповъ, къ которымъ евреи привлекались какъ откупщики и какъ служащіе. Эта фатальная эпоха вызвала переломъ въ еврейской жизни Давая сильный толчекъ къ изученію русскаго языка, гораздо болѣе чѣмъ школы, она пробила широкую брешь въ замкнутой жизни, создала вольность нравовъ и въ нѣкоторыхъ кругахъ крушила еврейское семейное цѣломудріе. „Акцизники“ позволяли себѣ безнаказанно то, за что другихъ забросали бы камнями; ихъ

боялись только потому, что они близко стояли къ начальству. Въ нашемъ патріархальномъ городѣ появились развязные франты изъ южнорусскаго края, на которыхъ смотрѣли съ удивленіемъ и нѣкоторымъ страхомъ. Пошло новое теченіе.

Въ кругу „акцизниковъ" часто повторялись имена Рюмина, Бенардаки и Кокорева—главнѣйшихъ въ то время водочныхъ откупщиковъ. Съ начала 50-хъ годовъ, къ этимъ именамъ присоединилось имя Е. Г. Гинцбурга, взявшаго въ откупъ большой районъ сѣверо- и юго-западныхъ губерній. За нимъ стали извѣстны другія еврейскія имена южныхъ откупщиковъ—Городецкаго, Португалова, Варшавскаго и др. Откупная администрація состояла изъ губернскихъ и уѣздныхъ управляющихъ и участковыхъ повѣренныхъ, что въ нѣкоторомъ родѣ равнялось чинамъ губернаторовъ, исправниковъ и становыхъ. Была заведена строжайшая дисциплина на началахъ чинопочитанія, что вызывало систему ябедъ и доносовъ. Наѣзды „высшихъ чиновъ" ожидались со страхомъ въ подвѣдомственныхъ имъ районахъ. Безъ распеканія, а часто увольненія со службы, такіе наѣзды рѣдко обходились. Служащіе не знали, чѣмъ угодить „начальству", а снискать его расположеніе могла развѣ только красивая жена или дочь подчиненнаго [1])... Участковые же повѣренные властвовали надъ бѣдными шинкарями и корчмарями, какъ надъ крѣпостными; они всегда находили, къ чему придираться: либо чарка „не по закону", либо въ водкѣ не хватаетъ градуса по Траллесу; они могли оштрафовать или совсѣмъ лишить куска хлѣба.

Про самодурство одного главнаго управляющаго Р. (зятя откупщика) разсказывали цѣлыя легенды. Пріѣхавши въ уѣздную контору, онъ служащихъ прямо обозвалъ „шайкой", на томъ основаніи, что изъ этого города къ нему не поступали доносы. Одинъ уѣздный управляющій жаловался Р—у на трудное положеніе службы при скудномъ жалованіи, и тутъ же заявилъ о своемъ отказѣ отъ должности. „Не спѣшите,—отвѣтилъ ему Р. съ улыбкой,—пріѣзжайте въ губернію, и мы что-нибудь для васъ сдѣлаемъ". Ободренный такимъ обѣщаніемъ, управляющій вскорѣ поѣхалъ въ губернскую контору, ожидая повышенія. Но Р., призвавъ его къ кабинетъ, сурово сказалъ: „У насъ никто не отказывается отъ службы; не вы увольняетесь, а я васъ увольняю".

[1]) Кромѣ личныхъ воспоминаній, я много слышалъ о нравахъ откупного міра отъ покойныхъ Г. И. Богрова и Э. Б. Левина.

Что же говорить о самыхъ откупщикахъ, разъѣзжавшихъ въ каретахъ и водившихъ знакомство съ губернаторами и генералами? Эти новоиспеченные аристократы и ихъ слуги во многомъ напоминали іудейскихъ вельможъ временъ Нехеміи (Nechemia V, 7, 15).

Вліяніе акцизнаго откупа на евреевъ вообще скорѣе было растлѣвающее, чѣмъ цивилизаторское. Кромѣ ослабленія религіозныхъ и нравственныхъ устоевъ, откупная служба пріучала людей къ чванству, разнузданности и разрыву съ лучшими традиціями народа. Школа эта была скверная, а примѣръ для молодыхъ людей —заразительный.

Домъ моихъ родителей ничего общаго не имѣлъ съ коммерческими предпріятіями и очень мало съ общественною дѣятельностью. Тѣмъ не менѣе, благодаря нашимъ обширнымъ связямъ въ сѣверо-западномъ краѣ, къ намъ заходили мѣстные и пріѣзжіе евреи разныхъ классовъ и профессій, и я имѣлъ возможность присмотрѣться къ разнымъ типамъ того времени. Среди нихъ было не мало лицъ безъ опредѣленныхъ занятій: самоучки-математики, механики, странствующіе ученые и сборщики на богоугодныя дѣла, затѣмъ спеціальные остряки и просто балагуры. Эти люди разъѣзжали изъ города въ городъ, обходили знакомые и незнакомые дома, двери которыхъ днемъ не запирались и не были снабжены звонками; посѣщались конечно зажиточные дома, гдѣ было чѣмъ поживиться. Изъ многихъ такихъ странствующихъ неудачниковъ я помню нѣкоторыхъ съ выдающимися способностями. При иныхъ условіяхъ, они могли бы сдѣлаться знаменитостями, но лишенные правильнаго обученія и воспитанія, они портились, становились праздношатающимися, лизоблюдами. Упомяну для примѣра нѣкоторыхъ изъ этой группы.

Моисей Лифшицъ изъ Шклова, болѣе извѣстный подъ именемъ „Мошка Рамбамъ", старикъ лѣтъ 60, живой и вертлявый съ обширнымъ знаніемъ талмудической литературы и необыкновенной памятью. Это былъ человѣкъ, способный на все скверное. Всѣ боялись его остраго и злого языка. Онъ былъ вхожъ въ тѣ еврейскіе дома, гдѣ только можно было сытно поѣсть и выпить.

Извѣстный тогда подъ названіемъ „Баалъ-гематріотъ" (фамиліи его не помню), высокій, худощавый еврей лѣтъ 50, математикъ съ феноменальной памятью и быстрымъ соображеніемъ. Онъ показывалъ изумительныя ариѳметическія выкладки; ему читали длинные столбцы разныхъ чиселъ, и онъ ихъ повторялъ устно по порядку сверху внизъ и снизу вверхъ. То же самое

онъ продѣлывалъ съ читанной ему цѣлой страницей изъ любой книги по еврейски или по русски. Главная же его сила заключалась въ „гематріотъ", т. е. въ сочетаніи еврейскихъ словъ по числовому ихъ значенію. Когда ему называли имя и отчество человѣка, онъ моментально подыскивалъ стихъ изъ Библіи, сумма буквъ котораго соотвѣтствовала суммѣ названныхъ именъ. Къ тому онъ былъ остроуменъ и, смотря по расположенію духа или же по гонорару, приводилъ фразу благопріятную или колкую.

Илья Гурляндъ изъ Несвижа (кажется, отецъ раввиновъ Якова и Х.-I. Гурляндовъ), низенькій и толстенькій человѣчекъ лѣтъ 40—50, объѣзжавшій много городовъ для продажи какихъ-то ариѳметическихъ таблицъ въ видѣ циферблата со стрѣлкой, съ объясненіями на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, что онъ выдавалъ за собственное свое изобрѣтеніе. Впослѣдствіи оказалось, что таблицы составлены самоучкой-математикомъ Іос. Шлейферомъ. Гурляндъ хвасталъ своимъ языкознаніемъ, и когда я, начавшій учиться по французски, спросилъ его сколько онъ знаетъ языковъ, онъ отвѣтилъ: „дисъ лангъ".

Помню еще извѣстнаго въ то время странствующаго „хазана" (кантора) Израиля Шкудера, его коренастую фигуру съ широкой рыжей бородой. Онъ обладалъ необыкновенно сильнымъ и пріятнымъ голосомъ баритона и выдающимся композиторскимъ талантомъ. Очень жаль, что его чудныя композиціи на синагогальныя мотивы не сохранились. О нотахъ онъ, конечно, понятія не имѣлъ, а кочующая жизнь подорвала въ немъ и нравственные устои.

Такими самородками былъ очень богатъ еврейскій народъ. Прискорбно однако, что всѣ дарованія, при тогдашнихъ примитивныхъ условіяхъ жизни, пропадали совершенно даромъ.

V.

На 19-мъ году моей жизни (въ 1857 г.) меня женили, несмотря на отсутствіе у меня всякой профессіи и на крайне скудный запасъ знанія. По тогдашнимъ нравамъ, я въ городѣ считался старымъ холостякомъ, такъ какъ мои ровесники давно уже обзавелись семействами. Не могу при этомъ забыть типичной фигуры нѣкоего Айзика Хасида, много хлопотавшаго около моей персоны въ качествѣ посредника. Это былъ завзятый хасидъ, съ горбомъ, орлинымъ носомъ, растрепанными пейсами и тощей бородкой. Умный и хитрый, онъ, по своей профессіи шадхена,

былъ вхожъ и въ дома мало религіозные, хотя онъ отличался крайнимъ религіознымъ фанатизмомъ. Разъ въ субботу, онъ встрѣтилъ на улицѣ „нѣмецкаго еврея“ изъ Польши съ сигарой во рту. Узнавъ, что это еврей и вспомнивъ о круговой порукѣ евреевъ за грѣхи, онъ ударилъ „нѣмца“ съ крикомъ: „я не хочу Богу отвѣчать за тебя!“ За этотъ подвигъ онъ посидѣлъ недѣлю при полиціи.

Хорошее, что мнѣ доставила ранняя женитьба, было въ томъ, что, перешедши изъ патріархальнаго дома моихъ родителей въ болѣе современный, я могъ свободно продолжать свое образованіе. Попавъ въ небольшой городъ Поневѣжъ, я, не имѣя руководителя, разомъ набросился на изученіе многихъ наукъ, безъ большого впрочемъ успѣха.

Скоро послѣ моей свадьбы мнѣ случилось быть въ Вильнѣ, которая имѣла для меня особенное обаяніе: тамъ жили мои кумиры—извѣстные еврейскіе писатели. Помню, съ какимъ волненіемъ я пошелъ лицезрѣть поэта А. Б. Лебенсона, стихотворенія котораго я зналъ почти наизусть. Широкоплечій старикъ, самой заурядной наружности еврея-обывателя, мнѣ казался однако чуть-ли не пророкомъ. Съ нѣкоторымъ подобострастіемъ онъ показалъ мнѣ собственноручныя письма къ нему корифеевъ еврейской науки С. Д. Луццато и И. С. Реджіо. Пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня чистенькій, нѣсколько онѣмеченный А. Бенякобъ, извѣстный библіографъ. Наружность же Калмана Шульмана меня разочаровала: не такимъ я представлялъ себѣ автора שפה ברורה, сочиненія, которымъ я былъ очарованъ. Въ пятницу вечеромъ я отправился въ маленькую молельню טהרת הקדש при Раввинскомъ училищѣ. Мѣсто кантора занялъ ученикъ старшаго класса, извѣстный впослѣдствіи еврейскій лексикографъ и грамматикъ О. Н. Штейнбергъ, обладавшій пріятнымъ голосомъ, при хорѣ учениковъ. На слѣдующее утро я тамъ же слушалъ пробную проповѣдь только что окончившаго курсъ раввина, З. Минора. Все это, для меня совершенно новое, произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Ко мнѣ явился за подачкой другого рода знаменитость Вильны, извѣстный тогда балагуръ Мотка Хабадъ, и я долженъ былъ за мой полтинникъ выслушать нѣсколько пошлыхъ остротъ.

Въ Поневѣжѣ, гдѣ я очутился, состоялъ тогда учителемъ еврейскаго училища поэтъ Л. О. Гордонъ, только что выпустившій первое свое сочиненіе „אהבת דוד ומיכל“; онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ моей жены, и мы съ нимъ скоро сошлись.

Тамъ же состоялъ учителемъ неуклюжій И. Румшъ, авторъ сочиненія „כור עני“ (передѣлка „Робинзона Крузо“ Д. Дефое). Мы составили маленькій кружокъ любителей еврейскаго языка, къ которому примкнулъ Моисей Проверъ, впослѣдствіи переѣхавшій въ Петербургъ, какъ сотрудникъ газеты „המליץ“. Мы упражнялись въ писаніи сонетовъ, по примѣру еврейско-итальянскихъ поэтовъ, на заданныя рифмы. Лучшіе сонеты, конечно, выходили изъ подъ пера Гордона, и нѣкоторые изъ нихъ помѣщены въ его שירי יהודה. Гордонъ обладалъ тонкимъ пониманіемъ Библіи, знаніемъ Талмуда и еврейской литературы и высокимъ поэтическимъ талантомъ; но онъ не былъ поощрителемъ талантовъ другихъ. Къ моимъ еврейскимъ писаніямъ онъ относился пренебрежительно, хотя признавалъ мое пониманіе духа языка, нерѣдко читалъ мнѣ свои поэмы въ рукописи и прислушивался къ моимъ замѣчаніямъ. Вообще, по характеру Гордонъ былъ „твердымъ“ человѣкомъ, хотя злымъ нельзя было его назвать. Онъ былъ въ высокой степени остроуменъ, но въ его остроуміи преобладалъ сарказмъ. Съ нимъ пріятно было играть въ преферансъ или винтъ,—въ этихъ играхъ онъ былъ довольно силенъ,—и тутъ въ плохого партнера такъ и летали острыя стрѣлы его юмора.

Послѣ перемѣщенія Гордона въ Шавли, Тельши, а затѣмъ въ Петербургъ, мы съ нимъ часто переписывались и сближались какъ будто даже болѣе, чѣмъ когда жили въ одномъ городѣ.

Въ Поневѣжѣ жили тогда нѣкоторые чудаки. Духовный раввинъ М. И. Реваль утверждалъ, что всѣ науки и философія—однѣ глупости, что онъ „пробѣжалъ“ מורה נבוכים и другія такія сочиненія и нашелъ тамъ одни пустяки. Разъ, въ какомъ то собраніи, кто-то обратился ко мнѣ съ вопросомъ о Коперниковской системѣ землевращенія. Я отвѣтилъ, что не могу это объяснить, но ученые доказали, что это вѣрно. Услышавъ послѣднія мои слова, раввинъ подскочилъ ко мнѣ съ крикомъ: „ну, вотъ видите, они д о к а з а л и, а между тѣмъ это вѣдь ложь!“ Другой оригиналъ былъ И. П. Берманъ („Ицеле Пинхосесъ“), старый самодуръ, корчившій изъ себя чуть ли не гаона. Онъ вѣчно сидѣлъ въ своей каморкѣ, въ важной позѣ, надъ фоліантами. Бывало, поймаетъ меня или Гордона (онъ приходился дядей нашимъ женамъ) и начнетъ толковать намъ текстъ изъ Библіи, Мидраша или Ибнъ-Эзры въ крайне извращенномъ смыслѣ. На наши возраженія онъ имѣлъ одинъ только аргументъ: „если вы не вѣрите въ Бога и въ гемару,—что же съ вами говорить?“

Сборникъ своихъ толкованій онъ издалъ подъ названіемъ "חדושי יצחק בן פנחס"; во главѣ книги красовался его литографированный портретъ, гдѣ онъ изображенъ въ шубѣ и собольей шапкѣ, пишущимъ на бумагѣ слова: „צורת הרב החכם הגדול וכו'". Его своякъ, 80-лѣтній добрый старикъ Самуилъ Зивъ, подтрунивалъ надъ нимъ, какъ и надо многими другими, что прощалось шутнику ради его добродушнаго юмора. Встрѣтивши разъ знакомаго ему Д-она, который, поступивши на акцизную службу, сбрилъ себѣ бороду, Зивъ привѣтствовалъ его словами: „Здравствуйте, г. Д-анъ!" Тотъ сказалъ ему: вѣдь моя фамилія Д-онъ. На это Зивъ ему отвѣтилъ: „Видите-ли, когда я учился въ хедерѣ, мнѣ сказали, что патахъ читается *а*, а комацъ есть патахъ съ бородкой и читается *о*. Поэтому, когда вы носили бородку, вы были Д-онъ, но безъ нея вы—Д-анъ".

Н. Н.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія о старой Одессѣ.

Мое пребываніе въ Талмудъ-торѣ и Сиротскомъ домѣ.

(1868—70 г.).

V [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ Пасхи возобновилось ученіе, котораго я на этотъ разъ ждалъ съ большимъ нетерпѣніемъ, или скорѣе—съ большимъ любопытствомъ. Какъ я уже разсказалъ выше, я пустился на „путь просвѣщенія" совершенно случайно, безсознательно, толкаемый скорѣе какимъ-то легкомысленнымъ любопытствомъ: давай-ка, посмотрю, что это такое. Я зналъ, что научусь по-русски, по-нѣмецки, буду знать ариѳметику и т. д.; но не могу сказать, чтобы къ этому особенно стремился, что я въ этомъ чего-то искалъ. Менѣе же всего я тутъ искалъ просвѣщенія ума, пищи для души. Если бы мнѣ тогда сказали, что въ русской школьной наукѣ ищутъ именно этого, я бы расхохотался. У меня было непоколебимое убѣжденіе, что все высшее въ духовной и нравственной области—у насъ и только у насъ, евреевъ. Слишкомъ я былъ пропитанъ еврейскимъ духомъ и высокими духовными идеалами своей родной среды, чтобы я хоть одну минуту могъ думать иначе. Даже въ позднѣйшее время мнѣ трудно было признать человѣка образованнымъ, хоть бы онъ зналъ всѣ науки міра, если онъ не зналъ еврейскаго языка, еврейской науки. Естественно поэтому, что всякій шагъ по новому пути вызывалъ во мнѣ душевную тревогу. И хотя на первыхъ порахъ никакихъ рѣзкихъ отступленій отъ стараго быта не приходилось дѣлать, тѣмъ не менѣе меня часто охватывалъ инстинктивный страхъ, какъ будто я приближаюсь къ какой-то пропасти.

Итакъ, опять возобновилось ученіе, и собственно съ этого времени, какъ начала нашего учебнаго года, я могъ считаться

---

[1]) См. Евр. Стар. вып. I. стр. 62—77.

дѣйствительнымъ ученикомъ. Съ этого момента я вошелъ въ жизнь Талмудъ-торы и познанъ ее во всѣхъ подробностяхъ.

Первые дни ученія были вмѣстѣ съ тѣмъ днями пріема новыхъ учениковъ, и дворъ училища кишѣлъ бѣдными евреями и еврейками въ грязныхъ отрепьяхъ. Торговцы и торговки овощами, яйцами, лимонами приходили прямо съ базара со своими корзинами. Ихъ дѣти, въ огромномъ большинствѣ, были еще болѣе оборваны, чѣмъ родители; были и такіе, на которыхъ штанишки и рубахи висѣли клочьями, такъ что тѣло мѣстами было совершенно оголено.

Въ полутемной комнатѣ, не имѣющей окна и освѣщаемой только свѣтомъ, падающимъ черезъ открытую дверь изъ сосѣдняго стеклянаго корридора, стоитъ Гольденблюмъ за какой-то конторкой и записываетъ; а позади его стоитъ его famulus Шметтерлингъ и дѣлаетъ „порядокъ", т. е. грубо расталкиваетъ входящихъ бѣдняковъ и еще грубѣе покрикиваетъ на нихъ и ругается.

У меня до сихъ поръ еще звучатъ въ ушахъ его выкрикиванія и вульгарныя прибаутки, которыя онъ считалъ очень остроумными. До сихъ поръ словно вижу передъ собою этихъ несчастныхъ женщинъ, изнуренныхъ, исхудалыхъ, съ землистыми лицами, которыя подобострастно улыбаются сквозь муки на выходки маленькаго сатрапа, въ надеждѣ, что онъ ихъ скорѣе пропуститъ и онѣ сумѣютъ скорѣе уйти торговать.

Дворъ училища буквально чернѣетъ отъ лѣса дѣтскихъ головокъ, двигающихся и волнующихся, какъ море. И стоитъ тамъ такой же ревъ, какъ среди бушующаго моря. Кричатъ, ругаются самыми неприличными словами, дерутся жестоко и безпощадно. Среди толпы дѣтей расхаживаетъ съ мокрой метлой дворникъ Герасимъ, яростный, свирѣпый, бросаясь то на одного, то на другого мальчика. Больше всего тѣснятся близъ воротъ, вокругъ горбатой старухи, жены талмудъ-торскаго „хазана" и чтеца ребъ Беніомина, продающей хлѣбъ, бублики, коржики и всякія лакомства. Тутъ идетъ усиленная игра въ коржики. Твердый, какъ стекло, коржикъ съ макомъ придерживается двумя пальцами лѣвой руки, а ударяютъ по нему однимъ пальцемъ правой руки. Если переломилъ, то выигралъ, а если нѣтъ—то проигралъ и долженъ уплатить его стоимость.

Но вотъ раздается звонокъ. Среди густой толпы ребятишекъ начинается движеніе и крики: „Me laitet, me laitet!" (звонятъ). И всѣ съ дикими криками, часто со свистомъ, бѣгомъ бросаются наверхъ по узенькой лѣстницѣ, толкая другъ друга, подставляя

другъ другу ножку, отпуская подзатыльники, пинки. И къ дикому крику и свисту прибавляются громкій плачъ, взвизгиванія, ругательства—„in dan totens toten arain“ и т. п.

Разъяренный менторъ Шметтерлингъ врѣзывается въ бушующую толпу и начинаетъ мѣсить кулаками, раздаетъ звонкія пощечины направо и налѣво, не разбирая праваго и виноватаго. Крики, плачъ и взвизгиванія увеличиваются во сто кратъ.

Вотъ уже всѣ ученики размѣстились по классамъ. Начинаются занятія.

Учителя старшихъ классовъ, по своему обыкновенію, не спѣшатъ, а сидятъ мирно въ учительской и бесѣдуютъ. Занимаются только низшіе приготовительные классы. Для того, чтобъ попасть въ свой второй классъ, я долженъ пройти черезъ параллельный. Тамъ занимается по еврейски Зонненбликъ, братъ Бардаха.

Зонненбликъ былъ, кажется, единственный учитель въ Талмудъ-торѣ, который вполнѣ честно и добросовѣстно исполнялъ свои обязанности. Онъ всегда являлся въ классъ по звонку и вообще никогда уроковъ не пропускалъ. Какъ большинство учителей Талмудъ-торы, Зонненбликъ употреблялъ слишкомъ элементарные педагогическіе пріемы, и поэтому его занятія часто являлись скорѣе войной съ учениками. Онъ къ тому былъ человѣкъ мягкій, со слабымъ голосомъ, имѣлъ нѣкоторыя смѣшныя повадки, которыя ученики мастера подхватывать, и это усугубляло его страданія.

Нашъ классcъ былъ немноголюдный; въ немъ было около пятнадцати учениковъ. Многихъ я до сихъ поръ еще помню, какъ будто только вчера разстался съ ними. Въ старшихъ классахъ былъ лучшій подборъ учениковъ, просто потому, что только лучшіе, также наименѣе бѣдные, добирались до высшихъ классовъ.

Вотъ входитъ въ нашъ классъ Гольденблюмъ съ ворохомъ бумагъ подъ мышкой, какъ всегда. Онъ часто запаздываетъ, являясь минутъ на 15—20 послѣ начала урока. Правда, онъ всегда занятъ по хозяйственной части и передъ началомъ каждаго урока стоитъ у своего завѣтнаго шкафа, откуда выдаетъ мѣлъ, чернила и т. д. Разложивъ свои бумаги на учительскомъ столикѣ, онъ беретъ списокъ учениковъ, висящій на стѣнѣ (журналовъ еще не знали), и дѣлаетъ перекличку. Затѣмъ онъ принимается опять за свои бумаги и, вытерши очки, что-то быстро пишетъ. Выступаетъ впередъ „старшій“, второгодникъ, и начинаетъ читать изъ засаленной тетрадки: „Sprachlehre ist eine Sammlung

von Regeln, wie man richtig sprechen und schreiben soll". Ученики, понимая въ этой нѣмецкой грамотѣ столько же, сколько иные современные женихи понимаютъ въ формулѣ обрученія, которую они подъ вѣнцомъ повторяютъ вслѣдъ за раввиномъ, повторяютъ за старшимъ слово въ слово. И такъ нѣсколько разъ. Покончивъ съ одной безсмысленно заученной фразой, чтецъ переходитъ къ другой, и такъ дальше. Такъ идетъ изученіе нѣмецкаго языка. Вмѣшательство самого доктора происходитъ только тогда, когда поведеніе учениковъ вызываетъ жалобу старшаго. Докторъ тогда вскакиваетъ, весь багровый, и начинаетъ распредѣлять пощечины кончиками пальцевъ. Когда докторъ менѣе занятъ административными дѣлами, мы занимаемся чтеніемъ. Читаемъ мы по Lesebuch, какой употребляется въ начальныхъ нѣмецкихъ школахъ. Тамъ помѣщались довольно большіе нравоучительные разсказы и стихотворенія. На воскресенье Гольденблюмъ всегда задавалъ разсказъ въ цѣлую страницу, который нужно было выучить. Поэтому воскресный день для учениковъ являлся по истинѣ днемъ страшнаго суда. Мнѣ нѣмецкій языкъ былъ не совсѣмъ чуждъ, такъ какъ я одно время жилъ въ нѣмецкой колоніи, даже говорилъ на швабскомъ нарѣчіи, которое было тамъ въ употребленіи. Я поэтому уроки нѣмецкаго языка очень любилъ, и выучить наизусть разсказъ для меня являлось пустякомъ. Это примирило со мной Гольденблюма, который ко мнѣ раньше относился съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, въ виду моей большой близости къ учителямъ.

Почти каждыя десять минутъ, въ классъ входитъ надзиратель Шметтерлингъ съ какимъ-нибудь докладомъ доктору; они долго и интимно разговариваютъ между собою, отходя къ окну въ тѣхъ случаяхъ, когда ученики не должны были слышать.

Д-ръ Гольденблюмъ и Шметтерлингъ (послѣдній—галиційскій еврей) жили между собою въ большомъ согласіи, и трудно было сказать, кто кѣмъ управлялъ. Всѣ склонны были думать, что подчиненнымъ являлся Гольденблюмъ, которымъ хитрый фамулусъ ловко игралъ, пользуясь его наивностью во многомъ. Они вдвоемъ составляли особую партію въ Талмудъ-торѣ. Противъ нихъ стояла другая партія, къ которой принадлежали всѣ учителя, кромѣ мелкихъ. Между этими двумя лагерями существовала сильнѣйшая вражда, которая никогда не затихала. Что было причиной этой крайней вражды всѣхъ учителей противъ Гольденблюма, я въ точности не знаю. Но изъ того, что видѣлъ и слышалъ постоянно среди учителей, могу заключить, что онъ

много страдалъ за чужіе грѣхи и что на него была перенесена вся вражда, которую въ этой средѣ питали къ его тестю-„портняжкѣ", т. е. къ редактору „Гамелица" и „Колъ-Мевасеръ"—Цедербауму [1]), благодаря которому Гольденблюмъ попалъ въ завѣдующіе Талмудъ-торой. Въ разговорахъ имена тестя и зятя часто повторялись вмѣстѣ.

Какова бы ни была причина этой вражды противъ „нѣмчуры", она была упорная, непримиримая, и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно мелкая по своимъ проявленіямъ. Бѣднаго доктора безпощадно осмѣивали, постоянно говорили о его невѣжествѣ, обжорствѣ и т. п. Не смотря на то, что онъ стоялъ во главѣ училища, учителя на него не обращали никакого вниманія, никогда съ нимъ не разговаривали, не соблюдали по отношенію къ нему даже элементарнаго внѣшняго приличія: никогда не раскланивались съ нимъ, являясь въ классъ или при встрѣчѣ. Свое презрительное отношеніе къ завѣдующему они проявляли безъ всякаго стѣсненія въ присутствіи учениковъ.

Ничего подобнаго, однако, я никогда не видѣлъ со стороны Гольденблюма, и вообще я съ его стороны никакихъ враждебныхъ проявленій по отношенію къ учителямъ, ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ не замѣчалъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ европейцемъ и умѣлъ держаться въ извѣстныхъ границахъ. Онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не замѣчаетъ, и шелъ своей дорогой.

Дисциплинированнымъ европейцемъ онъ себя держалъ также по отношенію къ религіи и религіозной практикѣ; серьезно, благоговѣйно исполнялъ всѣ религіозные обряды и съ такой-же серьезностью говорилъ о нихъ, когда приходилось. Особенно красиво и достойно держалъ онъ себя въ молельнѣ, которая функціонировала при Т.-торѣ по субботамъ и праздникамъ, чего нельзя было сказать о прочихъ учителяхъ.

Этотъ европеецъ, однако, который никогда не выходилъ безъ цилиндра, превращался часто въ николаевскаго фельдфебеля и прибѣгалъ къ самому варварскому способу наказанія,—къ сѣченію. При какомъ-либо серьезномъ проступкѣ—дракѣ на улицѣ, безпричинномъ пропускѣ уроковъ, а то просто въ случаѣ неприготовленія уроковъ, докторъ призывалъ Шметтерлинга и отдавалъ приказаніе: „prügeln", опредѣляя при этомъ число ударовъ. Шметтерлингъ эти приказанія исполнялъ особенно охотно и съ рѣд-

[1]) Цедербаумъ имѣлъ когда-то магазинъ готоваго платья и самъ былъ закройщикомъ. Отсюда это презрительное прозвище.

кой добросовѣстностью. Виновника заставляли скинуть лишнюю для даннаго торжества одежду и растянуться на полу, или на скамьѣ, смотря по важности вины и числу ударовъ. Шметтерлингъ отсчитывалъ розги, дѣлая это какъ-то методически, съ величавымъ спокойствіемъ и съ обычной мефистофельской улыбкой, сопровождая самый обрядъ порки всякими глупыми прибаутками. Напримѣръ, когда несчастный громко и пронзительно кричитъ, Шметтерлингъ, обращаясь къ стоящимъ тутъ ученикамъ, замѣтитъ съ дьявольской улыбкой: „Смотрите, это ему какъ будто не нравится. А я то думалъ, что такая баня ему доставитъ большое удовольствіе. Вѣдь онъ, навѣрное, давно не парился“.

Но что совсѣмъ покажется невѣроятнымъ—это то, что самъ д-ръ Соловейчикъ временами устраивалъ публичныя экзекуціи учениковъ, по жалобѣ учителя или Гольденблюма. При мнѣ происходили двѣ подобныя публичныя порки, которыя меня привели въ трепетъ. Во все время сѣченія, докторъ Соловейчикъ кричалъ экзекутору Шметтерлингу: „tüchtg, tüchtig“. Это считалось такимъ обычнымъ дѣломъ, что никто и не думалъ возмущаться. Между тѣмъ въ эту именно эпоху въ просвѣтительной литературѣ только и говорили что о жестокости меламедовъ и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисовали муки несчастныхъ жертвъ хедера.

Въ Талмудъ-торѣ рекреацій тогда не было: отъ девяти до двѣнадцати и отъ часа до четырехъ уроки шли безпрерывно. Но какъ я уже сказалъ выше, учителя сами устраивали во время уроковъ длиннѣйшія рекреаціи, которыя продолжались полчаса, а то и весь часъ.

Вотъ входитъ въ классъ Бардахъ. Это человѣкъ средняго роста и среднихъ лѣтъ, съ правильными мягкими чертами, съ блѣднымъ, нѣсколько женственнымъ лицомъ, съ добрыми карими глазами и высокимъ бѣлымъ лбомъ. Онъ изысканно одѣтъ, что называется съ иголочки, тщательно расчесанъ; вообще сейчасъ видно, что онъ своей внѣшности отдаетъ много заботъ. Прежде чѣмъ приступить къ занятіямъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ шагаетъ по классу, съ опущенными къ землѣ глазами, серьезный, какъ будто погруженный въ глубокую думу, не забывая, однако, временами также осматривать свой костюмъ и тщательно стряхивать попавшую на одежду пылинку или перышко. Преподавалъ онъ у насъ молитвы, которыя переводились на русскій языкъ. Бардахъ имѣлъ въ рукописи собственный пе-

реводъ всего сидура, который онъ много лѣтъ собирался печатать и вербовалъ для этого подписчиковъ; но этой идеи такъ ему и не удалось осуществить. Эту рукопись онъ постоянно держалъ передъ собой, когда переводилъ намъ или выслушивалъ учениковъ. Переводили мы большей частью праздничныя молитвы, преимущественно молитвы на Рошъ-Гашоно и Іомъ-Кипуръ. Надо отдать справедливость Бардаху: онъ выбиралъ самыя поэтическія, возвышенныя молитвы, какъ напримѣръ אתה נגלתה אתה זוכר. Переводъ дѣлался на такомъ выспренномъ русскомъ языкѣ, что мы ничего не понимали, и безсмысленно долбили слова. Въ ту эпоху еврейскій мальчикъ въ общемъ понималъ лучше древне-еврейскія слова, которыя у него постоянно были въ обиходѣ, чѣмъ русскія, которыя ему были не менѣе чужды, чѣмъ французскія или англійскія слова. Учителямъ это конечно было извѣстно, и тѣмъ не менѣе они никогда даже не спрашивали учениковъ, понимаютъ ли они значеніе русскихъ словъ, употреблявшихся для перевода молитвъ. Урокъ проходилъ вяло, безжизненно, безъ малѣйшей попытки внести что-либо въ душу ученика. Все дѣлалось механически. Вообще со стороны учителей еврейскаго языка не замѣчалось ни малѣйшей любви къ этому предмету, ни малѣйшаго стремленія дать ученикамъ какія-либо серьезныя знанія. Такое отношеніе къ еврейскому языку и „еврейскимъ предметамъ" сдѣлалось затѣмъ традиціей для всѣхъ еврейскихъ общественныхъ школъ Одессы. Бардахъ былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ учителей Талмудъ-Торы, которые обращались съ учениками мягко; онъ не только никогда не билъ и не наказывалъ, но даже рѣдко кричалъ. Это не было въ его натурѣ. Вообще онъ былъ человѣкъ мягкій и большой доброты. Ко мнѣ онъ относился какъ-то родственно тепло и въ школѣ обращался со мною, какъ съ равнымъ.

Уроки Варшавскаго мало чѣмъ отличались отъ уроковъ Бардаха. Та же вялость, тотъ же сухой механическій переводъ на русскій языкъ, который ничего не говорилъ ни уму, ни сердцу ученика. Правда, онъ проявлялъ немного больше усердія во время занятій, зато жестоко билъ линейкой по кончикамъ пальцевъ или же отпускалъ „груши", т. е. сложеннымъ въ видѣ груши кулакомъ билъ по головѣ, что вызывало мучительную боль. Въ школѣ онъ держался совсѣмъ иначе, чѣмъ дома: сурово относился къ ученикамъ и рѣдко улыбался. Онъ проходилъ съ нами книгу Іегошуа, причемъ пользовался синодальнымъ переводомъ, который постоянно имѣлъ передъ собой. Книги Іегошуа

и вообще первыхъ пророковъ я раньше не проходилъ, а потому слушалъ съ большимъ интересомъ; но русскій церковный переводъ меня совершенно сбивалъ съ толку. Я часто не понималъ смысла; поэтому по окончаніи урока прочитывалъ самъ текстъ, и тогда лишь все становилось ясно. Самъ же учитель заботился только о томъ, чтобы ученики знали, что такое-то еврейское слово по русски переводится такъ-то. До какихъ курьезовъ доводилъ этотъ „переводъ" на непонятный русскій языкъ, видно напримѣръ изъ слѣдующаго: одинъ ученикъ думалъ, что слово **жребій** значитъ лошадь (**жеребецъ**). Подобныхъ курьезовъ я могъ бы привести множество.

Хедерные меламеды въ большинствѣ случаевъ были несомнѣнно плохіе педагоги. И все же, если сравнить преподаваніе меламедовъ съ преподаваніемъ талмудъ-торскихъ учителей, преимущество придется отдать первымъ во многихъ отношеніяхъ.

Число еврейскихъ уроковъ было совершенно достаточно—не менѣе трехъ часовъ въ день въ старшихъ классахъ и не менѣе четырехъ въ низшихъ, если не ошибаюсь, а ученики выходили безъ какихъ бы то ни было еврейскихъ знаній. Какъ будто никогда не учились.

Замѣчательно. Эти же учителя имѣли и частные уроки. Въ нѣкоторыхъ домахъ они преподавали въ теченіе многихъ лѣтъ. И тутъ результаты были такіе же отрицательные.

Совершенно непринужденно, по домашнему, ученики чувствовали себя на урокѣ ребъ Узіеля Пастернака.

Входилъ онъ зимою къ намъ въ своемъ длинномъ бурнусѣ, который онъ укладывалъ на одной изъ скамей; шея почти постоянно была обмотана цвѣтнымъ платкомъ, а сверху шерстянымъ шарфомъ, который онъ въ классѣ снималъ и вѣшалъ чаще всего на черной доскѣ. Снималъ онъ также свой суконный ветхій картузъ, оставаясь въ ермолкѣ.

Объяснялъ онъ на жаргонѣ, съ еврейской ариѳметической терминологіей: „Хибуръ" (сложеніе), „Хисуръ" (вычитаніе), „Кефель" (умноженіе), „Хилукъ" (дѣленіе), „Тишборесъ" (дроби) и т. д. Какъ я уже говорилъ выше, онъ не столько объяснялъ, сколько показывалъ, какъ надо „дѣлать". Весь урокъ онъ проводилъ, стоя у доски, окруженный учениками, которые сходили со скамей и толпились вокругъ него. Онъ никого не стѣснялъ и предоставлялъ ученикамъ дѣлать что угодно, никогда не сердился, не кричалъ, о наказаніяхъ же и говорить нечего. Когда бывало ужъ очень разойдутся ученики, онъ съ добродушнѣйшей улыбкой

скажетъ: וויסע חברה, אפשר וואלט איהר געשריגען אביסעלע שטיללער. И это обезоруживало мальчугановъ больше, чѣмъ всякіе окрики и угрозы. Ученики любили Пастернака больше всѣхъ, не потому только, что онъ никогда не дрался, а потому что въ немъ чувствовали что-то родственное, еврейское, между тѣмъ какъ другіе учителя являлись для нихъ „господами".

Около двѣнадцати часовъ безъ четверти, двери съ шумомъ отворялись, и въ классъ входилъ учитель чистописанія Шнейдеръ, сопровождаемый ученикомъ, который носилъ корзину, наполненную „капами", т. е. фесками или просто ермолками, сдѣланными изъ чернаго плиса. Шнейдеръ по особому списку читаетъ фамиліи учениковъ, а мальчикъ съ корзиною бросаетъ капу каждому изъ поименованныхъ въ спискѣ. Эти „капы" обозначали обѣдъ: кто получалъ капу допускался къ обѣденному столу. Обѣдали не всѣ ученики, а только тѣ, родители которыхъ на это изъявили желаніе. Многіе не разрѣшали своимъ дѣтямъ обѣдать въ Т.-торѣ, считая это унизительнымъ для себя. Я въ первое время тоже отказывался отъ обѣда.

Вотъ раздался такъ нетерпѣливо ожидаемый звонокъ, возвѣщающій наступленіе полудня и часовой перерывъ. Обладатели „капъ" бросаются къ длиннымъ обѣденнымъ столамъ, установленнымъ въ паралельномъ приготовительномъ классѣ и учительской комнатѣ, превращенныхъ на это время въ столовыя. На столахъ разставлены около сотни цинковыхъ тарелокъ. Возлѣ каждой тарелки лежатъ кусокъ бѣлаго „арнаутнаго" хлѣба, цинковая ложка, вилка и ножъ. Тутъ же стоятъ прислуживающія за столомъ дамы, а именно: старая, уже согбенная мадамъ Инделе Трахтенбергъ, жена ребъ Бериша Трахтенберга, одного изъ образованнѣйшихъ представителей Бродской общины; затѣмъ мадамъ Шорштейнъ, жена д-ра Шорштейна, г-жи Люльки, Гольденбернъ и другія. Дворникъ Герасимъ съ женой Настасьей приносятъ одну за другою блестящія мѣдныя кастрюли съ дымящимся и распространяющимъ соблазнительный запахъ супомъ и огромныя блюда съ разрѣзанными порціями мяса. Кухарка Этель, красивая полная женщина лѣтъ тридцати пяти, невысокаго роста, съ раскраснѣвшимся свѣжимъ и злымъ лицомъ, одѣтая въ чистенькое ситцевое платье, съ бѣленькой косынкой на головѣ и въ бѣломъ фартукѣ, раскладываетъ порціи мяса по тарелкамъ, а дамы, накинувши бѣлые фартуки, разливаютъ супъ, этотъ классическій талмудъ-торскій супъ, который составлялъ, быть можетъ, самое лучшее, что создано было этимъ просвѣти-

тельнымъ учрежденіемъ. Когда все подано и дѣти сидятъ передъ своими порціями, дамы отходятъ въ сторонку и любуются видомъ ребятъ, съ аппетитомъ истребляющихъ порціи; видно, что онѣ черпаютъ невыразимое наслажденіе въ томъ, что бѣдныя дѣтки подкрѣпляютъ свое тощее тѣльце вкуснымъ горячимъ блюдомъ.

Передъ обѣдомъ дѣти умывали руки и произносили громко благословленіе המוציא; также и послѣобѣденную молитву они читали всѣ хоромъ. Дамы слушали молитвы съ трогательнымъ умиленіемъ.

Кромѣ обѣда, беднѣйшимъ ученикамъ выдавали также одежду—лѣтомъ блузку и брюки изъ сѣрой парусины, а зимою что-то въ родѣ пальто изъ грубой байки, безъ подкладки, которое очень плохо грѣло. Байка къ тому очень скоро обтиралась и дѣлалась похожей на рядно.

Выдавали нѣкоторымъ ученикамъ также обувь, и тоже очень плохого качества. Портныхъ и сапожниковъ обычно доставлялъ Шметтерлингъ, который изъ этого, какъ изъ всего прочаго, старался извлекать какъ можно больше выгодъ для себя.

Д-ръ Соловейчикъ часто сердился, кричалъ, распекалъ Шметтерлинга, швырялъ обувь въ лицо сапожнику; Иделе Гессенъ приходилъ прямо въ отчаяніе, глядя на отстававшія послѣ трехдневнаго ношенія подошвы, но все оставалось по прежнему: Шметтерлингъ оказывался сильнѣе всѣхъ...

VI.

Учебнаго начальства, которое нынѣ часто составляетъ бичъ еврейскихъ учебныхъ заведеній, Талмудъ-тора тогда еще не знала. Если директоръ второй гимназіи Циммерманъ являлся на экзамены, то это происходило только по настоятельному приглашенію попечителей школы. Такъ какъ во всемъ, что дѣлалось тогда въ области еврейскаго просвѣщенія, преобладалъ духъ усердія въ извѣстномъ направленіи, то естественно, что проявлявшимъ это усердіе было весьма важно обратить вниманіе тѣхъ, ради которыхъ они такъ старались. Поэтому всякое посѣщеніе начальства было радостнымъ событіемъ, и его добивались какъ высшей чести. Узритъ начальство—и сторицей воздастъ за всѣ старанія. А россійское правительство считалось тогда источникомъ спасенія; къ нему обращены были всѣ взоры интеллигенціи, на него возлагались всѣ надежды, всѣ упованія на избавленіе Израиля.

Эта крѣпкая вѣра въ начальство жила, разумѣется, только въ сердцахъ маскиловъ-руссификаторовъ, число которыхъ было тогда еще ограниченно. Но несомнѣнно, что къ нимъ принадлежали самые выдающіеся и самые вліятельные представители тогдашней интеллигенціи, которые руководили общественнымъ мнѣніемъ въ своей средѣ. Достаточно назвать д-ра Соловейчика и д-ра Л. Пинскера. Въ отношеніи руссификаціи Пинскеръ тогда шелъ даже гораздо дальше Соловейчика и часто съ возмущеніемъ или брезгливостью говорилъ о народной массѣ, продолжающей говорить на столь шокировавшемъ его жаргонѣ. Между тѣмъ Соловейчикъ весьма часто пользовался жаргономъ въ разговорѣ съ служащими и даже съ нѣкоторыми учителями. Впрочемъ, тутъ причина заключалась въ различіи характеровъ. Въ натурѣ Пинскера преобладали аристократическія наклонности, и онъ часто проявлялъ нѣкоторое пренебреженіе къ плебею, хотя былъ горячо преданъ интересамъ своего народа и отзывался на его горе; въ обращеніи же Соловейчика обнаруживались черты истиннаго еврейскаго демократизма: несмотря на всю свою военную суровость, онъ въ отношеніи къ массовому еврею проявлялъ часто большую мягкость и обходительность.

Особенно много о будущихъ благахъ, которыя ждутъ евреевъ со стороны правительства, говорилось среди учителей. Тутъ часто благодушно бесѣдовали о добрыхъ намѣреніяхъ власти. Особенно въ этомъ отношеніи вдохновлялъ ихъ, очевидно, тогдашній „Гамелицъ". Я часто попадалъ въ учительскую комнату въ то время, когда кто-нибудь изъ учителей читалъ вслухъ эту газету. Я мало понималъ изъ того, что тамъ говорилось; но временами мнѣ казалось, что это что-то въ родѣ הנותן תשועה, ибо весьма часто попадались слова ארוננו הקיסר ירום הודו и т. п. Послѣ такого чтенія особенно горячо говорили о томъ, что евреямъ остается только не упорствовать въ своемъ „фанатизмѣ" и идти навстрѣчу стремленіямъ милостивой власти.

Часто и благоговѣйно, какъ хасиды о своемъ цадикѣ, говорили въ учительской о попечителѣ округа, каковымъ тогда состоялъ извѣстный по своей ограниченности и тупой реакціонности Сергѣй Платоновичъ Голубцовъ, переименованный многими въ Глупцова. Больше всѣхъ этимъ занимались Варшавскій и Бардахъ, которые часто ходили въ попечительскую канцелярію по поводу какихъ то книжекъ (кажется, катехизисовъ), которыми они собирались осчастливить еврейство и Россію. Всѣ эти наивные люди были глубоко увѣрены, что съ каждымъ рус-

скимъ словомъ, которое пріобрѣтаетъ еврей, приближается освобожденіе всего народа, что когда всѣ евреи, старъ и младъ, заговорятъ по русски, да еще съ правильными удареніями (камень преткновенія всѣхъ тогдашнихъ адептовъ русскаго просвѣщенія), наступятъ мессіанскія времена. Это не иронія, а историческій фактъ. Все это носилось тогда въ воздухѣ, таково было настроеніе всей лучшей интеллигенціи. Даже одесскій проповѣдникъ докторъ Швабахеръ, плохо понимавшій по русски и насквозь пропитанный нѣмецкой культурой, произносившій свои рѣчи на блестящемъ нѣмецкомъ языкѣ, тоже сдѣлался горячимъ приверженцемъ россійской культуры и часто говорилъ о необходимости пріобщиться къ ней. Правда, онъ это, быть можетъ, дѣлалъ изъ угодливости передъ высшимъ начальствомъ, у котораго сильно всегда заискивалъ. Ибо въ тайникахъ своей души онъ чувствовалъ мало симпатіи къ чему бы то ни было, что вообще пахло русскимъ духомъ. Но это только показываетъ, насколько сильно было руссификаторское теченіе. Люди, которые только наканунѣ бредили Лессингомъ, Гердеромъ, Шиллеромъ и Гете, Гейне и Берне, которые упивались разсказами Чшоке и юморомъ Сафира, въ одинъ прекрасный день, безъ долгихъ размышленій, отбросили далеко отъ себя всю эту „нѣмечину“ и замѣнили ее Ломоносовымъ, Карамзинымъ и Жуковскимъ.

При такомъ настроеніи, которое конечно было хорошо извѣстно начальству, не было надобности ни въ какомъ оффиціальномъ контролѣ надъ еврейскими училищами. Власть знала, что ея дѣло въ вѣрныхъ рукахъ, и предоставляла дѣятелямъ Талмудъ-торы самимъ творить дѣло обрусенія.

Посѣщеніе начальства поэтому было рѣдкимъ и счастливымъ событіемъ. За все время моего пребыванія въ Талмудъ-торѣ (около полутора года), такого „событія“ не было. Слышалъ я только разсказы о томъ, что за нѣсколько лѣтъ до моего поступленія, когда Талмудъ-тора еще помѣщалась на Еврейской улицѣ, ее посѣтилъ знаменитый въ то время мешумедъ Ѳедоровъ [1]), посланный для этой цѣли учебнымъ начальствомъ. Тогда школа еще имѣла нѣсколько патріархальный характеръ, и Библію преподавали обыкновенные меламеды по старой методѣ, т. е. переводили на разговорный еврейскій языкъ, дополняя иногда переводъ комментаріями изъ Раши, Мидраша и т. д. Ѳеодоровъ по-

---

[1]) Ѳедоровъ-Гринбаумъ, кіевскій цензоръ. См. о немъ **Евр. Стар.** 1910 г., стр. 411 сл.—Ред.

чему то особенно ревностно посѣщалъ именно уроки меламедовъ и просиживалъ цѣлые часы. Однажды онъ попалъ на урокъ въ то время, когда дѣти переводили „седру" (отдѣлъ) ויחי. Когда дошло до извѣстнаго мѣста, гдѣ Яковъ разсказываетъ Іосифу о смерти Рахили (Бытіе 48,7), и переводившій мальчикъ началъ съ традиціоннымъ печальнымъ напѣвомъ излагать трогательное толкованіе этого стиха, Өедоровъ вдругъ зарыдалъ и, взволнованный, выбѣжалъ изъ класса [1]).

Послѣ всего вышесказаннаго, неудивительно, что Талмудъ-тора, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, давала своимъ питомцамъ вполнѣ удовлетворительныя знанія по русскому языку. Еврейскія же знанія ученики получали въ такомъ количествѣ и въ такой формѣ, что по выходѣ изъ школы все немедленно улетучивалось, а еще чаще бросалось, какъ совершенно ненужное, къ жизни непригодное. Ученикъ въ школѣ какъ бы отбывалъ „еврейскую" повинность, и увольнялся отъ нея съ окончаніемъ школы. Талмудъ-тора, такимъ образомъ, въ общемъ достигала той цѣли, къ которой стремились тогдашніе руссификаторы.

Что касается внутренняго Талмудъ-торскаго начальства, то смотритель Гольденблюмъ, какъ я уже отмѣтилъ выше, не пользовался никакимъ авторитетомъ среди учителей. Попечители же, т. е. д-ръ Соловейчикъ и Гессенъ, большею частью занимались только водвореніемъ внѣшняго порядка и устройствомъ хозяйственной части. Относительно хода ученія они, очевидно, вполнѣ довѣряли учителямъ, а если и являлись на уроки, то не для контроля, а скорѣе для того чтобы, такъ сказать, „черпать удовольствіе" отъ успѣховъ учителей и учениковъ. На „поприщѣ просвѣщенія" Гессенъ держался по отношенію къ учителямъ такъ, какъ если бы онъ былъ ихъ подчиненнымъ.

При своемъ посѣщеніи Талмудъ-торы Гессенъ почти всегда присутствовалъ преимущественно на еврейскихъ урокахъ, причемъ большею частью углублялся въ разборъ какого-нибудь библейскаго стиха и до того увлекался, что не обращалъ вниманія на звонокъ, возвѣщавшій конецъ урока, и все продолжалъ свой диспутъ съ учителемъ. Къ ученикамъ онъ, какъ я уже сказалъ, относился отечески, шутилъ и любилъ ихъ озадачивать извѣстными хедерскими вопросами, напримѣръ: какъ назывался отецъ בנות צלפחד? что дѣлать когену, которому запрещено ступить на

[1]) О томъ же я впослѣдствіи слышалъ и отъ С. М. Абрамовича (р. Менделе), который, если не ошибаюсь, былъ очевидцемъ этой сцены.

кладбище, въ томъ случаѣ, если онъ тамъ потерялъ кошелекъ съ деньгами? Онъ также любилъ разспрашивать о содержаніи библейскихъ разсказовъ, о родословіи библейскихъ героевъ и т. п. И все это онъ дѣлалъ такъ мило, съ отеческой добродушной улыбкой. Вообще, онъ былъ единственный, который проявлялъ задушевность въ отношеніяхъ съ учениками. Со мною онъ особенно любилъ бесѣдовать и иногда предлагалъ даже вопросы изъ Талмуда. Удовлетворительный отвѣтъ приводилъ его въ умиленіе. Однажды Гессенъ меня послалъ за чѣмъ-то къ Соловейчику. Я пустился бѣжать. „Нѣтъ, нѣтъ—остановилъ онъ меня. Это вѣдь очень далеко". (Соловейчикъ жилъ на Новомъ Базарѣ, на Княжеской улицѣ, въ собственномъ домѣ). И онъ мнѣ предложилъ свою коляску. Это достаточно характеризуетъ его.

Онъ въ Талмудъ-торѣ часто проводилъ по нѣсколько часовъ въ день, и въ его присутствіи ученики чувствовали себя хорошо.

Соловейчикъ всегда налеталъ вихремъ. Сидимъ себѣ и мирно бесѣдуемъ, по обыкновенію, или же дѣлаемъ видъ, будто повторяемъ урокъ. Вдругъ учителя, словно перепуганныя крысы, бросаются по классамъ. Это нагрянулъ Соловейчикъ. Или вотъ идутъ занятія, и вдругъ изъ сосѣдняго класса или изъ корридора доносятся громкіе звуки его пѣвучаго голоса. Вотъ дверь шумно отворяется, и появляется его суровая фигура. Поздоровавшись съ учителемъ, онъ бросаетъ бѣглый взглядъ на учениковъ, на классъ, т. е. на стѣны, потолокъ, доску, скамьи и т. п. И если замѣтитъ пыль или паутину, или другой внѣшній безпорядокъ, то неистово кричитъ: „Шметтерлингъ, Шметтерлингъ!" И когда тотъ появляется, распекаетъ его. Соловейчикъ долго не оставался въ классѣ, и я не помню случая, чтобы онъ присутствовалъ на урокахъ. Онъ былъ для этого слишкомъ занятой человѣкъ. Все почти утро онъ былъ занятъ въ городской больницѣ, куда къ нему ходили и по дѣламъ Талмудъ-торы, особенно когда онъ тамъ дежурилъ. Послѣ обѣда—частная практика, очень большая. Кромѣ того, онъ состоялъ военнымъ врачемъ, былъ гласнымъ городской думы, гдѣ игралъ очень важную роль. Все же онъ удѣлялъ довольно много времени Талмудъ-торѣ, которая была его любимымъ дѣтищемъ. Какъ и вся тогдашняя интеллигенція, Соловейчикъ смотрѣлъ на эту школу, какъ на разсадникъ русской гражданственности среди народной массы, и гордился ею. Представители одесской еврейской общины любили показывать школу всѣмъ заѣзжимъ гостямъ.

Иногда Соловейчикъ являлся во время обѣда дѣтей. Тогда у

него исчезало его обычное суровое выраженіе, и изъ подъ синихъ его очковъ пробивалась мягкая обаятельная улыбка.

Въ одесскомъ еврейскомъ обществѣ Соловейчикъ занималъ первое мѣсто. Къ его голосу прислушивались. И неудивительно: Соловейчикъ соединялъ въ себѣ желѣзную силу воли, необыкновенную энергію, рѣдкую работоспособность и глубокую преданность еврейскимъ интересамъ, хотя понималъ эти интересы по своему, въ духѣ своего времени. Это была крупная личность, созданная для руководительства крупными движеніями. Живи онъ въ наше время, онъ несомнѣнно сталъ бы во главѣ національнаго движенія. Но онъ жилъ въ эпоху еврейскаго разоруженія и обезличенія, и его громадная энергія тратилась не въ надлежащемъ направленіи. Къ этому горькому сознанію онъ, впрочемъ, самъ дошелъ послѣ одесскаго погрома 1871 года, сильно потрясшаго его и заставившаго его измѣнить свой взглядъ на руссификацію.

Для полной характеристики Соловейчика я еще долженъ прибавить слѣдующее. Ежегодно на праздникъ Симхасъ-тора онъ приглашалъ къ себѣ всѣхъ учителей. Послѣ обѣда начиналось обычное въ этотъ праздникъ еврейское веселье, которое затягивалось до поздняго вечера. Особенно расходился тогда ребъ Узіэль Пастернакъ, котораго искренняя веселость, шутки и забавныя выходки доставляли Соловейчику истинное удовольствіе; хозяинъ все время отъ души смѣялся и веселился со всѣми, забывъ всю свою военную выправку. Онъ безпрерывно подливалъ гостямъ вина и вообще проявлялъ трогательное радушіе. И доходило до того, что въ порывѣ веселья надворный совѣтникъ (Соловейчикъ имѣлъ такой титулъ) пускался въ плясъ съ длиннополымъ ребъ-Узіелемъ.

Бенъ-Ами.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Отъ редакціи.—По поводу перечня одесскихъ дѣятелей въ одной изъ предыдущихъ главъ „Воспоминаній" Бенъ-Ами (Евр. Стар. вып. I, стр. 72), мы получили отъ г. Леона Трахтенберга изъ Парижа слѣдующее письмо:

„Въ первомъ выпускѣ Вашего журнала я съ большимъ вниманіемъ прочелъ интересно и прекрасно написанныя „Воспоминанія о старой Одессѣ" г. Бенъ-Ами. Позвольте мнѣ, старожилу г. Одессы, исправить нѣсколько неточностей, которыя я замѣтилъ въ описаніи экзамена въ Талмудъ-Торѣ, а именно: покойный Абрамъ Марковичъ Бродскій не былъ банкиромъ; онъ

имѣлъ паровую мельницу, былъ членомъ городской управы и занимался также экспортомъ хлѣба за-границу; Симонъ Соломоновичъ Гуровичъ не былъ нотаріусомъ (его дядя Самуилъ Гуровичъ былъ нотаріусомъ), а негоціантомъ, состоялъ 25 лѣтъ датскимъ генеральнымъ консуломъ и занималъ также постъ товарища старшины купеческаго сословія [1]). Максъ Гуровичъ не былъ директоромъ казеннаго еврейскаго училища, а содержалъ женскій пансіонъ и состоялъ много лѣтъ „ученымъ евреемъ" при Новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ. Что касается А. М. Ратгауза, то онъ не былъ „старымъ холостякомъ" [2]); онъ былъ отцомъ Макса Ратгауза, директора Харьковскаго и Кіевскаго отдѣленій Международнаго коммерческаго банка, и дѣдомъ поэта Д. Ратгауза въ Москвѣ. Фамилія послѣдняго изъ упомянутыхъ лицъ была не Гольдбергъ, а Гольденбергъ, впослѣдствіи маклеръ при фондовой Биржѣ въ Петербургѣ".

---

[1]) Поправку въ этомъ же смыслѣ прислалъ намъ недавно и самъ авторъ „Воспоминаній".—Ред.

[2]) Этотъ недосмотръ также одновременно исправленъ въ письмѣ къ намъ г. Бенъ-Ами.—Ред.

Письма поэта М. I. Лебенсона (1850—51 г.).

До сихъ поръ остается для насъ загадкою блестящій метеоръ, промелькнувшій въ нашей литературѣ въ серединѣ минувшаго вѣка: сынъ еврейскаго Державина—Авраама Лебенсона, Миха-Іосифъ или Михель, который могъ бы стать нашимъ величайшимъ лирикомъ, еслибы смерть не похитила его на 24-мъ году жизни (1852). Мы знаемъ стихи автора „Пѣсенъ Сіона“ и „Арфы Сіона“, гдѣ излилась тоска души, рвущейся къ радостямъ жизни изъ-подъ чернаго крыла смерти, мечущейся въ исканія отвѣта на міровыя загадки, утратившей наивность дѣтской вѣры („Къ звѣздамъ“, „Когелетъ“ и др.); но скудная біографія поэта не освѣтила намъ въ конкретныхъ чертахъ личность этого юноши: было-ли все воспѣтое имъ—любовь, религіозныя сомнѣнія, міровая скорбь—отголоскомъ непосредственно пережитаго, или чѣмъ то навѣяннымъ, отраженнымъ? Нижеслѣдующія четыре письма поэта, впервые здѣсь публикуемыя по оригиналамъ [1]), дадутъ отчасти отвѣтъ на эти вопросы. Мы увидимъ въ нихъ мятущуюся душу, одновременно сентиментально-нѣжную и тронутую грубою житейскою прозою, увидимъ слѣдъ рефлексіи въ области любви и вѣры, даже рѣзкія проявленія юношескаго безвѣрія, размахъ отрицанія Бога и Израиля—слѣды нормальнаго антитезиса, который несомнѣнно былъ бы преодолѣнъ въ зрѣломъ возрастѣ. Много думъ роилось въ этой горячей головѣ въ тѣ годы, когда поэтъ ѣздилъ изъ Вильны въ Германію и обратно, когда слушалъ въ Берлинѣ лекціи философа Шеллинга и рѣчи еврейскихъ ученыхъ Цунца и Закса, или погружался въ житейскія заботы и дрязги родного города, гдѣ онъ жилъ и пѣлъ въ виду быстро приближающейся смерти.

Помѣщенные здѣсь въ оригиналѣ и русскомъ переводѣ четыре письма Лебенсона адресованы его товарищу, Шнеуру (Сеніору) Заксу, выходцу изъ Литвы, который въ Германіи и затѣмъ во Франціи издавалъ сборники матеріаловъ по еврейской исторіи („Hatechijah“, „Hajonah“ etc). Съ этимъ другомъ юный Лебенсонъ жилъ въ Берлинѣ въ 1849—

[1]) Только отрывки изъ письма № 4 были нѣкогда напечатаны въ малоизвѣстной книжкѣ Я. Лапина כסת הסופר (Берлинъ, 1857), стр. 145.

50 г., а затѣмъ переписывался послѣ отъѣзда въ германскіе курорты и возвращенія—въ безнадежномъ состояніи—въ Вильну.

Письма не помѣчены мѣстами и не датированы (въ трехъ имѣются лишь даты дней мѣсяца, но не годовъ), но и время и послѣдовательность ихъ можно приблизительно установить по содержанію писемъ и біографическимъ свѣдѣніямъ о поэтѣ (въ שירי שפת קדש его отца, т. II, прим.). Мы знаемъ, что лѣтомъ 1849 г. больной чахоткою Лебенсонъ ѣздилъ черезъ Берлинъ въ курортъ Зальцбруннъ, что зиму 1849—1850 г. онъ провелъ въ Берлинѣ, лѣто 1850 г.—въ Рейнерцѣ (Пруссія), а когда по возвращеніи осенью въ Берлинъ его здоровье ухудшилось, онъ уѣхалъ въ Вильну, гдѣ и скончался черезъ годъ (январь 1852 г.). Первое письмо, какъ видно изъ одной фразы, писано въ 1850 г. изъ Рейнерца, послѣ разлуки поэта съ Заксомъ въ Берлинѣ; второе письмо послано въ концѣ лѣта 1850 г. изъ курорта, откуда Лебенсонъ готовился уѣхать черезъ Берлинъ въ Вильну; письма №№ 3—4 писаны изъ Вильны, въ послѣдній годъ жизни поэта, между осенью 1850 и лѣтомъ 1851 г.

Эти письма доставлены редакціи „Еврейской Старины“ Яковомъ Израилевичемъ Израэльсономъ (Кіевъ), который сообщаетъ намъ слѣдующія дополнительныя библіографическія свѣдѣнія:

„Имѣющаяся у меня коллекція писемъ передана мнѣ, съ правомъ пользоваться ими, племянникомъ и племянницей Сеніора Закса, присяжнымъ повѣреннымъ М. А. Заксомъ и его женой Е. С. (урожд. Сегаль) *).

„Сеніоръ Заксъ, несмотря на его болѣе старшій возрастъ, очень близко сошелся въ Берлинѣ съ молодымъ Лебенсономъ. Лебенсону не могли не импонировать обширныя познанія Закса въ еврейской литературѣ, а Заксъ, посвятившій много времени изученію средневѣковой еврейской поэзіи и обладавшій поэтическимъ чутьемъ, высоко цѣнилъ талантъ своего молодого друга и восхищался его стихомъ. Очень интересенъ въ этомъ отношеніи отзывъ Закса о М. Лебенсонѣ въ письмѣ къ С. И. Реджіо отъ 22 Кислева 612 г. (конецъ 1851 г.), напечатанномъ А. Берлинеромъ въ сборникѣ הגרן III, 211. Сообщая Реджіо о предпринятомъ Авраамомъ Лебенсономъ изданіи Библіи съ новымъ комментаріемъ, Заксъ продолжаетъ: „Я тебѣ уже давно послалъ книжечку сына этого автора (т. е. М. Лебенсона), подъ заглавіемъ „הריסות טרויא“; теперь онъ выпустилъ новый очень цѣнный томикъ подъ названіемъ „שירי בת ציון“, и этотъ томикъ я тебѣ подношу вмѣстѣ съ письмомъ выдающагося автора его.—Авторъ этихъ стихотвореній—одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей на землѣ. Онъ еще очень молодъ,

*) Кромѣ писемъ Лебенсона, въ распоряженіе Я. И. Израэльсона предоставлена еще значительная часть переписки Закса съ выдающимися писателями 19-го вѣка.

и этотъ второй томикъ онъ сочинилъ здѣсь, при мнѣ и по моему совѣту. Онъ задумалъ и уже началъ цѣлый рядъ подобныхъ-же поэтическихъ и прозаическихъ произведеній на библейскіе сюжеты, но Богу угодно было поразить его въ юношескомъ возрастѣ жестокой болѣзнью, отъ которой умираютъ всѣ страдающіе ею—болѣзнью груди (т. е. чахоткой). Два слишкомъ года тому назадъ онъ пріѣхалъ сюда (т. е. въ Берлинъ), чтобы консультировать врачей, но тщетна помощь человѣческая, и онъ возвратился въ родительскій домъ убитый и удрученный. Теперь болѣзнь его усилилась до послѣдней крайности, и онъ близокъ къ смерти. Сердце мое сокрушается о немъ, ибо у него выдающійся поэтическій талантъ и рѣдкія нравственныя качества. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ здѣсь со мною, онъ очень полюбилъ меня, и моя душа привязалась къ нему. И онъ умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ... Мое искреннее желаніе—доставлять ему удовольствіе, пока онъ еще въ живыхъ. Поэтому я очень прошу тебя отвѣтить ему скоро (черезъ меня) на его письмо и высказать ему свое мнѣніе о его произведеніяхъ, ибо я глубоко убѣжденъ, что твои хорошія слова доставятъ ему большую радость“. Реджіо исполнилъ просьбу Закса и черезъ него тотчасъ отвѣтилъ Миха-Іосифу Лебенсону, но это письмо уже не застало въ живыхъ несчастнаго поэта. (Письмо Реджіо напечатано въ приложеніи къ שירי שפת קדש А. Лебенсона, виле́н. изд. 1895 г., т. II, стр. 243)“.

Въ виду общаго историко-литературнаго значенія нижеслѣдующихъ писемъ М. І. Лебенсона, мы помѣщаемъ здѣсь также ихъ русскій переводъ. Мѣстами, гдѣ стиль автора писемъ особенно цвѣтистъ въ библейскомъ духѣ, мы упрощали переводъ по смыслу. Многочисленныя фразы, написанныя въ текстѣ по нѣмецки еврейскими буквами, переданы здѣсь латинскими литерами, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ грамматическихъ неправильностей.

Ред.

1.

ידיד יקר ונאמן רע אהוב ונחמד מחמל נפשי שניאור זקש!

עיפה נא אלי על ראש הר ניפל—רייזנגעבירגע—הר נשפה ומצוק. שם תהזינה עיניך עלם יושב ערירי, דלת ראשו יכוף לרוח, בימינו היוני העתיק האמער, ועיניי תפנינה על כל אפסים לחזות נפלאות נוראות והוד איום מסביב לו, אך כרגע ישכח כל הדרי הטבע שחוברו מסביב לו, כרגע יזכרך רע נצח, יזכרך ונפשו עליו תשוח. או רדה נא עמדי אל מחילות צור ומערות סלע, שם בתהו-לא-דרך — רייגערצער לאבירינטה — הרחק מאדם ושאון כל חי, שם אל קול המית ערוץ נחל יזרם קיר המפכים מימיהם כרעם בגלגל, שם אשמעך מדבר אלי. חי נפשי רע אהיב, כי מן ההרים אשא עיני אליך וממעמקים

קראתיך! לא מעת עֲזבי אותך לא מימי האביב אזכרך, אהה! כי אז נהפכת לי לאיש אחר! אנכי מימי החרף אזכרך! הימים האלה היו אביב אהבתנו ולנצח לא. עוד יבולו! לא דמעות עיני לא תוי עטי יתארו לך את המית נפשי בהעלותי על לבבי את לילי הסתיו אשר עברו לנו, לילות כשעות ושעות כרגעים, עת חקרי לבנו השכילו ויהגו על כל ישנו בארץ, אז נטעת בלבי אהבת הפילוסופיא אהבה נצחת אשר כל עוד רוח באפי לא תתום.

ועתה רע יקר השלום לך? מהרה נא וענני על מכתבי, אל תאחר רגע, והודיעני ממצבך עתה אם רוח לך מעט או חלילה עוד צר ומצוק ימצאוך? סלח לי יקירי כי אחרתי עד כה מכתוב אליך כי אך עצלות הסבה בזה. פה הנני גלמוד ועריּרי כמת בקבר, כי ידעתי כי חדל אישים אנכי ולא איש רעים להתרועע את אשכנזים אוילים חסרי לב ונפש. לכן אך לבדי אעברה לי על כל הדרי הקיץ פה ובדד אשחרה את מסיבי המקום הזה הנפלאים. בבואי פה חזק הקור עד למאוד ובערב הראשון פרצה בי קדחת עזה, עת נזלה זיעה חמה מכף רגלי עד ראשי רחפו יצורי מקור. א ווי לאנ איך דאן זא איינזאם פון גאטט אונד וועלט פערלאססען! אך הקור לא ארך מארבעת ימים, ויבוא תחתו חום צח ונעים, כי שרב לא נדע פה. — עתה יקירי אזכרך בדבר האייפזאץ פיר מיינען פאטער. אויה לי אם חדלת כבר מכתוב זה, עורה נא אך פעם אחד (sic) בחייך וגבור על עצלותך! הנה במכתבו (אשר בא אלי זה יומים) עוד יוסיף אבי דבר אלי מזה, ואני מה? האם לא חרפה תשבור לבי כי דבר קל כזה לא עשיתי בעד אבי? אהה! איך וואלטע עס אבער דורך קיינען אנדערן אלס דורך איהנען, ווייל איך וויל דאס מיין פאטער איהנען גוט זייא! אנא יקירי עשה נא זאת איפוא הפעם וכתוב נא וגמור!! ואחר זה למע"ה אל תשלח את האויפזאץ אל פהיליפזאן, דען דא די צייטונגען דעם יודענטהומס אין רוסלאנד שטרענג פערבאטן זינד, זא איסט עס פיר דען פאטער גאנץ נוצ-לאס, אך שלח תשלח אותו אל פירשט אל האריענט כי שם מקומו, וואז תרא לשית לו מקום אים מאגאזין. א גענבע גאטט דאס זיע מיך באלד מיט איינעם בלאט אריענט איבערראשן ווא דאס גענדרוקט איסט, אבער וויע טרויעריג איסט עס צווייפלען צו מיססן אן איינער זאלכן קלייניגקייט! — ענני נא חיש מהר, אונפראנקירט פערשטעהט זיך — והודיעני נא מחדשות מדיניות. השלום להאבענד פאסט? מה כלתה נפשי לקרוא את העתים הנחמדים האלה, מה נשמע מצרפת?-- ענני נא אך מכתב ארוך למאוד כי בזה תשעשע נפשי, והודיעני נא עוד חדשות אם ידעת, אך קל מהרה כבוא מכתבי לידך תענני. אתמול שלחתי מכתב אל אבי ורציתי להסגיר בו שירי על התחיה, אך יראתי פן שלחת כבר אתה, והודיעני. ואם לא שלחת ואשלח אני בעוד שבוע ימים. הערצליך גריסס איך איהרע טהייערע ליעבע פרוי אונד איהרע ניכט טהייערן אונד ניכט ליעבען קינדער (נאַמליך בעני מיט דער ריעזנאזע).

שלום לך ידידי היקר בירזאוויץ! רב תודות ותשואות חן לך על עמלך בעדי! הכסף אשר לוית מכספי סלחתי לך כי ידוע ידעתי מראשית אם גם צויתי עליך לבלי עשות זאת כי לא תשמע לקולי, אך זאת איפוא תעשה יקירי ותקים דברך, כי כרגע בוא אליך כסף אביך השב תשיבנו לי, כי הלא ידעת מה נחוץ לי פה כספי, ואקוה כי לא יתנך לבך לשנות אחר דברך הפעם. ועתה

השלום לך? הודיעני גם אתה מחדשות ברלין וחדשות בתי הצחוק אשר הנכל דעת אותם פאן דען טהעאטר צעטטעלן, ווע[ל]כע בעקאנטע שטיקע ווארדען גנעבען? ווירד ראהעל באלד קאמן? וואנט נאך דער שרעקליכע ליעטקע אין העלדן ראללן אויפצוטרעטן? א. ז. וו.—רבות רבות לי לדבר אליך אך את הרבות האלה כבר ידעת. — למה זה תשאל ממני הגיד לך את נפלאות דרעזדען, ולא התמהמהתי שם אך חמשה שעות, כי ראיתי אם אתמהמה שם יותר יתם כספי על הדרך, ולא ראיתי שם אך את העיר ואת הצאאלאגישען מוזעאום אשר נשרף חציו. מיכל לעבענזאהן.

איך האבע איינען פראנצאזיסן ווארטערבוך פערגעססן, איסט ער ביי דיר?

2.

את מכתבך קבלתי היום, מכתבך המלא מרורות חרבות (?) ורעל, קראתיו, בלעתי את חמתך כמים. רבה שבעה לה נפשי מרורות מעודי ויהי גם זה לטובה! לא אבוא התנצל לפניך, לחשוף את לבבי, הראות את אהבתי אשר בזית נאצת ותרמסנה רגל. גם לי לב וגאון, וגאוני זה לא יתנני עוד השפיל נפשי עד לארץ. ניכטס איסט געקראָנקטער אונד שמאלצער—זאגט דער גאָטט=ליכע דאנטע—אלס פערשמאהטע פריינדשאפט. ואם אתה לא ידעתני ותדיחני מלפניך אותי ואת אהבתי, הנה אוהבי ורעי אשר שלש עשרה שנה לא הפכו לבם והנם מחז[י]קים באהבתי בכל לב ונפשי אליהם היא תשוב, המה יקדמו פניה ישישו אתה משוש כי יאמינו בה וגם יאמנו.—ולו גם את אויבם וצוררם אהבתי בכל זה יאהבוני, כי המה לא כמוך נפתה לבם להאמין במופת החותך הזה: „אם את אויבי לא שנאת, שנאת אותי”. דיעזע לאגיק איסט איהנען נאך זא איינלייכטענד ניכט! ואם גם כלו עיני לראות מכתבך לקרוא איך לא צדקת למאוד, אך חי נפשי כי סלחתי לך. הקנאה והשנאה עורו עיניך, הקשיחו לבך, ויכחידו בך רגשי אהבה וידידות. ארור הכותב כי קנאת סופרים תרבה חכמה, כל צרה כל צוקה כל עול ושקר ממנה תצאנה! ואם עוד אעלה על לבי כי צר ומצוק ימצאוך אהה! וכי אולי אך ממר נפשך דברת עד הנה, איך לא אז אסלח לך? אם גם אולי אנכי אומלל ממך, רובץ ברמי ימי באביב נעורי תחת סבל עול מחלה מאנה הרפא, מחלה עזה כמות, אשר כרוח זלעפות תחפור ותקמול כל תקות נעורי כל תוחלת חיי.—אך בכל זה באוהבי לא אפונה, לא אביט בקנאה ושנאה את מי יאהבו חוץ ממני, אם אך אותי יאהבו; אך למה זה ארב מלים ובעיניך עוד ארשע, כי את באָהמער לא שנאתי ואיך אוהב את זקש?

אך זה אגדך, כי אם לא לאוהב תחשבוני, אנכי כל אשר יוכל האיהב לעשות את אוהבו עשה אעשה עמדך, ואם בשובי בערלינה לא אתמהמה אך ימי מספר, הנה מביתי אטיב עמך בכל אשר אוכל, כי צדקת בדבריך כי יש שם לאל ידי להטיב עמך. וכאשר תגמר ההתיה שלח תשלחנה אלי ווילנא, כי אקדם את בואה לביתי, אנכי אשים עיני עליה ומידי תבוקש לך. בראשונה השלח שתי מאות, אך מאשר (?) אנכי אשלחם אל כל קצוי ארץ רוסיה, אנכי אכתוב אל סוכנינו כי יראו בכל מאמצי כחם למכור הרבה עקסעמפלארן,

וככה אעשה עם כל ספריך, וכל אשר תכתוב אלי וכל אשר תשית אלי [עלי ?] . חי האלהים כי בשמחה רבה אעבדך, ואם לא כאוהב, כי איך אהיה אוהבך אם לא אויב אנכי לבאָהמער ? גם שמחתי כי יש לאל ידי לתת את שמך לתהלה ולתפארת מאפסי רוסיה עד קציה, וכן אעשה, וכאשר עשיתי עד הנה, אשר לא הזכרתי את שמך לפני איש אם לא ברכוך ויהללוך שפתי ; וגם לפני אויבך צוררך זה באָהמער, חי נפש אבי היקרה וחי נפשות שולמאן וקאפלאן היקרים לי מכל בארין, כי גם לפניו דברתי עליך אך טובות, הללתי מעשה ידיך ותבונת נפשך. אך איך תאמין לי זה אם את באָהמר לא שנאתי ? ואם אך תנער מעט את העצלות ממך הנה שם בביתי אוכל לעזור לך בדבר מאסף עברי, וכאשר אקוה הוא ייטב לך מכל ספריך ותשתכר ממנו הרבה מאוד, ואם אך תשתדל בזה תוכל גם אולי לחיות אך ממנו. ואם גם בא אלי באָהמער טרם נסעי ויאמר אלי כי בדעתו להוציא מכתבי חכמה לאור בשם כרם חמד החדש, וצונץ כבר אמר כי יתן לו מכתב וגם השיג ישיג מש"ר (מיש"ר ?) לוצאטו ועוד חכמים רבים, וגם כסף נכון לו להדפיס חיש מהר, ואם אך אנכי אהיה לו לעזרה מווילנא כי ישלחו לו חכמי ווילנא מכתבים וכסף. אונד ווען איך נור פערשפרעכע עס אין רוסלאנד אבצוזעצן, זא וואלטע ער אויך מיינען נאמען אלס מיט-הערויסגעבער דרוקען ; דענקען זיע וועלכע עהרע וואָרע עס פיר מיך געדרוקט צו זיין אלס הערויסגעבער דער בריעפע צונצ, לוצאטוס, רעדדזיאס, דען זיע מיססן וויססן דאס ווען איך נור אייטל ביען (sic) זא ביען איך שטאלץ, אונד ווען איך ניכט עהרזיכטיג זא ביען איך עהרגייציג אים האָכסטן גראדע, אבער איך שלוג דיעזע עהרע אויס, די מיך מעהר אלס מיין לעבען געליסטעטע, איך שלוג עס אויס וויל איך דאכטע מיינע אויסשלאגונג ווירד איהנען ניצליך. אז השבתי פניו ריקם ולא נתתי לו לכתוב אל אבי זה, ובכל מאמצי כחי ריעט איך איהם אב דאפאן. אך אהבתי אליך זכרתי ואעלה על לבי כי אם הוציא אתה לאור את המאסף אז ירוח לך מעט, ואקריב את אות כבודי אם אך יכולתי להועיל לך (ואת זה רמזתי לך טרם נסעי אם תזכור). ובאָהמער אם גם הבין כי אך למענך אני משיב את פניו ריקם, אונד ווען ער זיך אויך פאן דיעזער זאממלונג גאלדענע בערגע פערשפראך, לא חרה אפו בי ולא כעס מאומה, כי לא למד עוד את חוקי ההגיון אשר שמת אתה לקו ולמשקלת, ולא אמר : „אם לא תשנא את זקש אז הנך אויב לי". אם אך בקש אחרי זה לכתוב אל אבי אודות ספרים לא מצאתי כל עול בזה, וכאשר בקש אותי אז כתבתי גם אנכי אל אבי, כי הוא בכספו יקנה ולא בכסף אבי והטיב לאבי ביתר שאת מאשר ייטיב אבי עמדו, ואם לא בעד אבי אז קנה יקנה בעד אחר כי כספו אתו. היכולתי להשיב בזה פניו ? בואו נא כל דורשי צדק ומבקשי תושיה וראו והתבוננו את העול אשר מצא שניאור זקש במיכל לעבענזאהן! אל אלהים! מעול כזה לא תנקני! ומעשים רעים כאלה מעשה יום יום! —

אך גם זאת אגדך, אם בצדקתי לא תאמין ובתומי תשים תהלה, הנה אנכי אל איש לא אפנה ואל אדם לא אשעה, ובאלהים נשבעתי כי בצדקה החזקתי ולא ארפנה, אם גם לא אעשה בנפשי שקר להאמין בשוא נתעה, כי עתיד אנכי לעלות על מוקד אש בעד עמי ואלהי. לא! לו ירא ייראוני בכאב

קטן ותפשתי שם אלהי! ולו אך יאמרו אך לענות נפשי כרגע אז לבול עץ אסגוד ולפסל אשתחו. ערום לבי ואין כסות למזמותי! כאשר הנני כן אתראה! כי גם ידעתי כי אך כסל והוללות הוא לסבול בעד אמונה. איך האבע קיינע רעליגיאן! מיין ברודער די מענשהייט! די וועלט מיין פאטערלאנד! מיינע רעליגיאן די טוגענד! יא גאטט וויס אב איך פאֶהיג ביען מיינען פריינדן אונד דער טוגענד אפפער צו בריינגען, אבער אפפער דער רעליגיאן בריגגען איסט דומם, ניעדריג אונד זיננלאז, אונד האט נור איממער ביי ראהען ווילדען ערבארמונגס-לאזן מענשן שטאט געפונדן. ואם אתה תכתוב לי כי עתיד הנך להקריב את נפשך בעד האמונה לא אאמין לך, דען עס איסט אויסגעמאכט: וועד פאֶהיג איסט זיך פיר זיינע רעליגיאן צו אפפערן איסט אויך פאֶהיג איהר אנדערע צו אפפערן, אונד דאס איסט זעהער בינדיג אונד לאגיש, לאגישער ווי איהרע לאגיק. — אך את הצדקה אוהב עד נצח, לא את הצדקה הנמצאת בספרי האהבים (ראמאנען) ובשירי הרועים לנעסנער, אבער די פראקטישע מאֶגליכע טוגענד. וימים הבאים הם יעידו לך צדקתי ותום לבי, ואולי אז תנחם על אהבת ידידך אשר בזית ועל תום לבבו אשר חרפת. — אונד ווען ניכט פריינדע זא ווALלן וויר פארטאן 2 ליטעראטן זיין די זיך אכטען אונד שאֶצען, דען זיע ווערדען זיך ניכט קינפטיג מיט מיר צו שאֶמען האבען. יא איך האפע דען קינפטיגן ווינטער גראסעס צו ליעפערן, איך קאן איהנען ניכט זאגן וועלכע אונענדליבע פאעטישע פלאֶנע מיין געהירן ערפיללן, אונד וואללטע איך יעצט זא קאֶנטע איך באֶנדע פיללן—אבער עס האט צייט! — ר׳ יהודה הלוי האבע איך געענדיגט אונד עס איסט מייסטערהאפט געלונגען.—אויך האבע איך שאן מיינע הקדמה צו די „שירי ציון" פערטיג. מארגען שיקע איך זיע צום פאטער,— א! ווארום האבען זיע מיר ניכטס געשריעבען אב זיע איהרען אויפזאץ פיר מיינען פאטער געענדיגט האבען? שרייבן זיע מיר יא אדער ניין? — אויך אנטווארטן זיע מיר ווי פיעל יעדער באגען קאסטעט. — ועתה חיה נא בטוב ובנעימים, והאל אשר יפיל מחלה וצרה כאב ונגע בגורלי הוא יאיר פניו אליך ויחונך וירויח לך, כחפץ מיכל יוסף לעבענזאהן.

יום ב׳ ו׳ לחדש אב.

3.

לידיד נפשי ומאהבי, חיי רוחי ונשמתי, הרב החכם החוקר מו״ה שניאור זקש שלום!

הנני יושב וכותב, ולמי? האליך מחמד נפשי? האליך זקש יקירי? העוד לא אשתעשע את פניך מדי יום ביומו? אהה! מאה ועשרים כברות ארץ יפרידו ביני ובינך, ביני ובין החכמה, ביני ובין ברלין!—אם נשבעתי לך לבלי כתוב אליך ירח ימים מעת בואי הביתה, אך לבי לבי הומה לך ומעי ילחצו אותי לכתוב אליך. התזכור אהוב נפשי, התזכור את הרגע הקדוש והיקר עת ישבתי במסלת הברזל ואתה עמדת למולי ועיניך עלי יישירו דומם ומשמים עמדת צופה ומביט על ידידך יחידך העוזב אותך, ואולי לנצח? אהה כמעט עף עפה העגלה אז גם נמס לבי אשר היה לאבן מכבד צרה וחלי, וגם עיני ענו בדרך

בעירנו והדפיס ספר שירים בשם הנצנים ולא ימכור אותו אך לפרונעמראנטן במחיר א׳ רו״כ וחצי, כי כל איש יירא אותו כי הוא מוסר ואין כמוהו בליעל ורע מעללים. פין הדפיס ספרו נדחי ישראל מלא משנות דקדוק והגיון ובודאי גם ספוריו על אדני תהו הטבעו, ועוד לא ראיתי אותו.—ועתה יקירי מה אשיב לך תודה על אשר למדתי ממך הרבה לדעת את ספרי חכמי עמנו ואת תולדותם. — השלום לבירזאוויץ? מה מעשהו? היבוא אל ביתך? — אבי עתה בבית הספר ולא יוכל דרוש שלומך, וגם שולמאן א[י]ננו כעת אתי. שלום לשולמאן ואולי ישיג שטעללע. — הודיעני נא יקירי את שמות החכמים אשר גננו על הרמב״ם ועל מורה הנבוכים עת דברו עליו תועה חכמי צרפת, והודיעני נא אם נאמר בתלמוד דבר רע על הפרושים מן חכמי התלמוד עצמם, כמו דברי יעזוס „חנפים״ וכו׳. הלא הרב משה בן נחמן הוא ראש המקובלים*) אשר ממנו יצאה הקבלה השפינאצים כדבריך? הודיעני נא והורני נא יקירי ותצא נא תורה ואהבה כאחד ממכתבך, וכתוב אלי על ניר דק ובאותיות קטנות לבלי ירב מחיר הפארטא, האדרעססע ווי געוואהנליך... ותכתוב גם פיר מיכל לעבענזאהן. סלח לי אהובי אם לא ארב מכתבי אליך כי רב עלי למאוד מחיר הפארטא.—אהה יגורתי יגורתי פן לא העגני גם על מכתבי זה! חוסה נא מהרה וענני! ידידך כל עוד רוחו באפו מיכל לעבענזאהן.

טהייערסטע מאדאם זקס! דענקען זי נאך מיין? זייען זי מיר הערצליך נעגריסט! לעבען זי וואהל און גליקליך! עס ווירד פינסטער איך מוסס אויפ־הערען. אך אונד מיין געליעבטעס טהייערעס מאלכען! שפריכט זיע פאן מיר?

מיכ״ל.

ראש חדש כסלו יום ג׳.

4.

ליקירי ובחירי הרב החכם החוקר הנפלא מחמל נפשי ואהוב כל מורשי מוה׳ שניאור זקש נ״י.—(יום ג׳ שני לשלשת ימי הגבלה).

השלום השלום? השלום לך אהובי ורעי? הוי לבי מלא כים מלים! הציקתני רוח אהבתי אליך! ומה אכתוב ומה אדבר? כל מורשי לבבי כל מעיני רוחי יהמו יסערו יתפלצו בהגיגי בך, כי חי האלהים (לא אלהי הנוצרים היהודים או הישמעאלים, לא אלהי כל דת ואמונה) אך אלהי עולם אלהים אמת אלהי לבבנו, חי כל קדש כל יקר ונשגב, כי חמודות אתה לי כל הימים ונפשי דבקה בך לנצח נצחים! אהה, ובזכרי כי לא ראיתיך זה כביר ימים ובהעלותי על לבי כי אולי לא אראך עוד כל ימי חיי על הארץ וכי אשכב על ערש המותה ומתי ואותך לא ראיתיך! אהה, אז תשתפך עלי נפשי ולבי נהפך עלי! הו[י] אז כרפאים שוכני קבר יקומו ימי אשרי ימי היותי אתך יחד, ימי ברלין המאושרים יתיצבו מול עיני וכל יקר אשר ראתה בם אז עיני יהפך למשהית. זכור אזכרה ואהמיה כי היום הזה לפני שנה הלכנו שנינו בערב אל הפריעדריכס-האין ושם בין קברית האנשים אשר הערו למות נפשם**),

---

*) „ראש המקובלים״ נמחק.

**) הללי המרד בברלין בימי מארץ לשנה 1848?

שם השתפכה נפשי הלוהטת אל נפשך הטהורה והמרגשת ורעיונות רמות ונשגבות התמלטו אז מחקר לבבינו, אז שפכת רוחך עלי. דאנן זאנגטן זיע מיר, דאס איהרע רעליגיאן אים גלויבען, דאס דאס יידישע פאלק אונד יינע רעליגיאן עווינג זיין ווערדען, בעסטעהע. — הה עהותי ערנים! הזכור תזכור עת ישבי במסלת הברזל ואתה עמדת נגדי ועיניך היישירו עלי ודמעות עינך החלו להתגלגל. אהה, אז בהפרדי מעליך, הידעתי כי לוקחת מעל ראשי אולי לנצח?! ואנכי דמיתי אז כי שוב אשוב לתקופת השנה בערלינה לראות פניך. אהה אך שבתי הביתה וארע כי לא אשוב עוד אליך ואל ארץ אשכנז, כי קצרה יד אבי להריק עלי עוד כסף רב. ומי לי פה על אדמת ווילנא? הנני גלמיד כערער בערבה! קאפלאן איננו כי עזב כבר את דרך הלמוד ויהי לפקיד בית מכס היי"ש ונוע ינוע אל ערי ליטא, וזה כארבעה ירחים לא ראיתיהו, ונפשי עלי תאבל; וגם זה האחד שולמאן ימים ושבועות יעברו ולא אראהו, וכן נסעו ועברו כל יתר רעי ומיודעי. וכל משכילי עיר ווילנא הלא ידעת כי אין שוה נזק העת לדבר אתם. גם לבי ההפך עלי ורוחי שנתה טעמה ואינני עוד נער פחז כמים שש ושמח. כל שעשועי הנעורים כל חמדות ימי הבחרות התנצלו את עדים ונועמם לעיני. בן שלשה ועשרים שנה אנכי היום! גם העלמה אשר ידעת אהובת לבי ונצורת נפשי גם אותה אחבק אנשק ונפשי אין אליה; אך זכרך יקירי זכר בערלין וזכרון ימי אהבתי הראשונה אל העלמה הזאת, אך זכרונות אלה יחדשו כמעט נעורי ויפריחו עלומי. אעזבה נא לדבר עוד מזה כי לו אמרתי לשפוך כל שיחי לפניך וקצר הגליון ולא השפיקה העת.

ואתה אתה מדוע לא תכתוב לי כל מאומה. ידעתי גם ידעתי כי לא שכחתני וכי לא מש עוד זכרוני מעל לוח לבך, אך בכל זה כלתה נפשי לקרוא דבריך הנאהבים, וכתוב נא אלי מכתב גדול וארוך על אדרעס אבי, ואל תחוס על כספי, או תן או שלח המכתב לידי ידידנו זלמן ווערבלון והוא ישלחהו אלי. שמעתי ממכתב ווערבלון כי הנך עתה או היית בעיר לייפציק. הפרקת כמעט את עול העצלות מעליך ותאזור כגבר חלציך? ומה עשית שם? המכרת שם ספריך? הנני מפציר בך יקירי לענות אותי דבר על דבר כל השאלות אשר אשאלך פה. הגמרת לדפוס את ספר התחיה? היוגה? מעת עזבי אותך מה כתבת ועל מה? ומה עשית עוד? כתוב נא לי יקירי כל מעשיך ומוצאותיך מעת עזבי אותך, השלום לאשתך היקרה? ולבתך ולבנך? הודיעני נא חדשות ליטעראטוריות, מה מעשה חכמי בערלין עתה? העוד דוקטור זקש בעיר בערלין, ומה שלום צונץ? הקבלה מכתבים מרעדזיא ולוצאטו? מכתבי ומכתב אבי אל לוצאטו ערוכים בידינו, אך אין עוד עת מצוא לשלחם אליו. הנוכל שלחם אליך ואתה תשלחם אליו? ואיך? ספרי *) יוגמר להדפס בעוד ימים אחדים, את מכתב לעטערים הדפסתי מראש ושם נזכרו שמך וספרך, אך גם את שם באהמער וספרו לא יכולתי להפליט, ובאהמער ידע מזה יחשב לי זאת לרשעות ועולה גדולה; העוד לא השלמתם? איהו עתה? ומה מעשיהו? איה ראזנקראנץ? התשמע מה מגאלדבערג המחבר את חפש מטמונים? ובנו איהו? הנצבה כבר על עמדה מצבת — בילר זיילע — פרידריך הגדול ברחוב תחת האשרות? הודיעני נא הודיעני מכל דבר קטן וגדול מכל מיודעינו ורענו. —

*) שירי בת ציון. ווילנא 1851.

ואם תשאל לשלומי עודני חי! ואם עוד לא בריא! עת עזבתיך התגוררתי ימים ושבועות בודד ונודד גולה וחולה על אדמת אשכנז והקור אכלני, עד באתי ביתי חולה ונדכא; אך עתה מהולל אל שבתי לאיתני מעט, והנני יושב ברגע כתבי אליך בחדר מתחת לעיר ושם אשב כל ימי הקיץ. בהדפס ספרי אז אולי אדפיס ספר שירים חדשים שירי-אהבה בשם שושנים וחוחים, אשר חברתי החרף הזה, שירים נעימים וטובים. אולי יגיעך מכתבי זה בלייפציג לכן לא אכתוב מאומה לידידנו היקר בירזאוויץ, והודיעני ברור מה מעשיהו עתה ואיכה יחיה, ואיפה יגור? השלום לו? ואיכה ינהג? ואתה העוד תגור בקלוסטר שטראסע? המחבר ספר עוטה אור על תרגום אונקלס הדפיס זה שנה ספר חדש בשם לחם ושמלה על הענין ההוא. החכם סלאנימסקי שלח לנו ספר קטן על התקופות והמולדות להדפיסו. החכם יצחק בער לעווינזאן שלח לנו להדפיס חלק שני בית האוצר, ועוד ספרים אחדים נשלח לנו. הלא ידעת כי פין הדפיס ספר נדחי ישראל ספר נתעב ונאלח מלא קיא צואה, וככלב שב על קיאו כן ישוב להדפיס חלק השני. ידידנו א״מ דיק האט איינע שטעללע בעקאמן אין איינע שולע וטוב לו. שולמאן ישיג מהר שטעללע. הנך עתה בלייפציק מקום פירשט. העוד זכור אזכרך, כי עתה העת לקים מוצא שפתיך והבטחותיך לדבר אודות אבי היקר לי בהאאריענס? או אין כל מקוה עוד כי תקים דבריך אשר אמרת ואשר נשבעת באלות ברגע הפרדי ממך? אהה צר לי על אבי יקירי! ולך איפה יקירי מה אעשה? אם אתה לא תקים דברי פיך? — הודיעני נא ממצבך בעת, ההונח לך מעט ואם תמצא די חית ידך בעת? אהה יגורתי את תשובתך כי לא תנחמני! השלום לבתך מלכה אהובתי, התלך עוד עקלקלות? התטיב לדבר שפת אשכנז? ובעני ארך האף? אונד וואש מאכט אונד וואמיט בעשעפטיגט זיך איהרע מהייערע בערטהא? געדענקט איהר מיין? שפריכט אפט מאלכן פאן מיר? — איה המכתב הגדול אשר אמרת לשלח לי ואשר שם עשית מטעמים כאשר אמרת ותענני גם על השני שאלות אשר שאלתיך אז, ואיה ספריך? הספרים המעטים אשר נתת על ידי נתתי לבעליהם ושנים או שלשה מכרתי. — שלח לנו ספריך פער אקס, ולמע״ה לא ע״י פאסט כי ירב מחירם עד מרבה להכיל. — מכתבך אלי אשר נתת לווערבלון יגיעני בעוד שני שבועות.

ידידך אוהבך עד עולמי עד מיכה יוסף הכהן לעבענזאהן.

[מעבר לדף] לכבוד הרב החכם החוקר מוה׳ שניאור זקש

[וחותם של שעוה עם אותיות M. L.]

Русскій переводъ писемъ.

1.

Дорогой, вѣрный другъ, любимый товарищъ, милый душѣ моей, Шнеуръ Заксъ!

Перенесись ко мнѣ на гребень исполинскихъ горъ (Riesengebirge), на крутую, мрачную вершину! Тамъ увидишь ты юношу одинокаго: вѣтеръ треплетъ его локоны, въ рукѣ у него древній грекъ—Гомеръ. Онъ

глядить на дивную и грозную красоту, разлитую кругомъ; но мгновенно онъ забываетъ все очарованіе природы, окружающей его, вспоминаетъ тебя, своего друга на-вѣки, вспоминаетъ тебя—и на душѣ грустно становиться. Или спустись со мною въ глубь горныхъ пещеръ и гротовъ среди скалъ, и тамъ въ непроходимой глуши Reinerzer Labyrinth, вдали отъ людей и всего живого, подъ шумъ горнаго потока и громъ стремительнаго водопада, я стану внимать твоимъ рѣчамъ. Клянусь, любимый другъ мой, что съ горныхъ высотъ мои взоры ищутъ тебя и изъ глубокихъ безднъ я взываю къ тебѣ. Вспоминаю я тебя не такимъ, какимъ оставилъ весною: увы! ты тогда перемѣнился по отношенію ко мнѣ. Вспоминаю я тебя, какимъ ты былъ зимою! То была весна нашей любви, которая никогда не поблекнетъ. Ни слезы мои, ни перо мое не въ состояніи изобразить тебѣ, что я переживаю, возстановляя въ своей памяти эти зимнія ночи, ночи, протекшія какъ часъ, и часы, промелькнувшіе какъ минуты, когда наши рѣчи и мысли касались всего сущаго на землѣ, когда ты внушалъ мнѣ непреходящую любовь къ философіи, вѣчную любовь до моего послѣдняго вздоха.

Какъ же поживаешь, дорогой другъ? Отвѣчай немедленно, не заставляй ждать ни секунды. Пиши о своемъ положеніи, лучше ли тебѣ живется, или ты по прежнему сильно стѣсненъ въ средствахъ? Прости, что запоздалъ отвѣтомъ: виною одна лишь моя лѣнь. Здѣсь я совсѣмъ одинокъ, какъ мертвецъ въ своемъ гробу. Я знаю, что я безпомощенъ и не могу сойтись съ глупыми, тупыми и бездушными нѣмцами; поэтому я одиноко прохожу мимо пышной красоты здѣшняго мѣста и одинъ посѣщаю дивныя окрестности. Когда я пріѣхалъ сюда, здѣсь царилъ страшный холодъ; въ первый же вечеръ я схватилъ сильную лихорадку: я обливался горячимъ потомъ, а холодная дрожь пробирала меня съ головы до ногъ. Oh wie lang ich dann so einsam von Gott und Welt verlassen! Но холодная погода стояла всего дня четыре, и смѣнила ее ясная, теплая, такъ какъ жары здѣсь не бываетъ вовсе.

Напомню тебѣ, дорогой мой, относительно Aufsatz für meinen Vater. Мнѣ больно, если ты бросилъ писать статью. Встряхнись хоть разъ въ жизни и преодолѣй свою лѣнь. Въ своемъ письмѣ (я его получилъ два дня тому назадъ) отецъ снова говоритъ о ней (статьѣ); что же мнѣ остается дѣлать? Увы! Ich wollte es aber durch keinen anderen als durch Ihnen, weil ich will, dass mein Vater Ihnen gut sei! Дорогой мой, примись за дѣло, пиши, кончай. А затѣмъ, ради Бога, не посылай статьи Филиппсону, denn die Zeitungen (Zeitung) des Judenthums streng in Russlaud verboten sind, so ist es für den Vater ganz nutzlos; отдай ее Фюрсту въ „Orient" — это наиболѣе подходящее мѣсто—или постарайся помѣстить ее im Magazin *). Oh gebe Gott dass Sie mich bald mit einem Blatt Orient überraschen, wo das gedruckt ist, äber wie traurig ist es zweifeln zu müssen an einer solchen Kleinigkeit. Отвѣчай немедленно, unfrankirt versteht sich; пиши, о новостяхъ въ политикѣ, каковы дѣла „Abendpost". Ахъ какъ бы я хотѣлъ читать этотъ милый журналъ! Что новаго во Франціи? Отвѣчай только пространнымъ письмомъ. Ты

*) Magazin für Literatur des Auslandes.

этимъ доставишь мнѣ большое удовольствіе. Отвѣчай немедленно по полученіи этого. Пиши всѣ новости. Хотѣлъ приложить свое стихотвореніе о надеждѣ, да раздумалъ, боясь, что ты уже предупредилъ меня. Сообщи мнѣ о томъ, и если ты еще не послалъ, то я сдѣлаю это самъ черезъ недѣлю. Herzlich grüsse ich Ihre theuere Frau und Ihre nicht theueren und nicht lieben Kinder (nämlich Beny mit der Riesennase).

[Приписка]. Здравствуй, дорогой товарищъ Биржовичъ! Очень благодаренъ тебѣ за всѣ хлопоты обо мнѣ! Прощаю тебя, что ты занялъ изъ моихъ денегъ: я заранѣе былъ убѣжденъ, что и вопреки моему распоряженію ты такъ сдѣлаешь. Такъ вотъ что, дорогой, ты слово свое сдержишь, и какъ получишь деньги отъ своего отца, вышлешь ихъ мнѣ. Ты самъ понимаешь, какъ мнѣ деньги нужны здѣсь; надѣюсь, что на этотъ разъ ты не осмѣлишься отказаться отъ даннаго слова. Какъ же поживаешь? Сообщи мнѣ о берлинскихъ новостяхъ, о новинкахъ театра, знакомаго тебѣ по Theater-Zetteln; welche bekannte Stücke werden gegeben? Wird Rahel bald kommen? Wagt noch der schreckliche Lietke in Heldenrollen aufzutreteten, usw.—Многое, многое, многое мнѣ нужно разсказать тебѣ, да только ты самъ все это многое знаешь. — Чего ты просишь писать тебѣ о чудесахъ Дрездена, когда я провелъ тамъ всего пять часовъ, по той причинѣ, что оставайся я тамъ дольше, у меня не было бы денегъ для продолженія путешествія? Успѣлъ я видѣть только городъ да зоологическій музей, наполовину сгорѣвшій.

Михель Лебензонъ.

Ich habe einen (sic) französichen Wörterbuch vergessen, ist er (sic) bei dir?

2

Письмо твое, полное горькихъ упрековъ, уколовъ и яду, я получилъ сегодня. Читалъ его и упивался твоимъ гнѣвомъ. Много мнѣ пришлось въ жизни испить горькаго, пусть будетъ и это къ лучшему! Не стану я извиняться предъ тобою, не стану открывать душу, доказывать тебѣ свою любовь, которую ты отвергъ, презрѣлъ и растопталъ ногами. И у меня въ груди сердце, и у меня есть гордость! И гордость эта не позволяетъ мнѣ больше унижаться. Nichts ist gekränkter und stolzer—sagt der göttliche Dante,—als verschmähte Freundschaft. И если ты меня не понялъ и оттолкнулъ отъ себя меня и мою любовь, то у меня есть еще любящіе друзья, не измѣнившіе мнѣ въ теченіе 13 лѣтъ и всѣмъ сердцемъ привязанные ко мнѣ. Къ нимъ моя любовь и вернется, и они встрѣтятъ ее съ восторгомъ, ибо они вѣрятъ ей и сами достойны вѣры. И если бы я даже любилъ ихъ недруга и недоброжелателя, они все же будутъ меня любить, такъ какъ они не станутъ, подобно тебѣ, резонерски разсуждать: „разъ ты не ненавидишь моихъ враговъ, ты ненавидишь меня". Diese Logik ist Ihnen noch so einleuchtend nicht! И хотя я нетерпѣливо ждалъ твоего письма, чтобы прочесть въ немъ, насколько ты неправъ, но клянусь, я тебя простилъ. Ревность и ненависть ослѣпили тебя, ожесточили твое сердце и искоренили всякое чувство любви и дружбы.

Будь проклятъ тотъ, кто сказалъ, что благодаря соревнованію писателей растетъ наука. Все зло, всякая бѣда, вся несправедливость и вся ложь,— все отъ нея (ревности)! И когда я припоминаю, что ты бѣдствуешь, что можетъ быть—ты все это наговорилъ только подъ вліяніемъ горя, какъ же мнѣ тогда не простить тебя! Я вѣдь куда несчастнѣе тебя: въ расцвѣтѣ молодости я прикованъ къ постели неизлечимой болѣзнью, болѣзнью сильною, какъ смерть. Губительнымъ вѣтромъ вѣетъ она на мои юныя надежды, на мечты о будущемъ, которыя блѣднѣютъ и вянутъ подъ ея дыханіемъ,—и все же я не сомнѣваюсь въ любви своихъ друзей, и вовсе не ревную и не гляжу съ ненавистью на то, что они любятъ и другихъ помимо меня. Довольно того, что они любятъ меня. Впрочемъ, что мнѣ тратить слова, когда, по твоему, это еще болѣе чернитъ меня? Разъ я не презираю Бемера *), какъ же я могу любить Закса?

Скажу только, что хотя ты меня и не считаешь своимъ другомъ, я сдѣлаю для тебя все, что только другъ дѣлаетъ для друга. Если, возвращаясь въ Берлинъ, я тамъ пробуду только нѣсколько дней, то дома я помогу тебѣ всѣмъ, чѣмъ только смогу: ты дѣйствительно правъ, и я могу тебѣ быть здѣсь полезенъ. Какъ только выйдетъ „Hatechiah“, пришли ее въ Вильну, такъ какъ я вернусь домой раньше. Я займусь ею, и чрезъ меня ее могутъ требовать. Сначала пришлешь двѣсти экземпляровъ, которые разошлю по всѣмъ концамъ Россіи; напишу нашимъ агентамъ, чтобы они постарались продать какъ можно больше экземпляровъ по сходной цѣнѣ. Надѣюсь продать болѣе двухсотъ экз. Точно также я поступлю и съ другими твоими произведеніями, со всѣмъ, что ты напишешь и что возложишь на меня. Клянусь Богомъ, съ восторгомъ окажу тебѣ услугу, хотя и не въ качествѣ любящаго друга: вѣдь не могу же я любить тебя, не презирая Бемера! Я былъ радъ, что могъ распространять твою славу отъ одного конца Россіи до другого, и буду продолжать и впредь такъ дѣлать. Я ни разу не говорилъ о тебѣ, не расточая тебѣ похвалъ. Даже передъ твоимъ кровнымъ врагомъ Бемеромъ я хвалилъ тебя, превозносилъ твои труды и твой характеръ. Клянусь дорогой мнѣ жизнью отца и жизнью Шульмана и Каплана, дороже которыхъ у меня нѣтъ въ мірѣ! Но какъ же ты станешь мнѣ вѣрить, когда я не ненавижу Бемера?

Если ты сумѣешь побороть свою лѣнь, я смогу помочь тебѣ дома въ составленіи еврейскаго сборника, который, надѣюсь, будетъ тебѣ болѣе полезенъ, чѣмъ всѣ твои труды, и ты на немъ хорошо заработаешь, а если постараешься, то пожалуй сможешь кормиться исключительно отъ него. Передъ моимъ отъѣздомъ былъ у меня Бемеръ и разсказалъ, что имѣетъ въ виду издавать научныя письма подъ названіемъ „Kerem chemed hechadasch“. Цунцъ уже обѣщаетъ ему дать такое письмо и добыть ихъ у Яшара (Реджіо), Луццато и у другихъ ученыхъ. Деньги для изданія у него тоже имѣются, и можно немедленно приступить къ печатанію. Онъ просилъ моего содѣйствія въ Вильнѣ, куда бы мнѣ ученые переслали письма и деньги. Und wenn ich nur verspreche es in Russland abzusetzen, so wollte er auch meinen Namen als Mitherausgeber drucken. Denken Sie, welche Ehre wäre es

*) Второстепенный писатель, авторъ изслѣдованія объ эссеяхъ (מכתבי ישראל Варш. 1849) и др.

für mich gedruckt zu sein als Herausgeber der Briefe Zunz's, Luzzatto's, Reggio's, denn Sie müssen wissen, dass wenn ich nur eitel bin so bin ich stolz, und wenn ich nicht ehrsüchtig so bin ich ehrgeizig im höchsten Grade; aber ich schlug diese Ehre aus, die mich mehr als mein Leben gelüstete. Ich schlug es aus, weil ich dachte meine Ausschlagung wird Ihnen nützlich. Я ему отказалъ и не далъ ему писать отцу, и всѣми своими силами rieth ich im ab davon. Я вспомнилъ твою любовь и сообразилъ, что если ты издашь этотъ сборникъ, ты немного поправишь свои дѣла, и я пожертвовалъ своимъ честолюбіемъ, лишь бы быть тебѣ чѣмъ нибудь полезнымъ. (Я на это и намекалъ тебѣ передъ отъѣздомъ, если только припоминаешь). А Бемеръ, хотя и понялъ. что я отказываю ему только изъ за тебя, und wenn er sich auch von dieser Sammluug goldene Berge versprach,—однако не сталъ сердиться на меня и не пришелъ въ ярость, такъ какъ онъ еще не научился тѣмъ законамъ логики, которыми ты руководишься, и не сказалъ: „Разъ ты не ненавидишь Закса, ты мнѣ врагъ". Когда же онъ затѣмъ просилъ меня писать отцу по поводу книгъ, я не нашелъ въ этомъ ничего дурного, и какъ онъ просилъ, такъ я и написалъ, что онъ купитъ книги за свои деньги, а не на деньги моего отца, что отцу гораздо выгоднѣй, чѣмъ ему. А если бы не для отца, то онъ все равно купилъ бы эти книги для другого, такъ какъ деньги у него есть. Могъ ли я ему въ этомъ отказать? Соберитесь всѣ, требующіе справедливости и ищущіе правды, и вникните въ кривду, которую Шнеуръ Заксъ нашелъ въ Михелѣ Лебензонѣ! О Боже, отъ такого преступленія ты меня не очистишь! И такіе проступки я совершаю ежедневно! И то скажу тебѣ: если ты не вѣришь въ мою честность, я ни къ кому не стану обращаться.

Богомъ клянусь, что всегда былъ честенъ и такимъ останусь, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не стану притворяться, будто я готовъ взойти на костеръ за мой народъ и за моего Бога. Нѣтъ, если бы меня пугнули небольшою болью, я бы отрекся отъ своего Бога! И если бы только мнѣ пригрозили хоть мгновенной пыткой, я упалъ бы на колѣни передъ деревяннымъ чурбаномъ и сталъ бы кланяться идолу. Я откровененъ и мыслей своихъ не скрываю! Каковъ я, такимъ и хочу казаться! Вѣдь я знаю, что глупо и безсмысленно терпѣть во имя религіи. Ich habe keine Religion! Mein Bruder—die Menschheit! Die Welt—mein Vaterland! Meine Religion—die Tugend. Ja, Gott weiss ob ich fähig bin meinen Freunden und der Tugend Opfer zu bringen, aber Opfer der Religion bringen ist dumm, niedrig und sinnlos und hat nur immer bei rohen wilden erbarmungslosen Menschen stattgefunden. И если ты напишешь мнѣ, что ты готовъ пожертвовать жизнью за вѣру, то я тебѣ не повѣрю. Denn es ist ausgemacht: wer fähig ist sich für seine Religion zu opfern, ist auch fähig ihr andere zu opfern, und das ist sehr bündig und logisch, logischer wie (?) Ihre Logik. Но правду-честность я не перестану любить во вѣки,—не ту честность, которую мы находимъ въ романахъ и въ пастушескихъ идилліяхъ Геснера, aber die praktische mögliche Tugend.

Будущее покажетъ тебѣ, что я былъ честенъ и чистъ сердцемъ, и

тогда ты, можетъ быть, раскаешься въ томъ, что отвергъ любовь своего друга и его честное сердце. Und wenn nicht Freunde so wollen wir fortan 2 Literaten sein die sich achten und schätzen, denn Sie werden sich nicht künftig mit mir zu schämen haben. Ja, ich hoffe den künftigen Winter Grosses zu liefern. Ich kann Ihnen nicht sagen, welche unendliche poetische Pläne mein Gehirn erfüllen, und wollte ich jetzt so könnte ich Bände füllen, aber es hat Zeit! „R. Jehudah Halevi" habe ich geendigt und es ist meisterhaft gelungen. Auch habe ich schon meine הקדמה zu die "שירי ציון„ fertig. Morgen schicke ich sie zum Vater. Oh, warum haben Sie mir nichts geschrieben, ob Sie Ihren Aufsatz für meinen Vater geendigt haben? Schreiben Sie mir: Ja oder nein, auch antworten Sie mir, wie viel jeder Bogen kostet.. Желаю тебѣ всего лучшаго, и Господь, который посылаетъ на мою долю болѣзнь и горе, хворь и муки, пусть тебѣ улыбнется, даритъ тебя своею благосклонностью и пошлетъ тебѣ всѣхъ благъ, чего тебѣ желаетъ.

Михель-Іосифъ Лебензонъ.

Понедѣльникъ, 6 день мѣсяца Аба.

3.

Задушевному другу, моему любимому, кѣмъ живу и дышу, ученому изслѣдователю Шнеуру Заксу, миръ!

Сижу за письмомъ, пишу—кому? Тебѣ, ненаглядный мой! Тебѣ, дорогой мой Заксъ! Неужели я не могу болѣе видѣть тебя ежедневно? Увы! Сто двадцать миль отдѣляютъ меня отъ тебя, отъ источника наукъ, отъ Берлина! Правда, я обѣщалъ тебѣ не писать въ теченіе цѣлаго мѣсяца по возвращеніи домой. Но это свыше силъ моихъ, я не могу не писать тебѣ. Помнишь ли, мой милый, тотъ дорогой, святой мигъ, когда я усѣлся въ вагонъ, а ты стоялъ предо мною, молча и грустно глядѣлъ на меня, твоего единственнаго друга, покидающаго тебя, быть можетъ, навсегда. Какъ только тронулся поѣздъ, растаяло мое сердце, окаменѣвшее отъ горя и боли. Глаза меня сильно измучили въ дорогѣ. Въ Кб. (Кенигсбергѣ) меня настигли холодъ и страшная буря, и я еще болѣе расхворался. Тамъ же я раздобылъ консульскій паспортъ и вернулся домой чуть живымъ. Всего три дня, какъ я немного оправился отъ страшной слабости, сильнаго истощенія и головной боли, и вотъ пишу тебѣ!

Какъ поживаешь, каково твое положеніе теперь? Взялся ли ты читать философію въ кружкѣ молодыхъ людей? Сколько получаешь? Имѣются ли у тебя другіе источники дохода? Какъ здоровье твоей жены и дѣтей? Что пишешь, надъ чѣмъ работаешь? Отъ кого изъ ученыхъ получилъ письма? А каковы дѣла „Hatechiah"? Разсылаешь ли свои произведенія берлинскимъ богачамъ? Пожалѣй же меня, пиши обо всемъ: когда тебѣ хорошо, и мнѣ хорошо! Пиши, что новаго въ Берлинѣ въ еврейской литературѣ.—Увы, мой другъ, мнѣ приходится распекать тебя: когда же перестанешь ты лѣниться? Какъ только я вернулся въ Вильну, больной и слабый, я позвалъ нашего друга Плунгіана и долго съ нимъ

говорилъ; онъ собралъ 13 рублей; деньги хранятся у него. Со дня на день мы ждали, что ты пришлешь ему свои книги. Однако, ни слуха ни духа! Помнишь ли, какъ ты обѣщалъ ихъ выслать сейчасъ, какъ я уѣду? О Боже, изъ за твоей лѣни тебѣ перестаютъ вѣрить! Если бы ты выслалъ книги, ты давно получилъ бы и деньги за нихъ! По этой то причинѣ и вышеупомянутый Мордохай (Плунгіанъ) не захотѣлъ послать тебѣ деньги, боясь, что не сможетъ затѣмъ отдать книгъ заказчикамъ и будетъ имѣть непріятности. Здѣсь у тебя много читателей. О чемъ тутъ распространяться? Sagen Sie selbst, mein theuerster, kann ich nun anfangen zu sprechen von einer Zeitschrift? Тѣ нѣсколько экземпляровъ, которые я захватилъ съ собою, пока еще заграницей; недѣльки черезъ двѣ они будутъ здѣсь.

Относительно „Magazin'a" отъ тебя ни звука, а мнѣ стыдно смотрѣть отцу въ глаза. Меня дрожь пробираетъ, когда я подумаю, что ты, пожалуй, еще ничего не сдѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ, пожалуй, и замѣтокъ для Лебрехта не написалъ! Тогда и вѣрить некому на землѣ! Не надѣйтесь на человѣка! И другу не вѣрьте: всѣ, всѣ, даже самые честные, лгутъ! А мнѣ очень горько; больно за тебя и твое достоинство. Вѣдь теперь и какъ разъ время, когда статья въ „Magazin'ѣ" очень бы помогла отцу поправить свои денежныя дѣла, помимо литературной славы. Я знаю, что отецъ никогда въ жизни не забылъ бы твоей услуги. А впрочемъ, о чемъ тутъ разговаривать? Развѣ слова помогутъ? Богомъ клянусь, да и самъ ты это знаешь, что я имѣю здѣсь въ виду не только славу отца, но и твою собственную. Впрочемъ, возможно, что правъ ты и дѣло у тебя наладилось, so hoffe ich das Sie es zum Besten machen werden. Только (ради Бога) не упоминай, wenn es möglich ist, имени Lebrecht'a или кого другого въ статьѣ.

Виленскіе „маскилы" по-прежнему преслѣдуютъ и ненавидятъ другъ друга, клевещутъ одинъ на другого. Яблокомъ раздора между ними служатъ должности (Stellen), а бросилъ это яблоко Лейбъ Мш. *). Одинъ подкапывается подъ другого, стараясь столкнуть его и занять его мѣсто; пишутъ другъ на друга доносы. Главные интриганы—Финъ и Гурвицъ. Не думай, дорогой мой, что я преувеличиваю; я отъ этого далекъ. Здѣсь теперь Готлоберъ, авторъ „Pirche Awiw"; онъ напечаталъ книжку стихотвореній подъ названіемъ „Hanizanim" и продаетъ ее по $1^1/_2$ р. только заранѣе подписавшимся; (книгу покупаютъ) такъ какъ всѣ его (автора) боятся: это доносчикъ и прескверный человѣкъ, какихъ мало.— Финъ издалъ свою книгу „Nidche Israel" съ массой погрѣшностей противъ грамматики и логики, вѣроятно—и текстъ пустой; я еще не видѣлъ ея.

Чѣмъ мнѣ отблагодарить тебя за всѣ тѣ познанія, которыя я пріобрѣлъ изъ разговоровъ съ тобою о нашихъ великихъ людяхъ? Самъ того не замѣчая, я познакомился съ произведеніями ихъ и ихъ біографіей.— Здоровъ ли Биржовичъ? Чѣмъ онъ занимается? Бываетъ ли онъ у тебя? Отецъ теперь въ школѣ, почему и лично не шлетъ поклона. Шульмана

*) Л. Мандельштамъ, чиновникъ по дѣламъ еврейскаго просвѣщенія при министерствѣ въ Петербургѣ. Рѣчь идетъ о должностяхъ въ Раввинскомъ училищѣ и въ начальныхъ „казенныхъ училищахъ".—Ред.

также нѣтъ здѣсь; у него все въ порядкѣ; возможно, что онъ получитъ должность (Stelle).—Сообщи мнѣ имена всѣхъ апологетовъ Маймонида и „Moreh Nebuchim“, защищавшихъ его отъ нападокъ французскихъ ученыхъ; сообщи мнѣ также, встрѣчаются ли гдѣ нибудь въ Талмудѣ дурные отзывы о фарисеяхъ, подобные выраженію Іисуса: „лицемѣры“ и т. п.? Не правда-ли, главою каббалистовъ былъ Моисей Нахманидъ, и отъ него пошла, по твоему мнѣнію, Спинозовская (?) каббала?

Пиши мнѣ, дорогой, и вразуми; пусть будетъ за-одно въ твоемъ письмѣ и наука и любовь. Пиши на тонкой бумагѣ и мелкимъ шрифтомъ, чтобы почтовые расходы не были слишкомъ велики. Адресъ—wie gewöhnlich; добавишь только für Michel Lebensohn. Прости, милый, что немного написалъ, потому что почтовые расходы слишкомъ обременительны для меня. Увы! очень боюсь, что и на это письмо ты не отвѣтишь! Пожалѣй же меня, отвѣчай немедленно!

Твой другъ на-вѣки Михель Лебензонъ.

Theuerste Madame Sachs! Denken Sie noch mein? Seien Sie mir herzlich gegrüst. Leben Sie wohl und glücklich! Es wird finster und ich muss authören. Ach und mein geliebtes theures Malchen! Spricht Sie von mir?—Michel.

Rosch-chodesch Kislew, вторникъ.

4.

Дорогому, избранному, мудрому рабби, выдающемуся мыслителю, душевно любимому Шнеуру Заксу! (Вторникъ, второй изъ трехъ дней hagbalah).

Какъ поживаешь, какъ поживаешь, милый другъ? Сердце мое переполнено, такъ много мнѣ нужно высказать тебѣ. Что же писать, о чемъ говорить? Я живу только тобою. Клянусь именемъ Бога (не Богомъ христіанъ, іудеевъ или магометанъ, не Богомъ какой бы то ни было религіи или культа), клянусь именемъ Творца всего міра, Богомъ истины, Богомъ, живущимъ внутри нашего сердца,—клянусь всѣмъ святымъ, всѣмъ дорогимъ и возвышеннымъ, что ты мнѣ дорогъ всегда, что я привязанъ къ тебѣ навѣки! Увы! когда припоминаю, какъ давно я тебя не видѣлъ, подумаю о томъ, что мнѣ, быть можетъ, и не суждено никогда больше видѣть тебя, что на смертномъ одрѣ я буду лежать, не увидѣвъ тебя,—душа моя болитъ и сердце замираетъ. Словно изъ загробнаго міра встаютъ предо мною счастливые дни, проведенные съ тобою въ Берлинѣ Все хорошее, видѣнное мною тогда, мучитъ меня. Съ горечью вспоминаю я, что сегодня исполнился годъ, какъ я съ тобою вечеромъ посѣтилъ Friedrichshain и среди могилъ героевъ, положившихъ свою жизнь *), раскрылась моя восторженная душа передъ твоимъ чистымъ и чувствительнымъ сердцемъ; гордыя мысли обуревали нашу душу, я находился подъ твоимъ обаяніемъ. Dann sagten Sie mir, dass Ihre Religion im Glauben, dass das Jüdische Volk und seine Religion ewig sein werden bestehe. О блаженное время! Помнишь ли ты, когда я сидѣлъ въ вагонѣ желѣзной дороги, а ты стоялъ, не сводя съ меня глазъ, и текли слезы твои? Увы! я не зналъ, что раста-

*) Могилы павшихъ въ мартовскіе дни 1848 г. въ Берлинѣ. — *Ред.*

юсь съ тобою, быть можетъ, навсегда! Я мечталъ вернуться черезъ годъ въ Берлинъ, увидѣться съ тобой. Но какъ только я пріѣхалъ домой, я узналъ, что не суждено мнѣ вернуться ни къ тебѣ, ни въ Германію, въ виду того, что отецъ мой не въ состояніи тратить на меня опять большія деньги.

Никого у меня здѣсь нѣтъ въ Вильнѣ; я одинокъ, какъ кустъ можжевельника въ степи! Каплана нѣтъ: онъ бросилъ ученіе, сталъ чиновникомъ въ водочномъ откупѣ и кочуетъ по городамъ Литвы; вотъ ужъ четыре мѣсяца, какъ я его и въ глаза не видалъ, и мнѣ грустно! Остался одинъ Шульманъ, но проходятъ дни и недѣли, а его не видать. Такъ вотъ разбрелись и всѣ остальные мои друзья и знакомые. Что же касается виленскихъ маскиловъ, то ты знаешь, что не стоитъ тратить время на разговоры съ ними. Я тоже сталъ другимъ, я измѣнился, я уже не тотъ, крайне легкомысленный и жизнерадостный юноша, какимъ былъ. Всѣ юношескія увлеченія и наслажденія молодости потеряли свой блескъ въ моихъ глазахъ: а вѣдь мнѣ сегодня исполнилось 23 года! И когда я цѣлую и обнимаю любимую, запечатлѣнную въ моей душѣ дѣвушку (ты ее знаешь), я въ дѣйствительности далекъ отъ нея. Только память о тебѣ, дорогой мой, да память о Берлинѣ и о зарѣ моей любви къ этой дѣвушкѣ немного освѣжаетъ меня.

Не хочу объ этомъ распространяться. Если бы я захотѣлъ излить предъ тобою всю свою душу, бумаги и времени не хватило бы. А ты, ты-то почему ничего не пишешь? Я твердо убѣжденъ, что меня ты не забылъ, но мнѣ такъ хотѣлось бы прочесть твое милое письмо. Пиши мнѣ большое, длинное письмо, по адресу отца, не жалѣй моихъ денегъ, либо пошли или передай его нашему другу Залману Верблюну, а онъ ужъ передастъ его мнѣ.

Изъ письма Верблюна я узналъ, что ты находишься теперь въ Лейпцигѣ или недавно былъ тамъ. Не избавился ли ты отъ одолѣвшей тебя лѣни и сталъ энергичнѣе? Что же ты тамъ дѣлалъ? Продалъ ли ты тамъ свои произведенія? Умоляю тебя, отвѣчай на всѣ мои вопросы. Напечаталъ ли ты уже „Hatechija"? „Hajonah"? Что ты дѣлалъ, о чемъ писалъ съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ? Напиши мнѣ подробно обо всемъ, что у тебя творится съ того времени, какъ я васъ оставилъ. Какъ поживаютъ твоя дорогая жена, сынокъ и дочка? Сообщи, что новаго въ литературѣ и какъ поживаютъ ученые берлинцы. Въ Берлинѣ ли еще докторъ Заксъ? Какъ здоровье Цунца? Имѣешь ли письма отъ Реджіо и Луццато? Мое письмо и письмо отца къ Луццато уже готовы, да все не соберемся отослать ихъ ему. Можно ли ихъ переслать тебѣ съ тѣмъ, чтобы ты ихъ отправилъ къ нему? И какимъ путемъ?

Черезъ нѣсколько дней будетъ готова къ печати моя книжка. Вначалѣ я помѣстилъ письмо Летериса, въ которомъ упомянутъ ты и твое сочиненіе; не могъ я не упомянуть и Бемера и его сочиненія, (ибо если бы) Бемеръ это узналъ, онъ счелъ бы это большой несправедливостью съ моей стороны. Развѣ вы еще не помирились? Гдѣ онъ теперь? Что теперь дѣлаетъ? Гдѣ Розенкранцъ? Не слыхалъ ли ты ничего о Гольдбергѣ, авторѣ „Chofes Matmonim"? А гдѣ его сынъ? Поставили ли уже статую Фридриха Великаго на улицѣ Unter den Linden? Пиши обо всемъ, рѣшительно обо всемъ, что касается нашихъ друзей и добрыхъ знакомыхъ.

А если интересуешься моимъ здоровьемъ,—я живъ пока, но еще не выздоровѣлъ! Послѣ нашей разлуки я цѣлые дни и недѣли проводилъ въ одиночествѣ, скитаясь больнымъ по Германіи, страдая отъ холода, пока не доѣхалъ домой больнымъ и разбитымъ. Теперь я, слава Богу, немного оправился, и пишу тебѣ въ домѣ за городомъ, гдѣ и проведу все лѣто. Когда книжка моя выйдетъ изъ печати, я, пожалуй, напечатаю новый сборникъ стихотвореній эротическаго подъ характера, названіемъ „Schoschanim we-Chochim“ (Розы и Терніи), которыя я написалъ въ теченіе этой зимы. Стихотворенія эти очень удачны *).

Факсимиле письма М. I. Лебенсона (начало письма № 1).

Сообщ. **И. Израэльсонъ.**

*) Конецъ письма, по незначительности содержанія, въ русскомъ переводѣ опускаемъ.—Ред.

Матеріалы и сообщенія.

Дѣло о кощунствѣ въ Полонномъ (1855—58 г.). *).

Неоднократно въ дѣтствѣ приходилось мнѣ слышать отъ стариковъ про несчастіе תרט״ו (1855 года). Этотъ годъ въ нашемъ мѣстечкѣ (Полонное, Волынской губ.), въ особенности у стариковъ, долго служилъ мѣстной эрой для опредѣленія времени разныхъ событій. Въ чемъ собственно состояло это несчастіе— я точно не могъ себѣ уяснить. Разсказывали про тюрьму, въ которой пару лѣтъ просидѣли виднѣйшіе евреи мѣстечка Полоннаго, про פריון שבויים (сборъ на выкупъ заключенныхъ), который собирали въ окрестныхъ городахъ и мѣстечкахъ, про выкреста, про одного жандармскаго „плечистаго" и другого „худого" и т. д. Лишь недавно мнѣ удалось побывать въ обществѣ нѣкоторыхъ стариковъ мѣстечка, и изъ бесѣды съ ними, въ особенности изъ сообщенія старѣйшаго и всѣми уважаемаго старика Пейси Койфмана, бывшаго также участникомъ злосчастнаго дѣла, я получилъ приблизительное представленіе, что тогда происходило. Къ сожалѣнію, и въ ихъ изложеніи эта „исторія" нуждается мѣстами въ освѣщеніи, и я попробовалъ было обратиться въ уѣздный архивъ, но безуспѣшно.

По разсказамъ старожиловъ, дѣло происходило такъ. Житель деревни Медвѣдовки (въ 20-ти верстахъ отъ мѣстечка), по имени Хаимъ-Ици, принялъ на 45—48 году жизни, вмѣстѣ со всей своей семьей, православіе. Что именно толкнуло его на этотъ шагъ, никто до сихъ поръ не знаетъ. Въ мѣстечкѣ эта вѣсть поразила всѣхъ, такъ какъ Хаимъ-Ици принадлежалъ къ весьма приличной, благочестивой фамиліи, и его почти всѣ знали, какъ человѣка набожнаго и даже книжнаго. Въ особенности удручало это отступничество близкихъ и дальнихъ родственниковъ ренегата, которые не переставали думать о томъ, какъ спасти его отъ бѣды.

Не успѣли родные сговориться, какъ имъ быть и по какому

*) Въ предыдущей книжкѣ „Евр. Старины" (стр. 107—108) приведено смутное указаніе на какое-то обвиненіе „въ святотатственномъ посмѣяніи надъ христіанской религіей", взведенное на евреевъ мѣстечка Полоннаго въ 1850-хъ годахъ. Здѣсь мы помѣщаемъ разсказъ мѣстнаго уроженца объ этомъ печальномъ происшествіи. Въ разсказѣ, основанномъ на свѣдѣніяхъ старожиловъ, трудно уловить юридическую сутъ процесса и формулу обвиненія— святотатство, кощунство или богохульство,—но вся бытовая картина происшествія здѣсь передана ярко и правдиво. Въ просмотрѣнной нами записи очевидца—слишкомъ краткой—изъ матеріаловъ этнографической экспедиціи С. А. А—скаго, имѣются нѣкоторые незначительные варіанты, но общій ходъ дѣла совпадаетъ въ обоихъ источникахъ.- Ред.

и продолжала пѣть, привлекая все больше и больше зрителей съ улицы. Гулявшіе въ это время акцизный чиновникъ и писарь становою обратили вниманіе на крики и хохотъ „жидовъ" и приблизились, чтобы посмотрѣть, чѣмъ тамъ забавляются. Долетѣвшіе до слуха чиновниковъ звуки псаломщика ихъ еще больше заинтересовали, и они ускорили шагъ. Но „представленіе" до ихъ прихода прекратилось, и они застали только смущенныхъ, блѣдныхъ евреевъ. Эта растерянность и отдѣльныя фразы, въ родѣ „der goischer Gott", услышанныя чиновниками, когда они приблизились къ дому, навели ихъ на мысль, что за напуганіе „жидовъ" можно будетъ получить хорошее вознагражденіе...

На слѣдующій день становой писарь пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ виднѣйшихъ хозяевъ, участвовавшихъ въ праздничной забавѣ, и заявилъ имъ о совершенномъ ими кощунствѣ, о кражѣ какой-то церковной святыни и т. д. При этомъ онъ изъявилъ готовность замять „страшное дѣло", если его хорошо вознаградятъ; въ противномъ же случаѣ онъ передастъ дѣло становому приставу. Евреи, не зная за собою никакой кражи святыни, не придали значенія его угрозамъ тѣмъ болѣе, что назначенная писаремъ сумма была имъ не по силамъ. Писарю не оставалось ничего другого, какъ передать дѣло становому, отличавшемуся своей строгостью и ненавистью къ евреямъ, а главное— своей набожностью, доходившею до крайняго фанатизма, при чемъ писарь представилъ списокъ 20 домохозяевъ, которыхъ онъ зналъ въ лицо. Приставъ потребовалъ къ себѣ этихъ „дерзкихъ жидовъ", а когда ихъ привели, онъ свирѣпо набросился на нихъ, требуя сознанія и возврата святыни, при чемъ безпощадно ихъ избивалъ и топталъ ногами. Не удержали его крики женъ и дѣтей избиваемыхъ, и онъ передалъ дальнѣйшую расправу съ ними сотскому и десятскимъ. Евреи же въ одинъ голосъ отрицали свою вину. Тогда приставъ приказалъ заковать ихъ въ кандалы и часть разсадить по „холоднымъ" въ одиночку, а другую часть по крестьянскимъ домамъ подъ усиленной охраной. Семь дней арестованныхъ допрашивали, примѣняя при этомъ побои и розги, но безъ результата. Наконецъ, становой отправилъ узниковъ къ уѣздному начальству.

Что творилось тогда въ несчастномъ мѣстечкѣ— не поддается описанію. Съ ужасомъ старики долго припоминали потомъ эту исторію, въ особенности роковой день, когда всѣхъ узниковъ въ сопровожденіи цѣлаго отряда десятскихъ и сотскихъ отправили въ уѣздную тюрьму (Новоградъ-Волынскъ). Участь оставшихся на свободѣ была не лучше участи арестованныхъ: непрерывные аресты то одного, то другого (безразлично—участника и неучастника собранія) навели панику на всѣхъ жителей, и никто не зналъ, что ему принесетъ завтрашній день. Бѣгство представлялось тогда единственнымъ спасеніемъ; бѣжалъ кто только имѣлъ возможность. Результатомъ этого бѣгства было то, что нѣкоторые пропали совершенно безъ вѣсти, оставивъ на произволъ судьбы женъ и дѣтей; одинъ упалъ съ крыши и

нагоги въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, на чердакѣ которой онъ прятался нѣкоторое время, и разбилъ себѣ черепъ; другой, скрываясь въ бочкѣ съ пасхальной посудой, получилъ зараженіе крови отъ порѣза разбитымъ стекломъ и въ мученіяхъ умеръ.

Дикіе слухи волновали и христіанское населеніе. Среди крестьянъ шла молва, будто въ домѣ еврейки Маримци (гдѣ происходила выпивка) появилась св. Марія, которая подверглась тамъ страшнымъ мученіямъ. Нашелся также крестьянинъ, показавшій, что евреи наканунѣ своего праздника провели всю ночь въ „школѣ“, откуда торжественно вынесли какой-то узелъ, послѣ чего началась пляска то въ одной, то въ другой школѣ. Напрасно увѣряли евреи станового, что ночь на „Гошанна-раба“ они вообще проводятъ въ синагогѣ: становой настаивалъ на своемъ, что онъ имѣетъ дѣло съ необыкновеннымъ преступленіемъ. Къ несчастью, прибавились еще обвиненія. Такъ, напримѣръ, въ одно прекрасное утро нашли опрокинутымъ въ саду священника стоявшій тамъ ветхій деревянный крестъ, и это приписали евреямъ, ссылаясь на показанія церковнаго сторожа, что онъ ночью слышалъ около забора поповскаго дома разговоръ на еврейскомъ языкѣ (какъ потомъ выяснилось, крестъ былъ опрокинутъ сильнымъ вѣтромъ).

Всѣхъ этихъ слуховъ и сомнительныхъ показаній было достаточно, чтобы соорудить уголовное дѣло, держать всѣхъ закованными въ тюрьмѣ и посылать то одного, то другого жандарма въ Полонное на дознанія и слѣдствіе. Евреи съ своей стороны тоже работали, не покладая рукъ. Истративъ всѣ свои сбереженія на разъѣзды къ авдокатамъ, посылки депутацій и взятки различнымъ чиновникамъ, они скоро убѣдились, что собственными средствами имъ не добиться никакихъ результатовъ, и организовали поэтому повсемѣстный сборъ פדיון שבויים. Исторія эта нашумѣла во всей Волыни, и изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстечекъ стали притекать пожертвованія. Скоро добились разрѣшенія губернатора допускать къ арестованнымъ кошерную пищу, и явилась возможность вообще съ ними сноситься. Доставка еврейской пищи спасла жизнь многимъ узникамъ, которые отказывались ѣсть тюремную пищу и отъ голодовки впали въ полное изнеможеніе. Затѣмъ начались совѣщанія съ авдокатами, которые однако ничего не могли сдѣлать, такъ какъ полицейское слѣдствіе велось тайно и авдокаты не могли выяснить истинное положеніе дѣла. Крупную роль въ этихъ разслѣдованіяхъ играло мѣстное духовенство; какъ старики увѣряютъ, этимъ дѣломъ заинтересовалось также высшее петербургское духовенство (св. Синодъ?).

Спустя нѣкоторое время, удалось при помощи большихъ денегъ добиться облегченія тюремнаго режима для арестованныхъ: они получили возможность молиться въ тюрьмѣ вмѣстѣ въ „миньонѣ“ и читать религіозныя книги. Представилась для нихъ возможность соблюдать субботу и праздники, такъ что они на Пасху имѣли даже „мацу-шмиру“ и вообще строго-пасхальную пищу. Разсказываютъ, что узники съ такой точностью устраивали

„сейдеръ“, что одинъ изъ нихъ позабылъ совершенно, что онъ въ тюрьмѣ и пошелъ передъ чтеніемъ псалма „שפוך חמתך“, чтобы открыть тюремную дверь... Такъ провели узники въ уѣздной тюрьмѣ, въ ожиданіи суда, около трехъ лѣтъ, пока въ одно прекрасное утро имъ всѣмъ, кромѣ трехъ, объявили, что они свободны... Изъ осужденныхъ двое были высланы въ Черниговъ на поселеніе, а третій, по имени Моти Шварцманъ (на него выкрестъ Хаимъ-Ици указалъ, какъ на главнаго зачинщика буйства на ярмаркѣ), былъ приговоренъ къ 20-лѣтнему тюремному заключенію. Несчастный не выдержалъ тюремнаго режима и умеръ въ тюрьмѣ спустя пять лѣтъ послѣ приговора.

Такова исторія Полонскаго бѣдствія, какъ она сохранилась въ памяти народа. Къ сожалѣнію, мало выяснена въ этихъ разсказахъ роль заступниковъ изъ вліятельныхъ евреевъ. Упоминается только имя крупнаго купца Когана (кажется, изъ Житомира), ѣздившаго по этому дѣлу въ Петербургъ и Москву и поднявшаго на ноги всѣхъ еврейскихъ дѣятелей. Что было этими дѣятелями предпринято, гдѣ и передъ кѣмъ имъ приходилось ходатайствовать—объ этомъ старики не знаютъ.

С. Крейнерманъ

Поправки и дополненія.

По поводу текстовъ крымскихъ надгробныхъ надписей помѣщенныхъ въ I выпускѣ „Евр. Стар“. с. г. (стр. 17—20), нашъ сотрудникъ Я. И. Израэльсонъ (Кіевъ) сообщаетъ намъ слѣдующее:

1. Эпитетъ משכיל очень употребителенъ у караимовъ, прилагается къ ученымъ и соотвѣтствуетъ нашему חכם. Можно поэтому съ увѣренностью сказать, что крымскія надгробныя надписи, въ которыхъ содержится этотъ эпитетъ (№№ 19, 32), принадлежатъ караимамъ.

2. Вмѣсто מפטר (№ 2) слѣдуетъ, можетъ быть, читать טיכטר, персидско-татарское имя (означаетъ „дочь“), встрѣчающееся нѣсколько разъ въ надписяхъ Фирковича.

Къ статьѣ „Ханскіе ярлыки“ (Евр. Стар. вып. I, стр. 108) г. Израэльсонъ сообщаетъ намъ слѣдующую справку: „Мусульманская дата 1003 г. перваго ярлыка въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ 1595 году хр. эры (вмѣсто 1597 г.), а дата 1156 второго ярлыка—1743 г. хр. эры (вмѣсто 1742). См. Wüstenfeld, Vergleichungs-Tabellen der muhammedannischen und christlichen Zeitrechnung, стр. 42 и 48“ *).

---

*) Редакція считаетъ нужнымъ исправить здѣсь недосмотръ, допущенный въ примѣчаніи на той же страницѣ, гдѣ при указаніи несовпаденія „русскихъ“ датъ съ „геджрою“ не объяснено, что это происходитъ отъ несоотвѣтствія мусульманскаго луннаго года европейскому солнечному, вслѣдствіе чего къ геджрѣ въ равныя времена нужно прибавлять большую или меньшую разницу.

мѣткость характеристики, для которой автору достаточно иногда одного удачно выбраннаго слова, и глубокое пониманіе эпохи. Искрящееся остроуміе и изящный юморъ пріятно разочаровываютъ читателя, приготовленнаго заглавіемъ и солидными размѣрами труда къ сухому тону спеціалиста. Вахштейнъ касается внѣшнихъ судебъ вѣнской еврейской общины, внутренняго ея быта, занятій вѣнскихъ евреевъ, ихъ литературныхъ интересовъ, благотворительной дѣятельности, взаимоотношеній между вѣнскимъ еврействомъ и иногородними общинами,—однимъ словомъ, многообразнѣйшихъ сторонъ жизни вѣнскихъ евреевъ, давая въ своихъ комментаріяхъ энциклопедію знаній, провѣрка которыхъ, хотя бы частичная, потребовала бы немало мѣста,—что не входитъ въ задачи настоящей замѣтки.

Здѣсь насъ интересуетъ болѣе всего вопросъ общій—относительно методологической цѣнности труда Вахштейна. Ибо существенно вѣдь не только то, сколько новыхъ данныхъ привнесъ авторъ, но и постановка вопроса имъ разбираемаго, и главнымъ образомъ методъ, примѣняемый имъ въ своей работѣ. Для Вахштейна эпитафіи цѣнны не только по своему содержанію, по фактамъ и датамъ, которые онѣ сообщаютъ. Отъ его проницательности не ускользнуло глубокое значеніе формы, въ которую отливались слова, гравировавшіяся на могильныхъ плитахъ. Въ стилистическихъ оборотахъ онъ угадываетъ характерныя психологическія и соціальныя черты. Не случайны были эпитеты, сопровождавшіе на надгробныхъ надписяхъ имена духовныхъ и свѣтскихъ вождей общины и рядовыхъ ея членовъ. Въ нихъ отложились воззрѣнія опредѣленной общественной группы, и оттого, что эта группа была презираема и преслѣдуема, оттого, что она жила замкнуто и міровоззрѣніе у нея сложилось цѣльное въ своей замкнутости, изслѣдованіе формъ эпитафій должно выявлять это міровоззрѣніе. Разнообразіе и богатство оборотовъ въ характеристикѣ покойнаго, отличившагося на ученомъ поприщѣ, искусство градаціи почетныхъ эпитетовъ соразмѣрно заслугамъ—свидѣтельствуютъ о томъ, что духовные интересы занимали въ жизни общины видное мѣсто и что, несмотря на презрѣніе окружающаго міра, община ростила въ своей средѣ аристократію духа, лелѣяла высшія идеальныя цѣнности. Кто умѣетъ читать эти надписи, кто дешифрируетъ скрывающіяся за ними душевныя переживанія, тотъ угадываетъ „потребность во всеобщемъ, человѣческомъ уваженіи", явственно проступающую въ нихъ. Принужденное подавлять въ себѣ эту потребность, еврейство діаспоры принялось культивировать отвлеченныя блага, духовное творчество, идейную мощь, вознаграждая себя этимъ за соціальныя униженія. Вахштейнъ характеризуетъ жизнь евреевъ слѣдующимъ образнымъ сравненіемъ: „Дерево, лишенное почвы для развитія своихъ корней, уходящихъ въ землю, развѣтвляется въ отчаянной борьбѣ за существованіе въ самыя пышныя формы, располагая единственно питаніемъ сверху, которымъ оно принуждено довольствоваться или повидимому и довольствуется".

Вахштейнъ усматриваетъ значеніе эпитафіи еще и въ демократичности этого источника. Кладбище равняетъ всѣхъ, а надгробная надпись повѣствуетъ и о простомъ обывателѣ, и о выдающемся человѣкѣ. И часто жизнь простого обывателя поучительнѣе, уже по своей типичности.

Задача, которую поставилъ себѣ авторъ, осуществляется въ его трудѣ такимъ образомъ: каждое лицо, упоминаемое въ эпитафіи, разыскивается

въ еврейскихъ источникахъ, далѣе выясняется его родословная, затѣмъ полученныя данныя по мѣрѣ возможности сопоставляются со свѣдѣніями изъ нееврейскихъ источниковъ. Этотъ методъ даетъ во многихъ случаяхъ блестящіе результаты. Приведемъ для примѣра эпитафіи подъ №№ 156 и 157—двухъ братьевъ, Іуды и Исаака, сыновей р. Пинхаса Галеви-Горовица. (Кстати эти надгробныя надписи и комментаріи къ нимъ представляютъ интересъ и для исторіи евреевъ въ Польшѣ). Эпитафія гласитъ:

מה טוב ומה נעים כשבת אחים גם יחד

מקראק
ש׳צ׳א׳ ל׳ק׳
ויצא יצחק בשדה לשו׳
צדיק על משכבו ינוח
אל אלקים שב הרוח
איש צדיק תמים נח נח
הסיד ועניו נאמן ר[ו]ח
מנה[י]ג מדיני הולך שחוח
באו באו הלכו נכוח
האלוף מהרר יצחק במ״ר
פנחס סגל ז׳צ׳ל הארוויץ
פרחה נשמתה אל צור
חוצבה ושב יום י״ז
שבט ולפרט מ׳מ׳ר׳ח׳ק ב׳א׳
(מ)קראקא

ש׳ץ׳ ל׳ק׳
על הרים שאו קינה
וספדו לווים באנינה
שנפל איש תבונה
ביראה בענוה ובאמנה
מהרר יהודא בן הגאון
מהרר פנחס ס׳ג׳ל
הורוויץ שמו מכונה
והוא יחזה בנועם ד׳
זכותו יעמוד לצג׳
בהדש ינחמינו בחניג׳
הדרו [ב]קבר צפונה
ביו׳ ב׳ י״ג אב ש׳ץ׳ פ׳ק׳ מנה

Послѣ ряда примѣчаній къ отдѣльнымъ стихамъ и выраженіямъ этой эпитафіи, Вахштейнъ выясняетъ слѣдующее: Іуда и Исаакъ были сыновьями Пинхаса Горовица, выходца изъ Праги, жившаго въ Краковѣ и стяжавшаго себѣ славу въ качествѣ ученаго и предсѣдателя (маршалокъ) на сессіи Ваада четырехъ областей въ Люблинѣ. Самъ происходя изъ знатнаго рода, Пинхасъ былъ въ родствѣ съ ученѣйшими людьми той эпохи: съ Моисеемъ Иссерлисомъ, съ Авраамомъ-Хаимомъ изъ Опатова, съ вѣнской семьей Теомимъ и т. д. Изъ дѣтей его Іуда жилъ очевидно продолжительное время въ Вѣнѣ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его имя въ вѣнскихъ актахъ. Этотъ Іуда никто иной, какъ Leeb Pinkhes befreiter Hoff Judt", который при учрежденіи гетто (Judenstadt) пріобрѣлъ седьмую часть дома подъ названіемъ „Gulden Schwan" (см. Schwarz, Das Wiener Ghetto, стр. 180, № 9) *). То, что запись объ этой покупкѣ сдѣлана въ Grundbuch (поземельная книга) 1632 г., къ каковому времени Іуда уже не былъ въ живыхъ (онъ умеръ 22 іюня 1630 г.), не должно насъ смущать. Запись въ Grundbuch могла быть составлена на основаніи прежняго договора, что встрѣчается и при другомъ домовладѣльцѣ-евреѣ. Тождественность Леба Пинкеса и Іуды вытекаетъ еще изъ того, что въ описаніи еврейской недвижимости 1651 г. владѣтелемъ названной выше части дома является Израиль Пинкесъ. Это и есть Израиль, сынъ Іуды Горовица, о которомъ сохранилась память въ эпитафіи № 398 (любопытно, что въ актовыхъ книгахъ Израиль фигурируетъ съ именемъ дѣда Пинкесъ).

*) Рецензія на эту книгу въ Евр. Старинѣ, 1909, т. II, стр. 282.

Исаакъ Горовицъ жилъ недолго въ Вѣнѣ. Это вытекаетъ не только изъ того, что имя его не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ, но также изъ одного стиха надписи: „онъ прибылъ изъ далека". Въ вѣнской общинѣ не существовало также должности מנהיג מדינה, которая упоминается авторомъ эпитафіи Исаака. Между тѣмъ этотъ Исаакъ, какъ извѣстно изъ другихъ данныхъ, участвовалъ въ сессіи Ваада четырехъ областей въ Люблинѣ въ 1621 г. (см. С. Дубновъ, въ ספר היובל. Юбилейная книга въ честь Н. Соколова, стр. 254). Свои предположенія и аргументы Вахштейнъ подкрѣпляетъ обильными ссылками на источники; поэтому выводы его легко провѣрить.

Тѣсныя рамки настоящей замѣтки не позволяютъ намъ привести больше примѣровъ изъ работы Вахштейна, методологически столь интересныхъ, и остановиться хотя бы на наиболѣе важныхъ по своему содержанію эпитафіяхъ подъ №№ 219, 222, 255, 283, 296, 384, 517, 590 и 611. Въ другомъ мѣстѣ *) мы изложили біографіи нѣсколькихъ выдающихся лицъ вѣнской общины, пользуясь богатымъ матеріаломъ, привлеченнымъ Вахштейномъ къ комментированію эпитафій этихъ лицъ.

Богатая документированность—одно изъ главныхъ достоинствъ книги, составитель которой использовалъ все, что могло оживить языкъ полустертыхъ надписей, нѣмыхъ свидѣтелей прошлаго. Въ живой трактовкѣ изслѣдуемой старины, сказалась разносторонняя образованность автора, первоначальные интересы котораго были посвящены, если память намъ не измѣняетъ, философскимъ вопросамъ. Ставъ во главѣ еврейской общинной библіотеки (въ качествѣ второго ея библіотекаря), онъ заинтересовался историческими и историко-литературными вопросами. Какъ ученикъ Д. Г. Мюллера, онъ тѣмъ успѣшнѣе могъ выдвинуться на этомъ поприщѣ. Намъ уже пришлось указать (въ „Еврейской Старинѣ" 1910) на одно интересное изданіе Вахштейна „Jüdische Privatbriefe". Настоящій его трудъ выгодно выдѣляется среди подобныхъ работъ Горовица, Бранна, Либена, Фейхтванга, ужъ не говоря о малонаучныхъ работахъ Фейнштейна, Ниссенбаума, Маргольеша, гдѣ собраны польско-еврейскія эпитафіи.

М. Вишницеръ.

---

*) Новый Восходъ, 1913, №№ 14—15 и 16—17.

Научно-литературная хроника.

I. Библейская наука.

G. Hölscher. Die Profeten. Untersuchungen zur Religionsgeschichte Israels VIII + 486 S. 8°. Mark 9. Leipzig. Hinrichs, 1914.

Послѣ небольшой, получившей широкое распространеніе книги Корнилля (Der israelitische Prophetismus), это за послѣдніи десятилѣтія первая большая работа о профетизмѣ въ его цѣломъ. Духъ времени—психологизмъ—сказывается въ ней въ очень сильной степени, и около двухъ большихъ главъ посвящено слишкомъ детальному разбору явленій аффекта, галлюцинацій, сновидѣній, гипноза и экстаза. Разбираясь въ корняхъ пророчества, авторъ подробно останавливается на древней мантикѣ и на проявленіяхъ религіозной экстатики въ странахъ Древняго Востока. Моисей, какъ представитель древнѣйшаго священническаго пророчества, ставится въ связь съ аравійской мантикой, имѣвшей своимъ центромъ Кадешъ. Нѣкоторое, но едва-ли достаточное, вниманіе удѣлено рехабитамъ, игравшимъ, повидимому, роль главнаго фермента въ борьбѣ противъ ханаанизма. Вообще центръ тяжести изложенія лежитъ больше въ анализѣ религіозныхъ переживаній и эволюціи религіозныхъ идей, чѣмъ въ разсмотрѣніи профетизма, какъ фактора исторической жизни Израиля. Въ цѣломъ, по сравненію съ Корниллемъ, работа Hölscher'a—большой шагъ впередъ: она шире задумана и заключаетъ въ себѣ очень богатый матеріалъ. Весьма удобно то, что разбору пророческихъ книгъ посвящена особая обширная глава, такъ что вопросы библейской критики не переплетаются съ проблемами духовной культуры.

G. Pfannmüler. Die Propheten. Band 4 und 5 der Sammlung „Die Klassiker der Religion" XV + 312 S. Mark 3. Berlin-Schöneberg, Protestantischer Schriftenvertrieb, 1913.

Подъ знакомъ того же психологизма стоитъ обширная, предпринятая „свободно-христіанскими", т. е. реформистски - протестантскими кругами, коллекція книгъ, выходящая съ 1912 г. въ двухъ параллельныхъ серіяхъ: „Die Klassiker der Religion" и „Die Religion der Klassiker". „Въ противовѣсъ многочисленнымъ попыткамъ умножить и углубить наше историческое знаніе о религіи — читаемъ мы въ проспектѣ—настоящая библіотека поставила себѣ цѣлью вернуть читателей къ самымъ источникамъ религіи. А истинная религія раскрывается намъ прежде всего во внутреннихъ переживаніяхъ великихъ религіозныхъ личностей". Дать неприкрашенное отраженіе этихъ переживаній въ рѣчахъ и писаніяхъ всѣхъ религіозныхъ творцовъ, начиная съ Будды и Конфуція и кончая Паска-

лемъ и Шлейермахеромъ — такова основная задача библіотеки. Наряду съ этимъ, въ видѣ параллельной серіи, въ библіотеку включены характеристики религіозныхъ воззрѣній „классиковъ"—поэтовъ, философовъ, ученыхъ и т. д., занимавшихъ ту или иную позицію по отношенію къ религіозной проблемѣ.

Для еврейскаго читателя должны представить несомнѣнный интересъ тѣ выпуски, которые трактуютъ о пророкахъ, объ отдѣльныхъ представителяхъ іудео-христіанства и невышедшіе еще выпуски о Филонѣ и Спинозѣ. Двойной томъ о пророкахъ заключаетъ въ себѣ, помимо введенія, небольшую—даже слишкомъ сжатую—главу о „зачаткахъ израильскаго профетизма", т. е. о пророкахъ до Амоса, а затѣмъ—согласно плану изданія—слѣдуютъ избранныя главы изъ пророковъ, отъ Амоса до Исаіи II, со вступительными статьями о каждомъ пророкѣ, предпосланными отрывкамъ изъ его писаній. Переводъ сдѣланъ съ соблюденіемъ метра, но съ довольно большими уклоненіями отъ подлинника: критическія предпосылки этихъ уклоненій въ самой книгѣ не даны, но ихъ можно безъ труда найти въ „Die Heilige Schrift" Kautzsch'а или въ другомъ критическомъ изданіи Библіи. Примѣчанія, не останавливаясь на вопросахъ текста, посвящены реальному комментарію. Обширный и очень умѣло составленный библіографическій указатель дѣйствительно „призываетъ—согласно желанію автора—къ углубленнымъ и сосредоточеннымъ занятіямъ великимъ предметомъ".

H. Holzinger. Register zu E. Kautzsch u. a. Die Heilige Schrift des Alten Testaments. IV+143 S. 4°. Mark 5 gebunden. Tübingen, J. C. B. Mohr, 1912.

Книга эта не простой указатель къ третьему изданію извѣстнаго критическаго перевода Библіи Каутша, а первая попытка создать научную реальную конкорданцію къ библейскому тексту. Помимо перечня главнѣйшихъ именъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ Библіи, со ссылками на всѣ мѣста, гдѣ встрѣчается соотвѣтственное слово, указатель содержитъ въ себѣ—и въ этомъ его новое слово — систематизированный реестръ всѣхъ понятій и явленій соціальной и духовной жизни еврейства въ библейскую эпоху съ исчерпывающимъ по возможности перечнемъ тѣхъ мѣстъ въ Библіи, гдѣ упоминается данное понятіе или явленіе, причемъ содержаніе каждаго цитируемаго мѣста характеризуется однимъ или двумя словами (Stichwort), благодаря чему каждое, даже самое абстрактное слово, наполняется тутъ же конкретнымъ библейскимъ содержаніемъ. Возьмемъ для примѣра понятіе справедливости. Въ перечнѣ мѣстъ Библіи, въ которыхъ говорится о справедливости, мы встрѣчаемъ слѣдующія рубрики: справедливость Бога, царя, судьи, справедливость какъ требованіе пророковъ, с. и повиновеніе, соціальная с., с. какъ милосердіе, с. какъ средство къ укрощенію страстей, с. какъ условіе счастливаго царствованія и т. д. Каждая изъ рубрикъ содержитъ соотвѣтственныя ссылки, и всѣ вмѣстѣ даютъ достаточное, а иногда и исчерпывающее, представленіе о томъ, какія представленія соединялись въ библейскую эпоху съ каждымъ понятіемъ. Подъ именемъ каждаго царя или пророка приводятся, наряду со ссылками на внѣшнія обстоятельства его жизни, систематизированныя указанія на его дѣятельность, воззрѣнія, отношеніе ко всѣмъ вопросамъ тогдашней культуры. Перечень всѣхъ ссылокъ на Іеремію или Іезекіиля, напр., занимаетъ по

10 столбцовъ, слово Эсхатологія—7, а слово Богъ (18 столбцовъ) есть цѣлый compendium библейской теологіи, притомъ изложенный не субъективно, такъ какъ въ немъ говоритъ сама Библія... Но, къ сожалѣнію, не на своемъ языкѣ. Чуждость языка, условность его терминологіи, неизбѣжная случайность словоупотребленія лишаютъ этотъ указатель значительной доли его цѣнности. На языкѣ Библіи это была бы дѣйствительная реальная конкорданція, истинный кладезь библейской науки.

M. Gemoll. Israeliten und Hyksos. Der historische Kern der Sage vom Aufenthalte Israels in Ägypten. Nebst einem Anhang: Indogermanische Mythologie in alten Orient. VI+208 S. Mark 6. Leipzig, Hinrichs, 1913.

C. H. Cornill. Einleitung in die Kanonischen Bücher des Alten Testaments. VI + 328 S. Mark 5. Tübingen, J. C. B. Mohr, 1913.

Этотъ сводъ современнаго знанія о Библіи, сдѣлавшійся настольной книгой по библейской наукѣ, выходитъ уже седьмымъ изданіемъ. Появленіе этой книги на русскомъ языкѣ значительно содѣйствовало бы пробужденію интереса къ научному пониманію библейскаго міра. Вторая часть этой „Einleitung", посвященная книгамъ внѣ-каноническимъ (апокрифамъ и псевдэпиграфамъ), составленная проф. Грессманомъ, выйдетъ въ скоромъ времени.

A. Causse. Les prophètes d'Israel et les Religions de l'Orient. Essai sur les origines du monothéisme universaliste. 327 p. Paris, 1913.

Biblia Hebraica (תורה נביאים וכתובים) edidit R. Kittel. I—II. XVI + 1320 p. Mark 8. Leipzig. Hinrichs, 1913.

Извѣстная критическая обработка библейскаго текста, всѣ уклоненія котораго отъ масоретскаго собраны въ обширныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, вышла третьимъ изданіемъ. Отъ 2-го изданія (1909 года) оно отличается почти исключительно корректурными поправками. Употребленіе латинскаго языка для всего критическаго аппарата, введенія и пр., представляется въ настоящее время только данью средневѣковой схоластикѣ, но громадная цѣнность этого изданія, положеннаго въ основу большинства научныхъ переводовъ Библіи, отъ этого, конечно, не страдаетъ.

Alttestamentliche Studien. Rudolf Kittel zum 60. Geburtstage dargebracht. IV + 264 S. Mark 8. Leipzig, Hinrichs, 1913.

Изъ 14-ти работъ этого сборника на библейскія темы, принадлежащихъ перу товарищей и учениковъ маститаго лейпцигскаго ученаго, отмѣтимъ слѣдующія: Alt-Israels Gaue unter Salomo; Stärk, Ein Hauptproblem der hebräischen Metrik; Steuernagel, Die Weissagung über die Eliden, и въ особенности двѣ статьи о Іереміи: Puukko, Jeremias Stellung zum Deuteronomium, и Wilke, Das Skythenproblem im Jeremiabuch.

F. Wilke. Die politische Wirksamkeit der Propheten Israels. 109 S. Mark 2,40. Leipzig, Dieterich, 1913.

Не внося ничего существенно новаго въ освѣщеніе вопроса о взаимоотношеніи религіознаго и политическаго моментовъ въ дѣятельности пророковъ, авторъ, уже писавшій на эту тему (Jesaja und Assur, Untersuchung zur Politik Je-

sajas, 1905), даетъ общій очеркъ тѣхъ отношеній, которыя создались между пророческими кругами и израильскими царями при возникновеніи царской власти (гл. I), и тѣхъ колебаній, которыя они претерпѣли (гл. II) до разрыва, послѣдовавшаго послѣ Іереміи (гл. III). Съ одной стороны, „царская власть, хотя она и была иноземнымъ институтомъ, противорѣчившимъ духу религіи номадовъ, съ самаго начала была сочувственно встрѣчена пророческими кругами" (стр. 12; съ радикальной критикой противъ гл. 8-ой I Кн. Сам.); съ другой же стороны, „мы знаемъ о многочисленныхъ тяжелыхъ конфликтахъ между этими двумя факторами израильской жизни, начавшихся уже при царѣ Саулѣ (стр. 24; гл. 15-ая I-ой Кн. Сам. признается такимъ образомъ вполнѣ достовѣрной противъ мнѣнія радикальной критики; ср., напр., Wellhausen, Isr. u jüd. Gesch., 5-ое изд., стр. 60—61). Эта невыдержанность, проявляющаяся и въ другихъ частяхъ изложенія, придаетъ очерку нѣкоторую расплывчатость; читается онъ однако съ интересомъ и суммируетъ состояніе знанія объ этомъ кардинальномъ вопросѣ библейской исторіи. Въ предисловіи и примѣчаніяхъ обширная библіографія.

Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. Herausgegeben von K. Marti. 34-ter Jahrgang. 1914. Heft I. Giessen, Töpelmann.

Sachsee разбираетъ этимологію слова ישראל, которая, согласно собранному имъ матеріалу *), толковалась на 9 разныхъ ладовъ отъ трехъ корней: שרה שרר ישר. Анализомъ надписи Мернепты, гдѣ „Израиль" упоминается впервые, онъ устанавливаетъ чтеніе יְשַׂראֵל (Іешаръ-эль), чѣмъ доказывается происхожденіе отъ корня ישר (ср. ספר הישר и ישרון). Asmussen пытается истолковать гл. 14-ую Бытія, не перестающую волновать умы ученыхъ, какъ „политическій листокъ" эпохи вавилонскаго плѣна, призванный доказать право плѣнныхъ израильтянъ на національную самостоятельность и на Іерусалимъ. Послѣ Baentsch'a, Kittel'я и др., считавшихъ, что эта глава содержитъ ядро исторически-достовѣрной традиціи, какъ бы снова наступаетъ реакція въ духѣ радикальной критики.

Безвременно скончавшійся молодой оріенталистъ А. Зарзовскій далъ продолженіе своихъ работъ по анализу библейскихъ именъ (שמרי и שׁשך). Далѣе идутъ статьи König'a о божествѣ Ашима (II Цар. 17,30, ср. אשמביתאל въ папирусахъ Элефантины) и рядъ экзегетическихъ и филологическихъ замѣтокъ. Богатая библіографія.

Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins. Unter der Redaktion von C. Steuernagel. Band 37, 1914. Heft 1. Leipzig, Hinrichs.

Mader сообщаетъ интересныя данныя о многочисленныхъ дольменахъ, найденныхъ имъ въ Галилеѣ, Самаріи и Іудеѣ. До сихъ поръ центромъ этихъ мегалитическихъ сооруженій считалось Заiорданье. Thiersch даетъ подробный, снабженный многочисленными иллюстраціями, очеркъ всѣхъ

*) Отсутствуетъ указаніе на мнѣніе Xaieca (Jewish Quarterly Review 1901, 344), который, примыкая къ Ренану, производитъ имя ישראל отъ ישר и при этомъ ставитъ его въ связь съ именемъ יעקב отъ корня עקב; противопоставленіемъ двухъ свойствъ онъ объясняетъ стихъ Бытія 35,10: לא יקרא שמך עוד יעקב כי אם ישראל. Выводы Sachsee вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе Xaieca.

работъ по раскопкамъ, производившихся въ теченіе 1912 года въ Палестинѣ и Сиріи (Айнъ-Шемешъ, Цезарея Палестинская, Дибанъ, Ашкелонъ). Очерки по географіи Палестины. Библіографія.

М. **Соловейчикъ**.

II. Talmudica.

Dr. **Samuel Krauss**. Talmudische Archäologie. Band I, II, III, Leipzig, 1910—12. (Schriften, herausgegeben von der Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaft des Judentums). 720+722+491 S. Preis 56 Mk.

До сихъ поръ мы имѣли нѣсколько руководствъ по библейской „археологіи" (Новака, Бенцингера и другіе); теперь мы дождались первой „Талмудической Археологіи", представляющей въ систематическомъ порядкѣ внутренній бытъ евреевъ въ такъ назыв. „эпоху Талмуда", т. е. въ первые пять—шесть вѣковъ христіанской эры. Авторъ этого большого трехтомнаго труда, д-ръ С. Краусъ (профессоръ еврейской семинаріи въ Вѣнѣ), совершилъ поистинѣ циклопическую работу: онъ долженъ былъ непосредственно, по первоисточникамъ — двумъ Талмудамъ, палестинскому и вавилонскому, и примыкающей литературѣ — изслѣдовать весь бытовой матеріалъ, разбросанный въ этой литературѣ, преодолѣть огромныя трудности въ дѣлѣ толкованія ея техническихъ терминовъ, заимствованныхъ изъ греческаго, латинскаго, сирійскаго и персидскаго языковъ, наконецъ—систематизировать всѣ эти разрозненныя, порою неясныя и спорныя свѣдѣнія. Объ объемѣ этой работы можно судить по слѣдующему перечню однихъ только большихъ о т д ѣ л о в ъ книги: 1) Жилище и домашняя утварь, 2) Пища, 3) Одежда, 4) Уходъ за тѣломъ (бани, косметика, гигіена, медицина и т. п.), 5) Семейная жизнь, 6) Сельское хозяйство, 7) Ремесла, 8) Промышленность и торговля, 9) Общежитіе (обхожденіе съ людьми, пиры, забота о бѣдныхъ), 10) Развлеченія, 11) Письменность и книжное дѣло, 12) Школа. Каждое положеніе въ этихъ описаніяхъ подкрѣплено обильными ссылками на талмудическую литературу; весь сложный научный аппаратъ выдѣленъ въ слѣдующій за текстомъ отдѣлъ „примѣчаній", достигающій половины объема каждаго тома (въ I томѣ—большая половина).

При такомъ объемѣ труда, можно было бы полумать, что тамъ исчерпанъ весь матеріалъ статики еврейской жизни въ эпоху палестинско-вавилонской гегемоніи, слѣдовавшую за паденіемъ Іудеи. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что „едва ли найдется хоть одна сторона человѣческой жизни, которая не была бы здѣсь описана точнѣйшимъ и подробнѣйшимъ образомъ" (т. I, стр. VIII). Къ сожалѣнію, однако, обнаруживаются цѣлыя области жизни, совершенно не представленныя въ „Талмудической Археологіи" Краусса. Нѣтъ въ ней отдѣла о б щ е с т в е н н а г о с т р о я евреевъ въ Палестинѣ и Вавилоніи (организація общинъ, внутренняя автономія, патріархатъ и эксилархатъ); нѣтъ даже спеціальнаго отдѣла р е л и г і о з н а г о б ы т а: скудныя свѣдѣнія, напримѣръ, о с и н а г о г ѣ разбросаны въ разныхъ отдѣлахъ (о школѣ и т. п.), не давая картины синагогальной жизни. Странно, что авторъ, имѣя передъ собою образцы трудовъ Бенцингера и Новака по библейской археологіи, не отвелъ въ своей книгѣ, рядомъ съ обширнымъ отдѣломъ „Privataltertümer", хотя бы меньшее мѣсто отдѣламъ „Staatsaltertümer" и

„Sacralaltertümer“ (согласно дѣленію Бенцингера). Для еврейской исторіи въ общемъ смыслѣ соціальный строй имѣлъ-бы даже большее значеніе, чѣмъ всѣ стороны частнаго быта.

Въ предисловіи авторъ указываетъ на географическій дуализмъ своей „Археологіи“, изображающей бытъ двухъ странъ, причемъ предлагаетъ „не проводить рѣзкаго различія между Вавилоніей и Палестиной, ибо и тамъ и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ еврейскимъ народомъ“ (I, стр. VII). Чувствуя однако недостаточность этого довода, онъ на слѣдующей страницѣ обѣщаетъ „устанавливать необходимыя различія“ между явленіями жизни въ той и другой странѣ. Къ сожалѣнію, въ текстѣ книги крайне рѣдко проводятся даже необходимыя различія между бытомъ палестинскихъ и вавилонскихъ евреевъ, и все валится въ одну кучу. Даже описаніе климатическихъ и почвенныхъ условій (въ отдѣлѣ „Сельское хозяйство“ II, 148—160) характеризуетъ почти исключительно Палестину. А между тѣмъ была возможность разграниченія Палестины и Вавилоніи въ физическомъ и этнографическомъ отношеніи (какъ это сдѣлалъ С. Функъ въ „Monumenta Talmudica“, въ отдѣлѣ „Land und Leute“—см. рецензію въ предыдущей книжкѣ „Евр. Старины“), а также во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Отмѣчая недостающее въ трудѣ Краусса, мы склонны приписать это крайней сложности и обширности задачи талмудической археологіи, превосходящей силы одного ученаго, и главнымъ образомъ тому, что передъ нами—первый опытъ въ этой области. Для перваго опыта д-ръ Крауссъ сдѣлалъ больше, чѣмъ можно было ожидать, и проложилъ широкую дорогу для дальнѣйшихъ работъ по этой части. Самъ авторъ, перерабатывающій нынѣ свою „Археологію“ на древне-еврейскомъ языкѣ (въ одесскомъ изданіи „Морія)“, имѣетъ возможность дополнить указанные крупные пропуски и вообще внести въ свой трудъ много улучшеній, технически болѣе возможныхъ въ текстѣ еврейскомъ, значительно упрощающемъ описаніе своеобразнаго быта и самый научный аппаратъ.

Обширные указатели къ „Талмудической Археологіи“ (въ III томѣ) облегчаютъ справку въ этомъ сложномъ трудѣ. Особенно важны полные указатели техническихъ терминовъ еврейско-арамейскихъ, греческихъ, латинскихъ, сирійскихъ и персидскихъ.

I. А. Меламедъ. רבן של כל בני הגולה. Законоучитель всей діаспоры. Біографія знаменитаго Рава или Аббы Арики, основателя еврейской академіи въ Сурѣ на Евфратѣ и пр. Вильна, 1914. 242 стр.

Среди монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ дѣятелямъ талмудической эпохи, книга г. Меламеда (общественнаго раввина въ Витебскѣ) является самою значительною по объему и по обстоятельной трактовкѣ предмета. Творецъ вавилонскаго талмудизма, положившій начало перемѣщенію духовной гегемоніи изъ Палестины въ страну Евфрата, Равъ или Абба Арика охарактеризованъ въ этой книгѣ не только какъ ученый, но и какъ общественный дѣятель, въ связи съ тѣми политическими перемѣнами, которыя происходили въ первой половинѣ III вѣка, при паденіи Парѳянскаго царства и возникновеніи Новоперсидскаго. Для политическаго освѣщенія эпохи авторъ пользовался извѣстнымъ трудомъ оріенталиста Ф. Юсти: „Geschichte des alten Persiens“ (Berl. 1879). Главнымъ образомъ ему приходилось оперировать надъ сырымъ талмудическимъ матеріаломъ

который здѣсь обработанъ болѣе подробно, чѣмъ въ общихъ трудахъ Греца и Вейса. Рядъ новыхъ работъ остался неизвѣстнымъ автору (напр. Функъ, Geschichte der Juden in Babylonien, и „Талмудическая Археологія“ Краусса), но это придаетъ большую непосредственность его собственнымъ изслѣдованіямъ.

Первая часть разсматриваемой книги посвящена біографіи Рава, въ связи съ характеристикой его бурной эпохи, и снабжена серіей приложеній съ научными экскурсами по разнымъ спорнымъ вопросамъ текста. Во второй части подробно освѣщена научно-литературная дѣятельность Рава. Здѣсь затронуты многіе вопросы эволюціи іудаизма, одна постановка которыхъ важна, независимо отъ рѣшенія ихъ авторомъ. Можно, напримѣръ, считать слишкомъ категоричнымъ мнѣніе автора, который вслѣдъ за Цунцомъ приписываетъ Раву составленіе опредѣленнаго цикла молитвъ (кромѣ „Олейну“—весь рядъ величественныхъ гимновъ въ „мусафъ“ Рошъ-гашаны); но нельзя отрицать научнаго значенія тѣхъ параллелей, которыя авторъ проводитъ между богопониманіемъ въ этихъ гимнахъ и въ ученіяхъ персидскаго маздаизма и манихеизма, волновавшихъ тогда умы въ Передней Азіи (стр. 152—157). Если допустить въ приписываемыхъ Раву гимнахъ косвенный откликъ на современную ему борьбу религіозныхъ идей, то эта литургическая дѣятельность пріобрѣтаетъ особенно важное историческое значеніе.

Интересная сама по себѣ, живо изложенная монографія г. Меламеда является и складомъ систематизированнаго матеріала, которымъ не смогутъ пренебречь будущіе историки. Нельзя не пожалѣть, что книга не снабжена именнымъ и предметнымъ указателями для облегченія справокъ.

F. Schargorodska. Die pädagogischen Grundlagen des pharisäischen Judentums des tanaitischen Zeitalters in Palästina. Inaugural - Dissertation. Riga. 1913. 85 S.

Диссертація г-жи Шаргородской, представленная философскому факультету Цюрихскаго университета, даетъ читателю больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Педагогическимъ принципамъ іудаизма въ эпоху таннаевъ посвящена спеціально лишь первая глава (стр. 9—22), выясняющая взгляды творцовъ Мишны на задачи воспитанія и обученія. Здѣсь весьма умѣло подобраны цитаты изъ Мишны и примыкающей литературы (Тосефта, Мехилта, Сифра etc.), ярко освѣщающія тотъ культъ науки, который господствовалъ въ то время въ кругу вождей еврейства. Всѣ же остальныя главы книжки трактуютъ о религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ таннаитской эпохи, причемъ авторъ полемизируетъ противъ обидной оцѣнки „фарисеизма“, сдѣланной на основаніи тѣхъ же источниковъ Ширеромъ въ его извѣстной „Исторіи іудейскаго народа въ эпоху Христа“. Это — почтенная задача, добросовѣстно исполненная авторомъ при помощи подбора убѣдительныхъ цитатъ; но выходитъ все таки, что рамка занимаетъ больше мѣста, чѣмъ сама картина, ибо религіозно-этическому моменту удѣлено вдвое больше мѣста, чѣмъ школьно-педагогическому въ тѣсномъ смыслѣ. Вообще, при меньшей склонности къ апологіи, автору, недурно знающему еврейскіе первоисточники, не пришлось бы примѣняться и къ церковной терминологіи: заглавный эпитетъ „фарисейскій“, въ примѣненіи къ іудаизму таннаитской эпохи, для еврея не является столь характернымъ, какъ для хри-

стіанскаго теолога. Авторъ, подобно многимъ нѣмецкимъ теологамъ, колеблется въ установленіи границъ таннаитскаго періода (стр. 7, прим. 2); но на основаніи нашей научно-исторической традиціи можно безъ риска ограничить этотъ періодъ временемъ отъ возникновенія явненской школы (при Іохананѣ бенъ-Заккаѣ) до заключенія Мишны, относя весь предшествующій періодъ къ развитію фарисеизма въ собственномъ, религіозно-политическомъ смыслѣ.

Слѣдуетъ, однако, привѣтствовать появленіе брошюры г-жи Шаргородской, какъ первый примѣръ женскаго труда въ сложной области талмудизма. Среди многочисленныхъ талмудическихъ цитатъ, собранныхъ авторомъ, мы не замѣтили обиднаго афоризма о безцѣльности обученія женщинъ Торѣ (המלמד את בתו תורה כאלו מלמדה תפלות); этотъ афоризмъ дѣйствительно неумѣстенъ въ книгѣ, которая сама по себѣ можетъ служить опроверженіемъ его, хотя ради полноты его слѣдовало-бы привести.

Micha Josef bin-Gorion. Die Sagen der Juden, gesammelt und bearbeitet... Band I: Von der Urzeit; B. II: Die Erzväter. XVI+378+XV+446 S. Frankfurt a. M. Rütten-Loening. 1913—1914. Мк. 6+7.

Это обширное собраніе еврейскихъ легендъ въ нѣмецкомъ переводѣ заимствовано изъ неисчерпаемой сокровищницы талмудической Агады и Мидраша. Въ отличіе отъ своего еврейскаго прототипа — „Sepher ha'agada" Бялика-Равницкаго, нѣмецкая книга содержитъ только сказанія, а не изреченія, притчи и т. п. Агадическія сказанія расположены по порядку отдѣловъ Библіи: въ I томѣ собраны легенды о сотвореніи міра, Адамѣ и его потомствѣ, потопѣ; во II—преданія о времени патріарховъ. Такимъ образомъ, въ двухъ объемистыхъ томахъ исчерпанъ агадическій матеріалъ только по большей части книги Бытія. Слѣдующіе томы будутъ посвящены Египту, Моисею и эпохѣ царей. Кромѣ обширной агадической и мидрашитской литературы, авторъ пользовался и мистико-каббалистическою литературою среднихъ вѣковъ. Легенды переданы прекраснымъ стилемъ, съ сохраненіемъ колорита подлинника. Для лицъ, не обладающихъ непосредственнымъ знакомствомъ съ еврейскою письменностью, это собраніе легендъ представляетъ большой литературный интересъ.

С. I. Рапопортъ. ערך מלין. Лексиконъ талмудической литературы. Изданіе газеты „הצפירה". Варшава, 1914. Вып. I—III, стр. XX+268.

Важную научную функцію исполняетъ въ послѣднее время редакція варшавской „Гацефира": въ прошломъ году она дала читающей публикѣ въ новомъ изданіи цѣлую серію религіозно-философскихъ изслѣдованій С. Д. Луццато и циклъ гаонейскихъ біографій С. I. Рапопорта, а въ нынѣшнемъ году она преподноситъ намъ ставшій библіографической рѣдкостью историческій лексиконъ того же Рапопорта ערך מלין. Лексиконъ, первый выпускъ котораго вышелъ въ 1852 г., остался, какъ извѣстно, неоконченнымъ, но новая редакція собрала всѣ дополнительные къ нему фрагменты, разбросанные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, чтобы сдѣлать лексиконъ по возможности болѣе полнымъ. Этотъ эмбріонъ энциклопедіи Талмуда до сихъ поръ еще не утратилъ своего научнаго значенія.—Обширныя статьи, въ родѣ „Александръ Македонскій" или „Антонинъ" (отношеніе римскаго императора къ патріарху Іегудѣ Га-

наси въ Палестинѣ), переносятъ насъ въ ту эпоху 1840-хъ годовъ, когда вокругъ нихъ кипѣлъ споръ ученыхъ и ломались копья въ „Kerem Chemed".—Перепечатку такихъ научныхъ трудовъ, даваемыхъ въ видѣ премій по дешевой цѣнѣ, слѣдуетъ вмѣнить въ особую заслугу редакціи „Гацефира".

III. Средневѣковая и новая исторія.

Bruno Hahn, Die wirtschaftichle Tätigkeit der Juden im fränkischen und deutschen Reich bis zum 2. Kreuzzuge (фрейбургская диссертація). Freiburg, 1911.

Авторъ придаетъ особое значеніе ссуднымъ операціямъ, какъ одному изъ главныхъ занятій евреевъ въ раннее средневѣковье. Взглядъ этотъ идетъ такимъ образомъ въ разрѣзъ съ мнѣніенъ Рошера, который, какъ извѣстно, утверждалъ, что переходъ евреевъ отъ товарной къ денежной торговлѣ совершился послѣ крестовыхъ походовъ и былъ вызванъ экономическими послѣдствіями этого мірового событія. Ганъ утверждаетъ также, что въ эпоху Каролинговъ вплоть до второго крестоваго похода работорговля была монополизована евреями. Врядъ ли однако это утвержденіе правильно. Ссылка на Вайца тоже мало доказательна. Неудачной слѣдуетъ признать и попытку поколебать прочно установившійся взглядъ на дѣятельность и значеніе средневѣковыхъ евреевъ въ области крупной, международной торговли. (**М. В.**).

St. Kutrzeba, Historya ustroju Polski w zarysie т. II: Litwa, Lwów, 1914.

Въ недавно вышедшемъ второмъ томѣ этого прекраснаго пособія по изученію польскаго государственнаго права отведено нѣсколько страницъ правовому и общественному положенію евреевъ въ Литвѣ. На стр. 101—104 авторъ касается эпохи до Люблинской уніи; на стр. 190—податного обложенія, а на стр. 206 — организація литовскаго ваада. (**М. В.**).

С. Г. Лозинскій. Исторія инквизиціи въ Испанія. Спб. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ, 1914. III+507 стр. Ц. 5 руб.

Эта книга составляетъ третій и послѣдній томъ общей „Исторіи инквизиціи", изданной фирмою Брокгаузъ-Ефронъ. Предыдущіе два тома, посвященные средневѣковой инквизиціи въ Европѣ, были переведены съ извѣстнаго труда американскаго историка Ли (Lea). Исторію же испанской инквизиціи, созданной въ самомъ концѣ среднихъ вѣковъ (она занимаетъ въ трудѣ Ли четыре тома), С. Г. Лозинскій написалъ самостоятельно, сжавъ весь историческій матеріалъ въ лежащемъ передъ нами солидномъ томѣ.

Въ исторіи испанской инквизиціи (1480—1830) видное мѣсто занимаютъ, конечно, евреи и главнымъ образомъ марраны. Имъ посвящены въ разсматриваемой книгѣ двѣ цѣлыя главы („Изгнаніе евреевъ", стр. 141—165; „Мараны и португальская инквизиція", стр. 211—274) и еще рядъ отрывковъ въ другихъ главахъ. Во вступительной главѣ, трактующей объ „эпохѣ Реконкисты" (отвоеваніе христіанами Испанія у мавровъ), изображено общее положеніе инспанскихъ евреевъ въ вѣка, предшествовавшіе введенію инквизиціи. Въ этомъ хорошо составленномъ краткомъ обзорѣ мы замѣтили только одну неточность. О толедскомъ погромѣ 1212 г., устроенномъ бандами крестоносцевъ монаха Арнольда, истребителя альбигойцевъ, авторъ говоритъ, какъ „о серьезномъ еврейскомъ погромѣ въ Испаніи", причемъ цитируетъ „слова Абрабанеля",

что „іюньскіе дни 1212 г. были самыми кровавыми днями, какіе когда-либо пришлось пережить евреямъ, и изъ Испаніи въ то время бѣжало больше евреевъ, нежели ихъ было выведено изъ Египта" (стр. 13). Къ сожалѣнію, источникъ цитаты точно не указанъ, а между тѣмъ ни въ сочиненіяхъ Абрабанеля (Исаака?), ни въ „Шебетъ Іегуда" и „Эмекъ габаха" намъ такое указаніе на бѣгство евреевъ изъ Испаніи въ 1212 г. не встрѣчалось, да и новѣйшіе еврейскіе историки о такомъ фактѣ не упоминаютъ (Graetz VII, 13 и др.; испанскій историкъ Амадоръ де-Лосъ-Ріосъ — источникъ не надежный). Погромъ 1212 г., устроенный пришлецами и остановленный кастильскимъ королемъ Альфонсомъ, вообще замѣтныхъ послѣдствій въ Испаніи для евреевъ не имѣлъ, если не считать послѣдствій отъ христіанской „реконкисты" вообще.

Подробнѣе описано положеніе евреевъ и марранов наканунѣ введенія новой инквизиціи и затѣмъ въ первые годы ея дѣйствія (рядъ отрывковъ въ главахъ III—V). Глава объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи (1492) составлена тщательно, по испанскимъ и другимъ источникамъ, и только еврейскіе источники, повидимому, цитируются изъ вторыхъ рукъ (это сказалось, напримѣръ, въ характеристикѣ хроники Закуто „Juchasin", какъ „мартиролога евреевъ Испаніи и Португаліи" (стр. 155), между тѣмъ какъ книга Закуто содержитъ общую лѣтопись событій отъ эпохи Талмуда до испанскаго изгнанія на фонѣ исторіи религіозной традиціи и литературы). Трагедія португальскихъ марранов описана въ IX-й главѣ. Отдѣльные эпизоды, относящіеся къ расправѣ инквизиціи съ марранами въ Испаніи и Португаліи и ихъ колоніяхъ, разбросаны въ слѣдующихъ главахъ книги, но въ небольшомъ числѣ. Отсутствуетъ напр. такой яркій эпизодъ, какъ казнь драматурга Антонія Сильвы въ Лиссабонѣ, въ 1739 г., и т. п. Зато авторъ далъ намъ рядъ важныхъ, но мало извѣстныхъ эпизодовъ, для которыхъ онъ пользовался и архивными данными.

Вообще, для общаго труда по исторіи инквизиціи фигурирующій въ разсматриваемой книгѣ еврейскій элементъ можетъ быть признанъ достаточнымъ, хотя его конечно было бы недостаточно для спеціальнаго труда о евреяхъ. Освѣщеніе автора отличается полною объективностью; но эта объективность, по нашему мнѣнію, нѣсколько утрирована въ предисловіи г. Лозинскаго, заявляющаго: „Чѣмъ дольше я изучалъ дѣятельность инквизиціи, тѣмъ снисходительнѣе относился я къ ней"... Можно говорить о пониманіи мотивовъ инквизиціи, фатальныхъ для своего времени, но не о „снисхожденіи" къ учрежденію такого типа, ибо снисхожденіе предполагаетъ частичное нравственное оправданіе. Не находился-ли авторъ подъ вліяніемъ испанскаго историка еврейства, Амадора де Лосъ-Ріоса, трудами котораго („Соціальная, политическая и религіозная исторія евреевъ въ Испаніи и Португаліи", Мадридъ, 1876, и др.) онъ часто пользуется? Но вѣдь тенденціозность трудовъ этого историка, старающагося обѣлять инквизицію, несомнѣнно, была ясна для г. Лозинскаго, имѣвшаго и лучшіе источники. Едва ли впрочемъ нужно прибавить, что настроеніе, выразившееся въ случайно оброненной фразѣ предисловія, нисколько не повліяло на изложеніе въ текстѣ книги, чрезвычайно добросовѣстное и вполнѣ научное, ничего общаго не имѣющее съ малѣйшею тенденціей ослаблять впечатлѣніе отъ ужасовъ инквизиціи.

Л. Шульманъ. שפת יהודית-אשכנזית וספרותה. Нѣмецко - еврейскій языкъ

и его литература отъ конца XV до конца XVIII вѣка, подъ ред. І. Х. Тавьева. Рига, 1913. XVI+223 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Наконецъ-то появился въ своемъ полномъ видѣ очеркъ исторіи жаргонной литературы, начало котораго было опубликовано еще въ 1903 г. (въ сборникѣ „Газманъ", петерб. изд.), а продолженіе задержалось вслѣдствіе смерти автора. Изданный нынѣ наслѣдниками автора томъ содержитъ пять отдѣловъ: 1) библейская литература на жаргонѣ; 2) богослужебная литература; 3) нравоучительная литература „муссаръ"; 4) педагогическія и историческія книги и письмовники; 5) басни, сказки, драмы, стихи, лѣчебники, гадальники и т. п. Болѣе или менѣе обработаны только первый и частью второй отдѣлы, изданные еще при жизни автора; послѣдніе же отдѣлы, относящіеся къ чисто-народному литературному творчеству, даны здѣсь въ видѣ черновыхъ набросковъ, такъ какъ авторъ повидимому не успѣлъ обработать ихъ для печати. Цѣлыя страницы состоятъ изъ сплошныхъ каталоговъ книгъ, изъ множества цитатъ и вывосокъ, гдѣ иногда не указаны источники и даты. Такія указанія отсутствуютъ въ отдѣлѣ народныхъ пѣсенъ (стр. 178—204), гдѣ особенно важно знать мѣсто и время появленія той или другой пѣсни. Нерѣдко изложеніе настолько небрежно, что и смыслъ неясенъ (напр. стр. 70). И тѣмъ не менѣе книга Л. Шульмана представляетъ собою поистинѣ кладъ для историковъ народной литературы и культуры вообще. Авторъ собралъ въ ней такую массу матеріала изъ рѣдчайшихъ старопечатныхъ произведеній жаргонной литературы, которая оставляетъ далеко за собою попытки Штейншнейра, Гидемана и Гринбаума („Jüdisch-deutsche Chrestomathie", 1882). Изъ этого нагроможденнаго матеріала будущій историкъ извлечетъ яркія картины стараго народнаго быта въ Германіи, Австріи и Польшѣ, черты народнаго міросозерцанія, особенно характерныя для еврейской женщины, главной потребительницы жаргонной литературы. Изъ всѣхъ работъ Л. Шульмана эта книга—единственная, которая будетъ еще долго цитироваться историками литературы, и наслѣдники покойнаго изслѣдователя поставили ему этимъ наилучшій памятникъ.

Слѣдуетъ только пожалѣть, что редакція этого посмертнаго изданія не стоитъ на надлежащей высотѣ. Г. Тавьевъ, какъ видно изъ предисловія, сличилъ оставшійся рукописный текстъ по нѣсколькимъ манускриптамъ, но недостаточно вникъ въ содержаніе текста. Вслѣдствіе этого, въ новомъ изданіи сохранились ошибки ранѣе напечатанныхъ главъ и не устранены ошибки новыхъ главъ. Таковы напр. явныя ошибки въ датахъ (1594 г. вмѣсто 1583—на стр. 15, XVI вѣкъ вмѣсто XVII—на стр. 36, прим. 2, и др.), въ именахъ (Шабси Б. С. вмѣсто Басъ, на стр. 113) и мн. др. Г. Тавьевъ въ предисловіи къ книгѣ заявилъ о своемъ неизмѣнномъ пренебреженіи къ жаргонной литературѣ и жаргону вообще. Не этимъ-ли неумѣстнымъ заявленіемъ объясняется небрежное отношеніе редактора къ своимъ обязанностямъ?

M. Balaban. Die Krakauer Judengemeinde-Ordnung von 1595. Teil I. Frankfurt a. M. 1913. 65 S. Sonderabdruck aus d. „Jahrbuch der Jüdisch-literarischen Gesellschaft, Bd. X).

Въ сборникѣ אוצר הספרות Гребера (т. IV, Краковъ, 1892 г.) были опубликованы Ветштейномъ выписки изъ Краковскаго кагальнаго Пинкоса 1595 г. съ позднѣйшими прибавленіями. Эти чрезвычайно важ-

ныя для исторіи общинной автономіи пинкосныя записи были использованы многими историками. Оказывается, однако, что Ветштейнъ издалъ означенные документы не съ подлинника, а съ копіи, въ которой записи разныхъ датъ перемѣшаны. Нынѣ д-ръ Балабанъ издаетъ весь Пинкосъ по подлиннику, хранящемуся въ архивѣ краковской еврейской общины. Пока издана 1-ая половина. Когда появится конецъ этой работы, мы дадимъ о ней подробную рецензію.

IV. Евреи въ Россіи.

И. М. Чериковеръ. Исторія Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. (Культурно-общественныя теченія въ русскомъ еврействѣ). 1863—1913 г. Подъ редакціей и съ предисловіемъ С. И. Гинзбурга. Томъ I, съ 8 портретами, Спб. 1913. XIV + 254 стр Ц. 1 р. 50 к.

Полувѣковая дѣятельность „Общества просвѣщенія евреевъ“, по поводу юбилея котораго издана эта книга, тѣсно связана со смѣною общественныхъ теченій въ русскомъ еврействѣ, и авторъ вполнѣ вѣрно понялъ свою задачу, связавъ въ своемъ историческомъ очеркѣ развитіе данной организаціи съ культурными движеніями послѣдняго полувѣка. Благодаря этому, мы имѣемъ передъ собою не оффиціально-скучную юбилейную исторію старѣйшей изъ нашихъ организацій, а живой, полный интереса, культурно-историческій очеркъ, цѣнный для характеристики всей эпохи. Первый томъ обнимаетъ дѣятельность Общества Просвѣщенія въ 60-е и 70-е годы. Вступительная глава знакомитъ читателя съ просвѣтительнымъ движеніемъ предшествующей эпохи Лиліенталя и казеннаго образованія. Въ слѣдующей главѣ изображено настроеніе кружка петербургскихъ дѣятелей (съ барономъ Е. Г. Гинцбургомъ во главѣ) въ началѣ „эпохи великихъ реформъ“, того кружка, откуда исходило пресловутое ходатайство, чтобы правительство награждало правами „лучшихъ изъ евреевъ“ въ примѣръ „худшимъ“. Матеріалы, извлеченные г. Чериковеромъ изъ архивовъ бар. Гинцбурга и комитета Общества Просвѣщенія, проливаютъ яркій свѣтъ на мотивы учрежденія Общества, изложенные въ рядѣ предварительныхъ проектовъ и записокъ. Общая тенденція выражена въ запискахъ барона Е. Гинцбурга, который еще въ 1858 г. предлагалъ министерству народнаго просвѣщенія замѣнять еврейскія казенныя училища общерусскими, ибо „особыя еврейскія училища противны видамъ сліянія“ (т. е. обрусенія, стр. 34 и 172). Обращаясь къ евреямъ, тотъ-же петербургскій дѣятель пишетъ: „Когда правительство увидитъ, какъ у насъ равнодушны къ дѣлу просвѣщенія, оно будетъ считать насъ противящимися его волѣ, и тогда грозитъ опасность нашимъ видамъ на полученіе правъ“ (стр. 34). Въ такой атмосферѣ приспособленія къ „видамъ правительства“ родилось Общество Просвѣщенія и въ ней пребывало въ первыя десятилѣтія своей жизни. Большой интересъ представляетъ первоначальный проектъ устава Общества, которое предполагалось назвать „Обществомъ для распространенія русскаго языка и современнаго образованія между евреями“ (39 сл.). Въ этой главѣ архивный матеріалъ прибавляетъ много новаго къ тому, что намъ извѣстно изъ матеріаловъ для исторіи Общества, изданныхъ въ 1890 г. Л. Розенталемъ (הולדות חברת מרבי השכלה בישראל, два тома).

Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ излагаетъ исторію дѣятельности Общества на основаніи дѣлъ комитет-

скаго архива, которыя въ вольномъ еврейскомъ переводѣ, часто съ пропусками, изложены въ книгѣ Розенталя; но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ пользуется литературою эпохи, главнымъ образомъ—періодическими изданіями. Дѣятельность Общества раздѣлена на слѣдующія отрасли: поощреніе литературы (гл. III), помощь учащимся (IV), школьная дѣятельность и разсылка литературныхъ изданій (гл. V—VI). Изложенная въ связи съ развитіемъ литературы „гаскалы“, устремленіемъ молодежи въ русскую школу, обрусительною политикою правительства и первыми цвѣточками юдофобіи (Брафманъ, газета „Голосъ“ и пр.), исторія дѣятельности Общества просвѣщенія, пріобрѣтаетъ интересъ, не соотвѣтствующій скромнымъ размѣрамъ этой дѣятельности до конца 70-хъ годовъ. Въ послѣдней главѣ (VII) изложена любопытная исторія Одесскаго отдѣленія Общества Просвѣщенія, которое за короткій періодъ 1867—1872 г. продѣлало быструю эволюцію отъ требованія „способствовать усвоенію евреями русскаго языка, какъ языка народнаго“, даже „въ сферѣ религіозной жизни“, до сознанія „недостижимости этой цѣли“ послѣ одесскаго погрома 1871 года, который „совершенно уничтожилъ вѣру руководителей Одесскаго отдѣленія въ цѣлесообразность ихъ стремленій“ (стр. 239, 249).

Читающая публика, получившая хорошій историческій трудъ г. Чериковера взамѣнъ казеннаго юбилейнаго изданія, вправѣ ждать интереснѣйшаго матеріала для исторіи нашей культуры отъ второго тома этого труда, въ которомъ должна быть описана дѣятельность Общества, начиная съ кризиса 80-хъ годовъ до настоящаго времени.

По недостатку мѣста часть рецензій, Извѣстія Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества и объявленія отложены до слѣдующей книжки.

Областной раввинатъ въ Галиціи.

(1776—1786 г.).

I.

Положеніе о евреяхъ, изданное императрицей Маріей Терезіей 16 іюня 1776 г., имѣло цѣлью создать новую общинную организацію евреевъ въ Галиціи, незадолго передъ тѣмъ перешедшей подъ власть Австріи *).

Согласно этому положенію, во главѣ еврейскихъ учрежденій стояла „Генеральная Еврейская Дирекція", находившаяся въ городѣ Львовѣ. Въ составъ Дирекціи входили двадцать старшинъ и верховный областной раввинъ (Oberlandesrabbiner).

Выборы областныхъ старшинъ производились по очень сложной системѣ. Здѣсь, въ виду спеціальной темы нашей статьи, мы ограничимся описаніемъ выборовъ ландраввина — областного раввина [1]).

Для производства этихъ выборовъ каждый кагалъ посылаетъ въ свой окружный (уѣздный) городъ двухъ общинныхъ старшинъ; въ день, назначенный правленіемъ округа, старшины собираются и пишутъ на запискахъ имена двухъ раввиновъ и двухъ зажиточныхъ и почетныхъ мірянъ. Эти избирательныя записки передаются присутствующему при выборахъ окружному коммиссару, который производитъ подсчетъ и оглашаетъ имена трехъ раввиновъ и трехъ свѣтскихъ лицъ, получившихъ наибольшее количество голосовъ. Избранные такимъ образомъ въ шести округахъ восемнадцать раввиновъ и восемнадцать мірянъ собираются во Львовѣ, гдѣ вмѣстѣ съ областными старшинами

*) Объ общемъ положеніи галиційскихъ евреевъ въ эту эпоху см. статью Балабана: „Переходъ польскихъ евреевъ подъ власть Австріи". Евр. Старина 1913 г., кн. III, стр. 289 сл.—Ред.

образуютъ избирательную коллегію, состоящую изъ 48-и лицъ. Члены коллегіи приносятъ присягу въ томъ, что „они изберутъ троихъ кандидатовъ на постъ верховнаго ландраввина изъ лицъ наиболѣе ученыхъ, скромныхъ, прославившихся праведной жизнью, безкорыстіемъ, основательнымъ знакомствомъ съ законами еврейской вѣры и внутреннимъ укладомъ еврейской жизни, притомъ не состоящихъ между собою въ двухъ первыхъ степеняхъ родства или въ первой степени свойства".

По принесеніи присяги избирательная коллегія приступаетъ къ выборамъ: каждый членъ ея на собственноручно подписанномъ бюллетенѣ пишетъ имена кандидатовъ; всѣ 48 бюллетеней запечатываются и передаются двумъ губернскимъ чиновникамъ, присутствующимъ при выборахъ; эти чиновники объявляютъ кандидатами трехъ лицъ, собравшихъ наибольшее количество голосовъ. Губерніумъ сообщаетъ результаты выборовъ въ Вѣну, гдѣ одинъ изъ избранныхъ кандидатовъ назначается верховнымъ ландраввиномъ. Губерніумъ представляетъ назначеннаго ландраввина его коллегамъ по Еврейской Дирекціи, а въ тоже время окружныя правленія оповѣщаютъ всѣ еврейскія общины объ его избраніи.

Должность ландраввина пожизненна, но онъ можетъ быть смѣщенъ, если „окажется непригоднымъ къ исполненію своихъ обязанностей, вслѣдствіе неспособности или совершеннаго имъ преступленія". Резиденціей ландраввина является Львовъ, откуда онъ не имѣетъ права выѣзжать безъ разрѣшенія губернскаго правленія. Спустя три мѣсяца послѣ своего назначенія, ландраввинъ долженъ избрать себѣ замѣстителя, который замѣняетъ его въ случаѣ его отсутствія или болѣзни.

Верховный ландраввинъ имѣетъ надзоръ надъ всѣми общинами, синагогами, раввинами, словомъ — надъ всѣми общинными учрежденіями, носящими религіозно-культурный характеръ. Отъ каждаго кандидата на постъ раввина, проповѣдника, кантора, рѣзника требуется при вступленіи въ должность свидѣтельство ландраввина, оплаченное опредѣленною суммою. Верховный раввинъ имѣетъ право за опредѣленное вознагражденіе раздавать частнымъ лицамъ почетные титулы (какъ מורנו и т. п.). Положеніе о евреяхъ предоставляетъ ландраввину также право налагать на всякаго, совершившаго болѣе или менѣе крупный проступокъ, т. наз. „большой херемъ [2]), но для этого онъ долженъ испрашивать согласіе областного правленія, а иногда и губерніума.

Ландраввину принадлежитъ сверхъ того и судебная власть. Онъ является аппеляціонной инстанціей по дѣламъ, разбираемымъ раввинами отдѣльныхъ общихъ. Вмѣстѣ съ пятью еврейскими областными судьями ландраввинъ засѣдаетъ два раза въ недѣлю — по понедѣльникамъ и четвергамъ. Его юрисдикціи подлежатъ также дѣла по спорамъ частныхъ лицъ съ общиною или двухъ общинъ между собою.

Ландраввинъ получаетъ ежегодно 800 флориновъ постояннаго жалованья, не считая многочисленныхъ доходовъ, связанныхъ съ исполненіемъ отдѣльныхъ функцій.

II.

Первыми кандидатами на постъ верховнаго раввина Галиціи 48-членная избирательная коллегія намѣтила трехъ раввиновъ: знаменитаго талмудиста XVIII в., автора книги נודע ביהודה; пражскаго раввина Іехезкеля Ландау, затѣмъ Арье-Лейба Бернштейна и берлинскаго раввина Цеви-Гирша. Наибольшіе шансы быть утвержденнымъ вѣнскимъ правительствомъ имѣлъ Ландау, кандидатуру котораго, въ виду его патріотическихъ заслугъ, поддерживала Марія Терезія: во время семилѣтней войны Ландау горячо убѣждалъ пражскихъ евреевъ встать на защиту австрійскаго императорскаго дома.

19 апрѣля 1776 г. губерніумъ сообщилъ въ Вѣну результаты кандидатскихъ выборовъ; въ Вѣнѣ Ландау былъ подвергнутъ испытанію и назначенъ ландраввиномъ, о чемъ и сообщено было въ губерніумъ, съ предписаніемъ взыскать „съ этого новаго ландраввина соотвѣтствующую таксу“ [3]).

Ландау очень хотѣлось принять это почетное назначеніе, ставившее его во главѣ почти двухсоттысячнаго еврейскаго населенія, но онъ принужденъ былъ отказаться отъ этого вслѣдствіе настояній заправилъ пражской общины, требовавшихъ, чтобы онъ остался въ Прагѣ [4]). Представители кагала старались повліять не только на своего пастыря, но и на центральную власть. Старшина пражской общины Израиль-Симонъ Френкель обратился отъ имени общины къ вѣнскому правительству съ просьбой освободить Ландау отъ предложеннаго ему поста и назначить на его мѣсто слѣдующаго кандидата [5]). Вѣна настаивала однако на кандидатурѣ Ландау, вслѣдствіе чего возникли продолжительные переговоры. Ландау отправилъ черезъ своего сына Якубка вѣнскому правительству посланіе, въ которомъ заявилъ, что считаетъ себя

вынужденнымъ уступить просьбѣ пражской общины. Галицiйскiй губернiумъ съ своей стороны тоже посовѣтовалъ правительству не принуждать Ландау принять назначенiе. Но лишь въ 1778 г., т. е. послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ, Вѣна отказалась отъ намѣренiя поставить Ландау во главѣ ландраввината.

Въ маѣ 1778 г. еврейское областное управленiе было оповѣщено о назначенiи галицiйскимъ ландраввиномъ второго по списку кандидата—Арье-Лейба Бернштейна [6]).

Арье-Лейбъ Бернштейнъ родился въ Бродахъ, въ двадцатыхъ годахъ XVIII в. Онъ былъ сыномъ предсѣдателя общины и распорядителя еврейскаго сейма (פרנס דר"א), Иссахара Бериша [7]). Со стороны матери Бернштейнъ происходилъ отъ извѣстнаго краковскаго раввина Гешеля. Внукъ Гешеля, Исаакъ Бабадъ былъ на склонѣ лѣтъ раввиномъ въ Бродахъ, гдѣ скончался въ 1705 г. Онъ оставилъ двухъ сыновей—Мордохая [8]) и Якова Бабадовъ [9]), сыгравшихъ видную роль въ исторiи польскихъ евреевъ, и трехъ дочерей; внукомъ одной былъ Бернштейнъ.

О юности Бернштейна намъ извѣстно только, что его пригласили раввиномъ въ Збаражъ, откуда онъ однако вскорѣ вернулся въ Броды. Когда Iехезкель Ландау, впослѣдствiи пражскiй раввинъ, читалъ еще лекцiи Талмуда въ большой бродской синагогѣ передъ многочисленной аудиторiей, между нимъ и Бернштейномъ произошло рѣзкое столкновенiе изъ за жены послѣдняго, что и заставило Ландау покинуть Броды [10]).

Въ Бродахъ Бернштейнъ всецѣло отдался торговлѣ. Iосифъ Потоцкiй, тогдашнiй владѣлецъ Бродъ, старался путемъ ряда привилегiй поднять уровень благосостоянiя города. Послѣ 1742 г. вся торговля перешла въ руки евреевъ, ибо въ этомъ году ихъ прежнiе конкурренты—армяне эмигрировали изъ Бродъ. Владѣльцы города предоставляли съ тѣхъ поръ все больше торговыхъ привилегiй мѣстнымъ евреямъ. Они заставляли окрестныхъ купцовъ и солдатъ посѣщать бродскую ярмарку, вмѣсто львовской, и не устанавливали стѣснительнаго таможеннаго досмотра. Бродскiе купцы, пользуясь широкимъ кредитомъ во всѣхъ крупныхъ торговыхъ центрахъ Европы, легко могли давать туземнымъ торговцамъ товары въ кредитъ, что служило приманкой для польско-еврейскаго купечества. Помимо внутренней торговли бродскiе евреи вели еще большую экспортную торговлю, посылая товары въ Россiю, Германiю и Англiю. Въ Лейпцигѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Бреславлѣ, Манчестерѣ, Бердичевѣ они имѣли своихъ представителей (Plenipotenten), которые уполномочивались со-

вершать отъ имени своихъ довѣрителей торговыя сдѣлки. Броды въ сущности являлись лишь складомъ иностранныхъ товаровъ; здѣсь эти товары обмѣнивались на продукты внутренней торговли, которые снова посылались въ Лейпцигъ, Бреславль и другіе города, служившіе центрами внѣшней торговли. Бродскіе купцы выписывали изъ Лейпцига и Бреславля полотно и галантерейные товары и пересылали въ Россію и Турцію; Россія же поставляла въ Лейпцигъ пушной товаръ. Торговля пушнымъ товаромъ составляла главное занятіе бродскихъ купцовъ; отсюда вывозилось также большое количество овчинъ въ Бердичевъ [11]).

Броды ежегодно получали транспортъ косъ, ковалловъ и цвѣтныхъ шелковъ на сумму 200000 рейнскихъ талеровъ. Здѣсь процвѣтала также торговля лошадьми. Турки, валахи, греки и казаки приводили на ярмарку лошадей и продавали ихъ при посредствѣ еврейскихъ купцовъ польскимъ шляхтичамъ, саксонскимъ и прусскимъ барышникамъ [12]).

Въ годъ перваго раздѣла Польши для Бродъ наступилъ серьезный экономическій кризисъ: проходившіе черезъ страну военные отряды уничтожали все на своемъ пути; плохо отразилось на торговлѣ и то, что Галиція перешла къ Австріи и оказалась отрѣзанной отъ остальной Польши. Въ городскихъ приходорасходныхъ книгахъ за февраль—декабрь 1772 года мы находимъ данныя относительно того, сколько стоили городу безпрерывные постои то русскихъ, то нѣмецкихъ войскъ. По всей вѣроятности, наиболѣе пострадали отъ этого евреи, составлявшіе преобладающее населеніе города [13]). Торговлѣ угрожала такая серьезная опасность, что графъ Потоцкій долженъ былъ въ апрѣлѣ 1772 одолжить еврейскимъ купцамъ 3000 червонцевъ изъ своей казны, „съ цѣлью поддержанія и укрѣпленія торговли въ этомъ городѣ“ [14]).

Изъ современныхъ источниковъ [15]) мы узнаемъ, что 29 декабря 1773 г. бродскіе евреи торжественно отпраздновали начало австрійскаго владычества. Представители еврейской общины принесли въ синагогѣ присягу на вѣрность новой императрицѣ. Весь городъ былъ по праздничному разукрашенъ, а „еврейскій синдикъ“ (старшина) г. Броды, докторъ медицины Авраамъ Узіель [16]), прочелъ на латинскомъ языкѣ сочиненное имъ вѣрноподданическое заявленіе; многіе вліятельные евреи, какъ напр. Самуилъ Рабиновичъ [17]), устроили въ своихъ домахъ по этому случаю праздничныя трапезы съ музыкой. Наступленіе новой эры вызвало, впрочемъ, радость только среди аристократической части еврейскаго общества, уже подвергшейся вліянію просвѣтительнаго

движенія и тяготѣвшей къ нѣмецкой культурѣ. Народная же масса, наоборотъ, съ безпокойствомъ взирала на туманное будущее; впослѣдствіи ей нерѣдко приходилось протестовать противъ вводимыхъ австрійскимъ правительствомъ новшествъ.

Когда императоръ Іосифъ II пріѣхалъ въ 1773 г. въ Броды и воочію убѣдился, что городъ переживаетъ серьезный экономическій кризисъ, онъ рѣшилъ объявить Броды вольнымъ городомъ и способствовать такимъ образомъ его экономическому подъему [18]). Центральныя вѣнскія власти поручили комиссару фонъ-Эдеру обслѣдовать состояніе торговли въ Бродахъ [19]). Комиссаръ указалъ, какъ на причину упадка торговли, на стѣсненія со стороны Потоцкаго, и предложилъ учредить въ Бродахъ спеціальную должность контрольнаго судьи [20]). Такъ какъ вся городская торговля находилась въ рукахъ евреевъ, то Іосифъ II рѣшилъ переселить въ Броды нѣмецкихъ колонистовъ-протестантовъ [21]). Этому воспротивился Потоцкій, предпочитавшій еврейское купечество германскому: онъ началъ ставить препятствія пришлымъ купцамъ.

Въ то же время австрійсксе правительство стало принимать мѣры къ тому, чтобы вовлечь еврейское купечество Бродъ въ австрійскую торговлю. Такъ въ 1775 г. оно поручило бродскому жителю Якову Ландау „привлечь къ участію во вновь открывшейся Тешнерской ярмаркѣ виднѣйшихъ еврейскихъ купцовъ“; то же было сдѣлано и относительно другихъ ярмарокъ [22]). Повидимому, лишь очень немногіе послѣдовали приглашенію; только объ одномъ бродскомъ жителѣ Эліасѣ мы знаемъ, что онъ принялъ участіе въ Тешнерской ярмаркѣ, за что ему была пожалована даже похвальная грамота [23]). Въ самихъ Бродахъ открытъ былъ рядъ торговыхъ домовъ и положено основаніе фарфоровой промышленности [24]). Въ то же время велись переговоры съ Потоцкимъ о продажѣ города, закончившіеся лишь въ 1779 г. Городу дарована была слѣдующая привилегія: всѣ товары, доставлявшіеся туда изъ Польши, освобождались отъ пошлины и подвергались обложенію лишь тогда, когда вывозились изъ предѣловъ города. Эта мѣра въ значительной степени смягчала кризисъ, переживаемый Бродами.

III.

Къ числу именитыхъ купцовъ въ Бродахъ принадлежали тогда братья Арье-Лейбъ и Гиршъ Берштейны. Благодаря своимъ крупнымъ коммерческимъ предпріятіямъ, братьямъ уда-

лось занять мѣсто среди богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ еврейской общины. Въ особенности выдвинулся Арье-Лейбъ, занявшій впослѣдствіи постъ ландраввина и представлявшій собою типъ не столько ученаго или духовнаго пастыря, сколько предпріимчиваго дѣльца; ему удалось впослѣдствіи сосредоточить въ своихъ рукахъ почти всѣ биржевыя операціи, производившіяся въ Бродахъ.

Онъ началъ свою коммерческую дѣятельность съ того, что заключалъ мелкія сдѣлки съ бродскими купцами. Въ качествѣ настоящаго купца онъ выступаетъ лишь въ 1772—1774 г.; въ это время онъ получилъ въ мѣстномъ банкѣ Реснера и Гохштетера нѣкоторую сумму денегъ для расширенія своихъ операцій. Онъ сталъ брать въ откупъ различныя монополіи, велъ большія дѣла съ польскими помѣщиками, заключая съ ними главнымъ образомъ контракты на урожаи ихъ имѣній во время ихъ пріѣздовъ на бродскія ярмарки. Затѣмъ онъ принялся скупать дома, брать въ аренду земельные участки и насаждать сады, что приносило ему крупный доходъ [25]).

Достигши богатства, Лейбъ Бернштейнъ сталъ добиваться и почета. И когда въ 1776 году учрежденъ былъ постъ верховнаго ландраввина, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало добиться этого назначенія. Какъ разъ въ это время, незадолго до выборовъ, черезъ Броды проѣзжало нѣсколько монаховъ, возвращавшихся изъ Россіи въ Вѣну. Они были гостепріимно устроены Бернштейномъ въ одномъ изъ его домовъ, и предъ возвращеніемъ въ Вѣну обѣщали ему замолвить за него слово передъ императрицей [26]). Когда Ландау окончательно отказался занять постъ верховнаго раввина, на эту должность назначенъ былъ Бернштейнъ. Надо полагать, что этотъ постъ онъ получилъ лишь благодаря стараніямъ монаховъ, такъ какъ онъ не имѣлъ такихъ заслугъ, которыя дали бы ему право на титулъ оффиціальнаго представителя галиційскаго еврейства. Бернштейнъ, впрочемъ, добивался мѣста ландраввина главнымъ образомъ ради того, чтобы пріобрѣсти власть надъ галиційскими общинами, расширить сферу своего вліянія и такимъ образомъ еще больше разбогатѣть.

Вскорѣ послѣ своего избранія онъ отправился во Львовъ, чтобы въ присутствіи губернатора принести служебную присягу. Въ Глинянахъ (неподалеку отъ Львова) ему устроили почетную встрѣчу представители общины, сопровождавшіе его до самаго Львова. Здѣсь, послѣ принесенія присяги, онъ получилъ должностную печать изъ рукъ представителя правительства. Здѣсь же

произнесъ онъ въ синагогѣ свою первую проповѣдь. Послѣ этого онъ вернулся въ Броды и отсюда сталъ управлять еврейскими общинами. Но когда этотъ купецъ въ раввинской тогѣ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей, ему пришлось столкнуться съ сильной оппозиціей. Еврейскія общины увидѣли въ немъ не защитника, а чиновника-притѣснителя.

Бернштейну принадлежало право назначать раввиновъ, канторовъ, рѣзниковъ, раздавать почетные титулы; онъ сосредоточилъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ множество полномочій и могъ безконтрольно распоряжаться въ общинахъ. Слѣдуетъ принять во вниманіе еще то обстоятельство, что учрежденіе „Еврейской Дирекціи" повлекло за собой новый ежегодный сборъ въ размѣрѣ 13.100 флориновъ, а при тогдашнемъ упадкѣ благосостоянія общинамъ трудно было выплачивать такую сумму [27]). Этого одного было уже достаточно, чтобы возстановить народную массу противъ новаго учрежденія, во главѣ котораго стоялъ верховный раввинъ; народное недовольство направлено было не только противъ Бернштейна лично, но и противъ самой новой институціи.

Въ особенности сильно проявилось это недовольство на родинѣ верховнаго раввина—въ Бродахъ. Какъ уже сказано, Бернштейнъ и послѣ оффиціальнаго вступленія въ должность продолжалъ заниматься своими коммерческими дѣлами. Эти дѣла чрезвычайно расширились и процвѣли въ годы оффиціальной службы Бернштейна: онъ, повидимому, слишкомъ энергично стремился использовать свое высокое положеніе въ корыстныхъ цѣляхъ. Благодаря своему вліянію на жизнь галиційскаго еврейства, онъ добился того, что въ его рукахъ оказались почти всѣ казенныя монополіи и откупа. Въ качествѣ откупщика налоговъ, онъ сильно угнеталъ народную массу. Еврейскій цехъ шинкарей доведенъ былъ до того, что избралъ уполномоченныхъ съ порученіемъ „препятствовать ландраввину и представителямъ общины налагать новые поборы и всѣми силами противъ этого бороться". Опасаясь непріятностей, Бернштейнъ убѣдилъ нѣсколькихъ членовъ шинкарскаго цеха внести заявленіе въ городскіе акты, что вышеупомянутые представители цеха не получили полномочій выступать противъ раввина [28]).

Вскорѣ къ борьбѣ шинкарскаго цеха съ Бернштейномъ примкнули два другихъ цеха—пекарей и мельниковъ, съ собственнымъ раввиномъ во главѣ (rabin mącznikarski). Они тоже выступили противъ ландраввина, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ

онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю хлѣбную торговлю Бродъ и окрестностей, мука сильно вздорожала, а качество ея понизилось. Въ теченіе двухъ лѣтъ (1782—1784) трудовое населеніе Бродъ вело непрерывную борьбу съ одной стороны—съ ландраввиномъ Бернштейномъ, который сильно увеличилъ налоги и поднялъ цѣны на хлѣбъ, а съ другой—съ владѣльцемъ Бродъ Потоцкимъ, жестоко угнетавшимъ народныя массы [29]).

Злоупотребленія Бернштейна-дѣльца побудили наконецъ его противниковъ вооружиться противъ него, какъ верховнаго раввина. Мы уже говорили, что избраніе его на высокій постъ встрѣчено было повсюду, особенно въ Бродахъ, сильнымъ ропотомъ. Въ Бродахъ возникла въ средѣ мѣстной еврейской аристократіи партія, поставившая себѣ цѣлью борьбу съ Бернштейномъ. Во главѣ этой группы стоялъ богатый и ученый купецъ Сендеръ Перлесъ, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ новаго раввина. Недовольны были ландраввиномъ и другія еврейскія общины, какъ напр. община Замостья, члены которой возненавидѣли своего раввина Іосифа Гохгелернтера за то, что онъ былъ сторонникомъ Бернштейна. Дошло до того, что всюду населеніе стало относиться враждебно къ тѣмъ мѣстнымъ раввинамъ, которые получили свои мѣста вслѣдствіе родства или кумовства съ верховнымъ раввиномъ; раввинъ Гиршъ изъ Замостья, переведенный своимъ зятемъ Бернштейномъ въ Броды, принужденъ былъ вскорѣ отказаться отъ своего поста [30]).

Съ особенной силой проявилась открытая вражда противъ Бернштейна при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда 16 іюня 1783 г. въ Бродахъ вспыхнулъ пожаръ и загорѣлся между прочимъ домъ верховнаго раввина, одинъ изъ находившихся тамъ чиновниковъ потребовалъ отъ присутствовавшихъ евреевъ, чтобы они сорвали крышу дома съ цѣлью помѣшать дальнѣйшему распространенію огня. Но требованіе не было исполнено, какъ разсказываетъ самъ этотъ чиновникъ: „Едва произнесъ я имя ландраввина, евреи презрительно усмѣхнулись, повернули назадъ и бросились бѣжать съ такой поспѣшностью, что я не могъ никого изъ нихъ догнать. Видно было, что каждая партія готова скорѣе подвергнуться избіенію, чѣмъ спасать домъ, принадлежащій другой партіи“ [31]). Вообще же никто изъ евреевъ, кромѣ носильщиковъ, водовозовъ, ночныхъ сторожей и разныхъ бродягъ, не принималъ участія въ тушеніи пожара — доноситъ членъ бродскаго уѣзднаго суда областному губернатору.

Изъ этого оффиціальнаго донесенія мы видимъ, какъ враждебно относились евреи къ ландраввину и къ новому институту „Еврейской Дирекціи“.

Но Бернштейнъ, повидимому, не обращалъ на это вниманія и продолжалъ дѣйствовать по прежнему, стремясь только къ наживѣ. Онъ беретъ въ откупъ тѣ налоги, которые представляются ему наиболѣе выгодными. Въ 1784 г. онъ взялъ въ откупъ кошерный налогъ въ Бродахъ, Лешневѣ и Бродыкамнѣ, приносившій большой доходъ [32]). Захвативъ въ свои руки кошерный сборъ, Бернштейнъ увеличилъ его размѣръ и запретилъ большинству мясниковъ заниматься убоемъ скота. Это дало возможность тѣмъ мясникамъ, которые пользовались его покровительствомъ, сильно повышать цѣны; мясо очень вздорожало. Такое поведеніе должно было возбудить противъ Бернштейна какъ лишившихся заработка мясниковъ, такъ и бѣднѣйшіе классы населенія, тѣмъ болѣе, что налогъ на мясо и безъ того былъ очень высокъ. 10 октября 1785 г. многіе мясники заявили протестъ противъ дѣйствій верховнаго раввина и откупщика Лейба Бернштейна, утверждая, что они донынѣ „въ качествѣ мясниковъ служили нуждамъ еврейскаго и христіанскаго населенія, зарабатывали свой кусокъ хлѣба и могли исполнять всѣ свои повинности; теперь же ландраввинъ путемъ запрещенія убоя скота стремится отнять у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба“ [33]). Далѣе они указываютъ, что сосредоточеніе мясного налога въ рукахъ одного лица даетъ возможность послѣднему назначать какія угодно цѣны; при такомъ положеніи дѣлъ онъ богатѣетъ, но массы евреевъ окончательно разоряются.

Недовольство еврейскаго населенія, угнетеннаго множествомъ налоговъ и доведеннаго новыми порядками до разоренія, дѣйствительно приняло серьезные размѣры. Уже спустя нѣсколько дней послѣ протеста бродскихъ мясниковъ, 17 октября 1785 г., ландраввинъ принужденъ былъ сообщить комиссіи, завѣдующей налогами на предметы потребленія, что онъ передалъ кошерный сборъ товариществу, въ составъ котораго входили сыновья Бернштейна, Вольфъ и Веніаминъ, а также Натансонъ. Но это была лишь фиктивная передача, придуманная для успокоенія возбужденныхъ народныхъ массъ: на дѣлѣ Бернштейнъ продолжалъ владѣть откупомъ и оставилъ за собою отвѣтственность передъ администраціей.

Положеніе Бернштейна, однако, сильно пошатнулось. Такъ какъ еврейское населеніе Галиціи продолжало роптать на вер-

ховнаго раввина и Дирекцію, правительство сочло себя вынужденнымъ отмѣнить изданное въ 1776 г. положеніе о евреяхъ. 1 ноября 1786 г. Еврейская Дирекція была распущена. Бернштейнъ долженъ былъ сложить съ себя обязанность раввина, и добился только того, что за нимъ былъ оставленъ прежній титулъ. Правительство, конечно, не имѣло основанія быть недовольнымъ своимъ ставленникомъ, и, упраздняя должность верховнаго раввина, оно только сдѣлало вынужденную уступку еврейскому общественному мнѣнію.

Послѣ упраздненія ландраввината, Бернштейнъ снова отдался всецѣло коммерческой дѣятельности. Въ послѣдніе годы жизни онъ занимался преимущественно крупными денежными операціями и велъ большіе процессы съ цѣлью взысканія денегъ со своихъ должниковъ. Онъ заключалъ также сдѣлки съ банкомъ Реснера и Гохштетера, стоялъ во главѣ многихъ крупныхъ предпріятій и занималъ первое мѣсто на всѣхъ аукціонахъ, выступая то въ качествѣ кредитора, то въ качествѣ покупателя. Онъ постепенно отдалялся отъ общественной дѣятельности, къ которой былъ гораздо менѣе призванъ, чѣмъ къ коммерческимъ операціямъ.

22 октября 1788 г. Бернштейнъ скончался [34]). Судя по документамъ, онъ оставилъ состояніе въ 52.948 гульденовъ, что для того времени составляло крупную сумму.

Какъ отпрыскъ одного изъ именитѣйшихъ еврейскихъ родовъ въ Бродахъ, онъ былъ похороненъ въ аристократической части кладбища. На его надгробномъ памятникѣ красуется надпись, въ которой покойный הרב דמדינה прославляется какъ „князь израильскій“ (נשיא ישראל), крупный благотворитель и блюститель правосудія (צדקתו כהררי אל, צדקת ה׳ עשה משפטים עם ישראל).

Это оффиціальное славословіе не можетъ, конечно, измѣнить нашей оцѣнки личности Бернштейна. Заимствованныя изъ документовъ той эпохи біографическія данныя приводятъ насъ къ заключенію, что этотъ человѣкъ не годился для поста духовнаго главы галиційскаго еврейства. Это былъ только ловкій купецъ, стремившійся основывать крупныя и доходныя предпріятія и увеличивать свой капиталъ. Какъ эпилогъ къ былой еврейской автономіи въ Польшѣ, галиційскій казенный раввинатъ представляетъ собою явленіе отрицательное, знаменующее упадокъ еврейскаго самоуправленія подъ вліяніемъ политическихъ кризисовъ.

Примѣчанія.

[1]) Порядокъ выборовъ намѣченъ въ Положеніи о евреяхъ, напечатаномъ въ Pilleriana отъ 1776 г.

[2]) Накладывать „малое отлученіе“ имѣлъ право всякій мѣстный раввинъ, съ согласія старшинъ данной общины.

[3]) Архивъ Министерства внутр. дѣлъ, Вѣна, Протокольная книга о Галиціи, декабрь 1776, № 25.

[4]) Онъ разсказываетъ объ этомъ въ נודע ביהודה въ своемъ отвѣтѣ (№ 36) Эйзенштадтскому раввину, виленское изданіе 1902, стр. 20.

[5]) Архивъ Мин. вн. дѣлъ. Протокольная книга 1776 г. 5, 84.

[6]) Это имя передано въ нѣмецкихъ актахъ въ искаженномъ видѣ: „Лейбль Берль“, вмѣсто „Лейбъ сынъ Береля“ (Бериша). Въ польскихъ источникахъ Бернштейнъ часто называется „Лейбъ Берковичъ.“

[7]) См. предыдущее примѣчаніе.

[8]) Мордохай Бабадъ былъ богатый и ученый бродскій купецъ, занимавшій въ теченіе долгаго времени должность секретаря еврейскаго сейма. Онъ умеръ 23 Сивана 1752 г. (Пинкосъ стараго бродскаго кладбища, запись 43).

[9]) Яковъ Бабадъ тоже жилъ въ Бродахъ и былъ „мангигъ-га-мдино“ (областной предводитель). Онъ основалъ въ Бродахъ большую синагогу, въ которой впослѣдствіи преподавали знаменитѣйшіе польскіе раввины, какъ напр. Харифъ, Хаимъ Цанзеръ, Іехезкель Ландау, Гершонъ Киттоверъ, Вольфъ Олескеръ и др. (см. נודע ביהודה, יורה דעה מהדורא קמא. Виленское изданіе, стр. 38, № 48). Онъ умеръ 27 Элула 1756 г.

[10]) Жена Бернштейна обвинена была Ландау въ нарушеніи супружеской вѣрности, что повлекло за собою серьезный конфликтъ между нимъ и Бернштейномъ. Подробности объ этомъ можно найти въ кн. אמונת צדיקים או מופת הדור Камельгата (біографія І. Ландау), стр. 6—7.

[11]) Бродскій судебный архивъ: Liber donatiorum 1785 — 1786 г. № 164. Вотъ перечень товаровъ, которые ежегодно привозились въ Броды и отсюда посылались преимущественно въ Россію, Литву и Турцію: 1200 центнеровъ воску, 5000 центнеровъ меду, 4000 ц. сала, 5000 ц. селитры, 4000 ц. кофе, сахару и перцу, 300,000 заячьихъ шкурокъ.

[12]) F. Kratter, Briefe über den itzigen Zustand Galiziens, Лейпцигъ, 1786, т. II, 106.

[13]) Бродскій судебный архивъ, книга доходовъ 1771—1772 г.

[14]) Acta magistratus Brodensis (Брод. судебный архивъ) ex anno 1777, № 243.

[15]) Wienerisches Diarium 1774, № 9, Anhang: „Schreiben eines Freundes an seinen Freund von Brody in Polen unterm 30 Christmonat 1773“. [Ср. ст. Балабана въ Евр. Старинѣ 1913 г. стр. 289 сл. *Ред.*].

[16]) Авраамъ Узіель, старшина еврейской общины, принадлежалъ къ просвѣщеннѣйшимъ людямъ своей эпохи; возможно, что онъ вмѣстѣ со своимъ современникомъ, ассессоромъ раввината Іошуей Лащоверъ, на могилѣ котораго красуется характерная надпись: וזיינו עליו ללחום במלחמתה של תורה), принималъ участіе въ диспутѣ бродской общины съ епископомъ Кобѣльскимъ въ 1742—1743 г. Авраамъ Узіель умеръ въ 1776 г.

[17]) Сынъ Якова и Розы Бабадъ (см. выше, прим. 9).

[18]) Планъ этотъ снова подвергся измѣненію въ 1775 г. Архивъ Минист. внут. дѣлъ, протоколы 1775 г., 1822.

[19]) Тамъ же, протоколъ 1774 г., 1358, также его отчеты, посылавшіеся въ губерніумъ отъ 26 іюня 1774 г., въ Архивѣ краковской академіи наукъ, № 811.

[20]) Арх. М. вн. д. Протоколъ 1784 г., 1363.

[21]) Рукопись № 525, Томъ I, 4 (въ Польскомъ національномъ музеѣ Оссолинскихъ во Львовѣ); Арх. Мин. вн. д. Протоколъ отъ ноября 1784 г.

[22]) Арх. Мин. вн. д. Прот. 1775 г., 234, 806.

[23]) Тамъ же. Прот. 1776 г., 166.

[24]) Тамъ же. Книга протоколовъ 1775 г., 2460, 527

[25]) Бродскій суд. архивъ, Liber ingrossationum, № 32. Въ Liber donatiorum und ingrossationum мы находимъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о совершеніи имъ торговыхъ сдѣлокъ.

[26]) Статья Бодека о Цви-Гиршѣ Хаесѣ въ כוכבי יצחק, выпускъ 18, стр. 58, прим.

[27]) Kratter l. c. часть II, стр. 24. Верховный раввинъ получалъ ежегодное жалованье въ размѣрѣ 800 фл. Каждый изъ областныхъ старшинъ по 600 фл.—3600 фл.; христіанинъ-актуарій и писецъ оба—700 фл.; еврей-казначей—500 фл.; 6 окружныхъ старшинъ по 400 фл. каждый—2400 фл.; 6 христіанъ-секретарей по 200 фл. каждый—1200 фл.; 6 еврейскихъ секретарей по 100 фл.—600 фл. Письменныя принадлежности и почтовые расходы—3300 фл.—Итого 13.100 флор.

[28]) Acta magistratus Brodensis 1782—1783, № 246, 251, 252.

[29]) Борьба цеховъ съ Потоцкимъ началась еще въ 1776 г. Цехъ шинкарей обратился къ вѣнскому правительству съ просьбой о защитѣ. Правительство назначило особую коммиссію для разсмотрѣнія требованій шинкарей, но это ни къ чему не привело. Этотъ эпизодъ представляетъ собой интересную главу изъ исторіи еврейскихъ ремесленныхъ цеховъ XVIII в., которые съ большимъ усердіемъ отстаивали свою самостоятельность отъ покушеній мѣстныхъ владѣтельныхъ князей.

[30]) Гиршъ изъ Замостья, тесть Бернштейна, недолго занималъ постъ раввина въ Бродахъ; онъ принужденъ былъ покинуть его и переселился въ Глогау, а затѣмъ приглашенъ былъ въ Альтону, Гамбургъ и Вандсбекъ (אה״ו).

[31]) Архивъ Министр. внутр. дѣлъ, связ. IV A, л. 1267.

[32]) Онъ уплачивалъ ежегодно за эту аренду откупную сумму въ размѣрѣ 42900 фл. (Liber decretorum 1785—1786, № 464). Эту сумму онъ выплачивалъ ежемѣсячными взносами, не позже 6 числа каждаго мѣсяца. Помимо этого ему приходилось оставлять залогъ въ обезпеченіе платежа; если установленная сумма не уплачивалась 6-го числа, залогъ оставался въ кассѣ Дирекціи. (Декр. 1785—1786 г., № 464). На основаніи записи въ Liber detaxationum, стр. 28, мы можемъ установить, на какую сумму откупщики кошернаго мяса продавали ежегодно товару. Товарищество, въ составъ котораго входили Исаакъ-Арье и Фрейда Бернштейнъ, доставило годнаго къ употребленію кошернаго мяса на 150.000 фл. въ теченіе одного года (1800).

[33]) Liber decretorum ex 1785—86, № 462.

[34]) Онъ умеръ въ день הושענא רבה תקס״ט, а не תק״ן, какъ утверждаетъ Бодекъ въ цитированной выше статьѣ, а вслѣдъ за нимъ и С. Буберъ въ אנשי-שם (введеніе, стр. XXIII). Въ Пинкосѣ бродскаго кладбища мы находимъ слѣдующую запись:

הושענא רבה תקס״ט כת הרב הגאון דסרינה מוהר״ר אריה ליבוש.

Н. Гельберъ.

Эпизоды изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ и антиеврейской литературы въ Польшѣ (XVI—XVIII в.).

IV [1]).

Янъ Серафиновичъ.

Всѣ писатели, въ произведеніяхъ которыхъ фигурируетъ ритуальная легенда, ссылаются на свидѣтельство крещенаго раввина Яна Серафиновича, который описываетъ подробности ритуальнаго процесса. Впервые данныя эти появились въ печати въ 1758 г., въ книгѣ львовскаго соборнаго каноника Гауденція Пикульскаго, носящей названіе „Złość żydowska" (Еврейская злоба). Книга эта вышла вторымъ изданіемъ въ 1760 г., и тѣмъ не менѣе кіевскій епископъ Залусскій не зналъ еще въ томъ году о ея существованіи—по крайней мѣрѣ, о ея содержаніи. Это явствуетъ изъ слѣдующей фразы его письма: „Надняхъ (1760 г.) я получилъ отъ графини Міончинской, урожденной Воронецкой, рѣдкую польскую рукопись, которой я никогда еще до сихъ поръ не видалъ. Это—истинная исторія, написанная неофитомъ Яномъ Серафиновичемъ и озаглавленная „Wyjawienie przed Bogiem i światem obrzędów żydowskich" („Раскрытіе передъ Богомъ и міромъ еврейскихъ обрядовъ";- датировано 25 апрѣля 1716 г. [2]).

Серафиновичъ раздѣлилъ свою книгу на столько главъ, сколько имѣется мѣсяцевъ въ еврейскомъ календарномъ году, и подробно описываетъ всѣ обряды, совершаемые евреями въ теченіе каждаго мѣсяца. Почти всѣ обряды сводятся у него къ употребленію христіанской крови. Безъ этого не обходится ни одинъ праздникъ, ни одно рожденіе ребенка, свадьба, заключеніе торговой сдѣлки. Еврей не можетъ ни жить, ни умереть безъ христіанской крови. Серафиновичъ даже точно знаетъ, какъ эта кровь добывается, какими обрядами и молитвами сопровождается этотъ актъ. Онъ самъ, будучи раввиномъ, зарѣзалъ будто бы двоихъ дѣтей.

---

[1]) См. Евр. Стар. вып. II.

[2]) Хранится въ Импер. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Рукопись т. I, 24.

Книга Пикульскаго быстро разошлась. Въ 1784 г. авторъ выпустилъ популярное извлеченіе изъ своего труда, подъ заглавіемъ „Błędy Talmudowe“ (Заблужденія Талмуда); здѣсь приведены въ нѣсколько измѣненной формѣ всѣ нелѣпыя измышленія, содержащіяся въ полномъ изданіи, и исключена „научная“ часть книги.

Кто же такой былъ Серафиновичъ? Вотъ что разсказываетъ о немъ Пикульскій. Онъ родился въ Брестъ-Литовскѣ, въ 1685 г. Въ ранней молодости онъ женился на дочери виленскаго раввина и самъ занялъ постъ раввина сперва въ Слуцкѣ, а затѣмъ въ Брестъ-Литовскѣ. Усиленная умственная работа довела его до душевной болѣзни, которая приняла даже форму буйнаго помѣшательства. Богатые родственники приняли всѣ мѣры къ его излеченію, но ничто не помогало. Тогда они отправились съ нимъ къ знаменитому еврейскому знахарю, проживавшему въ Жолквѣ, въ Галиціи, и тотъ принялся творить надъ нимъ свои чары. Онъ повѣсилъ его надъ каминомъ и сталъ призывать на помощь бѣсовъ, потомъ связалъ помѣшаннаго по рукамъ и ногамъ и заперъ его въ погребѣ, а самъ тѣмъ временемъ занялся придумываніемъ новыхъ чаръ. Несчастный безумецъ сидѣлъ пока въ погребѣ и размышлялъ... о христіанствѣ. Онъ молился: „о ты, Богъ христіанскій, если ты истинный Богъ, то сдѣлай такъ, чтобъ мои цѣпи тотчасъ разлетѣлись!“ Въ ту же минуту разлетѣлись въ прахъ тяжелыя цѣпи, и окно открылось само собою. Безумецъ покинулъ свою темницу „исцѣленнымъ“ и прямо отправился въ церковь, чтобы тамъ принять крещеніе. Духовенство отлично знало о душевной болѣзни Серафиновича, тѣмъ болѣе что евреи указывали на это священникамъ, но оно не обращало на это вниманія, и 24 апрѣля 1710 г. бѣглецъ принялъ крещеніе. Воспріемниками были владѣлецъ Жолкви, сынъ покойнаго короля, Константинъ Собѣскій и жена белзскаго воеводы Елизавета Сенявская.

Вскорѣ къ Серафиновичу обратились съ вопросомъ, какъ онъ смотритъ на ритуальныя убійства; поводомъ къ этому послужило то, что какъ разъ въ то время (1710) начался второй ритуальный процессъ въ Сандомирѣ. Серафиновичъ не заставилъ долго себя просить и далъ волю своему больному воображенію, разсказавъ самыя ужасныя небылицы. Онъ обѣщалъ даже написать цѣлую книгу по вопросу о ритуальныхъ убійствахъ.

Во время разбора дѣла въ Сандомирѣ въ 1712 г., сандомирскій каноникъ патеръ Жуховскій рѣшилъ принять всѣ мѣры, чтобы добиться полнаго изгнанія евреевъ изъ города; ему указали на Серафиновича, какъ на полезнаго помощника, и тотъ охотно согласился помочь врагу евреевъ.

17 марта 1712 г. онъ явился въ Сандомиръ, въ духовный

судъ, и тамъ далъ слѣдующее показаніе—сплошной бредъ больного мозга [1]):

„Какъ каждому христіанину надлежитъ правдиво свидѣтельствовать согласно Божьей заповѣди, такъ и я, памятуя о сей заповѣди, обязанъ дать публично показаніе и свидѣтельствовать противъ невѣрныхъ евреевъ, кои отпираются отъ своихъ злодѣйскихъ поступковъ, между которыми имѣется безбожное злодѣйство, состоящее въ томъ, что они жестоко проливаютъ кровь невинныхъ дѣтей христіанскихъ; а дѣлаютъ они сіе на основаніи яснаго приказанія своего Талмуда, и употребляютъ эту кровь, дабы творить свои чары. Я самъ, будучи главнымъ раввиномъ или начальникомъ надъ всѣми раввинами Синагоги Литовской (?), прежде чѣмъ Богъ призвалъ меня къ святой римско-католической вѣрѣ, замучилъ двоихъ христіанскихъ дѣтей: одно въ городѣ, называемомъ Ружаны въ Литвѣ—сына Шумскаго, виленскаго подвоеводы, а другое въ Сломинѣ (Слонимѣ?), неизвѣстно чье. Способъ, которымъ подвергаютъ мученіямъ этихъ дѣтей, таковъ. Схвативши ребенка, кормятъ его въ продолженіи сорока дней всякими яствами въ самомъ темномъ погребѣ, забавляя его въ это время игрой въ карты, даваніемъ ему денегъ и прочими комедіями. По истеченіи же сорока дней ребенка выводятъ оттуда, и раввинъ, взявъ его за руку, ударяетъ его ланцетомъ въ малый палецъ правой руки такъ, чтобы кровь брызнула раввину прямо въ глаза; раввинъ ударяетъ ланцетомъ въ маленькій палецъ потому, что тогда больше выходитъ крови, потому что когда раввинъ попадаетъ въ этотъ палецъ, ребенокъ не боится; потомъ раввинъ беретъ священный ножъ, оправленный въ серебро, и этимъ ножемъ ударяетъ ребенка въ правый бокъ, подставляя подъ текущую кровь серебряную позолоченную миску; потомъ сажаютъ ребенка въ помѣстительную бочку, въ которой со всѣхъ сторонъ вбиты острые гвозди длиною въ гусиное перо, и въ ней качаютъ, пока не выйдетъ вся кровь до послѣдней капли. Потомъ, вынувъ ребенка изъ бочки (если онъ еще живъ, потому что часто дѣти остаются въ живыхъ вслѣдствіе того, что та часть бочки, которая противъ сердца, не набита гвоздями, а голова тоже не помѣщается въ бочкѣ), прибиваютъ его къ кресту, а раввинъ произноситъ еврейскія слова: „Веникъ масъ некомо ба гоимъ удалейхемъ“ (?), что означаетъ: подобно тому какъ мы замучили христіанскаго Бога, который назывался дитятей, такъ должны мы мучить христіанскихъ дѣтей. Эти обряды совершаются, когда самъ раввинъ убиваетъ и мучаетъ христіанскихъ дѣтей; если же какой нибудь еврей

[1]) Перепечатано въ польскомъ подлинникѣ въ кн. Кузьмина „Матеріалы по вопросу объ обвиненіяхъ евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ“. Спб. 1913, стр. 265—66.

самъ схватитъ ребенка и подвергаетъ его мученіямъ, онъ не обращаетъ вниманія на этотъ обрядъ, а убиваетъ такъ, какъ можетъ.

„Для чего употребляютъ евреи христіанскую кровь, я разскажу и объясню:

1) Есть двѣ недѣли въ году, въ теченіе которыхъ въ любой день раввинъ беретъ кровь зарѣзаннаго ребенка и мажетъ ею двери какого нибудь христіанина; отъ этого христіане становятся ласковѣе къ евреямъ и любятъ ихъ больше, чѣмъ своихъ братьевъ.

2) Во время вѣнчанія раввинъ даетъ новобрачнымъ яйцо, въ которомъ имѣется христіанская кровь.

3) Умирающимъ евреямъ мажутъ глаза тѣмъ же яйцомъ, къ которому примѣшана христіанская кровь.

4) Евреи во время Пасхи всегда употребляютъ въ пищу мацу, называющуюся Эвикоменъ, въ которой есть всегда христіанская кровь.

5) Чтобы евреямъ везло въ торговлѣ, они берутъ письмо отъ раввина, въ которомъ содержится христіанская кровь, и закапываютъ это письмо подъ порогомъ дома какого нибудь христіанина,—тогда имъ везетъ въ торговлѣ. Однимъ словомъ, они пользуются этой кровью только для тайныхъ неисчислимыхъ чаръ.

„Во всей Литвѣ уходитъ ежегодно тридцать гарнцевъ такой крови. За эту кровь евреи и еврейки, начиная съ тринадцати лѣтъ, уплачиваютъ ежегодно два злотыхъ.

„Тѣла замученныхъ дѣтей не предаются землѣ, ибо это называется у нихъ „пегеръ", а падали имъ нельзя хоронить".

Является вопросъ, на какомъ языкѣ давалъ Серафиновичъ эти показанія. Онъ несомнѣнно не умѣлъ говорить ни по польски, ни по латыни, такъ какъ тогдашніе литовскіе евреи плохо знали эти языки. Мы имѣемъ, впрочемъ, прямое указаніе на то, что Серафиновичъ написалъ свою книгу по еврейски: это заставляетъ насъ думать, что и показанія свои онъ тоже давалъ на этомъ языкѣ. Въ 1760 г. епископъ Залусскій пишетъ въ своемъ трудѣ о ритуальныхъ процессахъ (Turowski, „Polska rajem dla żydów", Kwartalnik dla historyi żydów w Polsce III, стр. 86), что онъ считаетъ Серафиновича обманщикомъ, и что Серафиновичъ цитируетъ старинные тексты не по древнееврейски — на языкѣ оригинала,—а на жаргонѣ.

Какъ бы то ни было, но евреи, почуявъ въ Серафиновичѣ опаснаго врага, рѣшили поближе съ нимъ познакомиться и уличить его на религіозномъ диспутѣ. Они обратились къ крестной матери новообращеннаго, Сенявской, съ просьбой устроить такой диспутъ. Сенявская пригласила нѣсколькихъ епископовъ и свѣтскихъ людей въ свой варшавскій дворецъ. Диспутъ долженъ былъ состояться въ началѣ мая. Евреи выставили съ своей стороны нѣсколь-

кихъ раввиновъ; руководство этимъ дѣломъ взялъ на себя еврейскій сеймъ (Ваадъ Короны).

О результатахъ диспута сообщаетъ намъ подлинный документъ, на которомъ имѣется подпись Сенявской. Документъ этотъ былъ переданъ Самуиломъ-Ицекомъ (Исаакомъ), сеніоромъ эксинской общины, суду для внесенія въ протоколъ. Вотъ его текстъ [1]:

„Елизавета-Елена на Вишницѣ и Ярославлѣ Сенявская, графиня Тенчина, Шклова и Мыши, кастелянша краковская, великая гетманша коронная, старостина львовская, рогатыньская и проч... доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ, кому о томъ знать надлежитъ, что недавно принявшій католическую вѣру Янъ Серафиновичъ еще донынѣ не сдѣлалъ никакой попытки доказать оглашенныя имъ по всему свѣту обвиненія, а между тѣмъ старшины евреевъ Короны, узнавъ, что въ Варшавѣ Серафиновичъ намѣренъ сіе доказывать, нарочно съѣхались въ Варшаву, чтобы имѣть возможность очистить себя отъ столь страшной и преступной клеветы. И я, желая оказать услугу святой вѣрѣ, пригласила къ разсмотрѣнію сего дѣла епископовъ Варминьскаго и Куявскаго, воеводу Сандомирскаго и короннаго регента; но этотъ Серафиновичъ, вопреки моему распоряженію и безъ моего вѣдома, скрылся и не явился, не приведя никакихъ доказательствъ своего заявленія. Въ виду сего я даю евреямъ сіе свидѣтельство, дабы и они и остальные евреи не подвергались подозрѣнію и клеветѣ.

Варшава, 22 мая 1712 г. Елизавета Сенявская, кастелянша краковская.—Actum in castro Sandomiriensi feria V in octava Corporis Christi 2 VI 1712 г.“

О дальнѣйшей судьбѣ Серафиновича намъ ничего неизвѣстно. Онъ написалъ, какъ мы уже сказали, свое произведеніе въ 1716 г., и оно ходило по рукамъ въ рукописи до 1758 г., когда Пикульскій включилъ его въ свою книгу „Złość żydowska“ [2]).

V.

Послѣдній ритуальный процессъ въ Олькушѣ (1787 г.)

Послѣдній польскій король, Станиславъ Августъ Понятовскій (1764—95), былъ человѣкъ вполнѣ просвѣщенный, усвоившій себѣ тогдашнюю французскую образованность. Въ его время въ наиболѣе передовой части обще-

---

[1]) Городской Архивъ Познани, томъ 58, за 1720 г., стр. 665.

[2]) Имѣющееся въ книгѣ Кузьмина „Матеріалы по вопросу объ обвиненіяхъ евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ“ (Спб. 1913 г. стр. 264, № 162) указаніе, будто книга Серафиновича появилась въ 1710 г., ошибочно и основано на неправильныхъ данныхъ, приведенныхъ Канделемъ въ Kwartalnik dla hist. żydów w Polsce, II стр. 106.

ства зародилось стремленіе реформировать бытъ Польши; въ особенности много возникло плановъ реформы послѣ перваго раздѣла; нѣкоторые изъ нихъ были даже близки къ осуществленію.

Предстояло также преобразованіе быта евреевъ; ихъ сеймъ былъ распущенъ, и разные государственные люди принялись вырабатывать планы реформы. Однако усилія просвѣщенныхъ умовъ часто встрѣчали противодѣйствіе со стороны темныхъ людей. Въ Польшѣ продолжали еще господствовать приверженцы стараго строя, которые готовы были пустить въ ходъ всѣ средства для того, чтобы все осталось по старому. Усилія темныхъ людей увѣнчались успѣхомъ. Посреди шумныхъ толковъ о реформѣ еврейскаго быта, они воскресили мерзкую ритуальную легенду.

Одинъ изъ крупныхъ ритуальныхъ процессовъ того времени разыгрался въ 1787 г. въ Олькушѣ, маленькомъ городкѣ близъ Кракова [1]). Олькушъ извѣстенъ былъ своими серебрянными и свинцовыми копями и входилъ въ составъ королевскихъ экономій, управленіе которыхъ находилось въ Краковскомъ замкѣ. Впослѣдствіи короли стали отдавать этотъ городъ и копи подъ залогъ представителямъ высшей аристократіи. Такимъ образомъ въ XVIII в. всѣ эти земли очутились въ рукахъ семьи Водзицкихъ. Онѣ давали, впрочемъ, очень мало дохода, такъ какъ Шведы въ 1704 г. пустили въ рудники воду, и въ концѣ столѣтія еще трудно было добывать оттуда металлъ. Работами въ копяхъ руководили обычно евреи, и неудивительно, что въ Олькушѣ съ теченіемъ времени образовалась сравнительно крупная еврейская община. Несмотря на близость Олькуша къ Кракову, община эта подчинена была не краковскому, а водзиславскому кагалу.

Случилось такъ, что однажды, въ четвергъ страстной недѣли, какой то крестьянинъ, направлявшійся изъ Болеслава въ Олькушъ, услышалъ страшный крикъ. Онъ сталъ погонять лошадей и, доѣхавъ до опушки лѣса, увидѣлъ лежащую на землѣ молодую дѣвушку. Испуганная дѣвушка разсказала ему, что на нее напалъ какой то молодой еврей, который принялся тащить ее въ лѣсъ и бросилъ на землю. Въ лѣсу еврей хотѣлъ ее зарѣзать, но четки, которыя она носила на шеѣ, помѣшали ему перерѣзать ей горло. Крестьянинъ посадилъ дѣвушку къ себѣ на телѣгу, забралъ съ собой также вещи, второпяхъ оставленныя убійцей— ножъ, оловянную чашку и ермолку, и отправился въ Олькушъ. Оказалось, что дѣвушка была послана какимъ то евреемъ изъ Олькуша въ Болеславъ съ письмомъ. Это дало поводъ

[1]) Матеріаломъ для этого процесса служатъ намъ протоколы суда, а также записки главнаго дѣятеля процесса—графа Станислава Водзицкаго. Оба эта документа взаимно другъ друга дополняютъ и проливаютъ яркій свѣтъ не тогдашнія отношенія.

мѣстному суду, куда обратился крестьянинъ, предположить, что евреи нарочно послали дѣвушку, чтобы дать возможность убійцѣ напасть на нее по дорогѣ; найденный ножъ признанъ былъ „кошернымъ ножомъ", а оловянная кружка— особымъ сосудомъ для собиранія крови. Дѣвушка подвергнута была осмотру хирурга, который призналъ, что ея жизнь внѣ опасности; тѣмъ не менѣе рѣшено было заключить подозрѣваемыхъ евреевъ въ тюрьму и создать ритуальный процессъ.

Относительно дальнѣйшаго хода событій источники расходятся. Водзицкій утверждаетъ, что рѣшено было выждать возвращенія предполагаемаго злодѣя изъ Болеслава, и когда вечеромъ на улицѣ оказался одинъ еврей безъ шапки, его немедленно арестовали; въ протоколахъ же суда говорится, что по разсказу дѣвушки удалось установить личность злодѣя и что олькушскій кагалъ самъ послалъ на подмогу суду еврея Марка, чтобы легче было опознать разыскиваемаго еврея. „Виновный" обнаруженъ былъ лишь на третій день въ одной изъ деревень, въ окрестностяхъ Олькуша, и въ тяжелыхъ кандалахъ доставленъ въ Олькушъ. Строгимъ допросомъ установлены были слѣдующія обстоятельства: имя обвиняемаго было Маркусъ, Мордха (Мортка); онъ былъ родомъ изъ Нейштадта (Корчинъ), изучилъ портняжное дѣло въ Дзялошицахъ, работалъ пять лѣтъ въ Краковѣ, а затѣмъ въ Болеславѣ, женился въ Ленкахъ и жилъ въ Поможанахъ—деревушкѣ близъ Олькуша.

Въ показаніи, вынужденномъ пытками, онъ сознался, что въ страстной четвергъ ходилъ въ Болеславъ и по пути встрѣтилъ дѣвушку Аполлонію Сѣдлецкую, дочь олькушскаго рудничнаго сторожа; сначала онъ принялся бить ее палкой, а потомъ пытался зарѣзать, но услышавъ стукъ колесъ проѣзжающей телѣги, оставилъ дѣвушку и убѣжалъ къ себѣ домой, гдѣ во всемъ признался своей женѣ и ея мачехѣ.

Это сознаніе еврея, которое мы можемъ объяснить себѣ либо безуміемъ, либо желаніемъ избавиться отъ ужасовъ пытки, не удовлетворило жителей Олькуша и духовенство. Они рѣшили втянуть всю общину въ ритуальный процессъ, не смущаясь тѣмъ, что „жертва" убійства и не думала умирать. Въ камеру къ несчастному портному явились замаскированные люди и обѣщали истерзанному пыткой человѣку полное освобожденіе, если онъ заявитъ, что олькушскій кагалъ поручилъ ему убить дѣвушку. Узникъ, желая спасти свою жизнь, согласился дать показаніе, котораго отъ него требовали. Такимъ образомъ создана была цѣлая картина ритуальнаго убійства: ножъ вручилъ ему рѣзникъ, сосудъ— синагогальный служка, а убить дѣвушку поручили старшины кагала. Немедленно послѣ этого заявленія, были арестованы представители общины: Гиршъ Зыскалевичъ, Аронъ

Перецовичъ, синагогальный служка Соломонъ и его сынъ (Солярчикъ). Всѣ они подверглись страшнымъ пыткамъ, но пытки не дали никакого результата. Въ то время, какъ несчастныхъ пытали, почти все еврейское населенiе Олькуша собралось къ стѣнамъ городской тюрьмы, оглашая воздухъ плачемъ и воплями. Портной увидѣлъ тогда, что онъ надѣлалъ своею ложью; понимая, что ему все равно не избѣжать смерти, онъ потребовалъ вторичнаго допроса, и несмотря на новыя страшныя пытки, отрекся отъ своего предыдущаго показанiя.

Тогда въ дѣло вмѣшались собственники Олькуша, и главный владѣлецъ поручилъ своему сыну, автору мемуаровъ о процессѣ, Станиславу Водзицкому, разслѣдовать все это дѣло. Молодому Водзицкому было тогда 24 года; человѣкъ хотя образованный, но крайне клерикально настроенный, онъ, какъ самъ разсказываетъ, вѣрилъ въ существованiе ритуальныхъ убiйствъ. Онъ послалъ въ олькушскiй магистратъ длинное письмо съ требованiемъ наказать членовъ кагала. Въ письмѣ этомъ говорится, что здѣсь не могло быть ни покушенiя на убiйство изъ за сладострастiя, такъ какъ дѣвушка слишкомъ молода (?), ни съ цѣлью грабежа, такъ какъ она бѣдна; покушенiе явно совершено было съ ритуальной цѣлью, и всѣ лица, арестованныя по этому дѣлу, должны быть преданы смерти. Письмо не достигло цѣли: олькушскiй судъ приговорилъ къ смертной казни лишь злополучнаго портного и велѣлъ освободить всѣхъ остальныхъ евреевъ.

Панъ Водзицкiй, будучи недоволенъ приговоромъ, заподозрилъ судей въ томъ, что они подкуплены евреями, и въ качествѣ владѣльца мѣстности аппелировалъ въ королевскiй краковскiй судъ. Несчастные олькушскiе евреи тотчасъ же провѣдали объ этомъ и рѣшили попытаться, по доброму старому обычаю—при помощи денегъ, убѣдить обвинителя отказаться отъ своего намѣренiя. Водзицкiй жилъ тогда въ Краковѣ, на улицѣ Св. Яна; евреи явились къ нему на домъ, чтобы, какъ онъ утверждаетъ, подкупить его. Но раньше еще, чѣмъ они успѣли раскрыть ротъ, онъ велѣлъ слугамъ сбросить ихъ съ лѣстницы; при этомъ одинъ изъ гостей выронилъ мѣшокъ съ серебряными талерами, и монеты разлетѣлись во всѣ стороны. Водзицкiй призвалъ своего конюха и камердинера и предложилъ имъ засвидѣтельствовать на судѣ подъ присягой, что евреи хотѣли подкупить ихъ господина.

Олькушскiе евреи, послѣ этого приключенiя, не пали однако духомъ и не оставили своего рѣшенiя — во что бы то ни стало помѣшать возобновленiю процесса. Имъ удалось найти заступниковъ, считавшихъ ритуальныя обвиненiя пережиткомъ средневѣковья. Какъ разъ въ это время въ Краковѣ находился король Станиславъ Августъ, и всѣ отъ

мала до велика стремились выразить монарху свои вѣрноподданническія чувства. Мѣстное купечество устроило балъ въ помѣщеніи „Сукенницъ“—Суконнаго ряда, куда явился король. Краковскіе евреи также стремились засвидѣтельствовать свои вѣрноподданническія чувства. Повидимому, при встрѣчахъ ихъ съ королемъ рѣчь зашла объ олькушскомъ дѣлѣ. Станиславъ Августъ, смѣявшійся надъ людьми, вѣрящими въ нелѣпую средневѣковую басню, рѣшилъ заняться этимъ дѣломъ. По его распоряженію, краковскій староста Водзицкій, дядя автора записокъ, передалъ своему племяннику приказаніе немедленно явиться ко двору.

„Это было сейчасъ послѣ бала въ Сукенницахъ — разсказываетъ Водзицкій; — я сидѣлъ въ своей комнатѣ и писалъ письма, какъ вдругъ является мой дядюшка, краковскій староста Илья Водзицкій, и говоритъ: одѣвайся-ка, панъ Станиславъ, ты поѣдешь со мной къ королю. Я отвѣтилъ: я охотно готовъ исполнить ваше желаніе, дядюшка, но вѣдь я уже былъ представленъ королю. „Тутъ рѣчь идетъ не о томъ, чтобы представляться королю, — сказалъ дядя,— а объ этой адской исторіи (sprawa piekielna) съ евреями. Король знаетъ, что ты ведешь его самоуправно, и хочетъ объ этомъ съ тобой поговорить“.—Понимаю и догадываюсь! „О чемъ догадываешься?“—Что имъ (евреямъ) удалось и туда проникнуть!.. Дядя ничего не отвѣтилъ, а я наскоро одѣлся и поѣхалъ съ нимъ въ замокъ. Намъ пришлось подождать съ минуту въ передней, пока король не вышелъ изъ бокового кабинета и не обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Я не думалъ, чтобы вы, несмотря на полученное вами образованіе, могли вѣрить въ средневѣковую басню объ употребленіи евреями на Пасху христіанской крови. Правда, исторія насъ учитъ, что у всѣхъ народовъ существовали ритуальные процессы, въ результатѣ которыхъ евреи карались за это преступленіе; но культура нашего вѣка велитъ намъ признать невинными этихъ жертвъ нашей предубѣжденности и предразсудковъ; поэтому я прошу васъ, сударь, не настаивать на передачѣ дѣла въ аппеляціонный судъ“.

Строгая рѣчь монарха не смутила однако молодого Водзицкаго, и онъ отвѣтилъ королю, что стремится только къ раскрытію истины и полагаетъ, что общество обязано выяснить существо этого дѣла; онъ лично убѣжденъ въ виновности евреевъ. Присутствовавшій при этомъ разговорѣ епископъ Нарушевичъ заявилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда у судей есть предвзятое мнѣніе, какъ напр. въ данномъ случаѣ, часто осуждаются невинные. Того же мнѣнія былъ и графъ Тышкевичъ, замѣтившій, что преслѣдованіе евреевъ наноситъ ущербъ экономическому благосостоянію городовъ. Король еще разъ обратился къ Водзицкому и взялъ съ него слово, что дѣло будетъ покончено.

Между тѣмъ дѣло передано было въ краковскій замковый судъ, который цѣликомъ подтвердилъ приговоръ олькушскаго суда: бѣдный портной былъ казненъ, а другіе евреи отпущены на волю.

Такъ закончился послѣдній ритуальный процессъ въ Польшѣ [1].

Д-ръ **М. Балабанъ**.

---

[1]) Источники: Областной Архивъ въ Краковѣ, Teutonicalia, т. 116, стр. 7—25, 38—42, 91—96, 106—110, 152—3. Stanisław Wodzicki, Wspomnienia z przeszlości. 1768—1840, Краковъ, 1813, стр. 197—205. Характерно, что Водзицкій въ заключеніи своихъ записокъ высказываетъ сомнѣніе насчетъ того, чтобы всѣ евреи употребляли христіанскую кровь, и утверждаетъ, что „существуетъ нѣкая секта хассидовъ, которые вопреки Моисееву закону, жаждутъ для совершенія своихъ обрядовъ христіанской крови". Мы встрѣчаемся здѣсь впервые съ тѣмъ обвиненіемъ противъ хассидовъ, которое повторяется въ процессѣ Бейлиса.

[Послѣднимъ ритуальнымъ прецессомъ въ Польшѣ, въ строгомъ смыслѣ, нельзя назвать Олькушское дѣло 1787 года. Еще въ 1790 г. въ Гроднѣ былъ казненъ по ритуальному обвиненію р. Элеазаръ Вербловеръ, также вопреки желанію короля Станислава Августа. См. עיר גבורים Фриденштейна (Вильно, 1891) и „Регесты и надписи", т. III, № 2368.—Ред.].

Проекты реформы еврейскаго быта въ Польшѣ въ концѣ XVIII вѣка *).

4. Сеймовая „депутація" по еврейскому вопросу.

Къ назначенію сеймовой „депутаціи" (комиссіи) для разсмотрѣнія еврейскаго вопроса приступлено было лишь 19 іюня 1790 года, по настоянію Бутримовича. 22 іюня сеймъ избралъ „депутацію для разсмотрѣнія проекта реформы еврейскаго быта". „Въ виду того—такъ гласитъ резолюція [1],—что народъ еврейскій, нынѣ очень многочисленный въ областяхъ нашей Рѣчи Посполитой, нуждается для устроенія своего въ реформахъ, и составленный съ этой цѣлью проектъ нынѣ обсуждается,—мы, желая этотъ проектъ разсмотрѣть, усовершенствовать и подготовить къ утвержденію, назначаемъ депутацію (въ слѣдующемъ составѣ): отъ сената—предсѣдатель, коронный подканцлеръ и холмскій епископъ Гарнышъ, луковскій каштелянъ Езерскій и витебскій каштелянъ Фелькерзамбъ; отъ дворянскаго сословія: отъ Малой Польши—люблинскій депутатъ Выбрановскій и брацлавскій депутатъ Холонѣвскій; отъ Великой Польши—познанскій депутатъ Закжевскій и сѣрадзскій—Валевскій; отъ Литвы—новогрудскій депутатъ Берновичъ и пинскій—Бутримовичъ. Означенные вельможные и благородные депутаты разсмотрятъ упомянутый проектъ и обсудятъ, а также прочтутъ и разберутъ замѣчанія насчетъ этого проекта, сдѣланныя какъ разными гражданами, такъ и самими евреями, потолкуютъ и посовѣтуются съ болѣе просвѣщенными евреями относительно усовершенствованія этого проекта и успѣшнаго проведенія реформы, и сей трудъ свой не позже, чѣмъ черезъ четыре недѣли, сообщать для рѣшенія сейму".

Засѣданія комиссіи однако продолжались дольше, чѣмъ пред-

---

*) См. Евр. Стар. вып. III, стр. 206—218.

[1]) Volumina legum t. IX, p. 177—78.

полагалось. Комиссія получила массу проектовъ реформы еврейскаго быта. Особенный интересъ представляетъ безымянный проектъ, подъ названіемъ „Катехизисъ о евреяхъ и неофитахъ (франкистахъ), чѣмъ они теперь являются и что съ ними сдѣлать". Указывая, что евреи не приносятъ пользы странѣ и „живутъ обманомъ", авторъ-юдофобъ требуетъ немедленныхъ мѣръ къ тому, чтобы лишить ихъ возможности „обманывать и спаивать крестьянъ". Онъ требуетъ, чтобы правительство отняло у евреевъ религіозную автономію, вмѣшалось въ выборы раввиновъ, отмѣнило поголовный налогъ и употребленіе древне-еврейскаго языка, обязало евреевъ обучаться въ польскихъ школахъ и предписало имъ избрать одно изъ трехъ занятій—торговлю, земледѣліе или ремесло. При этомъ авторъ дѣлаетъ оговорку, что „евреи могутъ селиться въ городахъ, но лишь въ тѣхъ, съ которыми состоялось соглашеніе". Проектъ этотъ отличается отъ другихъ лишь тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ рѣзкія нападки на евреевъ, противорѣчащія его же общей тенденціи, направленной къ „реформѣ" еврейскаго быта. Авторъ впрочемъ твердо вѣритъ, что обязательное выполненіе цѣлаго ряда повинностей по отношенію къ государству должно оказать вліяніе на еврея: если даже душа его не подвергнется коренной перемѣнѣ, то во всякомъ случаѣ исчезнутъ нѣкоторыя черты характера, дѣлающія нынѣшняго еврея „вреднымъ членомъ" государства. Авторъ проекта былъ очень далекъ отъ гуманистическихъ началъ вѣка; онъ не выставляетъ, подобно другимъ, принципа равенства всѣхъ передъ закономъ, а держится утилитарнаго принципа въ самомъ узкомъ его смыслѣ: нужно, чтобы поляки извлекали пользу изъ евреевъ.

Въ концѣ „катехизиса" онъ обращается прямо къ королю: „Я вѣрю, что энергичныя старанія и труды мудрѣйшаго изъ королей, Станислава Августа, урегулируютъ бытъ евреевъ вкупѣ съ неофитами, такъ чтобы они больше не приносили вреда городамъ и, занимаясь промыслами и обработкой земли, превратились въ полезныхъ гражданъ страны,—въ чемъ Господь да поможетъ намъ—аминь"!

Иначе взглянулъ на дѣло Гуго Коллонтай. Онъ тоже интересовался еврейскимъ вопросомъ и доказывалъ въ литературѣ, что необходимо заняться урегулированіемъ положенія евреевъ. Но Коллонтай былъ сыномъ своего времени; онъ воспитался на философіи Локка, на произведеніяхъ Монтескье и Руссо. Въ 1790 г. онъ издалъ книгу „Prawo polityczne narodu polskiego czyli układ rządu Rzeczypospolitej". Въ предисловіи къ этой книгѣ

авторъ говоритъ: „Личность и охрана ея интересовъ являются для меня основой всего зданія государства". „Каждый человѣкъ—родившійся въ Польшѣ, живущій въ ней или пришлецъ—долженъ быть свободенъ и увѣренъ въ неприкосновенности своей личности и своего имущества". Становясь на эту точку зрѣнія, онъ указываетъ „основные и непоколебимые законы, обезпечивающія права личности", и стремится уравнять передъ законами всѣ исповѣданія, полагая, что разница вѣръ не можетъ препятствовать гражданамъ повиноваться единой государственной власти. При этомъ Коллонтай дѣлаетъ одну лишь оговорку: слѣдуетъ запретить некатоликамъ поддерживать политическія сношенія съ народностями, чуждыми и враждебными Польшѣ. Проектируемые законы о евреяхъ имѣютъ цѣлью съ одной стороны уничтожить ихъ прежній автономный строй, а съ другой—защитить ихъ отъ преслѣдованій со стороны польскаго общества, всегда охотно нападающаго на евреевъ и считающаго ихъ стоящими внѣ закона. Считая необходимымъ сближеніе евреевъ съ поляками и отмѣну всѣхъ, бременемъ ложащихся на народъ, кагальныхъ податей, авторъ проекта требуетъ уничтоженія кагаловъ и прикагалковъ и учрежденія на ихъ мѣстѣ другихъ институтовъ, вѣдающихъ еврейскія дѣла; такимъ институтомъ является въ первой инстанціи духовный судъ; апеляція на приговоръ этого суда направляется въ воеводскую комиссію. Кагальные старшины, избираемые еврейскимъ населеніемъ, должны представить свидѣтельство объ окончаніи польской школы и знаніи „логики и естественнаго права". Коллонтай выступаетъ противъ кары раввинскаго отлученія (херемъ) и требуетъ, чтобы всѣ приговоры суда и документы еврейской общины писались по польски. Онъ находитъ нужнымъ запретить „синагогамъ и другимъ еврейскимъ общиннымъ учрежденіямъ" совершать займы. Евреямъ должно быть предоставлено право заниматься земледѣліемъ, торговлей и ремесломъ, но слѣдуетъ строго запретить имъ держать корчмы какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ. Бродяжничества нельзя допускать: бродяги стоятъ внѣ закона, ихъ слѣдуетъ ловить и заставлять исполнять самую черную работу [1]).

Всѣ подобные проекты и бродившія въ обществѣ идеи не могли не оказать вліянія на проектъ, выработанный самой еврейской комиссіей въ началѣ 1791 г. Это—одинъ изъ самыхъ обширныхъ и тщательно разработанныхъ проектовъ. Здѣсь принято

---

[1]) Mysli polityczne. Listy Anonyma, t. IV, p.p. XIII, 163, 165 etc.

во вниманіе все, что—какъ тогда казалось—можетъ привести къ такому „устроенію сего народа, которое наиболѣе могло бы улучшить его обычаи и увеличить полезность его для страны".

Проектъ состоитъ изъ шести главъ, изъ которыхъ первая, третья, четвертая и пятая посвящены вопросамъ религіи и общинной автономіи евреевъ; во второй главѣ идетъ рѣчь о пріобщенія ихъ къ гражданской жизни, о выборѣ профессіи, школьномъ дѣлѣ и судѣ второй инстанціи. Шестая глава трактуетъ о судахъ, разбирающихъ тяжбы между евреями и христіанами. Авторы проекта считаютъ евреевъ вѣроисповѣдной группой, имѣющей право свободно исполнять свои религіозныя обязанности, и требуютъ, чтобы законъ запретилъ клеймить ихъ эпитетомъ „невѣрные" (какъ было принято въ оффиціальныхъ бумагахъ). Эта вѣроисповѣдная обособленность евреевъ вызываетъ необходимость созданія особой для нихъ организаціи; здѣсь авторы проекта расходятся съ „Катехизисомъ", Коллонтаемъ, отчасти и Бутримовичемъ, такъ какъ оставляютъ неприкосновеннымъ кагальный строй, требуя, чтобы каждый еврей приписанъ былъ къ какому нибудь кагалу.

Въ составъ кагальнаго управленія входятъ старшины, учитель, духовныя лица, писарь, школьники, цирюльники, служки, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется не менѣе пятидесяти зажиточныхъ семействъ, въ составъ кагала входитъ и врачъ. Глава, практикующая о кагалѣ, содержитъ въ себѣ подробныя предписанія относительно формы еврейскихъ общинныхъ засѣданій, выборовъ старшинъ, характера дѣятельности каждаго изъ кагальныхъ чиновниковъ. Кагалъ обязанъ производить перепись еврейскаго населенія, слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый еврей окончилъ низшую польскую школу, взимать подати въ пользу казны и т. п. Наряду съ этимъ кагалъ избираетъ изъ своей среды трехъ судей и писаря, которые составляютъ еврейскій судъ первой инстанціи и получаютъ жалованье, установленное комиссіей полиціи. Слѣдующей—аппеляціонной—инстанціей является другой еврейскій судъ, т. наз. окружный, или же городской судъ, а затѣмъ—коллегія ассесоровъ. Споры между христіанами и евреями разбираются въ областномъ судѣ.

Такова въ общихъ чертахъ организація еврейскаго суда и общиннаго самоуправленія; при этомъ проектъ, разумѣется, подчеркиваетъ, что языкомъ оффиціальныхъ бумагъ долженъ быть польскій.

Въ главѣ о религіи проектъ, разсматривая вопросъ объ отношеніи христіанскаго общества къ неофитамъ, строго запрещаетъ насильственно крестить дѣтей моложе 12 лѣтъ безъ разрѣшенія родителей. Въ той же главѣ идетъ рѣчь о погребеніи умершихъ: запрещается приступать къ погребенію ранѣе, чѣмъ черезъ 24 часа послѣ смерти.

Евреямъ, разумѣется, предписывается носить польскую одежду; вопросъ о бритьѣ бороды предоставляется каждому рѣшать какъ ему угодно.

Въ отдѣлѣ, трактующемъ о „гражданскомъ существованіи" евреевъ, проектъ ставитъ ихъ подъ опеку закона, гарантируетъ имъ неприкосновенность личности и имущества, разрѣшаетъ заниматься ремесломъ, земледѣліемъ, торговлей, хотя лишь „съ дозволенія мѣстныхъ властей", строить фабрики и дома, пріобрѣтать въ собственость мастерскія, устраивать больницы и рабочіе дома; владѣть землю евреи не имѣютъ права — имъ разрѣшается брать землю только въ пожизненную или вѣчную аренду. Каждый еврей долженъ имѣть опредѣленную профессію; свидѣтельство о томъ, что онъ занимается своей профессіей, долженъ выдавать ему кагалъ. Проектъ не запрещаетъ евреямъ продавать крѣпкіе напитки и заниматься въ городахъ шинкарствомъ, но лишь „съ разрѣшенія магистратовъ". На основаніи свидѣтельствъ о профессіи, выдаваемыхъ кагалами, все еврейское населеніе дѣлится на пять классовъ. Къ первому принадлежатъ люди, занимающіеся земледѣліемъ или продающіе фабричные товары на сумму свыше 1000 злотыхъ ежегодно; ко второму—купцы, банкиры, ростовщики, мастера; къ третьему — учителя, торговцы, комиссіонеры; къ четвертому—владѣльцы недвижимости, цѣнность которой не превышаетъ 1000 злотыхъ, слуги, мелкіе торговцы, корчмари, арендаторы; къ пятому—нищіе и лица, неспособныя къ труду.

5. Агитація по поводу сеймоваго проекта.

Проектъ сеймовой комиссіи *) былъ представленъ королю, но не былъ заслушанъ въ засѣданіяхъ сейма, занятаго выработкою знаменитой конституціи 3-го мая. Тѣмъ временемъ въ сеймѣ обсуждался проектъ городоваго положенія. 18 апрѣля 1791 г. представленъ былъ законопроектъ о городахъ, касавшійся отчасти

*) Проектъ напечатанъ у В. Смоленскаго, н. с., изъ архива Росси.

и евреевъ. Согласно этому законопроекту, розничная торговля разрѣшается лишь тому, кто считается обывателемъ даннаго города, причемъ обывателемъ, гражданиномъ, признается только лицо христіанскаго исповѣданія. Такъ готовился страшный экономическій ударъ для евреевъ и воздвигалась преграда къ осуществленію рѣшеній „еврейской“ комиссіи.

Въ засѣданіи сейма 24 мая 1791 г. Потоцкій предложилъ утвердить на дальнѣйшее время высокій размѣръ еврейскаго поголовнаго налога, установленный въ 1790 г. Противъ этого выступилъ Бутримовичъ, настаивавшій на необходимости поскорѣе разсмотрѣть проектъ комиссіи. Въ отвѣтъ на это предложеніе брацлавскій депутатъ Холонѣвскій заявилъ, что проекты комиссіи и Бутримовича несовмѣстимы съ мѣстными отношеніями, господствующими въ Малой Польшѣ. Онъ представилъ при этомъ свой собственный проектъ, вслѣдствіе чего обсужденіе вопроса снова затянулось [1]).

Между тѣмъ мѣщанство, таившее постоянную злобу противъ евреевъ, избрало депутатовъ и поручило своему представителю отъ варшавскаго округа настаивать въ сеймѣ на удаленіи „зловредныхъ евреевъ“. „Дабы опека правительства не распространялася на этихъ людей, представитель, въ соотвѣтствіи съ предписаніями статутовъ, долженъ добиваться, чтобы на евреевъ возложить обязанность обрабатывать землю“ (внѣ городовъ).

Осенью 1791 г. въ Варшаву стали съѣзжаться съ разныхъ мѣстъ представители еврейскаго населенія—повидимому, по приглашенію самого короля, который рѣшилъ серьезно заняться реформированіемъ еврейскаго быта. Евреи ведутъ переговоры съ королевскимъ секретаремъ Піатоли, избираютъ изъ своей среды трехъ старшинъ и уполномочиваютъ ихъ вступать въ договоры.

„По всей вѣроятности— говоритъ русскій посланникъ Булгаковъ — евреямъ обѣщали улучшить ихъ положеніе, надѣясь выжать изъ нихъ деньги“. „Ксендзъ Піатоли — разсказываетъ Булгаковъ во второй половинѣ декабря 1791 г.[2])—занятъ разработкой проекта о дарованіи евреямъ гражданскихъ правъ. Евреи щедро за это заплатятъ; ходятъ слухи, что они уже уплатили огромную сумму, причемъ даже самые горькіе бѣдняки внесли свою лепту. Среди евреевъ, которые бываютъ у Піатоли, встрѣчаются и иноземцы, одѣтые на нѣмецкій ладъ, которые привезли

---

[1]) Smolenski, Ostatni rok etc., p. 330.

[2]) Kalinka, Ostatnie lata Stan. Augusta: Dziennik Bulhakowa, p. 280 ss.

съ собой огромныя суммы для покупокъ... Нѣкоторыя говорятъ, что они обѣщаютъ дать эти деньги королю, если онъ дастъ евреямъ гражданскія права. Піатоли ведетъ съ ними переговоры при закрытыхъ дверяхъ. Обѣщанныя суммы доходятъ якобы до трехъ, а по нѣкоторымъ слухамъ до двадцати, милліоновъ злотыхъ польскихъ; этому, впрочемъ, трудно вѣрить. Піатоли пишетъ теперь для нихъ докладную записку, въ которой представители просятъ, чтобы евреи составляли особый классъ, имѣли право покупать дома и участки земли въ городахъ и т. п. Депутаты сейма бранятъ за это Піатоли. Евреи такъ далеки были отъ того, чтобы предъявлять всѣ эти требованія по собственному побужденію, что во многіе уѣздные города приходилось посылать людей отъ имени короля и созывать евреевъ, не знавшихъ, зачѣмъ ихъ зовутъ".

Польское мѣщанство, узнавъ, что еврейскій вопросъ долженъ вскорѣ стать предметомъ сеймовыхъ дебатовъ, поспѣшило высказать свое мнѣніе по этому поводу. Еще въ октябрѣ 1791 г. товарищество варшавскихъ купцовъ представило магистрату записку подъ названіемъ „Основанія къ проекту устройства евреевъ" („Zasady do projektu urządzenia Żydów [1]), съ просьбой передать эту записку въ сеймъ. Записка разсматриваетъ города трехъ родовъ: 1) королевскіе города, имѣющіе привилегіи de non tolerandis judeis, 2) города, дающіе евреямъ право incolatum по соглашенію, 3) города и деревни, въ которыхъ законъ не запрещаетъ проживать евреямъ. Что касается городовъ перваго типа, то купцы просятъ объ утвержденіи для нихъ прежнихъ сеймовыхъ рѣшеній, запрещающихъ евреямъ проживать здѣсь и вести торговлю; особенно усиленно добивается этого варшавское купечество, ссылающееся на цѣлый рядъ декретовъ, утверждающихъ привилегированное положеніе города Варшавы по отношенію къ евреямъ. Оно ссылается также на то, что столичное купечество добровольно пожертвовало въ казну Рѣчи Посполитой 400.000 злот. „въ пріятной надеждѣ, что добьется полнаго удаленія отсюда евреевъ на основаніи правъ своихъ и привилегій". Далѣе, авторы записки предлагаютъ, чтобы въ городахъ, дающихъ евреямъ incolatum, могло жить лишь ограниченное число евреевъ; послѣдніе, желая поселиться въ городѣ, должны исходатайствовать разрѣшеніе у магистрата; они имѣютъ право держать только одну лавку или мастерскую, имѣть свои

---

[1]) Deiches, Zydzi w czasie Seymu W., прибавленіе.

цехи и братства, носить европейскую одежду и брить бороды. Еврей, получившій право incolatum, можетъ пріобрѣсти въ собственность участокъ земли, стоимость котораго опредѣляется въ зависимости отъ величины города. Въ городахъ I класса такой участокъ долженъ стоить не болѣе 24.000 злот., II класса—8.000, III—4.000. Въ городахъ и селахъ, гдѣ евреямъ разрѣшается безпрепятственно проживать, ремесленники несутъ отвѣтственность передъ городскими судами за плохое исполненіе работы; бродягъ же слѣдуетъ принуждать къ общественнымъ работамъ. Краковское купечество одобрило этотъ проектъ и послало отъ себя 3 декабря 1791 г. добавочную петицію въ сеймъ, прося, чтобы евреямъ запрещено было проживать и вести торговлю въ Краковѣ, за исключеніемъ предмѣстья Казимежа.

Вслѣдствіе настояній Бутримовича, сеймъ вернулся къ обсужденію положенія евреевъ въ засѣданіи 30 декабря 1791 г. 13 января 1792 г. была назначена новая комиссія по еврейскому вопросу. Теперь приходилось уже считаться съ вошедшей въ силу конституціей 3-го мая, уравнившей мѣщанъ въ правахъ съ дворянствомъ; нужно было при выработкѣ новаго проекта принять во вниманіе требованія всѣхъ сословій. Поэтому въ составъ второй комиссіи вошли также три представителя отъ городовъ: Лапальскій, Лышкевичъ и Фергисъ. Кромѣ того, вмѣсто Гарныша, назначенъ былъ предсѣдателемъ комиссіи ксендзъ Гуго Коллонтай, коронный подканцлеръ. Изъ числа сенаторовъ вошелъ въ составъ комиссіи воевода виленскій Радзивилъ; изъ рыцарскаго сословія—шамбелянъ Линовскій, стольникъ литовскій кн. Чарторыскій и подчашій Гостынскій. Этой комиссіи поручено было произвести подсчетъ долгамъ еврейскихъ общинъ и выработать новый проектъ реформы. Окончательный отчетъ о своей дѣятельности она должна была представить 31 мая 1792 года.

6. Проекты Полонуса и Станислава Августа.—Финалъ.

Въ 1792 г. появился проектъ реформы, принадлежавшій перу нѣкоего Полонуса *). Авторъ проекта исходитъ изъ того, что Польша должна воспользоваться услугами евреевъ, чтобы увеличить свой ввозъ и вывозъ; а для того, чтобы евреи-торговцы могли въ Европѣ появляться въ приличномъ видѣ, онъ предлагаетъ имъ измѣнить свою внѣшность въ духѣ проекта Бутримовича, брить бороды и учиться польскому языку въ польскихъ

*) Музей кн. Чарторійскихъ, рукоп. № 1408.

школахъ. Что касается внутренней автономіи, авторъ предлагаетъ сохранить кагальныя учрежденія, но ограничить власть раввина сферой чисто-религіозныхъ дѣлъ. Какъ и авторы другихъ проектовъ, онъ предлагаетъ разрѣшить евреямъ за опредѣленную плату пріобрѣтать пахотную землю и дозволить имъ въ теченіе шести лѣтъ—пока они сами научатся пріемамъ земледѣлія—держать у себя христіанскихъ слугъ и батраковъ. Онъ полагаетъ, что евреи должны подлежать юрисдикціи городскихъ или областныхъ судовъ съ правомъ аппеляціи въ ассесорскій судъ. Проектъ Полонуса содержитъ требованіе, чтобы евреи принимались на военную службу, а послѣ пятилѣтней службы, въ награду за заслуги получали право гражданства въ странѣ; лицамъ же, не находившимся на военной службѣ, титулъ гражданина дается въ награду за двѣнадцатилѣтнюю полезную дѣятельность на какомъ-либо поприщѣ. Таковъ отвѣтъ, который даетъ авторъ на первый свой вопросъ: „какъ правительство должно поступить съ евреями?"

Второй отдѣлъ озаглавленъ: „Какъ должна поступить съ евреями страна?" Здѣсь авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы поляки духовнаго званія не распространяли предразсудковъ и ненависти къ евреямъ, но учили молодежь любви къ ближнему по Евангелію и старались опровергнуть злостный вымыселъ, будто евреи употребляютъ христіанскую кровь съ ритуальными цѣлями. Онъ требуетъ, въ отличіе отъ другихъ сочинителей проектовъ, чтобы евреямъ разрѣшалось вступать въ общіе цехи и арендовать корчмы, оговариваясь лишь, что „помѣщикъ долженъ запретить продавать крестьянамъ крѣпкіе напитки и назначить, сколько порцій имѣетъ право корчмарь продавать, дабы удержать народъ отъ пьянства".

Если всѣ эти благодѣянія осуществятся, то евреи, по мнѣнію автора, будутъ считать себя нравственно обязанными отблагодарить народъ и страну, въ которой они живутъ, и освободятся отъ „предразсудковъ, страха, обособленія, а будутъ жить со всѣми въ дружбѣ, честно и открыто", научатся уважать государственные законы, любить родину и не будутъ пребывать въ тунеядствѣ, но изберутъ себѣ какое нибудь занятіе, приносящее выгоду странѣ. Автономія общины должна быть сохранена, старшины назначаются по выборамъ. Мужчина не имѣетъ права вступить въ бракъ ранѣе 18-и лѣтъ, а женщина—ранѣе 16-и. Евреи платятъ подати наравнѣ съ христіанами, пропорціонально своимъ доходамъ, т. е. въ зависимости отъ того, къ какому классу при-

надлежать. Весь народъ дѣлится на четыре класса: 1) богачи, т. е. лица, владѣющія имуществомъ стоимостью въ 1000 червонцевъ золотомъ, или получающія 3000 злотыхъ годового дохода; 2) люди средняго достатка, получающіе доходъ въ 500 злот. въ видѣ процента или личнаго заработка; 3) простонародье, напр. „ремесленники, извозчики"; 4) бѣдняки, коихъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи: одни должны быть взяты въ солдаты, другіе—заняться земледѣліемъ.

„Такимъ образомъ—заканчиваетъ авторъ,—еврейскій народъ станетъ болѣе просвѣщеннымъ, принесетъ пользу странѣ, и изъ всѣхъ людей составится одинъ народъ, средоточіемъ коего будетъ Богъ и къ созданію котораго будутъ стремиться всѣ народности. Этого горячо желаетъ авторъ проекта".

Это былъ послѣдній голосъ „со стороны" по вопросу о реформѣ еврейскаго народа въ независимой Рѣчи Посполитой. Между тѣмъ сеймовая комиссія, принявъ во вниманіе всѣ эти заявленія, выработала свой проектъ, носившій нѣсколько странное названіе: „Правительственный проектъ или проектъ Станислава Августа" *). Здѣсь собраны „мысли относительно организаціи евреевъ, приспособленной по мѣрѣ возможности къ интересамъ Рѣчи Посполитой", и разсмотрѣно положеніе евреевъ въ Коронѣ и Литвѣ „въ семи отношеніяхъ: 1) въ отношеніи религіи, 2) просвѣщенія, 3) общинной организаціи, 4) роста населенія, 5) рода занятій, 6) политическихъ и судебныхъ учрежденій, 7) обязанностей по отношенію къ государству".

Проектъ подробно останавливается на вопросѣ автономіи еврейской общины и утверждаетъ прежнее дѣленіе на кагалы; каждый кагалъ долженъ имѣть хотя бы одну синагогу. Еврейское населеніе выбираетъ кагальныхъ старшинъ на три года и обязано повиноваться этимъ выборнымъ чиновникамъ. Выборы должны происходить въ присутствіи члена гражданско-военной комиссіи, которой принадлежитъ высшій надзоръ за общиной. Каждый еврей обязанъ, сообразно своему имущественному положенію, покрывать расходы кагала. Во главѣ общины стоитъ равввинъ, избираемый населеніемъ такъ же, какъ и кагальные стар-

*) Изданъ Гумпловичемъ, который полагаетъ, что это проектъ правительства. Мацѣевскій убѣжденъ, что это анонимный проектъ, переданный въ комиссію Горг. Пекарскимъ. Балабанъ доказываетъ, что онъ не составленъ въ канцеляріи Стан. Августа, а является дословнымъ переводомъ „патента" императора австрійскаго Іосифа II. [Ср. **Евр. Старина** 1911 г., стр. 451—52].

шины, причемъ Гражданско-военная комиссія пользуется правомъ вмѣшательства въ выборы. Выборы происходятъ разъ въ шесть лѣтъ. Раввина могутъ имѣть лишь общины тѣхъ городовъ, гдѣ имѣется Гражданско-военная комиссія; въ другихъ общинахъ его мѣсто занимаетъ законоучитель или „школьникъ" (синагогальный староста). На обязанности раввина и школьника лежитъ регистрація рожденій, смертей и браковъ, а также надзоръ надъ кошернымъ убоемъ скота.

При каждой синагогѣ должна быть школа для еврейскихъ дѣтей, устроенная по образцу, выработанному Эдукаціонной комиссіей; въ этой школѣ еврейскія дѣти должны обучаться и польскому языку. Для того, чтобы заняться изученіемъ Талмуда, а также для вступленія въ бракъ, необходимо представить свидѣтельство объ окончаніи польской школы. Безъ этого свидѣтельства нельзя также занять постъ раввина. Еврейской молодежи предоставлена еще возможность готовиться въ учительской семинаріи къ педагогической дѣятельности.

Проектъ признаетъ необходимымъ вести точную статистику еврейскаго населенія Польши: для этого должны производиться переписи, и кагалы должны слѣдить за всѣми перемѣнами въ составѣ семействъ.

Еврей можетъ выселиться изъ даннаго города лишь съ разрѣшенія общинныхъ старшинъ. Жители одного города могутъ поселиться въ другомъ лишь въ качествѣ купцовъ, ремесленниковъ или земледѣльцевъ, а шататься по улицамъ безъ всякаго дѣла не дозволяется. Евреи вообще обязаны избирать для себя опредѣленный родъ занятій: торговлю, земледѣліе или ремесло. Евреи, занимающіеся земледѣліемъ, получаютъ награду; купцы, ведущіе торговлю въ городахъ, имѣющихъ особыя привилегіи, должны заключать договоры съ магистратами и уплачивать особую подать за право заниматься торговлей. Евреямъ не разрѣшается продавать въ шинкахъ водку, пиво, вино, медъ, но дозволяется имѣть пивоваренные заводы и продавать напитки бочками.

Судебная власть отнимается у кагаловъ окончательно. Еврейскія дѣла въ первой инстанціи разбираетъ Военно-гражданская комиссія, а въ послѣдней—Комиссія полиціи. Евреи, живущіе въ городахъ, подлежатъ юрисдикціи войтовъ съ правомъ аппеляціи во второй инстанціи къ окружному суду, а въ третьей—къ суду ассесорскому. Жалобы, подаваемыя въ судъ, должны быть

написаны, конечно, на польскомъ языкѣ. Право носить особую одежду предоставляется только раввинамъ.

За всѣ эти „благодѣянія" евреи обязуются нести военную повинность, уплачивать подати протекціонную и на предметы потребленія, не считая лично-подоходнаго налога и налога на кошерное мясо.

Проектъ долженъ былъ обсуждаться во время майской сессіи сейма 1792 г. Но противъ этого выступилъ князь Чарторыскій, литовскій стольникъ, заявившій, что онъ никогда не согласится на то, чтобы проектъ, который является „источникомъ частныхъ выгодъ" (?), былъ прочитанъ и подвергнуть обсужденію въ палатѣ. Тогда Коллонтай, посовѣтовавшись съ королемъ, предложилъ двадцати еврейскимъ уполномоченнымъ представить Комиссіи полиціи записку, содержащую слѣдующія требованія: 1) чтобы евреи, которымъ разрѣшено жительство въ вольныхъ городахъ, представляли свои тяжбы на разсмотрѣніе не магистрату, а Гражданско-военнымъ комиссіямъ или областнымъ судамъ; 2) чтобы законъ защищалъ ихъ отъ преслѣдованій мѣщанъ; 3) чтобы евреямъ, проживающимъ на городской землѣ, не повышали произвольно чинша, чтобы Комиссія полиціи не обременяла ихъ особыми поборами, чтобы ихъ не заставляли нести бремя военнаго постоя въ большей мѣрѣ, чѣмъ христіанъ; 3) чтобы они могли имѣть въ городахъ пивоваренные заводы и бани; 5) чтобы имѣли право держать христіанскую прислугу; 6) чтобы правительство приняло и евреевъ подъ свою защиту [1]).

Комиссія полиціи положила 4 мая 1792 г. слѣдующую резолюцію по этому поводу: 1) На основаніи правъ, принадлежащихъ городамъ, евреи обязаны подчиняться распоряженіямъ полиціи и мѣстныхъ судебныхъ властей до тѣхъ поръ, пока сеймъ не издастъ относительно этого новыхъ законовъ; это однако не препятствуетъ имъ улаживать свои споры путемъ полюбовной сдѣлки передъ судомъ своихъ старшинъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы приговоръ былъ внесенъ въ магистратскія книги. 2) Жалобы на притѣсненія евреевъ полиція передала высшимъ городскимъ властямъ, назначивъ срокъ отвѣта 24 іюня 1792 г. 3) Требованіе, изложенное выше въ пунктѣ 3-мъ (о чиншѣ), комиссія признала заслуживающимъ полнаго удовлетворенія, такъ какъ оно находится въ соотвѣтствіи съ законодательствомъ о городахъ. 4) На содержаніе пивоваренъ и бань комиссія разрѣшенія не даетъ. 5) Раз-

[1]) Smolenski, Ostatni rok etc., p. 330.

рѣшается держать христіанскую прислугу. Такъ какъ послѣ провозглашенія конституціи 3 мая опека правительства распространяется на всѣхъ жителей страны, а слѣдовательно и на евреевъ, то комиссія признала, что законъ neminem captivabimus nisi jure victum (о неприкосновенности личности) относится и къ евреямъ.

Такимъ образомъ, еврейскій вопросъ получилъ частичное и временное разрѣшеніе. Можно было еще надѣяться, что вопросъ этотъ вскорѣ станетъ предметомъ сеймовыхъ преній. Ксендзъ Гуго Коллонтай еще долго занимался имъ, велъ о немъ бесѣды, а 19 мая пригласилъ къ себѣ на обѣдъ еврейскую депутацію. 24 мая онъ пишетъ королю: „Вчера была такая страшная жара, что я не могъ ничего писать по еврейскому вопросу; на завтра проектъ будетъ готовъ" [1])

29 мая 1792 г. луковской каштелянъ Езерскій напомнилъ въ засѣданіи сейма о проектѣ, выработанномъ сеймовой комиссіей. Ему однако не дали высказаться, и проектъ, несмотря на всѣ усилія, такъ и не былъ прочитанъ.

Единственнымъ результатомъ работъ Четырехлѣтняго сейма по еврейскому вопросу осталась вышеупомянутая розолюція Комиссіи полиціи, которая замѣнила для евреевъ судъ воеводы враждебнымъ еврейству городскимъ судомъ, распространила на евреевъ законъ neminem captivabimus и отмѣнила церковныя постановленія, запрещающія евреямъ держать христіанскую прислугу. Но важнѣйшаго вопроса, вопроса о свободѣ промысловъ, комиссія не разрѣшила, предоставивъ это юдофобски настроеннымъ магистратамъ. Какъ разрѣшили этотъ вопросъ магистраты— мы знаемъ изъ злоключеній евреевъ въ польскихъ городахъ въ позднѣйшее время.

Такъ закончились засѣданія Четырехлѣтняго сейма. Сеймъ этотъ не далъ евреямъ ничего положительнаго.

Д-ръ **Елена Геккеръ.**

---

[1]) Dzien. Ekon 1792 г.

Общественныя настроенія «эпохи великихъ реформъ»*).

X.

Съ 1859 года, когда еврейскимъ купцамъ предоставлено было право жительства внѣ черты осѣдлости, еврейская періодическая печать все чаще дѣлится съ читателями извѣстіями о новыхъ облегченіяхъ правового положенія евреевъ. Эти облегченія, какъ извѣстно, были частичными, подчасъ очень мизерными. Но одна замѣна въ правительственныхъ распоряженіяхъ о евреяхъ неотъемлемаго раньше слова „воспрещается" словомъ „дозволяется", ободряюще дѣйствовало на еврейское общество. Это настроеніе характеризуется въ первомъ номерѣ „Разсвѣта": „Мы находимся теперь въ положеніи людей, которые, послѣ многихъ и многихъ препятствій, очутились, наконецъ, на пути въ какое нибудь мѣсто, куда они давно и пламенно стремились. Пріятно убаюканные движеніемъ и отуманенные радостью, они не довольно пристально вглядываются въ несущіеся мимо нихъ предметы, и всякій колъ или шестъ на дорогѣ могутъ принять за верстовой столбъ, всякую избу и сторожку за почтовую станцію. Такимъ образомъ они сочтутъ себя уже далеко отъѣхавшими, когда въ сущности они еще очень близки къ мѣсту отправленія". „Разсвѣтъ" совѣтуетъ своимъ читателямъ пристально всматриваться въ движущіеся передъ ихъ глазами предметы, а также имѣть въ виду, что ихъ движеніе не подчинено „неизмѣннымъ законамъ". Послѣднее примѣнимо только къ явленіямъ природы. „Другое дѣло—предметы, одушевленные, одаренные произволомъ. Относительно нихъ самыя вѣроятныя предсказанія часто опровергаются послѣдующими фактами".

Однако, такое критическое отношеніе къ своей эпохѣ очень рѣдко встрѣчается у ея современниковъ. Еще рѣже выступаетъ оно

*) См. „Евр. Стар." 1914 г., вып. II.

въ корреспонденціяхъ тогдашнихъ изданій. Особенно радостны сообщенія съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ смягченіе еврейскаго безправія чувствовалось въ дѣйствительности. Таковы корресподенціи изъ Кіева, гдѣ евреямъ разрѣшили временное жительство. „Кто бы предсказалъ намъ, восклицаетъ корреспондентъ „Гакармеля“ (1862 г., № 16), что Кіевъ, мать русскихъ городовъ, гдѣ недавно появленіе еврея было строго запрещено, теперь станетъ защитой и гостепріимнымъ убѣжищемъ для евреевъ!“. Другой корреспондентъ передаетъ о своемъ восторгѣ, когда онъ услышалъ на кіевскихъ улицахъ еврейскую рѣчь, взаимныя привѣтствія выходцевъ черты и т. д. (1863 г. № 34). Такія же восторженныя изліянія души въ связи съ поселеніемъ евреевъ въ Кіевѣ мы встрѣчаемъ и въ „Гамелицѣ“ (62 г. № 4).

Разрѣшеніе евреямъ жить въ уѣздномъ городѣ Трокахъ (возлѣ Вильны) вызвало радость не только у тѣхъ, которые этимъ воспользовались, но и общія надежды на дальнѣйшее расширеніе правъ евреевъ. Жившіе въ Трокахъ караимы тепло приняли переселенцевъ. Заглохшія улицы оживились группами празднично одѣтыхъ евреевъ, переселившихся въ числѣ 250 человѣкъ изъ Вильны. Они были приглашены въ караимскую синагогу, гдѣ караимскій хазанъ и еврейскій раввинъ произнесли соотвѣтствующія рѣчи (по татарски и по еврейски), послѣ чего состоялось еще торжественное собраніе евреевъ и караимовъ (съ участіемъ мѣстнаго начальства); здѣсь раввиномъ произнесена была рѣчь, изъ которой приведемъ наиболѣе характерныя мѣста. „Еще не успѣли виленскіе евреи порадоваться указомъ, открывшимъ имъ двѣ капитальныя улицы города Вильны, которыя впродолженіе 120 лѣтъ служили памятникомъ религіозной нетерпимости и поддержкой международной розни, какъ уже обрадовалъ насъ новый документъ монаршей милости... Въ какомъ миніатюрномъ размѣрѣ ни показалось бы вамъ это расширеніе правъ (въ г. Трокахъ) нашего мѣстожительства въ отечествѣ, оно все таки имѣетъ немаловажное значеніе, особливо для литовскихъ евреевъ, для которыхъ прежде всего недостатокъ въ физическомъ просторѣ со дня на день становится все виднѣе и чувствительнѣе“. Самымъ же отраднымъ для оратора является сознаніе, что новое расширеніе правъ есть „плодъ пробудившагося духа гуманности“. „Медленно, мало по малу, но за то вѣрно и надежно начинаетъ разыгриваться въ нашемъ отечествѣ драматическая развязка исторіи нашего многострадальнаго народа“... (Рус. прилож. „Гакармеля“ 1862 г., № 2).

Подобныя же радостныя вѣсти приходили и изъ Польши. Варшавскій корреспондентъ „Гамелица" (1862 г. № 47) съ воодушевленіемъ сообщаетъ, что исчезла прежняя вражда. Улицы Варшавы доступны всѣмъ евреямъ, независимо отъ длины ихъ одежды. Евреи уже встрѣчаются въ деревняхъ, гдѣ они пріобрѣтаютъ землю и дома. „Возгорѣвшійся свѣтъ (если онъ не обманчивъ, прибавляетъ корреспондентъ) освѣщаетъ намъ путь и позволяетъ намъ съ радостью смотрѣть въ лицо нашимъ польскимъ братьямъ"... Другой корреспондентъ изъ Польши отмѣчаетъ слѣдующую перемѣну въ сознаніи польскихъ евреевъ. „Когда-то, говоритъ онъ, еврей легко переносилъ насмѣшки своего польскаго пана... Теперь евреи почувствовали свою боль, начали сознавать свое достоинство"... („Гамелицъ" 1863 г. № 15).

Въ 1862 г., въ связи съ тысячелѣтней годовщиной Россіи, нѣкоторыя еврейскія общины послали поздравленія на высочайшее имя. Изъ нихъ очень интересно поздравленіе виленской еврейской общины, въ которомъ отразились и тѣ ожиданія, какія тогда охватили еврейство, и новый языкъ, въ значительной степени непохожій на обычный тонъ подобныхъ обращеній, и сознаніе своего національнаго достоинства. Вотъ полный текстъ этого поздравленія:

„Августѣйшій Монархъ! Еврейское общество г. Вильна имѣетъ счастье всеподданнѣйше поздравить Ваше Императорское Величество, и въ лицѣ Вашемъ, Государь, всю необозримую Русь съ днемъ 8 сентября 1862 года, днемъ новаго тысячелѣтія, новой эры дорогого для всей Россіи благоденствія.

„Надъ народомъ еврейскимъ пронесся уже не одинъ десятокъ вѣковъ. Съ самаго начала зарожденія исторіи до настоящаго времени, онъ былъ постояннымъ ея свидѣтелемъ, и долго религіозная и гражданская жизнь его была поражена тяжкими бѣдствіями, пока наконецъ времена облагородились и намъ стало легче и лучше.

„И въ Россіи, гдѣ мы поселились почти въ самомъ началѣ ея существованія, мы должны были испытать ту же участь. Но съ чистою совѣстью и полнымъ сознаніемъ можемъ сказать, что злой рокъ никогда не могъ поколебать въ насъ тѣхъ вѣрноподданническихъ чувствъ, которыми всегда проникнуты сердца истинныхъ сыновъ отечества.

„Движимые этими завѣтными чувствами, мы не можемъ не заявить теперь за одно со всѣмъ русскимъ народомъ нашей великой радости и искреннѣйшихъ благопожеланій дорогому нашему отечеству и Вашему Императорскому Величеству, просвѣщенное царствованіе котораго такъ достойно вѣнчаетъ исходъ прошедшаго и начало грядущаго тысячелѣтія Россіи.

„Всемилостивѣйшій Государь! послѣдніе 8 лѣтъ были для насъ, русскихъ евреевъ, самыми счастливыми въ нашей исторической жизни. Въ продолженіе этого времени въ судьбѣ нашей произошло столько благихъ перемѣнъ, что невольно предчувствуется намъ, что мы уже усыновленныя дѣти Россіи, и великій преобразовательный Монаршій духъ, царящій нынѣ надъ всею имперіею, вскорѣ довершитъ наше гражданское благополучіе наравнѣ съ прочими нашими соотечественниками.

„Лелѣя такія сыновнія надежды, мы возсылаемъ наши теплыя молитвы ко всевышнему Царю царствующихъ, дабы онъ даровалъ долголѣтіе и благоденствіе нашему возлюбленному Монарху, виновнику всѣхъ полученныхъ и ожидаемыхъ нами благъ, чтобы съ новымъ тысячелѣтіемъ открылась для Россіи новая эпоха невозмутимаго благосостоянія и мирнаго счастья, чтобы позднѣйшее потомство вспоминало объ отцѣ Императорѣ Александрѣ Второмъ словами царя псалмопѣвца: „Въ эго дни возцвѣла правота и избытокъ мира до безконечности“ [1]).

Въ Поневѣжѣ на молебнѣ по тому же поводу общественный раввинъ сказалъ: „Бываютъ моменты въ историческомъ развитіи народовъ, когда послѣ потрясающихъ тревогъ и вѣкового застоя, общественная жизнь вдругъ заворачиваетъ на колею безпрерывныхъ благодатныхъ перемѣнъ; на ея успокоившейся поверхности начинаютъ всплывать и отражаться свѣтлыя идеи; она вдругъ становится благороднѣе, мягче и какъ-то покорно поддается подъ счастливую руку преобразователя“. Ораторъ повсюду видитъ свѣжія струи народной жизни: „намъ, говоритъ онъ, становится какъ то широко, привольно и весело“. Въ „духовномъ просвѣтленіи“ рисуется ему „величавая будущность Россіи“, гдѣ предстоитъ призвать евреевъ къ общественной дѣятельности и подвести ихъ „подъ общій уровень народнаго благополучія“. („Гакармель“, рус. прил. № 14).

XI.

Эмансипація евреевъ разсматривалась въ „эпоху великихъ реформъ“ въ неразрывной связи съ общими преобразованіями и успѣхами просвѣщенія. Это неоднократно повторялось тогда и по крупнымъ, и по сравнительно мелкимъ поводамъ. Напримѣръ, открытіе первыхъ воскресныхъ школъ для русскаго населенія горячо привѣтствовалось „Разсвѣтомъ“, писавшимъ, между прочимъ, о значеніи образованія для сближенія между еврейскимъ и русскимъ народомъ: „Только тогда, когда образованіе проник-

[1]) Рус. прилож. „Гакармеля“ 1862 г. № 13.

нетъ во всѣ слои какъ того, такъ и другого народа, стѣна, раздѣляющая ихъ, раздвинется само собой, и совершится то братское сближеніе, которое составляетъ предметъ нашихъ горячихъ желаній" (№ 2). Это сказано было почти за годъ до освобожденія крестьянъ. А за нѣсколько мѣсяцевъ передъ опубликованіемъ манифеста 19 февраля О. А. Рабиновичъ, говоря о роли евреевъ въ предстоящемъ промышленномъ развитіи Россіи, указываетъ, гдѣ залогъ экономическаго преуспѣянія страны: „До этого доведутъ ее разныя благодѣтельныя реформы, начиная отъ освобожденія цѣлыхъ милліоновъ людей до преобразованій законодательныхъ и административныхъ („Разсвѣтъ", № 23).

Манифестъ 19 февраля вызвалъ восторженные отклики въ еврейской печати. „Гамелицъ" посвятилъ этому событію настоящіе гимны, въ которыхъ воспѣвалась весна „освобожденныхъ рабовъ" и выражались горячія надежды на то, что за этимъ великимъ дѣломъ послѣдуетъ и улучшеніе участи еврейскаго народа (№№ 25 и 26; „Гакармель" № 38 за тотъ же 1861 г.).

Съ этими надеждами связанъ былъ тотъ лозунгъ о сближеніи евреевъ съ окружающимъ населеніемъ, который настойчиво проповѣдывался въ тогдашней еврейской прессѣ. Жизнь давала очень мало фактовъ такого сближенія. Корреспонденты еврейскихъ періодическихъ изданій рисуютъ еврейскій бытъ того времени строго замкнутымъ. Одинъ изъ этихъ наблюдателей указываетъ, что есть живыя торговыя сношенія, но нѣтъ фактическаго сближенія. „Не было, говоритъ онъ, еще примѣра, чтобы торговыя сношенія породили истинное сближеніе... И мнѣ кажется, пройдетъ еще долгое, долгое время, въ продолженіе котораго въ сношеніяхъ съ евреями будутъ строго отдѣлять (какъ это, прибавляетъ онъ, понынѣ бываетъ) торговые интересы отъ общественной жизни". Приводимые здѣсь примѣры общественнаго антисемитизма даютъ много матеріала для такого вывода („Разсв." № 5). Но въ эпоху великихъ надеждъ каждый, даже самый мелкій, фактъ проявленія пріязни къ еврею разсматривался, какъ отрадное знаменіе времени.

Пріемъ нѣсколькихъ еврейскихъ дѣвушекъ въ институтъ для благородныхъ дѣвицъ или въ другое учебное заведеніе, пріемъ евреевъ въ члены клуба, расположеніе христіанина, его содѣйствіе культурной работѣ среди еврейской молодежи—эти „отрадныя явленія" приводятъ въ восторгъ еврейскихъ корреспондентовъ. „Гакармель" (рус. пр. 1863 г., № 41) приводитъ изъ „Одес. Вѣстн." сообщеніе о важномъ „событіи". Въ одесскомъ клубѣ

„снова поднятъ былъ такъ называемый еврейскій вопросъ, т. е. вопросъ о томъ, допустить-ли въ число членовъ этого клуба членовъ здѣшняго еврейскаго общества. Не такъ давно, давая отчетъ о подобномъ же событіи, мы говорили: еще двѣ-три попытки, и евреи будутъ допущены въ клубъ. Такъ и сбылось на дѣлѣ".—Въ Ковнѣ однимъ изъ директоровъ дворянскаго клуба былъ избранъ еврей, который самъ пишетъ по этому поводу: „Что произошло, что совершилось? какія чудеса?.. Это—всемогущій духъ времени, это священная искра, исторгнутая изъ общества, полнаго электричества. Положимъ, меня выбрали не хотя я еврей, но, напротивъ, меня выбрали именно потому, что я еврей, и я служу орудіемъ, посредствомъ котораго выражается извѣстная высокая идея"... (ibid., 1861 г., № 49). — Въ Минскѣ еврейская молодежь поднесла благодарственный адресъ офицеру, принимавшему участіе въ организаціи и поддержкѣ общественной библіотеки. „Какъ радостно бьются наши молодыя сердца, говорятъ авторы адреса, при одной мысли, что вмѣсто обычныхъ хуленій, гремѣвшихъ въ ушахъ еврея, вмѣсто враждебныхъ взоровъ, устремленныхъ на него отовсюду, вмѣсто публичныхъ оскорбленій и саркастическихъ насмѣшекъ, онъ встрѣчаетъ ласковое лицо, сіяющее къ нему добротой". И они видятъ въ этомъ „свѣтлый метеоръ, озаряющій хоть на короткое время мрачный горизонтъ нашей общественной жизни" (ib. 1863 г., № 29).

Но дѣйствительно крупнымъ праздникомъ для еврейской интеллигенціи явилось въ 1861 г. чествованіе Н. И. Пирогова въ Бердичевѣ, по случаю оставленія имъ поста попечителя кіевскаго учебнаго округа. На этомъ чествованіи, устроенномъ представителями бердичевской интеллигенціи, присутствовалъ и кіевскій делегатъ русскихъ поклонниковъ Пирогова, который энергично призывалъ евреевъ, „сыновъ одной съ нами земли", „дружно пахать и сѣять на томъ полѣ, за воздѣлываніе котораго такъ энергично принялся одинъ изъ передовыхъ людей обновляющейся Россіи, Николай Ивановичъ Пироговъ". А самъ Пироговъ въ своей рѣчи, между прочимъ, выразилъ удивленіе, что его чествуютъ за его „сочувствіе еврейской націи". „Это не заслуга (отрицаніе всякихъ сословныхъ и національныхъ различій); это лежитъ въ моей натурѣ, я не могъ дѣйствовать противъ самого себя". Убѣжденія эти выработаны цѣлой жизнью, и они, закончилъ онъ свою рѣчь, „не покинутъ меня до конца жизни". „Эта рѣчь, прибавляетъ корреспондентъ, погрузила всѣхъ въ какой то безумный восторгъ. Казалось, каждому хотѣлось затвердить эти слова,

дышащія такимъ глубокимъ и сознательнымъ чувствомъ человѣколюбія“ („Разсвѣтъ“, № 52; „Гакарм.“ 61 г., № 41).

Въ Польшѣ дѣло сближенія, какъ извѣстно, носило совершенно другой характеръ и приняло гораздо большіе общественные размѣры. Но и тамъ оно затронуло лишь верхніе слои еврейскаго общества. Авторъ „Голоса изъ Польши“ („Гамелицъ“ № 12, окт. 1861 г.) отмѣчаетъ послѣднія преобразованія въ Польшѣ и, выражая сожалѣніе, что варшавскія оффиціальныя сферы не сочувствуютъ равноправію евреевъ, указываетъ на болѣе отрадныя перспективы, такъ какъ отношеніе поляковъ къ еврейскому населенію измѣнилось къ лучшему. „И если, продолжаетъ онъ, многіе изъ насъ не понимаютъ вліянія духа времени и не хотятъ повѣрить, что Господь возбудилъ симпатію поляковъ къ евреямъ, то это насъ не удивляетъ. Вѣдь и когда великій пророкъ пришелъ съ радостной вѣстью, что Богъ избавитъ Израиля отъ египетскаго плѣна, то израильтяне, удрученные тяжестью подневольнаго труда, не повѣрили этому“. Корреспондентъ сообщаетъ дальше, что вся польская печать восхваляетъ евреевъ, простираетъ имъ „руку любви, братства, мира и дружбы“ и провозглашаетъ въ одинъ голосъ: не зовите ихъ польскими евреями,—зовите ихъ поляками моисеева вѣроисповѣданія“ [1]). Но — прибавляетъ авторъ письма изъ Варшавы — даже этому знаменію времени многіе изъ польскихъ евреевъ не вѣрятъ. „Они льстятъ намъ, -говорятъ близорукіе люди,—на ихъ устахъ красивыя слова, а въ сердцѣ фальшь“. „Есть, однако, у насъ теперь, успокаивается корреспондентъ, образованные люди, понимающіе дѣло основательно, ...они знаютъ, что сила времени можетъ разрушить и вѣчныя горы и высочайшія вершины. Они возражаютъ имъ (невѣрящимъ): „Глупцы, до какихъ поръ вы останетесь при своей глупости? Развѣ мститъ вамъ народъ, среди котораго вы живете? Что заставляетъ ихъ мстить вамъ? Развѣ вы—хозяева страны?“ и т. д.

Польскій корреспондентъ „Сіона“ (октябрь 1861 г., № 14), нееврей, формулируетъ требованія и настроенія польскаго общества. Онъ озабоченъ невѣжествомъ еврейской массы, такъ какъ по его исчисленіямъ во всемъ варшавскомъ учебномъ округѣ имѣлось тогда только 8 начальныхъ училищъ съ 689 уча-

[1]) Слѣдуетъ помнить здѣсь и въ дальнѣйшемъ, что эти статьи писались въ годы польскаго возстанія. — *Ред.*

щимися, да еще раввинская школа въ Варшавѣ съ 136 учениками. (При этомъ редакція „Сіона" указываетъ польскому корреспонденту на его игнорированіе хедернаго воспитанія). Онъ недоволенъ тѣмъ, что польскіе евреи больше заботятся о евреяхъ всего земного шара, чѣмъ о Польшѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ „слишкомъ 2000 гражданъ сердечно пожали руку" раввина Бера Майзельса (участника варшавскихъ патріотическихъ демонстрацій), заключенъ союзъ между евреями и поляками. „Польскіе евреи въ этомъ году, очевидно, сдѣлали исполинскій шагъ впередъ; въ настоящемъ положеніи дѣла никто не рѣшался бы сопротивляться предоставленію имъ всѣхъ правъ, кромѣ, разумѣется, невѣжественныхъ массъ, которые не оставили еще старинныхъ предразсудковъ". Онъ считаетъ вполнѣ справедливыми требованія поляковъ, чтобы евреи, въ благодарность за равноправіе, говорили только по польски, „чтобы только религія раздѣляла жителей страны въ церкви и синагогѣ". „Часть евреевъ, продолжаетъ онъ, поняла важность и основательность этихъ требованій. Образованный классъ съ давняго времени самъ добивался того же и своимъ поведеніемъ давалъ примѣръ непросвѣщенному классу". Впрочемъ, самъ корреспондентъ вноситъ въ свое повѣствованіе значительную долю скептицизма: „Находящіеся здѣсь по дѣламъ евреи западныхъ губерній удивляются, что варшавскіе евреи бываютъ въ римско-католическихъ костелахъ во время литургіи, мало того—дѣлаютъ денежныя приношенія въ пользу римскаго духовенства, извѣстнаго прежде закоренѣлымъ своимъ фанатизмомъ и нетерпимостью. Не вижу надобности уяснять здѣсь побудительныя причины, въ силу которыхъ одни даютъ, а другіе принимаютъ приношенія; всякъ изъ читателей „Сіона" легко пойметъ, сколько здѣсь искренности съ обѣихъ сторонъ"...

Въ 1861 году въ Польшѣ начались выборы въ уѣздные и городскіе совѣты. Еврейскіе корреспонденты съ радостью сообщаютъ о каждомъ избранномъ евреѣ, количествѣ поданныхъ за него голосовъ и о взаимной поддержкѣ на выборахъ со стороны поляковъ и евреевъ. А корреспондентъ „Гамелица" жалуется, что въ небольшихъ польскихъ городахъ евреи, вмѣсто того, чтобы собираться и обсуждать вопросъ о выставленіи кандидатовъ, „ничего не дѣлаютъ и обо всемъ этомъ совершенно не думаютъ" (окт. 1861 г., № 12). Нееврейскій же корреспондентъ „Сіона" (№ 14) отмѣчаетъ избраніе еврейскихъ кандидатовъ, какъ признакъ того, что „избиратели на дѣлѣ доказали свое безпристрастіе",

XII.

Экономическое оживленіе, наступившее послѣ Крымской войны и все возраставшее въ „эпоху великихъ реформъ", коснулось и еврейскаго купечества, которое воспользовалось расширеніемъ своихъ правъ для развитія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Еврейская же масса продолжала оставаться не только безправной (лишь въ отправленіи воинской повинности она, какъ извѣстно, почувствовала облегченіе). но и матеріально крайне необезпеченной. Отмѣчая „отрадныя явленія" на верхахъ общества, еврейская журналистика въ то же время часто возвращается къ вопросу о борьбѣ съ массовою бѣдностью евреевъ. Размѣры ея были особенно значительны въ Сѣверо-западномъ краѣ.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (1860 г.) напечатанъ былъ приказъ виленскаго, гродненскаго и ковенскаго генералъ-губернатора, гдѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее о сѣверо-западныхъ евреяхъ и ихъ жилищахъ: „Еврейскіе дома представляютъ отвратительный видъ, съ ихъ разбросанными крышами и обвалившимися заборами; улицы и внутренніе дворы содержатся въ крайней нечистотѣ, тогда какъ все (?) еврейское населеніе, не имѣя никакихъ занятій, кромѣ праздношатательства по улицамъ, легко могло быть употреблено къ очисткѣ городовъ и приведенію жилищъ въ опрятное состояніе" (цит. въ „Разсвѣтѣ" № 12).

Высшей администраціи края не было, повидимому, дѣла до того, что дѣлалось внутри еврейскихъ жилищъ. Объ этомъ подробно повѣствуетъ Л. Леванда въ своей первой корреспонденціи въ „Разсвѣтѣ" (№ 1, 1860 г.) о положеніи евреевъ въ западномъ краѣ. Очень мрачными красками рисуетъ онъ этотъ бытъ. „Нужно, говоритъ онъ, самому видѣть, нужно самому проникнуть въ тѣсную, полуразвалившуюся лачужку, вмѣщающую въ себѣ не меньше трехъ семействъ... Нужно видѣть, какъ полунагія дѣти всѣхъ трехъ семействъ тѣснятся на нетопленной печкѣ и держатся за рогожу, которой каждое дитя хочетъ окутаться, чтобы нѣсколько отогрѣть окоченѣвшіе отъ холода члены; нужно стоять при томъ, какъ отецъ одного семейства является въ дверяхъ съ булкой хлѣба, и дѣти его съ криками радости, пѣніемъ и хлопаніемъ въ ладоши бросаются съ печки, овладѣваютъ хлѣбомъ и пускаются въ плясь по всей лачугѣ... Нужно прислушиваться къ сказкамъ матери, убаюкивающей голоднаго ребенка". Отъ вниманія наблюдателя не ускользнула и духовная жизнь литовскихъ

евреевъ, ихъ способность забыться въ синагогѣ, слушая пѣніе кантора или сидя за фоліантами Талмуда, которые „уносятъ ихъ въ другой міръ“.

Это письмо Леванды, откуда здѣсь приведенъ только небольшой отрывокъ, вызвало въ свое время сильное недовольство въ нѣкоторыхъ кругахъ еврейскаго общества и послужило началомъ для кампаніи „Гамагида“ противъ „Разсвѣта“. Минскіе еврейскіе купцы въ своемъ протестѣ противъ Леванды („Разсвѣтъ“, № 10) стараются доказать, въ противовѣсъ его мрачнымъ краскамъ, что все въ ихъ краѣ обстоитъ благополучно, что „торговый классъ, хотя занятый дѣлами, но подстрекаемый (?) добросовѣстными раввинами, проявляетъ похвальное стремленіе къ благоустройству всѣхъ соціальныхъ вопросовъ“. Все это письмо проникнуто полной удовлетворенностью и изобилуетъ выраженіями признательности правительству за его благія мѣропріятія.

Другой корреспондентъ „Разсвѣта“ (№ 5), „Бердичевскій Старожилъ“, описываетъ болѣе благопріятныя условія юго-западнаго края. Онъ констатируетъ, что все еврейское населеніе, за исключеніемъ незначительнаго числа врачей, учителей и „такъ называемыхъ адвокатовъ“, занимается торговлей и различными отраслями труда. „Вся торговля здѣшняго края, пишетъ онъ, почти безъ исключенія находится въ рукахъ евреевъ. Единственные банкиры—евреи, мѣнялы—евреи, лавочники (за немногими исключеніями)—евреи, ремесленники — большей частью евреи, поденщики—евреи“... Полемизируя съ юдофобами своего края, кричащими о захватѣ евреями всей торговли, корреспондентъ спрашиваетъ ихъ, отчего они сами не занимаются торговой дѣятельностью. Гнушаясь торговлей, они въ то же время вопятъ, что евреи „захватили всю торговлю въ свои руки“. „Такъ кто же виноватъ, что вы не хотите осрамить торговымъ трудомъ память вашихъ предковъ и запятнать коммерческимъ занятіемъ блескъ вашего гербоваго щита? Кто-же виноватъ, что къ вашему характеру и склонностямъ какъ-то не приклеивается мысль о полезномъ и нелегкомъ трудѣ? Кто-же виноватъ, что вы будто бы не имѣете торговыхъ способностей?! За это все винить еврея—-уже черезчуръ недобросовѣстно“.

Этотъ же корреспондентъ затрагиваетъ въ своемъ описаніи юго-западнаго края еще другую тему, которая, по цензурнымъ условіямъ, почти совершенно игнорировалась еврейскою печатью того времени, а именно—отношенія мѣстной администраціи къ еврейскому населенію въ обыденной жизни (а не въ парадныхъ

случаяхъ, часто фигурирующихъ въ корреспонденціяхъ). Онъ даетъ типичныя картины этихъ отношеній въ краѣ, который, по его словамъ, является „истиннымъ Эльдорадо" для администраціи: „Сюда обыкновенно пріѣзжаютъ чиновники, которые ищутъ мѣстъ для поправленія своего состоянія. Здѣсь мѣста—все равно, что подножный кормъ для проголодавшихся лошадей. И, дѣйствительно, на этихъ теплыхъ мѣстахъ чиновная особа удивительно какъ скоро тучнѣетъ и оперяется! Разумѣется, что въ этомъ случаѣ главный или, вѣрнѣе, единственный доходъ — съ евреевъ. Еврей тутъ не больше, какъ дойная корова, которую доятъ безотвѣтно вездѣ и всегда. И чего не позволяютъ себѣ относительно евреевъ эти господа!" Слѣдуютъ далѣе очень краснорѣчивые примѣры изъ повседневной практики.

Духовная жизнь массы очень слабо и односторонне отражается въ тогдашней журналистикѣ. Корреспонденты „Гамелица" иногда затрагиваютъ дѣятельность благотворительныхъ и религіозныхъ обществъ. Тутъ и общества, заботящіяся о бѣдныхъ, сиротахъ, безприданныхъ невѣстахъ, проѣзжихъ странникахъ, больныхъ; тутъ и братства, члены которыхъ изучаютъ совмѣстно Талмудъ (собираются ежевечерно въ синагогѣ, каждый проходитъ свой трактатъ, а по окончаніи его всякій разъ устраивается маленькая пирушка) или Мишну (тоже совмѣстное изученіе, а когда одинъ изъ членовъ умираетъ, всѣ вмѣстѣ читаютъ опредѣленные отдѣлы за упокой души усопшаго); практиковались въ этихъ братствахъ и ночныя бдѣнія для изученія Талмуда. Корреспонденціи повѣствуютъ временами объ общинныхъ распряхъ изъ-за синагогальныхъ порядковъ, изъ-за той или другой редакціи молитвъ, изъ-за кандидатовъ въ духовные раввины, рѣзники, канторы и т. п. Нерѣдко разногласія принимали очень острый характеръ, и редакторъ „Гамелица" въ такихъ случаяхъ обращался въ своей газетѣ съ увѣщаніями къ спорящимъ сторонамъ.

Совершенно особо въ описаніяхъ современниковъ стоитъ вопросъ о цадикизмѣ. Наблюденія въ этой области рисуются въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Какъ дѣятели „просвѣщенія" на мѣстахъ, корреспонденты съ негодованіемъ бичуютъ еврейскую массу, встрѣчавшую и провожавшую цадиковъ съ необычайнымъ энтузіазмомъ. Особенно рѣзкія сужденія встрѣчались въ корреспонденціяхъ „Разсвѣта". Редакція перваго русско-еврейскаго органа (какъ и большинство его сотрудниковъ, главнымъ образомъ кандидаты въ раввины и учителя казенныхъ училищъ) стояла очень далеко отъ народныхъ массъ, и фактъ господства цади-

кизма до крайности ее возмущалъ. По этому поводу редакція, между прочимъ, пишетъ въ передовой статьѣ № 28: „Смотря по постоянно мѣняющимся фактамъ и по нашему собственному настроенію, намъ въ одно время кажется, что мы идемъ впередъ, а немного спустя—что мы идемъ назадъ". Новыя вѣянія времени, успѣхи просвѣтительнаго движенія,—„все это, продолжаетъ редакція, подкрѣпляло насъ во мнѣніи, что преобладающій теперь между нашими единовѣрцами духъ есть духъ нашего времени, духъ самопознанія и разума, пробудившій ихъ, наконецъ, отъ долгой летаргіи". Но наличность огромной власти цадиковъ разрушаетъ эту иллюзію. „Разсвѣтъ" сообщаетъ, что редакція забрасывается письмами изъ различныхъ городовъ и мѣстечекъ кіевской, подольской и волынской губерній, съ однѣми и тѣми же жалобами на нашествіе цадиковъ. Даже въ просвѣщенной Одессѣ посѣтившій ее цадикъ былъ встрѣченъ съ благоговѣніемъ, вызывалъ небывалое скопленіе народа на улицахъ, гдѣ онъ проходилъ, собралъ обильную дань и привлекалъ къ себѣ не только сѣрую массу, но и людей „съ претензіей на образованность, на европейскіе манеры". „И это, негодуетъ „Разсвѣтъ", могло случиться у насъ, гдѣ такъ много разныхъ училищъ и пансіоновъ, мужскихъ и женскихъ, гдѣ двѣ синагоги съ хоральнымъ пѣніемъ и благоустроеннымъ богослуженіемъ, гдѣ ожидается черезъ нѣсколько дней д-ръ Швабахеръ, избранный и утвержденный раввиномъ и проповѣдникомъ нашего города!"

Житомірскій корреспондентъ „Разсвѣта" (№ 14) крайне возмущается тѣмъ, что въ Житомірѣ, гдѣ существуютъ гимназія и въ особенности Раввинское училище, питомникъ „будущихъ преобразователей націи", безпредѣльно господствуетъ хасидизмъ. Раввинское училище, которое должно было бы концентрировать въ себѣ „всѣ духовные интересы здѣшняго еврейскаго населенія," образуетъ отдѣльный мірокъ, игнорируемый житомірскими евреями. „Оставленное, заброшенное въ какой-то отдаленный уголокъ", оно живетъ своей замкнутой жизнью.

Корреспондентъ изъ Новгородсѣверска, описывая власть цадиковъ и меламедовъ въ этомъ городѣ, увѣренъ, что „еслибы лучъ „Разсвѣта" (въ одномъ экземплярѣ) не проникалъ по воскресеньямъ въ кабинетъ почетнаго блюстителя находящагося тамъ еврейскаго училища 1-го разряда, и еслибы тамъ не было гимназіи да уѣзднаго училища, — смѣло можно было бы назвать Новгородсѣверскъ городомъ тьмы..." (№ 47).

Кишиневскій корреспондентъ „Сіона" (№ 4) описываетъ пріѣздъ туда цадика р. Зисуню: „Надобно было видѣть, при какомъ стеченіи народа р. Зисуню въѣхалъ въ нашъ городъ. И во все время его пребыванія у насъ улица, гдѣ онъ остановился, была запружена толпой, домъ его постоянно набитъ биткомъ людьми" и т. д. И авторъ съ радостью сообщаетъ дальше, что „благодаря смѣлости одного молодого человѣка" на пребываніе цадика было обращено вниманіе начальства, и чудотворецъ вынужденъ былъ оставить городъ.

XIII.

Въ началѣ 60-хъ годовъ во многихъ городахъ впервые назначались раввинскіе выборы, на которыхъ выступали кандидаты казенныхъ раввинскихъ училищъ, поддерживаемые администраціей. Это выступленіе встрѣчало такое упорное противодѣйствіе со стороны еврейскихъ общинъ, которое приводило въ отчаяніе молодыхъ кандидатовъ и ихъ младшихъ товарищей, оканчивавшихъ курсъ въ раввинскихъ училищахъ. Изъ проповѣдей, въ которыхъ эти ученики упражнялись въ молитвенномъ домѣ при виленскомъ раввинскомъ училищѣ, мы видимъ, каковы были опасенія будущихъ „казенныхъ" раввиновъ. Нотки грусти, даже отчаянія слышатся въ этихъ рѣчахъ, несмотря на ихъ обычную фразеологію и приподнятость тона. Насъ ждутъ „не розы и лавры, а колючіе терніи", заявляетъ одинъ изъ юныхъ ораторовъ; онъ говоритъ о „горькой дѣйствительности" и „разбитыхъ надеждахъ"; всѣ свои чаянія возлагаетъ онъ на то, что „благое правительство наше, съ отцовской любовью заботящееся объ общемъ благѣ нашихъ единовѣрцевъ, даровавшее неограниченныя права нѣкоторымъ собратьямъ нашимъ, оканчивающимъ университетскій курсъ, не оставитъ совершенно безъ вниманія и нашей немалочисленной братіи раввиновъ..." (Рус. прилож. къ „Гакармелю" 62 г., № 40). Другой ораторъ совѣтуетъ своимъ коллегамъ не строить себѣ воздушныхъ замковъ, чтобы не очутиться въ разладѣ съ дѣйствительностью: „Мы чрезъ-чуръ умны, говоритъ онъ, слишкомъ горды, слишкомъ полагаемся на свои умствованія, строимъ Богъ знаетъ какіе планы и стремглавъ летимъ съ своего пьедестала отъ перваго дуновенія дѣйствительности... Будемъ же беречь до поры, до времени свои силы, не станемъ растрачивать ихъ пока на безплодныя мечтанія; можетъ быть, и намъ удастся безукоризненнымъ образомъ жизни смыть частицу тѣхъ

страшныхъ и мрачныхъ пятенъ, обезображивающихъ страдальческій народъ нашъ, заслужить благодѣянія къ намъ и нашему народу русскаго правительства, доказать, что не даромъ перемѣняетъ о насъ отечество свое мнѣніе..." (Тамъ-же. № 41).

Раввинскія училища, созданныя въ дореформенное время для „исправленія" евреевъ и образованія, въ лицѣ казеннаго раввината, органа надзора за ихъ внутренней жизнью, вызывали враждебное отношеніе къ себѣ со стороны еврейской массы, не допускавшей вторженія русской власти въ свою духовную жизнь. Эта основная причина полной неудачи раввинскаго института,— причина, которая совершенно игнорировалась большей частью тогдашней еврейской интеллигенціи, оказалась болѣе доступной нееврейскому наблюдателю еврейской жизни. Варшавскій корреспондентъ „Сіона" (№ 19) сообщаетъ, между прочимъ, мнѣніе польскаго дѣятеля о варшавскомъ раввинскомъ училищѣ. „Какое впечатлѣніе, говоритъ онъ, произвело бы на насъ самихъ (поляковъ), если бы, напримѣръ, протестанты захотѣли предписывать нашему духовенству, чему оно должно учить въ католическихъ семинаріяхъ? Евреямъ же должно быть еще непріятнѣе постороннее вмѣшательство въ дѣла ихъ духовнаго образованія". (Кор. цитируетъ изъ польскаго „Всеобщ. Дневн." за 1861 г.).

Раввинскія училища на цѣлые годы отрывали юношей отъ родной среды и воспитывали ихъ въ казенномъ духѣ. И когда питомцы училищъ снова встрѣчались — на раввинскихъ выборахъ — съ еврейской массой, послѣдняя смотрѣла на нихъ исключительно какъ на правительственныхъ кандидатовъ, навязанныхъ претендентовъ на управленіе общинными дѣлами. Необходимо еще замѣтить, что послѣ упраздненія „кагала" всякіе выборы, къ которымъ начальство привлекало евреевъ, превращались для нихъ въ тяжелую повинность, которой они всячески избѣгали. Одинъ изъ корреспондентовъ „Гакармеля" (рус. прил. 1863 г. № 31) описываетъ, какъ раньше производились выборы въ его городѣ (Староконстантиновѣ). „Обыкновенно, говоритъ онъ, въ день выборовъ десятскіе, вооруженные палками, разсыпаются по всѣмъ улицамъ города гнать евреевъ въ большую синагогу. Почетные и даже полупочетные евреи, обижаясь неделикатнымъ обращеніемъ десятскихъ и не зная, на что именно ихъ приглашаютъ, кое-какъ увертываются и исчезаютъ на этотъ день Богъ вѣсть куда. Но когда приближается срочный часъ, то кто ни попалъ подъ руку просто за шиворотъ притаскивается въ сина-

тогу и не выпускается оттуда, пока не является градской начальникъ..."

Въ „эпоху великихъ реформъ" нравы эти кое-гдѣ смягчились, но оффиціальные выборы продолжали быть обузой для еврейскаго населенія. Раввинскіе выборы часто назначались по нѣскольку разъ, ибо на первые выборы обыкновенно никто не являлся. Въ концѣ концовъ, избиратели, подъ давленіемъ и угрозами администраціи, являлись на выборы, но баллотировали противъ кандидатовъ раввинскихъ училищъ и старались выбирать такихъ податливыхъ людей, которые готовы были ограничиваться веденіемъ метрическихъ записей и оффиціальными сношеніями съ властями, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла общины. Такое отношеніе къ выборамъ и забаллотированіе воспитанниковъ раввинскихъ училищъ вызывало большое возмущеніе въ лагерѣ „просвѣщенныхъ". „Среди всеобщей ожесточенной борьбы,—пишетъ одинъ изъ нихъ, — правительство высылаетъ, какъ предвозвѣстниковъ примиренія, питомцевъ этого училища". Но, „къ сожалѣнію (сѣтуетъ Леванда въ своей корреспонденціи о раввинскихъ выборахъ въ Минскѣ), консерваторы не хотятъ даже вступить въ переговоры съ этими парламентерами, противъ которыхъ они заключили оборонительный и наступательный союзъ". („Разсв." № 6). Другой корреспондентъ „Разсвѣта" (№ 34) возмущенъ абсентеизмомъ избирателей, ихъ равнодушіемъ къ „благимъ намѣреніямъ нашего правительства". Онъ передаетъ, что на вопросъ, предложенный имъ представителямъ еврейской общины, почему они, опредѣливъ время и мѣсто выборовъ раввина, демонстративно не явились, такъ что выборы не состоялись,—послѣдовалъ отвѣтъ: „кому же охота самому надѣть себѣ ярмо на шею?"

При такихъ обстоятельствахъ естественно возникла мысль, что еврейскую массу необходимо заставить выбирать кандидатовъ раввинскихъ училищъ. Это мнѣніе было распространено тогда среди еврейской интеллигенціи: отсюда шли ходатайства объ отмѣнѣ выборовъ „нежелательныхъ" кандидатовъ и назначеніи на ихъ мѣсто воспитанниковъ раввинскихъ училищъ. Въ „Разсвѣтѣ" (№ 14) кто то заговорилъ даже о необходимости отнять у евреевъ право избранія раввина, но редакція высказалась противъ такого взгляда. Въ „Гакармелѣ" признавали необходимымъ, чтобы первое избраніе раввина было пожизненнымъ (1862, № 17, кор. изъ Херсона).

Мѣстная и губернская администрація, съ своей стороны, нерѣдко фальсифицировала выборы; она утверждала кандидата, получившаго меньшее число голосовъ, если только онъ былъ изъ питомцевъ раввинскаго училища, или же мѣрами внушенія заставляла евреевъ избирать угодныхъ ей кандидатовъ. Прямая фальсификація выборовъ вызвала протестъ на страницахъ „Разсвѣта". Средства же административнаго внушенія встрѣчали, большей частью, сочувствіе среди интеллигенціи. Примѣровъ тому можно найти очень много въ тогдашней журналистикѣ. Корреспондентъ „Разсвѣта" (№ 11) съ радостью сообщаетъ, что прогрессисты одержали побѣду на раввинскихъ выборахъ въ Минскѣ, исключительно благодаря присутствію губернатора на собраніи евреевъ и произнесенной имъ рѣчи съ угрозами противъ тѣхъ, которые оказываютъ сопротивленіе кандидату раввинскаго училища. „Не забудьте моихъ словъ, закончилъ губернаторъ свою рѣчь, докажите мнѣ добросовѣстнымъ исполненіемъ вашей обязанности, что я въ васъ не ошибся, что для васъ нужны не мѣры строгости, но кротость и убѣжденіе". Корреспондентъ прибавляетъ отъ себя: „Слова эти, дышавшія такимъ человѣколюбіемъ и произнесенныя имъ (губернаторомъ) въ такую торжественную минуту, не могли остаться безъ впечатлѣнія и такъ глубоко проникли въ сердца всѣхъ присутствовавшихъ, что всѣ бывшіе въ залѣ тронуты были до глубины души своей и тутъ же единодушно обѣщали его сіятельству непрекословно исполнить желаніе правительства".

Навязаннымъ, такимъ образомъ, казеннымъ раввинамъ приходилось и послѣ своего избранія выдерживать систематическое противодѣйствіе еврейской общины, если только они проявляли какую-нибудь инициативу и стремленіе вмѣшиваться въ общинныя дѣла. Обращеніе же казенныхъ раввиновъ къ поддержкѣ власти еще больше возстанавливало противъ нихъ общину. По этому поводу въ „Разсвѣтѣ" велась пространная полемика; принудительныя мѣры иныхъ „пастырей" вызывали осужденіе на столбцахъ перваго русско-еврейскаго органа. Указывалось, между прочимъ, что такіе раввины будутъ имѣть „столько же успѣха, сколько любой становой, думающій исправлять нравственность народа" (№ 3).

XIV.

Такое же сопротивленіе со стороны еврейскихъ общинъ встрѣчали и начальныя казенныя училища. Къ 60-мъ го-

дамъ потребность въ свѣтскомъ просвѣщеніи стала усиливаться среди евреевъ. Купцы начали отдавать своихъ дѣтей въ общія школы и приглашать къ себѣ частныхъ учителей. Начали открываться пансіоны и частныя училища для дѣвочекъ. Возникали и субботнія школы для дѣтей ремесленниковъ, приказчиковъ и т. п. Всѣ эти просвѣтительныя начинанія имѣли значительный успѣхъ. Объ этомъ сообщаютъ корреспонденты „Разсвѣта", „Гамелица" и „Гакармеля" изъ большихъ городовъ черты — Одессы, Кишинева, Бердичева, Житоміра, Полтавы, Вильны, Минска, Бѣлостока, Могилева и т. д. Но тѣ же корреспонденты съ глубокимъ прискорбіемъ констатируютъ крайнюю вражду евреевъ къ казеннымъ училищамъ, а также борьбу общинъ противъ попытокъ интеллигенціи реформировать старыя талмудъ-торы. Люблинскій корреспондентъ „Гамелица" сообщаетъ, что проповѣдникъ съ амвона доказывалъ, что реформированіемъ талмудъ-торы хотятъ отвратить евреевъ отъ религіи; многіе тамъ направились на кладбище, чтобы просить у покойниковъ заступничества противъ этихъ замысловъ (№ 30, 1862 г.). Реформированная одесская талмудъ-тора выставлялась провинціальными маскилами въ видѣ идеала, для нихъ недостижимаго. Главная же борьба за „просвѣщеніе" сосредоточивалась вокругъ казенныхъ еврейскихъ училищъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ казенныя училища, учрежденныя въ періодъ тяжелой реакціи для тѣхъ же цѣлей „исправленія" евреевъ, уже имѣли за собой десятилѣтнюю давность. Произошли нѣкоторыя улучшенія въ общеобразовательномъ уровнѣ преподавательскаго персонала, среди котораго значительную роль стали играть выходцы изъ раввинскихъ училищъ. Измѣнилась и общая атмосфера, окружавшая казенныя училища при дореформенномъ режимѣ. Исчезли набѣги на эти школы въ цѣляхъ отдачи еврейскихъ дѣтей въ рекруты. Сошли со сцены „ловцы", которые фигурировали не только въ рекрутчинѣ, но и въ дѣлѣ вербованія учениковъ для казенныхъ училищъ [1]). И тѣмъ не менѣе, даже въ „эпоху великихъ реформъ" отношеніе еврейскаго населенія къ казенному просвѣщенію, какъ къ тяжелой повинности, сохранилось во всей своей неприкосновенности. Это красной нитью проходитъ въ корреспонденціяхъ разныхъ органовъ печати того времени.

---

[1]) См. П. Марекъ: „Очерки по исторіи просвѣщенія евреевъ", стр. 80. 112—120 (М. 1909).

Казенныя училища пустовали, а преподаватели ихъ были окружены атмосферой крайней непріязни. Отъ времени до времени административныя власти прибѣгали къ мѣрамъ воздѣйствія на еврейское общество для привлеченія учениковъ въ школы. Тогда представителями еврейской общины рекрутировались дѣти беднѣйшихъ родителей или сироты и посылались въ казенныя училища, чѣмъ состоятельные евреи избавлялись отъ повинности „просвѣщенія". Объ этомъ особенно подробно разсказываютъ намъ корреспонденты „Разсвѣта", которые, большей частью, сами состояли преподавателями въ казенныхъ школахъ. Одинъ изъ нихъ, описывая школьныя мытарства въ своемъ городѣ (Новоградволынскѣ), сообщаетъ: „Коротко сказать, изъ дѣтей купеческихъ и зажиточныхъ хозяевъ не явилось учениковъ, а поступило въ училище только до 15 бѣдныхъ мальчиковъ, испытавшихъ при своемъ вступленіи такой же страхъ и ужасъ, какой испытываютъ рекруты, только что выпущенные изъ станка воинскаго присутствія и врученные попеченію дядьки, у котораго толчки и подзатыльники ни по чемъ". Но и эти ученики явились въ училище только потому, что дома они голодали, а тутъ еврейское купечество приняло на себя обязанность (для спасенія своихъ дѣтей отъ позорной роли „школьниковъ") снабжать ихъ пищей и обувью. Нѣкоторые родители учениковъ добивались еще особаго вознагражденія отъ еврейскаго общества и смотрителя училища за данное ими своимъ дѣтямъ разрѣшеніе посѣщать казенную школу. И корреспондентъ нашъ, разсказывая обо всемъ этомъ, глубоко возмущается, что братья его такъ упрямо отстраняютъ „поданную имъ правительствомъ руку помощи", что имъ и въ голову не приходитъ, какая свѣтлая будущность ихъ ожидаетъ, что, „исполняя благую волю правительства, они могутъ нѣкогда быть полезными гражданами" („Разсвѣтъ", № 36). Объ этой враждѣ евреевъ къ казеннымъ училищамъ сообщаетъ подавляющее большинство корреспондентовъ „Разсвѣта" (№№ 8, 16, 17, 19, 29, 33, 36, 43, 50 и др.), какъ и остальныхъ органовъ еврейской журналистики. Этому же вопросу посвящены и редакціонныя статьи. Особенно „Гамелицъ" не переставалъ укорять евреевъ за ихъ враждебное отношеніе къ казеннымъ школамъ, указывая на заманчивыя перспективы эмансипаціи и на практическія выгоды, вытекающія изъ знанія русскаго языка. Эта проповѣдь, сопровождавшаяся временами очень суровыми наставленіями по адресу „упорствующихъ", встрѣчается почти въ каждомъ номерѣ „Гамелицѣ" за 1860—1862 гг.

Законъ 4-го мая 1859 г. установилъ, какъ извѣстно, обязательность для еврейскихъ купцовъ и почетныхъ гражданъ опредѣлять своихъ дѣтей въ общія правительственныя учебныя заведенія, а гдѣ таковыхъ нѣтъ—въ казенныя еврейскія училища. Но и этотъ указъ не способствовалъ оживленію казенныхъ школъ. Уманскій корреспондентъ „Разсвѣта" (№ 43) сообщаетъ, какъ осуществлялись новыя правила объ обязательности казеннаго „просвѣщенія". Текстъ новаго закона прочитанъ былъ съ амвона въ самой большой уманской синагогѣ. Кромѣ того, училищное начальство „озаботилось особо извѣстить каждаго изъ родителей о содержаніи постановленія". Наконецъ, по ходатайству той же училищной администраціи, къ дѣлу привлеченъ былъ и представитель военнаго вѣдомства, начальникъ военныхъ поселеній, „который по праву начальственнаго наблюденія за событіями въ городѣ и по сочувствію къ образованію.... пригласилъ въ свой штабъ купцовъ-евреевъ и здѣсь сильными убѣжденіями склонялъ ихъ отдать своихъ дѣтей для обученія въ (казенное) училище". Это возымѣло свое дѣйствіе: въ училище отдано было „на жертву образованію" (выраженіе другого корреспондента „Разсвѣта") свыше 40 дѣтей. Но родители не успокоились. Они ежедневно навѣщали своихъ дѣтей въ школѣ, а по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ большинство дѣтей оставлено было родителями дома. Отсюда корреспондентъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Вся тайна въ томъ, что слову „обязательный" придано нравственное значеніе, а не принудительное внѣшнимъ образомъ. Продолжись принужденіе годъ или два, все освоилось бы, и образованіе еврейскаго юношества пошло бы впередъ безпрепятственно".

Эти призывы къ принудительнымъ мѣрамъ, въ болѣе или менѣе смягченной формѣ, довольно часто повторяются въ корреспонденціяхъ „Разсвѣта" (сама редакція въ своихъ руководящихъ статьяхъ держалась иного взгляда). И въ лицѣ этихъ сторонниковъ принужденія мы видимъ передъ собой новый типъ еврейскаго интеллигента, не похожій на прежняго „маскила", который связанъ былъ со старой еврейской культурой многочисленными нитями. Новый типъ интеллигента, который съ начала 60-хъ годовъ все чаще встрѣчается среди еврейской студенческой молодежи и выходцевъ изъ раввинскихъ училищъ, характеренъ своей отчужденностью отъ народа. Тѣ изъ интеллигентовъ, которые приходили къ народу въ качествѣ раввинскихъ кандидатовъ или

учителей, оставались въ большинствѣ случаевъ изолированными въ еврейской средѣ. О роли молодыхъ казенныхъ раввиновъ уже упомянуто было выше. Казенные же учителя возбуждали къ себѣ не меньше непріязни и въ свою очередь съ презрѣніемъ относились къ еврейской массѣ. Они считали себя представителями просвѣщенной власти, которой безпрекословно должны подчиниться „жалкіе обскуранты“, „легковѣрная толпа“, „фанатичная чернь“ (эпитеты, очень часто встрѣчаемые въ корреспонденціяхъ „Разсвѣта“). Слово „фанатизмъ“ должно было исчерпывать всю сущность еврейской духовной жизни, какъ слово „тунеядство“ примѣнялось къ экономическому быту евреевъ. Оба эти термина, обычно фигурировавшіе въ дореформенныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ и оффиціальныхъ донесеніяхъ мѣстныхъ властей, употреблялись теперь еврейскими приверженцами принудительнаго казеннаго „просвѣщенія“.

Житомірскій корреспондентъ „Разсвѣта“ (№ 17) описываетъ, какія мытарства житомірское раввинское училище претерпѣло „со стороны фанатизма, который, предчувствуя свою гибель, съ отчаянной яростью бросился на своего противника“... При этомъ подчеркивается, что училище „не платило фанатизму той же монетой“. „Какъ миссіонеръ въ странѣ варваровъ, съ обращеннымъ къ небу взоромъ, умоляетъ оно Всевышняго простить своихъ ослѣпленныхъ дѣтей и раскрыть имъ очи, дабы они узрѣли свѣтъ и правду“. Учитель луцкаго училища съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства описываетъ, какъ онъ, сдѣлавъ свой туалетъ и одѣвъ фуражку (казенные учителя очень дорожили мундиромъ и кокардой), направился „просвѣщать луцкое еврейское юношество“. Но въ казенномъ училищѣ всего 7 учениковъ, „а восьмой— день приходитъ, а три дня исправляетъ должность луцкихъ тунеядцевъ, число которыхъ почти равно числу праздношатающихся въ губернскомъ городѣ“... Луцкіе евреи съ крайнимъ презрѣніемъ относятся къ учителямъ. „По ихъ мнѣнію, мы вовсе лишнія созданія божіи. И при такихъ условіяхъ извольте достигнуть успѣха путемъ убѣжденія!“ Учитель поэтому недоволенъ послѣдовавшимъ распоряженіемъ, „чтобы на купцовъ дѣйствовать не строгими мѣрами, а морально“. „Спрашивается, въ какомъ смыслѣ мы должны понимать это распоряженіе, и какимъ образомъ этимъ орудіемъ убѣжденія дѣйствовать на купцовъ, чтобы они таки непремѣнно отдавали своихъ недорослей въ училище?“ („Разсв. № 50). Винницкій корреспондентъ жалуется, что „въ

борьбѣ обскурантовъ съ истиннымъ просвѣщеніемъ" начальство иногда бываетъ на сторонѣ „обскурантовъ" [1]).

На ряду съ этой аппелляціей къ строгости властей, раздавались призывы въ духѣ европейской практики „обязательнаго обученія". Нѣкоторые корреспонденты „Разсвѣта" ссылаются на примѣры Запада, на мнѣнія Дж. Ст. Милля и др. „Если обязательность первоначальнаго образованія не считается насильственной въ свободно мыслящей Германіи, то у насъ она является дѣломъ необходимости". Гарантіей дѣйствительности этой мѣры авторъ считаетъ угрозу денежнымъ штрафомъ (№ 29). Сторонникъ Милля доказываетъ, что „принуждать народъ къ образованію—не значитъ посягать на его свободу", а является лишь желаніемъ „вызвать его изъ безсмысленнаго состоянія" (№ 33). Другой сотрудникъ (№ 33) ссылается на опытъ тѣхъ городовъ, гдѣ закрыты были администраціей казенныя училища и гдѣ вмѣстѣ съ этимъ исчезъ всякій очагъ просвѣщенія: „Закрой правительство и остальныя еврейскія училища, и—страшно подумать—кто знаетъ, не водворится ли снова царство мрака и не будутъ-ли враги нашего „Разсвѣта" праздновать свое блестящее торжество?"...

Однако, въ оцѣнкѣ казеннаго просвѣщенія замѣчается уже нѣкоторое колебаніе. Въ „Разсвѣтѣ" встрѣчаются взгляды, рѣзко осуждающіе полицейское принужденіе въ дѣлѣ образованія, какъ и въ раввинскомъ вопросѣ. Корреспондентъ изъ Евпаторіи крайне возмущается защитниками своего рода просвѣщеннаго абсолютизма. „Невинные прогрессисты, говоритъ онъ, имѣющіе въ рукахъ своихъ свѣтильникъ просвѣщенія, желаютъ, чтобы всѣ евреи вдругъ, однимъ богатырскимъ потрясеніемъ плечъ, при дружныхъ восклицаніяхъ: „разомъ"!, сбросили съ себя всѣ вѣковыя предубѣжденія и, не оглядываясь, побѣжали стремглавъ за свѣтильникомъ. Но возможно-ли это, согласно-ли съ натурой человѣка, законно-ли требовать подобнаго подвига отъ людей, закаленныхъ въ своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ"?.. („Разсв." № 44).

[1]) Насколько, вообще, сильна была непріязнь массы къ интеллигенціи, можно, между прочимъ, судить и по слѣдующему. Корреспондентъ „Гакармеля" (№ 4, 1862 г.), дѣлясь радостной вѣстью, что евреямъ предоставлено будетъ право быть судьями, сообщаетъ, что, къ ужасу своему, онъ слышалъ по этому поводу среди евреевъ совершенно другое мнѣніе: что это будетъ не благодѣяніемъ, а новой „гзейре", такъ какъ господство еврейскихъ интеллигентовъ поведетъ за собой „разрушеніе основъ нашей религіи".

Такой же протестъ раздался и на столбцахъ „Гакармеля", въ видѣ „письма въ редакцію" изъ Риги. Авторъ возмущается нетерпимостью къ ортодоксамъ со стороны „прогрессистовъ", почувствовавшихъ свою силу и забывшихъ о томъ времени („15—20 лѣтъ тому назадъ"), когда маскилы негодовали противъ „сильнѣйшей тогда партіи" ортодоксовъ, бросавшихъ имъ презрительную кличку „берлинеры", отъ чего, свидѣтельствуетъ корреспондентъ, „сердце бывало обливается кровью". Необходимо, заключаетъ онъ, уважать вѣковыя традиціи еврейства и примѣрами жизни доказать, что образованіе не грозитъ опасностью религіи (1863 г. № 37, рус. прилож.).

Подвергается критикѣ и самъ по себѣ вопросъ о грамотности и образованіи. „Нашъ народъ—восклицаетъ одинъ сотрудникъ „Разсвѣта"—не дикая орда, въ которой нужно распространять первыя начала грамотности и письменности; это народъ, въ жизнь котораго проникаютъ—уже тысячелѣтія—школа и ученіе, ученость и литература, какъ непремѣнныя ея части" (№ 13). „Цѣлая нація грамотна!—пишетъ другой. Всѣ поголовно болѣе или менѣе учатся; иные, положимъ, учатся по своему, чему нибудь и какъ нибудь, но все же чувствуютъ потребность услаждаться по временамъ какой-нибудь духовной пищей. А между тѣмъ число учащихся въ казенныхъ училищахъ еще такъ скудно и вовсе не возрастаетъ въ той прогрессіи, какой мы вправѣ были ожидать!" (тамъ же, № 33). Одна изъ причинъ этого явленія заключалась въ недовѣріи къ преподаванію „еврейскихъ предметовъ" въ казенной школѣ, направленному „къ подрыву религіозныхъ вѣрованій массъ". Подъ условіемъ необязательности этихъ предметовъ, еврейскіе родители въ Кишиневѣ согласились отдать своихъ дѣтей въ училище, о чемъ съ большимъ удовлетвореніемъ извѣщаетъ корреспондентъ „Разсвѣта", высказывая пожеланіе, чтобы родители „надолго остались вѣрными разъ принятому рѣшенію" (№ 16). Другіе, однако, указываютъ на общее „глубокое предубѣжденіе" евреевъ противъ всего преподаванія въ казенныхъ училищахъ, ихъ внѣшней обстановки и „внутренняго порядка" (№ 19).

Смотрители казенныхъ училищъ, вербовавшіеся изъ наименѣе удачливыхъ русскихъ чиновниковъ (евреи стали занимать смотрительскія должности нѣсколько позже), много содѣйствовали недовѣрію массъ къ школѣ. Эти чиновники свысока смотрѣли на еврейскихъ преподавателей и учениковъ. Иные изъ нихъ не могли переварить мысли, что учителя—„жидки" носятъ такіе же вицъ-мун-

диры, какъ они; чиновники такого то класса („Разсв. № 29). Смотритель являлся въ школу, какъ грозный начальникъ, металъ громъ и молнію, ругался по адресу евреевъ на обычномъ юдофобскомъ жаргонѣ и смотрѣлъ на училище исключительно съ точки зрѣнія своихъ матеріальныхъ выгодъ (№ 43). Редакція „Разсвѣта", отмѣчая факты юдофобскаго обхожденія смотрителя съ учениками, говоритъ: „Жиды", „жидовщина проклятая", „жиденята паршивые" — этимъ щедро угощаются мальчики въ еврейскихъ училищахъ, въ училищахъ, устраиваемыхъ и содержимыхъ на деньги самихъ евреевъ. Какого же сочувствія можно ожидать къ этимъ училищамъ отъ еврейскихъ обществъ при такихъ условіяхъ? Какого можно надѣяться прилива учениковъ въ эти заведенія?.. И дѣйствительно: эти заведенія не могутъ похвастаться ни тѣмъ, ни другимъ" (№ 19). Корреспондентъ изъ Винницы замѣчаетъ, что казенные разсадники просвѣщенія часто являются „полицейскими мѣстами со всѣми ихъ злоупотребленіями" („Разсвѣтъ", № 29).

Редакція „Разсвѣта", ссылаясь на мнѣніе своего иностраннаго обозрѣвателя по поводу школьной повинности въ Австріи, объясняетъ, что „евреи рѣдко когда уступали внѣшнему давленію" и что не принудительныя мѣры, а гражданское равноправіе успѣшно подвинетъ еврейское населеніе на путь свѣтскаго просвѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается, что странно говорить о школьной повинности исключительно для евреевъ, которые при общей обстановкѣ своей жизни еще не чувствуютъ необходимости въ знаніи русскаго языка и видятъ въ казенныхъ училищахъ опасность для религіозныхъ вѣрованій своихъ дѣтей. „А при такихъ условіяхъ принужденіе отдавать въ нихъ своихъ дѣтей было бы насиліемъ, и притомъ насиліемъ для религіозной совѣсти большой массы еврейскихъ отцовъ" (№№ 29, 43).

Общественныя школы, въ противовѣсъ казеннымъ, рисовались „Разсвѣту" какъ идеалъ близкаго будущаго. Въ журналѣ неоднократно ссылались на примѣръ первой одесской школы (Штерна), которая процвѣтала въ періодъ, когда она была общественной и пользовалась полнымъ самоуправленіемъ, и пришла въ упадокъ, вызвавъ недовѣріе родителей, когда она была превращена (въ 1852 г.) въ казенное училище (№№, 4, 20, 29). Когда же въ Петербургѣ возникла (въ 1860 г.) мысль о созданіи Общества для распространенія просвѣщенія среди евреевъ, она, естественно, встрѣтила горячее сочувствіе со стороны „Разсвѣта". Напоминая о печальномъ состояніи казенныхъ училищъ, редакторъ „Разсвѣта" въ передовой статьѣ (№ 19) указываетъ, какую

огромную пользу принесла бы такая общественная организація, которую онъ хотѣлъ бы назвать „Обществомъ поощренія просвѣщенія между евреями". И рисуя себѣ, какъ это Общество широко разовьетъ свою дѣятельность въ провинціи, привлечетъ въ свои ряды лучшую часть еврейской интеллигенціи, будетъ основывать школы, поддерживать учащуюся молодежь и т. д.,—Рабиновичъ восклицаетъ: „У кого не запрыгаетъ сердце въ груди при одной мысли о возможности такого событія!" [1]).

И. Сосисъ.

---

[1]) Обширный проектъ О. А. Рабиновича о школьной дѣятельности не былъ, однако, принятъ открывшимся въ 1863 г. „Обществомъ для распространенія просвѣщенія среди евреевъ", предпочитавшимъ тогда сосредоточить свою главную дѣятельность на помощи учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. (См. Чериковеръ. Исторія Общества просвѣщенія евреевъ, т. I, 31. 39—42).

Евреи въ Курляндіи (XVI—XVIII в.).

(*Окончаніе*) [1].

II.

Дворяне-помѣщики и евреи были взаимно связаны общими дѣловыми интересами. Дворяне нуждались въ евреяхъ, какъ въ исполнителяхъ различныхъ хозяйственныхъ порученій; въ свою очередь евреи брали у помѣщиковъ деньги взаймы, и эти-то долговыя обязательства и служили имъ якоремъ спасенія, ибо кредиторы-помѣщики, чтобы не потерять денегъ, должны были всячески удерживать евреевъ на старыхъ мѣстахъ. Тѣмъ обстоятельствомъ, что евреи стали должниками помѣщиковъ, объясняется и покровительство, которое помѣщики оказывали евреямъ, давая имъ возможность уклониться отъ уплаты „еврейскихъ денегъ". Конечно, евреи выступали также и въ качествѣ кредиторовъ, но ихъ должниками были преимущественно городскіе торговые люди. Когда въ 1733 г. евреямъ отсрочили выселеніе, это было объяснено, между прочимъ, тѣмъ, что кредиторы успѣютъ въ теченіе этого времени взыскать долги съ нихъ. О задолженности евреевъ говорится и въ опредѣленіи ландтага 1738 г. Сколько бы рыцарство и земство ни желало осуществить постановленіе о евреяхъ,—грустно замѣчаетъ ландтагъ, какъ бы оправдываясь передъ кѣмъ-то, — все же это невозможно, потому что нельзя придумать, какимъ образомъ дворяне-землевладѣльцы, особливо земство, сумѣютъ взыскать съ евреевъ долги.

Наряду съ задолженностью, евреевъ спасали также „еврейскія деньги". Этимъ сборомъ, который представлялся ландтагу весьма заманчивымъ, и пользовались дворяне, выступавшіе въ защиту

[1] См. Евр. Старина, 1914, вып. II, стр. 145—162.—Въ виду необходимости соединить III и IV выпуски журнала, автору пришлось сократить настоящій очеркъ въ текстѣ и особенно въ примѣчаніяхъ. Главные источники и литература указаны въ предыдущей статьѣ.

еврейскаго населенія: они обнадеживали остальныхъ дворянъ, что деньги съ евреевъ будутъ, наконецъ, взысканы.

Однако это было обоюдоострое оружіе, такъ какъ опасеніе, что число защитниковъ евреевъ возрастетъ, если послѣдніе будутъ аккуратно вносить деньги, заставляло правительственную власть, прислушивавшуюся къ голосу городовъ, съ особой энергіей настаивать на удаленіи евреевъ. И, какъ видно, съ цѣлью ослабить противодѣйствіе со стороны правительства, ландтагъ, принявъ серьезныя мѣры ко взысканію налога съ евреевъ, объявилъ (1738 г.), что и поступленіе сбора не избавитъ ихъ отъ скораго изгнанія. Однако, хитрость не удалась. Правительство понимало, что это пустыя слова, и оно зафиксировало въ спеціальномъ актѣ свое недовольство ландтагомъ за его благосклонное отношеніе къ евреямъ.

Подъ угрозой изгнанія евреи переживали тревожные годы; тѣмъ не менѣе имъ удалось не только остаться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, но и численно возрасти въ городахъ — Митавѣ, Цабельнѣ и Туккумѣ. Такъ по крайней мѣрѣ утверждали бюргеры, крайне недовольные этимъ. Въ 1737—1741 гг. герцогомъ курляндскимъ былъ Биронъ, извѣстный фаворитъ русской императрицы Анны Іоанновны. Въ его громадныхъ имѣніяхъ евреи встрѣчались, какъ кажется, въ довольно значительномъ числѣ; его факторъ-еврей Леви Липманъ имѣлъ большія связи въ Петербургѣ. Этими благопріятными обстоятельствами и воспользовались многіе евреи и водворились въ городахъ. Но едва, послѣ смерти Анны Іоанновны, Биронъ лишился герцогства, будучи сосланъ на поселеніе, какъ города совмѣстно съ нѣкоторыми кирхшпилями добились у польскаго короля (Курляндія оставалась до 1758 г. безъ герцога) изданія патента объ изгнаніи евреевъ.

Это распоряженіе стали приводить въ исполненіе. Тогда многіе дворяне изъ различныхъ мѣстностей, сговорившись, выступили съ коллективными протестами противъ немедленнаго удаленія евреевъ. Объ отсрочкѣ хлопотали и сами евреи, но правительство отвѣтило имъ, что если дѣйствительно одна часть дворянъ желаетъ, чтобы евреевъ оставили на мѣстахъ, то другая настаиваетъ на осуществленіи патента, основаннаго на предшествующихъ постановленіяхъ.

Тѣмъ не менѣе евреямъ все же удалось удержаться въ странѣ. Правда, вскорѣ наступилъ моментъ, когда опасность надвинулась вплотную. Евреи, какъ видно, сильно встревожились и въ труд-

ный часъ обнаружили единеніе, котораго ранѣе не проявляли. Считая, что бѣду можно предотвратить, снискавъ аккуратной уплатой сбора благоволеніе большей части дворянства, двадцать болѣе состоятельныхъ евреевъ изъ Митавы, Туккума и Бауска обѣщали принять на себя заботу о правильномъ поступленіи сбора и согласились не только вносить обычные 400 рейхсталеровъ, но и покрыть постепенно старый долгъ; взамѣнъ этого они просили предоставить евреямъ право не одного лишь проживанія, но и торговли; разъ, говорили ходатаи, зарубежнымъ евреямъ, проѣдающимъ свой заработокъ внѣ страны, разрѣшается заниматься здѣсь торговлей, то герцогству было бы еще выгоднѣе, если бы этимъ правомъ пользовались также мѣстные евреи, оставляющіе свой заработокъ въ странѣ. Это предложеніе было поддержано нѣкоторыми дворянами, но безуспѣшно. Правительство отказалось предоставить евреямъ право осѣдлости и стало привлекать къ отвѣтственности тѣхъ помѣщиковъ, которые давали евреямъ у себя пріютъ. Сами помѣщики содѣйствовали этому, донося другъ на друга.

Несмотря, однако, на угрожавшую кару, многіе помѣщики открыто попирали правительственныя распоряженія, касающіяся евреевъ, и оказывались сильнѣе ландтаговъ. Конечно, одного покровительства помѣщиковъ было бы недостаточно, чтобы евреи продолжали оставаться въ Курляндіи. Если въ борьбѣ съ правительствомъ изъ-за евреевъ помѣщики выходили побѣдителями, то это потому, что съ одной стороны зарубежнымъ евреямъ разрѣшалось пріѣзжать на извѣстный срокъ въ Курляндію и трудно было провѣрить, кто изъ нихъ водворяется на болѣе продолжительное время; а съ другой — отсутствіе достаточнаго надзора вдоль многоверстной границы съ Литвой давало тамошнимъ евреямъ возможность незамѣтно переходить пограничную черту. Курляндскому правительству было весьма затруднительно регулировать приливъ и отливъ еврейскаго населенія, тѣмъ болѣе, что и помѣщики и городскіе обыватели принимали у себя евреевъ, а низшая администрація врядъ ли способна была отказаться отъ тайныхъ доходовъ.

Жизнь при указанныхъ условіяхъ представляла много безпокойствъ, и евреи старались узаконить свое пребываніе. Въ 1747 г. они обратились къ правительству съ трогательнымъ посланіемъ, въ которомъ высказывали свою вѣру въ то, что Господь не захочетъ изгнать ихъ изъ Курляндіи, и предлагали извѣстное вознагражденіе за терпимость. Правительство и ланд-

тагъ, повидимому, смягчились, хотя и не желали въ этомъ открыто сознаться. Старый запретъ, правда, былъ подтвержденъ, но при этомъ не былъ указанъ срокъ, къ которому должно состояться удаленіе евреевъ, и это дало имъ возможность пренебречь старыми постановленіями. Численность еврейскаго населенія въ это время возрасла, что вызывало недовольство въ нѣкоторыхъ дворянскихъ группахъ.

Выше говорилось, что врагами евреевъ являлись города, не желавшіе имѣть торговыхъ конкуррентовъ. Однако, отдѣльные городскіе обыватели и торговцы не только не избѣгали дѣлового общенія съ евреями, но и давали имъ пріютъ. И въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимала Митава, болѣе другихъ выступавшая противъ пребыванія евреевъ въ краѣ. Дворяне, караемые за держаніе у себя евреевъ, негодовали, конечно, видя, что митавскіе обыватели за этотъ же проступокъ не подвергались преслѣдованію. И ландтагъ 1748 года потребовалъ, чтобы оберраты примѣняли законъ и въ Митавѣ.

Возникаетъ однако вопросъ: желали ли въ дѣйствительности дворяне, чтобы евреи были удалены изъ городовъ? Конечно, нѣтъ. Пребываніе евреевъ въ городахъ интересовало, какъ видно, дворянъ лишь настолько, насколько оно могло имъ служить орудіемъ мести бюргерамъ за то, что послѣдніе добиваются изгнанія евреевъ изъ края; репрессіи по отношенію къ городскимъ обывателямъ, державшимъ у себя евреевъ, должны были вызвать недовольство въ городскомъ обществѣ, и можетъ быть—дворяне только этого и добивались. Фактъ тотъ, что дворяне не обнаружили желанія разстаться съ евреями не только въ своихъ имѣніяхъ, но даже и въ Митавѣ, гдѣ владѣли недвижимой собственностью.

Какъ бы то ни было, не дѣлая послабленія ни одной изъ сторонъ, правительство стало привлекать къ судебной отвѣтственности за держаніе евреевъ какъ дворянъ, такъ и городскихъ обывателей.

Одинъ изъ митавскихъ жителей заявилъ въ свое оправданіе, что евреи всюду проживаютъ въ городѣ, а на „фабрикѣ“ имѣютъ даже синагогу. Эта „фабрика“ представляла собою нѣчто въ родѣ гостинаго двора. Ея хозяиномъ былъ русскій резидентъ въ Митавѣ, камергеръ Буттларъ. Завѣдуя отъ имени русскаго правительства имуществомъ, принадлежавшимъ въ свое время Бирону, Буттларъ имѣлъ дѣловыя сношенія съ евреями и покро-

вительствовалъ имъ. Фабрика, какъ жаловались митавскіе торговцы, была переполнена евреями, имѣвшими тамъ свои склады товаровъ и частью жившими тамъ. Подворье Буттлара служило соблазномъ для другихъ обитателей Митавы, бюргеровъ и дворянъ, а потому оберраты обратились съ жалобой къ польскому королю на Буттлара. Русская императрица Елизавета Петровна, извѣстная своими юдофобскими наклонностями, приказала Буттлару прекратить всякія сношенія съ евреями. Это распоряженіе, если вѣрить жалобѣ митавскихъ торговцевъ, не было фактически исполнено: Буттларъ продолжалъ сдавать евреямъ квартиры и помѣщенія для складовъ, но все это дѣлалось чрезъ посредство дворянъ, которые брали помѣщенія на свое имя, а затѣмъ передавали ихъ евреямъ.

Слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что дворяне извлекали въ Митавѣ и въ своихъ имѣніяхъ такую пользу отъ различныхъ сдѣлокъ съ евреями, что штрафы, налагавшіеся за нарушеніе закона, представлялись ничтожными; къ тому же часто дворяне вовсе не несли никакого риска, такъ какъ евреи принимали штрафы на свой счетъ. Послѣднее обстоятельство побуждало противниковъ евреевъ добиваться того, чтобы кара, болѣе серьезная, чѣмъ штрафъ, обрушивалась не столько на дворянъ, сколько на самихъ евреевъ. Это и было принято ландтагомъ 1754 г. Однако тогда же многіе кирхшпили высказались за то, чтобы евреямъ было предоставлено право свободнаго проживанія въ краѣ (евреи выразили готовность платить за терпимость 1500 рейхсталеровъ). Еще болѣе рѣшительное выступленіе дворянства въ защиту евреевъ состоялось на ландтагѣ 1755 г., когда правительству было предложено поставить на разсмотрѣніе вопросъ о правѣ осѣдлости евреевъ. Конечно, правительство, дѣйствовавшее въ данномъ случаѣ за одно съ городами, отнеслось къ этому предложенію въ высшей степени отрицательно и высказалось самымъ категорическимъ образомъ противъ смягченія основныхъ законовъ, запрещающихъ пребываніе евреевъ въ краѣ. Напрасно ландтагъ доказывалъ, что такихъ основныхъ законовъ вовсе не существуетъ, что въ свое время евреи были ограничены въ торговыхъ правахъ, а не въ правѣ осѣдлости. Полемика между правительствомъ и ландтагомъ приняла рѣзкую форму; обѣ стороны усердно занялись историческими изысканіями и комментированіемъ законовъ.

Въ 1759 г. въ Курляндію прибылъ новый герцогъ — Карлъ, сынъ польскаго короля. Евреи хотѣли использовать этотъ торжественный моментъ и возбудили передъ герцогомъ ходатайство,

чтобы тридцать семействъ были признаны терпимыми, при чемъ они берутъ на себя отвѣтственность за поступленіе сбора и пошлинъ. Трудно сказать, почему рѣчь шла именно о тридцати семьяхъ. Были ли то наиболѣе состоятельныя, которыя могли обязаться предъ правительствомъ круговой порукой за правильное поступленіе сборовъ и потому надѣялись, что при общемъ изгнаніи для нихъ будетъ сдѣлано исключеніе? Можно предположить, впрочемъ, что это были тѣ семьи, которыя осѣли въ городахъ; ихъ, жившихъ по близости другъ отъ друга, должно было объединить,—а вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлить отъ прочаго еврейскаго населенія, сидѣвшаго на помѣщичьихъ земляхъ,—то обстоятельство, что имъ было легко производить между собою раскладку сбора и что они не имѣли другого защитника, кромѣ герцога; евреи же, жившіе на частновладѣльческихъ земляхъ, находились, какъ мы знаемъ, подъ покровительствомъ своихъ помѣщиковъ и могли уклоняться отъ участія въ раскладкѣ.

Однако прибытіемъ новаго герцога воспользовались не одни евреи; ихъ противники, митавскіе торговцы, обратились къ герцогу съ обширной запиской (16 авг. 1758 г.), въ которой доказывали, что христіане-торговцы стонутъ подъ игомъ евреевъ, и если послѣдніе не будутъ изгнаны, христіанамъ придется покинуть свои дома и родной городъ и отдать все въ распоряженіе евреевъ [1]). Это ходатайство торговцевъ, подкрѣпленное, быть можетъ, нѣкоторой суммой денегъ (имѣются документальныя данныя, свидѣтельствующія, что митавскіе бюргеры соблазняли кого слѣдуетъ звономъ металла), привело къ цѣли. Былъ составленъ и подписанъ патентъ 6 октября 1759 г. потребовавшій, чтобы евреи въ теченіе короткаго времени покинули Митаву, при чемъ ослушникамъ угрожало даже тѣлесное наказаніе. Узнавъ о такомъ распоряженіи, евреи заподозрили, что ихъ просьба не дошла до герцога, что она была задержана гдѣ-то въ канцеляріи (какъ въ дѣйствительности и было, насколько я могу судить по нѣкоторымъ документамъ герцогской канцеляріи); они обратились къ герцогу съ новой мольбой о милости, при чемъ не умолчали о своемъ опасеніи, что ихъ первое ходатайство осталось ему неизвѣстнымъ; они говорили, что пришли въ ужасъ, услыхавъ о готовящемся новомъ указѣ, въ силу котораго всѣ евреи должны покинуть страну въ четырехнедѣльный срокъ: это

[1]) Эта записка напечатана въ Евр. Старинѣ 1911 г., стр. 569—579, въ статьѣ д-ра Іоффе.

приведетъ къ разоренію евреевъ и причинитъ громадные убытки дворянамъ и другимъ жителямъ; ходатаи просили — если нельзя совсѣмъ отмѣнить указъ - по крайней мѣрѣ отсрочить выселеніе.

Прошло нѣкоторое время, а патентъ 6 октября 1759 г. все еще не былъ опубликованъ; быть можетъ, евреи или тѣ, кто имъ покровительствовалъ, сумѣли парализовать вліяніе митавскихъ бюргеровъ; но надежды, вызванныя отсрочкою, оказались обманчивыми. 20 сентября 1760 г. былъ опубликованъ тотъ новый патентъ, появленіе котораго евреи еще раньше ждали. Составленный въ духѣ жалобы митавскихъ торговцевъ, онъ не ограничился предѣлами одной Митавы, а обрушился на все еврейское населеніе. Евреевъ стали выселять, на первыхъ порахъ, только изъ городовъ. Жившіе подъ покровительствомъ помѣщиковъ, остались, какъ видно, на мѣстахъ, да и въ городахъ не всюду и не въ полной мѣрѣ было осуществлено суровое распоряженіе.

Тѣмъ не менѣе надо было бороться съ этимъ актомъ, и ландтагъ 1761 г. подвергъ его безпощадной критикѣ. Между правительствомъ и ландтагомъ завязалась обширная переписка, въ которой обѣ стороны проявили настойчивость и рѣзкость. Въ этомъ спорѣ долженъ былъ занять видное мѣсто, между прочимъ, и вопросъ о правахъ городовъ, ибо дѣло сводилось къ тому, насколько экономическая дѣятельность евреевъ нарушаетъ привилегіи городского торговаго класса. Не смотря на всю разнообразную аргументацію, къ которой прибѣгъ ландтагъ, правительство не пошло на уступку.

Въ это время указъ сталъ болѣе энергично приводиться въ исполненіе. Хотя страна и не осталась безъ евреевъ (не всѣ удалились, а съ другой стороны зарубежные евреи попрежнему пріѣзжали сюда на срокъ по торговымъ дѣламъ), — но все же численность ихъ въ Курляндіи была тогда, вѣроятно, доведена до минимума. Немногіе оставшіеся совершенно не признавались за мѣстныхъ жителей.

Одна природа не хотѣла считаться съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ: болѣзнь и смерть не дѣлали для евреевъ исключенія и застигали ихъ въ Курляндіи. Случилось, что одинъ пріѣзжій еврей тяжко заболѣлъ. Оставшійся въ Митавѣ „привилегированный“ еврей Веніаминъ Беръ, въ теченіе ряда десятилѣтій заботившійся о митавской еврейской общинѣ, не зная, что дѣлать со своимъ единовѣрцемъ, такъ неосторожно заболѣвшимъ, отправилъ его за рубежъ, такъ какъ въ Митавѣ некому было

ухаживать за нимъ, а въ случаѣ смерти негдѣ было бы похоронить. Кладбище, устроенное въ 1710 г., было разрушено въ 1761 г. — быть можетъ, въ связи съ указомъ объ изгнаніи евреевъ. И вотъ Беръ сталъ хлопотать о томъ, чтобы въ Митавѣ могли проживать двое евреевъ, которые заботились бы о больныхъ и погребеніи умершихъ, и чтобы было разрѣшено возстановить кладбище; въ первой просьбѣ было отказано; что касается второй, то особымъ патентомъ (5 ноября 1762 г.) старая привилегія на пользованіе кладбищемъ была подтверждена.

Новая перемѣна правителя опять возбудила надежды среди курляндскихъ евреевъ, въ такихъ случаяхъ всегда склонныхъ къ оптимизму. Когда русскій дворъ настоялъ на смѣщеніи герцога Карла и на избраніи стараго Бирона, возвращеннаго изъ ссылки, курляндскіе евреи поспѣшили обратиться (1763 г.) къ нему за защитой еще прежде, чѣмъ герцогъ Карлъ, не желавшій разстаться съ престоломъ, успѣлъ покинуть край. Евреи просили Бирона о томъ, чтобы ихъ признали подданными государства,— конечно, не всѣхъ, проживавшихъ въ Курляндіи, а лишь опредѣленное число; по крайней мѣрѣ такое направленіе вопросу о евреяхъ было придано ландтагомъ, съ которымъ, надо думать, еврейскіе ходатаи дѣйствовали сообща. Однако герцогъ не могъ дѣйствовать самостоятельно; правительство же въ рѣшительной формѣ отказывалось отъ какихъ бы то ни было уступокъ. Правительство было, впрочемъ, болѣе сурово на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ: не смотря на всю строгость постановленій, евреи въ томъ или иномъ числѣ продолжали оставаться въ краѣ; возможно, конечно, что центральная власть не была въ этомъ повинна, что это было дѣломъ чиновъ низшей администраціи, благосклонность которыхъ компенсировалась извѣстной суммой еврейскихъ денегъ.

Во всякомъ случаѣ высшая власть была освѣдомлена о томъ что евреи живутъ не только на помѣщичьихъ земляхъ, но и въ Митавѣ. Объ этомъ мы узнаемъ, между прочимъ, изъ любопытнаго эпизода: пожелавъ колонизировать Новороссійскій край иностранцами, въ томъ числѣ и евреями, императрица Екатерина II поручила это дѣло нѣсколькимъ митавскимъ евреямъ, которымъ съ указанной цѣлью было разрѣшено жить и торговать въ Ригѣ, что въ то время не разрѣшалось законами.

Въ 1769 г. Биронъ уступилъ власть своему сыну Петру. Подобно отцу, новый герцогъ не могъ кореннымъ образомъ измѣнить положеніе евреевъ; но при немъ, какъ и при отцѣ, дѣло не

доходило до слишкомъ крутыхъ мѣръ. Правда, въ 1770 г., въ виду появившагося моровою повѣтрія, курляндское правительство, по требованію Екатерины II, настояло на удаленіи всѣхъ евреевъ изъ края, дабы эпидемія не была занесена торговцами, поддерживавшими оживленныя сношенія съ Литвой. Но уже скоро они водворились на старыхъ мѣстахъ. Въ это время въ Митавѣ было учреждено общество помощи больнымъ (Chebra Bikur-Cholim). Это было сдѣлано, конечно, безъ огласки, безъ всякой санкціи правительства, но уже одинъ фактъ учрежденія подобнаго общества, указываетъ, что въ Митавѣ всегда находилась хотя бы небольшая группа евреевъ, стремившаяся создавать обычныя для общины организаціи.

Евреямъ по прежнему приходилось неустанно бороться за право проживанія. Ландтаги стояли на ихъ сторонѣ, но правительство не сходило со своей позиціи, а города не хотѣли смягчить свою непріязнь къ чужестранцамъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ. Между правительствомъ и ландтагомъ велась переписка по вопросу о предоставленіи евреямъ спокойнаго существованія. Но, не взирая на это, правитнльство издало патентъ (13 марта 1778 г.), направленный противъ чужихъ купцовъ вообще, а въ частности - и противъ евреевъ, разъѣзжавшихъ по странѣ съ мелочнымъ товаромъ. Ландтагъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ крайнее негодованіе, считая, что правительство не должно было издать законъ безъ вѣдома дворянъ.

Офиціальная борьба по вопросу о евреяхъ не соотвѣтствовала — въ отношеніи группировки заинтересованныхъ сторонъ — фактическому положенію вещей. Оставленія евреевъ на мѣстахъ желали не одни дворяне, но и нѣкоторые круги городского общества. Эти „друзья“ евреевъ, чувствуя на себѣ тяжелую руку городской власти, не могли открыто высказываться въ пользу евреевъ, а довольствовались тѣмъ, что вступали въ дѣловыя сношенія съ ними. Такимъ образомъ, ландтагъ фактически боролся съ правительствомъ въ интересахъ не однихъ только помѣщиковъ, но и нѣкоторыхъ группъ городского населенія. И вотъ, ландтагъ вздумалъ заставить „друзей“ евреевъ возвысить голосъ въ защиту своихъ интересовъ; съ этой цѣлью онъ заявилъ герцогу, что разъ евреямъ отказано въ терпимости, которая служила бы общему благу, то пусть и городскіе евреи будутъ удалены, и тѣ горожане, особенно митавскіе, которые даютъ пріютъ евреямъ, должны подлежетъ карѣ. Этимъ путемъ дворяне, вѣроятно, надѣялись заставить городскихъ обывателей примкнуть къ дворя-

намъ въ вопросѣ о предоставленіи евреямъ права осѣдлости. Ландтагъ понималъ, что сколько бы ни подтверждались старыя постановленія, помѣщики будутъ по прежнему держать у себя евреевъ.

Въ городахъ еврейскій вопросъ долженъ былъ теперь обостриться. Здѣсь такъ трудно было найти защиту, что извѣстный намъ Веніаминъ Беръ, ходатайствуя о разрѣшеніи ему остаться въ Митавѣ, мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что нужно, чтобы хоть кто нибудь имѣлъ надзоръ за кладбищемъ и вообще заботился о погребеніи тѣхъ изъ числа пріѣзжающихъ на время евреевъ, которыхъ здѣсь застигнетъ смерть. Вѣроятно, и изъ помѣщичьихъ имѣній многіе были удалены. Во всякомъ случаѣ офиціально считалось, что въ Курляндіи евреевъ нѣтъ. Изгнанники переселились, повидимому, въ ближайшія литовскія мѣстечки.

Не смотря, однако, на эти неблагопріятныя условія, „евреи, изгнанные изъ герцогства“ — такъ подписывались они въ это время на ходатайствахъ, — зная, что дворяне поддержатъ ихъ, стали хлопотать (1778 г.) не только о томъ, чтобы имъ было разрѣшено вернуться въ Курляндію, но и о томъ, чтобы были установлены новые законы, которыми было бы урегулировано постоянное пребываніе ихъ въ странѣ. Этимъ путемъ имѣлось въ виду добиться, чтобы судьба еврев не зависѣла болѣе отъ того, въ какомъ смыслѣ истолковываютъ старые законы — вѣдь правительство и дворянство расходились въ этихъ толкованіяхъ,— а чтобы она была рѣшена такъ сказать на-ново.

На ландтагѣ просьба евреевъ была принята сочувственно, а правительство пошло какъ бы на встрѣчу ландтагу,—оно согласилось, чтобы возбужденный вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе. При этомъ, однако, правительство потребовало, чтобы предложенія, которыя будутъ сдѣланы ландтагомъ по вопросу о евреяхъ, были представлены городскимъ магистратамъ, дабы они высказали свои соображенія и пожеланія.

Легко было предвидѣть, что при такихъ условіяхъ евреи ничего не добьются, такъ какъ нельзя было ожидать, чтобы города отказались отъ своей традиціонной нетерпимости по отношенію ко всякому конкурренту.

Уполномоченный ландтага фонъ-деръ-Брюггенъ не замедлилъ изготовить (1780 г.) проектъ устройства евреевъ. Отъ имени ландтага онъ предложилъ предоставить евреямъ право проживанія по всей странѣ, не исключая городовъ; только въ кресть-

янскихъ селеніяхъ имъ не слѣдуетъ жить; въ городахъ же ограниченію подлежатъ лишь торговыя права; евреи устраиваютъ синагогу и учреждаютъ кагалъ, который собираетъ съ еврейскаго населенія сборы въ пользу казны.

Разсмотрѣніе этого проекта заинтересованными сторонами, т. е. правительствомъ, ландтагомъ и городами, требовало времени, а между тѣмъ существовалъ указъ 1778 г., подтвердившій прежнія постановленія объ изгнаніи евреевъ. Ландтагъ понималъ, что этотъ указъ является въ рукахъ правительства опаснымъ для евреевъ орудіемъ, и благодаря особой настойчивости ландтага герцогъ обѣщалъ не приводить указа въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано новое постановленіе. Такимъ образомъ, еврейскому населенію было гарантировано спокойное пребываніе въ краѣ на все время, пока проектъ объ устройствѣ евреевъ будетъ разсматриваться на ландтагахъ.

Эти благопріятныя обстоятельства были, конечно, использованы евреями; они покинули зарубежныя селенія, вернулись на свои старыя мѣста въ Курляндіи и стали по-прежнему подписываться въ офиціальныхъ бумагахъ „die sämtliche hiesige Judenschaft“.

Численность евреевъ быстро возросла, а вмѣстѣ съ тѣмъ начала развиваться ихъ внутренняя общинная жизнь. Пинкосъ митавской общины свидѣтельствуетъ, что даже въ тяжелый 1778 г. не погибла ячейка, изъ которой выросла общинная организація митавскихъ евреевъ: въ этомъ году въ „хевра-кадиша“ вступили новые члены, братья Боркумъ, много сдѣлавшіе впослѣдствіи для митавской общины. Болѣе того, въ это именно время, въ 1779 г., въ Митавѣ возникло учрежденіе, которымъ обычно знаменуется не только численный ростъ еврейскаго населенія въ данной мѣстности, но и развитіе его духовныхъ потребностей. Возникъ кагалъ, органъ общественнаго самоуправленія. Этотъ моментъ былъ зафиксированъ особымъ актомъ 5-го Ниссана 5539 года (мартъ или апрѣль 1779 г.), которымъ установлены слѣдующія правила. Изъ лицъ, подписавшихъ актъ, пятеро посредствомъ жеребія становились избирателями, и ими то, по большинству голосовъ, назначались девять членовъ кагала: три „парнеса“, одинъ „рошъ-іешива“, одинъ „нееманъ“, двое „тувимъ“ и два „рое-хешбонъ“. Парнесы, каждый въ свой очередной мѣсяцъ, должны кормить за своимъ столомъ бѣдныхъ ученыхъ и пріѣзжихъ канторовъ; только очередной парнесъ имѣетъ

право оказывать изъ общественныхъ средствъ помощь бѣднымъ разъ въ три мѣсяца „рое-хешбонъ" провѣряютъ отчетность, которую представляютъ парнесы. Кромѣ того избирались особыя лица, которыя должны были обходить съ книжкой прихожанъ въ синагогѣ. При подписанiи акта было постановлено, чтобы извѣстный намъ Венiаминъ Беръ, а также Вульфъ Яковъ и одинъ изъ братьевъ Боркумъ были несмѣняемыми членами кагала. Тогда же парнесовъ обязали написать въ Кенигсбергъ и другiя большiя еврейскiя общины и узнать, на какихъ основанiяхъ тамъ дѣйствуютъ кагалы. Одобренный уставъ долженъ быть прочитанъ въ присутствiи всѣхъ членовъ общины, дабы большинствомъ голосовъ были подтверждены правила для митавской общины.

Лица, объединившiяся въ кагалъ, должны были на первыхъ; порахъ, по необходимости, явиться самозванными представителями общины, и естественно, что эта группа, захватившая власть въ свои руки, создала себѣ враговъ. Тутъ сыграли извѣстную роль обстоятельства личнаго свойства—оскорбленное самолюбiе, зависть и т. д. Но были также причины общаго характера. Дѣло въ томъ, что кагалъ, возникшiй въ Митавѣ, выполнялъ, вѣроятно, всѣ тѣ функцiи, которыя обычно были присвоены этому институту; не ограничиваясь дѣлами благотворительности, онъ устанавливалъ и взыскивалъ сборы, творилъ судъ и расправу и проч. И вотъ, уже вскорѣ начинаютъ раздаваться жалобы по поводу слишкомъ широкой дѣятельности кагала. Члены его были привлечены къ отвѣтственности. Дабы убѣдить правительство, что слово „кагалъ" ничего иного не означаетъ, какъ собранiе, старшины раздобыли соотвѣтствующее удостовѣренiе мѣстнаго профессора; а въ доказательство того, что митавскiй кагалъ занимается лишь дѣлами благотворительности и благочинiя, не присваивая себѣ судебныхъ функцiй, они представили то письменное соглашенiе, которое состоялось при самомъ учрежденiи кагала. Они просили герцога, чтобы возбужденное противъ нихъ преслѣдванiе было прекращено. Герцогъ согласился на это, причемъ правительство потребовало, чтобы кагалъ занимался исключительно дѣлами религiознаго характера.

Во главѣ кагала стояли богатые, влiятельные люди, съ которыми массѣ было трудно бороться. Тѣмъ не менѣе нашлись смѣльчаки, которые рѣшились разоблачить предъ правительствомъ дѣятельность кагала; они, повидимому, имѣли основанiе полагать, что кагалъ и впредь будетъ пользоваться своею властью не въ однихъ лишь религiозныхъ дѣлахъ. Жалобщики заявили,

что кагалъ обременяетъ членовъ общины поборами, оскорбляетъ прихожанъ, благодаря чему въ общинѣ происходятъ безпорядки и ссоры, а потому они просили освободить ихъ отъ кагала, отъ разныхъ старшинъ и распорядителей. Возможно, что усиленное обложеніе прихожанъ было вызвано тѣми расходами, которыми сопровождались попытки кагальныхъ членовъ умилостивить правительство и обезпечить за еврейскимъ населеніемъ спокойное существованіе въ краѣ. Но можно конечно допустить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ происходили и злоупотребленія при расходованіи общественныхъ средстъ и составленіи раскладки. Однако жалоба не достигла цѣли. Кагалъ продолжалъ существовать. Нельзя сказать, чтобы представители его находились на высотѣ своего призванія. Въ нѣдрахъ кагала происходили столкновенія на личной почвѣ, завершавшіяся даже физической расправой. Старшина Вульфъ Яковъ вынужденъ былъ обратиться за защитой къ герцогу, чтобы обуздать Боркума, который дошелъ до того, что нанесъ Вульфу кулакомъ ударъ по лицу.

Пока происходили различныя внутреннія неурядицы, внѣшнему благополучію еврейскаго населенія попрежнему угрожали домогательства городовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, города отнеслись отрицательно къ проекту устройства еврейскаго народа, выработанному Брюггеномъ. Такимъ образомъ возникало опасеніе, что разъ проектъ не можетъ быть принятъ правительствомъ въ ближайшую сессію ландтага (іюль 1782 г.), то будетъ приведенъ въ исполненіе указъ 1778 г. объ удаленіи евреевъ. Еврейскіе дѣятели, узнавъ о заключеніяхъ, представленныхъ городами, поспѣшили обратиться къ ландтагу съ мольбой предотвратить несчастье. Ландтагъ сочувственно откликнулся. Онъ постановилъ сдѣлать герцогу надлежащее представленіе и указалъ, что рѣчь тутъ идетъ о человѣческихъ правахъ, которыя занимаютъ въ этотъ просвѣщенный вѣкъ умы самыхъ мудрыхъ монарховъ. Герцогъ отвѣтилъ въ томъ же тонѣ: онъ цѣнитъ и человѣческія права и духъ терпимости, дѣлающій честь „нашему вѣку", но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ уклоняться отъ какихъ бы то ни было шаговъ, которые не соотвѣтствовали бы закону. Герцогъ, впрочемъ, выразилъ готовность принять всякія предложенія относительно измѣненія положенія евреевъ, поскольку таковыя не будутъ противорѣчить правамъ третьей стороны, т. е. городовъ. Въ отвѣтъ на это депутаты обѣщали представить проекты устройства евреевъ.

Заявленіе герцога свидѣтельствовало, что онъ лично не относится враждебно къ евреямъ. Но самъ герцогъ не былъ въ силахъ парализовать то упорство, которое проявлялось въ этомъ вопросѣ правительствомъ, въ лицѣ оберъ-ратовъ, а потому евреи могли каждодневно ожидать, что противъ нихъ будутъ возобновлены репрессіи. Поэтому ландтагъ ходатайствовалъ, чтобы старыя постановленія не приводились въ исполненіе впредь до того, пока не будетъ составленъ такой проектъ, который встрѣтитъ одобреніе со стороны герцога. Подобная отсрочка, не ограниченная опредѣленнымъ временемъ, не могла не вызвать въ правительствѣ подозрѣній, не имѣетъ-ли ландтагъ въ виду сохранить такимъ путемъ за евреями на многіе годы право проживать въ странѣ. Предложеніе ландтага было отвергнуто, и евреямъ пришлось удовольствоваться тѣмъ, что имъ было дано провести спокойно два года, такъ какъ отъ имени герцога все дѣло о евреяхъ было отложено до слѣдующаго ландтага.

Когда очередной ландтагъ собрался въ 1784 г., то оказалось, что большинство кирхшпилей не дало своимъ депутатамъ директивъ по вопросу о евреяхъ: поэтому евреи получили возможность спокойно прожить еще два года, до слѣдующаго ландтага.

Эти два года быстро промчались, и еврейскимъ дѣятелемъ пришлось вновь сосредоточить свои силы на защитѣ интересовъ своихъ соплеменниковъ. Новый проектъ устройства еврейскаго народа, составленный фонъ-деръ Реке, отличался тѣмъ же духомъ терпимости, что и предшествующій. Но на ландтагѣ въ проектъ было внесено то существенное измѣненіе, что вопросъ о проживаніи евреевъ въ городахъ долженъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшаться самими городами. Ландтагъ надѣялся такимъ путемъ парализовать оппозицію со стороны городовъ. Но это не удалось. Вѣдь и проживая на помѣщичьихъ земляхъ, евреи являлись въ глазахъ городскихъ торговцевъ конкуррентами, а между тѣмъ то обстоятельство, что, согласно проекту, судьба городскихъ евреевъ должна была впредь зависѣть отъ торгово-бюргерской администраціи, сильно встревожило евреевъ.

На ландтагѣ 1787 г. дворяне вступили въ новое столкновеніе съ правительствомъ изъ-за евреевъ. Вопросъ шелъ не только о томъ, быть или не быть евреямъ въ Курляндіи. Споръ шелъ о торговыхъ правахъ городовъ, которыми нарушались интересы дворянъ. Ландтагъ готовъ былъ принять во вниманіе извѣстныя нужды городовъ, но послѣдніе не хотѣли довольствоваться частичными уступками, а правительство всецѣло поддерживало го-

рода. Такимъ образомъ еврейскій вопросъ еще болѣе осложнился общею сословною борьбою.

Вопросъ о признаніи евреевъ терпимыми, по поводу котораго такъ много говорилось въ бюрократическихъ канцеляріяхъ, на ландтагахъ, въ кирхшпиляхъ и въ городскихъ торговыхъ кругахъ,—не оставался предметомъ обсужденія въ однихъ только офиціальныхъ сферахъ; злободневная тема затрагивалась и въ литературѣ. Въ 1786—87 гг. появились четыре брошюры, посвященныя еврейскому вопросу. Мы не можемъ остановиться здѣсь на этой литературной полемикѣ; отмѣтимъ только, что если при офиціальномъ обсужденіи еврейскаго вопроса мы ни разу не уловили религіознаго мотива, то въ обществѣ, насколько можно судить по одной изъ брошюръ, религіозный моментъ игралъ нѣкоторую, хотя и очень незначительную, роль; прибавимъ, что авторъ, остановившійся на религіозномъ моментѣ, лично осуждаетъ религіозную нетерпимость и указываетъ, что страны, въ которыхъ царитъ свобода совѣсти, наиболѣе счастливыя.

Эта литературная полемика свидѣтельствуетъ, что общественное мнѣніе не было безусловно настроено противъ евреевъ. Если оставить въ сторонѣ брошюру, принадлежащую перу еврея. врача Лахмана, то окажется, что даже глашатай городовъ говорилъ больше всего о выгодахъ городского торговаго класса (не совпадавшихъ съ интересами широкихъ круговъ общества); объ удаленіи же евреевъ изъ страны имъ было сказано лишь вскользь. Изъ остальныхъ двухъ авторовъ, одинъ, являясь выразителемъ мнѣній и желаній дворянства, указывалъ на матеріальную пользу, приносимую странѣ евреями, а другой, высказавшійся въ защиту евреевъ, пасторъ Милихъ, присоединилъ къ соображеніямъ экономическаго характера этическіе принципы.

Прежнія тревоги въ значительной мѣрѣ улеглись, и евреи проживали какъ на помѣщичьихъ земляхъ, такъ и въ городахъ, особенно въ Митавѣ. Конечно, полнаго спокойствія не было. Опасность угрожала еврейскому населенію какъ изнутри, такъ и извнѣ. Въ Курляндію прибывали все новыя группы евреевъ, что должно было раздражать городскихъ торговцевъ, опасавшихся усиленія конкурренціи. Видя это возраставшее недовольство, стала тревожиться также часть еврейства, которая считала Курляндію своей родиной и смотрѣла на своихъ соплеменниковъ, позже водворившихся, какъ на недруговъ или, по крайней мѣрѣ, чужаковъ.

Страхъ толкаетъ на поступки, которые не совершаются въ минуты спокойствія. Опасеніе, что ростъ еврейскаго населенія заставитъ правительство вернуться къ репрессивнымъ мѣрамъ, лишь недавно пріостановленнымъ, побудило „осѣдлыхъ" евреевъ, водворившихся въ Митавѣ, прибѣгнуть къ тому средству, которое давно уже не практиковалось. Они возбудили въ 1793 г. ходатайство о предоставленіи спокойнаго существованія не всему еврейскому населенію, а только извѣстнымъ привилегированнымъ семьямъ, такъ какъ—объясняли они—чрезмѣрное число евреевъ въ краѣ угрожаетъ общему благосостоянію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостоянію туземныхъ евреевъ.

Что касается внѣшней опасности, то она таилась во все продолжавшейся борьбѣ заинтересованныхъ сторонъ по вопросу о торговыхъ правахъ городовъ. Въ то время былъ образованъ особый комитетъ изъ видныхъ лицъ для разсмотрѣнія жалобы городовъ; ему же пришлось заняться и судьбою евреевъ. Насколько можно судить по имѣющимся у насъ даннымъ, города въ своихъ жалобахъ менѣе всего говорили о евреяхъ; они болѣе интересовались разработкою такихъ постановленій, которыми была бы обезпечена мирная жизнь въ городахъ и были бы урегулированы взаимоотношенія между различными группами городского населенія и администраціей. О евреяхъ же вспоминали лишь между прочимъ, наряду съ другими чужеземными торговцами. Но сами евреи, въ лицѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ митавской общины, внесли (1794 г.) въ упомянутый комитетъ проектъ опять-таки о предоставленіи осѣдлости опредѣленному числу еврейскихъ семей. Ходатаи указывали, что число евреевъ, проживающихъ въ Митавѣ, не соотвѣтствуетъ численности прочаго мѣстнаго населенія, а потому изъ двухсотъ еврейскихъ семей, водворившихся въ Митавѣ, право пребыванія въ городѣ должно быть предоставлено лишь шестидесяти, причемъ ходатаи предупредительно приложили къ своему прошенію списокъ семей, которымъ слѣдуетъ дать это преимущество. Остальнымъ, какъ видно, предстояло покинуть столицу Курляндіи. Подобная же участь угрожала также излишнимъ, по мнѣнію ходатаевъ, семьямъ, жившимъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Такое разрѣшеніе еврейскаго вопроса было вообще по душѣ комитету; но онъ опасался, что проектъ еврейскихъ ходатаевъ не удовлетворитъ бюргеровъ, добивавшихся массоваго изгнанія.—Комитетъ увидѣлъ себя безсильнымъ развязать запутанный узелъ. Онъ призналъ, что нѣтъ возможности освобо-

дить страну отъ евреевъ: они всегда будутъ находиться въ Курляндіи, разъ они массами проживаютъ въ сосѣдней Литвѣ; но какимъ образомъ устроить ихъ, не нарушая правъ, городовъ,— этого комитетъ не зналъ: во всякомъ случаѣ, говорилъ онъ, надо предоставить преимущество тѣмъ еврейскимъ семьямъ, которыя издавна водворились въ странѣ, какъ объ этомъ просили митавскіе старшины.

Таково было послѣднее слово, сказанное о евреяхъ въ Курляндіи, въ годы ея самостоятельнаго политическаго существованія.

Въ 1795 г., въ силу третьяго раздѣла Польши, формальная зависимость Курляндіи отъ польскаго короля прекратилась, и герцогство было присоединено къ Россіи.

Какъ только произошелъ этотъ переворотъ, митавскіе евреи обратились къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбой дать имъ прочное устройство (это было, вѣроятно, то самое ходатайство, которое было раньше внесено въ комитетъ); но просьба эта осталась безъ результата. Евреи въ Курляндіи продолжали жить въ прежнихъ условіяхъ. Не произошло никакой перемѣны и тогда, когда въ Курляндіи было введено (1796 г.) „городовое положеніе“, на основаніи котораго евреи, жившіе въ другихъ губерніяхъ, присоединенныхъ въ разное время къ Россіи отъ Польши, пользовались такими же правами въ сословно-городскомъ самоуправленіи, какъ и прочее населеніе. Многіе курляндскіе евреи просили о принятіи ихъ въ гильдіи, но имъ отвѣтили, что пока все должно остаться по старому. При всемъ томъ общественное положеніе евреевъ какъ будто упрочилось. Когда въ 1797 г. имп. Павелъ I посѣтилъ Митаву, представителямъ еврейской общины была дана возможность лично выразить государю свои вѣрноподданническія чувства. Силою вещей евреи стали неотъемлемой частью мѣстнаго населенія.

Нѣкоторое улучшеніе наступило и въ правовомъ положеніи курляндскихъ евреевъ. Дѣло въ томъ, что въ предѣлахъ Курляндіи находилась мѣстность — Пильтенскій округъ, гдѣ жизнь евреевъ протекала внѣ всякой зависимости отъ того, что происходило въ Курляндскомъ герцогствѣ. Пильтенскій округъ при уничтоженіи Ливонскаго ордена перешелъ не къ курляндскому герцогству, а непосредственно къ польскому королю (только короткое время курляндскій герцогъ былъ властелиномъ также этого округа). Нельзя сказать, чтобы пильтенскимъ евреямъ не при-

ходилось испытывать различныя тревоги, но все же имъ жилось несравненно лучше, чѣмъ въ курляндскомъ герцогствѣ. Газенпотъ, столица Пильтенскаго округа, порою подражалъ Митавѣ и добивался удаленія евреевъ изъ предѣловъ города, но мѣстное дворянство и правительство не допускали, чтобы евреи терпѣли притѣсненія въ городахъ. Въ 1751 г. ландтагъ разрѣшилъ евреямъ построить синагогу въ Газенпотѣ. Тогда же былъ учрежденъ кагалъ на подобіе существовавшаго въ Польско-литовскомъ государствѣ, гдѣ кагалъ являлся представителемъ еврейскаго населенія предъ правительствомъ и завѣдывалъ всѣми дѣлами общины [1]).

Въ 1783 г. пильтенскій ландтагъ объявилъ, что такъ какъ евреи уплачиваютъ всѣ городскіе налоги и кромѣ того обложены особымъ сборомъ въ Газенпотѣ, то они должны пользоваться свободой промысловъ. Вслѣдствіе этого постановленія, еврейскимъ купцамъ въ Пильтенѣ было предписано русской властью вступить въ Газенпотѣ въ гильдіи. Вскорѣ одинъ мѣстный еврей былъ избранъ въ члены магистрата. Право записываться въ гильдіи въ Газенпотѣ было предоставлено также прочимъ еврейскимъ купцамъ Курляндской губерніи, чѣмъ и воспользовались многіе митавскіе и другіе евреи.

Численность еврейскаго населенія въ Курляндіи въ первые годы русскаго владычества значительно возросла; однихъ мужчинъ, зарегистрированныхъ переписью, насчитывалось около пяти тысячъ, изъ коихъ приблизительно одна пятая находилась въ городахъ, а прочіе были разбросаны по помѣщичьимъ имѣніямъ. При такихъ условіяхъ было весьма затруднительно собирать съ евреевъ подати. Тогда былъ поднятъ вопросъ о прочномъ устройствѣ евреевъ.

Имѣя въ виду устроить жизнь евреевъ въ Курляндіи на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ покоилась жизнь ихъ соплеменниковъ въ прочихъ губерніяхъ, сенатъ потребовалъ отъ курляндскаго губернскаго правленія подробныхъ свѣдѣній о мѣстномъ еврейскомъ населеніи и о существующихъ здѣсь спеціальныхъ законахъ о евреяхъ (1797 г.). Упоминаніе о курляндскихъ законахъ внушило администраціи мысль, что вопросъ о евреяхъ можно разрѣшить въ духѣ старыхъ стѣснительныхъ постановленій. И вотъ, приведя въ своемъ донесеніи сенату данныя изъ исторіи

[1]) О пильтенскомъ кагалѣ—см. Joffe, Ueber einige jüd. Chroniken oder Pincasim aus den Ostseeprovinzen (Sitzungsberichten der Gesellschaft für Geschichte in den Ostseeprovinzen, 1904).

евреевъ въ Курляндіи, губернское правленіе заявило, что евреи „никогда законнымъ образомъ терпимы не были“ и не могли ни жить въ странѣ, ни заниматься какимъ либо дѣломъ, что они всегда почитались за „вкравшихся“; къ тому же евреи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ въ Митавѣ, бѣдны и съ нихъ ничего нельзя взыскать; они не составляютъ между собою общества и „не предвидится никакого средства, чтобы большую часть сихъ бродягъ можно было принудить къ постоянной жизни или какому порядочному ремеслу“, а потому надо освободить отъ нихъ страну [1]).

Общій тонъ рапорта курляндскаго правленія свидѣтельствуетъ, что оно находилось подъ вліяніемъ не дворянства, а митавскаго торгово-промышленнаго класса или бывшихъ курляндскихъ заправилъ. Конечно, относясь отрицательно къ тому, что евреи не занимаются ремеслами и не имѣютъ внутренней организаціи, администрація не слѣдовала внушенію мѣстныхъ юдофобовъ; это подсказывалось простымъ соображеніемъ, что для блага края необходимо, чтобы евреи были организованы и чтобы они не были чужды ремесленному труду; однако, представивъ сенату рядъ старыхъ постановленій, администрація преднамѣренно проглядѣла, что именно въ этихъ постановленіяхъ надо искать причину того, что евреи лишены всякой организаціи, что они не имѣютъ постояннаго труда.

Къ счастью для евреевъ, то, что было упущено мѣстной администраціей, было восполнено сенатомъ. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ губернскимъ правленіемъ, сенатъ усмотрѣлъ и объяснилъ курляндской администраціи, что евреи въ теченіе двухсотъ лѣтъ насильственно устранялись законодательными актами отъ ремеслъ и торговли, что кочевой образъ жизни объясняется часто возобновлявшимися выселеніями и запрещеніемъ жить въ городахъ, а потому нельзя считать ихъ за вкравшихся, а тѣмъ менѣе „лишать ихъ столь древняго ихъ жилища“. Въ виду этого было потребовано, чтобы курляндская администрація, сообразуясь съ мѣстными обстоятельствами, а также съ законами, предоставляющими евреямъ жительство въ другихъ губерніяхъ, высказала свои соображенія, на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ оставить евреевъ на мѣстахъ.

Этотъ рѣшительный шагъ, долженствовавшій положить предѣлъ двухвѣковой политикѣ „нетерпимости“, сенатъ сдѣлалъ подъ вліяніемъ барона Карла Генриха Гейкинга, котораго Павелъ I

[1]) П. П. Собр. Зак. № 18.889.

приблизилъ къ себѣ. Царь поручилъ Гейкингу составить записку о евреяхъ въ Курляндіи и, какъ видно, эта записка и побудила сенатъ отвергнуть предложенія курляндской администраціи.

Курляндскія власти, однако, не хотѣли сойти со старой позиціи: онѣ настаивали на невозможности сдѣлать изъ евреевъ полезныхъ гражданъ, но разъ правительство все же требуетъ, чтобы жизнь евреевъ была урегулирована, то пусть всѣ евреи будутъ приписаны къ Газенпоту, гдѣ, не въ примѣръ прочимъ городамъ, они пользуются правомъ гражданства; старшины еврейскіе укажутъ, кого оставить въ странѣ; остальные должны удалиться. Возможно, что сами митавскіе евреи, т. е. вліятельнѣйшіе изъ нихъ, предложили, чтобы старшинамъ было предоставлено сдѣлать выборъ—кого оставить, кого изгнать. Мы видимъ, что двое митавскихъ евреевъ, отъ имени „еврейской націи въ Курляндіи", прислали въ это время въ Петербургъ свой проектъ устройства евреевъ, напоминавшій тотъ, который они составили въ 1793 г. Митавскіе радѣтели предложили, чтобы въ случаѣ скопленія евреевъ въ томъ или иномъ городѣ магистратъ разсылалъ излишекъ по различнымъ мѣстностямъ; но это фактически зависѣло бы отъ кагала, отвѣтственнаго за правильное поступленіе податей съ еврейскаго населенія.

Если курляндскіе евреи могли быть благодарны судьбѣ за то, что въ Петербургѣ было отвергнуто предложеніе, сдѣланное губернской администраціей, то не въ меньшей мѣрѣ они должны были быть довольны тѣмъ, что проектъ митавскихъ еврейскихъ дѣятелей былъ оставленъ безъ послѣдствій.

Правительсто предоставило курляндскимъ евреямъ большія права, чѣмъ они могли ожидать. Закономъ 14 марта 1799 г. всѣ евреи, проживавшіе въ бывшемъ Курляндскомъ герцогствѣ и Пильтенскомъ округѣ, получили тѣ права, которыми пользовались евреи въ другихъ губерніяхъ. Евреи могли отнынѣ проживать по всей территоріи Курляндіи, заниматься торговлей и ремеслами на общемъ основаніи, записываться въ купечество и мѣщанство, принимать участіе въ сословномъ и городскомъ самоуправленіи, т. е. голосовать на выборахъ и занимать общественныя должности. Сверхъ того еврейскія общины были объединены кагальною организаціей.

Вѣковой гордіевъ узелъ былъ разрубленъ.

Юлій Гессенъ.

Мемуары и переписка.

Письма С. О. Грузенберга (1896—1899 г.).

Помѣщая здѣсь серію писемъ покойнаго публициста Самуила Осиповича Грузенберга (ум. въ 1909 г.), я имѣю въ виду дать нѣкоторый матеріалъ для исторіи нашей идейной борьбы конца XIX вѣка, связанной съ современнымъ національнымъ движеніемъ. Русско-еврейская публицистика, представленная тогда однимъ „Восходомъ", могла давать лишь слабое отраженіе того глубокаго броженія, которое совершалось въ рядахъ передовой интеллигенціи. Въ печати обнаруживались только результаты броженія; самый же процессъ душевнаго перелома, пережитаго дѣятелями той эпохи, скрытъ въ ихъ неопубликованныхъ еще записяхъ и особенно въ литературной корреспонденціи. Письма д-ра С. О. Грузенберга чрезвычайно характерны для тѣхъ круговъ интеллигенціи, которые упорно сопротивлялись новому національному движенію во имя прежняго космополитизма, во имя стойкости западной догмы еврейства (semper idem—какъ съ гордостью повторялъ покойный), не замѣчая, что надломъ совершился уже въ собственномъ ихъ сознаніи и что, защищая старое, они только силились преодолѣть въ себѣ самихъ то новое, что властно врывалось въ ихъ душу.

Даровитый публицистъ, многолѣтній обозрѣватель иностранной жизни въ „Хроникѣ Восхода" (съ 1884 года) С. О. Грузенбергъ сжился съ идеалами того западнаго еврейства, судьбы котораго онъ изъ недѣли въ недѣлю изображалъ въ своихъ обозрѣніяхъ. Нахлынувшій потокъ новыхъ идей засталъ его врасплохъ. Въ самомъ „Восходѣ", въ рядахъ старой гвардіи журнала, обнаружился расколъ. Непремѣнный членъ редакціи, часто единолично редактировавшій „Хронику Восхода" и даже книжки журнала, Грузенбергъ въ письмахъ ко мнѣ (я жилъ тогда внѣ Петербурга и не могъ непосредственно вліять на редакцію) изливалъ свою горечь по поводу одолѣвавшихъ насъ новыхъ теченій, рѣзко полемизировалъ со мною, готовилъ къ печати длинное возраженіе на мои первыя „Письма о старомъ и новомъ еврействѣ"—и такъ и не дописалъ его. „Онъ думалъ покорять — и былъ покоренъ". Горячо оспаривая національную доктрину въ письмахъ 1896 — 98 гг., онъ въ 1899 г., приступая къ изданію своего собственнаго органа „Будущность", писалъ мнѣ: „Въ

общемъ мы проводимъ программу Вашего духовнаго націонализма, только безъ ея ярлыка". Фактически это намѣреніе покойнаго не осуществилось, но я хотѣлъ только указать на финалъ нижеслѣдующихъ, болѣе раннихъ писемъ, въ которыхъ отразилась послѣдняя борьба передъ сдачей крѣпости. Да, многое будетъ понято послѣ чтенія этихъ писемъ и многое будетъ прощено тѣмъ, которые со старыми лозунгами на устахъ искали новыхъ путей и только не успѣли дожить до полной переоцѣнки своихъ прежнихъ воззрѣній...

Я помѣщаю здѣсь ту часть переписки С. О. Грузенберга, которая относится къ „критическому" времени—отъ середины 1896 г. (моментъ появленія „Judenstaat" Герцля) до начала 1899 г. Письма слѣдующихъ годовъ, когда издавалась „Будущность", по своему характеру еще неудобны для опубликованія. Въ печатаемой серіи писемъ обозначены точками пропуски, сдѣланные въ мѣстахъ, либо не представляющихъ общественнаго интереса, либо не подлежащихъ оглашенію въ виду ихъ личнаго характера; имена живыхъ лицъ замѣнены иниціалами или NN. Кое-гдѣ, для уясненія текста, мною даны справки въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Такъ какъ всѣ помѣщенныя здѣсь письма адресованы мнѣ, то личныя обращенія въ началѣ каждаго письма опущены.

Кромѣ вышеуказаннаго культурно-историческаго интереса, письма С. О. Грузенберга представляютъ мѣстами и политическій интересъ, такъ какъ въ нихъ сообщаются факты политической и общественной жизни, въ свое время не сдѣлавшіеся достояніемъ гласности. То и другое переплетается съ судьбами „Восхода", который въ теченіе четверти вѣка служилъ центромъ нашей русско-еврейской литературной республики. Слѣдуетъ еще прибавить, что образцовый эпистолярный стиль автора, остроумный, мѣстами язвительно-ироническій, придаетъ письмамъ и чисто-литературную цѣнность.

Пусть же послужатъ эти реликвіи и для воскрешенія памяти безвременно умершаго публициста, затерявшагося среди анонимной журнальной братіи, гдѣ, по горестному выраженію покойнаго, „авторское *мы* остается невѣдомымъ существомъ, да и статья пропадаетъ безслѣдно". Онъ былъ достоинъ лучшей доли.

С. Дубновъ.

№ 1. Спб. 5. VI. 1896 г.

Вѣроятно, Вамъ именно я обязанъ честью обращенія ко мнѣ Одесскаго комитета Общества Просвѣщенія съ предложеніемъ написать что нибудь для Сборника имени М. Г. Моргулиса *).

---

[1]) Предполагалось выпустить такой сборникъ по случаю 25-лѣтія литературной дѣятельности М. Г. Моргулиса. Имѣлось также въ виду составить сумму для назначенія преміи имени юбиляра

Благодарю Васъ и комитетъ за лестное вниманіе. Непремѣнно представлю статью, хотя теперь не могу еще сказать, о чемъ именно. Если назначеніе имѣющей поступить суммы у Васъ уже окончательно опредѣлено, то, конечно, говорить объ этомъ не стоитъ. Но мнѣ казалось бы, что премія—форма едва ли удачная. Никогда еще преміи не создавали ученыхъ и не вызывали появленія хорошихъ работъ. У насъ есть двѣ потребности, дѣйствительно насущныя и дѣйствительно осуществимыя лишь при наличности матеріальныхъ средствъ. Это—Богословскій институтъ и начальныя школы. Не достойнѣе ли было бы направить будущій сборъ на одну изъ этихъ потребностей?

Письма комитета въ Адольфу Ефимовичу [1]) и къ брату моему я перешлю. Оба они больны и находятся теперь заграницей. Что касается А. Е., то болѣзнь его (сильное переутомленіе) такого свойства, что онъ совершенно не въ состояніи теперь работать, а потому едва ли онъ сможетъ дать статью для Сборника. Но мы надѣемся, что онъ въ Баденъ-Баденѣ наберется свѣжихъ силъ.

Кстати, Семенъ Марковичъ, спасибо Вамъ за I-й томъ Вашей „Исторіи“. Впечатлѣніе свое я высказалъ въ первой замѣткѣ моей объ этой книгѣ (въ Хроникѣ). Я сердечно радовался Вашему успѣху и съ нетерпѣніемъ жду 2-го тома.

Сейчасъ сдалъ для ближайшаго № большую статью Р. о Моргулисѣ. Хотѣлось бы сообщить и о задуманномъ Сборникѣ, да не знаю, своевременно-ли.

Будьте здоровы, работайте весело и пишите мнѣ при случаѣ. Сердечно преданный Вамъ *С. Грузенбергъ.*

№ 2. Спб. 10. VII. 1896 г.

Присланный Вами циркуляръ бессарабскаго губернатора для печати „неудобенъ“. Дѣло въ томъ, что въ циркулярѣ нѣтъ ни одного правонарушенія: внѣшнія формы въ немъ соблюдены... и опубликованіе его не можетъ принести никакой пользы, но можетъ принести прямой вредъ (то), что губернаторъ, лицо „компетентное“, объявляетъ, что бываютъ случаи обхода евреями закона объ арендѣ крестьянскаго имущества. Коротко, на мой взглядъ, основанный на принципѣ ne noceas, печатаніе подобныхъ вещей неумѣстно. А потому великодушно простите...

Затѣмъ, добрѣйшій коллега, не откажите мнѣ въ совѣтѣ по слѣдующему дѣлу. Въ текущемъ году исполнилось 35 лѣтъ со дня вступленія Ландау на поприще русско-еврейской литературы. Первая статья его, озаглавленная „Нѣсколько словъ о евреяхъ“, напечатана въ „Черниговскомъ листкѣ“ за 1861 г., № 6. Какъ Вы полагаете: слѣдуетъ-ли ознаменовать этотъ юбилей? Вы первый человѣкъ, которому я сообщаю объ этомъ, и отъ Васъ зависитъ—дать дѣлу ходъ, или остановить его. Поговорите съ Моргулисомъ, Бенъ-Ами, Абрамовичемъ, позондируйте и напишите.—Здоровье Ландау понемногу поправляется.

[1]) А. Е. Ландау, редакторъ-издатель „Восхода“.

Пишите. Мнѣ всегда чрезвычайно отрадно читать Ваши писанія. Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 3. Спб. 8. X. 1896 г.

Адольфъ Ефимовичъ все еще заграницей, и въ качествѣ его замѣстителя я все еще веду „Хронику“, и нынѣ обращаюсь къ Вамъ съ просьбою. Не найдете ли удобнымъ лично или черезъ вполнѣ надежнаго человѣка побесѣдовать съ г. Гринбергомъ [1]) о томъ, что происходило въ Парижѣ во время конференціи представителей Евр. Колонизаціоннаго Общества, и сообщить намъ подробныя свѣдѣнія поскорѣе. Съ Вами я могу говорить откровенно и скажу Вамъ, что здѣшній Центр. Комитетъ и въ частности NN. (который бомбардируетъ меня письмами) даютъ намъ о текущихъ дѣлахъ крайне тенденціозныя свѣдѣнія. Если слѣдовать ихъ указаніямъ, то газета очень скоро обратится въ органъ партикулярныхъ интересовъ такого элемента, которому всего меньше можно симпатизировать. Приходится контролировать сообщаемыя намъ данныя. Мы это дѣлаемъ черезъ посредство нашихъ иностранныхъ корреспондентовъ. Но грѣшно было бы не воспользоваться одесскимъ источникомъ—благо, онъ существуетъ.

И такъ, отодвиньте на минуту прекрасное прошедшее, въ которое Вы погружаетесь, займитесь—ровно одну минуту — сегодняшнимъ днемъ и его назойливымъ вопросомъ. Это будетъ услуга редакціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ Вашему старому другу и покорнѣйшему слугѣ, у котораго голова идетъ кругомъ отъ разнорѣчивыхъ, вѣрнѣе — противорѣчивыхъ, свѣдѣній, которыя ему даютъ съ настоятельной при томъ просьбой непремѣнно ихъ воспроизвести въ соотвѣтствующемъ освѣщеніи.

Когда Вы выпустите 2-ой томъ Вашей „Исторіи“? Съ юбилеемъ Ад. Еф. у насъ дѣло не пошло покуда. Отложимъ до болѣе удобнаго момента. Будьте здоровы и бодры. Искренно преданный Вамъ *С. Г.*

Что у Васъ слышно о сборахъ въ пользу Раввинскаго института?

№ 4. Спб. 23. X. 1896 г.

На письмо Ваше я отвѣчу обстоятельно черезъ нѣсколько дней, когда немного освобожусь отъ массы неотложнаго дѣла, поглощающей теперь все мое время. Покуда скажу Вамъ, что никакого поворота въ направленіи редакціи нѣтъ, и прибавлю— не будетъ, пока я остаюсь у дѣла. Все это чьи то недоброжелательныя толкованія. Никакихъ новыхъ людей אשר לא ידעו את יוסף у насъ нѣтъ. Подъ цензурою „Хроника“ находится съ 15 сентября 1891 г., т. е. съ возобновленія изданія послѣ 6-мѣсячной пріостановки (это на основаніи общаго закона, для подоб-

[1]) А. Ш. Гринбергъ, предсѣдатель комитета Еврейскаго Палестинскаго Общества въ Одессѣ.

ныхъ случаевъ установленнаго). Впослѣдствіи намъ сдѣлали облегченіе: мы посылаемъ въ цензуру не отдѣльныя статьи, а сверстанный №.—Журналъ [1]) выходитъ безъ предварительной цензуры. Ад. Ефимовичъ не думаетъ продавать своего изданія. По крайней мѣрѣ, въ прошломъ году объ этомъ не было рѣчи. Съ средины апрѣля А. Е. находится заграницей. Здоровье его улучшилось; онъ возвращается въ Петербургъ. Прибудетъ черезъ нѣсколько дней.

Спѣшу отправкой Вамъ этихъ свѣдѣній, въ виду полученнаго сейчасъ письма отъ С., сообщающаго о слухѣ, распускаемомъ „палестинцами". Очевидно, старые враги хотятъ воспользоваться болѣзнью Ад. Ефим., чтобы повредить дѣлу и изданію.

Прибавлю откровенно, что мы никогда не получали изъ провинціи такой массы благодарностей за живое веденіе газеты и отзывчивость къ нуждамъ населенія, какъ въ это лѣто. Все больше благодарятъ за возбужденіе раввинскаго и школьнаго вопросовъ. Подписка улучшается.

Пожалуйста, Семенъ Марковичъ, сообщите содержаніе сего письма (если Вамъ представится удобный случай) кому найдете нужнымъ, во избѣжаніе распространенія вредныхъ слуховъ, вредныхъ для всѣмъ намъ равно дорогого изданія.

Всего наилучшаго. Искренно преданный Вамъ *С. Г.*

№ 5. Спб. 26. X. 96.

Вы въ Вашемъ письмѣ очень много говорите о томъ, что я уклонился влѣво отъ нашей программы, но не указываете, какія именно мои писанія заставляютъ Васъ думать такъ, а приводите только слово „ассимиляція", употребленное однимъ изъ сотрудниковъ. Но примите во вниманіе слѣдующее. Съ апрѣля с. г. до сегодня я выпустилъ 25 нумеровъ газеты, т. е., 45 печ. листовъ газетнаго формата и убористаго шрифта, что составляетъ на обычный книжный размѣръ не менѣе 60 печат. листовъ. Изъ этой массы добрая четверть, а то и треть, писана мною самимъ (всѣ передовыя, всѣ заграничныя хроники, всѣ редакціонныя замѣтки „Петерб. лѣтописи", заграничныя извѣстія, литературныя замѣтки и мн. др.). За это время были освѣщены основательно, въ особыхъ статьяхъ, или задѣты мимоходомъ всѣ стороны и углы еврейскаго вопроса. Кажется, довольно матеріала для сужденія о направленіи и стойкости его. И вдругъ Вы ссылаетесь не на статьи, а на случайно проскочившее слово. Вы-ли это, г. Критикусъ? Надо же отдѣлять существенное отъ случайнаго, серьезную и систематическую проповѣдь отъ lapsus calami, не исправленнаго редакторомъ, а быть можетъ наборщикомъ.

Говоря это, я не открекаюсь отъ „ассимиляціи". Слова этого я не люблю, избѣгаю елико возможно. Но противъ сущности его ничего имѣть нельзя. Конечно, мы противъ закупорки въ створ-

[1]) Т. е. ежемѣсячныя книжки „Восхода".

кахъ націонализма; конечно, мы за сближеніе съ гоями. А Вы другихъ мыслей? Давно-ли? Вы говорите, что „десятъ лѣтъ держались одного, и вдругъ“... Это мнѣ совсѣмъ непонятно. Что это за эра—1886-й годъ? [1]). И десять лѣтъ назадъ, и раньше, и позже, мы твердо держались направленія, по которому идемъ. Почему Вамъ кажется, что я ушелъ влѣво? Вслѣдствіе обмана чувствъ. Когда мы на пароходѣ отплываемъ отъ берега, намъ кажется, будто не мы плывемъ, а берегъ отъ насъ уходитъ. Вы, добрѣйшій Семенъ Марковичъ, давно уже идете въ Каносу, и вотъ, оглянувшись, увидѣвъ отдѣляющее насъ разстояніе, Вы подумали, что я ушелъ влѣво.

О себѣ лично я могу Вамъ сказать положительно, что движеніе влѣво для меня невозможно, что я semper idem. Кабинетныя теоріи и системы человѣкъ мѣняетъ только при столкновеніи съ новыми фактами, при первыхъ встрѣчахъ теоріи съ дѣйствительностью, послѣ чего онъ, такъ или иначе, приспособляетъ одно къ другому. Для меня эти первыя встрѣчи были въ 1884—5 г. Сталкиваясь каждую недѣлю со множествомъ разнообразныхъ фактовъ, требовавшихъ освѣщенія въ газетѣ примѣнительно къ общей теоріи, я тогда же по необходимости систематизировалъ свое еврейское міросозерцаніе. Затѣмъ, вотъ уже 10—11 лѣтъ, идетъ упроченіе системы, очень интенсивное, ибо опять таки каждую недѣлю приходится по требованію жизни вкладывать въ газету тотъ или другой сегментъ моего круга идей. Новые камни преткновенія встрѣчаются уже рѣдко, и мѣняться не приходится. Вѣдь мое міровоззрѣніе прежде всего цѣльное, стройное. Начиная отъ представленія о еврейской націи и расѣ (Вы знаете мои писанія объ отсутствіи у евреевъ расовыхъ особенностей), проходя черезъ всю нашу внѣшнюю и внутреннюю политику въ Россіи, и кончая мнѣніемъ объ основаніи англійской библіотеки въ Іоганесбургѣ или другой подобной заграничной мелочи,—я всегда остаюсь самимъ собою, и писанія мои всегда проникнуты одной общей идеей. И такъ какъ это создалось у меня давно, то кажется немыслимо въ какихъ нибудь пунктахъ сойти съ пути вправо или влѣво. Мѣняются предметы—мѣняется и мнѣніе о нихъ, но не мѣняется убѣжденіе. Сознаюсь, что по этой именно причинѣ я въ нѣкоторыхъ пунктахъ пошелъ вправо. Наприм., съ той поры, какъ палестинцы, въ лицѣ одесскаго Комитета, отказались отъ головокружительныхъ прожектовъ о возстановленіи „храма“ и ограничиваются практическими цѣлями колонизаціи, я ихъ дѣлу сочувствую не меньше, чѣмъ всякой иной колонизаціи и даже больше, ибо въ Палестинѣ для насъ semper aliquid haeret. Я Вамъ писалъ, помнится, лѣтъ пять тому назадъ, что я не вижу помѣхи, почему бы всей нашей редакціи не поступить въ члены Палестинскаго О-ва in corpore (нѣкоторые товарищи со мною

[1]) Приблизительно съ этого года „Восходъ“ пересталъ открыто исповѣдывать доктрину ассимиляціи.—*С. Д.*

не согласны). О Палестинѣ я поэтому всегда пишу сочувственно. Затѣмъ, въ публицистикѣ нашего лагеря всегда былъ пробѣлъ: при точкѣ зрѣнія, что еврейство—религія, недостаточно подчеркивалась необходимость религіознаго воспитанія; я это наверстываю, въ чемъ тоже находятъ намекъ на мое движеніе вправо. Есть еще два три пункта. Конечно, nach Kanossa gehen wir nicht, но и влѣво не пойдемъ.

Васъ я, откровенно говоря, теперь не понимаю. Вы знаете, какъ я слѣжу за всѣми движеніями и направленіями нашей общественной мысли. Но Вы такъ мало пишете по основнымъ вопросамъ нашего бытія, что Ваши идеалы для меня въ туманѣ. Въ письмѣ Вы говорите, что не надо смѣшивать сторонниковъ герцлевскаго Judenstaat'а съ націоналистами. Это вѣрно на половину. Націоналистовъ у насъ много, разныхъ оттѣнковъ. Но въ чемъ Ваши національные идеалы? Скажите Ваше credo... Вы обязаны это сдѣлать. Noblesse oblige.

О себѣ я могу еще сказать, что я вообще сталъ толерантнѣе ко всѣмъ нашимъ партіямъ, кромѣ сіонистовъ-обособителей, которые въ принципѣ отрицаютъ европейскую культуру и всякую будущность евреевъ среди европейскихъ народовъ. Этотъ лагерь для еврейской публицистики то же, что гомеопатія для научной медицины или догматъ Троицы для іудейства. Но за этимъ единичнымъ исключеніемъ, я во всѣхъ прочихъ теченіяхъ не вижу моментовъ, которые мѣшали бы слить ихъ въ единый потокъ. У меня есть на этотъ счетъ нѣсколько завѣтныхъ мыслей. Насъ губитъ рознь. И наши споры въ сущности странны въ виду общей задачи, на насъ всѣхъ лежащей, и общаго врага, всѣмъ намъ грозящаго. Да и кто изъ насъ докажетъ, что именно онъ владѣетъ „настоящимъ кольцомъ“? Затѣмъ можно, оставя различныя теоретическія и исходныя точки зрѣнія, столковаться о практической программѣ. Можно спорить до слезъ о томъ, есть ли еврейство нація или племя, или религія, и расцарапавшись на этомъ пунктѣ, однако совмѣстно работать для школьнаго дѣла и поднятія экономическаго уровня евреевъ. Мнѣ хочется сдѣлать попытку къ объединенію силъ. Я хочу выработать вопросный листъ съ перечнемъ символовъ вѣры, которые всѣ могли бы признать и, соединившись въ предѣлахъ практической программы, работать дружно, предоставляя каждому вѣрить въ націю, миссію и что угодно по своему усмотрѣнію. Много ненужныхъ пререканій можно было бы предупредить, и много времени и энергіи сохранить для лучшаго дѣла. Главное, намъ нужно быть въ постоянномъ общеніи. Возможно, что я всю программу напишу и предложу каждому на разсмотрѣніе. Часть ея уже написана и была послана мною парижскому съѣзду [1]). (Мои предложенія о покупкѣ земель въ Царствѣ Польскомъ и въ чертѣ городовъ, а равно объ учрежденіи школъ, приняты). Другую часть напишу, если найду возможнымъ оставаться при дѣлахъ.

---

[1]) Упомянутая выше (№ 3) конференція Евр. Колониз. О-ва.

Возращаясь къ Вашему письму (которое меня очень задѣло, потому что я Вашимъ мнѣніемъ очень дорожу), я скажу Вамъ, что Вашъ совѣтъ взять лозунгомъ: „защищаться, а не оправдываться“ — не новъ для насъ. Das ist ein geflügeltes Wort. Помню, у Толстого въ „Войнѣ и мирѣ“, въ описаніи знаменитаго военнаго совѣта, генералъ-нѣмецъ показываетъ на картѣ наглядно, какъ надо разбить Наполеона: eine Kolonne marschirt... die andere Kolonne marschirt.. die dritte... Красиво выходило. Только á la guerre, comme à la guerre!.. Пожалуйте къ намъ на поле сраженія, подъ огонь, и примѣчите Ваши красиво звучащія теоріи военныхъ дѣйствій. И что за совѣтъ Вашъ: „надо грянуть на всю Европу“ [1]). Гряньте, пожалуйста. Теоретично это у Васъ, дорогой Семенъ Марковичъ. Я бы посадилъ Васъ съ г. Р. на мѣсяцъ въ редакцію, гдѣ Вы бы могли и защищаться, и „грянуть“. Въ одинъ мѣсяцъ Вашъ лексиконъ значительно бы измѣнился... Вообще, Вы обо всемъ говорите такъ, точно газета для Васъ закрыта. Присылайте Ваши громовыя статьи, долженствующія образумить Европу, милости просимъ.

Горе въ томъ, мой дорогой, что у насъ много критиковъ, но совсѣмъ нѣтъ работниковъ. Знаете-ли Вы, что я все лѣто составлялъ газету solo? Нѣтъ людей. Еврейская литература, какъ Вы знаете, вообще не даетъ матеріальнаго положенія человѣку. Но изъ всѣхъ родовъ этой литературы газетный — самый неблагодарный во всѣхъ отношеніяхъ, и его всѣ избѣгаютъ. Въ газетѣ всякій работаетъ лишь до тѣхъ поръ, пока не пріищетъ себѣ что нибудь получше, и какъ обрѣтетъ, такъ сейчасъ уходитъ. Б., сдѣлавшись завѣдующимъ здѣшней еврейской школой, ушелъ въ свою педагогику и совсѣмъ почти забросилъ газету, доставляя ей только небольшія замѣтки для „Пет. лѣтописи“; все лѣто онъ былъ въ Нижнемъ, завѣдуя тамъ павильономъ Общества просвѣщенія. Былъ у насъ д-ръ Б. („Юсъ“, Отголоски), но не пробылъ и года, получилъ мѣсто земскаго врача и бросилъ литературу, хотя онъ подавалъ надежды сдѣлаться полезной силой. Былъ Зайденманъ („Польскіе отголоски“), но онъ начинаетъ пристраиваться, какъ помощ. прис. пов., и отъ него теперь уже для газеты ничего клещами не вытянуть. Былъ П. („Восточникъ“, Еврейскіе отголоски), но онъ находитъ, что при нашихъ гонорарныхъ порядкахъ, когда онъ въ мѣсяцъ за 2 статьи получаетъ 6—7 руб., ему не стоитъ возиться. Дѣло однако не столько въ матеріальныхъ житейскихъ соображеніяхъ, а въ нравственной сторонѣ газетнаго труда. Для газетной статьи требуется не менѣе знанія, умѣнья и труда, чѣмъ для статьи журнальной, между тѣмъ въ журналѣ подписанная статья — нѣчто остающееся, даже дающее автору имя, а въ газетной статьѣ авторское „мы“ остается невѣдомымъ суще-

[1]) Рѣчь шла о демонстрированіи всееврейской національной идеи предъ лицомъ ассимилированнаго западнаго еврейства, — то, что спустя годъ пытался сдѣлать — къ сожалѣнію, въ партійной формѣ — Базельскій конгрессъ.

ствомъ, да и статья пропадаетъ безслѣдно. Затѣмъ личная отвѣтственность въ газетѣ удручаетъ: тотъ толкаетъ сюда, этотъ туда, третій невѣсть куда, и всѣ обижаются, что человѣкъ идетъ своимъ путемъ. Потомъ, въ городѣ все таки знаютъ авторовъ, и личныя непріятности за статьи у насъ самое обыкновенное дѣло. Я единственный, кто втянулся въ дѣло и полюбилъ его. Но я тоже теперь нахожусь наканунѣ ухода, и только изъ за личныхъ непріятностей -- безжалостной, жестокой, гнусной травли, которой я подвергаюсь съ различныхъ сторонъ, и особенно со стороны „гвировъ" и ихъ משרתים. И прибавлю: Ваше письмо было одной изъ послѣднихъ капель, переполнившихъ мою чашу. Все лѣто я работалъ за пятерыхъ, съ однимъ помощникомъ, который больше портилъ чѣмъ помогалъ (Л—въ, „Отголоски"), ибо я ему долженъ былъ говорить, что сказать по поводу каждаго клочка, и затѣмъ съ ужасомъ видѣлъ невозможную передачу, которую приходилось править и править. И вдругъ Вы: зачѣмѣ слово „ассимиляція"? Да еще: „dixi et animam levavi". Если Вы даже допускаете себя сдѣлаться орудіемъ людей, участвующихъ въ травлѣ „Восхода" и его сотрудниковъ, то для кого намъ здѣсь работать [1])?

Единственное, что меня нравственно поддерживало, это убѣжденіе, что большая публика нами довольна. Вы насъ плохо читаете или считаете мнѣніе чудака Б. голосомъ народа; но Вы уже не первый разъ рѣзко расходитесь съ отзывами публики въ сужденіяхъ о газетѣ. Вы говорите: „Надо оживить публицистику". Прежде всего, кто это долженъ оживлять публицистику? Оживляйте, сдѣлайте милость, пишите, громите и пр. А затѣмъ по существу Вы неправы: въ вялости насъ упрекать нельзя. Конечно, на хорошее нѣтъ предѣла, и улучшенія всегда и вездѣ умѣстны. Но мы не такъ вели дѣло, чтобы „оживленіе" было настоятельно необходимо. Я самъ, конечно, не судья въ своемъ дѣлѣ. Но у меня документы—масса сочувственныхъ писемъ, подчасъ даже восторженныхъ отзывовъ, присланныхъ намъ по поводу передовыхъ статей и общаго „живого" веденія. Никогда мы не получали ихъ такъ много, какъ въ нынѣшнее лѣто. Рѣдкій № проходилъ безъ отзывовъ; присылаются дополненія, подтвержденія, иногда соображенія contra, но всегда всѣ письма свидѣтельствуютъ о своевременности поднятія даннаго вопроса, о чуткости редакціи etc. И дѣйствительно, много вопросовъ заново переработано.

Вотъ единственное, что поддерживаетъ мою энергію въ моей тяжелой, неблагодарной анонимной работѣ. Но сочувствіе публики адресуется анонимному редакціонному „мы", а моему личному „я" достаются на долю пинки и пинки — отъ націоналистовъ, ортодоксовъ, хасидовъ, Дубнова и др., а особенно отъ „гвировъ". J'en ai assez. Гвиры и мешуресы ихъ не жалѣютъ

[1]) Само собою разумѣется, что о мѣстной, петербургской травлѣ болѣе или менѣе независимаго „Восхода" я узналъ только изъ этого письма. *С. Д.*

интригъ, чтобы выжить меня изъ редакціи. Casus belli: помѣщенныя мною въ газетѣ письма колонистовъ изъ Константинополя, письмо о томъ же Ярошевскаго, намекъ мой на то, что NN, зная о саранчѣ въ Энтре-Ріосѣ, прислалъ заднимъ числомъ восторженные отзывы о посѣвахъ и т. п. Такъ какъ семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, то я помѣстилъ сегодня статью на тему: кто были нашими представителями въ Парижѣ. Это моя лебединая пѣсня въ газетѣ. Не сегодня-завтра пріѣзжаетъ Ландау, и полагаю, что мнѣ придется доставить удовольствіе гвирамъ и ретироваться. Одинъ въ полѣ не воинъ.

Съ совѣтами и критическими замѣчаніями по дѣламъ редакціи можете уже обращаться къ А. Е. Если захотите написать мнѣ, адресуйте... Вашимъ письмамъ я всегда радъ. Всего хорошаго. Преданный *С. Г.*

№ 6. Спб. 25. XI. 96.

Спѣшу отвѣтить на только что полученное письмо Ваше отъ 21. XI. Оказывается, что мы съ Вами споримъ о терминахъ, не о сущности. Въ Вашемъ опредѣленіи національности [1]) Вы упустили одинъ признакъ — общность разговорнаго языка, которой у насъ нѣтъ (библейскій языкъ хорошо знакомъ развѣ одному изъ тысячи). Затѣмъ изъ указанныхъ Вами признаковъ евреямъ недостаетъ элемента политическаго и (какъ я убѣжденъ и убѣждаю) расоваго. Остается общность историческая и религіозная. На этомъ пунктѣ мы сойдемся. Мое опредѣленіе: еврейство—религія. Еврейская исторія прекратилась съ Баркохбою, далѣе идетъ уже исторія іудейская, исторія о томъ, какъ іудеевъ трепали за ихъ религію, съ одной стороны, и какъ умнѣйшіе изъ нашихъ предковъ разрабатывали исторію религіи и обрядности, дѣлали סיג לתורה—съ другой стороны. Если къ этому прибавить попытки изложить въ хронологическовъ порядкѣ исторію погромовъ, появленіе разныхъ комментаріевъ къ Библіи и Талмуду и компендіевъ ритуала, то получимъ: исторію „еврейскаго“ народа и его литературы, которая будетъ все таки исторіей іудейской.—Увѣряю Васъ, дорогой Семенъ Марковичъ, что Вы въ сущности думаете то же самое, хотя выражаетесь иначе, не такъ прямолинейно [2]). Вы говорите: еврейство—нація, но безъ общаго языка, общей территоріи и (Вы должны прибавить) безъ общихъ расовыхъ чертъ. Я говорю: еврейство—религія, имѣющая свою исторію. Это совершенно одно и тоже. Но право, не въ томъ дѣло. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ Вы понимаете національзмъ, я безъ сомнѣнія тоже націоналистъ, и не я только, а всякій безъ исключенія іудей, не

[1]) Рѣчь тутъ идетъ о рядѣ тезисовъ, выработанныхъ мною тогда для „Національнаго кружка еврейской молодежи“ въ Одессѣ и заключавшихъ in nuce основныя идеи, позже развитыя въ „Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ“. Экземпляръ тезисовъ былъ посланъ и С. О. Грузенбергу.—*С. Д.*

[2]) Какъ видно изъ дальнѣйшаго, самъ авторъ письма не былъ такъ увѣронъ въ этомъ предполагаемомъ единомысліи. *С. Д.*

измѣняющій вѣрѣ отцовъ: онъ безсознательно служитъ миссіи еврейства (въ смыслѣ Ренановскомъ). Я уже писалъ въ одной Хроникѣ, что не такихъ націоналистовъ мы критикуемъ. Вы все обвиняете меня, что я „валю въ кучу" герцлистовъ, мракобѣсовъ и націоналистовъ. Это, простите, вопіющая неточность. Выработайте терминологію, и тогда у насъ не будетъ никакихъ недоразумѣній.

Засимъ, хотя Вы недовольны „практицизмомъ" новаго поколѣнія, я Вамъ скажу, что намъ теперь нужны именно практики, а не теоретики. Бѣда въ томъ, что у насъ вообще нѣтъ людей, ни принциповѣдовъ, ни практиковъ.

Заранѣе принимая на себя всѣ грѣхи за приверженность практическому направленію въ общественной дѣятельности, я рѣшилъ серьезно заняться выработкой программы практической дѣятельности, направленной къ улучшенію ужасающаго положенія еврейской массы, матеріальнаго и нравственнаго. Я мечтаю объ объединеніи всѣхъ интеллигентныхъ и даже полу-интеллигентныхъ силъ нашихъ на этомъ полѣ. Часть программы будетъ напечатана въ одной изъ ближайшихъ книжекъ, подъ заглавіемъ „О нѣкоторыхъ нуждахъ евр. населенія". Сюда надо прибавить проектъ основанія раввинскаго института, который я проповѣдывалъ въ газетѣ, а теперь надѣюсь начать осуществленіемъ, ходатайствуя объ учрежденіи при Обществѣ просвѣщенія постоянной комиссіи для пропаганды и сбора пожертвованій (дабы дѣло не заглохло). Повѣрьте, дорогой Семенъ Марковичъ, я далекъ отъ мысли сводить задачи интеллигенціи къ открытію школьныхъ огородовъ или найму разъѣздныхъ агрономовъ. На мелочахъ я не застряну и главнаго изъ виду не упущу. Но нельзя все толковать объ идеяхъ, когда люди мрутъ съ голоду. А мрутъ они, дѣйствительно, какъ мухи. И знаете-ли: не будь нашихъ „гвировъ"—ужаснѣйшей язвы нашего быта, и будь у насъ побольше самостоятельности, у насъ давно была бы организована широкая помощь народу. Можетъ быть, удастся наконецъ устроить такъ, чтобы Вамъ не пришлось воскликнуть: „Какой позоръ, что въ Парижъ отъ имени русскихъ евреевъ явились только торговцы"!

Я чуть было не забылъ о злосчастной „ассимиляціи", которою Вы меня попрекаете. Право, и тутъ споръ у насъ идетъ только о словахъ. Въ сущности, Вы вѣдь не требуете, чтобы еврей сохранилъ лапсердакъ и пейсы, и допускаете, чтобы мальчикъ учился по русски. А я право, не требую крещенія еврейскихъ младенцевъ и даже проповѣдую усиленіе религіознаго воспитанія. Стало быть, мы гдѣ нибудь встрѣтимся по срединѣ между крайними точками. Ассимиляція съ сохраненіемъ іудейства и націонализмъ съ пріобщеніемъ къ культурѣ—это почти одно и тоже. Будемте расширять нейтральную полосу, будемте содѣйствовать сближенію того, что поддается сближенію. У насъ столько общихъ враговъ — внѣшнихъ и внутреннихъ (гвиризмъ, ковенщина, хассидизмъ), что намъ не о дифференцировкѣ надо думать,

а объ единеніи. Моя практическая программа совпадаетъ съ § 8 Вашихъ тезисовъ. Чего же лучше? Будьте здоровы и преуспѣвайте. Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 7. Спб. 13. IV. 97.

Сердечно благодарю Васъ за любезную присылку 2-го тома Вашей „Еврейской исторіи", который я на дняхъ получилъ, и отъ души поздравляю съ благополучнымъ окончаніемъ этого огромнаго труда... Я радуюсь окончанію „Исторіи" и потому еще, что оно дастъ Вамъ возможность заняться текущими вопросами, которые Вы въ послѣдніе годы по небходимости отодвигали на задній планъ. О впечатлѣніи, которое Ваша книга производитъ при первомъ бѣгломъ чтеніи, я уже говорилъ въ литературной замѣткѣ въ „Хроникѣ" [1])... Конечно, духъ противорѣчія, во мнѣ сидящій, внушилъ мнѣ нѣкоторый скептицизмъ, но послѣдній ограничивается самоновѣйшимъ періодомъ. Право, при чтеніи стр. 457 и слѣд. мнѣ казалось, что Вы вдругъ себѣ измѣнили. Въ нынѣшнемъ антисемитизмѣ не отмѣчена единственная черта, отличающая его отъ юдофобіи прежнихъ временъ: правильная основная мысль (протестъ противъ буржуазнаго либерализма, забывшаго интересы рабочихъ классовъ), нелогичное развитіе ея („Antisemitismus ist der Socialismus der Dummen") и узурпація ея клерикально-дворянской партіей, побѣжденной либералами на западѣ въ 1848, а у насъ въ 1861 г.—Далѣе, я недоумѣвалъ, читая, какъ Вы костите „стадное стремленіе къ сліянію съ окружающимъ населеніемъ" и превозносите сторонниковъ „духовнаго національизма". Простите великодушно, но „духовные націоналисты" — плодъ Вашего исторіографическаго воображенія. Такой партіи [2]) у насъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ—она ничѣмъ не заявила о себѣ въ жизни и литературѣ, и мы не знаемъ ея практической программы.

Дорогой другъ, если вы рѣшительно высказались противъ Judenstaat'a, то Вы ассимиляторъ, совершенно такой же, какъ я и всѣ наши, только немного конфузящійся. У Васъ „ассимиляторъ" бранное слово, нѣчто тождественное съ „Ахеромъ". Но дѣло не въ кличкахъ. Въ Вашей программѣ нѣтъ ничего такого, чего не признавалъ бы ассимиляторъ: мы и исторію нашу любимъ, и заграничными братьями интересуемся, и крестнаго знаменія не кладемъ. А если такъ, то къ чему ругать насъ „стадомъ" и выдѣлять себя изъ нашего צבור? Намъ нужно теперь объединять, а не дробить, сочиняя новыя партіи. Вотъ погодите, на Ваши „Письма о старомъ и новомъ еврействѣ", буде Вы тамъ станете дифференціалами заниматься, я Вамъ ужо на-

[1]) Опускаемъ чрезвычайно хвалебную характеристику книги и переходимъ къ оговоркамъ, выясняющимъ пункты разногласія.

[2]) Конечно, рѣчь шла не о партіи, а только объ идейномъ теченіи, или философско-историческомъ выводѣ. Ср. „Еврейская Исторія" изд. 1896 г., т. II, стр. 460.

пишу отвѣтъ и докажу, что Вы самый что ни на есть ассимиляторъ и что Вашъ „духовный націонализмъ“ есть красивый сосудъ, дѣлающій честь своему мастеру, но сосудъ безъ дна, въ употребленіе совсѣмъ негодный; я хочу сказать, что Вы на практикѣ изъ „духовнаго націонализма“ не высосете ничего позитивнаго, годнаго для осуществленія, и во всякомъ случаѣ ничего такого, противъ чего возставали бы мы, овцы „стада“ гонимаго. Но повторяю, конецъ книги, хотя портитъ немного впечатлѣніе, не мѣшаетъ однако признавать, что Вы дали превосходную книгу, что теперь, благодаря Вамъ, у насъ будетъ хорошая „Исторія“, въ которой давно чувствовалась настоятельная нужда.

Когда, наконецъ, Вы пришлете Ваши „Письма“? Торопитесь. Надѣюсь найти въ Вашихъ „Письмахъ“ цѣльный взглядъ на наши злобы дня и серьезную критику нашей программы.

Напишите мнѣ откровенно свое мнѣніе о моей „Замѣткѣ“, напечатанной въ январской и февр. кн. „Восхода“ [1]).

Затѣмъ, споры въ сторону. Отъ души желаю Васъ здоровья, бодрости, удачъ въ начинаніяхъ. Прошу Васъ считать меня по старому Вашимъ искреннимъ другомъ. *С. Г.*

№ 8. Спб. 28. III. 98.

Я очень обрадовался, найдя вчера въ редакціи нѣмецкое изданіе Вашей работы [2]). Давно пора Вамъ показаться въ Европѣ. Радъ я не за Васъ только, а за всѣхъ нашихъ россіянъ еврейской національности (выражаясь В а ш и м ъ языкомъ), ибо наши западно-европейскіе единовѣрцы (выражаясь по нашему, по semperidem'скому) считаютъ насъ некультурной массой, у которой нѣтъ людей, способныхъ мыслить и писать. Я никогда не увлекался Lokal-Patriotismus'омъ и всегда признавалъ, что „они“ во многихъ отношеніяхъ выше насъ. Но я глубоко возмущаюсь при видѣ ихъ высокомѣрнаго отношенія ко всему „польскому“ еврейству. На эту тему я и хочу побесѣдовать теперь съ Вами.

Я стараюсь по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ поднять престижъ нашихъ за границей. Вотъ почему я выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ нѣмецкій оригиналъ моей записки о „Нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія Россіи“. Записка была мною написана первоначально по нѣмецки, и она лежала у меня долго послѣ того, какъ русскій переводъ былъ напечатанъ въ „Восходѣ“; въ ноябрѣ она была напечатана въ „Jüd. Presse“. И вотъ куріозъ: нѣмцы, прочитавъ, что у насъ имѣется до 100.000 земледѣльцевъ, 300.000 ремесленниковъ и множество учащихся въ гимназіяхъ и даже въ университетахъ, крайне удивились. На съѣздѣ, созванномъ для учрежденія Общества распростран. земледѣлія между евр. въ Германіи (Innere Kolonisation), съ этими цифрами носились какъ אברהם אבינו מיט דער מילה. По настоянію

[1]) „О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія въ Россіи“ (записка, представленная съѣзду попечителей Евр Колониз. О-ва въ Парижѣ, В о с х. 1897, кн. 1—2).

[2]) Переводъ этюда „Что такое еврейская исторія“. Берлинъ. 1898.

нѣкоторыхъ нашихъ живущихъ въ Берлинѣ соотечественниковъ, я выпустилъ отдѣльное изданіе, экземпляръ котораго одновременно съ симъ Вамъ посылаю. Жаль только, что „для красоты обложки“ было выпущено въ заглавіи слово „нѣкоторые“.

Съ тою же цѣлью—давать нашимъ западнымъ братьямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нашихъ, я взялъ на себя постоянное сотрудничество въ лондонскомъ Jewish Chronicle, которому уже съ полгода посылаю еженедѣльно отчеты о нашихъ дѣлахъ. Это—тяжелый и неблагодарный трудъ, но я считаю его крайне необходимымъ. Но вотъ я перехожу къ главному пункту моего письма. Редакторъ „Jew. Chron“ (человѣкъ прямо идеальный въ сравненіи съ нашимъ Л.) просилъ дать въ газетѣ рядъ краткихъ біографическихъ очерковъ новѣйшихъ русско-еврейскихъ литераторовъ. Я съ большой охотой взялся за это. Повторяю: настоятельно необходимо (не только въ нравственномъ отношеніи, но прямо въ матеріальныхъ интересахъ нашей „черты“) показать имъ, что мы культурные люди. И такъ, я приготовлю для Jew. Chron. рядъ біографій нашихъ писателей, писавшихъ по русски, и въ этомъ дѣлѣ Вы, любезный Семенъ Марковичъ, должны мнѣ помочь.

Для коллекціи мною намѣчены: Ос. Рабиновичъ, Л. I. Мандельштамъ, Леванда, Гордонъ, Пинскеръ, Ил. Оршанскій, Моргулисъ, Ландау, Кулишеръ, Гаркави, Канторъ, Фругъ, Дубновъ, Волынскій, Бенъ-Ами, Ярошевскій, Каценельсонъ, Берманъ, Хинъ, Брамсонъ. Писатели будутъ расположены приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ вступленія ихъ на литературное поприще. Скажите, не надо ли кого выключить изъ списка или включить въ него. Замѣтьте, что крещеныхъ я не считаю—они не наши, хотя бы они были и націоналистами...

Надо Вамъ сказать, что каждая біографія должна сопровождаться портретомъ. Я на это согласился потому, что портреты „Jew Chron.“ положительно верхъ изящества (гальванопластика). Ничего подобнаго нѣтъ не только въ нашихъ изданіяхъ, но даже въ „Нивѣ“, всегда выдававшейся своими чудными иллюстраціями. Я выговорилъ себѣ право собственности на клише портретовъ, и редакція обѣщала мнѣ даже для предохраненія ихъ отъ порчи покрывать особой пластинкой. Такимъ образомъ, мы современемъ будемъ имѣть прекрасную коллекцію портретовъ нашихъ писателей, которую можно будетъ издать въ Россіи, если на то послѣдуетъ согласіе оригиналовъ. Само собою разумѣется, что потребуется Вашъ портретъ. Пришлите мнѣ, убѣдительно прошу Васъ, Вашу фотографическую карточку, притомъ въ двухъ экземплярахъ (одинъ мнѣ лично на память) и curriculum vitae. (Объ автобіографіяхъ здравствующихъ писателей я долженъ предупредить, что я ихъ передамъ въ отдѣленіе рукописей петербургской синагогальной библіотеки).

Садясь за это письмо, я давалъ себѣ слово не писать ни звука о Вашей статьѣ („Письма о стар. и нов. еврействѣ“). Но не могу удержаться. Скажу откровенно: я разочарованъ до

крайности. Ни основная идея, ни способъ доказательствъ, ни манера письма, совсѣмъ не похожая на Вашъ прежній стиль. не отвѣчаютъ ожиданіямъ. Коротко, — никогда я еще не былъ такъ твердъ въ своихъ взглядахъ, какъ по прочтеніи Вашей статьи, которую я ждалъ съ нетерпѣніемъ и читалъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Простите: я буду возражать и сильно возражать; знаете, разберу по косточкамъ על ראשון ראשון ועל אחרון אחרון, и надѣюсь побить Васъ Вашимъ же Миллемъ, справедливыя мысли котораго объ индивидуальной свободѣ Вы, простите, совершенно извратили, примѣнивъ ихъ къ національному индивиду. Я ставлю вмѣсто ошельмованнаго выраженія „націонализмъ“ болѣе приличный лозунгъ „народничество“. Вы совсѣмъ не коснулись различій между „націей“ и „народомъ“; между тѣмъ на формулѣ „еврейство—народъ“ можно соединить всѣ партіи, конечно кромѣ сторонниковъ Judenstaat'a. Далѣе... Впрочемъ, пересиливаю себя и ставлю точку. „Будетъ буря—мы поспоримъ“. „А пока желаю Вамъ здоровья, бодрости и успѣховъ во всѣмъ. Semper idem in amicitia *С. Г.*

№ 9. Спб. 7. IV. 98.

Пишу Вамъ опять по поводу задуманныхъ мною біографическихъ очерковъ нашихъ русско-евр. писателей. Дѣло уже налажено, и мнѣ нужно окончательно составить списокъ. Вы не повѣрите, какъ трудно здѣсь получить объективное мнѣніе о годности нѣкоторыхъ лицъ для данной коллекціи... Въ концѣ концовъ здѣсь у насъ такое безлюдье, что по необходимости приходится безпокоить Васъ даже въ подобномъ неважномъ вопросѣ, если не хочется рѣшать его по своему единоличному мнѣнію.

Вотъ мой списокъ: **А**)... [1]) **Б**) Мешумеды: Хвольсонъ, Богровъ, М—ій. **В**) Ашкинази (соціологъ), Берхинъ, Дубровина (Печорина-Беель-Лазарева), Лиліенблюмъ, С. А. Лурье, С—кій: всѣ подъ? Не откажите вникнуть въ эти списки и сказать, кого слѣдуетъ перенести изъ **В**. въ **А**., и какъ быть съ משומדים относительно которыхъ мнѣ нѣкоторые говорятъ, что ихъ никакъ нельзя игнорировать. Лично я, откровенно говоря, противъ этого.—Нѣтъ-ли въ спискѣ **А.** лишнихъ?

Мнѣ думается, что моя серія будетъ имѣть историко-литературное значеніе (со временемъ). Для біографій я могу воспользоваться матеріаломъ, который не былъ и пожалуй никогда не будетъ обнародованъ, если я его теперь не зарегистрирую. Я уже получилъ больше половины карточекъ по списку *А* и обѣщанія доставить таковыя отъ нѣсколькихъ изъ остатка. Нѣтъ свѣдѣній отъ 8 человѣкъ, въ томъ числѣ отъ Васъ, а также Б. и Моргулиса, которымъ я впрочемъ еще не писалъ.

---

[1]) Слѣдуетъ списокъ, приведенный въ предыдущемъ письмѣ, съ прибавленіемъ именъ нѣкоторыхъ современныхъ писателей.

Отправлена уже мною біографія Ос. Рабиновича; на этой недѣлѣ пошлю Гордона, Пинскера, Леванды. Располагаю ихъ въ хронологическомъ порядкѣ появленія первой печатной работы...

У насъ здѣсь новаго мало, да и малое неутѣшительно. О депутаціи изъ провинціальныхъ делегатовъ, представлявшейся Горемыкину, Вы вѣроятно знаете. На прошедшей недѣлѣ ходили къ Горемыкину присланные сюда отъ парижскаго совѣта Jew. Colon. Association три делегата: Berl, полковникъ Wolff и нашъ землякъ, живущій въ Парижѣ—Меерсонъ. Онъ ихъ направилъ къ Побѣдоносцеву, который произнесъ длинную рѣчь, замѣчательно откровенную. Мысли его таковы: мы знаемъ, что евреи не дурной народъ, наоборотъ—народъ очень дѣльный; въ школѣ еврейчикъ прилеженъ, русскій лѣнится; то же въ жизни. „Поэтому евреи насъ вытѣсняютъ. А это намъ не нравится". Вотъ причина притѣсненій—„самозащита". На главный вопросъ делегатовъ (можно-ли разсчитывать, что правительстно разрѣшить Колон. Обществу работать въ предѣлахъ Россіи по устройству колоній и профессіон. школъ) Поб. сказалъ: „Nos cadres ne sont pas prêts pour vous rècevoir".

Впрочемъ, въ послѣднемъ никто не сомнѣвался. Нашъ „Центральный комитетъ" не имѣлъ никакихъ шансовъ разсчитывать, что ему, взявшемуся „споспѣшествовать переселенію евреевъ изъ Россіи", разрѣшатъ устраивать еврейскія школы въ самой Россіи. Но Г—гу не хотѣлось выпустить изъ рукъ гиршевское дѣло, и онъ все „хлопоталъ", увѣряя, что хлопоты идутъ на ладъ, что даже Побѣдоносцевъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе. Г. положительно себя пережилъ; онъ не въ состояніи понять, что ему говорятъ, и воспринимаетъ все крайне субъективно. Отъ этого для насъ уже много горя произошло.—Наприм., онъ взялъ въ свои руки дѣла о правѣ жительства евреевъ въ Сибири, о правѣ жительства привиллегир. евреевъ внѣ городовъ и мѣстечекъ въ чертѣ, о правѣ повсемѣстнаго жительства евреевъ, состоявшихъ 10 лѣтъ въ 1-ой гильдіи; онъ уже въ сенатѣ проигралъ всѣ эти дѣла, которыя теперь находятся въ Госуд. совѣтѣ, но все же изъ рукъ не выпускаетъ и никому не даетъ внести свои коррективы въ его записки. Люди просто волкомъ воютъ. Но заговоривъ на эту тему, я не скоро кончилъ бы: фактовъ такого рода у насъ много, да еще прибываетъ каждый день не мало. А потому, Богъ съ ними.

Будьте здоровы, бодры, веселы и тѣмъ довольны, что Вы, уединившись въ научныя работы, стоите далеко отъ всѣхъ нашихъ внутреннихъ невзгодъ. Пишите Вашему сердечно преданномъ *С. Г.*

№ 10. Спб. 22. IV. 98.

Отъ души благодарю Васъ за письмо, за карточку, за curriculum vitae, за цѣнныя указанія относительно кандидатовъ въ „Галлерею". О предложенномъ Вами дополненіи списка могу сказать, что въ этомъ случаѣ нѣтъ надобности принадлежать къ

מחמירים,—чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Но все же нужна руководящая нить и справедливость при относительной оцѣнкѣ. Наприм., Лиліенблюмъ лишь съ нѣкоторой натяжкою можетъ быть причисленъ къ пишущимъ по русски. Въ печати Л-мъ, конечно, разгромилъ Ренана и насаждалъ религ. реформу, но не эти же писанія Вы ставите ему въ заслугу. Что до палестинофильства, то помимо 2-хъ слабыхъ вещей, вошедшихъ въ его брошюру, онъ писалъ почти исключительно для отдѣла „За и противъ"—правда, въ очень рѣзкомъ и оскорбительномъ для его оппонентовъ тонѣ, но всегда замѣчательно легкомысленно и голословно. Можетъ быть, онъ „дѣятель"—можетъ быть, онъ въ еврейской литературѣ что нибудь представляетъ, но въ русско-еврейской литературѣ нельзя признать его дѣятелемъ даже при очень снисходительной оцѣнкѣ... Но такъ какъ Вы категорически высказываетесь за него, то я покуда оставляю вопросъ открытымъ. N. N. во 1-хъ мешумедъ, а во 2-хъ не поэтъ, плохой стихотворецъ, едва ли не хуже Зингера, котораго хозяинъ (выраженіе N.) лансируетъ въ пику Ф—у, съ которымъ совсѣмъ не ладитъ. (A propos: Л. прекратилъ высылку изданія Ф—у, исключивъ его такимъ образомъ изъ списка постоянныхъ сотрудниковъ). N. N. junior я знаю хорошо, потому что долгое время работалъ съ нимъ въ „Хроникѣ" бокъ-о-бокъ, а мѣсяца 4, въ отсутствіи Ландау, вдвоемъ съ нимъ „дѣлалъ газету". Помню, однажды я въ его „Отголоскахъ" выкинулъ три четверти статьи, трактовавшей о крещеніи въ столь пріятномъ Вамъ (?) духѣ терпимости. Я тогда же подумалъ: этотъ ненадеженъ,—и сталъ относиться къ нему съ опаскою. Онъ это понялъ, признался мнѣ, что у него „больныя настроенія", и мы прелиминарно согласились на томъ, что онъ о крещеніи больше писать не будетъ. Я слышалъ, что крестился онъ, чтобы жениться на своей... и обезпечить сына. Мотивъ, быть можетъ, хорошій, но, какъ всегда бываетъ, возвышенная тенденція не помѣшала N. послѣ крещенія занять великолѣпную должность, въ которой онъ теперь получаетъ до 10.000 р. въ годъ.

Ваша терпимость къ крещенымъ *) объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Вы не имѣли достаточно случаевъ изучить близко психологію выкреста. Мнѣ на этотъ счетъ везло. Среди товарищей-врачей, среди всякаго рода знакомыхъ и даже среди паціентовъ у меня много мешумедовъ, удостаивающихъ меня своимъ довѣріемъ и дружбою. Однажды одинъ сановникъ, тайный совѣтникъ, пригласилъ меня предъ смертью и секретно передалъ пожертвованіе на еврейскія дѣла. Этотъ случай послужилъ сюжетомъ для разсказа „Генеральша", написаннаго Линовскимъ mutatis mutandis и напечатаннаго въ „Восходѣ" за 1897 г. На

---

*) Неоднократно повторяемый упрекъ мнѣ въ какой то „терпимости" къ выкрестамъ вызванъ тѣмъ, что я совѣтовалъ включить въ списокъ русско-еврейскихъ литераторовъ такихъ людей, какъ Богровъ и т. п., въ большинствѣ писавшихъ на еврейскія темы до своего ренегатства.—Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ этотъ упрекъ оказывается лишь полемическимъ пріемомъ—*С. Д.*

ימים נוראים мнѣ приходится бывать утѣшителемъ двухъ-трехъ кающихся грѣшниковъ.. Много исповѣдей я слышалъ отъ товарищей, крестившихся по самымъ разнообразнымъ соображеніямъ. Вѣрьте мнѣ: всѣ выкресты народъ практичный, и даже тѣ, которые крестятся по романическимъ побужденіямъ, какъ то всегда влюбляются удивительно кстати... Мы, semper idem'ы, Вами разносимые въ пухъ, считали бы себя счастливыми, если бы Вы судили о насъ съ той снисходительностью, какую Вы проявляете относительно мешумедовъ. Напр.: Хвольсона Вы возвели въ старомоднаго раввина за его письма объ учрежденіи еврейскаго разряда при факультетѣ восточныхъ языковъ. Между тѣмъ, онъ въ этомъ случаѣ былъ только орудіемъ въ рукахъ Гинцбурга, которому нужно было такъ или иначе отвлечь вниманіе публики отъ ненавистнаго ему проекта учрежденія еврейскаго богословскаго института. Тутъ былъ выкинутъ фортель, самый коварный...

Принципіально говоря, я дѣйствительно держусь отвергаемой Вами теоріи гнилого Запада, что еврейство—религія, и отсюда вывожу, между прочимъ, безусловно отрицательное отношеніе къ ренегатамъ. Націонализмъ въ этомъ отношеніи опасная игра. Изъ Вашихъ націоналистскихъ теорій разумные люди уже сдѣлаютъ логическій выводъ, что можно быть хорошимъ евреемъ-націоналистомъ, будучи въ то же время по исповѣданію неіудеемъ. Да здравствуетъ „Новый Израиль", тотъ самый, который сохранилъ всѣ національныя внѣшнія черты еврейства, соблюдаетъ субботу и обрѣзаніе, молитвы читаетъ исключительно по древне-еврейски, а не такъ, какъ „бездушные" нѣмецкіе Tempeljuden, на европейскомъ языкѣ, но напѣваетъ на характерный еврейскій мотивъ: בשם האב והבן ורוח הקודש. Ça viendra. Это будетъ „практическая программа" націонализма и несомнѣнно практическое средство отъ Judennoth. Впрочемъ, чтобы покончить съ мешумедами, намѣченными для „Галлереи", я долженъ Вамъ сказать, что тутъ у меня чисто внѣшнее препятствіе: „Jew. Chronicle" ортодоксаленъ. Конечно, онъ признаетъ евреями самыхъ крайнихъ нашихъ реформаторовъ, но выкрестъ для него не еврей. А потому я долженъ списаться съ редакціей по этому пункту.

О Л. Бинштокѣ я себѣ еще не составилъ мнѣнія. О Коганѣ-Наумовѣ, разумѣется, не могу сказать ничего, кромѣ хорошаго. Но въ общихъ восторгахъ его единственнымъ произведеніемъ, право, есть что то истерическое и подражательное. Мы всѣ, въ томъ числѣ и націоналисты, возмущающіеся нашей наклонностью къ раболѣпію предъ чужаками, очень раболѣпствуемъ предъ „русской литературой". Если бы очеркъ „Въ глухомъ мѣстечкѣ", который не лучше многихъ вещей Бенъ-Ами, былъ напечатанъ не въ „Вѣстникѣ Европы", а въ „Восходѣ", евреи не обратили бы на него особеннаго вниманія. А тутъ всѣ завизжали: „ахъ, признанный талантъ!" Къ тому же эта глупая чахотка, такъ

кстати явившаяся для ореола... Знаете, дорогой Семенъ Марковичъ, мое несчастье—мои канатные нервы, ограждающіе меня отъ истерики, въ которую иногда очень полезно впасть, чтобы не отстать отъ нервнаго вѣка. Я всегда симпатизировалъ несчастному больному Когану, еще при жизни его содѣйствовалъ по мѣрѣ силъ организаціи помощи для него, потомъ для его семьи. Но никогда я не видѣлъ въ немъ крупнаго таланта. Ему несчастье помогло: болѣзнь свела его съ Короленкой, который и рукопись его радикально передѣлалъ, и въ редакціи „Вѣстника Европы" за него предстательствовалъ. Остальное додѣлали наше раболѣпіе, самолюбіе и истеричность, доводящая насъ до идолопоклонства. Намъ нужны идолы. Только этимъ и объясняется многое непонятное въ нашемъ диковинномъ быту.

Я очень радъ Вашему признанію, что „націонализмъ"—опошленное выраженіе. Но если Вы почему то рѣшились его реабилитировать, то почему Вы дѣлаете это въ еврейской литературѣ. Вамъ слѣдовало идти въ европейскую литературу, на съѣзды историковъ, философовъ, юристовъ, экономистовъ, полемизировать со всѣми противниками націонализма (наприм. Влад. Соловьевымъ),—и уже затѣмъ, когда Европа убѣдилась бы Вашей аргументаціей и слово „націонализмъ" стало бы красивымъ лозунгомъ, явиться въ гетто съ проповѣдью усвоенія националистической идеи. Вы не съ того конца начали. Теперь еврейскіе націоналисты напоминаютъ щеголиху медвѣжьяго угла, наряжающуюся въ турнюръ, давно вышедшій изъ моды даже въ Пошехоньѣ.—Не коснетесь-ли этого въ Вашихъ „Письмахъ"? Впрочемъ, здѣсь не знаютъ, будетъ ли продолженіе Вашихъ „Писемъ"... Я, наприм., не могъ дать отвѣта Ландау на вопросъ, слѣдуетъ ли по напечатанному въ апрѣльской книжкѣ ждать продолженія, или это—конецъ статьи. Меня лично этотъ вопросъ интересуетъ еще потому, что писаніе моей статьи „Націонализмъ и народничество въ современномъ еврействѣ" я хотѣлъ бы начать уже по окончаніи Вашихъ „Писемъ", дабы не повторять того, что будетъ достаточно разъяснено Вами. Само собою разумѣется, что наше „народничество" будетъ не только практической программой, а прежде всего „доктриною".

Вы напрасно жаловались, что я въ скромныхъ моихъ Хроникахъ кусаю Васъ за Вашу Ахиллесову пятку (תשופני עקב). По нынѣшнимъ временамъ не говорить о „сіонистахъ безъ Сіона" невозможно, а коснувшись ихъ по какому либо случаю, я долженъ же сказать хоть вскользь то, что требуется. Вѣдь я— ער משמרתי אנכי נצב. Я это дѣлалъ задолго до появленія Вашихъ „Писемъ", и Вамъ отнюдь не слѣдовало бы принимать моихъ замѣчаній на свой счетъ. Впрочемъ, Вы потому, вѣроятно, усматриваете въ моихъ замѣчаніяхъ „укусы", что сами въ 1-мъ же „Письмѣ" изволили обозвать нашихъ semper idem'овъ

очерствѣлыми душами, безмозглыми, или какъ то въ этомъ жанрѣ [1]), и Вамъ все мерещится реваншъ.

На прошлой недѣлѣ гостилъ здѣсь Ярошевскій [2]). Въ субботу онъ съ женою обѣдали у меня, былъ и Ф. Мы провели прекрасный вечеръ. Ф. читалъ намъ жаргонныя свои вещи, и мы хохотали до слезъ. Много говорили о литературныхъ нашихъ дѣлахъ, о злобахъ дня. Жаль, что Васъ не было съ нами. Между прочимъ, Вы бы убѣдились, что даже Ярош., представляющій у насъ крайнюю лѣвую, все же далеко не „ассимиляторъ" въ томъ смыслѣ, какъ Вы понимаете это слово. Кстати, кого собственно Вы разумѣете подъ ассимиляторами? Я утверждаю, что Вы ихъ сочинили ad hoc. Вамъ слѣдовало бы называть имена и цитировать сочиненія, Вами оспариваемыя.

Но довольно. Какъ видите, мы оба избѣгаемъ полемики въ нашихъ письмахъ, и оба впадаемъ въ нее невольно. Простите мнѣ иное жесткое слово, нечаянно проскользнувшее, помня, что я всегда былъ и буду Вашимъ искреннимъ и преданнымъ другомъ *С. Г.*

№ 11. Спб. 28. IX. 98.

Ваше письмо я получилъ in der zwölften Stunde, когда уже приступалъ къ версткѣ номера... Самое изданіе „Исторіи хассидизма" надо, конечно, привѣтствовать, и притомъ не только какъ научно-литературное явленіе, но и какъ явленіе общественное. Хассидизмъ дѣлаетъ теперь огромные успѣхи (куда большіе, чѣмъ сіонизмъ); онъ завоевываетъ новыя области у васъ на Литвѣ. Это вполнѣ естественно, какъ протестъ противъ сухого буквоѣдства ортодоксальныхъ раввиновъ. Народъ требуетъ „души" отъ религіи, а ему даютъ Шулхонъ-Арухъ. Вамъ бы слѣдовало примѣнить Ваши историческіе выводы по изслѣдованію хассидизма къ нашей современности. Тогда Вамъ, правда, пришлось бы опять стать на почву принципа „еврейство—религія" и заговорить о религіозной реформѣ. Но отъ этого выиграли бы и истина, и цѣльность Вашего міросозерцанія.

Мои „громы" противъ Васъ не будутъ особенно раскатисты, но они все таки грянутъ. Въ головѣ уже все сложилось, да писать некогда. Какъ только пріѣдетъ Ландау и освободитъ меня отъ кропотливой работы по газетѣ, отнимающей у меня всѣ свободные вечера, приступлю къ дѣлу. Думаю разобрать три формулы рѣшенія еврейскаго вопроса (еврейство—религія, національность, политическій организмъ). О нашемъ націонализмѣ скажу, что насколько онъ понятенъ какъ мотивъ къ политической реставраціи, настолько онъ нелогиченъ при условіи

[1]) Въ предисловіи къ моимъ „Письмамъ" говорилось объ „окаменѣлости мысли" тѣхъ, которые „полагаютъ свое достоинство въ томъ, что они semper idem", которыхъ „тяжелыя народныя испытанія послѣдней эпохи ничему не научили" (См. „Восходъ" 1897 г., кн. XI, стр. 6).

[2]) Извѣстный беллетристъ, авторъ многихъ романовъ и повѣстей въ „Восходѣ".

пребыванія въ діаспорѣ. Вѣдь съ волками жить—по волчьи выть. Вашу попытку наложить на еврейство ярлыкъ „духовной націи“ разобью въ пухъ. Вы не доказали, что національность нужна вообще, и еще меньше, что нужна еврейская національность, что она существуетъ. Коротко, Вы—„ассимиляторъ“, немножко сконфузившійся въ обществѣ сіонистовъ и избравшій себѣ псевдонимъ націоналиста Вашимъ идеямъ не можетъ быть мѣста среди современныхъ теченій нашей бѣдной мысли. Вы должны или стать сіонистомъ или — честно, открыто перейти въ наше старое еврейство Мендельсона, Цунца, бреславльцевъ, Крохмаля, И. Б. Левинсона (мы прямые преемники ихъ,—этого Вы, конечно, отрицать не станете). A propos—за Вашъ мадригалъ по адресу старыхъ Вашихъ единомышленниковъ („semper eidem, которые ничему не научились“), я Вамъ воздамъ, показавъ, что Вы тоже „ничему не научились“ (т. е. по существу не сказали ничего новаго), но за то забыли много хорошаго, каковое я Вамъ тутъ же напомню цитатами изъ Вашихъ старыхъ писаній. Ужо погодите—останетесь довольны. Въ этомъ случаѣ я разсчитываю на сочувствіе сіонистовъ, которые, вѣроятно, подобно намъ, недоумѣваютъ, что это за націонализмъ, который не доводится до логическаго заключенія. Вы знаете, конечно, что послѣдователей у Васъ нѣтъ, если не считать таковыми двухъ-трехъ юныхъ студентовъ и одного или двухъ ханжей (?). Желаю Вамъ успѣха въ Екатеринославѣ [1]). Жаль, что я не могу выступать Вашимъ оппонентомъ въ какомъ нибудь порядочномъ собраніи. Но въ Екатеринославѣ, гнѣздѣ сіонизма, Вамъ сіонисты укажутъ на Вашу непослѣдовательность и того гляди—обратятъ Васъ въ сіонство. Будьте другомъ и извѣстите меня, какъ только произойдетъ Ваше присоединеніе...

Съ моими „біографіями“ въ Jew. Chron. произошла заминка, сущности которой я еще самъ не знаю. Съ самаго начала я просилъ сохранить для меня клише и прислать ихъ мнѣ по использованіи. Между тѣмъ мнѣ на дняхъ редакція написала, что она выслала мнѣ 10 клише (хотя ни одна біографія еще не напечатана). Дѣло скоро выяснится, и я Вамъ сообщу.—Кстати, Гаркави и нѣкоторые другіе находятъ, что слѣдовало бы издать „Сборникъ біографій“ по русски. Нѣкоторые предлагаютъ мнѣ даже издателя (такъ какъ самъ я за это не возьмусъ). Что Вы объ этомъ думаете? Будьте здоровы, работайте успѣшно. Преданнный Вамъ *С. Г.*

№ 12. Спб. 12. X. 98.

... Для меня совершенно ново, что Вы называете наше направленіе „противоэтическимъ“. Можетъ быть, оно становится непопулярнымъ (имѣю вещественныя доказательства противнаго),

---

[1]) Насколько помню, я тогда предполагалъ прочесть тамъ лекцію по приглашенію мѣстныхъ дѣятелей. *С. Д.*

но Вы сами правильно замѣчаете, что популярность не мѣрило правоты. Я считалъ и считаю, что мы съ Вами расходимся только въ теоретическомъ вопросѣ о томъ, что такое еврейство, и полагая, что этотъ пунктъ относится не къ области публицистики, а къ области чистой науки, думаю, что въ практическихъ вопросахъ мы съ Вами въ сущности сходимся. Моя полемика противъ Васъ касалась бы именно тѣхъ Вашихъ мыслей, которыя подаютъ поводъ думать, что Вы проповѣдуете какую то новую программу, между тѣмъ какъ въ сущности Вы не имѣете вовсе такихъ намѣреній. Разъ Вы не сіонистъ, то какой бы Вы ни были націоналистъ, Вы не можете требовать отреченія отъ европейской культуры, и потому Вы близко примыкаете къ „ассимиляторамъ", которые на самомъ дѣлѣ требуютъ ассимиляціи лишь относительно внѣшнихъ чертъ (одежды, рѣчи, именъ). Я полагаю, что еслибы у насъ не было злополучныхъ кличекъ „ассимиляторъ" и „націоналистъ" (которые служатъ причиною спора потому лишь, что онѣ понимаются различно), то у насъ не было бы и споровъ, а были бы лишь частныя разногласія, неизбѣжныя даже въ тѣсномъ кругу одной и той же фракціи. Такимъ образомъ, моя полемика должна содѣйствовать примиренію. И вдругъ Вы заявляете, что у насъ съ Вами разная этика. Я совсѣмъ въ тупикѣ. И я убѣдительно прошу Васъ, будьте другомъ, напишите мнѣ, хотя бы въ немногихъ (но опредѣленныхъ) выраженіяхъ, въ чемъ Вы усматриваете съ нашей стороны противоэтическій элементъ. Конечно, Вы не станете придираться къ отдѣльнымъ словамъ или цитированнымъ мною въ письмахъ пословицамъ, и будете имѣть въ виду направленіе. Для меня это очень важно, особенно въ настоящую минуту, когда я приступаю къ писанію статьи о нашихъ теченіяхъ. Съ нетерпѣніемъ буду ждать Вашего отвѣта, и даю Вамъ слово, что если Вы мнѣ докажете, что въ нашемъ направленіи (или направленіи Staatsbürger jüd. Glaubens) есть составъ преступленія противъ этики, то я торжественно отъ него отрекусь, ибо единственное мое утѣшеніе въ жизни то, что я не иду въ разрѣзъ съ этикою [1]).

Кстати, я теперь читаю новую книгу Lazarus'a „Ethik des Judenthums". Чудная вещь, фундаментальная. Между тѣмъ, какъ Вы знаете, Lazarus еще 30 лѣтъ назадъ доказывалъ, что еврейство не нація. У меня лежитъ его рѣчь „Was heisst national" (въ сборникѣ „Treu und frei"), гдѣ онъ обстоятельно говоритъ объ этомъ (я эту работу буду цитировать). Lazarus мнѣ порука, что мы не грѣшимъ противъ этики. И такъ, будьте здоровы и миролюбивы. Преданный Вамъ *С. Г.*

---

[1]) Споръ впослѣдствіи разъясненъ въ 3-мъ изъ „Писемъ о стар. и нов. еврействѣ", подъ заглавіемъ „Этика національизма и сіонизма" (Восходъ", 1899). Требуемая же моимъ корреспондентомъ „практическая программа" была подробно изложена позже, въ моихъ письмахъ объ „автономизмѣ", національномъ воспитаніи и т. п. („Восх." 1901–1902 г.). *С. Д.*

№ 13. Спб. 17. XI. 98.

Я нѣсколько промедлилъ отвѣтомъ на Ваше письмо, потому что мнѣ хотѣлось дать Вамъ осязательный плодъ моихъ мыслей объ организаціи взаимопомощи еврейскихъ литературныхъ силъ и объ устройствѣ съѣздовъ. При семъ посылаю Вамъ проектъ, заглавіе котораго можно будетъ составить тогда, когда дѣло будетъ рѣшено въ принципѣ. Не смущайтесь обиліемъ галахи: въ проектѣ она была необходима, чтобы рельефнѣе выдѣлить основную мысль, проникающую черезъ всѣ пункты. Суть въ томъ, что у насъ будетъ легальная организація для мѣстныхъ собраній, для общаго съѣзда пишущей братіи, и кромѣ того нѣсколько сотенъ рублей для помощи нуждающемуся собрату при жизни его, а равно для охраненія его памяти или облегченія участи его семьи послѣ его смерти. Жаль, что для такого ядра требуется толстая скорлупа. Но мы живемъ въ вѣкъ бюрократіи и должны идти въ уровень съ нимъ.

У Васъ возникнетъ вопросъ, почему я помѣстилъ центръ учрежденія въ Одессѣ, а не здѣсь. Вотъ отвѣтъ. Во 1-хъ, Одесса дѣйствительный еврейскій центръ, гдѣ сосредоточено сравнительно много еврейскихъ интеллигентныхъ силъ. Во 2-хъ, по статьямъ паспортнаго устава съѣзды евреевъ въ Петербургѣ крайне затруднительны, не говоря уже объ общихъ условіяхъ всякаго рода собраній, которыя здѣсь сложнѣе, чѣмъ въ Одессѣ. Наконецъ, въ 3-хъ, наши „хозяева" Общества просвѣщенія считаютъ крайне опаснымъ для себя и своего „престижа" всякое объединеніе еврейскихъ интеллигентныхъ силъ. По принципу divide et impera, они стараются сѣять рознь среди образованныхъ евреевъ, чтобы легче противостоять всякимъ посягательствамъ на ихъ власть. Это цѣлая система, о которой долго было бы говорить. Укажу Вамъ только на глухую борьбу, которую „гвиръ" ведетъ противъ нашей Историко-этнографической комиссіи... Всякія предложенія, клонящіяся къ объединенію интеллигентныхъ силъ, отвергаются, проектамъ прямо не дается хода, или же они отвергаются по куріознѣйшимъ „политическимъ" соображеніямъ. Наприм., возникла у насъ мысль устроить собраніе въ ознаменованіе исполнившагося недавно 50 лѣтія русско-еврейской литературы (первыя статьи Осипа Рабиновича появились въ 1848 г.); предполагалось прочесть два-три реферата о крупнѣшихъ нашихъ писателяхъ. Предложеніе было отвергнуто потому якобы, что 50-лѣтній юбилей въ 1898 г. можетъ показаться праздникомъ въ память западно-европейскихъ революцій 1848 года. Я нимало не сомнѣваюсь, что проектъ организаціи евр. литературныхъ силъ въ какой бы то ни было формѣ будетъ здѣсь отвергнутъ, и мотивы будутъ придуманы высокополитическіе. Въ Одессѣ этого безобразія нѣтъ, и я убѣжденъ, что одесскій комитетъ не встрѣтитъ никакихъ препятствій къ принятію нашей организаціи подъ свое покровительство. „Правила" составлены въ такомъ именно

духѣ, чтобы суверенныя права комитета были формально охранены вполнѣ.

Прежде всего надо позаботиться о согласіи комитета на учрежденіе проектированнаго фонда. Объ этомъ я пишу также М. Я. Р. Похлопочите общими силами. Безъ санкціи Одесскаго комитета ничего сдѣлать нельзя. Но зато, если будетъ эта санкція, остальное уладится безъ труда.

Въ детали проекта покуда не вникайте. Онѣ изложены въ проектѣ для того единственно, чтобы рельефнѣе выдѣлялась основная мысль, которая сводится къ слѣдующему: всѣ еврейскіе писатели образуютъ сословіе, доступъ въ которое формально возможно лишь по баллотировкѣ; сословіе заботится о поднятіи престижа своего въ глазахъ публики...

Займитесь этимъ дѣломъ. Проекта своего я здѣсь никому не показывалъ, даже никому о немъ не говорилъ, и мнѣ очень важно услышать Ваше мнѣніе о немъ; напишите мнѣ его немедленно, очень прошу Васъ объ этомъ. Поговорите съ Лиліенблюмомъ и Г. о томъ, къ кому бы обратиться въ Варшавѣ для предварительныхъ переговоровъ о еврейскомъ литературномъ фондѣ. Крѣпко жму Вашу руку. Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 14. Спб. 11. I. 99.

Ваша открытка съ датою 2. I и почтовымъ штемпелемъ 3. I почему то доставлена на мою квартиру лишь въ пятницу 8. I вечеромъ, т. е. въ то именно время, когда я, по обыкновенію, сидѣлъ въ редакціи и окончательно додѣлывалъ для цензуры № „Хроники" (1—2). Поэтому замѣтка въ № не попала и появится только въ № 3...

По существу скажу Вамъ, что на Lazarus'ѣ Вы столкнулись немножко съ „Восходомъ", въ январьской книгѣ котораго появится переводъ 1-й главы „Этики" (Von d. Quellen der. jüd. Ethik), въ видѣ самостоятельной статьи [1]). Переводъ уже былъ заказанъ и отчасти даже сданъ въ наборъ, почему отступленіе для насъ невозможно. Единственно, что намъ остается теперь, это—не идти дальше 1-й главы. Надѣюсь, что появленіе начала книги въ „Восходѣ" не помѣшаетъ успѣху вашего изданія и скорѣе, наоборотъ, ему немного посодѣйствуетъ.

Адольфъ Ефимовичъ съ возвращенія своего изъ за границы (около 20 октября) все прихварывалъ, и я до сихъ поръ продолжаю редактировать газету. Теперь врачи настоятельно рекомендуютъ ему воздержаніе отъ всякихъ работъ на извѣстное время, и онъ просилъ меня взять на себя, съ января м-ца, также редактированіе книжекъ журнала. Я согласился. Излишне говорить, что я воодушевленъ самыми серьезными намѣреніями оживить книжки, представлявшія въ послѣдніе годы довольно

[1]) Историко-литературная комиссія при Одесскомъ отдѣленіи Общества Просвѣщенія готовила тогда переводъ „Этики іудаизма" Лацаруса, вышедшій впослѣдствіи отдѣльной книгой.

невеселое зрѣлище. Въ январьской книжкѣ мои намѣренія еще не могутъ быть замѣтны, такъ какъ Ландау сравнительно поздно (4 января) передалъ мнѣ свое порученіе и къ тому же снабдилъ меня нѣкоторымъ готовымъ матеріаломъ, на мой взглядъ невысокопробнымъ. Что касается дальнѣйшихъ книжекъ, то постараюсь сдѣлать доступное. Не знаю, сколько продолжится мое редактироваеіе,—три мѣсяца или полгода, или немного больше. Но мнѣ кажется необходимымъ въ этотъ промежутокъ достигнуть возможно лучшихъ результатовъ. Я сильно разсчитываю на помощь друзей, и особенно на Вашу. Вы часто (и вполнѣ справедливо) сурово критиковали книжки „Восхода". Скажите теперь, что нужно сдѣлать, чтобы придать имъ должный видъ. И не только о книжкахъ, а вообще о направленіи и веденіи изданія скажите свое мнѣніе. Какія реформы Вы желали бы ввести? Будьте совершенно откровенны. Я жду отъ Васъ дружескаго, прямодушнаго и обстоятельнаго письма, въ которомъ надѣюсь найти практическія, ясно формулированныя указанія. Вообразите себѣ, что Вы полновластный распорядитель въ изданіи, и формулируйте всѣ тѣ положительныя мѣры, которыя Вы желаете ввести. Было бы неправильно съ моей стороны напоминать Вамъ, что тутъ ни критика прошлаго, ни „общія мѣста" не кстати; Вы это знаете не хуже моего. Воспользуйтесь рѣдкимъ случаемъ, когда калифомъ на часъ оказывается столь преданный Вамъ человѣкъ, какъ я, готовый принять всякій Вашъ совѣтъ, изложенный въ опредѣленной формѣ. Дайте, между прочимъ, перечень темъ, которыя слѣдовало бы разработать, и укажите людей, способныхъ и готовыхъ заняться ими.

Вы знаете, можетъ быть, что я ношусь съ мыслью (или мечтаю) объ объединеніи всѣхъ литературныхъ силъ. Содѣйствуйте теперь моему завѣтному желанію — соединить ихъ въ „Восходѣ". Гарантирую Вамъ терпимость съ моей стороны наиболѣе возможную. Я вообще не вычеркиваю изъ статей грамотныхъ и разсудительныхъ сотрудниковъ ничего, кромѣ антицензурнаго, а въ журналѣ, гдѣ пишутъ обыкновенно люди пера, моя терпимость будетъ еще шире. Скажите же, кого можно и слѣдуетъ привлечь. Поговорите, наприм., съ Б., который, не знаю почему, давно уже не появлялся въ „Восходѣ". Можетъ быть, у Васъ въ Одессѣ найдутся новыя силы, которыя могли бы быть полезны. Давайте ихъ. Васъ лично я бы просилъ написать рядъ статей для „Хроники" (передовыхъ, наприм.) о Богословскомъ институтѣ и другихъ больныхъ пунктахъ нашего общиннаго быта. Почему Вы совершенно отказались отъ критическаго отдѣла?.. Усильте теперь Ваше участіе въ журналѣ, это необходимо для дѣла.

Ландау стѣсняется ходячими слухами о его болѣзни. Поэтому желательно не разглашать, что онъ на нѣкоторое время совершенно устранился отъ дѣла. Поэтому Вы не передавайте также о томъ, что онъ мнѣ поручилъ редактированіе журнала. Но Вамъ я конфиденціально прибавлю къ вышеизложенному, что

если бы теперь организовался литературный кружокъ съ цѣлью серьезно оживить журналъ во время его отсутствія, то Ландау затѣмъ volens-nolens помирился бы съ фактомъ, и журналъ, достигнувъ извѣстной высоты, уже могъ бы и далѣе держаться на достигнутомъ уровнѣ.

Спасибо за вниманіе, оказанное моему проекту „литерат. фонда". Изъ перваго Вашего письма я вывелъ, что вопросъ будетъ рѣшенъ въ ближайшемъ засѣданіи комиссіи, не далѣе какъ черезъ 2 недѣли послѣ перваго обсужденія проекта. И я ждалъ извѣстій. Маленькая проволочка, разумѣется, значенія не имѣетъ. Не настаивайте на деталяхъ: лишь бы проектъ былъ принятъ en bloc. „Децентрализація" казалась мнѣ необходимою, иначе трудно устроить совѣщанія мѣстныхъ членовъ... Но я допускаю возможность нѣкоторой централизаціи, если она требуется во что бы то ни стало.

Будьте здоровы и бодры, „работливы" (есть такое слово) и удачливы. Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 15. Спб. 16. I. 99.

... У насъ ничего новаго. Васъ, быть можетъ, порадуетъ слѣдующее. Цензоръ далъ благопріятный отзывъ о веденіи „Хроники" въ отчетномъ 1898 году и увѣрилъ меня, что мы можемъ разсчитывать на скорое освобожденіе газеты отъ предварительной цензуры (навязанной намъ послѣ пріостановки въ 1891 г., впрочемъ, на строгомъ основаніи закона). Когда сіе случится, мы заговоримъ немного свободнѣе. Засимъ, всего наилучшаго. Пишите. Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 16. Спб. 4. II. 99.

Простите невольное промедленіе отвѣтомъ на Ваши письма. Я послѣднюю недѣлю работалъ совсѣмъ по sweating system, въ нѣсколько дней сверсталъ январьскую книжку, попутно сдѣлалъ № „Хроники", написалъ статью „За прошлый годъ" и еще что-то. Сегодня только освободился немного и первымъ дѣломъ пишу къ Вамъ.

Безусловно согласенъ почти со всѣми взглядами Вашими на возможность реформы „Восхода". У насъ совсѣмъ нѣтъ литературныхъ работниковъ, а изъ тѣхъ немногихъ, которые замѣняютъ ихъ, Л. съумѣлъ большинство оттолкнуть отъ себя и отъ изданія. Мнѣ приходится это чувствовать теперь. Обращаюсь ко всѣмъ съ просьбой принять участіе въ оживленіи журнала, или просто дать статью для ближайшихъ книжекъ — и получаю одно разочарованіе. Ф. писалъ мнѣ: „Пока Л. остается хозяиномъ, не лежитъ мое сердце къ журналу", и таковы въ сущности всѣ отвѣты. Въ виду этого, я взялъ на себя редактированіе лишь на самое короткое время и не согласился подписывать изданія своимъ именемъ, какъ того добивался Л., тѣмъ болѣе, что бюд-

жетъ на гонорары не увеличенъ, а платить товарищамъ гроши мнѣ не подобаетъ.

Портфель журнала я принялъ въ самомъ плачевномъ сотояніи. Бѣдный Ландау, видно, давно уже не могъ работать. И жаль мнѣ отъ всей души это изданіе, которое остается въ такомъ видѣ, когда слѣдовало бы, въ общихъ интересахъ, поднять его. Я всетаки думаю сдѣлать что будетъ въ силахъ, и надѣюсь, Вы мнѣ поможете. Присылайте статью для апрѣльской книги (наприм. „Письмо о старомъ и новомъ евр."); Вы бы еще успѣли написать. Надѣюсь, что мнѣ удастся еще кое что раздобыть у нѣкоторыхъ.

Переводчика для вещей Абрамовича въ Петербургѣ, кажется, нѣтъ. Да по правдѣ сказать—о беллетристикѣ можно было бы теперь не особенно хлопотать, такъ какъ у насъ въ запасѣ есть кое что. Но серьезныхъ научныхъ статей нѣтъ, нѣтъ научнаго матеріала, публицистики, литературной критики. Вы безусловно правы, когда предъявляете требованіе, чтобы хроникъ бдительно слѣдилъ за всей литературой, но отмѣчалъ бы только крупное, значительное. Но гдѣ взять такого?...

Положительно, Семенъ Марковичъ, Васъ слѣдовало бы посадить мѣсяца на два за редакціонный столъ: Вы бы убѣдились, что critique aisée во многомъ грѣшитъ противъ справедливости. Серьезный упрекъ, который я Вамъ всегда дѣлаю, это—что Вы слишкомъ „читатель" и очень мало „членъ редакціи"; иначе—Вы ставите требованія, но не входите въ положеніе редакціи. А если Вы, Брутъ, таковы, что уже говорить о другихъ! Будьте здоровы и счастливы. Преданный Вамъ *С. Грузенбергъ*.

Воспоминанія о старой Одессѣ.

Мое пребываніе въ Талмудъ-торѣ и Сиротскомъ домѣ.

(1868—70 г.).

VII *).

Какъ уже разсказано, я въ Талмудѣ-торѣ занималъ привиллегированное положеніе, и всѣ, не исключая самихъ попечителей, обращались со мною совсѣмъ не какъ съ ученикомъ. Въ этомъ обращеніи было что-то доброжелательное, покровительственное.

Такъ какъ наука второго класса не особенно занимала меня, я часто переходилъ въ третій классъ. Чаще всего я присутствовалъ на урокахъ Варшавскаго и Трубича. Трубичъ больше напиралъ въ этомъ классѣ на грамматику (по учебнику Востокова), и весь урокъ проходилъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, при одной мысли о которыхъ бѣдные ученики приходили въ трепетъ. Каково въ самомъ дѣлѣ просклонять безъ запинки: „три пары сѣрыхъ лошадей", „четыреста сорокъ восемь аршинъ сѣраго сукна", „твоя бѣдная больная мать"!

Классъ состоялъ всего изъ десяти—двѣнадцати человѣкъ въ возрастѣ 14—15 лѣтъ; среди нихъ было нѣсколько весьма одаренныхъ мальчиковъ, съ которыми я сохранилъ дружбу еще многіе годы послѣ оставленія училища. Между прочимъ, среди учениковъ третьяго класса находился сынъ извѣстнаго тогда въ Одессѣ военнаго капельмейстера и учителя музыки, Зелига Яблонскаго, который, прошедши весь адъ николаевской кантонистской школы, сохранилъ свои крупныя еврейскія знанія и рѣдкій древне-еврейскій стиль. Въ Талмудъ-тору онъ отдалъ сына изъ демократическаго принципа, именно потому что многіе это считали униженіемъ.

*) См. Евр. Стар. 1914 г. вып. II

Мое привиллегированное положеніе имѣло и свою невыгодную сторону. Меня постоянно обременяли всякаго рода порученіями. Случалось, что я почти цѣлые дни не бывалъ въ школѣ, бѣгая, словно разсыльный, по разнымъ концамъ города. Вообще надо сказать, учителя пользовались учениками, какъ своего рода денщиками, посылая ихъ домой къ своимъ женамъ, гдѣ они исполняли всякія домашнія работы. Переѣзжаетъ, напр., учитель на новую квартиру, онъ снаряжаетъ домой цѣлый десятокъ маленькихъ денщиковъ на помощь своей семьѣ. Были такіе ученики, которые недѣлями не видали своего класса, ибо все время бывали на побѣгушкахъ или отбывали „панщину“ у учителя на дому.

Что касается меня, то на домашнія работы меня не посылали, а давали болѣе тонкія порученія: относить письма, книги, журналы, или брать таковыя и т. п. И такимъ образомъ, я имѣлъ случай познакомиться со всѣми тѣми, которые имѣли тогда касательство къ маскилизму. Почти регулярно я ходилъ къ старому Хари, который былъ однимъ изъ столповъ маскилизма и пользовался большимъ уваженіемъ среди тогдашней интеллигенціи; кажется, онъ что-то напечаталъ на еврейскомъ языкѣ [1]). Я у него бралъ какой-то нѣмецкій журналъ для Варшавскаго. Ходилъ я обычно къ нему по утрамъ и постоянно находилъ старика въ халатѣ и вышитой фескѣ сидящимъ въ креслѣ и погруженнымъ въ чтеніе. Онъ на меня производилъ впечатлѣніе серьезнаго ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестиваго еврея. Но однажды, явившись въ домъ часовъ въ десять утра, я засталъ въ столовой сына Хари, молодого человѣка, лѣтъ двадцати, который, стоя безъ шапки, быстро хлебалъ кофе съ бубликами. Это на меня произвело дурное впечатлѣніе: я привыкъ, чтобы даже сухой кусокъ хлѣба съ солью или съ луковицей ѣли чинно, усаживаясь за столъ, а тутъ образованный человѣкъ ѣстъ совершенно какъ „хазиръ“! Въ другой разъ я попалъ съ порученіемъ къ какому-то Шапиро. Я нашелъ всѣхъ за обѣдомъ. Между ними было нѣсколько молодыхъ людей, сидѣвшихъ, конечно, безъ шапокъ. Одинъ изъ нихъ сердито замѣтилъ мнѣ, почему я остаюсь въ шапкѣ. — „Я не зналъ, что тутъ все „гоимъ“ —отвѣтилъ я колко. Отвѣтъ, сверхъ ожиданія, вызвалъ почти всеобщее одобреніе, и меня посадили за столъ, предлагая обѣдать со всѣми. Я наотрѣзъ отказался, увѣренный, что тутъ

[1]) Іегуда-Лейбъ Хари написалъ книгу קול יהודה—возраженіе на миссіонерскую נתיבות עולם (Wien. 1864).—*Ред.*

все трефъ и ѣдятъ свинину. И тутъ меня поразило это отсутствіе чинности, къ которой я привыкъ. „Не ѣдятъ, а лопаютъ“ — рѣшилъ я мысленно.

Ходилъ я также часто съ порученіями къ знаменитому Ковнеру, который тогда надѣлалъ много шума своими полемическими произведеніями צרור פרחים и חקר דבר, гдѣ рѣзко нападалъ на Цедербаума и на многихъ еврейскихъ писателей того времени. Цедербаумъ въ своемъ קול מבשר назвалъ вторую книжку Ковнера—די צרהדיגע פארכעס. Я, разумѣется, ни того ни другого не читалъ. Но среди учителей Талмудъ-торы одно время только и были разговоры, что о Ковнерѣ и его обличеніяхъ. Ковнеръ жилъ тогда на Ремесленной улицѣ, гдѣ занималъ комнату въ полуподвальномъ этажѣ у русской прачки. Чтобы зайти къ нему, надо было пройти черезъ кучи грязнаго бѣлья, сквозь густой паръ, валившій изъ котловъ и лоханокъ и наполнявшій всю кухню. Онъ былъ невысокаго роста, съ широкимъ, нѣсколько монгольскимъ, бритымъ лицомъ, широкимъ и плоскимъ носомъ, невысокимъ лбомъ и курчавыми волосами. Его франтовской костюмъ и цилиндръ — эмблема тогдашнихъ маскилимъ — очень мало гармонировали съ его неказистой наружностью.

Въ домѣ Бардаха я весьма часто встрѣчалъ молодого человѣка того же нравственнаго пошиба, что и Ковнеръ. Это былъ О. Лернеръ, тоже игравшій не послѣднюю роль въ тогдашнемъ просвѣтительномъ движеніи. Бардахъ съ нимъ постоянно работалъ надъ переводомъ какой-то книги съ древне-еврейскаго на русскій языкъ.

Чаще всего я бѣгалъ съ порученіями въ типографію Бейлинсона, находившуюся тогда на Еврейской улицѣ, противъ Большой синагоги. Туда посылалъ меня Бардахъ съ корректурами и за ними. Что онъ печаталъ, я не знаю. Помню, что листы были маленькаго формата и что на одной сторонѣ былъ древне-еврейскій текстъ съ пунктуаціей, а на другой—русскій текстъ, очевидно переводъ перваго. Это былъ, кажется, катехизисъ.

Мнѣ очень нравились эти типографскія порученія. Часто я оставался въ типографіи по нѣсколько часовъ, присматриваясь особенно къ работѣ наборщика. Работалъ Бейлинсонъ самъ со своей дочерью, молодою дѣвушкой, которая была и наборщицей и кассиршей и управляющей. Кромѣ отца и дочери, былъ еще одинъ наборщикъ, молодой человѣкъ, который потомъ женился на дочери Бейлинсона и впослѣдствіи игралъ видную роль въ

одесскомъ городскомъ управленіи и вообще въ оффиціальныхъ кругахъ. Это—извѣстный Исаковичъ, обладатель самой большой типографіи въ Одессѣ, гдѣ въ прежнія времена печатались „Вѣдомости Одесскаго Градоначальства".

Иногда, когда приходилось долго ждать корректуры, я перебѣгалъ во дворъ Большой Синагоги и усаживался въ тѣни акацій, противъ мраморнаго колодца, на которомъ золотыми буквами было вырѣзано имя жертвователя — кажется, Шапиро. Этотъ дворъ, гдѣ въ то время дня не бывало ни души, и особенно мѣсто мраморнаго колодца, который мнѣ казался верхомъ красоты, я очень любилъ. Тутъ было такъ свѣжо, такъ уютно, и такъ далеко, далеко уносило тебя отъ будничной жизни, хотя въ двухъ шагахъ кипѣла сутолока тогдашней Еврейской улицы. Отсюда я также любовался величественнымъ фасадомъ синагоги, казавшейся мнѣ настоящимъ בית המקדש. Если случалось, что въ это время происходили репетиціи синагогальнаго хора, я прокрадывался въ подвальный этажъ, гдѣ онѣ всегда устраивались. И тогда я уже забывалъ и типографію и Талмудъ-тору и всѣхъ учителей. Высшаго блаженства я себѣ представить не могъ. Кромѣ наслажденія, которое доставляло мнѣ пѣніе, я былъ невѣроятно счастливъ, что вижу такъ близко этихъ знаменитыхъ сопрано и альтовъ, голоса которыхъ приводили всѣхъ въ восторгъ. Еще большее чувство гордости испытывалъ я отъ того, что вижу самого Пици [1]) въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя.

Какъ бы поздно я ни возвращался въ училище, никто никогда отчета у меня не спрашивалъ. Въ общемъ, когда я вспоминаю свое пребываніе во второмъ классѣ, особенно въ лѣтній семестръ, я себя вижу больше внѣ школы, чѣмъ въ школѣ.

По пятницамъ занятія кончались въ полдень. Въ эти дни докторъ Гольденблюмъ весьма часто задерживалъ меня послѣ ученія, и когда онъ кончалъ всѣ свои административныя работы, около двухъ часовъ дня, мы отправлялись за минеральными водами въ такъ называемый Ботаническій садъ, находившійся за Куликовымъ полемъ. Въ этомъ Ботаническомъ саду находилось заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ. Я всегда отправлялся туда съ великимъ наслажденіемъ, такъ какъ это была для меня пріятная прогулка за городъ, котораго я, дитя природы, не выносилъ. Правда, приходилось пройти черезъ кучи глубокой и

[1]) Такъ называлъ народъ знаменитаго въ свое время кантора Абраса, обладавшаго феноменальнымъ голосомъ и рѣдкой колоратурой.

тонкой пыли, которая доходила на Куликовомъ полѣ чуть ли не до колѣнъ и при малѣйшемъ вѣтрѣ поднималась и носилась вихремъ, ослѣплявшимъ глаза. Зато Ботаническій садъ съ его тощими акаціями и травкой казались мнѣ настоящимъ раемъ.

Обыкновенно докторъ Гольденблюмъ бралъ съ собою своихъ двухъ дѣтей—худенькую, стройную, голубоглазую Филиппину, дѣвочку лѣтъ девяти, и столь же худенькаго и блѣднаго Морица, мальчика лѣтъ семи - восьми, на которыхъ талмудъ-торскіе ученики всегда смотрѣли, какъ на высшія существа. Во время этихъ экскурсій Гольденблюмъ держался со мною очень мило: разсказывалъ, шутилъ добродушно и вообще обходился, какъ съ равнымъ. Иногда онъ бѣгалъ какъ ребенокъ по травѣ и пускался за нами въ перегонку. При разставаніи онъ постоянно сердечно прощался съ пожеланіемъ доброй субботы. Гольденблюмъ къ тому всегда весьма щедро вознаграждалъ за всякое исполненное порученіе, чего другіе учителя никогда не дѣлали.

Слѣдующею весною я перешелъ въ третій классъ, который правильно посѣщалъ только въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ, ибо скоро, по совѣту учителей, я началъ готовиться въ гимназію, куда поступилъ въ началѣ августа. Я еще иногда заглядывалъ въ классъ, но уже скорѣе какъ гость, котораго радушно встрѣчали учителя и ученики. И позже, когда я уже поступилъ въ гимназію, я не прервалъ связи съ Талмудъ-торой. Съ нѣкоторыми же учителями, а именно съ Бардахомъ, Варшавскимъ и Трубичемъ, я всегда поддерживалъ сношенія, которыя съ годами перешли въ дружбу. Когда я сдѣлался писателемъ, я въ нихъ имѣлъ самыхъ горячихъ поклонниковъ, больше же всего—въ Э. Трубичѣ. Съ какою душевной болью говорили они въ послѣдніе годы о горѣ своего народа—особенно старый Бардахъ и Трубичъ, въ которыхъ и слѣда не осталось отъ руссификаціонныхъ грѣховъ молодости.

Да, эти первые „маскилы“, сосредоточившіеся вокругъ Талмудъ-торы, были несомнѣнно плохіе педагоги, но хорошіе люди и евреи, всею душою преданные своему народу

Съ маскилами совершенно иного типа, или правильнѣе—съ пародіей маскилизма, пришлось мнѣ познакомиться во время моего пребыванія въ Сиротскомъ домѣ.

VIII.

Весною того же года, когда я перешелъ въ третій классъ, при Талмудъ-торѣ былъ открытъ Сиротскій пріютъ для тридцати-

сорока мальчиковъ. Пріютъ занималъ, какъ я уже упомянулъ, второй этажъ флигеля, фасадомъ выходившаго въ Авчинниковскій переулокъ.

Освященіе было совершено съ большой торжественностью. Участвовало все избранное еврейское общество города. Со стороны обоихъ фасадовъ, улицы были запружены великолѣпными экипажами. Участвовалъ и главный канторъ Бродской синагоги, Нисанъ Блюменталь со своимъ хоромъ, и докторъ Швабахеръ, произнесшій, какъ всѣ говорили, блестящую рѣчь. Настроеніе у всѣхъ было повышенное, праздничное, какъ у людей, сознающихъ, что создано что-то очень хорошее. Особенно радостно сіяли лица у тѣхъ, кто были иниціаторами и создателями этого учрежденія. Соловейчикъ выглядѣлъ какъ добрый отецъ на свадьбѣ своей дочери или сына. Больше обыкновеннаго онъ волновался, суетился, но не кричалъ, не сердился, какъ дѣлалъ обыкновенно, а все время мило и привѣтливо улыбался, точно „мехутонъ“.

Во время самаго разгара суетни, при съѣздѣ гостей, замѣтивъ меня посреди двора, Соловейчикъ подошелъ ко мнѣ и, положивъ обѣ руки мнѣ на плечи, сказалъ, что я могу хоть сегодня водвориться въ Сиротскомъ домѣ. Хотя я жилъ среди ужасныхъ лишеній и не разъ испытывалъ муки голода, меня это извѣстіе почему то не обрадовало; напротивъ, у меня сильно сжалось сердце...

Съ глубокой тоскою оставилъ я на другой день навсегда домъ моей бѣдной тетки Шендель, этого рѣдкаго идеальнаго существа, воплощавшаго въ себѣ всѣ добродѣтели еврейской женщины. Какъ ни сокрушалась она о томъ, что я „сошелъ съ прямого пути“,—она все же рада была, что я теперь хоть постоянно буду сытъ. Она, которая послѣ цѣлаго дня бѣготни не всегда возвращалась домой съ хлѣбомъ для своихъ дѣтей, хорошо знала, что такое голодъ. Разставаясь со мной, она выразила твердую надежду, что „еврейская искра“ никогда во мнѣ не потухнетъ. „Этого זכות אבות не допуститъ“ — заключила она торжественно.

И такъ, какъ я стоялъ, omnia mea mecum portans, я водворился въ Сиротскомъ домѣ.

Учрежденіе это было тогда очень скромное. Оно состояло изъ двухъ спаленъ, длиннаго стекляннаго корридора, служившаго столовой, маленькой комнаты для надзирателя и столь же маленькой комнаты для умыванія. Спальная обстановка состояла изъ ряда простыхъ желѣзныхъ кроватей съ набитыми соломой матрацами и подушками, байковыми сѣрыми одѣя-

лами, съ полосатыми холщевыми покрывалами, точно въ казармахъ. Каждый мальчикъ имѣлъ свой на ключъ запиравшійся ящикъ, гдѣ онъ хранилъ свое частное имущество. Эти ящики помѣщались возлѣ постели каждаго. Въ корридорѣ стояли длинные черные столы и скамьи. Тутъ дѣти ѣли, тутъ же они приготовляли уроки и вообще проводили все свободное время, когда не были въ школѣ или не играли на дворѣ.

Простота и умѣренность соблюдались во всемъ, а также въ пищѣ и въ одеждѣ. Руководились тутъ не одной только экономіей, но и теоріею, что не слѣдуетъ слишкомъ нѣжить питомцевъ Сиротскаго дома, этихъ дѣтей бѣдноты, чтобы не сдѣлать тяжелою ихъ жизнь въ будущемъ, когда имъ придется жить собственнымъ трудомъ скромнаго ремесленника или мелкаго служащаго. На этомъ особенно настаивалъ Соловейчикъ, который вообще любилъ простоту и соблюдалъ ее по возможности въ своей собственной жизни. Всякое излишество даже у богатыхъ людей его всегда возмущало.

Дѣти утромъ получали чай съ хлѣбомъ, въ двѣнадцать обѣдъ, который состоялъ изъ такого же точно супа или борща, какіе давались ученикамъ Талмудъ-торы. Часа въ четыре давали по ломтю хлѣба. Вечеромъ на ужинъ дѣти опять получали чай съ хлѣбомъ, иногда еще кусокъ сыра, изрѣдка яйцо и еще рѣже чашку молока, вмѣсто чаю. По субботамъ и праздникамъ намъ давали, вмѣсто супа, бульонъ и кромѣ того еще компотъ. Въ очень рѣдкіе праздники насъ баловали лакомствами, если какая-нибудь дама присылала.

Всею хозяйственною частью завѣдывали та же кухарка Этель, которая обезсмертила себя талмудъ-торскимъ супомъ, и ея мужъ ребъ Исруэль Комаръ, который состоялъ сборщикомъ взносовъ какъ при Талмудъ-торѣ, такъ и при Сиротскомъ домѣ. Оба супруга усердно примѣняли спартанскіе взгляды попечительства, даже съ чрезмѣрнымъ усердіемъ, и тщательно заботились о томъ, чтобы дѣтямъ не перепадало чего-либо лишняго. А потому очень многіе уходили голодные отъ стола. Были такіе мальчики, которые вѣчно рыскали за кускомъ хлѣба и даже совершали для этого „кражи со взломомъ“ изъ ящиковъ своихъ товарищей. Ибо при всѣхъ трапезахъ каждому отпускалась опредѣленная порція хлѣба, всегда скромныхъ размѣровъ, и всякій, кому удавалось оставить кое-что про запасъ, тщательно пряталъ свой остатокъ, запирая его въ своемъ ящикѣ.

Помню одного мальчика Фишера, изъ самыхъ старшихъ, который буквально какъ нищій, съ такимъ же умоляющимъ и подобострастнымъ видомъ, постоянно вымаливалъ у товарищей кусокъ хлѣба. Онъ никогда не былъ сытъ, и послѣ обѣда или ужина подбиралъ крохи со стола, не брезгая и тѣми, что плавали въ мутныхъ потокахъ разлитаго супа или воды.

Если въ Сиротскомъ домѣ совсѣмъ не было обилія, то внѣшній порядокъ и чистота тамъ царили образцовые. Постели, на которыхъ бѣлье мѣнялось еженедѣльно по пятницамъ, тщательно убирались; крашенный полъ, вымываемый ежедневно, блестѣлъ и вообще нигдѣ нельзя было найти пылинки.

Дѣти тоже были чистенько одѣты. Одежда ихъ состояла лѣтомъ изъ свѣтло-сѣраго парусиннаго костюма и изъ такой же фуражки; зимою—изъ куртки и панталонъ изъ желтой байки и круглой теплой шапки на ватѣ. Для выхода имѣлась шинель изъ темносѣраго сукна.

Всѣ питомцы обучались въ Талмудъ-торѣ. Способныхъ, болѣе или менѣе „интеллигентныхъ“ между ними, за единичными исключеніями, не было. Это были дѣти самыхъ низкихъ слоевъ одесскаго еврейства (принимались только родившіяся въ Одессѣ), и большинство представляло собою что то безцвѣтное даже по наружности. Я не помню между ними ни одного даже просто выразительнаго лица, какія такъ часто встрѣчаются между дѣтьми еврейской бѣдноты.

IX.

Если между сиротами не было особенно даровитыхъ, то не было и испорченныхъ или порочныхъ, какими изобилуютъ вообще сиротскіе пріюты. За исключеніемъ одного или двухъ изъ старшей группы (одинъ впослѣдствіи крестился и занялъ высокій постъ... урядника гдѣ то въ Аккерманскомъ уѣздѣ), это были тихія, приличныя дѣти съ добрыми наклонностями, и изъ нихъ можно было воспитать хорошихъ людей. Но воспитаніе именно и представляло самую слабую сторону Сиротскаго дома.

Всѣмъ учрежденіемъ завѣдывалъ такъ называемый „надзиратель“. На эту должность д-ръ Соловейчикъ назначилъ нѣкоего Г.

Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати семи, родомъ изъ Сморгонъ, гдѣ онъ состоялъ писцомъ у какого то частнаго адвоката. Послѣ этого онъ учительствовалъ въ Бессарабіи, гдѣ обучалъ еврейскихъ дѣвицъ чистописанію, русскому чтенію и

какъ онъ самъ разсказывалъ, еще кое-чему, что въ программу вовсе не входило... У него были порядочныя еврейскія познанія, и если бы онъ получилъ систематическое общее образованіе, изъ него вышелъ бы, вѣроятно, хорошій учитель. Но онъ только нахваталъ самыя верхушки „просвѣщенія", и это вызвало сумбуръ въ его головѣ, сбило его съ пути. Съ притязаніями на образованнаго человѣка, знающаго толкъ во всемъ, онъ на дѣлѣ представлялъ собою именно типъ писца, א שרייבערל, какъ евреи пренебрежительно называли подобнаго рода „учителей".

Этому то человѣку, которому недоставало самой обычной воспитанности, было ввѣрено воспитаніе сиротъ. Правда, воспитаніе въ его лучшемъ значеніи не входило въ задачу этого заведенія. О немъ не думали вообще въ ту эпоху. Важнымъ считалось только давать извѣстныя знанія, которыя уже сдѣлаютъ свое дѣло и превратятъ евреевъ въ „людей". Ибо такова ужъ была аксіома того времени: еврей, будь онъ хоть гаономъ, обладай онъ въ совершенствѣ всей еврейской наукой, есть круглый невѣжда и недостоинъ названія человѣка, если онъ не знаетъ по русски. Было поэтому естественно думать стоявшимъ во главѣ Сиротскаго дома, что давая дѣтямъ знаніе русскаго языка и ариѳметики „до именованныхъ чиселъ", они даютъ имъ самое необходимое, настоящее. Получая всю эту премудрость въ Талмудъ-торѣ, сироты въ пріютѣ были только объектомъ „надзора". Тутъ больше всего заботились, чтобы дѣти не дрались, не шалили, не производили безпорядка и т. д. Вотъ почему, простой надзиратель считался совершенно достаточнымъ, тѣмъ болѣе, что и жалованье для этой должности было положено ничтожное — 150 рублей въ годъ съ содержаніемъ. Надзиратель долженъ былъ еще водить дѣтей на прогулку, въ баню, а лѣтомъ въ морскія купальни—обязанности, которыхъ не взялъ бы на себя настоящій учитель-педагогъ.

Жизнь протекала въ Сиротскомъ домѣ до крайности однообразно, какъ вообще въ подобныхъ заведеніяхъ. Да собственно жизни, того, что одухотворяетъ и волнуетъ дѣтскую душу, здѣсь и въ поминѣ не было. Все дѣлалось по разъ заведенному скучнѣйшему шаблону. Дѣти, вставая лѣтомъ въ семь, зимою въ половину восьмого, умывались, совершали утреннюю молитву вокругъ обѣденнаго стола, затѣмъ завтракали. Въ девять часовъ уходили въ школу, т. е. въ Талмудъ-тору, гдѣ оставались до двѣнадцати. Затѣмъ давали обѣдъ, при которомъ большею частью присутствовали дамы, а иногда и члены комитета. Въ часъ дѣти опять уходили въ школу, гдѣ оставались до четырехъ. По воз-

вращеніи они готовили уроки, а тѣ, что уроковъ не имѣли, уходили во дворъ, гдѣ была устроена гимнастика спеціально для сиротъ. Площадка для гимнастики была усыпана пескомъ, а вдоль высокой стѣны смежнаго дома тянулась длинная скамья. Это было любимое мѣсто дѣтей. Тутъ они забавлялись, затѣвали разныя игры. Тутъ же въ лѣтнія сумерки, образовавъ различныя группы, тихо бесѣдовали или разсказывали другъ другу сказки. Зимою любители тихихъ бесѣдъ или сказокъ пробирались тайкомъ въ спальни и тамъ усаживались гдѣ-нибудь на постели, или же въ углу на полу. Проводить время въ спальнѣ внѣ часовъ сна строго запрещалось, и надо было поэтому притаить дыханіе и говорить шопотомъ. Ложились дѣти очень рано: въ восемь часовъ. Иные еще долго бесѣдовали между собою въ постели, хотя и это строго запрещалось.

По субботамъ и праздникамъ послѣ обѣда приходили матери и родственники. Эти посѣщенія доставляли дѣтямъ самую высшую радость, и они ихъ ждали съ сердечнымъ трепетомъ. Они тогда совершенно преображались; личики оживлялись, глазки загорались какимъ-то особеннымъ блескомъ. Надо было видѣть, какъ многіе бросались на встрѣчу своимъ матерямъ или теткамъ. Это были лучшіе моменты въ жизни сиротъ. Между тѣмъ „начальство" на эти посѣщенія смотрѣло косо, опасаясь дурного вліянія „невѣжественной" родни, и съ ними мирились, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ... Родные оставались по нѣсколько часовъ, и никто ихъ въ этомъ не стѣснялъ. Разлука всегда была тяжела для дѣтей. Многія долго оставались у воротъ, провожая уходящихъ глазами, полными слезъ.

Сильно страдали тѣ, къ которымъ никто не приходилъ. Это случалось съ круглыми сиротами. Ихъ обыкновенно посѣщали разныя тетки, которыя не всякую субботу приходили. Эти круглые сироты часто жались къ своимъ теткамъ еще съ большей нѣжностью, чѣмъ другіе къ своимъ матерямъ. И это было самое трогательное при свиданіяхъ.

Да, многое давали сиротамъ ихъ опекуны; только одного имъ не давали и не могли дать—любви. Кормившая питомцевъ кухарка Этель всегда глядѣла звѣремъ, отчасти потому, что она была недобрая по натурѣ, отчасти изъ-за вѣчной вражды, которая существовала между нею и надзирателемъ. Что касается дамъ, то за единичными исключеніями онѣ обращали все свое вниманіе на внѣшность. Исполняли долгъ, старались, чтобы все было въ порядкѣ, но никому и въ голову не приходило внести

что-либо свѣтлое въ дѣтскую жизнь. Даже прогулки, которыя дѣти совершали иногда, носили казенный характеръ. Дѣтей чинно водили въ строю по улицамъ города, скорѣе какъ будто для того, чтобы напоминать населенію, что существуетъ еврейскій Сиротскій домъ, чѣмъ для того, чтобы доставить дѣтямъ удовольствіе. За городъ, въ поле или въ ближайшіе сады ихъ никогда не водили.

X.

Я не входилъ въ комплектъ воспитанниковъ Сиротскаго дома, а считался чѣмъ-то вродѣ сверхштатнаго. Я жилъ какъ будто только при пріютѣ, и не съ питомцами, а съ надзирателемъ. Комната надзирателя была маленькая и полутемная, такъ какъ туда свѣтъ съ улицы не проникалъ. Она имѣла три стеклянныя двери, изъ которыхъ двѣ входили въ дѣтскія спальни, а третья въ корридоръ. Это было сдѣлано для того, чтобы надзиратель могъ постоянно видѣть, что дѣлается у дѣтей. Но было-бы, быть можетъ, гораздо благоразумнѣе сдѣлать эти двери непроницаемыми, такъ какъ онѣ больше служили сиротамъ для того, чтобы слѣдить за надзирателемъ.

Какъ я уже упомянулъ, послѣ моего перехода въ третій классъ, я уже почти не посѣщалъ Талмуда-торы, а сталъ готовиться въ гимназію. Готовилъ меня безвозмездно одинъ гимназистъ шестого класса Эйнохъ Теркъ (котораго младшій братикъ былъ принятъ въ Сиротскій домъ), юноша лѣтъ двадцати, серьезный, развитой и въ высшей степени симпатичный. Онъ давалъ уроки въ лучшихъ домахъ и своими заработками содержалъ свою мать-вдову съ семьею изъ пяти душъ. По русски онъ со мною читалъ по хрестоматіи Филонова, гдѣ были помѣщены отрывки изъ лучшихъ писателей русскихъ и западныхъ. Эта хрестоматія сразу втянула меня въ чтеніе.

Днемъ я могъ расположиться, гдѣ мнѣ угодно было. Большею частью я усаживался въ большой спальнѣ, у одного изъ оконъ, которыя выходили въ Авчиниковскій переулокъ. Этотъ тихій переулокъ своими чистенькими одноэтажными домами и дворами, окруженными аллеями акацій и большею частью заселенными караимами, переносилъ куда-то далеко, далеко отъ шумнаго и тогда весьма грязнаго города. Тутъ, у открытаго окна спальни, я проводилъ лучшіе часы... Во всемъ Сиротскомъ домѣ ни души— всѣ въ Талмудѣ-торѣ. Въ переулкѣ тоже замерло всякое дви-

женіе. Я, окончивъ уроки, погружаюсь въ чтеніе, а въ это время изъ отдаленнаго двора доносятся чудныя мелодіи изъ „Трубадура“, „Травіаты“ или „Эрнани“, разыгрываемыя на шарманкѣ странствующимъ итальянцемъ.

Я еще доброй половины читаемаго не понимаю, ибо запасъ русскихъ словъ у меня еще очень ограниченъ. Но какимъ-то наитіемъ я схватываю не только общій смыслъ, но и поэзію и особенно красоты описаній природы, которую я такъ любилъ и среди которой я такъ долго жилъ въ раннемъ дѣтствѣ.

По вечерамъ, когда мальчики укладывались спать, я обычно пристраивался въ корридорѣ-столовой, гдѣ и спалъ, перенося туда свою складную кровать. Въ этомъ корридорѣ проводилъ время большею частью и надзиратель, чтобы избѣгнуть духоты и мрака своей комнаты. Тутъ мы съ нимъ пили чай утромъ и вечеромъ, тутъ же обѣдали вмѣстѣ. Для него готовили обѣдъ изъ двухъ блюдъ, и такъ какъ Этель его очень боялась, то давала ему столько, что хватило-бы и на четверыхъ.

Жилъ со мною надзиратель совершенно по товарищески. Человѣкъ экспансивный, онъ очень любилъ разсказывать мнѣ обо всемъ, что касалось его жизни и приключеній, хотя это не всегда было поучительно. Вообще онъ ко мнѣ относился съ искренней добротою и всегда былъ готовъ дѣлать для меня все, что могъ. Правда, какъ человѣкъ невоспитанный, онъ иногда при малѣйшемъ столкновеніи бывалъ очень рѣзокъ и грубъ; но проходила вспышка, и онъ опять дѣлался мягкимъ и добрымъ.

Учителя Талмудъ-торы, гдѣ онъ также имѣлъ урокъ по русскому языку въ первомъ классѣ, его не любили и третировали, какъ „бегельфера“.

Въ началѣ августа я поступилъ въ гимназію и облекся въ гимназическую форму: куртку изъ синяго сукна, съ бѣлыми металлическими пуговицами, и кепи съ бѣлымъ металлическимъ гербомъ. Это меня уже очень подняло въ глазахъ окружающихъ, которые стали смотрѣть на меня, какъ на высшее существо, все равно, какъ если-бы меня произвели въ чиновники. Дамы-патронессы бросали на меня восхищенные взоры и съ гордостью указывали на меня посѣтителямъ, какъ на дѣло рукъ своихъ, хотя ни попечительный совѣтъ (Соловейчикъ былъ тогда заграницей), ни кто-либо изъ этихъ дамъ никакого содѣйствія мнѣ въ данномъ случаѣ не оказали. Единственные люди, которые что-либо тутъ сдѣлали, да и то косвенно, были учителя Талмудъ-торы.

Съ поступленіемъ въ гимназію я уже не чувствовалъ себя такъ привольно, и мое положеніе во многомъ ухудшилось. Сиротскій домъ по отношенію ко мнѣ не имѣлъ никакихъ обязательствъ. Мнѣ дозволялось жить тамъ—и больше ничего. Такъ какъ тамъ обѣдали въ двѣнадцать часовъ, а изъ гимназіи я выходилъ въ три, то сразу лишился обѣда, ибо особеннаго обѣда для меня вѣдь и не полагалось. Большей частью я цѣлый день питался однимъ сухимъ хлѣбомъ, и только вечеромъ ужиналъ вмѣстѣ съ надзирателемъ. Ужинъ этотъ, за рѣдкими исключеніями, состоялъ изъ хлѣба съ селедкой и чаю. Правда, я скоро по поступленіи получилъ два урока, одинъ за полтора рубля въ мѣсяцъ — у Зоненблика, а другой за два, у одного лавочника. Но послѣдній меня всегда убѣждалъ, что такъ какъ жены и дѣтей у меня нѣтъ, то мнѣ нечего торопиться съ полученіемъ денегъ, и не бѣда, если я потерплю два-три мѣсяца.

Наступила зима, и по вечерамъ мнѣ часто некуда было дѣваться. Корридоръ Сиротскаго дома былъ такой холодный, что приходилось столовую переносить въ одну изъ спаленъ. И только въ комнатѣ надзирателя было очень тепло и уютно въ зимніе вечера. Но не всегда тамъ оказывалась возможность заниматься. Надзиратель любилъ общество, и у него по вечерамъ часто собиралась компанія разныхъ пріятелей, которыхъ у него было не мало.

Эта компанія состояла большею частью изъ мелкихъ учителей чистописанія и общихъ предметовъ, занимавшихся частными уроками или же преподававшихъ въ такъ называемыхъ „пансіонахъ" и новомодныхъ хедерахъ. „Пансіоны" эти, изъ которыхъ мнѣ памятны въ тогдашней Одессѣ два (Фейнберга и Э. Трубича), представляли собою ничто иное, какъ частныя элементарныя еврейскія школы, въ которыхъ преподаваніе было поставлено неважно. Кромѣ мужскихъ пансіоновъ, были еще дѣвичьи пансіоны, которые, за единичными исключеніями, качественно мало отличались отъ мужскихъ. Учиться въ пансіонѣ считалось въ началѣ большимъ шикомъ, и туда отдавала своихъ дѣтей богатая буржуазія изъ передовыхъ [1]). Хотя тамъ преподавали и французскій и нѣмецкій языки, пансіоны сохранили всѣ недостатки хедера, не имѣя ни одного изъ его достоинствъ. Удержали они и институтъ бегельферовъ, которые каждое утро ходили

[1]) М. Герценштейнъ и Б. Іоллосъ получили свое первоначальное образованіе въ извѣстномъ тогда „пансіонѣ Фейнберга".

по домамъ собирать дѣтей, а по окончаніи ученія провожали ихъ домой. Хуже всего въ пансіонахъ обстояло, разумѣется, съ еврейскимъ языкомъ, который занималъ самое послѣднее мѣсто, особенно въ дѣвичьихъ пансіонахъ.

Что касается реформированныхъ хедеровъ, то они отличались отъ обычныхъ хедеровъ тѣмъ, что въ нихъ, кромѣ еврейскихъ предметовъ, преподавались и общеобразовательные. Нѣкоторые изъ хедеровъ имѣли своею спеціальностью готовить своихъ учениковъ въ гимназію. Въ такихъ хедерахъ обыкновенно Талмуда не преподавали и напирали больше на „дикдукъ", грамматику еврейскаго языка. Основателями реформированныхъ хедеровъ являлись преимущественно „литваки". Однимъ изъ первыхъ основателей подобнаго хедера былъ небезызвѣстный Жвифъ, прозванный за крайнюю небрежность въ своей внѣшности „Діогеномъ". Почему-то онъ попалъ въ герои просвѣтительнаго движенія. Произошло это вѣроятно потому, что онъ всѣмъ твердилъ о необходимости „просвѣщенія" и этимъ обратилъ на себя вниманіе интеллигентовъ. Когда его бывало ни встрѣтишь, онъ ни къ селу ни къ городу изрекалъ одно и то же: Jch schrei eins: Jüden darfen „просвѣщеніе". Всѣхъ молодыхъ людей онъ гналъ къ „просвѣщенію" и этимъ расплодилъ множество тунеядцевъ, которые вѣчно „готовились" къ гимназическимъ экзаменамъ. Его можно считать пожалуй, отцомъ „экстерничества" въ Одессѣ. На самомъ же дѣлѣ это былъ обыкновенный меламедъ, съ весьма ограниченными познаніями даже по части еврейской науки.—Въ общемъ реформированные хедера стояли несомнѣнно выше пансіоновъ, и даже по общимъ предметамъ преподаваніе тамъ было поставлено лучше. Преподавателями въ нихъ состояли большею частью гимназисты среднихъ и старшихъ классовъ.

Пансіоны и хедера новаго типа составляютъ особенность той интересной эпохи, и потому я остановился на нихъ. Еще больше характеризуютъ эпоху учителя этихъ школъ, съ образчиками которыхъ мнѣ пришлось познакомиться въ компаніи надзирателя Сиротскаго дома. Всѣ эти преподаватели русскаго языка говорили по русски прескверно, съ курьезными удареніями. Пониманіе читаемаго не шло дальше искусства рѣчи.

Я-бы могъ по этому поводу привести массу уморительныхъ примѣровъ; но ограничусь однимъ. Учитель объясняетъ ученикамъ строфу изъ Майковскаго стихотворенія „Всадникъ" такъ: „Ель, сосна да мохъ сѣдой"—это значитъ, что тамъ жилъ такой народъ, который кушалъ с о с н а и мохъ" (дословно). Когда же

его спросили, что такое мохъ, онъ отвѣтилъ, что это слово совершенно необъяснимо. И такихъ „необъяснимыхъ" словъ оказывалось для нихъ немало на каждой страницѣ.

Нѣкій Г—нъ избралъ своею спеціальностью французскій языкъ, который онъ преподавалъ въ пансіонѣ Файнберга и въ частныхъ домахъ. Всѣ его познанія въ этомъ языкѣ не шли дальше первыхъ тридцати пяти параграфовъ изъ Margot, а то онъ ихъ зналъ далеко не твердо, въ чемъ я очень скоро могъ убѣдиться. Какъ „французъ", онъ постоянно былъ изысканно одѣтъ, носилъ длинные, всегда жирно напомаженные волосы, цилиндръ, бѣлыя манишки со множествомъ складокъ—правда, не всегда безукоризненной чистоты—и цвѣтные галстучки, надъ завязываніемъ которыхъ, какъ онъ самъ съ гордостью разсказывалъ, онъ проводилъ часы передъ зеркаломъ. За то у несчастнаго желудокъ весьма рѣдко былъ полонъ. Я, по крайней мѣрѣ, никогда не видѣлъ его сытымъ. Если онъ являлся послѣ обѣда, онъ жадно съѣдалъ остатки. Весьма часто онъ прибѣгалъ, запыхавшись, и просилъ взаймы двадцать копѣекъ, но съ удовольствіемъ принималъ и пять, если больше не оказывалось. Когда же у него заводился рубль или два, онъ сейчасъ же все спускалъ. Это былъ яркій представитель того типа учителишекъ, которыми Одесса кишѣла тогда и которые представляли собою живыя карикатуры просвѣщенія. Если образовательный цензъ этихъ учителей равнялся почти нулю, то ихъ моральный цензъ представлялъ собою отрицательную величину. То были большею частью отпѣтые люди, у которыхъ не было ничего святого.

Единственные учителя, которые дѣйствительно знали свой предметъ, были учителя чистописанія. Между ними попадались истинные мастера своего дѣла. Но они рѣдко ограничивались преподаваніемъ своего искусства. Многіе преподавали „языки"—русскій, французскій, нѣмецкій, зная только азбуку этихъ языковъ. Впрочемъ, въ тѣ времена у огромнаго большинства изучать языкъ значило учиться писать на немъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о новомъ, тогда только зародившемся типѣ учителей еврейскаго языка, также преподававшихъ въ пансіонахъ и частныхъ домахъ. Эти свой предметъ большею частью хорошо знали, но морально часто стояли не выше другихъ. Они усердно занимались искорененіемъ у своихъ учениковъ всякихъ религіозныхъ чувствъ и уваженія къ іудаизму.

Изъ подобнаго рода „учителей" состояла большею частью компанія, которая собиралась у надзирателя Сиротскаго дома.

Собирались обычно по вечерамъ, часовъ въ восемь-девять. Сначала пили чай. Чай и сахаръ были „казенные“, ибо это была единственная хозяйственная часть, которой завѣдывалъ надзиратель. Каждый день утромъ и вечеромъ онъ раскладывалъ сахаръ въ разставленныя чашки, при чемъ количество кусковъ зависѣло отъ числа гостей, которыхъ онъ ожидалъ: чѣмъ больше гостей, тѣмъ меньше кусковъ, и наоборотъ. Къ сбору гостей на столѣ появлялась водочка съ закуской, большею частью состоявшей изъ селедки и маслинъ. Потомъ брались за карты. Играли при маленькомъ обществѣ въ „шестьдесятъ шесть“, а при большой компаніи въ „око“. Азарта въ игрѣ не было. Играли на „графинчикъ“ и рѣдко на деньги. За игрою шли очень оживленныя бесѣды. И слушая эти бесѣды, можно было думать, что другихъ интересовъ, кромѣ блуда, у этихъ людей не было. Ничего болѣе скабрезнаго нельзя себѣ вообразить. Это былъ какъ-бы конкурсъ уличнаго сквернословія въ русскомъ духѣ. Считалось шикомъ разсказывать, что, молъ, въ такой-то день „мы здорово кутили и дули въ карты всю ночь“ и т. п. И большею частью это была сущая ложь. Всякій съ гордостью разсказывалъ о самыхъ неприличныхъ своихъ похожденіяхъ, тоже въ большинствѣ выдуманныхъ, при чемъ никогда не останавливались передъ тѣмъ, чтобы скомпрометировать чистѣйшую женщину или дѣвушку.

Не думали также о томъ, что въ смежныхъ комнатахъ съ обѣихъ сторонъ есть дѣти, которыя отъ шума могутъ проснуться или совсѣмъ не заснуть и подслушать всѣ эти разговоры. И такъ оно бывало на самомъ дѣлѣ. Нѣкоторые, преимущественно старшіе, воспитанники поднимались со своихъ постелей, прилипали къ стекламъ дверей и жадно присматривались и прислушивались къ тому, что дѣлалось и говорилось. И если не все видѣли изъ-за занавѣсокъ, то все слышали и потомъ объ этомъ разсказывали другимъ.

Иногда, впрочемъ, говорили и о „литературѣ“. Тутъ авторитетно выступалъ Г., который дѣйствительно начитался романовъ и давалъ оцѣнки произведеній Габоріо, Поль де-Кока, Понсонъ-дю-Терайля, Дюма, Зотова, Загоскина, Григоровича и другихъ его любимыхъ писателей; онъ настоятельно рекомендовалъ читать всѣ эти книги, ибо „такъ интересно, такъ интересно, что готовъ ночи не спать“.

Не имѣя угла, гдѣ я могъ-бы уединиться, я на ночь пристраивался въ умывальной комнатѣ. Тутъ я приготовлялъ уроки тутъ же я спалъ большею частью. Мѣсяца четыре послѣ моего

поступленія въ гимназію, учитель русскаго языка, незабвенный Вобетъ, о которомъ говорили, что онъ воспитывался въ семьѣ Гоголя, задалъ ученикамъ работу: описаніе своей комнаты. Я описалъ въ юмористической формѣ свое жилище въ умывальной комнаткѣ. Вобетъ отъ души хохоталъ и затѣмъ прочелъ мое произведеніе въ учительской. Это былъ мой первый литературный тріумфъ.

Въ началѣ осени слѣдующаго года, когда я перешелъ во второй классъ, я оставилъ Сиротскій домъ и перебрался въ нанятую вмѣстѣ съ товарищемъ комнату. Я уже имѣлъ шесть рублей въ мѣсяцъ отъ уроковъ и, кромѣ того, въ гимназіи мнѣ назначили годовую стипендію въ 60 рублей,—и я рѣшилъ, что могу жить самостоятельно...

Бенъ-Ами.

Женева, 16 мая, 1914 г.

Изъ впечатлѣній минувшаго вѣка.

Воспоминанія средняго человѣка.

VI *).

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II, для русскихъ евреевъ настала новая эра. Послѣ гнета и унынія они точно ожили, воспрянули духомъ. За отмѣной закона о кантонистахъ (1856 г.) послѣдовало разрѣшеніе купцамъ 1-й гильдіи перечисляться въ купечество внутреннихъ губерній Россіи (1859 г.), а окончившимъ высшія учебныя заведенія было предоставлено право поступленія на государственную службу (1861 г.). Послѣднее распоряженіе служило неисчерпаемой темой для разговоровъ, и фантазія разыгралась до крайности. Моего двухлѣтняго сынка, выказавшаго хорошія способности, прочили въ министры и т. п.

Расширеніе правъ крупнаго еврейскаго купечества создало цѣлую эпоху. Съ конца 50-хъ годовъ началось переселеніе богатыхъ купцовъ въ столицы и другіе города внѣ черты осѣдлости. Однимъ изъ первыхъ переселился въ Петербургъ Евзель (Осипъ) Гинцбургъ и основалъ тамъ банкирскій домъ въ ту пору, когда частные банки едва нарождались. Управлялъ этимъ домомъ нѣмецъ Гено (изъ евреевъ?), подъ наблюденіемъ сына владѣльца, Горація Осиповича. Сюда перешли нѣкоторые изъ прежнихъ служащихъ Гинцбурга по акцизному откупу. Банкирскій домъ сразу принялъ европейскій видъ, совершенно непохожій на откупной строй, вѣроятно—не по духу владѣльца. Самъ Е. Гинцбургъ почему-то предпочелъ поселиться въ Парижѣ. Для полученія титула, молодой Горацій послѣ большихъ стараній пріобрѣлъ званіе вюртембергскаго консула, и вскорѣ цѣль была достигнута: онъ, а потомъ и весь домъ Гинцбурга, были возведены въ баронское достоинство.

Въ то же время въ Петербургъ переселились южные откупщики (Горовицъ, Варшавскій) и сѣверные подрядчики (Фрид-

*) Евр. Стар. вып. II, стр. 234—246.

лянды. Малькіели), а за ними потянулась вереница служащихъ и довѣренныхъ, которые, въ свою очередь, привлекали туда родныхъ и знакомыхъ. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ образовалось новое, культурное ядро еврейскаго населенія: возникла новая, упорядоченная община взамѣнъ прежней, управлявшейся николаевскими отставными солдатами *). У нѣкоторыхъ явилось желаніе быть меценатами еврейскихъ талантовъ по наукѣ и искусству, но дѣлалось это безъ строгаго разбора, и большая часть стипендіатовъ не оправдала ожиданій.

Иждивеніемъ богачей тогда было напечатано извѣстное сочиненіе проф. Хвольсона „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ". Сочиненіе это написано было по нѣмецки и переведено, тогда еще студентомъ, А. Думашевскимъ.

Близко къ еврейской плутократіи стояла въ Петербургѣ группа образованныхъ евреевъ и ех-евреевъ. Съ 1861 года я помню грузную фигуру, съ широкой сѣдой бородой, Моисея Берлина, котораго прозвали еврейскимъ архіереемъ; помню благообразнаго Зейберлинга, состоявшаго при министерствѣ народнаго просвѣщенія и защищавшаго хасидизмъ отъ репрессій правительства. Метеоромъ явился математикъ З. Пинето, котораго считали чуть-ли не вторымъ Ньютономъ, и безслѣдно исчезъ. Тогда же въ Петербургъ прибылъ изъ Динабурга самоучка Гиршъ Рабиновичъ. Хорошій талмудистъ съ большими способностями, онъ поражалъ мало свѣдущихъ людей своимъ знаніемъ математики и естественныхъ наукъ и своими сочиненіями на деревянномъ древнееврейскомъ языкѣ съ нѣмецкими словами пополамъ. Нельзя не упоминать и Вас. Вл. Розена, выходца изъ Россіенъ, занимавшаго видное мѣсто при морскомъ министерствѣ. Сохранивъ еще кое-что изъ еврейскаго знанія, онъ первый задумалъ издавать еврейскій журналъ на русскомъ языкѣ, но предупредилъ его О. Рабиновичъ изданіемъ „Разсвѣта" въ Одессѣ. Его братъ, менѣе способный, былъ жестокимъ цензоромъ еврейскихъ книгъ въ Вильнѣ. Вас. Вл. Розенъ поддерживалъ своихъ племянниковъ, д-ровъ Эм. и Ал. Соловейчиковъ, а также и Э. Б. Банка, которые потомъ пріобрѣли извѣстность въ качествѣ общественныхъ дѣятелей.

VII.

Въ нашихъ „Изреченіяхъ отцовъ" сказано: „Нѣтъ того человѣка, въ жизни котораго не было-бы благопріятнаго момента"

*) Покойный Л. О. Гордонъ передалъ мнѣ разсужденіе одного петербургскаго еврея-старожила о старой и новой еврейской общинѣ: „Что тогда былъ Петербургъ?—пустыня; теперь-же вѣдь это—Бердичевъ!".

(אין לך אדם שאין לו שעה; פרקי אבות ד׳ ג׳). Нельзя сказать чтобы наши дѣльцы того времени прозѣвали такіе моменты: многимъ удалось настолько ихъ использовать, чтобы подняться съ головокружительной быстротой очень высоко; но рѣдкій могъ долго удержаться на этой высотѣ. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ мы сдѣлались свидѣтелями паденія чуть-ли не всѣхъ орловъ 60-хъ годовъ.

Если акцизный откупъ привилъ кормившимся около него евреямъ нѣкоторое образованіе сомнительнаго свойства, то переселеніе въ столицу развивало въ нихъ болѣе сложную внѣшнюю культуру со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, что отозвалось и на провинціи. Въ выходцахъ изъ черты осѣдлости происходила полная метаморфоза: откупщикъ превращался въ банкира, подрядчикъ—въ предпринимателя высокаго полета, а ихъ служащіе—въ столичные дэнди. Многія вороны напялили на себя павлиныя перья; выскочки изъ Балты и Конотопа, черезъ короткое время, считали себя „аристократами“ и смѣялись надъ „провинціалами“. Принципалы и служащіе скоро узнали о существованіи сада Излера и другихъ забавъ, услаждавшихъ часы досуга послѣ биржевого дня. Биржа, въ которой только что начала развиваться спекуляція цѣнными бумагами, приводила къ расточительности. За всякимъ эфемернымъ барышемъ въ нѣсколько сотъ рублей слѣдовалъ роскошный обѣдъ съ товарищами у Донона. Образовалась фаланга биржевыхъ маклеровъ („зайцевъ“), производившихъ колоссальные воздушные обороты. Мнѣ извѣстны такіе, личный балансъ которыхъ колебался въ громадныхъ амплитудахъ—между состояніемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей и еще большимъ дефицитомъ. Изъ служащихъ нѣкоторые такими способами составили себѣ состояніе, другіе же погибли въ этомъ водоворотѣ [1]).

[1]) Какъ иллюстрацію „отцовъ и дѣтей“ того времени, приведу извѣстную мнѣ быль. Отецъ—шинкарь въ подольскомъ захолустьѣ, а сыновья проживаютъ много тысячъ въ Петербургѣ. Сколько дѣти ни старались отвлечь отца отъ постыднаго занятія, предлагая ему средства для спокойной жизни, все было напрасно: онъ слушать не хотѣлъ и не отвѣчалъ. Дѣти просили одного мѣстнаго знакомаго убѣдить отца бросить шинкарство, но тотъ услышалъ въ отвѣтъ такую теорію: „Нѣчто мои дѣти имѣютъ понятіе, что такое дѣло? Мое дѣло вѣдь золотое. Вотъ напр. селедка, она всего стоитъ двѣ копѣйки, такъ я ее разрѣзываю на 8 кусковъ и отпускаю каждый кусокъ по копѣйкѣ. А базарный день! Случается, что я впускаю 20 крестьянъ спать на полу и получаю по двѣ копѣйки съ человѣка, а иногда даже по три! И, кто знаетъ, не придется-ли еще мнѣ имъ помогать“.

Нужно отмѣтить, что въ то время какъ выросшіе богачи, не смотря на скудное ихъ образованіе, могли еще держаться въ высшихъ кругахъ общества, ихъ жены, за рѣдкими исключеніями, не могли за ними слѣдовать. Тѣ же, которыя изъ кожи лѣзли, чтобы играть роль grandes dames, выходили карикатурами таковыхъ.

Но, какъ-никакъ, около еврейскихъ тузовъ кормились сотни семействъ, особенно около подряда казенной перевозки братьевъ Фридландовъ. Многіе изъ ихъ довѣренныхъ богаты и понынѣ, въ то время какъ звѣзда принципаловъ померкла...

VIII.

Нѣсколько иной обликъ имѣло еврейское населеніе Москвы, не порвавшее еще съ традиціями Литвы и Бѣлоруссіи. Въ Москвѣ съ давнихъ поръ проживали шкловскіе бриллiантщики (Моносзонъ, Фундаминскій), литовскіе комиссіонеры по мануфактурнымъ товарамъ (Г. Хишинъ, М. Іоффе) и много курляндскихъ галантерейщиковъ. Литовцы, по большей части, жили въ Глѣбовскомъ и Усачевскомъ подворьяхъ, даже послѣ отмѣны принудительнаго въ нихъ жительства евреевъ, и вообще въ Зарядьѣ. Курляндцы же, которые дали большой процентъ крещенныхъ, селились по другимъ улицамъ. На Кузнецкомъ мосту было не мало магазиновъ, принадлежавшихъ крещеннымъ, и много такихъ же прикащиковъ, такъ что мѣстные остряки назвали эту улицу (по нѣмецки) не Schmiedebrücke, a Schmadebrücke. Тамъ же былъ большой магазинъ бронзовыхъ издѣлій, принадлежавшій отставному николаевскому солдату Арону Шнейдеру. Кромѣ того, существовало много солидныхъ еврейскихъ фирмъ (Цейтлинъ, Манасевичъ, бр. Гиршманъ и др.). Жили здѣсь тихо, безъ петербургскаго шума и блеска.

Мало по малу наѣхали еще новые коммерсанты и комиссіонеры изъ разныхъ мѣстъ черты; они скоро пронюхали о происходившей въ нѣмецкомъ и купеческомъ клубахъ крупной игрѣ въ домино—лото. Выигрывали, проигрывали, деньги стали ни по чемъ—и жизнь пошла во всю [1]).

Въ началѣ 60-хъ годовъ, правительствомъ былъ разрѣшенъ ввозъ въ Россію китайскаго чая чрезъ западныя границы (раньше

[1]) О провинціальныхъ бонвиванахъ въ Петербургѣ и Москвѣ я сообщалъ Л. О. Гордону въ письмахъ, что онъ затѣмъ и самъ имѣлъ возможность наблюдать; это дало ему сюжетъ для извѣстной его сатиры на арамейскомъ языкѣ: „איתי גוברין יהודאין וכו'".

это строго запрещалось, и чайная торговля чрезъ Кяхту находилась исключительно въ рукахъ русскихъ купцовъ). Открытіе новаго пути произвело переворотъ въ чайномъ дѣлѣ, и много иностранныхъ фирмъ, какъ и евреи, набросились на эту новую отрасль торговли. Одному ловкому нѣмцу удалось склонить петербургскій домъ Гинцбурга взяться также за чайное дѣло, а самъ онъ сталъ во главѣ предпріятія.

Въ эту торговлю вовлекся и я. Благодаря нѣкоторымъ связямъ съ домомъ Гинцбурга, я могъ пользоваться товарнымъ кредитомъ. И вотъ у меня составилась компанія съ однимъ крещеннымъ евреемъ изъ Москвы, и въ 1862 г. я сдѣлался чайнымъ торговцемъ въ Москвѣ, причемъ фирма носила, конечно, имя моего компаньона. Дѣло какъ будто пошло [1]).

Въ нашу торговлю часто приходилъ по дѣлу скромный еврей невысокаго роста, среднихъ лѣтъ, состоявшій агентомъ при чайной конторѣ существовавшей тогда фирмы „Бр. Штеккеръ". Онъ пользовался довѣріемъ и уваженіемъ какъ своихъ принципаловъ, такъ и ихъ кліентовъ. Это былъ Калманъ-Вольфъ Высоцкій, впослѣдствіи ставшій владѣльцемъ крупнѣйшей въ мірѣ чайной фирмы „В. Высоцкій и К°". Какъ видно, онъ присмотрѣлся и основательно изучилъ чайное дѣло и его источники. Не въ примѣръ другимъ скоробогатымъ, Высоцкаго нельзя было упрекать въ какихъ либо нечестныхъ пріемахъ на пути къ богатству. Ставши милліонеромъ, онъ не обнаружилъ ни малѣйшаго высокомѣрія и заносчивости. Я съ Высоцкимъ еще много разъ встрѣчался въ Москвѣ, Одессѣ и заграницей.

Мой компаньонъ былъ вообще человѣкъ не дурной, но, имѣя многочисленную семью съ большими потребностями, онъ не могъ удовлетвориться своей долей прибыли въ дѣлѣ и жилъ за счетъ вложеннаго мною въ дѣло капитала, чему я не могъ препятствовать. Между тѣмъ и домъ Гинцбурга прекратилъ чайныя операціи, понесши большіе убытки. Не прошло и трехъ лѣтъ—и я остался на мели...

[1]) Съ умиленіемъ вспоминаю, какъ мой отецъ, узнавши о моей компаніи съ выкрестомъ, предостерегалъ меня, чтобы я по субботамъ не пилъ чая изъ самовара, поставленнаго для компаньона, а въ пасху „не видѣлъ его хлѣба", что допускается у нееврея, такъ какъ „крещенный во всемъ считается евреемъ". При послѣднемъ моемъ свиданіи съ отцомъ, онъ мнѣ сказалъ: „Я понимаю, что въ теперешнее время не всякому можно „сидѣть и учиться", но объ одномъ тебя попрошу: чтобы ты ежедневно, послѣ утренней молитвы, изучалъ хоть одинъ листъ Талмуда или одну главу Мишны". Sancta simplicitas!

IX.

Въ 1863—64 г. выступило нѣсколько дѣятелей, впослѣдствіи игравшихъ видную роль, о которыхъ упомяну по впечатлѣніямъ личнаго знакомства или по сообщеніямъ близкихъ людей.

Абрамъ Ис. Закъ, выросшій въ Брестъ-Литовскѣ, съ дѣтства отличался необыкновенными способностями. Получивъ традиціонное еврейское образованіе, онъ однако успѣлъ изучить самоучкой русскій и иностранные языки и математику. Рано женившись и не найдя въ литовскомъ уѣздномъ городѣ примѣненія своимъ знаніямъ, онъ отправился въ Одессу, гдѣ поступилъ въ торговый домъ для изученія коммерціи, затѣмъ служилъ въ разныхъ конторахъ, а въ 1859 г. былъ назначенъ главнымъ бухгалтеромъ банкирскаго дома Гинцбурга. Но Е. Гинцбургъ недостаточно оцѣнилъ Зака; это сдѣлалъ богатый грекъ Кондоянаки, пригласившій Зака въ управляющіе открытымъ имъ банкирскимъ домомъ. Черезъ короткое время этотъ греческій банкирскій домъ пріобрѣлъ европейское имя и сталъ приносить большія прибыли. Въ 1871 г. Леопольдъ Кроненбергъ предложилъ Заку постъ директора крупнѣйшаго въ то время Учетнаго и ссуднаго банка. Эту должность Закъ занималъ до своей смерти. А. И. Закъ обладалъ рѣдкою памятью, быстрымъ соображеніемъ и чуткимъ еврейскимъ сердцемъ. Будучи абсолютно честенъ, не одержимый жаждою наживы, онъ былъ далекъ отъ всякаго грюндерства и мало имѣлъ общаго съ тогдашними желѣзнодорожными дѣльцами. Но вслѣдствіе мягкости характера, онъ нерѣдко поддавался вліянію окружавшихъ его лицъ, чѣмъ ловкіе изъ нихъ и злоупотребляли. По окончаніи періода желѣзнодорожнаго строительства, его втянули въ пріобрѣтеніе линіи Либаво-Роменской желѣзной дороги, что причинило ему впослѣдствіи немало непріятностей.

Талантомъ другого рода былъ Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ, первый въ Россіи частный человѣкъ, взявшійся за постройку желѣзнодорожныхъ линій. Выходецъ изъ маленькаго города Бѣлоруссіи, одаренный смѣтливостью и энергіей, этотъ умный и ловкій человѣкъ умѣлъ пріобрѣтать связи и ихъ эксплоатировать. Поляковъ очень скоро освоился съ своей новой ролью крупнаго дѣятеля, близкаго къ вліятельнымъ кругамъ. Онъ „принципіально" отказывался принимать служащихъ-единовѣрцевъ по всѣмъ строившимся имъ желѣзнымъ дорогамъ. Было-ли на то указаніе свыше, или же онъ самъ считалъ такую политику

полезной для дѣла—неизвѣстно [1]. Лишь послѣ крупныхъ пожертвованій на общерусскія учрежденія (общежитія и т. п.), онъ рѣшилъ кое-что удѣлить и еврейскимъ учрежденіямъ. Не безъ политическаго умысла имъ было предпринято учрежденіе „Общества ремесленнаго и земледѣльческаго труда", приноровленное къ 25-лѣтію царствованія Александра II.

По части желѣзнодорожнаго строительства Поляковъ имѣлъ послѣдователей въ лицѣ Губонина, Варшавскаго и другихъ; но ихъ дѣла пошли съ меньшимъ успѣхомъ.

Абрамъ Исаевичъ Горвицъ былъ человѣкъ умный и дѣловой. Не знаю, по какимъ мотивамъ онъ принялъ христіанство, но у него осталось теплое еврейское сердце. Не чуждый еврейскаго знанія, онъ изрѣдка интересовался и новой еврейской литературой. Его привела въ восторгъ поэма Л. О. Гордона "קוצו של יוד", вышедшая отдѣльной брошюрой, и онъ послалъ поэту горячее привѣтствіе со значительнымъ приложеніемъ. До послѣдней минуты своей жизни, онъ скорбѣлъ о горькой судьбѣ еврейскаго народа [2].

Вотъ Абрамъ Моисеевичъ Варшавскій. Его статная фигура и ласкающая рѣчь располагали къ нему какъ сановныхъ особъ, такъ и крупныхъ банкировъ. Случайное знакомство съ иностраннымъ капиталистомъ Зульцбахомъ дало ему возможность взяться за постройку Московско-Брестской ж. д., въ чемъ участвовали также братья Фридланды. Варшавскому чрезвычайно легко было получать концессіи и крупнѣйшіе подряды, но онъ не умѣлъ ни самъ ими управлять, ни подбирать надежныхъ служащихъ. Всякое его дѣло болѣе обогощало окружавшихъ его людей, чѣмъ его лично. Не удивительно поэтому, что, ворочавши милліонами, онъ дошелъ до печальнаго конца. Не знаю, по добротѣ-ли сердечной или по другой причинѣ, онъ рѣдко кому отказывалъ въ просьбѣ, хотя бы и неисполнимой, что поколебало довѣріе къ его словамъ.

[1] Намекая на это, Л. О. Гордонъ въ своей поэмѣ "קוצו של יוד" вставилъ фразу: ואדוני איש נוצרי, לא מזרע היהודים, על כן נתן ליהודים עבודה ופקידות („Хозяинъ его былъ христіанинъ, не изъ евреевъ, и потому давалъ евреямъ должности и занятія").

[2] Кстати приведу циничное bonmot поэта А. Б. Готлобера, встрѣтившагося со мною въ 1877 г. въ Бухарестѣ, гдѣ онъ получилъ отъ Горвица приличное подаяніе. Довольный такою щедростью, поэтъ сказалъ: ומי יתן והיה כל עם ה' משומדים („О, если бы весь народъ Божій состоялъ изъ мешумедовъ").

Мееръ Фридландъ, одинъ изъ двухъ богатыхъ братьевъ-подрядчиковъ, былъ весьма почтенный еврей стараго покроя, далекій отъ всякой рисовки. Гораздо меньшаго почета заслуживалъ его братъ, Лейбъ. Очень мало знакомый съ еврейской литературой, онъ какъ-то пріобрѣлъ библіотеку Б. Бампи въ Минскѣ, содержавшую много рѣдкихъ еврейскихъ книгъ, затѣмъ прибавилъ къ ней еще много книжныхъ коллекцій. Не зная, что дѣлать съ такимъ сокровищемъ, онъ принялъ кѣмъ-то внушенную ему несчастную мысль пожертвовать библіотеку въ петербургскій Азіатскій музей, недоступный для большей части еврейскихъ ученыхъ и писателей. За это онъ получилъ „нравственное" удовлетвореніе, удостоившись рукопожатія сановныхъ лицъ.

Братья Малкіели изъ Динабурга были крупными поставщиками для арміи. Единственное, что осталось отъ нихъ, это—роскошныя палацо въ Петербургѣ и Москвѣ, впослѣдствіи проданныя.

Какъ пережитокъ перваго періода еврейской „гаскалы", въ Петербургѣ жилъ и умеръ въ 1892 г. Аронъ (Аркадій) Кауфманъ, писавшій когда-то въ еврейскихъ сборникахъ („פרחי צפון") статьи о воспитаніи. Не смотря на многія его странности, онъ былъ интересный представитель самобытной еврейской интелигенціи. Онъ собиралъ рѣдкія коллекціи книгъ Hebraïca и Judaïca, судьба которыхъ мнѣ неизвѣстна [1]).

Многіе изъ нашихъ крупныхъ столичныхъ богачей, считая себя выше уровня своихъ соотечественниковъ, избѣгали родниться съ ними; они выдавали своихъ дочерей за евреевъ-иностранцевъ, имѣвшихъ какой ни на есть титулъ или чинъ. Какъ ни наивна такая погоня за титуломъ, она все же лучше, чѣмъ „пріобрѣтеніе" въ зятья промотавшагося лейтенанта-христіанина, какъ это дѣлаютъ наши коммерціенраты въ Германіи.

X.

Въ 1865 году въ Петровско-Разумовскомъ, близъ Москвы, открылась „Петровская сельско-хозяйственная и лѣсная Академія", учрежденная на самыхъ свободныхъ началахъ. Для поступленія и окончанія курса со званіемъ кандидата сельскаго хозяйства или лѣсоводства не требовалось никакого ценза, не было ограниченій по возрасту и по вѣроисповѣданію. Вмѣсто курсовой

---

[1]) Коллекціи А. Кауфмана пожертвованы въ библіотеку Общества просвѣщенія евреевъ въ С.-Петербургѣ и до сихъ поръ доступны для общаго пользованія.—Ред.

или семестральной системы было вольное слушаніе предметовъ въ какомъ угодно порядкѣ. Помѣщенія Академіи были обширныя, библіотека, кабинеты и лабораторія—богатые, а профессора принадлежали къ лучшимъ научнымъ силамъ.

При моей склонности къ наукамъ и неспособности къ коммерціи, это учебное заведеніе открыло мнѣ точно врата небесныя. Не вдаваясь въ вопросы о примѣненіи данныхъ спеціальныхъ наукъ къ жизни, я считалъ счастіемъ одну возможность пріобрѣсть знанія, а также извѣстныя права. Послѣ нѣкоторой переписки съ родными, я отправилъ свою семью въ Ковно и на 28-мъ году жизни превратился въ студента.

Въ Академію поступило около 600 слушателей разнаго званія и общественнаго положенія, въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ; тутъ были врачи, химики, офицеры и др., русскіе, армяне, поляки, нѣмцы и пятеро евреевъ. Строгой группировки по національностямъ не было, и евреи растворились въ обществѣ русскихъ. Я очутился въ совершенно новомъ для меня мірѣ, который старался изучить. Познакомившись ближе съ товарищеской средой, я составилъ кружокъ изъ восьми товарищей: двухъ евреевъ, одного генеральскаго сына, двухъ орловскихъ помѣщиковъ, одного поповича изъ Перми, одного камскаго пароходовладѣльца и одного вятскаго крестьянина. Мы сняли въ аренду домъ въ деревнѣ Михалковѣ, въ двухъ верстахъ отъ Академіи, и поселились тамъ вмѣстѣ. Не смотря на разношерстность нашего кружка, мы скоро сжились такъ, что перешли на „ты". У насъ происходили бесѣды и чтенія по предметамъ курса и на другія темы; эти бесѣды посѣщались и другими товарищами. Спорили по разнымъ вопросамъ, и я былъ пораженъ совершеннымъ невѣдѣніемъ товарищей во всемъ, что касается еврейской жизни и іудаизма. Какъ-то я упомянулъ, что въ Библіи сказано: „Люби своего ближняго какъ самого себя"; на это одинъ изъ товарищей возразилъ: „Извините, въ Ветхомъ Завѣтѣ этого нѣтъ, это сказалъ Іисусъ Христосъ". Когда я его спросилъ, увѣренъ ли онъ въ этомъ, онъ отвѣтилъ: „Ужъ позвольте мнѣ это лучше знать: я окончилъ семинарію, я даже по еврейски знаю".—Ну, что же вы знаете по еврейски?—спросилъ я. „Я знаю „кадошъ кадошъ, берешитъ". При помощи имѣвшейся у меня французской Библіи, мнѣ конечно не трудно было разбить его семинарское знаніе.

Я тогда близко познакомился со студентами университета М. Л. Диллономъ, О. Л. Лунцомъ, В. О. Гаркави, Л. А. Куперникомъ, М. А. Новосельскимъ и вернувшимся изъ Англіи А. Я. Пассо-

веромъ. Нѣкоторые изъ нихъ часто меня посѣщали въ Михалковѣ, и со всѣми ими я неоднократно встрѣчался на пути жизни.

Съ жадностью набросился я на слушаніе лекцій по разнымъ предметамъ, пополняя попутно свое недостаточное знаніе по математикѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ я прослушалъ курсы по естественнымъ наукамъ, геодезіи и сельско-хозяйственной технологіи. Съ благодарностью вспоминаю профессоровъ Ильенкова, Делавоса, Захарова и Коссова.

Въ то время, помѣстивъ нѣсколько статей въ газетѣ "המליץ", я получилъ предложеніе отъ редактора Цедербаума писать популярныя статьи по естественнымъ наукамъ. Я написалъ что-то въ родѣ введенія въ физику и химію, что было приложено къ „Гамелицу" отдѣльной брошюрой. Эта брошюра затѣмъ у меня разрослась въ цѣлое сочиненіе по минералогіи, которое я издалъ потомъ въ Лейпцигѣ.

Съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю объ этихъ годахъ духовнаго наслажденія, хотя и сопровождавшагося матеріальными лишеніями.

Но моей мечтѣ окончить курсъ не суждено было осуществиться. Противъ нашей свободной Академіи и ея устава уже раньше поднимались голоса консерваторовъ съ „Московскими Вѣдомостями" во главѣ. Эти ревнители классицизма утверждали, что Академія будетъ выпускать неучей. Къ этому прибавилось подозрѣніе правительства, что Академія служитъ гнѣздомъ анархизма, такъ какъ между слушателями оказались замѣшанные въ покушеніи 4 апрѣля 1866 г. (дѣло Каракозова). Все это привело къ основательной передѣлкѣ устава Академіи, такъ что для полученія диплома непремѣнно потребовался аттестатъ гимназіи или реальнаго училища. Заниматься предметами гимназическаго курса въ зрѣломъ возрастѣ—было выше моихъ силъ, и, сдавши экзаменъ по нѣкоторымъ предметамъ, я въ 1868 г. былъ вынужденъ оставить Академію.

Я опять потерпѣлъ крушеніе. Простился съ Москвою. Jetzt wohin?

XI.

Куда теперь? Какъ мнѣ утилизировать свои пріобрѣтенныя въ академіи знанія? Естествознаніе само по себѣ не даетъ еще профессіи; чтобы быть землемѣромъ, я близорукъ; изъ предметовъ сельско-хозяйственной технологіи для меня подходитъ развѣ фабрикація сахара, но для этого теоретическое знаніе недоста-

точно, — нужна практика. Остановившись на этой мысли, я въ началѣ 1869 г. отправился заграницу. Въ Берлинѣ, въ лабораторіи Общества нѣмецкихъ сахарозаводчиковъ я получилъ нѣсколько адресовъ и поѣхалъ въ Магдебургъ. Здѣсь я поступилъ практикантомъ на сахарную фабрику и помѣстился въ предмѣстіи Зуденбургѣ. Я очутился въ новомъ кругу нѣмецкихъ бюргеровъ; объѣзжалъ также и другіе заводы, гдѣ встрѣчалъ соотечественниковъ-поляковъ и нѣмцевъ, съ которыми подружился. По истеченіи четырехъ мѣсяцевъ, я получилъ аттестатъ отъ директора завода и переѣхалъ въ Лейпцигъ.

Въ Берлинѣ я познакомился съ д-ромъ А. Эрлихомъ, котораго я зналъ по его перепискѣ съ Л. О. Гордономъ; Эрлихъ, дебютировавшій тогда въ еврейской литературѣ, впослѣдствіи занялъ мѣсто раввина въ Тильзитѣ и пересталъ появляться въ печати [1]).

Въ Магдебургѣ, гдѣ такъ долго жилъ извѣстный публицистъ Людвигъ Филиппсонъ, издатель „Allgemeine Zeitung des Judenthums", я часто посѣщалъ его преемника—молодого раввина д-ра М. Рамера. Р. тогда былъ консервативно религіозенъ, не допускалъ въ синагогѣ органа и женскаго хора, о чемъ многіе прихожане хлопотали. Мотивъ его отказа былъ такой: ревнители органа рѣдко посѣщаютъ синагогу, а органъ прогонитъ набожныхъ прихожанъ; кто же останется? Этотъ же д-ръ Рамеръ, который мнѣ такъ много дурного говорилъ про Филиппсона, даже и то, что тотъ былъ близокъ къ переходу въ христіанство (что, конечно, невѣроятно для такого борца за еврейство), спустя 20—30 лѣтъ превратился въ крайняго реформатора.

Въ Лейпцигѣ я прожилъ около мѣсяца и тамъ же напечаталъ свое сочиненіе о минералогіи на древнееврейскомъ языкѣ. Я близко познакомился тамъ съ Фабіусомъ Мизесомъ и Германомъ Бодекомъ; чаще всѣхъ я посѣщалъ профессора Юлія Фюрста, премилаго маленькаго старичка. Фюрстъ мнѣ много разсказывалъ о своихъ трудахъ въ „Orient", Bibliotheca judaica и въ конкорданціи (1840 г.). На этой конкорданціи издатель Karl Tauchnitz потерялъ болѣе 10,000 талеровъ; тѣмъ не менѣе онъ давалъ Фюрсту, сверхъ гонорара, средства для леченія отъ болѣзни. Въ концѣ 40-хъ годовъ, у Фюрста былъ крупный споръ съ М. Іостомъ о судьбѣ еврейскаго народа: Іостъ утверждалъ, что послѣ 1848 года и полной эмансипаціи евреевъ еврейская исторія кон-

[1]) Эрлихъ и позже писалъ мелкія статьи въ газетахъ „Гамагидъ", „Гамелицъ" и др. Съ конца 70-хъ годовъ состоялъ учителемъ въ Ригѣ. См. ספר זכרון לסופרי ישראל изд. Н. Соколова, стр. 81.—Ред.

чается, такъ какъ евреи растворяются въ общей массѣ свободныхъ отъ религіи гражданъ. Встрѣтившись опять съ Фюрстомъ черезъ 10 лѣтъ, Іостъ сознался въ своемъ заблужденіи, сказавъ: „Я, старый еврейскій исторіографъ, не зналъ духа этого народа".

Въ сороковыхъ годахъ къ Фюрсту зашелъ пожилой господинъ, весьма скромно одѣтый, котораго онъ считалъ польскимъ шнорреромъ, но тотъ отрекомендовался по французски: „Алтарасъ, сефардскій еврей изъ Марселя". Разговорившись объ участи еврейскаго народа, гость заявилъ, что онъ готовъ жертвовать нѣсколько милліоновъ франковъ на устройство евреевъ на какой-нибудь собственной территоріи. Состояло ли это предложеніе въ связи съ извѣстнымъ проектомъ американца Мордохай-Ноаха— Фюрстъ не узналъ, но тогда въ воздухѣ носились какіе то грандіозные планы [1]). Кстати, вспоминаю изъ моего дѣтства, какъ тогда говаривали, что Ротшильдъ откупилъ отъ турокъ всю Палестину, чтобы заселить ее евреями. Эти тогдашніе бредни чуть-чуть не осуществились въ наши дни черезъ того же барона Ротшильда.

Посѣтивши нѣкоторыя соляныя копи и свинцовые рудники въ Германіи и Саксоніи, я вернулся домой.

XII.

Скоро я получилъ мѣсто въ имѣніи Могильнѣ (Подольской губ.), принадлежавшемъ барону Гинцбургу; въ этомъ большомъ имѣніи (около 5000 дес. земли) находился сахарный заводъ. Должность моя была неопредѣленная: я состоялъ не то при имѣніи, не то при сахарномъ заводѣ. Имѣніемъ управлялъ черниговскій еврей, полунабожный, полуинтеллигентъ, часто употреблявшій крѣпкія малороссійскія словца. Директоромъ завода состоялъ угрюмый нѣмецъ (какъ говорили, бывшій танцмейстеръ), не допускавшій никакого сотрудничества, ни моего, ни приглашеннаго химика. Насколько я могъ узнать, всѣ еврейскіе сахарные заводы на югѣ Россіи тогда находились въ рукахъ простыхъ сахароваровъ-нѣмцевъ, а хозяева, кромѣ финансоваго результата, о техникѣ дѣла понятія не имѣли.

Хозяиномъ имѣнія считался Урій Осиповичъ, третій сынъ

[1]) О планѣ Алтараса въ 1846 г. (онъ ничего общаго не имѣлъ съ планомъ американца Ноаха въ 1825 г.) и о посѣщеніи имъ Фюрста— см. דביר М. А. Гинцбурга. т. II, 116. Ср. Евр. Стар. 1913 г., стр. 38, а также Дубновъ, Новѣйшая исторія еврейск. народа, стр. 390.—Ред.

барона Гинцбурга [1]), предобрый, но не серьезный молодой человѣкъ. Онъ пробылъ семестръ—другой въ Гогенгеймской сельско-хозяйственной академіи, и захотѣлъ все устроить „по нѣмецки". Для этого онъ выписывалъ разныя сельско-хозяйственныя орудія и принадлежности, которыя такъ и ржавѣли въ сараяхъ; хозяйство же велось экономами самымъ примитивнымъ способомъ.

Въ Могильнѣ жилось однообразно и скучно; когда же наѣзжалъ Урій Осиповичъ со своимъ секретаремъ (І. С. Горовицъ), становилось веселѣе. Мы обѣдали и ужинали вмѣстѣ; тутъ же былъ малообразованный землемѣръ, а иногда и пріѣзжіе гости. Являлись странствующіе артисты и просто попрошайки. Землемѣръ, приглашенный для отмежеванія земли имѣнія отъ крестьянской, вяло работалъ болѣе двухъ лѣтъ, отрѣзывая изрядные клочья въ пользу крестьянъ.

Находясь въ центрѣ подольскаго хасидизма, я имѣлъ возможность близко присмотрѣться къ хасидской разновидности еврейства. Къ намъ въ имѣніе пріѣзжали по дѣламъ хасиды разныхъ толковъ, да и я часто заѣзжалъ въ близкіе города и мѣстечки. Меня уговаривали заѣхать къ савранскому цадику или же къ р. Дувидуню въ Талное; но я не поддавался: лицемѣрить не умѣлъ, а пускаться въ полемику съ самими цадиками и ихъ адептами—не безопасно и безполезно. Стоило вникнуть въ жизнь евреевъ какой-нибудь Хащеваты, чтобы понять, что для этихъ темныхъ людей вѣра въ цадика имѣетъ нѣкоторый смыслъ. Погруженые весь вѣкъ въ житейскія хлопоты, они сами неспособны обдумывать возможный исходъ того или другого предпріятія, и поэтому обращаются къ оракулу. Ни семейные, ни дѣловые вопросы не рѣшались безъ „ребе", и никакой дурной исходъ не могъ поколебать вѣру въ него.

Замѣчательно, что не только низшіе слои народа того края поклонялись этимъ фетишамъ, но и средніе, псевдо-интеллигентные. Не могу забыть, какъ нашъ кассиръ Д. (родственникъ Гинцбурга) просилъ отпустить лошадей для его жены, чтобы съѣздить въ ближайшій городъ, а поѣхала она—въ Тальное. Какъ мужъ и жена ни скрывали, я узналъ секретъ этой поѣздки, и по возвращеніи госпожи Д. прямо отправился узнать ея впечатлѣнія. Послѣ долгихъ увертокъ, она наконецъ излила предо мною свой восторгъ отъ лицезрѣнія цадика. „Какъ живетъ р. Дувидуню,

[1]) Умеръ осенью нынѣшняго года, въ Германіи.

еслибъ вы видѣли! Какъ онъ себѣ сидитъ въ серебряныхъ креслахъ за серебрянымъ столикомъ!“ [1]). О цѣли и результатѣ ея поѣздки, какъ и о разговорѣ съ ребе, я, конечно, ничего не могъ добиться.

Проживши полтора года въ Могильнѣ, я ее оставилъ въ 1870 г.

Н. Н.

(*Продолженіе будетъ*).

---

[1]) Этому цадику дѣйствительно преподнесли кресло и столикъ изъ массивнаго серебра. На спинкѣ кресла была надпись „דוד מלך ישראל“ („Давидъ, царь Израильскій“). Изъ за этой кощунственной надписи чуть не затѣялось дѣло; но р. Дувидъ имѣлъ сильную протекцію въ лицѣ владѣльца мѣстечка, графа П. Шувалова. Масса пріѣзжавшихъ туда поклонниковъ р. Дувида давала владѣльцу не мало дохода.

Изъ быта субботниковъ.

Воспоминанія сибирскаго субботника *).

Была весна 188... года, послѣ Пасхи. Я только что пришелъ изъ деревни на заимку (хуторъ съ примыкающими къ нему полями), чтобы помочь своимъ братьямъ въ весеннихъ работахъ. Въ одно ясное утро я, по приказанію старшаго брата, вскинулъ топоръ на плечи и отправился за гумно, гдѣ была сложена большая куча срубленныхъ березъ, и принялся рубить ихъ на дрова. На чистомъ воздухѣ, подъ ласкою весенняго солнца, я такъ увлекся своей незатѣйливой работой, что не слышалъ и не замѣтилъ долгое время звавшаго и наконецъ подошедшаго ко мнѣ вплотную подростка-племянника.

„Дядя Моисей, тебя зовутъ въ избу, велѣли скорѣй"—сказалъ онъ. Я подумалъ, что пора обѣдать, но взглянулъ на солнце и опредѣлилъ, что еще слишкомъ рано, не болѣе 10 часовъ утра. Воткнувъ топоръ въ чурбанъ, я приступилъ къ опросу посланца: „Зачѣмъ меня звали, Срулька?"—„Да я не знаю. Тетка Рива (младшая моя сестра) пріѣхала изъ дома и велѣла тебя звать скорѣе"...

Тутъ ужъ было задѣто мое любопытство, и я поспѣшилъ въ избу, взявъ на всякій случай и топоръ, думая, авось не придется вернуться къ прерванной работѣ.

Подходя къ избѣ, я увидѣлъ Илюху (такъ звали лошадь), запряженнаго въ телѣгу, вспотѣвшаго отъ быстрой ѣзды. Я догадываюсь; что-то особенно важное и спѣшное заставило сестру гнать лошадь и пріѣхать ко мнѣ.

Волнуясь, вхожу въ избу, и едва успѣлъ затворить за собой дверь, какъ сестра Рива обратилась ко мнѣ со словами:

---

*) Эти описанія быта могутъ служить дополненіемъ къ статьѣ того же автора: „Прошлое и настоящее сибирскихъ сектантовъ-субботниковъ", напечатанной въ „Евр. Старинѣ" 1913 г., вып. 1—2.—Ред.

— Моисей, тятя велѣлъ тебѣ сейчасъ-же ѣхать домой, тебя нужно тамъ.

— Зачѣмъ меня дома нужно?—задалъ я обычный вопросъ.

— А кто ихъ знаетъ! Пріѣхалъ какой-то больной еврей, говорятъ—рабинъ... И мнѣ тятя велѣлъ ѣхать за тобой.

Тутъ для меня уже все стало ясно: это еще одинъ изъ тѣхъ нерѣдко повторяющихся экзаменовъ, которымъ подвергалъ меня частенько мой отецъ предъ каждымъ новоприбывшимъ ученымъ евреемъ.

Дѣлать нечего, сѣлъ я съ сестрой въ телѣгу и поѣхалъ обратно въ деревню, сожалѣя въ душѣ о прерванной работѣ, о просторѣ искрившихся на солнцѣ лѣсовъ и полей, о серебристыхъ пѣсняхъ жаворонковъ...

Пріѣхавъ домой и распрягавъ лошадь, я вошелъ въ избу. Послѣ моего привѣтствія, я замѣтилъ лежащаго на кровати больного еврея, средняго роста, на видъ лѣтъ 40—45, со впавшими щеками, съ красивой черной бородой, съ выразительными умными глазами. Отецъ мой сейчасъ-же подвелъ меня къ больному и представилъ: „Вотъ, ребиньке, и мой сынъ пріѣхалъ; пожалуйста, ревизуйте его“...

Я подошелъ въ своемъ деревенскомъ костюмѣ, обутый въ бродни, съ нижней рубашкой на выпускъ, съ болтающимися „цицисами“ (мнѣ было лѣтъ 17)—настоящій мужикъ... Сказалъ больному שלום עליכם (миръ вамъ!) — и услышалъ въ отвѣтъ: עליכם שלום. Смѣривъ меня любопытнымъ взоромъ, больной тотчасъ всталъ съ кровати, едва передвигая ноги подошелъ къ столу и, раскрывъ лежавшій тамъ חומש (Пятикнижіе) на угадъ, подозвалъ меня, попросилъ прочесть и перевести на русскій языкъ (еврейско-нѣмецкаго я не зналъ); онъ указалъ, какъ помнится, на раскрывшійся отдѣлъ „Мишпатимъ“. Я прочелъ: ואם אסון יהיה ונתתה נפש תחת נפש, עין וכ׳—и перевелъ на русскій языкъ буквально: „И если вредъ будетъ, то отдай душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку“ и т. д. Онъ обрадовался, услышавъ мой переводъ; но сейчасъ-же меня спросилъ: какого я мнѣнія о такомъ законѣ? Я отвѣтилъ, что врядъ-ли существовалъ такой грубый законъ у евреевъ и что вѣроятно подъ этими словами скрывается иной смыслъ. Раввинъ, подтвердивъ мое предположеніе, началъ мнѣ объяснять на основаніи разныхъ коментаріевъ, что подъ словомъ תחת нужно понимать „деньги“, т. е. нужно платить штрафъ за учиненное другому тѣлесное поврежденіе.

Послѣ ряда другихъ объясненій на мой переводъ, онъ наконецъ далъ заключеніе моему отцу въ томъ смыслѣ, что я способенъ къ наукѣ, но меня не учили какъ слѣдуетъ. Мой отецъ очень огорчился такимъ выводомъ раввина. И тутъ-же предложилъ ему такой вопросъ:

— Не поздно-ли, ребиньке, моему сыну еще учиться?

— Нѣтъ, ребъ Зхарій: лучше поздно, чѣмъ никогда.

— Но, ребиньке, здѣсь нѣтъ хорошихъ учителей.

— Его необходимо отправить въ Россію, тамъ его научатъ тому, что онъ пропустилъ—посовѣтовалъ раввинъ.

— Я бы съ радостью отправилъ; но какъ отправить, съ кѣмъ отправить? Вотъ если-бы попался знающій человѣкъ, какъ вы, ребиньке, я бы отправилъ.

— Вотъ что, ребъ Зхарій: я отъ души жалѣю вашего сына, что его плохо учили. Только ради того, что вы גרים (обращенные) и пострадали за еврейскую вѣру, а также ради возвеличенія Торы—какъ написано: ה׳ חפץ למען צדקו יגדיל תורה (Господь желаетъ ради правды своей возвеличить Тору)—я готовъ вамъ служить. Обѣщаю вамъ, что когда буду возвращаться въ добромъ здоровьи въ Россію, я заѣду къ вамъ и возьму вашего сына съ собой, а вы къ тому времени приготовьтесь.

Мой отецъ съ радостью согласился на предложеніе раввина.

Изъ разспросовъ у моего отца, а частью изъ словъ раввина, я нѣсколько познакомился съ его миссіей: онъ былъ посланецъ (משולח) отъ ковенскаго раввина Ицхокъ-Эльхонона, съ порученіемъ объѣхать Сибирь до Благовѣщенска и собирать деньги на нужды раввинскихъ училищъ въ Россіи. По пути въ Сибирь онъ заболѣлъ тифлитомъ, отъ котораго могла его спасти только операція умѣлаго хирурга. Онъ продолжалъ путь въ надеждѣ на иркутскихъ врачей. Когда пріѣхалъ въ наше село Зиму (Иркутской губерніи), мѣстные богачи-евреи не пожелали его помѣстить у себя, какъ непріятнаго больного, и упросили моего отца пріютить на нѣсколько дней россійскаго раввина. А мой отецъ и радъ былъ такой чести имѣть у себя въ домѣ гостемъ раввина, хотя бы и больного; дорогъ былъ ему случай поговорить о религіозныхъ дѣлахъ съ высокоученымъ евреемъ, еще разъ провѣрить мои познанія и услышать мнѣніе обо мнѣ такого авторитетнаго человѣка. Для отца это было цѣннѣе золота.

Пробывъ весь этотъ день дома, поговоривъ о разныхъ религіозныхъ предметахъ съ раввиномъ, который оказался очень

пріятнымъ собесѣдникомъ, — я къ вечеру того-же дня уѣхалъ обратно на заимку, внутренно радуясь пріятной перспективѣ быть въ Россіи и подготовиться къ должности рѣзника—„шойхата“. Я уже радовался, что исполнится наконецъ моя давнишняя мечта, что наконецъ я буду имѣть возможность заработать свой насущный хлѣбъ, обучать своихъ темныхъ собратьевъ еврейскому закону, и при томъ буду имѣть возможность оставить непосильную мнѣ крестьянскую работу, хотя я ее любилъ и люблю. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія раввина и горячо молилъ Бога, чтобы Онъ послалъ ему скорое исцѣленіе черезъ иркутскихъ врачей и далъ ему возможность съ успѣхомъ исполнить богоугодное порученіе.

II.

Въ нашемъ селѣ жилъ еврей-учитель, котораго запросто звали Гриша или Гришка. Это былъ плечистый молодой человѣкъ, лѣтъ 30 на видъ, здоровякъ, росту выше средняго, блондинъ; обликъ у него былъ интеллигентскій. Онъ носилъ блузу-косоворотку, подпоясанную ремнемъ, и щегольскіе лакированные сапоги. По русски говорилъ чисто, съ едва уловимымъ еврейскимъ акцентомъ. Характера былъ мягкаго, уживчиваго, но при спорахъ—особенно по Библіи—держалъ себя вызывающе и не терпѣлъ возраженій. Онъ былъ глубокій знатокъ еврейскаго языка и чуть-ли не наизусть зналъ весь „Танахъ“ съ коментаріями знаменитыхъ ученыхъ.

Я замѣтилъ въ его характерѣ одну особенную черту: онъ не могъ хладнокровно говорить съ учеными евреями, которые изрѣдка появлялись на нашемъ деревенскомъ горизонтѣ: съ „магидами“, „мешулахами“ и тому подобными благочестивыми странниками. Сталкиваясь съ ними, нашъ Гришка, что называется, былъ какъ на иголкахъ и какъ будто мстилъ имъ за что-то. Въ бесѣдахъ и спорахъ съ ними онъ, бывало, поставитъ какой-нибудь трудный вопросъ изъ Библіи или Талмуда, и поднимется при этомъ такой шумъ, посыплются съ обѣихъ сторонъ, какъ стрѣлы, цитаты, и пойдетъ такая жаркая война, что на десятомъ дворѣ слышно. И мнѣ казалось: приди въ этотъ моментъ самъ „Мойше раббену“ и разрѣши имъ предметъ спора, они-бы не разошлись, пока одинъ не побѣдилъ-бы другого. Въ такихъ стычкахъ я всегда замѣчалъ, что побѣдителемъ оставался Гриша. Бывали, однако, иногда и мирныя встрѣчи. Это

случалось тогда, когда странникъ не претендовалъ на ученость, либо не желалъ спорить со всякимъ встрѣчнымъ; такой, бывало, съ первыхъ-же словъ Гришки молчаливо пожметъ плечами и отходитъ прочь.

Между нами, субботниками, Гришка держался на одной линіи съ простымъ рабочимъ человѣкомъ. При недостаткѣ рабочихъ рукъ онъ всегда съ большой охотой помогалъ крестьянамъ. Вообще, онъ обыкновенно ничѣмъ не отличался отъ простого деревенскаго мужика, умѣлъ говорить просто, по мужицки. Смотря на него, я всегда задавалъ себѣ одинъ и тотъ-же вопросъ: зачѣмъ это понадобилось нашей святой Торѣ засѣсть въ этой мужицкой головѣ? Но при этомъ невольно вставала въ памяти притча рабби Меера: „Не смотри на кувшинъ, а на то, что есть въ немъ". Кувшинъ здѣсь былъ самый что ни на есть обыкновенный, ничѣмъ не украшенный, и никто, вѣроятно, не догадался-бы, что въ немъ не обыкновенное молодое вино, а старое, престарое.

Припоминается мнѣ, какъ у одного субботника, съ большимъ семействомъ взрослыхъ сыновей, находился Гришка въ качествѣ работника. Однажды все семейство сидѣло за столомъ и кушало свою незатѣйливую похлебку изъ общей чашки, поставленной по серединѣ стола. Въ это время входитъ въ избу еврей среднихъ лѣтъ, въ длиннополомъ кафтанѣ, съ повязаннымъ карманнымъ краснымъ платкомъ на шеѣ, съ пейсами, повидимому—только что пріѣхавшій. Поцѣловавъ „мезузу", онъ привѣтствовалъ обѣдающихъ: „шоломъ алейхемъ"! Ему отвѣтили: „алейхемъ шоломъ". Странникъ съ любопытствомъ разглядывалъ какъ самихъ хозяевъ, такъ и простое убранство помѣщенія и скудную трапезу. Хозяева обратились къ нему съ вопросомъ:

— Что скажете хорошаго, реба? [1]).

— Мнѣ сказали, что тутъ живутъ субботники, и я зашелъ просить „недово" (пожертвованіе)—отвѣтилъ на ломанномъ русскомъ языкѣ прибывшій.

— Реба, вы скажите намъ по русски, что вы просите: мы малограмотные—смущенно отвѣтилъ хозяинъ.

— Я бѣдный, нуждающійся; у меня большое семейство въ Россіи. Помогите мнѣ деньгами.

[1]) Именемъ „реба" субботники называли всякаго пріѣзжаго изъ Россіи еврея, отличавшагося своимъ обликомъ и одеждой отъ мѣстныхъ сибирскихъ евреевъ.

— Матушка,—обратился хозяинъ къ старушкѣ преклонныхъ лѣтъ,—есть-ли у насъ деньги-то?

— Да гдѣ имъ быть-то? Давеча пастухъ приходилъ за деньгами, я отдала ему два рубля, одинъ гривенникъ остался.

— Дай ему, матушка, гривенникъ. Богъ велѣлъ послѣднимъ помогать бѣднымъ.

Старушка поискала на полкѣ, достала березовый туизъ [1]), порылась въ немъ, нашла узелокъ и, бережно его развязавъ, достала свою оставшуюся казну, заключавшуюся въ двухъ мѣдныхъ пятакахъ. Вручивъ ихъ страннику, она сказала:

— Вотъ, реба, возьмите, пожалуйста. Не осудите насъ... все отдала.

— Этого-же мало, совсѣмъ мало,—возразилъ недовольно реба.

— У насъ нѣту теперь, реба; другое дѣло осенью.... тогда больше бываетъ, а теперь весна, намъ взять негдѣ—пояснилъ хозяинъ.

— Ничего, вы такіе хорошіе люди.... вы лучше евреевъ исполняете... вамъ Богъ дастъ больше... Пусть ваша матка еще поищетъ на полкѣ, пожалуйста—льстиво продолжалъ просить бѣднякъ.

Обѣдающіе сотворили послѣобѣденную молитву (въ горячее рабочее время читается только краткая молитва: „Благословенъ Ты, Господи, Царь міра, сотворившій многія живыя существа съ ихъ потребностями" и т. д.) и вышли изъ за стола. Странникъ, услышавъ краткую молитву, обратился наставительно къ присутствующимъ:

— Такъ нельзя „бенчить" (совершать благословеніе). Нужно „бенчить" изъ „сидора" (молитвенника). Дайте-же мнѣ „сидоръ", и я вамъ покажу, гдѣ стоитъ „бенчинъ"... Я-же знаю, я много учился и васъ научу; а такъ скоро „бенчить" нельзя... грѣхъ!...

— „Какъ грѣхъ!—вдругъ выпалилъ одинъ изъ молодыхъ работниковъ хозяина (это былъ Гришка). Въ какой книгѣ указанъ этотъ грѣхъ?!... Грѣхъ вымогать послѣдніе гроши у бѣднаго рабочаго!"... И переходя съ русскаго на еврейско-нѣмецкій языкъ, Гришка сталъ сыпать цитатами изъ Библіи, Талмуда и Мидраша на голову растерявшагося, стоявшаго съ разинутымъ ртомъ, еврея-странника, который не успѣлъ отвѣтить ни на одинъ изъ вопросовъ, заданныхъ Гришкой. Ошеломленный Гриш-

[1]) „Туизъ" (названіе бурятское или монгольское)—круглая коробка изъ бересты, служащая какъ для разныхъ жидкостей, такъ и сухихъ предметовъ, въ домашнемъ обиходѣ сибиряка.

киной ученостью, нашъ странникъ униженно попросилъ извиненія и, поблагодаривъ хозяевъ за подаяніе, смущенно удалился.

Другой подобный случай былъ у субботника на Тайтурскихъ заимкахъ. Сюда пришли два странника-еврея и предложили свои услуги въ качествѣ учителей, выхваляя свои глубокія знанія по части еврейскаго языка. Гришка былъ на гумнѣ и помогалъ молотить, когда зашли евреи къ моему шурину съ этимъ предложеніемъ. За Гришкой послали, какъ будто за хозяиномъ, для веденія переговоровъ. Онъ зашелъ въ избу, прикинулся сначала простымъ мужикомъ-неучемъ и спросилъ странниковъ: почемъ-бы они взяли за ученіе съ мальчика въ мѣсяцъ?

— Меньше трехъ рублей въ мѣсяцъ мы не согласимся, и на вашихъ харчахъ—предложили евреи.

— А сколько вы можете набрать дѣтей?—спросилъ Гришка.

— Насъ двое, и мы можемъ набрать человѣкъ 30.

— Пожалуй, у насъ на это будутъ согласны всѣ наши заимскіе—сказалъ Гришка. Только вотъ избы подходящей не найдемъ—раздумывалъ вслухъ мнимый хозяинъ.

Въ это время одинъ изъ странниковъ, который былъ помоложе, потирая руки отъ пріятной надежды заработать около ста рублей въ мѣсяцъ, обращается къ старшему своему товарищу на жаргонѣ:

— Знаешь, что я думаю? Вотъ если-бы намъ удалось получить у нихъ мѣсяца за два или за три впередъ и удрать отъ нихъ прямо въ Америку, не плохое дѣльце мы бы съ тобой сдѣлали, а? какъ ты думаешь?

— Да не дурно-бы, если бы удалось ихъ уговорить, этихъ гоевъ,—согласился его товарищъ.

Гришка, дѣлая видъ, что не понимаетъ ихъ разговора, внутренно уже волновался и рѣшилъ отомстить имъ за обманъ какъ можно чувствительнѣе. У него уже созрѣлъ планъ мести. Онъ тотчасъ-же пригласилъ въ избу и остальныхъ членовъ семьи, да попросилъ еще нѣсколько человѣкъ-сосѣдей, какъ-бы на совѣщаніе по этому вопросу. Минутъ чрезъ 15 были уже въ сборѣ всѣ родные и нѣсколько ближнихъ сосѣдей. Когда переговоры уже подходили къ концу, Гришка вдругъ задалъ вопросъ странникамъ:

— А все таки, реба, вы намъ скажите откровенно: вы хорошо знаете по еврейски? Мы вѣдь люди неграмотные.

— Какъ-же! какъ-же! Мы много учились и другихъ учили. Если есть у васъ еврейская книга, я сейчасъ вамъ покажу, какъ я знаю—отвѣтилъ одинъ.

— Вотъ есть какая то еврейская книга. И доставъ съ полки „хумешъ", Гришка раскрылъ его на угадъ.—Ну-ка, реба, почитай намъ и разскажи, что въ этой книгѣ написано.

Еврей началъ читать, но безграмотно, и объяснялъ прочитанное изъ своего вымысла. Гришка, долго не слушая его чепухи, сѣлъ съ нимъ рядомъ за столъ и, указывая въ хумешѣ, возражалъ сначала мягко: „Слушай-ка, реба, мнѣ кажется, что это не такъ я слышалъ, а вотъ этакъ".

Странникъ, озадаченный такимъ оборотомъ, сильно смутился предъ собравшимися субботниками. А Гришка продолжалъ снова указывать въ книгу: „А здѣсь, реба, какъ?"

А реба уже совсѣмъ неувѣренно прочелъ и буркнулъ какое-то нелѣпое объясненіе.

— Врешь!.. Обманщикъ, жуликъ, шарлатанъ! Это не такъ!— запальчиво кричалъ Гришка. Это вотъ какъ! — И объясняя значеніе текста, Гришка все больше наступалъ на „ученыхъ".—Такъ-то хотите учить темныхъ людей?—кричалъ онъ. Собрать деньги, да уѣхать въ Америку!.. Хороши учителя!.. Можно на васъ положиться, можно вамъ довѣрить дѣтей этихъ бѣдныхъ?!.. Вы ихъ научите!..

Забившись въ самый уголъ за столомъ, нашъ новоявленный учитель, вытаращивъ глаза отъ страха, стоялъ ни живъ ни мертвъ. Другой, помоложе, также съежившись забился гдѣ-то въ другомъ уголкѣ, блѣдный отъ испуга. А Гришка перешелъ съ русскаго на еврейско-нѣмецкій языкъ и принялся за нихъ, что называется, во всю: все вылилъ на ихъ бѣдную голову. Натѣшившись до сыта, высказавъ все, что было на душѣ, нашъ обличитель опять перешелъ на русскій языкъ:

— Теперь идите себѣ на здоровье туда, откуда пришли. Да берегитесь заходить къ субботникамъ; у нихъ нѣтъ мѣста такимъ жуликамъ-учителямъ. Стыдно вамъ, братья-евреи, противъ насъ, темныхъ, такъ поступать! Въ хумешѣ сказано: ולפני עור לא תתן מכשול—„Передъ слѣпымъ не клади, чтобъ онъ упалъ"—поучалъ Гришка вслѣдъ уходившимъ въ сильномъ смущеніи странникамъ.

III.

Вотъ этотъ-то Гришка и появился на нашей улицѣ въ одинъ изъ субботнихъ дней. Помню ту субботу, когда я его встрѣтилъ первый разъ. Я тихо шелъ по Набережной улицѣ, наслаждаясь теплымъ лѣтнимъ днемъ и субботнимъ отдыхомъ. Тутъ я замѣтилъ идущихъ мнѣ на встрѣчу двухъ человѣкъ, одного знакомаго субботника, а другого незнакомаго. Встрѣтившись, мы привѣтствовали другъ друга: „Гутъ шабесъ!“ Незнакомый молодой человѣкъ, въ бѣлой блузѣ, опоясанной шелковымъ поясомъ съ болтающимися длинными кистями, подавая мнѣ руку, сказалъ: „Шаломъ алейхемъ!“ Незнакомецъ, оказавшійся Гришею, сказалъ мнѣ, что былъ уже нѣсколько разъ у меня дома, но не засталъ, и что мой отецъ хвасталъ моими познаніями въ еврейской наукѣ. „И я не могъ болѣе ждать—прибавилъ онъ—и пошелъ искать васъ, чтобы лично убѣдиться въ вашихъ познаніяхъ“. Я постарался объяснить ему, что я не настолько грамотенъ, какъ отецъ мой, по своей неграмотности, полагаетъ. Мы пошли рядомъ по дорогѣ къ моему дому, поддерживая разговоръ на интересующій его предметъ.

Когда мы вошли въ домъ, Гришка взялъ со стола Библію съ русскимъ переводомъ и открылъ на книгѣ пророка Исаіи, гдѣ была заложена изъ бумаги замѣтка; замѣтку онъ передалъ мнѣ. Я взялъ изъ его руки небольшой листокъ бумаги, исписанный скорописнымъ еврейскимъ шрифтомъ. То была записка, которую онъ, увѣренный въ моемъ знаніи еврейскаго языка, оставилъ для меня въ моемъ отсутствіи и заложилъ въ книгу. Лишь только я взглянулъ на письмо, я увидѣлъ свою темноту и вспомнилъ всѣхъ моихъ учителей, мысленно посылая горькіе упреки по ихъ адресу... Однако, я держалъ въ рукахъ письмо, дѣлая видъ, что читаю; а на самомъ дѣлѣ я соображалъ въ это время: въ какой формѣ мнѣ высказать этому человѣку, ждавшему отъ меня отвѣта, что я недостаточно подготовленъ къ чтенію древнееврейскихъ писемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не устыдить моего отца, тоже ожидавшаго моего отвѣта, и не выставить себя невѣждой, недоучкой. И я рѣшилъ наконецъ увернуться, сказавъ, что я плохо разбираюсь въ разныхъ почеркахъ еврейской скорописи и что мнѣ нужно нѣкоторое время, чтобы разобрать письмо, почеркъ котораго отличается отъ привычнаго для меня способа писанія. Но Гришка, не желая меня вводить въ

смущеніе, взялъ обратно изъ моихъ рукъ письмо и прочелъ самъ. Въ моей памяти сохранились только начальныя слова его письма: שלום לכבוד אהובי ידידי מו״ה.

Изъ всего письма я уловилъ нѣсколько понятныхъ для меня словъ; общій же смыслъ его для меня былъ непонятенъ. Дѣло въ томъ, что всѣ мои бывшіе учителя заставляли меня только механически заучивать „иври", безъ объясненія смысла и грамматическихъ формъ отдѣльныхъ словъ. Всѣ молитвы и часть „хумеша" были выучены мною наизусть, совершенно безъ всякаго объясненія. И до сихъ поръ предо мною встаетъ все одинъ и тотъ-же вопросъ: гдѣ была у этихъ учителей совѣсть брать деньги, деньги бѣднаго хлѣбопашца, заработанныя пóтомъ и кровью, и не научить самому необходимому въ жизни еврея, не утолить духовной жажды нуждающагося въ Торѣ субботника, совершенно темнаго и не сознающаго, что его обманываютъ? А вѣдь всѣ эти учителя были болѣе или менѣе свѣдущи въ еврейской литературѣ, ибо всѣ они были выходцы изъ Россіи, изъ центровъ черты еврейской осѣдлости: изъ Вильны, Ковны, Могилева и др. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Шкловскій, былъ даже съ высшимъ образованіемъ и зналъ кромѣ еврейскаго—нѣмецкій, англійскій, французскій языки. Обучаясь у этихъ учителей, я былъ много разъ свидѣтелемъ споровъ ихъ съ мѣстными шойхатами или проѣзжавшими случайно „мешулахами" и „магидами", причемъ цитировались коментаріи Раши, Мишна и другія книги.

По прочтеніи своего письма, Гришка открылъ снова Библію и началъ очень живо и бойко объяснять по русски прочитанный еврейскій текстъ, не заглядывая въ русскій переводъ. Я внимательно его слушалъ. При чтеніи Гришка щелкалъ орѣхи, бросая скорлупу на столъ и на книгу; мнѣ очень не понравилась такая небрежность со стороны Гришки,— но я умолчалъ, прощая ему за его ученость. Моя мать עליה השלום, вынувъ изъ печки „чугунъ" съ кипяченной водой, поставленный съ пятницы, заварила чай и угостила насъ. Я замѣтилъ Гришкѣ: почему онъ писалъ въ субботу? Онъ мнѣ полушутя и полусерьезно отвѣтилъ, что онъ любитъ указывать другимъ ошибки и проступки по части религіи, а самъ неохотно исполняетъ. За чаемъ мы долго бесѣдовали о разныхъ религіозныхъ и историческихъ вопросахъ, въ которыхъ онъ оказался большимъ знатокомъ. Затѣмъ мы отправились гулять по улицамъ деревни, а къ вечеру распрощались какъ хорошіе знакомые.

IV.

За все время пятилѣтняго пребыванія Гришки въ Зимѣ и моего знакомства съ нимъ, я не замѣтилъ ничего предосудительнаго въ его поведеніи, да и отъ другихъ моихъ родныхъ и знакомыхъ не слыхалъ о немъ ничего худого. Онъ жилъ тихо и скромно. Часто въ бесѣдахъ съ Гришкой я старался навести разговоръ на тему о его происхожденіи и прежней жизни; но онъ всегда ловко уклонялся и неохотно объ этомъ говорилъ.

Мои отношенія съ Гришкой были дружескія. Какъ я, такъ и онъ имѣли на Субботницкой улицѣ, по сосѣдству, каждый свой многолюдный „хейдеръ", и оба мы были на хорошемъ счету у субботниковъ: онъ—какъ болѣе свѣдущій въ еврейской наукѣ, а я—какъ старый русско-еврейскій учитель, болѣе практикъ въ начальномъ преподаваніи. Въ свободное отъ занятій время мы иногда сходились съ Гришкой для собесѣдованія о разныхъ вопросахъ жизни, въ особенности религіознаго характера. И я съ большимъ интересомъ слушалъ его объясненія на трудныя для меня мѣста въ Библіи.

Все, что мнѣ удалось узнать стороной — по сообщеніямъ моего родственника изъ села Тайтурки — о прежней жизни Гришки, мало удовлетворяло по своей неясности. Знали только, что онъ выходецъ изъ Одессы. Фамиліи его никто не зналъ; причина появленія его въ Сибири тоже была неизвѣстна. Онъ сначала появился въ Тайтуркѣ, но пробывъ тамъ недолго, ушелъ въ Зиму, гдѣ первоначально жилъ въ работникахъ у двухъ православныхъ крестьянъ, а потомъ попалъ въ работники къ субботнику: тутъ онъ назвалъ себя тоже субботникомъ.

Объ этомъ моментѣ трогательно разсказывалъ мнѣ самъ Гришка: „Живу день, живу другой у нихъ (субботниковъ), работаю вмѣстѣ съ ними—ничего особеннаго не замѣчаю; только и замѣтилъ, что иконъ нѣтъ; но я не придалъ этому никакого значенія: я уже живалъ у разныхъ сектантовъ и привыкъ къ такимъ случайностямъ. Но вотъ возвращаюсь съ работы въ пятницу вечеромъ, захожу въ избу, смотрю — и глазамъ своимъ не вѣрю... Богъ ты мой! Свѣчи субботнія горятъ... Столъ бѣлой скатертью накрытъ, два хлѣба подъ салфеткой: хозяева—братья стоятъ съ книжками въ рукахъ около свѣчей и молятся; все семейство торжественно настроено... Вспомнилъ тутъ я себя, горемычнаго!.. Мое сердце до боли сжалось. Слезы подступили къ

глазамъ. И чтобы тутъ-же не заплакать и не нарушить субботняго покоя, я поторопился выдти на дворъ и тамъ, за угломъ, разрыдался какъ сирота-ребенокъ, нашедшій свою пропавшую мать... Я долго плакалъ. Я оплакивалъ свое скитаніе по чужимъ краямъ и людямъ, и плакалъ отъ радости, что попалъ опять къ свомъ братьямъ по вѣрѣ. Когда я успокоился и опять вошелъ въ избу, хозяева еще молились.

„Я подошелъ къ одному изъ нихъ и заглянулъ въ молитвенникъ; вижу, молятся по русски изъ переводнаго еврейскаго „сидора". Въ это время одинъ изъ братьевъ, окончивъ молитву, положилъ „сидоръ" на столъ и привѣтствовалъ семейство: „Гутъ шабесъ!" Я осторожно, какъ-бы неграмотный, открылъ молитвенникъ и смотрю, и не могу насмотрѣться на эти родныя слова. А хозяева на меня съ удивленіемъ смотрятъ и спрашиваютъ: „Что, Григорій, видно не про тебя писано?" Тутъ я не утерпѣлъ и говорю: „Нѣтъ, пожалуй, тутъ про меня больше писано",—и указывая имъ на правую сторону „сидора", началъ читать по еврейски, объясняя въ то-же время по русски. Они такъ и остолбенѣли отъ удивленія. „Да какъ-же это такъ? Простой русскій мужикъ-работникъ—и такъ хорошо знаетъ по еврейски!" Тутъ я имъ открылся, назвавъ себя тоже субботникомъ".

Изъ Зимы Гришка попалъ, за пропаганду еврейства и привлеченіе молоканъ въ субботники, въ уѣздную тюрьму. Изъ тюрьмы бѣжалъ на пріиски. Пробывъ нѣкоторое время на пріискахъ, возвратился и опять пришелъ въ Тайтурку. Это было въ 1892 году. Здѣсь онъ учительствовалъ одну зиму на Тайтурскихъ субботническихъ заимкахъ. А предъ Пасхой опять уѣхалъ на пріиски. И уже болѣе не возвращался и не подавалъ о себѣ никакихъ вѣстей.

Гдѣ онъ, что съ нимъ, живъ-ли онъ—неизвѣстно и до настоящаго времени.

Но я забѣгаю впередъ. Вернусь къ болѣе раннему времени, когда Гришка еще жилъ среди насъ.

V.

Прошло лѣто съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ отъ насъ больной раввинъ, „мешулахъ". Уже глубокая осень развернулась со своими мрачно-сѣрыми днями. Давно остались позади ימים נוראים со своими жутко-пріятными настроеніями, прошелъ и веселый

סוכות и шумный שמחת תורה. Прожита поэзія. Наступила будничная проза. Предъ глазами вставалъ призракъ суровой деревенской зимы. Какъ неотлучный ея спутникъ, вставалъ предо мной и „хейдеръ“, гдѣ я дѣлился съ учениками немногими познаніями. Я уже успѣлъ заполучить нѣсколько учениковъ и подумывалъ черезъ недѣлю начать свой педагогическій трудъ.

Въ это время дошелъ до меня слухъ, что возвращается изъ своей поѣздки по Амуру больной раввинъ. Онъ не забылъ своего обѣщанія моему отцу и, заѣхавъ въ Зиму, явился къ намъ узнать, не раздумалъ-ли мой отецъ послать меня учиться. При встрѣчѣ съ раввиномъ я почти не узналъ его: до того измѣнились его черты къ лучшему. Это была уже не та сгорбленная, исхудалая фигура, которую я видѣлъ весной, а полный, спокойный и симпатичный на видъ мужчина; только одни глаза его мнѣ напомнили, что это тотъ-же „мешулахъ“, который отдыхалъ у насъ весной.

Послѣ свиданія моего отца съ раввиномъ и переговоровъ съ нимъ, отецъ мнѣ объявилъ, что меня и Срульку (сына моего брата) рѣшили отправить съ раввиномъ „въ Россію“, чтобы учиться въ тамошнихъ іешиботахъ „на шойхата“. Насъ уже стали приготовлять къ отъѣзду. Были-ли какія нибудь условія между раввиномъ и отцомъ, я не знаю; раввинъ часто къ намъ заходилъ и подолгу бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ (онъ уже не квартировалъ теперь у насъ, а у мѣстнаго богача-еврея). Но я замѣчалъ у отца какое-то смутное, пожалуй—безпокойное отношеніе къ нашей отправкѣ. Онъ не зналъ, какъ насъ отправить, гдѣ мы будемъ находиться во время ученія, въ какомъ положеніи мы очутимся въ Россіи. А у меня уже голова закружилась отъ мысли, что я уѣзжаю учиться, что близко осуществленіе моихъ радужныхъ мечтаній...

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней зашелъ къ моему отцу Гришка. Разговоръ коснулся нашей поѣздки въ Россію. Едва лишь Гришка уловилъ эту новость, онъ энергично запротестовалъ противъ поѣздки. Онъ сталъ доказывать моему отцу всю несообразность этого плана, причемъ нарисовалъ ему не особенно привлекательную картину россійскихъ іешиботовъ. „Вашъ сынъ— говорилъ онъ—по скромности своего характера будетъ тамъ голодать, и на него никакого вниманія не будутъ обращать. Онъ будетъ питаться изъ общаго котла, будетъ безъ квартиры, безъ ночлега, гдѣ попало, валяться, натерпится холоду и голоду“. И много другого непригляднаго рисовалъ Гришка. Можетъ быть,

онъ былъ и правъ и имѣлъ основаніе говорить такъ; но я былъ противъ его вмѣшательства не въ свое дѣло.

Послѣ доводовъ Гришки, рѣшеніе моего отца поколебалось; онъ уже готовъ былъ отказаться отъ нашей отправки. Но какъ сказать раввину, и что онъ подумаетъ послѣ этого о насъ? Эти мысли мой отецъ высказалъ Гришкѣ, а послѣдній посовѣтовалъ моему отцу предложить раввину взять насъ на свой столъ и слѣдить за нашими успѣхами въ наукѣ. „Я болѣе чѣмъ увѣренъ,—говорилъ Гришка,—что раввинъ не согласится на такое предложеніе. И вы тогда не останетесь въ долгу у раввина и мирно разойдетесь.

Послѣ этой непріятной для меня бесѣды, Гришка выразилъ желаніе лично увидѣться съ раввиномъ и поговорить съ нимъ относительно нашей поѣздки.

Я уже предвидѣлъ, какая картина встрѣчи произойдетъ у Гришки съ раввиномъ. Я не желалъ этой встрѣчи—не потому, что поѣздка наша разстроится: она и безъ того уже почти разстроилась; но мнѣ хотѣлось, чтобы уѣзжая раввинъ увезъ, если и не наилучшія воспоминанія о насъ, то по крайней мѣрѣ не непріятныя, а такія именно непріятности могъ причинить ему разговоръ съ неукротимымъ Гришкой. Къ сожалѣнію, помѣшать этой встрѣчѣ я не успѣлъ.

На другое утро раввинъ-мешулахъ зашелъ на мою половину, за нимъ слѣдомъ зашелъ и мой отецъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, разговоръ завязался о нашей поѣздкѣ и устройствѣ на мѣстѣ. Мой отецъ, желая удостовѣриться въ вѣрности того, что сказалъ Гришка о положеніи іешиботниковъ, приступилъ къ опросу:

— Правда-ли, ребиньке, что наши дѣти будутъ питаться изъ общаго котла?

— Откуда вы это знаете, ребъ Зхарій?

— Тутъ мнѣ одинъ знающій человѣкъ сказалъ.

— Да, ребъ Зхарій, иначе не можетъ быть. Въ такихъ условіяхъ находятся почти всѣ іешиботники въ Россіи: иные ходятъ ѣсть понедѣльно къ домохозяевамъ.

— Ребиньке, не возьмете-ли нашихъ дѣтей на свой столъ?

— Нѣтъ, ребъ Зхарій, на это я не могу согласиться. У меня своя немалая семья.

— А такъ, ребиньке, я не отправлю дѣтей, чтобы они тамъ мурцовку (пищу сомнительной свѣжести) хлебали.

Во время этого разговора неожиданно вошелъ Гришка. Представившись субботникомъ, онъ нѣкоторое время вслушивался въ разговоръ. Я уже замѣтилъ, что Гришка заволновался. Затѣмъ онъ, обращаясь къ раввину, съ дѣланнымъ спокойствіемъ сказалъ:

— Ребе, я малограмотный человѣкъ и не могу понять одно мѣсто въ Библіи. Разъясните мнѣ, пожалуйста.

— Какое это мѣсто, мой другъ?—спросилъ раввинъ.

— Зачѣмъ Богъ умертвилъ двухъ сыновей Ароновыхъ?

— Нѣтъ, мой другъ, малограмотные такого вопроса не задаютъ. И обращаясь къ моему отцу, мешулахъ спросилъ: кто это, ребъ Зхарій?

Но Гришка, не давъ отвѣтить моему отцу на вопросъ раввина, вдругъ заговорилъ быстро, съ жаромъ, переходя съ русскаго на еврейско-нѣмецкій языкъ, вставляя иногда по древнееврейски цитаты изъ Библіи. Раввинъ стоялъ противъ него, спокойно вслушиваясь, по временамъ пожималъ плечами и вставлялъ свои замѣчаніи или отвѣты. Его отвѣты были, должно быть, очень вѣскими, потому что Гришка еще больше разгорался каждый разъ послѣ короткихъ замѣчаній раввина. Онъ трещалъ, какъ огонь, когда въ него подбросятъ горючаго матеріала. И прислушиваясь къ лившемуся потоку словъ Гришки, я замѣтилъ, что онъ перешелъ уже отъ Библіи къ вопросу о нашей поѣздкѣ. Но на этотъ потокъ рѣчей и доводовъ Гришки раввинъ не обратилъ вниманія; онъ повернулся къ Гришкѣ спиной, сказавъ намъ, что не желаетъ говорить съ нимъ, и вышелъ, обѣщаясь потомъ зайти. Гришка также смущенно удалился, сказавъ отцу:

— Не отправляйте дѣтей на голодовку, Захаръ Лазаровичъ. Тому, чему они тамъ научатся, я берусь ихъ здѣсь научить даромъ, безъ копѣйки.

Эти слова Гришки остались одними обѣщаніями.

На другой день, предъ своимъ отъѣздомъ, раввинъ зашелъ къ намъ проститься. Онъ очень долго сидѣлъ у насъ, разспрашивая о Гришкѣ. Его личное мнѣніе о Гришкѣ было такое: это одинъ изъ лучшихъ учениковъ іешибота, изъ богатой аристократической фамиліи, но вкусившій плодовъ новыхъ идей и бѣжавшій за какой-либо важный проступокъ. Для вѣрующихъ—говорилъ раввинъ—это опасный человѣкъ. Если-бы я съ нимъ какъ слѣдуетъ объяснился, онъ могъ-бы наговорить мнѣ грубостей; но я считалъ для себя неприличнымъ въ такомъ тонѣ продолжать разговоръ; я не посланъ за тѣмъ, чтобы давать

поводъ первому встрѣчному скандалить со мной. Я вѣдь прошу Бога каждое утро, вставая, „избавить меня отъ дерзкихъ людей".

Раввинъ очень сожалѣлъ о нашей разстроившейся поѣздкѣ и обѣщалъ мнѣ выслать, если я ему напишу, необходимыя книги въ русскомъ переводѣ. Онъ записалъ свой адресъ въ нашей книгѣ „Танахъ", на первомъ листѣ, который и хранится какъ памятникъ о пережитыхъ мною пріятныхъ волненіяхъ, о моихъ былыхъ надеждахъ и мечтаніяхъ.

„Да, много замысловъ въ сердцѣ человѣка, но состоится только опредѣленное Господомъ".

М. Козьминъ.

Воспоминанія о послѣднихъ годахъ рекрутчины.

Многое писалось о той трагической порѣ старой рекрутчины, которая въ еврейской жизни ознаменовалась ужасами „кантонизма“ и „пойманничества“; но весьма рѣдко встрѣчаются въ мемуарахъ свѣдѣнія о позднѣйшемъ періодѣ рекрутчины, который протекалъ уже въ царствованіе Александра II, до введенія всеобщей воинской повинности въ 1874 году. Въ этотъ періодъ не было уже ни „кантонистовъ“, ни „пойманниковъ“, но сохранился еще институтъ „ловцовъ“ — вербовщиковъ рекрутъ, состоявшихъ на службѣ у старшинъ еврейской общины, отвѣтственныхъ за исполненіе рекрутскаго набора. Личными воспоминаніями объ этомъ моментѣ, сохранившимися у меня въ старыхъ записяхъ, я подѣлюсь здѣсь съ читателями „Еврейской Старины“ [1]).

Знавалъ я одного ловца, жителя нашего города Новогрудка, по имени „Бенце деръ хаперъ“ (Бенце-ловецъ) или „Бенце деръ мшоресъ“ (служитель общины). Это былъ мужчина плотный, съ толстою бычачьей шеей и изряднымъ брюшкомъ. Помню его такимъ, когда я былъ еще мальчикомъ, въ 60-хъ годахъ, въ эпоху ловли взрослыхъ и сдачи ихъ въ качествѣ охотниковъ. Сколько сыпалось на этого человѣка проклятій изъ устъ бѣдныхъ матерей, вѣчно боявшихся, что Бенце вотъ-вотъ похититъ ихъ сыновей и отдастъ въ „гойскія руки“, въ солдаты! Бывало увижу его, и страшная злоба бушуетъ во мнѣ. Проклятія, которыхъ даже нѣтъ въ библейской „тойхахѣ“, я посылалъ

[1]) Писано въ 1884 г., подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитаннаго тогда очерка Бенъ-Ами „Бенъ-юхидъ: быль изъ времени ловчиковъ“ (Восходъ 1884 г., кн. 1—2). Отрывокъ изъ этихъ же записей — разсказъ Менделя Лихтмахера о кантонистахъ — помѣщенъ въ Евр. Старинѣ 1909 г., т. II стр. 119 сл.

по его адресу и былъ увѣренъ, что Богъ воздастъ ему когда-нибудь за его жестокія дѣла. Я былъ увѣренъ, что надъ его сыномъ, миловиднымъ мальчикомъ моихъ лѣтъ, когда-нибудь стрясется такая же бѣда, какую его отецъ готовитъ другимъ юношамъ. Помню, я даже нравственно оправдывалъ такое воздаяніе сыну за мерзкую профессію его отца. Когда я однажды высказалъ такое мнѣніе одному изъ моихъ товарищей, видя, какъ Бенце водитъ по улицѣ за руку своего опрятнаго красавчика-сына, — товарищъ мой сказалъ: „Зачѣмъ ты клянешь мальчика? Вѣдь онъ ничѣмъ не провинился. Вотъ Богъ накажетъ отца его—это вѣрно". И мнѣ дѣйствительно суждено было увидѣть печальный конецъ этого Бенце.

Пока нуждались въ ловцахъ, онъ получалъ порядочное жалованье отъ общиннаго или кагальнаго управленія. Помню „дѣятельность" Бенце въ тѣ годы царствованія Александра II, когда облава на юношей призывного возраста еще продолжалась. Хватали молодыхъ людей, преимущественно низшаго, неимущаго класса, и сдавали въ солдаты даже и тогда, когда они не были „на очереди", т. е. не подлежали сдачѣ въ солдаты по семейному положенію. Такихъ внѣочередныхъ часто косвенно вынуждали продаваться въ „охотники", т. е. отбывать воинскую повинность за другихъ, очередныхъ, за денежное вознагражденіе. Большею частью общество хватало бѣдныхъ молодыхъ людей при помощи „ловцовъ" или чиновъ полиціи. Пойманныхъ юношей держали взаперти, подъ надзоромъ кагальныхъ служителей и полицейскихъ, при кагальной избѣ или же на съѣзжей при полиціи. Хватали такихъ молодыхъ людей заблаговременно, тотчасъ послѣ Кущей, въ сентябрѣ — октябрѣ, когда тѣ еще и не подозрѣвали опасности, такъ какъ пріемъ новобранцевъ бывалъ незадолго до Новаго года. Схваченныхъ молодыхъ людей кормили обильно, самыми вкусными яствами, въ особенности извѣстными на Литвѣ въ то время жареными гусями, шкварками („грибенесъ"), бѣлымъ хлѣбомъ и сдобными булками, поили водкой, а по временамъ водили къ женщинамъ въ публичные дома. Понятно, что въ подобныхъ попойкахъ и гуляніяхъ принимали участіе и кагальные служители, которые уговаривали молодыхъ людей „добровольно продать себя въ охотники" за 200 или 300 руб. Для этого „охотникъ" долженъ былъ объявить начальству, что онъ идетъ въ солдаты по доброй волѣ взамѣнъ кого-нибудь изъ очередныхъ. Еврейское общество имѣло право либо сдать охотника взамѣнъ очередного,

либо (если охотникъ шелъ внѣ очереди) получать за него зачетную квитанцію, которую можно было представить лицу, желающему освободиться отъ рекрутчины. Многіе изъ тѣхъ несчастныхъ молодыхъ людей, угнетенные бѣдностью, соглашались на это, зная, что въ случаѣ несогласія ихъ все равно сдадутъ: общество могло причислить ихъ къ какому нибудь большому семейству и превратить въ очередныхъ. Это было въ то время возможно потому, что подобные бѣдняки, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не были записаны въ „ревизской сказкѣ" и принадлежали къ разряду „нееломимъ"—утаенныхъ, пропущенныхъ въ спискахъ.

„Нееломимъ" находились въ положеніи безправныхъ паріевъ, дрожавшихъ не только передъ каждымъ полицейскимъ чиномъ, но и предъ своимъ братомъ, евреемъ, боясь въ особенности „мосеровъ" профессіональныхъ доносчиковъ. Эти безродные молодые люди не могли ни откуда ждать защиты. Не было у нихъ въ общинѣ вліятельныхъ родственниковъ, которые могли бы поднять протестъ или скандалъ—бить стекла у кагальныхъ заправилъ или „задерживать чтеніе Торы" въ синагогѣ—nit losen leienen—путемъ шумной обструкціи при субботнемъ богослуженіи. Такимъ образомъ, беззащитные юноши поневолѣ соглашались продаваться, идти въ „охотники" (охвотники); общество же имѣло возможность усыпить свою совѣсть соображеніями вродѣ слѣдующихъ: „вѣдь онъ согласился, по доброй же волѣ идетъ въ солдаты, мы ему за это деньги даемъ".

Во время пребыванія подъ стражею, до пріема, многіе изъ „охотниковъ" буйствовали, шумѣли, устраивали драки; иные съ отчаянія предавались разгульной жизни, играли въ карты, пьянствовали, развратничали. Кагальные служители подстрекали ихъ къ такой жизни, притворно восторгаясь ихъ удалью и молодечествомъ. Кагальнымъ заправиламъ это было на руку, ибо давало имъ возможность оправдывать свою жестокость: „человѣкъ, молъ, все равно пропащій, испорченный, гультяй", настоящій „охвотникъ" [1]); не сдавать же порядочнаго молодого человѣка, богобоязненнаго, сына хорошаго „балабоса"...

Въ свою очередь захваченные иногда мирились съ своимъ новымъ положеніемъ, такъ какъ имъ на свободѣ было плохо: ремесла не знаютъ, заработковъ нѣтъ, слоняешься цѣлыми мѣ-

[1]) Слово „охвотникъ" (охотникъ) было въ свое время на Литвѣ у мѣстныхъ евреевъ нарицательнымъ именемъ человѣка безпутнаго, обжоры, пьяницы и дебошира.

сяцами голодный и холодный, чтожъ—по крайней мѣрѣ сытъ будешь: двухъ смертей не бывать, одной не миновать.

Но въ большинствѣ случаевъ кандидаты въ рекруты до последняго момента бывали въ отчаяніи, плакали, ругались, ломали руки, рвали на себѣ волосы. При всякомъ удобномъ случаѣ, съ опасностью для жизни старались убѣжать до „пріема", пренебрегая вкусными яствами и питіями и денежнымъ вознагражденіемъ въ 200—300 р., которое щедро предлагали родители „очередныхъ" этимъ бѣднымъ парнямъ. Тяжело было видѣть, какъ ихъ подъ сильнымъ конвоемъ водили по улицамъ—гулять, либо на попойку въ кагальную избу, чтобы задобрить ихъ. Еще болѣе жутко было видѣть, какъ „ловили" скрывавшихся юношей для водворенія въ „рекрутскую" впредь до пріема. Защищались они при этомъ отчаянно, какъ затравленные звѣри, причемъ бывали случаи смертоубійства. Выскочитъ изъ сосѣдней хаты или изъ-за угла мать захваченнаго или родственникъ съ полѣномъ или дубиной—и хвать конвой, въ особенности ловцовъ, почемъ попало! Но вотъ добыча поймана. Смертельно блѣдные, понуривъ голову, еле передвигая ноги, часто плача навзрыдъ, плетутся жертвы рекрутчины подъ конвоемъ ловцовъ и полицейскихъ, направляясь въ „рекрутскую" или на „пріемъ".

На нашемъ дворѣ была „съѣзжая" (помѣщеніе при полицейскомъ управленіи, гдѣ содержались арестанты). Помню, какъ однажды ночью мы всѣ въ домѣ были разбужены страшнымъ воплемъ и плачемъ. Это привели въ „полицію" захваченныхъ врасплохъ молодыхъ людей. Утромъ я увидѣлъ арестованныхъ сквозь желѣзную рѣшетку окна. Между ними были: „Лейбечке деръ бодъ-юнгъ"—городской забулдыга, босякъ, ночлежникъ въ общественной банѣ, „Липечке деръ шейгецъ" (уличный буянъ) и „Лейбечке деръ кишеникъ" (Левка карманщикъ). Всѣ они хоромъ пѣли заунывныя молитвенныя пѣсни—композиции нашего хазана. Помню, какъ пѣли они „рахмоно" изъ Селихотъ. Душу надрывали эти жалобные звуки. Всякій проходившій останавливался, проникаясь глубокою жалостью къ обездоленнымъ. Покачивая головою, бормотали прохожіе: „поютъ, несчастные, чтобы забыть свое тяжкое горе".

Когда съ 1874 года, послѣ введенія всеобщей воинской повинности, перестали нуждаться въ ловцахъ и цѣлой сворѣ кагальныхъ служителей этого типа, пошатнулось положеніе и нашего вербовщика Бенце Хапера. Лишенный главныхъ своихъ функцій, онъ сталъ получать изъ общинной кассы меньше жа-

лованья. На отставного ловца обрушились и семейныя несчастія. Зять Бенце, легковой извозчикъ, тотчасъ бросилъ свою жену. Женился онъ въ свое время на дочери Бенце, чтобъ заручиться покровительствомъ своего, тогда „сильнаго", тестя, который могъ его избавить отъ солдатской шапки; теперь же онъ разсчиталъ, что ему невыгодно поддерживать связь съ семьею „низложеннаго" кагальнаго служителя. Мало-по-малу Бенце сталъ лишаться доходовъ и наконецъ совсѣмъ пересталъ получать жалованье. Онъ охотно пошелъ-бы на поденщину, но достать работу въ бѣдномъ Новогрудкѣ не такъ то легко. И вотъ пошли въ услуженіе дѣти его; дочери поступили въ няньки; сынъ его, упомянутый выше юноша, пошелъ въ писцы.

Когда я спустя нѣсколько лѣтъ (1881) посѣтилъ Новогрудокъ, я былъ пораженъ, увидѣвъ Бенце. Не было и помину о его тучности. На лицѣ этого сгорбленнаго старика было какъ бы написано, что онъ періодически голодаетъ. Вдобавокъ онъ почти ослѣпъ. Весь его заработокъ состоялъ въ томъ, что онъ получалъ по временамъ копѣекъ 30—40 вознагражденія за созывъ членовъ общины на какое-нибудь совѣщаніе по общественному дѣлу („асифо"). Также посылали его созывать гостей на свадьбы, трапезы, обрѣзанія, помолвки и т. п., за что онъ получалъ пару злотыхъ (30—40 к.). Однажды, когда я стоялъ въ лавкѣ Моты деръ Эпелтрегеръ, жена лавочника, сердобольная женщина, завидѣвъ еле плетущагося Бенце, слабаго и хилаго, почти со слезами на глазахъ воскликнула: „Господи, это вѣдь живой мертвецъ! вѣдь онъ „таетъ отъ голода" (vergeht vun Hunger). Господи, гдѣ справедливость? И коня не оставляютъ, когда онъ дѣлается старъ. Бенце столько служилъ въ кагалѣ". Эта женщина своимъ простымъ, безхитростнымъ умомъ поняла, что Бенце, какъ служитель кагала, былъ только орудіемъ въ рукахъ общества и оказался козломъ отпущенія за мірской грѣхъ.

Замѣчательно, что Бенце никому не жаловался на свою судьбу; онъ сдѣлался молчаливымъ до болѣзненности. Каждый день можно было его видѣть аккуратно идущимъ въ синагогу, утромъ и вечеромъ. Онъ тамъ занималъ скромное мѣсто возлѣ дверей, тихо, набожно, съ сокрушеннымъ видомъ молился. По субботамъ онъ напяливалъ на себя какой-то ветхій балахонъ и чинно, всматриваясь въ даль своими подслѣповатыми глазами, шагалъ изъ своей квартиры за городомъ въ синагогу и обратно. Сердце бывало сожмется каждый разъ, когда встрѣ-

тишься съ нимъ. Казалось, что человѣкъ вотъ-вотъ упадетъ посреди улицы, истощенный голодомъ. Смиренно принималъ старикъ всѣ удары судьбы; безропотно перенесъ даже смерть своего единственнаго сына и кормильца. Сынъ его, молодой и красивый, довольно грамотный по русски, занималъ мѣсто письмоводителя у станового пристава въ нашемъ уѣздѣ и получалъ 25 рублей въ мѣсяцъ; но онъ простудился и черезъ короткое время умеръ отъ скоротечной чахотки.

Смерть сына окончательно подкосила Бенце, и онъ умеръ въ 1883 году. Разсказываютъ, что онъ умеръ отъ хроническаго голода и холода. Въ этихъ лишеніяхъ онъ видѣлъ искупленіе за свои грѣхи, содѣянные въ годы старой рекрутчины. Въ душѣ бывшаго „ловца", очевидно, теплилась искра Божія. Онъ искуплялъ въ сущности не столько свой личный грѣхъ, сколько грѣхъ своего поколѣнія.

С. Бейлинъ.

Матеріалы и сообщенія.

Изгнаніе евреевъ изъ Кіева по оффиціальной перепискѣ (1828—1831).

Съ момента новаго водворенія евреевъ въ Кіевѣ, съ 1794 года, мѣстное мѣщанство, желая избавиться отъ торговой конкурренціи, изыскивало всевозможные пути, чтобы добиться фактическаго изъятія матери городовъ русскихъ изъ черты еврейской осѣдлости. При Павлѣ и Александрѣ I эти попытки не имѣли успѣха; но въ началѣ царствованія Николая I кіевскіе купцы-христіане преуспѣли въ своемъ ходатайствѣ. Они откопали старую—весьма сомнительнаго происхожденія — привилегію польскаго короля Сигизмунда III, выданную кіевскимъ христіанамъ въ 1619 г. и предоставлявшую имъ право не допускать жительства евреевъ въ Кіевѣ. Тогдашній кіевскій губернаторъ Бухаринъ сдѣлалъ представленіе въ Петербургѣ, что неприлично быть еврейскому кагалу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ покоятся останки святыхъ угодниковъ. Результатомъ этихъ домогательствъ былъ указъ 2 декабря 1827 г. о выселеніи изъ Кіева всѣхъ евреевъ: неимѣющихъ домовъ въ теченіе года, а имѣющихъ недвижимость — въ теченіе двухъ лѣтъ. Это выдвореніе началось въ 1828 году, но окончилось значительно позже положеннаго срока—въ 1835 г. Въ этотъ промежутокъ времени кіевскіе евреи проявили изумительную энергію въ своей борьбѣ за право—разумѣется, доступнымъ тогда путемъ прошеній и ходатайствъ.

Всѣ перипетіи этой борьбы, дотолѣ извѣстной лишь въ общихъ чертахъ, раскрываются въ нижеслѣдующей оффиціальной перепискѣ, найденной нами въ архивѣ кіевскаго генералъ-губернатора. Помѣщенное здѣсь „кіевское дѣло“ обнимаетъ годы 1828—1831 и является существеннымъ дополненіемъ къ извѣстнымъ законодательнымъ памятникамъ и прочимъ оффиціальнымъ актамъ *), ярко освѣщая одну изъ самыхъ бѣдственныхъ годинъ еврейской исторіи въ Россіи.

---

*) Леванда: Сборн. закон. о евреяхъ, №№ 165, 207, 231, 271: Справка по еврейскому вопросу, изд. Канцеляріи Объедин. дворянства, вып. I, стр. 34—38 (1909). Ср. М. И. Кулишеръ. Евреи въ Кіевѣ (Евр. Стар. 1913 г., стр. 355 сл., 417 сл.). См. также для оцѣнки общей перспективы—Евр. Стар. 1912 г., стр. 380—382

№ 1. Прошеніе старѣйшинъ кіевскаго еврейскаго общества на Высочайшее имя (авг. 1828 г.).

Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь!

Удостоенные щастія быть въ числѣ вѣрноподанныхъ Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаемся надѣяться, что и мы не будемъ изъяты милосерднаго благовоззрѣнія, подобно многимъ единовѣрцамъ нашимъ, благословляющимъ отеческую благость Вашу, Государь справедливый.

Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества отъ 2-го Декабря 1827 года указомъ намъ, Евреямъ, воспрещено постоянное въ городѣ Кіевѣ жительство. Воля Монарха священна. Но сія же самая воля, 90-мъ параграфомъ образованія Государственнаго Совѣта, начертала дозволеніе: приносить жалобу на представленіе, послужившее основаніемъ даже Высочайшему указу.

Указъ Вашего Императорскаго Величества, воспретившій намъ въ городѣ Кіевѣ постоянное жительство, основанъ собственно на представленіи Кіевскаго Военнаго Губернатора. Но представленіе сіе противно закону и Высочайшей волѣ.

Хотя привиллегіею Короля Польскаго въ 1619 году воспрещено Евреямъ, не возбраняя однако же торговли, имѣть въ Кіевѣ свои домы, но указомъ блаженныя памяти премудрой Бабки Вашей, Императрицы Екатерины, 1794-го Іюля 23 дня, оная привиллегія по сему предмету уничтожена дозволеніемъ Евреямъ отправлять въ Кіевѣ купеческіе и мѣщанскіе промыслы съ записаніемъ въ гильдіи. Потомъ блаженныя памяти родитель Вашъ Императоръ Павелъ чрезъ Генералъ-Прокурора Обольянинова, 1801 г. Февраля 13-го дня съ № 2061, Кіевскому Генералъ-Губернатору Феншу, изъявить соизволилъ свою Высочайшую волю сими словами: „Евреевъ никуда не переселяя оставить на жительство въ Кіевѣ". И наконецъ блаженныя памяти братъ Вашъ Императоръ Александръ, поставляя волю Императрицы Бабки и Императора родителя превыше всякой другой воли, соизволилъ 1801 г. Декабря 29-го дня подтвердить для города Кіева только тѣ съ прежнихъ временъ присвоенныя права и привиллегіи, которыя по то время существовали безъ отмѣны. Слѣдовательно привиллегія, городомъ Кіевомъ въ 1619 году отъ Короля Польскаго полученная, самими Вашему Императорскому Величеству предшествовавшими Монархами въ отношеніи Евреевъ совершенно уничтожена, а вышеприведенными Монаршими 1794 и 1801 годовъ соизволеніями Евреямъ въ городѣ Кіевѣ безъисключительно предоставлено право Гражданства. Въ послѣдствіи же таковыхъ узаконеній, Министръ внутреннихъ дѣлъ, 1810 г. Генваря 22-го дня съ № 75, Кіевскому Гражданскому Губернатору еще сообщилъ Высочайшую волю сими словами: „Его Величество, усматривая, что Евреи начали селиться въ Кіевѣ по общему дозволенію съ 1794 г., и ихъ теперь тамъ 452 души; что еще съ 1801 года повелѣно изъ онаго ихъ не переселять; что грамота въ томъ же году Кіеву данная подтверждаетъ именно только тѣ права и преимущества, кои безъ отмѣны существуютъ и поколику оные сообразны съ общими постановленіями и законами, терпимость же Евреевъ въ ономъ съ законнаго дозволенія уже болѣе 15 лѣтъ существуетъ; что выселеніе ихъ сопряжено будетъ съ чрезвычайнымъ для нихъ разореніемъ, что по самому поло-

женію объ нихъ назначены для жительства ихъ преимущественно города, нежели села и деревни, гдѣ они не столько могутъ быть полезны; что если выходятъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ какіе-либо безпорядки, вообще по жительству и промысламъ, то оные должны прекращаться бдительностію Начальства и дѣйствіемъ законовъ,—Высочайше повелѣть соизволилъ: оставить Евреевъ въ Кіевѣ въ настоящемъ положеніи".

Общество Кіевское отъ Королей Польскихъ въ 1619 году и послѣ, если получало привиллегіи за службу противъ Россіи, то особенныя заслуги Евреевъ самой Россіи и Монарху удостоены отъ Его Величества Императора Александра, во 2-ой день Генваря 1813 года, слѣдующаго собственноручнаго изложенія: „Съ благоволеніемъ принимаю я службу народа Еврейскаго и его кагаловъ; надѣюсь, что они оправдаютъ мое довѣріе къ нимъ". А въ слѣдующій потомъ день именемъ Его Императорскаго Величества отъ Начальника главнаго Штаба изданъ Евреямъ охранный листъ не только отъ обидъ, притѣсненій и притязаній, но даже и отъ постоя. Однако же усердіе наше къ общественной и Государственной пользѣ столь велико, что не только всегда безпрекословно несемъ тяжесть постоя, но даже немедленно первые внесли въ городѣ Кіевѣ 3000 р. сверхъ великаго налога, сдѣланнаго въ ономъ въ 1827 году, какъ сказано, для улучшенія пожарныхъ инструментовъ.

Изъ 749 Евреевъ, въ Кіевѣ приписанныхъ и постоянно живущихъ, состоитъ 18 купцовъ и 180 художниковъ съ семействами, кои, исполняя всѣ свои повинности безъ недоимокъ, приносятъ не только частную, но и великую городу, войску и казнѣ пользу,—кромѣ тѣхъ торговцовъ, кои чрезъ умѣренные наши въ торговлѣ барыши препятствуютъ возвысить несоразмѣрныя цѣны на товары въ Кіевѣ продающіеся,—чѣмъ и увеличиваютъ пользу общественную.

Все сіе порознь и совокупно у престола Вашего Императорскаго Величества можетъ доказать истину, что если польза общественная уважительнѣе малаго вреда частнаго, то постоянное пребываніе наше въ Кіевѣ по торговлѣ и ремесламъ составляетъ общественной и Государственной пользы болѣе, чѣмъ предполагается вреда.

Впрочемъ, хотя бы вышеприведенныя Императрицы Екатерины и Императоровъ Павла и Александра Высочайшія покровительствующія насъ узаконенія и не были важнѣе привиллегіи Городу Кіеву отъ Короля Польскаго въ 1619 г. данной, то и въ такомъ случаѣ самый смыслъ оной привиллегіи, воспрещая Евреямъ въ Кіевѣ только на правѣ гражданскомъ имѣть собственные домы, не воспрещаетъ однакожъ намъ въ Кіевѣ производить ремесла, художества и всегдашнюю коммерцію, которая и теперь не вредитъ обыкновенной коммерціи Кіевскихъ мѣщанъ или купцовъ старожилыхъ: ибо главная ихъ торговля и почти всѣ домы были и есть только на Кіевѣ-Подолѣ, а наши домы и главная торговля на Кіевѣ-Печерскѣ, каковой промежутокъ составляетъ до 3-хъ верстъ; пространство же сіе при началѣ нашего поселенія, какъ и самое мѣсто онаго, былъ почти совершенно пусто, отдѣлялось отъ Кіево-Подола совершенно, а нынѣ сей промежутокъ, бывъ частію заселенъ, хотя уже нѣсколько образуетъ единство города Кіева-Подола съ городомъ Кіево-Печерскомъ, но таковому приближенію къ намъ Христіанскаго поселенія не мы виною.

Если же мы будемъ столько нещастливы, что ни польза нами вообще приносимая, ни особенныя заслуги народа Еврейскаго, равно и выше изображенная Высочайшая трехъ Монарховъ воля, не исходатайствуетъ у Вашего Императорскаго Величества милостиваго созволенія: оставить насъ по прежнему на постоянномъ въ городѣ Кіевѣ жительствѣ,—то по крайности не можемъ остаться безъ надежды на Монаршее Вашего Императорскаго Величества благовоззрѣніе, хотя на слѣдующія наши обстоятельства:

Мы имѣемъ въ городѣ Кіевѣ одну синагогу, двѣ школы и болѣе 65 домовъ; хотя по оцѣнкѣ мѣстнаго Начальства домы наши, какъ мы слышали, показаны стоющими только около 300.000 р., но по истинѣ они съ синагогою и школами стоютъ до полу-милліона рублей. По законамъ духовнымъ и гражданскимъ, храмы Богослуженія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть превращены въ жилища. Слѣдовательно, синагога и двѣ школы, не могши быть никому отъ насъ проданными, составляютъ для насъ убытокъ невозвратный. Домы наши не могутъ быть у насъ куплены, особенно въ столь короткое время, иначе какъ развѣ за самый разорительный безцѣнокъ и то большею частію въ сомнительный кредитъ. Синагога, школы и домы наши, по мѣстоположенію своему долженствующія взойти во внутренность вновь предположенныхъ крѣпостныхъ строеній и по тому онымъ препятствующія, строены въ Кіевѣ по позволенію и планамъ отъ мѣстнаго начальства, на основаніи законовъ выданнымъ; поэтому мы и осмѣливаемся всеподданнѣйше надѣяться, что Монаршая справедливость Вашего Императорскаго Величества, мѣрою своей благотворной власти, оградить насъ отъ всякаго по сему предмету убытка.

Важнѣйшіе-же намъ убытки неминуемо предлежатъ по части кредитной, ибо кромѣ нашихъ междоусобныхъ долговъ мы ими связаны не только съ живущими въ Кіевѣ Христіанами, но съ Христіанами и Евреями иногородними. Не всякій изъ насъ и нихъ столько богатъ, чтобы могъ долги свои уплачивать по возможности при случаяхъ,— такъ-же и не всякій изъ нашихъ долговъ столь значителенъ, чтобы стоилъ потери особеннаго времени и нарочныхъ иногда отдаленныхъ поѣздокъ. Многіе домы наши заложены въ рукахъ частныхъ, а нѣкоторые въ приказѣ Общественнаго призрѣнія; краткій срокъ, назначенный для нашего переселенія, въ этихъ обстоятельствахъ, вовлечетъ не только хозяевъ домовъ, но и самихъ кредиторовъ въ неминуемое разореніе, ибо Христіанамъ, остающимся въ Кіевѣ на жительствѣ, представляются всѣ возможности стѣснить насъ въ покупкѣ нашихъ домовъ за самую ничтожную цѣну. Весьма многіе по коммерціи наши долги, обезпечены только надеждою на честность должниковъ, по однимъ коммерческимъ узаконеннымъ щетамъ и книгамъ, безъ формальныхъ документовъ; производство же о семъ, какъ и о долгахъ по документамъ, процессовъ, требуя не шесть мѣсяцевъ, а иногда многихъ лѣтъ и вѣрныхъ издержекъ, представляетъ снова только убытки вѣрные.

Итакъ, если мы изъ Кіева въ столь скоромъ времени разойдемся частію въ отдаленныя мѣста, то кромѣ прочихъ убытковъ одна сія кредитная по коммерціи и ремесламъ часть, вовлечетъ насъ въ убытокъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей; слѣдовательно, чтобы одни только сіи наши убытки содѣлать нѣсколнко умѣреннѣе, то время для удаленія нашего изъ Кіева необходимо отъ 8-ми до 12 лѣтъ.

Всемилостивѣйшій Государь! Мы, невинные страдальцы, у подножія священнаго трона Вашего Императорскаго Величества умоляемъ о справедливой Монаршей милости—оставить насъ, по силѣ вышеприведенныхъ въ привиллегію нашу изданныхъ узаконеній и особенной Монаршей воли, по прежнему. Если-же сіе признано будетъ несообразнымъ съ правилами, то по крайней мѣрѣ позволить намъ въ теченіи вышеупомянутаго времени переселиться на лѣвый берегъ рѣки Лыбеди по Васильковской дорогѣ, чему и сами граждане города Кіева, какъ значится изъ рапорта бывшаго Кіевскаго Гражданскаго Губернатора 1810 г. Ноября 9-го за № 4012 въ товарищу Министра Внутреннихъ дѣлъ, объявили свое согласіе, съ оставленіемъ при насъ всѣхъ правъ гражданства.

Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества Вѣрноподданные: Старѣйшіе Кіевскаго Еврейскаго общества: 3-й гильдіи купецъ, Соломонъ Бернеръ; 3-й гильдіи купецъ Меєръ Гернеръ.

Одесса. Августа... дня, 1828 года. Жительство имѣемъ 1-ой части 3 квартала въ домѣ подъ № 1-мъ, купца Герценштейна.

№ 2. Представленіе Кіевскаго военнаго Губернатора Желтухина статсъ-секретарю Муравьеву противъ прошенія евреевъ (20 окт. 1828).

Его превосходительству Н. Н. Муравьеву.

Милостивый Государь, Николай Назарьевичъ!

Въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, Г. Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ прислалъ ко мнѣ изъ Одессы поданное тамъ на Высочайшее имя прошеніе отъ Кіевскихъ Евреевъ объ оставленіи ихъ по описаннымъ ими правамъ по прежнему въ Кіевѣ, или о дозволеніи поселиться на берегу рѣки Лыбеди, гдѣ по Высочайше конфирмованному плану будетъ устроиваться новая часть горсда. Хотя по просьбѣ сей не потребовалось отъ меня никакихъ свѣдѣній и на докладной запискѣ Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа собственною Его Императорскаго Величества рукою написано только передать Г. Желтухину,—но я поставилъ долгомъ, по неправильному изложенію въ сей просьбѣ обстоятельствъ дѣла и по разнымъ очевиднымъ изворотамъ евреевъ на перетолкованіи привиллегій города Кіева, сдѣлать противу сей просьбы подробныя замѣчанія.

Какъ первое заключеніе мое по сему дѣлу въ Августѣ мѣсяцѣ прошлаго года сообщено было отъ меня къ Вашему Превосходительству, а потому и настоящія мои заключенія, какъ послѣдствіе означеннаго производства, я нужнымъ счелъ препроводить къ вамъ же, Милостивый Государь, съ покорнѣйшею просьбою представлять оныя на Высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, при чемъ имѣю честь приложить копіи съ просьбы евреевъ и докладной по оной записки Г. Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа. Въ заключеніи же долгомъ поставляю увѣдомить Ваше Превосходительство, что о представленіи таковыхъ замѣчаній я имѣлъ счастіе лично докладывать Государю Императору въ проѣздъ Его Величества чрезъ городъ Липовецъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Превосходительства.... Подписалъ Желтухинъ.

Замѣчаніе Кіевскаго Военнаго Губернатора противу наложенной въ запискѣ Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа просьбы Кіевскихъ Евреевъ о правахъ ихъ на пребываніе въ городѣ Кіевѣ.

Евреи пишутъ... (Слѣдуютъ по пунктамъ доводы, изложенные въ вышеприведенномъ прошеніи, № 1)...

Объясненіе. — Въ Привилегіи Короля Стефана, 17-го Ноября 1576-го года, сказано: жидамъ на клѣткахъ сидѣть, товаровъ на локоть, фунтъ и золотникъ продавать не дозволять и не допускать. Въ послѣдующей привиллегіи Короля Сигизмунда III, 1619 года февраля 15-го, предписано: „Приказуемъ и конечно то имѣти хощемъ, дабы ни одинъ жидъ въ мѣстѣ нашемъ Кіевскомъ подъ правомъ мѣскихъ замковыхъ и въ части мѣста Кіева Бискупской, тоже на грунтахъ Митрополичьихъ, Архимандричьихъ, Кляшторскихъ, Шляхетскихъ, Козацкихъ и уніатскихъ, иншихъ домовъ куповати арендовати и тамъ въ мѣстѣ нашемъ Кіевскомъ пребывать и фундоватися, подъ карою ниже описанною, не смѣлъ и не важился, а особливо каждому таковому, на котораго бы грунтъ либо въ дому жидъ какой либо въ мѣстѣ нашемъ Кіевскомъ желалъ пребывать, приказуемъ, чтобы каждаго жида къ себѣ принимать и грунту либо дому своего на пребываніе ему продавать, арендовать и квартирою стоять позволять не смѣлъ и не отважился. А если бы который жидъ такъ своевольный и упорный былъ, что за силою сея привиллегіи мѣщанамъ Кіевскимъ въ промыслахъ чинилъ препятствіе, либо въ мѣстѣ Кіевскомъ на пребываніе строиться хотѣлъ, то такого жида и купца долженъ урядъ замковый Кіевскій безъ послабленія взятіемъ всего имѣнія и товаровъ наказать, котораго имѣнія товаровъ половину себѣ оставить, а другую на ратушу Кіевскую отдать“. Привиллегіи сіи ясно и положительно запрещаютъ евреямъ не только пребываніе въ Кіевѣ, но и самую торговлю въ ономъ. Указъ же 1794 года, на которомъ основываются Евреи, нисколько не опровергаетъ привиллегіи, ибо Указъ сей позволяетъ Евреямъ осѣдлость съ гражданскими правами въ Кіевской губерніи, а не въ самомъ Кіевѣ. Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее отъ 13-го февраля 1801 года, о дозволеніи Евреямъ остаться здѣсь въ городѣ уничтожено Высочайшею грамотою 29 декабря 1801 года, которою подтверждены всѣ прежнія права и привиллегіи Кіеву пожалованныя, поколику они сообразны съ постановленіемъ Государства. Подобно тому, когда въ 1804 году состоялось общее положеніе о правахъ Евреевъ, то и согласно Указу 1794 года, давая Евреямъ позволеніе на пребываніе только въ Губерніи Кіевской, оставилъ именно въ своей силѣ привиллегіи, особо городамъ и слѣдственно Кіеву данныя.

Если дозволеніе, данное въ 1810 году объ оставленіи здѣсь поселившихся Евреевъ, имѣло основаніемъ отвратить разореніе осѣдлыхъ здѣсь Евреевъ, то причина сія нынѣ болѣе не существуетъ, ибо Евреи изъ числа 70 домовъ, состоящихъ въ 1-й части, имѣя 65 домовъ на пространствѣ Еспланады вновь прожектированныхъ укрѣпленій, должны потерять оные хоть бы и небыло переселенія, поелику нынѣ же рѣшительно запрещено поправлять домы, построенныя на разстояніи 130 сажень отъ Гласиса крѣпости, и не дозволить строить вновь домовъ на каменномъ фундаментѣ съ погребами на пространствѣ 450 сажень. За всѣмъ тѣмъ Евреямъ дано сроку 2 года, въ продолженіи которыхъ они могутъ распорядиться на

счетъ своихъ домовъ. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что въ 1809 году количество Евреевъ въ Кіевѣ бывшихъ составляло 282 души, а въ 1827 году кромѣ иногороднихъ считалось болѣе 700 душъ.

... Показаніе сіе [1]) совершенно неосновательно, ибо Печерскъ съ давняго времени имѣлъ соединеніе съ старымъ Городомъ и Кіево-Подоломъ и съ давняго времени постоянно поселялся христіанами, чему доказательствомъ можетъ быть то, что на Печерскѣ Еврейскихъ домовъ построено и куплено у старожиловъ 70, а христіанскихъ болѣе 1500.

По оцѣнкѣ, сдѣланной посредствомъ Кіевскаго Полиціймейстера черезъ присяжныхъ цѣновщиковъ подъ наблюденіемъ Губернскаго Прокурора, всѣ дома Еврейскіе оцѣнены въ 98.120 рублей, въ томъ числѣ вѣтхое строеніе Синагоги въ 1000 рублей и старый небольшой домъ для школы въ 350 рублей. Я согласенъ, что Евреи не могутъ выручать сію сумму, но не потому чтобы христіане могли стѣснить ихъ въ цѣнѣ, а потому что 65 домовъ входятъ въ Еспланаду крѣпости и со временемъ должны быть уничтожены. Слѣдовательно, для покупки сихъ домовъ нельзя найти желающихъ тѣмъ болѣе, что и самые христіане по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ должны лишиться на Печерскѣ большого количества домовъ, изъ которыхъ 280 предположены уже къ совершенному уничтоженію. Такимъ образомъ причину выводимыхъ Евреями убытковъ должно отнести не къ воспрещенію оставаться имъ въ Кіевѣ, а къ обстоятельствамъ, требующимъ распространенія крѣпости, что произвело одинаковую невыгоду какъ для Евреевъ, такъ и для христіанъ...

Если Евреи имѣютъ долговые счеты съ иногородними Христіанами и Евреями, то для сего не представляется никакой надобности оканчивать сіи счеты непремѣнно въ Кіевѣ, въ которомъ иногородніе должники ихъ, а особенно Евреи, не могутъ быть подсудны тѣмъ болѣе, что сіи послѣдніе, т. е. Евреи, высланы уже изъ Кіева и выѣзжать въ оный на жительство не могутъ. Чтожъ касается до долговыхъ обязательствъ ихъ собственно съ жителями Кіевскими, то для окончанія оныхъ весьма достаточно опредѣленнаго Указомъ 2 декабря 1827 года двухлѣтняго срока; но еслибы которые Евреи въ теченіе сего срока не могли окончить своихъ дѣлъ, то имъ по силѣ означеннаго Указа не возбраняется пріѣзжать для сего въ Кіевъ, съ дозволенія Начальства, и жить въ ономъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ.

Сія большая часть домовъ, заложенныхъ въ Приказѣ, составляетъ только два незначительныхъ дома—мѣщанина Финкенштейна и мѣщанина Штемберхова, изъ которыхъ послѣдняя остается должной только 400 рублей. Обстоятельство сіе достаточно показываетъ, что Евреи въ просьбѣ своей употребляли всевозможные извороты къ поддержанію усилія своего остаться въ Кіевѣ; о прочихъ же частныхъ долгахъ Евреевъ неизвѣстно.

Желаніе евреевъ переселиться на лѣвый берегъ рѣки Лыбеди есть изворотъ, посредствомъ котораго они домогаются утвердиться въ Кіевѣ, ибо мѣсто на рѣкѣ Лыбеди, по случаю назначенія Печерской части подъ укрѣпленіе, предположено по новому плану для перенесенія туда обывательскихъ домовъ и вообще для отвода дворовыхъ мѣстъ тѣмъ жителямъ Кіева, которыхъ дома, войдя въ пространство Еспланады, подлежатъ къ

[1]) Это замѣчаніе относится къ вышеприведенному доводу евреевъ о нахожденіи ихъ домовъ въ Печерскѣ, вдали отъ центра города.

сломкѣ. Сверхъ того находится тамъ артиллерійскій дѣловой дворъ съ большею частію заведеній. Слѣдовательно ясно, что Евреи, оставляя дома, которые по вновь утвержденному плану сами по себѣ существовать не могутъ, просятся на такое мѣсто, гдѣ будетъ устраиваться новая часть города. Если же коренные жители Кіева сами изъявляли согласіе на таковое переселеніе, то согласіе сіе дано за 18 лѣтъ предъ симъ, когда не было въ виду, что Печерская часть войдетъ въ составъ крѣпости и что жители сей части сами должны будутъ селиться на Лыбеди. Впрочемъ, Евреи Кіевскіе доказали уже, что они самое ограниченное право умѣютъ увеличить въ свою пользу. Такимъ образомъ въ 1819 году, когда успѣли они исходатайствовать чрезъ Губернатора дозволеніе остаться на Печерскѣ, не замедлили распространить право сіе и на Кіево-Подолъ слѣдующимъ образомъ: они ввели нѣкоторыхъ жителей Кіево-Подола въ неоплатные долги подъ залогъ домовъ, обратили закладные въ купчія крѣпости и начали переходить на жительство во вновь пріобрѣтенные домы, открывъ тамъ и самую торговлю, къ подрыву коренныхъ жителей, которые, потерпѣвъ разореніе отъ бывшихъ тогда безпрерывно пожаровъ, еще болѣе стѣснены были изворотами Евреевъ, захватившихъ въ свои руки торговлю, изъ чего возникъ значительный процессъ и къ стѣсненію жителей продолжался до изданія указа 2 декабря 1827 года.

Объяснивъ замѣчанія мои на просьбу Евреевъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ она изложена, въ запискѣ г. Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа, я поставляю долгомъ въ заключеніе сего присовокупить, что дѣло о высылкѣ изъ Кіева Евреевъ, вопреки жалобы ихъ, возникло отнюдь не по моему представленію: оно началось по предположенію бывшаго Гражданскаго Губернатора Бухарина за нѣсколько лѣтъ до опредѣленія моего въ настоящую должность. Г. Бухаринъ представлялъ, что учрежденіе въ Кіевѣ Еврейскаго кагала послѣдовало вопреки приличій мѣстамъ, гдѣ сохраняются нетлѣнные остатки православныхъ угодниковъ Божьихъ и вопреки правъ Городу Кіеву дарованныхъ. Обстоятельство сіе во всей подробности разсматривалось въ Комитетѣ Гг. Министровъ, и вслѣдствіе сего Г. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія далъ слѣдующее мнѣніе: 1) что по привиллегіямъ древнимъ Города Кіева, по указу 16 сентября 1797 года и грамотѣ 29 декабря 1801 года, утверждающимъ сіи привиллегіи, Евреи не могутъ пребывать въ ономъ, если христіане требуютъ ихъ удаленія; 2) что привиллегіямъ имѣющимъ таковую силу не могутъ быть противуполагаемы ни указъ 23 іюня 1794 года, позволяющій Евреямъ осѣдлость въ Губерніи Кіевской, а не въ Кіевѣ, ни Высочайшее повелѣніе 13 февраля 1801 года, уничтожаемое грамотою 29 декабря 1801 года, т. е. послѣ онаго дарованною; 3) что Положеніе 1804 года, подобно указу 1794, дающее Евреямъ право на пребываніе только въ губерніи Кіевской, оставляетъ въ своей силѣ привиллегіи, особо городамъ и слѣдственно Кіеву данныя; 4) что на основаніи положенія 1804 года Евреи Лифляндской губерніи, поселившіеся въ Ригѣ, были высланы изъ оной и правительство не остановило сего распоряженія; 5) что если такимъ образомъ постоянное пребываніе Евреевъ въ Кіевѣ противно истинному смыслу законовъ, и распоряженіе Рижскаго начальства служитъ примѣромъ къ ихъ удаленію изъ онаго, то и обстоятельства не менѣе склоняютъ къ сей мѣрѣ, ибо Евреи причиняютъ своими злоупотребленіями

отягощеніе Кіевскимъ Гражданамъ. Зло сіе со стороны осѣдлыхъ Евреевъ, возростающее при ихъ столь значительномъ умноженіи въ Кіевѣ, еще увеличивается находящими у нихъ пристанище посторонними Евреями бѣдными, не имѣющими никакихъ полезныхъ промысловъ, безпашпортными, замѣчаемыми въ разныхъ преступленіяхъ и служащими бременемъ для самихъ ихъ собратьевъ, какъ видно изъ приносимыхъ самими ими жалобъ. По сему Министръ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія полагалъ, что привиллегіямъ города Кіева должна быть возвращена полная ихъ сила, т. е. Кіевъ для Евреевъ долженъ быть открытъ не иначе, какъ прочіе города въ Россіи, въ которые имъ позволено пріѣзжать на время. Г. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ находилъ съ своей стороны, что таковыя заключенія Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія, бывъ основаны на узаконеніяхъ, представляютъ неоспоримыя доказательства въ правильности оныхъ. Къ сему присовокупляетъ онъ съ своей стороны, что привиллегіи города Кіева, подтвержденныя Россійскими Государями, столь ясны, что не можно не признать права гражданъ онаго на исканіе освободиться отъ Евреевъ, издревле и отъ поселенія и отъ торга въ Кіевѣ отчужденныхъ, и при ослабленіи сей привиллегіи могутъ еще болѣе умножиться въ городѣ семъ, ибо число ихъ въ теченіи 13 лѣтъ, съ 1809 года по 1822 года, однихъ мѣщанъ и ремесленниковъ, не включая иногороднихъ, возросло отъ 282 до 670. Если съ одной стороны терпимость отъ (?) Евреевъ въ Кіевѣ утверждаема была на общемъ по указу 23 іюня 1794 года дозволеніи торга имъ въ Кіевской губерніи, то съ другой стороны должно принять во уваженіе, что если бы при изданіи указа 23 іюня 1794 года предполагалось дозволить не только торгъ, но и поселеніе Евреевъ въ Кіевѣ, то о таковомъ дозволеніи, какъ въ отмѣну привиллегіи, конечно послѣдовалъ бы особый указъ или поясненіе, но сего не было. и напротивъ 16 сентября 1797 года состоялся Высочайшій Указъ, коимъ привиллегіи Кіева во всей силѣ возобновлены и утверждены, а потому Г. Управлявшій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ согласился на предположеніе Г. Министра Духовныхъ дѣлъ.

Мнѣніе сіе въ журнальной запискѣ Комитета Гг. Министровъ, по Высочайшему повелѣнію, сообщены были въ августѣ мѣсяцѣ на мое заключеніе. По сообразности сихъ мнѣній съ законами, на которыхъ они основаны, мнѣ не осталось болѣе, какъ согласиться съ заключеніемъ Гг. Министровъ, ибо утверждать противное, перетолковывать въ пользу Евреевъ смыслъ привиллегій, столь ясно запрещающихъ пребываніе ихъ въ Кіевѣ, и наконецъ утверждать, что Евреи при всѣхъ извѣстныхъ порокахъ своихъ и безнравственности полезны для жителей города Кіева, было бы съ моей стороны дѣйствіемъ совершенно противнымъ справедливости. Такимъ образомъ все участіе мое въ семъ дѣлѣ состояло въ отвѣтѣ на сдѣланный вопросъ; рѣшительныя же соображенія происходили въ комитетѣ Гг. Министровъ и удостоены Высочайшаго утвержденія.

№ 3. Высочайше утвержденное мнѣніе Комитета министровъ объ отказѣ въ ходатайствѣ старѣйшинъ Кіевской еврейской общины.

Министерство Внутреннихъ дѣлъ, Департаментъ Полиціи Исполнительной, Отдѣленіе 2, Столъ 2, 21-го декабря 1828 года, № 3721.

По просьбѣ старѣйшинъ Кіевскаго Еврейскаго общества Купцовъ Бернера и Гернера.

21 декабря. Господину Кіевскому Военному Губернатору.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, внесены были Г. Статс. Секретарем Муравьевымъ въ Комитетъ Гг. Министровъ: 1) копія съ всеподданнѣйшаго прошенія Старѣйшинъ Кіевскаго Еврейскаго общества Купцовъ Бернера и Гернера объ оставленіи Кіевскихъ Евреевъ на жительствѣ въ семъ городѣ или о дозволеніи имъ поселиться на лѣвомъ берегу рѣки Лыбеди; 2) копія со всеподданнѣйшей докладной записки Г. Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа съ изложеніемъ сей просьбы съ замѣчаніями на оную Вашего Превосходительства. Комитетъ по выслушаніи означенныхъ бумагъ, имѣя въ виду, что дѣло о высылкѣ изъ Кіева Евреевъ на основаніи данныхъ сему городу привиллегій было уже въ Комитетѣ Министровъ разсмотрѣно и по положенію Комитета, удостоенному соизволенія Его Императорскаго Величества, послѣдовалъ Высочайшій Указъ, и находя, что изъясняемые нынѣ во всеподданнѣйшей просьбѣ Еврейскихъ старѣйшинъ доводы о правахъ Евреевъ на пребываніе ихъ въ семъ городѣ были тогда въ подробности соображены съ привиллегіями Кіева и съ послѣдовавшими въ разное время по сему предмету Высочайшими повелѣніями и указами; прочія же предметы жалобы ихъ и домогательства опровергаются въ полной мѣрѣ представленными отъ васъ, Милостивый Государь, замѣчаніями,—журналомъ, 3-го минувшаго ноября состоявшимся и до Высочайшаго свѣдѣнія доведеннымъ, положилъ: означенную просьбу Евреевъ оставить безъ уваженія, о чемъ и объявить просителямъ.

О таковомъ положеніи Комитета Гг. Министровъ честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство для надлежащаго распоряженія, покорно прося Васъ, Милостивый Государь, о исполненіи по сему почтить меня увѣдомленіемъ.

Подлинное подписали: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Генералъ-Адъютантъ Закревскій, Исправляющій должность Директора Покровскій.

[Далѣе въ копіяхъ имѣется предписаніе Кіевскаго губернатора на имя Кіевской городской полиціи, отъ 23 дек. 1828 г., объ объявленіи вышеозначеннаго рѣшенія Комитета Министровъ еврейскимъ старѣйшинамъ, купцамъ Бернеру и Гернеру].

№ 4. Просьба купца Фраткина на имя кіевскаго военнаго губернатора о содѣйствіи отсрочкѣ выселенія евреевъ (ноябрь 1829) *)

Его Высокопревосходительству, Господину Генералъ-Лейтенанту, Сенатору, Кіевскому Военному Губернатору и кавалеру Борису Яковлевичу Княжнину. Могилевскаго купца Берки Фраткина—Покорнѣйшее прошеніе.

Бѣдственное положеніе Кіевскихъ израильтянъ, назначенныхъ къ переселенію, усугубило тѣмъ наиболѣе горесть оныхъ, что переходъ сей долженъ воспослѣдовать и въ самое еще жестокое время года, 2 числа слѣдующаго декабря мѣсяца.

Государь Императоръ, обративъ Милосердія Око на сихъ злополучныхъ подданныхъ, чрезъ Его Высокопревосходительство, Своего Генералъ-Адъю-

*) Этотъ документъ долженъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдовать за помѣщеннымъ ниже док. № 5 и может быть—№ 6.—*Ред.*

танта Александра Христофоровича Бенкендорфа, изъявилъ Высоко-Монаршую Волю Свою, что въ таковомъ переселеніи сдѣлана будетъ Имъ отсрочка. Столь радостное соизволеніе Монарха облегчило скорбь ихъ угнетающую; но кіевское мѣстное начальство не отмѣняетъ своихъ распоряженій о непремѣнномъ переселеніи оныхъ къ предположенному сроку.

Въ истекшемъ октябрѣ мѣсяцѣ убѣждалъ я просьбою своею Его Высокопревосходительство А. Х. Бенкендорфа изъявить милосердіе, внять воплю старцевъ, покрытыхъ сѣдиною, и растерзанныхъ грустію матерей съ невинными и полунагими дѣтьми своими—испросить у Августѣйшаго Престола облегченія ихъ участи, отсрочить переселеніе и дать въ ономъ льготу съ дозволеніемъ пользоваться тѣми же правами, какія до сихъ поръ существуютъ, и потомъ занять мѣста на лѣвомъ берегу р. Днѣпра, или на Лыбедѣ близъ Кіева,

Нынѣ я имѣлъ счастье удостоиться принять личный отъ Его Высокопревосходительства отзывъ, что Высочайшая Его Императорскаго Величества Воля о принятіи самыхъ лучшихъ мѣръ къ облегченію переселенія Кіевскихъ израильтянъ сообщена Вашему Высокопревосходительству, при чемъ и препровождено помянутое мое прошеніе.

Ваше Высокопревосходительство! Участь кіевскихъ израильтянъ зависитъ исключительно отъ начальническаго Вашего благоусмотрѣнія. Снизойдите къ горестному и плачевному ихъ состоянію, облегчите несчастную участь согбенныхъ подъ древностію лѣтъ маститыхъ стариковъ. Отрите слезы вопіющихъ къ Вамъ прискорбныхъ матерей и пощадите невинность дѣтей ихъ въ скудныхъ рубищахъ и сущихъ еще въ колыбели. Даруйте имъ льготу и повелите Г. Кіевскому Гражданскому Губернатору оставить ихъ по прежнему на то время, какое назначится, не дѣлая дальнѣйшихъ распоряженій исполнить переселеніе къ наступающему сроку 2 декабря сего года. Сіи скудные и злополучные израильтяне, жребій коихъ преданъ человѣколюбивому свойству Вашего Высокопревосходительства, остаются въ непреложномъ упованіи, что когда они удостоятся лично отъ Васъ обозрѣнія, то сострадательная и милосердная душа Вашего Высокопревосходительства конечно не оставитъ сдѣлать новыхъ распоряженій къ облегченію бѣдственной судьбы ихъ.

Прошеніе со словъ просителя сочинялъ и переписывалъ Титулярный Совѣтникъ Иванъ Петровъ. Могилевскій купецъ Берко Фраткинъ. Ноября . . . дня 1829 года. Жит. имѣю въ 3-й части, 3-го квартала, въ домѣ подъ № 187.

№ 5. Отношеніе управляющаго Министерствомъ вн. дѣлъ къ Кіевскому гражданскому губернатору по вопросу объ отсрочкѣ выселенія (сент. 1829).

М. В. Д. Департаментъ Полиціи Исполнительной. Отд. 2, Столъ 2. 12 сентября 1829 года, № 2673. (По всеподданнѣйшей просьбѣ Кіевскихъ евреевъ).

Г. Кіевскому Гражданскому Губернатору.

Господинъ Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, что во время пребыванія Государя Императора въ городѣ Кіевѣ тамошніе евреи подали всеподданнѣйшую просьбу Его Величеству объ отсрочкѣ предпи-

саннаго указомъ 2-го декабря 1827 года переселенія ихъ изъ Кіева до отвода имъ земли въ Черниговской губерніи, и что просьба сія, поступившая въ третье отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, препровождена была въ Еврейскій Комитетъ, который полагаетъ, что удовлетвореніе оной зависитъ отъ мѣстныхъ свѣдѣній и объясненій Губернскаго Начальства, а просимый евреями отводъ земли въ Черниговской губерніи не можетъ быть согласенъ съ правилами, признанными для новаго устава о переходѣ евреевъ изъ одной губерніи въ другую.

Вслѣдствіе такого отношенія Господина Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа, я поручаю Вашему Превосходительству доставить мнѣ мѣстныя свѣдѣнія и объясненія Ваши на счетъ просимой Кіевскими евреями отсрочки переселенія ихъ изъ города Кіева.

Подлинное подписалъ: Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Федоръ Энгель. Скрѣпилъ: Исправляющій должность Директора Покровскій.

№ 6. Отзывъ Кіевскаго гражданскаго губернатора о необходимости отсрочить выселеніе (ноябрь 1829).

Кіевскаго Гражданскаго Губернатора. 16-го ноября 1829 года № 13670. Его Высокопревосходительству Господину Генералъ-Лейтенанту, Сенатору, Кіевскому Военному Губернатору и разныхъ орденовъ Кавалеру, Борису Яковлевичу Княжнину.

По поводу всеподданнѣйшей просьбы Кіевскихъ евреевъ, поданной Государю Императору во время пребыванія Его Величества въ городѣ Кіевѣ, объ отсрочкѣ предписаннаго указомъ 2-го Декабря 1827 года переселенія ихъ изъ Кіева, Г. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ требовалъ доставить мѣстныя свѣдѣнія и объясненія мои на счетъ просимой помянутыми евреями отсрочки.

Вслѣдствіе (сего) собираемы были мною по сему предмету надлежащія свѣдѣнія, изъ коихъ значитъ:

Высочайшимъ указомъ, даннымъ на имя бывшаго Кіевскаго Военнаго Генералъ-Лейтенанта Желтухина 2 декабря 1827 года, между прочимъ повелѣно въ пунктахъ:

4) Евреи, имѣющіе въ Кіевѣ осѣдлость или только приписанные къ сему городу, должны въ теченіе одного года переселиться въ другіе города, открытые для постояннаго ихъ пребыванія.

5) Евреямъ, выводимымъ изъ Кіева, кои имѣютъ дома, земли, лавки или другую недвижимую собственность въ городѣ, предоставить оные продать въ теченіе двухъ лѣтъ, но если они въ теченіе сего срока имѣнія не продадутъ, то оцѣнивать оное отъ Правительства въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и продавать съ публичнаго торга въ пользу хозяевъ имѣнія.

6) До продажи недвижимаго имѣнія, то есть въ теченіе двухъ лѣтъ, евреи онымъ владѣющіе могутъ оставаться въ Кіевѣ съ своими семействами; но послѣдній годъ уже не иначе какъ по паспортамъ того города, въ который переписались въ теченіе перваго года.

7) Окончательную высылку евреевъ изъ Кіева произвести: имѣющихъ недвижимую собственность по происшествіи двухъ лѣтъ; приписанныхъ къ Кіеву, но неимѣющихъ таковой собственности, по истеченіи года, а про-

живающихъ въ семъ городѣ безъ приписки къ оному по окончаніи 6-ти мѣсяцевъ съ изданія настоящихъ правилъ.

Во исполненіе вышеизъясненнаго Высочайшаго указа, всѣ вообще евреи, приписанные къ городу Кіеву, перечисленные въ другіе города, открытые для постояннаго ихъ пребыванія, и изъ нихъ тѣ, кои не имѣютъ недвижимой собственности, равно и тѣ, кои проживали въ семъ городѣ безъ приписки къ оному, высланы отсюда въ назначенные сроки. Остаются только еще здѣсь евреи, имѣющіе недвижимую собственность, до окончанія опредѣленнаго къ высылкѣ ихъ двухъ-лѣтняго срока, т. е. до 2 декабря 1829 года.

Между симъ старѣйшины Кіевскаго еврейскаго общества, купцы Бернеръ и Гернеръ, въ прошломъ 1828 году утруждали Государя Императора всеподданѣйшимъ прошеніемъ объ оставленіи Кіевскихъ евреевъ на жительствѣ въ семъ городѣ или о дозволеніи имъ поселиться на лѣвомъ берегу рѣки Лыбеди; но таковая просьба ихъ, какъ изъ предписанія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ къ бывшему Кіевскому Военному Губернатору отъ 12 декабря того года видно, по журналу Комитета г.г. Министровъ 3 ноября состоявшемуся и до Высочайшаго свѣдѣнія доведенному, оставлена безъ уваженія.

Въ прочемъ, евреи Кіевскіе Высочайше предоставленною имъ свободою продать въ теченіе двухъ лѣтъ дома, лавки, земли и другую недвижимость—весьма немногіе воспользовались. Изъ числа 70-ти еврейскихъ домовъ въ городѣ Кіевѣ имѣющихся, въ продолженіи означеннаго времени, по нынѣшнему упадку торговли, имѣющему вліяніе на пріобрѣтеніе домовъ въ городахъ, и примѣтному недостатку въ деньгахъ, едва продано только четыре. Прочіе еще до нынѣ не проданы и, какъ съ достовѣрностью полагать можно, въ столь короткое время, какое еще остается до истеченія назначеннаго на окончательную высылку евреевъ срока, т. е. до 2 числа слѣдующаго декабря мѣсяца, по изъясненнымъ причинамъ, не могутъ уже и проданы быть, особливо по выгоднымъ для хозяевъ цѣнамъ.

Слѣдовательно, всѣ таковые дома и другія недвижимыя собственности, на основаніи 5 пункта Высочайшаго Указа отъ 2 декабря 1827 года, должны быть подвержены продажѣ съ публичнаго торга по оцѣнкѣ отъ Правительства. Но какъ въ такомъ случаѣ продажа оныхъ болѣе уже будетъ зависѣть отъ покупщиковъ, а не отъ самыхъ хозяевъ, то она тѣмъ паче не можетъ быть выгодною для сихъ послѣднихъ, ибо покупщики, имѣя въ виду одну лишь собственную пользу и зная о рѣшительномъ предположеніи помянутыхъ недвижимостей къ продажѣ съ публичнаго торгу, не преминутъ изыскивать средствъ къ пріобрѣтенію оныхъ по самымъ низкимъ цѣнамъ, чрезъ что евреи могутъ понести чувствительные и неизбѣжные убытки въ имуществахъ своихъ и разстройство въ состояніи.

А по всѣмъ таковымъ обстоятельствамъ, настоящая просьба Кіевскихъ евреевъ объ отсрочкѣ повелѣннаго Высочайшимъ указомъ 2 декабря 1827 года переселенія ихъ изъ Кіева заслуживаетъ, по мнѣнію моему, справедливаго уваженія, разумѣя, что таковое снисхожденіе могло бы оказать однимъ только тѣмъ евреямъ, которые имѣютъ еще въ Кіевѣ собственное недвижимое имущество, дабы тѣмъ предоставить имъ способъ къ продажѣ оныхъ съ меньшею для себя потерею.

Представивъ о всемъ вышеизъясненномъ Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ на разсмотрѣніе, долгомъ моимъ поставляю донести объ ономъ Вашему Высокопревосходительству. Подписалъ: Губернаторъ...

№ 7. Запросъ министра внутр. дѣлъ Кіевскому военному губернатору объ отсрочкѣ выселенія евреевъ (Янв. 1830).

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Департаментъ Полиціи Исполнительной. Отдѣл. 2. Столъ 2. 17 января 1830 года. № 97. О сообщеніи заключенія. На имя Господина Кіевскаго Военнаго Губернатора.

На предписаніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о доставленіи мѣстныхъ свѣдѣній и объясненій, по всеподданнѣйшей просьбѣ Кіевскихъ евреевъ объ отсрочкѣ предписаннаго указомъ 2 декабря 1827 года переселенія ихъ изъ Кіева, Кіевскій Гражданскій Губернаторъ, въ представленіи отъ 16 ноября 1829 года за № 669, между прочимъ донесъ, что помянутая просьба Кіевскихъ евреевъ заслуживаетъ, по мнѣнію его, справедливаго уваженія и что таковое снисхожденіе можно было бы оказать однимъ только тѣмъ евреямъ, которые имѣютъ еще въ Кіевѣ собственныя недвижимости, дабы тѣмъ предоставить имъ способъ къ продажѣ оныхъ съ меньшею для нихъ потерею.

Означенное донесеніе Кіевскаго Гражданскаго Губернатора и истребованный отъ него отзывъ о томъ, какую полагалъ бы онъ по мѣстнымъ соображеніямъ сдѣлать отсрочку на счетъ переселенія евреевъ изъ города Кіева, имѣющихъ тамъ недвижимую собственность, я счелъ долгомъ препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству на разсмотрѣніе, покорнѣйше прося Васъ, Милостивый Государь, съ возвращеніемъ помянутыхъ бумагъ, сообщить мнѣ по онымъ Ваше заключеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ по истребованіи отъ Гражданскаго Губернатора объясненія, почему не исполнена имъ въ точности Высочайшая воля на счетъ переселенія евреевъ изъ города Кіева, и доставить мнѣ помянутое объясненіе. Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Генералъ-Адьютантъ Закревскій. Скрѣпилъ: Исправляющій должность Директора Покровскій.

(Означенный запросъ препровожденъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ гражданскому губернатору 1 марта 1830 г.).

№ 8. Отвѣтъ Кіевскаго Гражданскаго Губернатора на предыдущій запросъ (3 марта 1830 г.).

Отъ Кіевскаго Гражданскаго Губернатора, 3-го марта 1830 года, № 3510 Его Высокопревосходительству Господину Кіевскому Военному Губернатору, Управляющему Гражданскою частью Генералъ-Лейтенанту, Сенатору и Кавалеру Борису Яковлевичу Княжнину.

Во исполненіе предписанія Вашего Высокопревосходительства отъ 1-го сего марта за № 194, о доставленіи объясненія, почему не исполнена мною въ точности Высочайшая Воля по предмету переселенія евреевъ изъ Города Кіева, имѣю честь донести, что Высочайшимъ указомъ, даннымъ по сему предмету на имя бывшаго Кіевскаго Военнаго Губернатора Генералъ-Лейтенанта Желтухина 2-го декабря 1827 года, между прочимъ повелѣно въ пунктахъ: (Цитируются ст. 4, 5, 6, 7, изложенныя выше, въ докум. № 6).

Во исполненіе вышеизложеннаго Высочайшаго указа, всѣ вообще евреи, приписанные къ Городу Кіеву, перечислены въ другіе города, открытые для постояннаго ихъ пребыванія, и изъ нихъ тѣ, кои не имѣютъ недвижимой собственности, равно и тѣ, кои проживали въ семъ городѣ безъ приписки къ оному, высланы отсюда въ назначенные сроки.

Что же касается евреевъ имѣющихъ недвижимую собственность въ Кіевѣ и на высылку коихъ опредѣленъ двухъ-лѣтній срокъ, кончившійся 2-го декабря 1829 года, то какъ отъ евреевъ сихъ подано Государю Императору во время пребыванія Его Величества въ городѣ Кіевѣ всеподданнѣйшее прошеніе объ отсрочкѣ прописаннаго указомъ 2 декабря 1827 года переселенія ихъ изъ Кіева, и по оному предписаніями Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 12-го сентября 1829 года и 7-го генваря сего 1830 года требуемы были отъ меня свѣдѣнія, и между прочимъ о томъ, какую полагалъ бы я по мѣстнымъ соображеніямъ сдѣлать безъ неудобствъ отсрочку на счетъ переселенія изъ города Кіева евреевъ, имѣющихъ здѣсь недвижимую собственность, каковыя свѣдѣнія и доставлены Министерству, то впредь до разрѣшенія онаго считалъ я уже себя не въ правѣ приступать къ какимъ либо рѣшительнымъ по сему предмету распоряженіямъ. Подпись: Губернаторъ...

№ 9. Заключеніе Кіевскаго военнаго Губернатора объ отсрочкѣ выселенія до 1 февраля 1831 г. и предложеніе о выселеніи евреевъ изъ деревень Кіевской губерніи въ города (8 марта 1830 г.).

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Департаментъ Полиціи Исполнительной. Отдѣленіе 2. Столъ 2. Отвѣтъ на № 97. Въ Кіевѣ. 8 марта 1830 года № 242. Отъ Кіевскаго Военнаго Губернатора Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Прибывъ 28 минувшаго февраля въ Высочайше ввѣренную мнѣ губернію, я нашелъ полученное въ отсутствіе мое почтеннѣйшее отношеніе Вашего Высокопревосходительства отъ 17-го генваря сего года, въ слѣдствіе котораго поспѣшаю представить на благоусмотрѣніе Вашего, Милостивый Государь, мнѣніе мое касательно отсрочки переселенія изъ Кіева евреевъ, имѣющихъ свою осѣдлость.

Участь сихъ евреевъ въ настоящемъ положеніи обращаетъ меня какъ къ существу сего дѣла, такъ и ходу онаго... (Далѣе повторены ссылки и соображенія, приведенныя выше въ №№ 6 и 8).

Если настоящій предметъ взятъ въ разсужденіе съ той стороны, какъ оный разсматривался при первоначальныхъ обсужденіяхъ о высылкѣ всѣхъ вообще евреевъ изъ Кіева, то дозволеніе имъ оставаться долѣе сего въ семъ городѣ подъ видомъ продажи недвижимой собственности, въ строгомъ смыслѣ за силою Высочайшаго указа 2 го декабря 1827 года, не могло бы имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что большая часть евреевъ всегда и вездѣ старается упражняться въ недозволительныхъ оборотахъ: а если принять оный въ отношеніи участи нынѣшняго положенія имѣющихъ осѣдлость евреевъ, то справедливость требуетъ уважить домогательство ихъ, дабы нѣкоторымъ образомъ сохранить принадлежащее имъ достояніе.

Убѣждаясь необходимостью дать отсрочку евреямъ, имѣющимъ осѣдлость въ Кіевѣ, въ теченіе которой могли бы они безъ всякаго стѣсненія продать свою собственность по выгоднымъ цѣнамъ, я полагаю дать имъ

оную до 1-го февраля будущаго 1831 года, съ тѣмъ, чтобы всѣ уже евреи, имѣющіе нынѣ въ Кіевѣ домы, земли и лавки и другую собственность недвижимую, продали непремѣнно къ сему сроку; если же кто либо изъ нихъ сего къ 1-му февраля не исполнитъ, то правительство должно немедленно приступить къ оцѣнкѣ и рѣшительной продажѣ онаго съ публичнаго торга, на что и положить сроку по 1-е мая того же года. Послѣ сего, такъ сказать, окончательнаго срока, не должны они уже оставаться постоянно на житье въ Кіевѣ, подъ строгою въ противномъ случаѣ отвѣтственностію.

Въ теченіе же вышесказанной отсрочки помянутые евреи могутъ заниматься промыслами въ Кіевѣ на томъ основаніи, какъ сказано въ 8-мъ пунктѣ Именнаго Высочайшаго Указа 2-го декабря 1827 года.

При семъ обязанностію поставляю изъяснить мои мысли и на счетъ тѣхъ евреевъ, которые живутъ по деревнямъ и селеніямъ Кіевской губерніи.

Евреи сіи, вовлекая хитрыми своими изворотами простодушныхъ поселянъ въ нетрезвую жизнь и угождая предосудительнымъ наклонностямъ, ослабляютъ добрую ихъ нравственность, невозбранно пользуются ихъ собственностью и трудами. Пути, которые они прокладываютъ къ раззоренію и выманиванію достоянія поселянъ, почти всѣмъ извѣстны, а потому я считаю излишнимъ объ оныхъ упоминать.

Имѣя въ виду благосостояніе и пользу на будущее время ввѣренной мнѣ губерніи, я полагаю, какъ въ охраненіе благосостоянія и нравственности крестьянъ, такъ и для строгаго надзора со стороны полиціи за поступками евреевъ, вывести ихъ изъ селъ и деревень въ повѣтовые города и мѣстечки Кіевской Губерніи, подобно тому какъ сіе допущено по Малороссійскимъ и Бѣлорусскимъ Губерніямъ, и переселеніе сіе произвести окончательно къ 1-му сентября 1831 года.

Представляя таковыя предположенія мои, клонящіяся къ устройству ввѣренной мнѣ губерніи, на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, о благосклонномъ исходатайствованіи утвержденія онымъ.

При семъ имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопревосходительству копію съ вытребованнаго мною отъ Гражданскаго Губернатора объясненія о причинахъ, почему не была выполнена Высочайшая воля по указу 2-го декабря 1827 года, и возвратить доставленные ко мнѣ подлинныя его представленія отъ 16-го ноября 1829 года за № 13669-мъ и 7 генваря 1830 года за № 162-мъ.

А какъ въ отмѣну Высочайшаго указа отъ 2-го декабря 1827 года о переселеніи евреевъ изъ Кіева яснаго распоряженія высшаго Начальства въ виду не имѣется, кромѣ одной только переписки объ отсрочкѣ онаго, то обязываюсь, во избѣжаніе на будущее время всякой отвѣтственности, покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство почтить меня по сему предмету разрѣшеніемъ.

Подлинное подписалъ: Кіевскій Военный Губернаторъ, Генералъ-Лейтенантъ, Сенаторъ Княжнинъ.

№ 10. Увѣдомленіе Министра внут. дѣлъ объ отсрочкѣ выселенія до февраля 1831 г. (28 апр. 1830).

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Департаментъ Полиціи Исполнительной. Отдѣленіе 2. Столъ 2. 23 апрѣля 1830 года, № 1150. Господину

Кіевскому Военному Губернатору. (Объ отсрочкѣ высылки изъ Кіева евреевъ, имѣющихъ недвижимую собственность).

Получивъ отношеніе Вашего Превосходительства отъ 8-го минувшаго марта о необходимости разрѣшить евреямъ, имѣющимъ въ Кіевѣ недвижимую собственность, отсрочку высылки ихъ изъ Кіева до 1 февраля 1831 года, я входилъ объ ономъ съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ, полагая дозволить оную съ тѣмъ, чтобъ по минованіи сего срока высылка евреевъ изъ Кіева произведена была безъ всякаго наблюденія (промедленія?), а недвижимыя имущества, могущія и послѣ того времени остаться непроданными, подвергнуть, согласно предположенію Вашему, оцѣнкѣ и публичной продажѣ чрезъ Губернское Начальство.

Комитетъ журналомъ 15-го сего апрѣля, Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія удостоеннымъ, положилъ изъясненное въ семъ представленіи моемъ заключеніе утвердить.

О таковомъ Высочайшемъ утвержденномъ положеніи Комитета Г.г. Министровъ я поспѣшаю увѣдомить Ваше Превосходительство для подлежащаго по оному исполненія и т. д.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Генералъ-Адъютантъ (Закревскій). Скрѣпилъ: Директоръ Покровскій.

[3 мая 1830 г. означенное увѣдомленіе было препровождено Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Кіевскому губернскому управленію, которое отвѣтило на это въ нижеслѣдующемъ документѣ].

№ 11. Представленіе Кіевскаго губернскаго правленія военному губернатору относительно мѣръ по отсрочкѣ выселенія (7 мая 1830).

Его Высокопревосходительству Господину Кіевскому Военному Губернатору, Управляющему Гражданскою Частію, Генералъ-Лейтенанту, Кавалеру и Сенатору Борису Яковлевичу Княжнину. Кіевскаго Губернскаго Правленія Представленіе.

Во исполненіе предложенія Вашего Высокопревосходительства отъ 3 настоящаго маія за № 1014, отъ Губернскаго Правленія предписано Кіевской Полиціи: 1) чтобы она немедленно, тотъ-часъ по полученіи предписанія всѣмъ тѣмъ евреямъ, кои имѣютъ въ Кіевѣ недвижимую собственность, объявила за подпискою каждому Высочайше утвержденное положеніе комитета Г. г. Министровъ и предложеніе Вашего Высокопревосходительства, и ту подписку непремѣнно къ 10-му числу маія мѣсяца доставила въ Губернское Правленіе. Затѣмъ 2-е, учинила бы вѣрный списокъ или вѣдомость именную о всѣхъ оныхъ евреяхъ, имѣющихъ еще въ Кіевѣ недвижимую собственность, съ показаніемъ, кто изъ нихъ и какую имѣетъ,—то есть: домы или лавки, — и доставила бы таковую вѣдомость къ 15-му числу сего же Маія въ сіе правленіе, а самимъ имъ внушила, что какъ по Высочайше утвержденному положенію Комитета г. г. Министровъ отсрочена высылка ихъ изъ Кіева до 1-го февраля 1831 года, съ тѣмъ чтобы по минованіи сего срока таковая высылка изъ Кіева ихъ евреевъ произведена была безъ всякаго послабленія, а недвижимыя имущества, могущія и послѣ того времени остаться непроданными, подвергнуть оцѣнкѣ и публичной продажѣ чрезъ Губернское Начальство, на что и положено сроку по 1-е маія того 31 года,—посему въ

теченіе означеннаго сроку, то есть до 1-го февраля, и постарались бы они евреи продать свои недвижимыя имущества, ибо если сего и не исполнятъ, въ продолженіе назначеннаго срока тѣхъ имуществъ своихъ сами не продадутъ, то оные непремѣнно будутъ оцѣнены и проданы съ публичнаго торгу по распоряженію Губернскаго Начальства, какъ о семъ повелѣно Высочайше утвержденнымъ объ нихъ Положеніемъ Комитета Министровъ; въ слѣдствіе чего: 3) оной полиціи поставлено въ обязанность имѣть неупустительное наблюденіе за исполненіемъ евреями показанной Высочайшей воли, и кто изъ нихъ въ теченіе лѣта продастъ недвижимую свою собственность и отсюда переселится, имѣетъ полиція въ то же время доносить Губернскому Правленію для отмѣтки таковыхъ по вѣдомостямъ, а съ окончаніемъ назначеннаго 1-го числа будущаго февраля, тотъ-часъ описавъ всѣ тѣ недвижимыя еврейскія имущества, которыя останутся ими непроданные, съ положеніемъ подлежащей оной оцѣнкѣ, доставить описи въ Губернское Правленіе для распоряженія о продажѣ съ публичнаго торгу, о чемъ дано знать Кіевскому Магистрату; увѣдомлена здѣшняя казенная палата и Вашему Высокопревосходительству Губернское Правленіе честь имѣемъ донести.

Подписали: Совѣтникъ Иванъ Ладолинскій. Совѣтникъ Иванъ Дейша. Маія 7 д я 1830 года.

[Это донесеніе Губернскаго правленія было сообщено военнымъ губернаторомъ въ отношеніи къ министру внутр. дѣлъ отъ 12 мая 1830 г.].

№ 12. Прошеніе Кіевскихъ евреевъ на высоч. имя о дозволенія имъ водвориться на рѣкѣ Лыбеди (25 мая 1830 г.).

III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, по приказанію Господина Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа, препровождаетъ при семъ на благоусмотрѣніе Его Превосходительства, Господина Кіевскаго Военнаго Губернатора Бориса Яковлевича, всеподданѣйшее прошеніе Кіевскихъ Евреевъ, поданное ими во время путешествія Его Величества, о дозволеніи поселиться имъ на рѣкѣ Лыбеди. № 2335. 10 іюня 1830 г. Подписалъ Управляющій Отдѣленіемъ... Его Превосходительству Б. Я. Княжнину.

Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь!

Священная Воля Вашего Императорскаго Величества опредѣлила переселеніе наше изъ города Кіева еще въ минувшемъ году; а отеческое милосердіе хотя и даровало отсрочку сего событія еще на годъ, чтобы доставить намъ болѣе способовъ къ водворенію себя на другихъ мѣстахъ, но мы не могли воспользоваться таковою Монаршею Вашего Императорскаго Величества милостію, какъ по неразрѣшенію до сего времени прошенія нашего о поселеніи насъ на рѣкѣ Лыбеди въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кіева, равно и черезъ предположенную ломку домовъ въ Кіево-Печерскѣ для постройки крѣпости, ибо ни мы не знаемъ куда переселяться, ниже покупщики не знаютъ, которые изъ нашихъ домовъ пойдутъ на ломку, слѣдовательно въ раззореніе владѣльцу.

Внемли, Всемилостивѣйшій Государь, горестному воплю многихъ несчастныхъ семействъ, повели согласить наши обстоятельства и способы съ священною Твоею Волею, желающею видѣть благо однихъ безъ гибели

другихъ Твоихъ вѣрноподданныхъ, — повели быть нашему водворенію на рѣкѣ Лыбеди.

Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанные, Кіевскихъ жителей Старѣйшихъ. Подлинное подписали: Соломонъ Бернеръ и Зеликъ Слуцкій. Маія 25 дня 1830 года. Кіевъ.

№ 13. „Выписка, составленная изъ дѣла въ Кіевской Казенной Палатѣ о евреяхъ, бывшихъ въ настоящей ревизіи по Кіеву записанныхъ, и сколько изъ нихъ куда именно перечислено, и затѣмъ сколько еще остается безъ перечисленія. Іюля 10 дня 1830 Года".

[Не приводя здѣсь подробныхъ таблицъ, цитируемъ общій итогъ:

1) Перечислено изъ Кіева въ разныя мѣста Кіевской же губерніи—въ кагалы повѣтовъ Васильковскаго, Богуславскаго, Сквирскаго, Таращанскаго, Липовецкаго, Махновскаго, Уманскаго, Чигиринскаго, Черкасскаго, Радомысльскаго (одинъ еврей, принявшій христіанскую вѣру, былъ перечисленъ въ Кіевскіе мѣщане)	534 евр.
2) Перечислено въ другія губерніи (Черниговскую, Полтавскую, Волынскую, Херсонскую, Екатеринославскую и Московскую	57 „
3) Исключено изъ списковъ умершихъ и убылыхъ Кіевскихъ евреевъ	122 „
Итого . . .	713 евр.]

№ 14. Отзывъ Кіевскаго военнаго губернатора о необходимости отклонить ходатайства евреевъ относительно дальнѣйшей отсрочки (іюль 1830 г.).

Милостивый Государь, Александръ Христофоровичъ.

III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, по приказанію Вашего Высокопревосходительства, препроводило ко мнѣ всеподданнѣйшее прошеніе Кіевскихъ евреевъ, поданное ими во время путешествія Его Величества, о дозволеніи поселиться имъ на рѣкѣ Лыбеди.

Обстоятельство сіе обращаетъ меня къ первоначальной причинѣ высылки евреевъ изъ Кіева... [Далѣе излагается ходъ дѣла по предыдущимъ документамъ].

...Относительно же дозволенія евреямъ поселиться на рѣкѣ Лыбеди, то они о семъ подавали Государю Императору въ августѣ мѣсяцѣ 1828 года всеподданнѣйшее прошеніе, которое по Высочайшему повелѣнію было внесено на разсмотрѣніе въ Комитетъ Г.г. Министровъ. Комитетъ г.г. Министровъ по таковой просьбѣ, имѣя въ виду, что предметъ сей во всей подробности былъ разсмотрѣнъ и всѣ обстоятельства по оному были въ соображеніи, положилъ: означенную просьбу евреевъ оставить безъ уваженія, о чемъ и было объявлено еврейскимъ старѣйшинамъ съ подпискою 29 декабря 1828 года, которую и подписалъ и нынѣшній проситель купецъ Соломонъ Бернеръ.

Усматривая изъ сего, что главный предметъ настоящей просьбы евреевъ, относительно переселенія ихъ на рѣку Лыбедь, оставленъ безъ уваженія, а потому я полагаю, что нынѣ таковая ихъ просьба тѣмъ

болѣе не можетъ имѣть мѣста, ибо съ предположеніемъ укрѣпленія Кіева жители Печерскаго мѣста онаго должны будутъ переселиться на рѣку Лыбедь, которая войдетъ уже въ черту города. Сверхъ сего я не вижу особенныхъ причинъ, по коимъ можно бы было измѣнить прежнее распоряженіе Правительства по сему предмету, а потому остаюсь въ томъ убѣжденіи, что домогательство евреевъ на счетъ переселенія ихъ въ окрестности Кіева, за силою рѣшительно состоявшихся по сему предмету постановленій, слѣдуетъ отвергнуть.

Что же касается до того, что будто бы Кіевскимъ евреямъ не указано мѣсто, куда переселиться изъ Кіева, то неосновательность сего доказывается тѣмъ: 1) что по 4-му пункту Высочайшаго указа 2-го декабря 1827 года предоставлено имъ избрать по ихъ желанію такіе города, которые открыты для постояннаго ихъ пребыванія, и 2) тѣмъ, что они на основаніи сего перечислены уже въ таковые города.

Относительно же того, что не производится продажи еврейскихъ домовъ чрезъ предположенную постройку крѣпости, то причиною сего первоначально была частью разсчетливость и частью собственная ихъ безпечность, ибо они, питаясь надеждою, что чрезъ домогательства свои смогутъ остаться въ Кіевѣ, въ теченіе срочныхъ двухъ лѣтъ... совершенно не старались о продажѣ своихъ домовъ, потому что изъ семидесяти (70) продано въ два года только четыре дома.

Сообщая Вашему Высокопревосходительству мысли мои по сему предмету, нужнымъ считаю возвратить при семь доставленное ко мнѣ всеподданнѣйшее прошеніе вмѣстѣ съ запиской еврейскихъ старѣйшинъ.

[Воен. губернаторъ Княжнинъ].

№ 2234. Гор. Кіевъ. 11 іюля 1830 года. Его Высокопревосходительству А. Х. Бенкендорфу.

№ 15. Прошеніе евреевъ объ отсрочкѣ выселенія ихъ изъ Кіева въ виду свирѣпствующей холеры (18 дек. 1830 г.)

Его Высокопревосходительству, Кіевскому Военному Губернатору, управляющему и Гражданскою частью, Господину Генералъ-Лейтенанту, Сенатору и разныхъ орденовъ кавалеру Борису Яковлевичу Княжнину. Проживающихъ въ городѣ Кіевѣ евреевъ купеческаго и мѣщанскаго сословія— Прошеніе.

Высочайшая воля опредѣлила срокъ на переселеніе наше изъ города Кіева 1 февраля слѣдующаго года. Воля Монарха Священна, но таковая же въ 38 пунктѣ Губернаторскаго и Воеводскаго Наказа и Высочайшихъ учрежденій о губерніяхъ, въ статьяхъ 238, 239 и 240, начертала попечительныя мѣры къ исцѣленію человѣческаго рода вѣрноподданныхъ и предохраненію отъ предстоящей опасности въ ихъ жизни. Почему и осмѣливаемся изложить предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, какъ Намѣстникомъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора, слѣдующія обстоятельства. Большая часть съ насъ, жительствующихъ еще здѣсь въ Кіевѣ, приписаны къ городу Василькову, куда и переселеніе наше быть долженствуетъ. Городъ сей, будучи и такъ обремененъ тѣснотою жительствомъ отъ переселившихся изъ Кіева туда уже евреевъ, подверженъ той угрожающей по случаю свирѣпствующей въ сосѣдственности того города болѣзни опасности, противъ которой Правительствомъ предпринимаются спасительныя мѣры;

слѣдовательно, переселеніе наше съ семействами въ означенное время навлечетъ тому городу сугубое отягощеніе, служащее къ совмѣстному подверженію величайшей опасности.

Кромѣ того выселеніе наше изъ города Кіева въ настоящемъ случаѣ сопряжено съ неминуемою опасностію въ жизни нашей, также и потому, что всякое новое переселеніе изнуреваетъ (sic) и разслабляетъ здоровье каждаго, а тѣмъ болѣе юношей и женскаго пола, что одно сіе можетъ здѣлать большое на здоровье ихъ вліяніе; и когда въ окружностяхъ слухи о болѣзняхъ неблагопріятствующихъ, то водворясь въ какое либо новое мѣсто при перемѣнѣ образа жизни, какъ можемъ мы не ожидать вредъ въ здоровьи?.. Одно воображеніе о семъ приводитъ насъ въ трепетъ и разстраиваетъ унылый нашъ духъ.

Въ такомъ особенномъ случаѣ мы не предвидимъ никакого способа къ спасенію, какъ только излить съ сокрушеннымъ сердцемъ моленіе наше предъ особою Вашего Высокопревосходительства и просить единой милости.

Ваше Высокопревосходительство, воззрите окомъ милосердія на таковое жалкое и плачевное положеніе наше, обратите на угнетенную (угнетающую?) насъ участь свойственное великодушной особѣ Вашей вниманіе: не оставьте учинить представленіе Ваше объ отсрочкѣ нашего переселенія изъ города Кіева до 1-го мая слѣдующаго 1831 года, когда температура благопріятнаго воздуха, опровергая (?) жестокости свирѣпствующей болѣзни, вмѣстѣ съ тѣмъ укажетъ намъ удобства къ безопасному выѣзду изъ Кіева.

Декабря 18 дня 1830 года. Подп. Васильковскій купецъ Зеликъ Слуцкій; Васильковскій купецъ Маіоръ Гернеръ, Васильковскій купецъ Соломонъ Бернеръ, Васильковскій купецъ Шлема Лемберхъ.

№ 16. Отказъ военнаго губернатора въ предыдущемъ ходатайствѣ.
Кіевской Городской Полиціи.

На поданное мнѣ отъ проживающихъ въ городѣ Кіевѣ евреевъ прошеніе объ отсрочкѣ переселенія ихъ изъ города Кіева въ тѣ мѣста, куда они перечислились до 1 мая 1831 года, предписываю Городской Полиціи объявить просителямъ. По списку журналомъ Комитета Гг. Министровъ, Высочайше утвержденнымъ въ 15 день Апрѣля сего года, постановлено: Евреямъ, имѣющимъ въ Кіевѣ недвижимую собственность, отсрочить высылку ихъ изъ Кіева до 1 Февраля 1831 года, о чемъ имъ посредствомъ Губернскаго Правленія и объявлено съ тѣмъ, что недвижимыя имущества ихъ, могущія и послѣ 1 февраля 1831 года остаться непроданными, подвергнуть оцѣнкѣ и публичной продажѣ посредствомъ губернскаго начальства, на что и дано будетъ сроку по 1 мая 1831 года,— то посему я не смогу ничего сдѣлать къ удовлетворенію означеннаго прошенія жительствующихъ здѣсь евреевъ, а слѣдуетъ имъ исполнить въ точности Высочайшую волю и поспѣшить продажею своихъ домовъ. Если же которые останутся до 1 февраля непроданными, то и безъ бытности ихъ будутъ проданы мѣстнымъ начальствомъ съ публичныхъ торговъ. При объявленіи сего взыскать съ просителей за сіе гербовую одинъ листъ бумагу слѣдующія въ казенный доходъ деньги, которыя и отправить въ Уѣздное Казначейство.

Подписалъ: Кіевскій Военный Губернаторъ, Генералъ-Лейтенантъ Сенаторъ (Княжнинъ).

№ 17. Предложеніе А. Х. Бенкендорфа объ оказаніи Кіевскимъ евреямъ покровительства, **въ виду начавшагося польскаго возстанія (22 декаб. 1830 г.).**

Милостивый Государь, Борисъ Яковлевичъ.

Повѣренные Кіевскаго Еврейскаго общества, по случаю оканчивающейся Всемилостивѣйше дарованной отсрочки для предположеннаго ихъ переселенія, просятъ о дальнѣйшемъ оной продолженіи. Въ слѣдствіе сего, Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Ваше Превосходительство, принявъ въ уваженіе настоящія политическія обстоятельства *), въ коихъ евреи могутъ иногда быть употреблены съ пользою, объяснились по сему предмету съ Г. Генералъ-Фельдмаршаломъ Графомъ Сакеномъ, на тотъ конецъ, дабы оказать Кіевскому Еврейскому Обществу, по благоусмотрѣнію вашему, возможное покровительство.

Въ ожиданіи благосклоннаго вашего увѣдомленія о послѣдующемъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и такою же преданностію, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга (подпись неразборчива) **). № 5128. 22 декабря 1830 года. Его Превосходительству Б. Я. Княжину.

№ 18. Отвѣтъ Кіевскаго военнаго губернатора на предыдущее предложеніе въ положительномъ смыслѣ (начало 1831 г.). — [Въ копіяхъ имѣется неоконченный документъ, совершенно тождественный съ первою половиною „Отношенія Кіев. воен. губернатора“, напечатанною во В. П. Собр. зак. т. VI, № 4332: См. Леванда, Сбор. зак., стр. 294.].

Сообщ. **И. Галантъ.**

Виленскіе евреи въ началѣ XIX вѣка.

Въ издаваемой въ Вильнѣ „Библіотекѣ Мемуаровъ“ недавно появились мемуары доктора Іосифа Франка, профессора виленскаго университета ***). Іосифъ Франкъ (1771—1842) былъ сыномъ извѣстнаго въ свое время врача, профессора вѣнскаго университета. Отецъ его былъ приглашенъ въ 1804 г. въ Вильно, гдѣ учредилъ медицинскую клинику, а въ 1805 г., по приглашенію Александра I, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ состоялъ профессоромъ Медико-хирургической Академіи. Вмѣстѣ съ отцомъ пріѣхалъ также сынъ, который занялъ кафедру патологіи. Въ Вильнѣ Іосифъ Франкъ прожилъ 19 лѣтъ (1804—1823). Оттуда уѣхалъ въ Италію, гдѣ написалъ свои мемуары на французскомъ языкѣ. Мемуары содержатъ массу интересныхъ подробностей о жизни Вильны въ первую четверть 19 вѣка. Между прочимъ мы находимъ въ этихъ мемуарахъ нѣкоторые эпизоды изъ жизни евревъ. Для оцѣнки освѣщенія этихъ эпизодовъ, необходимо

*) Польское возстаніе, начавшееся въ ноябрѣ 1830 г.—*Ред.*

**) Какъ видно изъ слѣдующаго документа № 18, подписалъ А. Х. Бенкендорфъ.— См. еще Леванда. Сборн. законовъ о евреяхъ, № 231.

***) Pamiętniki D-ra Józefa Franka... Z francuzkiego przetłomaczył etc. W. Zahorski. Tom I, Wilno. 1913.

предупредить, что Франкъ относился къ евреямъ весьма недружелюбно.

Въ 1803 г. въ Вильнѣ, по его словамъ, жило 11 тысячъ евреевъ, которые за немногими исключеніями занимались торговлею и факторствомъ. Какъ практикующій врачъ, Франкъ часто сталкивался съ мѣстными евреями, и свои наблюденія онъ сообщаетъ въ связи съ этими врачебными визитами. Между прочимъ, онъ разсказываетъ о евреяхъ-врачахъ въ Вильнѣ того времени, т. е. начала 19 вѣка, много интереснаго въ бытовомъ отношеніи.

„Между виленскими врачами—пишетъ онъ—былъ извѣстный еврей Любошицъ*), который нѣкогда изучалъ медицину въ Галле. Не обладалъ онъ знаніемъ, но придерживаясь доктрины Фридерика Гоффмана **), практиковалъ съ большимъ успѣхомъ. Кромѣ того онъ былъ очень скупъ. Любошицъ безсовѣстно торговался съ больными передъ подачею совѣта. Онъ не стыдился посѣщать паціентовъ другихъ врачей безъ ихъ вѣдома. Мой отецъ не былъ исключеніемъ. Любошицъ самоувѣренно говорилъ, что уважаетъ Франка какъ ученаго, но не признаетъ его метода леченія... Такъ какъ послѣ моего пріѣзда въ Вильно евреи бросились ко мнѣ, какъ это они обыкновенно дѣлаютъ по отношенію къ каждому новоприбывающему врачу, то я имѣлъ часто случаи встрѣчаться съ Любошицемъ. Одно обстоятельство расположило меня въ его пользу. Каждый разъ когда мнѣ случалось у него быть, я находилъ на столѣ сочиненія, разсуждающія о медицинѣ, особенно о болѣзняхъ, которыя Любошицъ въ это время лѣчилъ. Его библіотека состояла изъ первоклассныхъ медицинскихъ произведеній. Когда Любошицъ имѣлъ серьезнаго больного, за котораго хорошо платили, онъ могъ просиживать у кровати больного цѣлые часы. Разсказываютъ, что однажды, изслѣдуя пульсъ больного, Любошицъ шевелилъ губами и что то шепталъ. Сперва казалось всѣмъ, что онъ считаетъ удары пульса, но вскорѣ убѣдились, что держа другую руку въ карманѣ, онъ считалъ находящіеся тамъ дукаты. Если паціентъ бросалъ его для другого врача, а потомъ недовольный смѣной желалъ возвратиться къ нему, Любошицъ назначалъ за это денежный штрафъ, болѣе или менѣе высокій, въ зависимости отъ средствъ больного.

„Хотя еврейская практика прекрасно оплачивалась, однако денежный интересъ не могъ бы меня привлечь къ этой очень непріятной практикѣ, если-бъ я не имѣлъ другой цѣли. А цѣль была такая: я желалъ изучить характеръ и обычаи этого удивительнаго населенія, которое нельзя сравнивать съ евреями западной Европы, болѣе или менѣе ассимилировавшимися съ христіанами и ничего общаго не имѣющими съ литовскими евреями.

*) Любошицъ игралъ важную роль среди виленскихъ врачей. Онъ былъ однимъ изъ основателей Медицинскаго Общества въ Вильнѣ. См. Zahorski. Zarys dziejow T—wa Lekarskiego w Wilnie. 1898.

**) Нѣмецкій врачъ (1660—1742), авторъ многихъ медицинскихъ трудовъ.

„Если—думалъ я—столько врачей подвергаютъ себя опасности, уѣзжая въ далекіе края для изслѣдованія свирѣпствующихъ тамъ болѣзней, почему же мнѣ слѣдуетъ бояться непріятностей, связанныхъ съ леченіемъ евреевъ? Вѣдь, въ концѣ концовъ, что можетъ со мной случиться? Углубляться во дворы, полные мусора, рисковать сломать себѣ шею, поднимаясь по узкимъ лѣстницамъ, входить въ тѣсныя и грязныя квартиры, дышать зараженнымъ воздухомъ, наконецъ набраться всякаго рода вредныхъ насѣкомыхъ—вотъ все, что мнѣ грозило. Сперва я съ трудомъ понималъ говоръ евреевъ, которые, употребляя нѣмецкій языкъ, ввели массу польскихъ словъ. Вотъ образчики этой рѣчи. Больная еврейка говоритъ: „Od trzech miesięcy choruję na kadochus" (я три мѣсяца болѣю кадохусъ, т. е. лихорадкой), или „Byłam wtedy cięźarna a bocher" (я была тогда беременна бохеромъ, т. е. мальчикомъ): „Moje kadochus powraca mesles" (моя лихорадка возвращается черезъ меслесъ, т. е. сутки), и т. п. Зато евреи прекрасно меня понимали, но мучила меня и раздражала необходимость повторять одно и то же нѣсколько разъ. Хотя я съ терпѣніемъ выслушивалъ ихъ жалобы и разсказы, а потомъ съ большой точностью сообщалъ, какъ они должны себя вести, паціенты все-таки возвращали меня по 3—4 раза для новыхъ объясненій.

„Удивительны уловки, къ которымъ прибѣгаютъ евреи, чтобы принудить врача къ заботливому леченію больныхъ. Желая задержать врача у постели больного какъ можно дольше, евреи никогда не приготовляютъ всего, что нужно для написанія рецепта. Оттого, наученный опытомъ, я постоянно все необходимое имѣлъ при себѣ. Одинъ еврей вообразилъ, что если я буду ожидать щедраго вознагражденія, то напишу лучшій рецептъ; для этого онъ во время, когда я писалъ рецептъ, держалъ на виду серебряный рубль, а когда я кончилъ писаніе, положилъ мнѣ другой рукой на столъ 50 грошей.

„Слѣдуетъ отдать справедливость польскимъ евреямъ: они ухаживаютъ за своими больными съ исключительной заботливостью. Въ этомъ отношеніи нѣтъ для нихъ слишкомъ тяжелой жертвы... (Далѣе авторъ указываетъ, что бытъ евреевъ располагаетъ ихъ къ разнымъ болѣзнямъ). Бракъ они обыкновенно заключаютъ въ очень юномъ возрастѣ. Располагаютъ къ болѣзнямъ и посты, плохое питаніе, часто состоящее изъ лука и селедки, религіозные обряды, которымъ сопутствуютъ крики въ зараженномъ воздухѣ синагоги; торговля, опирающаяся на контрабанду, вслѣдствіе чего евреи такъ часто болѣютъ сердцемъ; грубое обхожденіе съ евреями со стороны военныхъ, полиціи и прочихъ жителей; страшная неопрятность, отъ описанія которой воздерживаюсь въ интересахъ читателя. А все-таки я замѣтилъ, что у этого племени удивительный организмъ, который, какъ мнѣ кажется, благодаря восточному происхожденію евреевъ, отличается необыкновенною силою сопротивленія по отношенію къ нѣкоторымъ болѣзнямъ. Теченіе острыхъ болѣзней у евреевъ обыкно-

венно болѣе правильно, чѣмъ у другихъ народовъ, среди которыхъ я практиковалъ. Леченіе ихъ было бы еще интереснѣе, если-бы можно было совершать вскрытіе труповъ. А вѣдь древніе евреи разрѣшали это".

Этимъ исчерпываются свѣдѣнія о евреяхъ въ мемуарахъ Франка.

Сообщ. **Я. Шацкинъ.**

Еврейская торговая опись въ Бѣлоруссіи (1772 г.).

Нижеслѣдующій документъ [1]) представляетъ собою опись товаровъ, привезенныхъ евреемъ Ицкою Блохомъ для продажи, составленная вѣроятно для ихъ оплаты пошлиною.

Документъ написанъ на русской гербовой бумагѣ 1770 года и составленъ 2 года спустя, въ декабрѣ того 1772 года, когда Витебскъ въ составѣ Бѣлоруссіи былъ присоединенъ, по первому раздѣлу Польши, къ Россіи.

Подпись подъ русскимъ текстомъ сохранилась въ подлинникѣ на еврейскомъ языкѣ.

„Я, нижеподписавшійся города Витебска житель Ицка Блохъ, черезъ сіе объявляю, что имѣю при себѣ разныхъ иностранныхъ товаровъ, а именно:

47 штукъ и 39 остатковъ сукна шленскаго корноваго, мѣрою всего 1182 аршина съ половиною.

21 аршинъ сукна французскаго изъ шерсти дѣланнаго тонкаго.

1 штука саржъ-де-рому шерстяного, мѣрою 40 аршинъ.

3 штуки стамеду двойного, мѣрою 70 аршинъ.

3 штуки и 17 остатковъ камлоту гаруснаго, средней доброты, мѣрою 265 аршинъ.

8 остатковъ глазету и табалету шерстяного, мѣрою 107 аршинъ.

5 остатковъ коломянки шерстяной, мѣрою 80 аршинъ.

4 штуки бумазеи, мѣрою 88 аршинъ.

3 остатка стамеду шерстяного ординарнаго, мѣрою 30 аршинъ.

1 дюжина и 4 платка шерстяныхъ полуиталіанскихъ.

34 платка полуситцевыхъ европейскихъ, мѣрою 34 аршина.

3 штуки ширу шерстяного, мѣрою 138 аршинъ.

3 штуки и 1 остатокъ полотна иностраннаго, мѣрою 150 аршинъ.

3 штуки канифасу бумажнаго, мѣрою 45 аршинъ.

Полдюжины чулокъ польскихъ шерстяныхъ мужскихъ.

Полдюжины рукавицъ такихъ же мужскихъ.

6 остатковъ тафты италіанской одноцвѣтной одинакой, мѣрою 136 аршинъ.

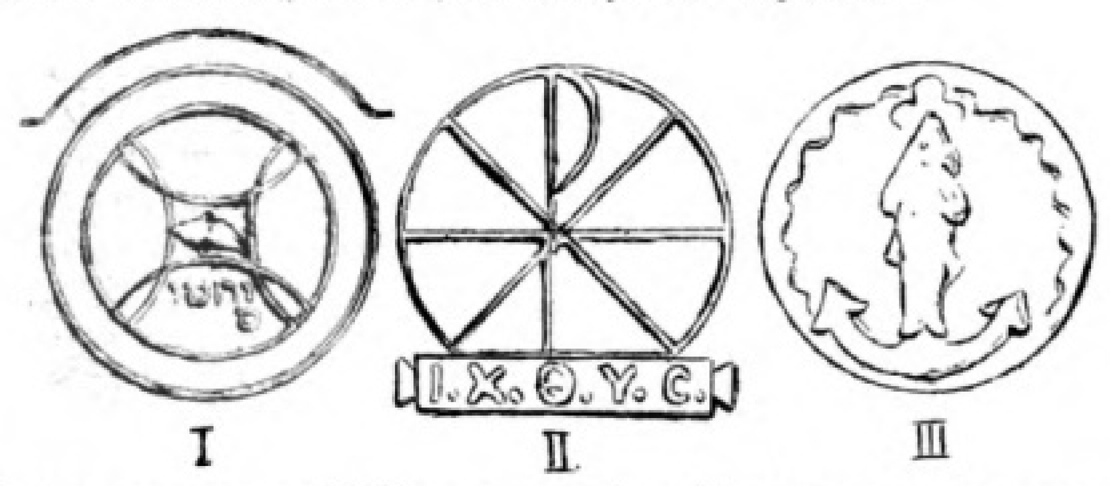
5 остатковъ атласу разноцвѣтнаго съ трипами, мѣрою 90 аршинъ.

70 аршинъ атласу французскаго златнаго тонкаго.

---

[1]) Присланъ въ подлинникѣ въ архивъ Евр. Историко-Этнограф. О-ва г. І. Рыскинымъ изъ м. Уллы, Витебск. губ.

также, какъ тѣ, надпись круговыми чертами и изображеніемъ рыбы (ἰχθυς—по гречески значитъ рыба)? Если вѣрить мнѣнію Питра, приведенному у Форера [1]), что первоначальное изображеніе рыбы, какъ символа счастья, принадлежитъ Александріи и притомъ особенно тамошней общинѣ іудео-христіанъ, и если даже предположить, что тогда еще неизвѣстно было толкованіе этого слова въ смыслѣ аббревіатуры христіанской фразы Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήρ (Іисусъ Христосъ Божій сынъ, Спаситель), которое появилось по мнѣнію Пишеля лишь въ концѣ II и началѣ III вв. хр. эры [2]), то и тогда можно допустить, что этотъ памятникъ относится къ I-му вѣку. За это говоритъ, какъ указано выше, характеръ рисунка и самой надписи; этому не противорѣчитъ также изображеніе буквъ въ надписи, такъ какъ и на другихъ памятникахъ того времени встрѣчаются буквы такого же начертанія. Это подтверждается также способомъ переноса части слова, а иногда и одной буквы на слѣдующую строку, который также видимъ почти на всѣхъ древнихъ еврейскихъ и вообще семитскихъ памятникахъ. Сколько стильнаго сходства между этимъ и нѣкоторыми христіанскими памятниками, можно видѣть изъ сравненія рисунка нашего памятника (I) съ рисунками древне-христіанскихъ памятниковъ (II и III[3]), гдѣ изображенъ символъ „ихтисъ“, по слѣдующей параллели:

I II III

Надпись на памятникѣ № 2 въ статьѣ г. Гидалевича можно прочитать:

מרדכי בן משלם	или	מרדכי בן בִּשְׁלָם

Если допусить чтеніе בשלם, то это относитъ насъ почти къ библейскому времени (Ср. кн. Эзра IV, 7). Возможно, что это имя сохранилось и въ эллинскомъ періодѣ нашей исторіи, а затѣмъ перекинуто было черезъ море въ Крымъ.

Памятникъ № 3, судя по снимку, такъ поврежденъ, что врядъ-ли можно что-нибудь уяснить въ стертой надписи. Единственное, что можно достовѣрно сказать—это то, что и онъ еврейскій. Вывести же какую нибудь дату изъ нижней строчки—болѣе чѣмъ рискованно, такъ какъ съ одинаковымъ успѣхомъ можно здѣсь прочитать имя יה׳ד׳ה съ точками наверху, вмѣсто предположенныхъ הרפ״ה или הרמ״ה.

Д. Маггидъ.

---

[1]) Forrer's Reallexicon (Berlin 1907) S. 243.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Ср. F. I. Dölger. Das Fischsymbol in frühchristlicher Zeit (Rom. 1910), Fig. 25 и 26.

Изъ историческихъ журналовъ.

---

1. Исторія села Іудина. Іудействующіе въ Сибири [1]).

„Въ концѣ первой или началѣ второй половины царствованія Николая Павловича, въ Сибирь—„за вѣру“—сослано было не мало субботниковъ и молоканъ; часть ихъ, преимущественно помѣщицкіе крестьяне Воронежской, Саратовской и Самарской губерній, попали въ Енисейскую губ. и были поселены въ Красноярскомъ округѣ, въ селѣ Заледеевскомъ, въ 27 вер. отъ города Красноярска, по пути въ Томскъ. Прожили они здѣсь не долго, и субботники первые начали хлопотать о дозволеніи имъ переселиться въ другое мѣсто. Просьба ихъ была уважена, и іудействующіе отправили ходоковъ для розыска удобныхъ земель.

Ходоки, послѣ долгихъ странствованій по дебрямъ Минусинскаго округа, облюбовали, наконецъ, мѣсто по рѣчкѣ Сосѣ, притоку Абакана. Здѣсь они основали деревню и, какъ поклонники Ветхаго Завѣта, назвали ее „Обѣтованною“, каковое названіе соотвѣтствовало отчасти географическимъ условіямъ мѣстности: на сѣверъ отъ новаго поселенія тянулась громадная пустынная степь; на югѣ — непроходимая горная тайга; кругомъ—земли дикихъ инородцевъ; нетронутая же плугомъ земля, достаточное количество воды и близость лѣса давали возможность думать о хорошемъ существованіи для земледѣльца, а отдаленность отъ бюрократическихъ центровъ [2]) и глушь, служа защитой отъ разныхъ наѣздовъ, гарантировали такимъ образомъ духовную сторону сектантовъ.

Въ послѣднемъ субботники были разочарованы уже на первыхъ порахъ: енисейскій губернаторъ „не потерпѣлъ“ названія „Обѣтованною“ деревни, населенной жидовствующими [3]), а посему... въ честь Іуды предателя, отъ котораго, по мнѣнію просвѣщеннаго правителя, происходили „іудействующіе“, повелѣлъ переименовать „Обѣтованную“ въ „Іудино“. Съ тѣхъ поръ деревня носитъ оффиціальное названіе „Іудина“, а неоффиціально „Молоканы“, „Сосы“, „Субботина“ и „Юдино“.

Вскорѣ послѣ основанія новаго поселенія, сюда прибыли всѣ заледеевскіе субботники и молокане, въ количествѣ около 1.000 человѣкъ, изъ которыхъ почти $^{2}/_{3}$ приходилось на долю іудействующихъ, а остальные были воскресники.

---

[1]) Изъ статей И. И. Бѣлоконскаго, „Т. М. Бондаревъ: изъ сибирскихъ воспоминаній“ (сборникъ „На сибирскія темы“, Спб. 1905; авторъ цитируетъ здѣсь свою раннюю статью о томъ же, помѣщенную въ газетѣ „Сибирь“ за 1885 г.), и Н. Чибизова; „Изъ исторіи колонизаціи Минусинскаго уѣзда“ („Сибирскій Архивъ“ 1914 г., кн. II, издается въ Минусинскѣ).—Мѣстный „шойхетъ“ г. Лобзовскій, состоявшій въ этой должности 12 лѣтъ, сообщилъ мнѣ въ 1911 г., что въ д. Іудинѣ живетъ до тысячи семействъ субботниковъ.—С. Вейлинъ.

[2]) Отъ Минусинска до д. Юдино, если ѣхать степью, „татарами“—130 вер.; если ѣхать деревнями, черезъ русскія поселенія — 187 вер. Теперь Юдино причислено къ вновь образованной Бейской волости, въ с. Бейскомъ, отъ котораго до Юдиной 33 вер.

[3]) Благодаря пребыванію субботниковъ, въ минусинскомъ округѣ запрещено селить евреевъ.

То обстоятельство, что субботникамъ и молоканамъ былъ воспрещенъ переходъ изъ разъ избраннаго мѣста на другое и что облюбованная ими для деревни мѣстность была окружена землями татаръ, послужило сначала причиною основанія въ Іудиной общиннаго землевладѣнія, а впослѣдствіи повлекло за собою оскудѣніе сектантовъ.

Дѣло въ томъ, что новымъ переселенцамъ изъ татарскихъ земель было нарѣзано въ надѣлъ всего по 8 десятинъ разныхъ качествъ земли на ревизскую душу, что для этой части Минусинскаго округа, гдѣ почва не удобряется и родитъ хорошо только при условіи чуть не ежегодной перемѣны старой земли на совершенно новую, было весьма недостаточно и заставило сектантовъ, несмотря на бывшія въ первое время религіозныя распри, владѣть землею на общинныхъ, неизвѣстныхъ почти въ Сибири, началахъ. Общинность эта, въ связи съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ жителей и абсолютною въ первое время трезвостью ихъ, сразу подняла д. Юдино на высокую ступень земледѣльческой культуры, такъ что тогда уже нужно было думать о пріобрѣтеніи рынка для сбыта большого количества хлѣба и овощей.

Съ одной стороны — сбыть было не легко, съ другой — не трудно: выѣздъ субботникамъ и молоканамъ изъ Юдиной, какъ мы уже сказали, строго воспрещался и чтобы отлучиться, напримѣръ, на самое незначительное разстояніе, приходилось брать всякій разъ особый видъ, что, конечно, совершенно убивало торговлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ сектанты не имѣли почти конкуррентовъ: культура сибиряковъ стояла тогда на невысокой ступени; въ старинной, напримѣръ, деревнѣ Арбатахъ, въ 35 вер. за Юдиной, въ то время и долго послѣ вовсе не было телѣгъ, не было никогда колесной дороги, о культурѣ земледѣльческой не могло быть и рѣчи. Съ трудомъ субботники и молокане добивались все-таки разрѣшенія койкогда сплавить хлѣбъ по р. Енисею, на сѣверѣ губерніи, но этого было мало: ежегодный запасъ хлѣба и овощей, масса скота далеко превышали мѣстное потребленіе. Къ счастію, открывшіеся по близости въ округѣ золотые пріиски создали громадный спросъ на продукты юдинскихъ жителей; съ этого времени экономическое положеніе деревни начало улучшаться весьма быстро.

Прошло лѣтъ 8—10. Юдино разрослось въ большую деревню и вытянулось въ одну длинную, трехверстную улицу, которая раздѣляется рѣчкою на двѣ „стороны": „субботническую" и „молоканскую", хотя постройки идутъ безпрерывно; сектанты жили припѣваючи и служили примѣромъ для сибиряковъ, которые и теперь хвалятъ „молоканъ": „что и говорить— народъ трезвый, работящій!"—услышите вы на всемъ пути въ Юдино. Устраиваясь въ матеріальномъ отношеніи, сектанты не забыли и духовной стороны: субботники и молокане строго соблюдали каждый свое ученіе; между разнородными сектантами прекратились споры, каждый твердо держался своего; словомъ, въ Юдиной жили два общества съ выработанными и ясными для нихъ взглядами на жизнь".

Во второй изъ указанныхъ статей („Сибир. Арх.", ук. м.) сообщаются слѣдующія свѣдѣнія изъ оффиціальныхъ архивовъ:

„Громадная деревня Іудина находится верстахъ въ 100 къ юго-западу отъ г. Минусинска, если ѣхать „татарами" т. е. степью. Деревня эта „населена въ 1833 году 82 душами, по волѣ прибывшихъ изъ Воронеж-

ской губ. крестьянъ іудействующей секты" [1]). Первые насельники, склонные къ библейской терминологіи, назвали свою деревню Обѣтованной, но волею судебъ" [2]) это названіе замѣнено было впослѣдствіи другимъ, менѣе благозвучнымъ—Іудиной.

„Мѣстныя власти относились къ Іудействующимъ подозрительно и зорко слѣдили за ними. Прошло полтора десятка лѣтъ съ момента основанія поселка, но довѣрія со стороны начальства іудинцы, надо полагать, заслужить не успѣли. 25 августа 1849 г. Енисейскій губернаторъ предписываетъ Минусинскому земскому суду донести, „на какомъ основаніи селятся въ деревнѣ Обѣтованной крестьяне молоканской секты и не самовольно ли зашли они въ Сибирь и поселились въ этой деревнѣ". Началась переписка. Минусинскій земскій судъ указомъ отъ 13 сентября того же 1849 г. предлагаетъ засѣдателю Липколову сообщить требуемыя свѣдѣнія; послѣдній адресуется съ запросомъ въ Щушенское волостное правленіе. Въ результатѣ такъ неожиданно возникшей переписки выяснились нѣкоторыя любопытныя данныя. Оказалось, что „изъ 82 душъ первыхъ насельниковъ деревни Іудиной современемъ перечислилось уже въ Закавказскія провинціи болѣе 50 душъ", но вмѣсто нихъ появляются другіе сектанты—молокане.

„Въ началѣ 1848 г., по указу Енисейской казенной палаты, въ деревню Обѣтованную переселяется „крестьянинъ изъ поселенцевъ Красноярскаго округа, Заледѣевской волости, Ермилъ Кутуковъ съ довѣрителями его, молоканской секты въ числѣ 23-хъ семействъ". Новые переселенцы были „разнаго сословія людьми". Заледѣевскихъ крестьянъ было 46, изъ другихъ волостей Красноярскаго и Ачинскаго округовъ—6 и изъ Томской губерніи—2; всего 54 души.

„Переписка по запросу губернатора тянулась довольно долго, и только въ февралѣ 1850 г. Минусинскій земскій судъ сообщаетъ, что въ деревнѣ Обѣтованной „никто изъ молоканской и другихъ сектъ не поселяется безъ воли начальства".

II. О Кантонистахъ въ 1840—46 г.г. [3]).

„Однажды, ѣхавши изъ деревни (Пензенской губ.) въ Москву, мы обогнали много подводъ, на которыхъ виднѣлись исключительно дѣтскія лица; ихъ сопровождали солдаты; это было зимою. Отецъ, полюбопытствовавъ узнать, что это такое, спросилъ одного изъ солдатъ: откуда эти дѣти? „Изъ Польши", коротко отвѣчалъ солдатъ.—Куда везете ихъ"?—Въ Тобольскъ", былъ отвѣтъ.

Дѣти, на взглядъ отъ трехъ (?) до десяти лѣтъ, принимали подаяніе отца, улыбаясь сквозь слезы. Многія-ли изъ нихъ доѣхали до мѣста назначенія? Одни говорили, что это дѣти шляхтичей; другіе—что это дѣти евреевъ, взятыя у родителей для того, чтобы они скорѣе обрусѣли". . . . . . (многоточіе въ текстѣ записокъ).

Сообщ. **С. Бейлинъ.**

[1]) Цитируется по архивнымъ даннымъ Минусинскаго полицейскаго управленія.

[2]) т. е. тогдашняго Енисейскаго губернатора. См. выше.—Ред.

[3]) Изъ записокъ Н. А. Огаревой-Тучковой. Рус. Старина—1890 г., т. IV. стр. 33-34.

Критика и библіографія.

Новые матеріалы объ участіи евреевъ въ войнѣ 1812 года.

Роль евреевъ въ событіяхъ 1812 года стала съ недавняго времени привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, и тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы относящійся сюда матеріалъ былъ уже собранъ въ полномъ объемѣ. Въ архивахъ таится еще немало актовъ и документовъ, относящихся къ этой войнѣ. Особенно интересенъ матеріалъ архивовъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сосредоточились военныя дѣйствія 1812 года,—и здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ Литва. По случаю недавней столѣтней годовщины міровой войны, открылъ свои хранилища документовъ архивъ Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Передъ нами два тома изданныхъ актовъ и документовъ этого архива, гдѣ разбросано много свѣдѣній объ участіи евреевъ въ войнѣ 1812 года[1]).

Первый томъ этого изданія содержитъ документы, относящіеся къ военному управленію. Изъ нихъ видно, какую важную роль играли евреи въ 1812 году въ качествѣ подрядчиковъ и поставщиковъ продовольствія для русской арміи. Евреи-подрядчики обладали открытыми листами, которые облегчали имъ всякіе разъѣзды и запрещали чинить имъ какія-либо задержки. Кромѣ доставки продовольствія для дѣйствующей арміи, евреи также занимались перевозомъ трофеевъ, взятыхъ у непріятеля. Въ документахъ мы находимъ контрактъ, заключенный съ виленскимъ купцомъ Гермайзе и компаніей, на доставку въ Москву 5857 пудовъ орудій, взятыхъ у непріятеля по 5 руб. 80 коп. ассигнаціями съ каждаго пуда. (Документы №№ 84, 85). Нѣкоторые документы перваго тома освѣщаютъ также экономическое положеніе евреевъ, число еврейскихъ домовладѣльцевъ, шинкарей и т. п. (№№ 100, 254 и др.).

Второй томъ содержитъ переписку по части гражданскаго управленія. Документы эти проливаютъ много свѣта на политическую роль евреевъ въ войнѣ. Дѣятелямъ французской партіи въ Польшѣ и Литвѣ— полякамъ, надѣявшимся на успѣхъ Наполеона—не удалось привлечь евреевъ на свою сторону и подорвать ихъ лояльность по отношенію къ русской власти. Назначенная французскимъ правительствомъ въ Литвѣ комиссія жалуется на обиліе евреевъ-шпіоновъ, „неблагодарныхъ по отно-

[1]) Виленскій Временникъ. Книга V. Акты и документы изъ виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернаторскаго архива, относящіеся къ исторіи 1812—1813 гг. Часть первая. Переписка по военной части Вильно 1912 г. Часть вторая. Переписка по части гражданскаго управленія. Вильно 1913.

шенію къ странѣ, ихъ питающей (т. е. Польшѣ) и занимающихся шпіонствомъ въ пользу непріятеля" (т. е. русскихъ). Евреи подвергались спеціальному надзору со стороны супрефектовъ, и наконецъ временное правительство воспретило евреямъ передвигаться съ мѣста на мѣсто безъ особаго разрѣшенія. Какой симпатіей и довѣріемъ пользовались евреи среди русскихъ, видно изъ того извѣстнаго факта, что генералъ Д. Давыдовъ послѣ занятія Гродна ввѣрилъ управленіе городомъ еврейскому кагалу (стр. 89). Весьма рѣдко встрѣчались евреи, работавшіе для Наполеона и поляковъ. Интересно въ этомъ отношеніи дѣло нѣкоего Вейса, выкреста изъ евреевъ, уроженца Литвы. Вейсъ былъ преданъ суду за скупку краденыхъ вещей въ 1807 г. Онъ бѣжалъ за границу и поступилъ во французскую армію. Въ 1812 году онъ въ чинѣ капитана вернулся въ Россію, поселился въ имѣніи одного польскаго помѣщика и занимался приготовленіемъ запасовъ хлѣба для наступающей французской арміи въ Сѣверо-западномъ краѣ; при этомъ онъ агитировалъ въ населеніи, что въ виду приближенія новыхъ хозяевъ края не нужно платить подати русскому правительству. Уличенный въ этомъ дѣяніи доносомъ одного служащаго и найденной при обыскѣ перепиской съ офицеромъ польскихъ войскъ — Полонскимъ, Вейсъ былъ преданъ суду. Судьба его неизвѣстна, такъ какъ не всѣ документы по этому дѣлу сохранились (см. документы №№ 1, 19; о евреяхъ-развѣдчикахъ польскаго генерала Домбровскаго см. док. № 304).

Но, какъ уже сказано, такіе случаи составляли исключеніе. Громадное большинство евреевъ занималось развѣдкою — часто безвозмездно — въ пользу русскихъ. Естественно, что эта дѣятельность вызывала враждебное къ нимъ отношеніе со стороны французовъ и поляковъ. За свои военныя неудачи дѣятели французской партіи жестоко мстили евреямъ.

Въ мартѣ 1813 года къ Литовскому военному губернатору поступило донесеніе отъ гродненскаго губернскаго почтмейстера о томъ, что носятся слухи, будто бы поляки составили заговоръ съ цѣлью вырѣзать русскихъ и евреевъ. О томъ же писалъ рижскій военный губернаторъ Римскому-Корсакову. Сообщалось также, что католическіе священники волнуютъ народъ и приготовляютъ запасы пороха и холоднаго оружія. Евреи обращались къ губернаторамъ съ просьбой предупредить волненіе. Они сообщали, что по корчмамъ ходятъ темныя личности и предсказываютъ рѣзню русскихъ и особенно евреевъ. Такъ какъ дѣло приняло серьезный оборотъ, Римскій-Корсаковъ взялся энергично за разслѣдованіе; но въ результатѣ признаковъ заговора среди мѣстнаго населенія не оказалось. Однако протоколы нѣкоторыхъ судебныхъ процессовъ доказываютъ, что если и не было правильно организованнаго заговора, то все таки поляки, затаивъ злобу противъ евреевъ за оказанную ими русской арміи помощь, готовились устроить погромы, но благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ губернаторовъ несчастіе было предотвращено.

Многіе документы указываютъ на убытки, причиненныя войной евреямъ въ Литвѣ, число сожженныхъ во время нашествія непріятельскихъ войскъ еврейскихъ домовъ и т. п. (№№ 279, 281 и др.).

Не останавливаясь здѣсь на прочихъ документахъ по интересующему насъ вопросу, мы ограничимся пока хронологическимъ перечнемъ матеріала, помѣщеннаго въ обоихъ томахъ „Виленскаго Временника".

1) Рапортъ Дриссенскаго городничаго Литовскому военному губернатору отъ 27 іюня 1812 г. о евреяхъ-подрядчикахъ (томъ I, № 31).

2) Открытый листъ виленскимъ обывателямъ о томъ же, отъ 10 іюля 1812 г. (т. I, № 63).

3) „Вѣдомость, сколько какого открыто въ Вильнѣ вина, оставшагося послѣ французскихъ генераловъ"; декабрь 1812 г. (т. I, № 79).

4) Контрактъ, заключенный съ виленскими евреями, на доставку въ Москву взятыхъ у непріятеля орудій; 20 января 1813 г. (т. I, № 85).

5) Письмо А. М. Римскаго-Корсакова къ князю М. И. Кутузову-Смоленскому, отъ 19 января 1813 г., о подрядчикѣ Гермайзе (т. I, № 84).

6) Вѣдомость, сколько находится въ городѣ Ковно кляшторовъ, церквей, домовъ и пожарныхъ инструментовъ. 29 декабря 1812 г. (т. I, № 259).

7) Вѣдомость о доходахъ городской суммы города Вильны, въ 1812 году быть долженствующихъ (т. II, № 10).

8) Вѣдомость о расходахъ городской суммы, въ 1812 году быть долженствующихъ (т. II, № 11).

9) Прошеніе Виленскаго христіанскаго гминнаго общества на имя Литовскаго военнаго губернатора, 17 мая 1812 года, о выселеніи евреевъ изъ улицъ, на коихъ имъ не дозволено селиться (т. II, № 15).

10) Рапортъ начальнику главнаго штаба 1-й Западной арміи, генералъ-лейтенанту Лаврову, отъ начальника артилеріи той-же арміи, 21 мая 1812 г. (О купцѣ Гермайзе; т. II, № 16).

11) Вѣдомость о числѣ церквей, монастырей, домовъ и жителей, а также о доходахъ и расходахъ г. Ковно, равномѣрно о числѣ домовъ и жителей на Вильямпольской слободѣ, 1812 г. (т. II, № 18).

12) Рапортъ главнокомандующему 1-й Западной арміей отъ Виленскаго гражданскаго губернатора. 19 мая 1812 г. (т. II, № 28. О шпіонѣ Вейсѣ).

13) Отношеніе военнаго министра (о немъ-же; т. II, № 29).

14) Отношеніе Литовскаго военнаго губернатора (о немъ-же; II, № 30).

15) Отношеніе военнаго министра о высылкѣ изъ края неблагонадежныхъ лицъ (т. II, № 31. Между прочимъ и о евреѣ Гиршѣ Якубовичѣ изъ Герцогства Варшавскаго, развѣдчика французской арміи).

16) Секретный рапортъ Вилен. гражданск. губернатора къ Литовскому военному губернатору, 5 іюня 1812 г., о порядкѣ вывозки казенныхъ суммъ изъ Ковенскаго уѣзднаго казначейства (т. II, № 38).

17) Прошеніе на имя Литовскаго военнаго губернатора иностранныхъ евреевъ Іоселя Ароновича и Нафтоли Ляймовича (?), 4 декабря 1812 г. (т. II, № 60).

Просьба двухъ евреевъ, бывшихъ маркитантовъ одного французскаго полка, о разрѣшеніи остаться россійскими подданными.

18) Прошеніе Виленскаго еврейскаго кагала къ генералъ-фельдмаршалу князю М. И. Голенищеву-Кутузову Смоленскому, 19 декаб. 1812 г. (Просьба объ освобожденіи кагала отъ слишкомъ высокихъ налоговъ, наложенныхъ виленской городской Думой. Отъ имени кагала подписали прошеніе Лейбовичъ, Уріашовичъ, Клячко, Вульфовичъ и Бліохъ; т. II. № 77).

19) Прошеніе на имя Литовскаго военнаго губернатора, поданное Вилкомирскимъ еврейскимъ кагаломъ 24 декабря 1812 г. Жалоба на податное притѣсненіе послѣ разоренія жителей при переходѣ французской арміи и просьба объ освобожденіи отъ нѣкоторыхъ податей.

20) Предписаніе Виленскаго военнаго губернатора Вилкомирскому городничему, подпоручику Крузе, 1 Января 1813 г. (II, № 84): частичное удовлетвореніе просьбы вилкомірскаго кагала.

21) Вѣдомость офицерамъ бывшей гвардіи города Вильны (II, № 105). Евреи въ гвардію не принимались, но былъ установленъ особый сборъ съ нихъ. На обмундированіе недостаточнаго класса и на уплату жалованья было внесено однимъ только Виленскимъ кагаломъ 10,000 злотыхъ.

22) Рапортъ Литовскому военному губернатору отъ Кобринскаго городничаго, 15 января 1813 г., о числѣ домовъ, сгорѣвшихъ и оставшихся во время перехода непріятеля черезъ Кобринъ въ декабрѣ 1812 г. (II, № 157).

23) Секретная переписка о готовящихся въ Литвѣ волненіяхъ, 15 марта—27 іюня 1813 г. (т. II. №№ 200—211, 216, 218, 219, 220, 222, 224, 227, 230. Переписка содержитъ письма и предписанія Паулучи, Римскаго-Корсакова, гродненскаго генералъ-губернатора и др. Между прочимъ и одно, переведенное съ еврейскаго: письмо Дрогичинскаго кагала къ Яновскому кагалу по поводу слуховъ о рѣзнѣ евреевъ).

24) Выписка изъ дѣла о заговорѣ къ возмущенію жителей Волковысскаго повѣта, 12 апрѣля 1813 г. (II, № 236).

25) Обращеніе Литовскаго военнаго губернатора къ Виленскому еврейскому кагалу, 29 апрѣля 1813 г. (II, № 237. По поводу доносовъ объ избіеніи евреевъ).

26) Предписаніе его къ Гродненскому коменданту, 30 апрѣля 1813 г. (II, № 238: о томъ-же).

27) Выписка изъ показаній, взятыхъ при слѣдствіи о зловредныхъ якобы предпріятіяхъ жителей Волковысскаго повѣта (II, № 241; ср. № 236).

28) Рапортъ Литовскому военному губернатору Виленскаго губернскаго правленія, 1813 г. (II, № 245; о томъ-же).

29) Письмо М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго къ Л. М. Римскому-Корсакову, 1813 (безъ мѣсяца, числа и мѣста отправленія: интересное дѣло одного польскаго помѣщика Гавронскаго, которому поручено было спрятать казну Мюрата, короля Неаполитанскаго, въ одномъ изъ виленскихъ монастырей и затѣмъ доставить ее за границу; Гавронскій въ свою очередь будто бы дѣйствовалъ черезъ своего фактора Шмеля Айзиковича. На слѣдствіи оказалось, что слухи эти не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и послѣ долгихъ розысковъ фактъ сокрытія казны установить не удалось (II, № 264).

30) Переводъ съ нѣмецкаго записки о томъ-же (II, № 265).

31) Секретный рапортъ Литовскому военному губернатору отъ управляющаго полиціею въ Вильнѣ, 1 мая 1813 г. (II, № 266: о томъ-же).

32) Выписка изъ дѣла Гавронскаго, подозрѣваемаго въ отправленіи изъ Кенигсберга въ Вильну письма отъ короля Неаполитанскаго объ оставленной якобы здѣсь казнѣ послѣдняго (II, № 267).

33) „Вѣдомость, сколько именно въ гор. Видзахъ сожжено во время нашествія непріятельскихъ войскъ и вовсе разобрано домовъ большихъ и малыхъ, а также и лавокъ, какъ христіанскихъ, такъ и еврейскихъ. Учинена 26 Іюля 1813 г.“ (т. II. № 279).

34) Рапортъ Литовскому военному губернатору Россійскаго земскаго исправника, 5 іюля 1813 г. (II, № 281. Доносъ на еврея, подозрѣваемаго въ шпіонствѣ).

35) Вѣдомость о причиненныхъ виленскимъ купцамъ обидахъ во время бытія въ гор. Вильнѣ непріятельскихъ французскихъ войскъ, съ показаніемъ имени и прозваніи купцовъ и суммъ (II, № 285. Много еврейскихъ купцовъ).

36) Рапортъ Литовскому военному губернатору отъ военнаго генералъ-полицiймейстера изъ Праги, 25 Августа 1813 г. (II, № 304. Доносъ на трехъ евреевъ, агентовъ польскаго генерала Домбровскаго, которые были посланы „въ Москву для узнанія, сколько есть въ россійскомъ краѣ войскъ“.

37) Письмо Таубы Адельсонъ къ А. М. Римскому-Корсакову, 23 іюня 1815 г., изъ Юрбурга. (II, № 347).

38) Отношеніе Россіенскаго нижняго земскаго суда въ канцелярію Литовскаго военнаго губернатора, 3 іюля 1815 г., о томъ-же (II. № 348).

Я. Шацкинъ.

Бѣлорусскіе евреи при Екатеринѣ II.

Полоцко-Витебская Старина. Изданіе Витебской Ученой Архивной Комиссіи. Книги I-ая и II-ая. 1911—12 г.г.

Можно было бы ожидать, что въ архивахъ края, столь густо населеннаго евреями, найдется обильный матеріалъ о нихъ. Къ сожалѣнію, въ означенныхъ двухъ книгахъ находимъ очень мало свѣдѣній по этой части. Считаемъ все-таки полезнымъ привести ихъ.

Въ первомъ томѣ имѣется „Ода Его Высокопревосходительству Господину Генералу Аншефу, Двора Ея Императорскаго Величества Дѣйствительному Камергеру, Сенатору и разныхъ орденовъ Кавалеру, Бѣлорусскому Генералъ-Губернатору Петру Богдановичу Пассеку, на посѣщеніе Полоцкаго Главнаго Народнаго училища при случившемся въ ономъ испытаніи, 1789-го года Декабря 7-го дня. Читанная учителемъ Иваномъ Сокольскимъ“. Ода, напыщенная въ стилѣ того времени, занимаетъ восемь печатныхъ страницъ. Одна строфа этой оды касается евреевъ:

Сіона Іудей лишенный
Вторый находитъ здѣсь Сіонъ;
Покровомъ ставъ твоимъ блаженный,
Забылъ гоненье Римлянъ онъ,
Забылъ тиранство Лузитановъ,
Забылъ и лютость Кастилановъ;

Спокоенъ ставъ, въ Царицѣ зрятъ
Освободителя отъ плѣна,
Какимъ томила ихъ вселенна,
Тебя-жъ Зъровавелемъ чтитъ [1]).

Во II-мъ томѣ напечатанъ очеркъ И. С. Рябинина: „Мѣстечко Бѣшенковичи (Витебской губ.)". Очеркъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи писемъ бывшаго Оршанскаго подстаросты и затѣмъ управляющаго имѣніемъ Бѣшенковичи, поляка Омульскаго, относящихся къ 1783—1785 годамъ. Въ очеркѣ имѣются и нѣкоторыя данныя, касающіяся евреевъ. Въ письмѣ Омульскаго отъ 25-го іюля 1785 года говорится, между прочимъ: „Жители города—главнымъ образомъ христіане уніатскаго исповѣданія; есть среди нихъ и евреи, около полутораста домовъ. Два большихъ пожара, происшедшихъ въ городѣ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ обѣдненіе многихъ жителей; не смотря на это, среди христіанъ и евреевъ встрѣчаются люди, достаточно состоятельные и ведущіе разнообразную торговлю".

Бѣшенковичи находились недалеко отъ польской границы и были отдѣлены отъ нея только рѣкою Двиною. Какъ русскіе, такъ и польскіе жители широко практиковали тайный, контрабандный провозъ товаровъ. Въ письмѣ Омульскаго отъ 11 іюня 1787 года разсказанъ слѣдующій интересный эпизодъ: „Нѣтъ дня, что-бы что-нибудь не было перевезено съ этой стороны на ту, или съ той стороны на эту, и все это проходило бы благополучно, съ взаимной пользой для населенія (z pożytkiem dla ludu wzaiemnym), если бы кромѣ стражи не было еще тайныхъ шпіоновъ, отъ которыхъ не могутъ уберечься перевозчики, не зная ихъ". Одинъ такой шпіонъ, Θедоръ Буевичъ, Бѣшенковичскій мѣщанинъ, нанятый совѣтникомъ или суперъ-интендентомъ русской таможни въ Полоцкѣ, донесъ стражѣ объ одномъ мѣстномъ евреѣ, тайно переправлявшемъ на челнокѣ черезъ Двину русскіе товары на 700 р. Стража захватила челнокъ съ товарами и доставила его въ Полоцкъ; несмотря на старанія Омульскаго, трудно было получить товары обратно. „Такимъ образомъ—пишетъ Омульскій—пропалъ бѣдный еврей изъ за жадности одного человѣка; но самое худшее то, что если не наказать шпіона, то могутъ участиться подобные случаи, и здѣшніе граждане, изъ страха передъ шпіонами, могутъ отказаться отъ промысловъ; поэтому они требуютъ, чтобы я наказалъ этого человѣка, заключивши его въ тюрьму, или изгнавши изъ города". Но Омульскаго останавливало то, что онъ самъ нуждался въ русскомъ совѣтникѣ, который опредѣлилъ этого шпіона. Омульскій хотѣлъ сначала или заключить шпіона въ тюрьму, или „подъ звуки барабана объявить его въ городѣ безчестнымъ и вреднымъ для общества человѣкомъ и запретить честнымъ людямъ всякое сношеніе съ нимъ, какъ съ человѣкомъ проклятымъ". Но изъ вниманія къ совѣтнику онъ ограничился тѣмъ, что призвалъ къ себѣ виднѣйшихъ мѣщанъ, среди которыхъ находился и обвиняемый Буевичъ, не знавшій о поступившихъ къ Омульскому донесеніяхъ, а также кагальныхъ евреевъ, и заявилъ имъ, что, по дошедшимъ

[1]) Авторъ виршей повидимому не зналъ, что воспѣваемый имъ „Зоровавель"—Пассекъ обездолилъ тысячи еврейскихъ семействъ крайнимъ стѣсненіемъ ихъ промысловъ въ деревняхъ Бѣлоруссіи.—*Ред.*

до него слухамъ, въ городѣ есть люди, избравшіе своей профессіей шпіонство, и что онъ, Омульскій, обѣщаетъ награду тѣмъ, кто доставитъ вѣрныя свѣдѣнія объ этихъ шпіонахъ, а занимающіеся „позорнымъ ремесломъ шпіоновъ" будутъ подвергнуты самой суровой карѣ. Въ письмѣ отъ 16 іюля 1787 г. Омульскій сообщаетъ, что онъ старается не производить шума и поэтому не наказалъ шпіона Буевича, сославшись на недостаточность уликъ, но что онъ принимаетъ мѣры къ искорененію шпіонства; еврею же, на котораго донесъ Буевичъ, возвращены двѣ трети его товаровъ (стр. 241—243).

Такимъ образомъ, изъ всего матеріала, собраннаго въ очеркѣ г. Рябинина, явствуетъ, что еврей являлся простымъ орудіемъ, исполнителемъ воли пановъ-владѣльцевъ мѣстечка. Если панамъ была выгодна контрабанда, она становилась добродѣтелью и ее поощряли.

Б. Топоровскій.

Научно-литературная хроника.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1800 г.). Томъ III: 1740—1799 г. Изд. Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества. Спб. 1913. (VII + 367 стран.).

Окончаніе монументальнаго „свода матеріаловъ", первый томъ котораго появился еще въ 1899 г., представляетъ собою событіе, заслуживающее нѣчто большее, чѣмъ краткую замѣтку въ „Научно-литературной хроникѣ". Но съ другой стороны и въ длинной критической статьѣ трудно вполнѣ оцѣнить тѣ богатства историческаго матеріала, которыя собраны изъ многочисленныхъ источниковъ и стройно расположены въ этомъ сводѣ. Наилучшая оцѣнка такихъ книгъ — то, что онѣ съ момента появленія становятся необходимыми орудіями научной работы, что безъ нихъ не обойтись въ извѣстной области историку, экономисту, статистику и даже публицисту. А такой настольной книгой для многихъ „Регесты" уже давно стали, ибо онѣ избавляютъ ищущаго справки отъ утомительныхъ поисковъ въ сотняхъ изданій, большею частью рѣдкихъ и малодоступныхъ. Обширные указатели (географическій и именной), составленные подъ руководствомъ С. М. Гольдштейна, облегчаютъ справку въ книгѣ.

III томъ обнимаетъ событія конца польскаго періода и начала русскаго въ исторіи евреевъ. Много мѣста въ немъ занимаетъ катастрофальный 1768 годъ—годъ Уманской рѣзни и разгара гайдамачины. Между прочимъ, воспроизведена здѣсь подложная „Золотая грамота" Екатерины II на истребленіе поляковъ и жидовъ, служившая хартіей для тогдашнихъ погромщиковъ (№ 2153). Къ группѣ документовъ 1772 г.—года присоединенія Бѣлоруссіи—слѣдуетъ прибавить плакатъ ген.-губ. Чернышева отъ 16 августа 1772 г., по ошибкѣ помѣщенный во II-мъ томѣ „Регестъ" подъ **1722** годомъ (т. II, стр. 260). Обращаетъ на себя вниманіе и обширное извлеченіе изъ книги „Обряды жидовскіе" изданія 1783 года, гдѣ воспроизведены басни о ритуальныхъ убійствахъ и другія нелѣпости. Вымыслы и искаженія еврейскихъ терминовъ пояснены въ примѣчаніяхъ къ этому документу А. Карлина. (Источники „Обрядовъ" выяснены въ

докладѣ М. И. Кулишера по поводу III тома „Регестъ“, напечатанномъ въ „Нов. Восходѣ“ 1913 г., № 43).

Въ своемъ предисловіи редакторы III тома „Регестъ“ (С. М. Гольдштейнъ, Л. А. Севъ и М. Г. Сыркинъ) сообщаютъ, что „Регесты, пропущенныя и по разнымъ причинамъ въ изданные три тома не попавшія, войдутъ въ особый дополнительный томъ“. Дѣйствительно, въ сборникъ, составлявшійся около 20 лѣтъ, могли не попасть очень многіе акты, опубликованные въ теченіе этого періода,—и дополнительный томъ долженъ „увѣнчать зданіе“, воздвигнутое на фундаментѣ прежнихъ матеріаловъ.

И. О. Кузьминъ. Матеріалы къ вопросу объ обвиненіяхъ евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ. Спб. 1913. VIII + 316 стр.

Въ юдофобской литературѣ, порожденной дѣломъ Бейлиса, сочиненіе г. Кузьмина—человѣка, повидимому, склоннаго вѣрить въ ритуальную легенду—составляетъ необычное явленіе. Вмѣсто памфлетовъ въ духѣ Шмакова и Замысловскаго, передъ нами сборникъ „документовъ, относящихся къ обвиненію евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ“, составленный хотя не по всѣмъ правиламъ научной техники, но все же годный „на потребу“. Авторъ собралъ изъ оффиціальныхъ изданій актовъ и многихъ книгъ—частію рѣдкихъ — свѣдѣнія о ритуальныхъ процессахъ въ Польшѣ и Литвѣ, отъ 1407 года (краковскій погромъ въ связи съ обвиненіемъ евреевъ въ убійствѣ христіанскаго младенца) до Войславицкаго процесса 1760 года. Документы приводятся съ указаніемъ источниковъ, въ подлинникахъ (латинскіе безъ перевода, польскіе съ параллельнымъ переводомъ), безъ комментаріевъ. Приведены также отрывки изъ королевскихъ привилегій, постановленій папъ и соборовъ и инструкцій сеймиковъ, а также изъ еврейскаго Литовскаго Пинкоса (по „Еврейской Старинѣ“), относящіеся къ ритуальному обвиненію. Значительная часть книги (стр. 228—310) посвящена „литературѣ вопроса“; тутъ указаны книги и статьи по ритуальному вопросу, появившіяся въ Западной Европѣ, Польшѣ и Россіи, причемъ приведены обширныя выдержки изъ рѣдкихъ книгъ (Fortalitium fidei изд. 1525 г., „Entdecktes Judenthum“ Эйзенменгера, „Złość żydowska“ Пикульскаго, „Розысканіе“ Даля и т. п.).

Хроника ритуальныхъ процессовъ представлена въ сборникѣ г. Кузьмина не во всей полнотѣ. Изъ крупныхъ дѣлъ мы замѣтили отсутствіе Сохачевскаго процесса 1556 года (извѣстенъ изъ исторіи польской реформаціи; см. новыя данныя о немъ въ „Еврейской Старинѣ“ 1914 г., кн. II., стр. 163 сл., въ ст. Балабана), и познанскій процессъ 1736—40 гг. (см. „Евр. Стар.“ 1913 г., кн. IV, стр. 469 сл.); изъ второстепенныхъ процессовъ мы не досчитались нѣсколькихъ (Краковскій 1637 г., Олькушскій 1787 г. и др.). Подборъ матеріала въ книгѣ г. Кузьмина, при первомъ взглядѣ, сдѣланъ какъ будто довольно объективно: вѣдь не вина составителя, если по цѣлому ряду дѣлъ приходится черпать матеріалъ—за неимѣніемъ лучшаго—изъ такихъ мутныхъ источниковъ, какъ юдофобскія книги ксендза Жуховскаго („Process kriminalny“ 1713 г. и др.). Но при внимательномъ чтеніи можно открыть замаскированную тенденцію. Въ документальной части своего сборника авторъ, цитируя обвинительныя акты, не воспользовался фактическими дополненіями и поправками къ подобнымъ реляціямъ, имѣющимися въ научныхъ источникахъ, ему извѣстныхъ. Такъ, въ дѣлахъ Люблинскомъ 1636 г., Ленчицкомъ 1639 г. и Заславскомъ 1747 г. со-

ставитель не приводитъ, хотя бы въ переводѣ, еврейскихъ записей, опубликованныхъ въ изданіяхъ, которыя онъ часто цитируетъ, и даже въ статьяхъ, названныхъ имъ (изъ „Восхода“ и „Евр. Старины“). Въ отдѣлѣ „Литература вопроса“ г. Кузьминъ старательно цитируетъ наиболѣе гнусныя юдофобскія разсужденія (изъ де-Спины, Эйзенменгера, Даля и т. п.), но не считаетъ нужнымъ приводить цитаты изъ строго научныхъ произведеній, опровергающихъ легенду и упоминаемыхъ въ его же библіографическомъ перечнѣ. Курьезно, что авторъ нѣсколько разъ ссылается на безграмотные памфлеты Лютостанскаго (стр. 45, 135, 274) и въ то же время перепечатываетъ отрывокъ изъ его опубликованнаго недавно письма, гдѣ этотъ „обличитель“ откровенно сознается, что выпустилъ въ свѣтъ свою книгу „Объ употребленіи евреями крови“ лишь послѣ того, какъ московскій раввинъ Миноръ отказался уплатить ему 500 руб. за молчаніе (стр. 284). Какъ же можно цитировать книгу, авторъ которой собственнымъ сознаніемъ уличенъ въ продажности?

И все-же еврейскій научный журналъ долженъ отмѣтить заслугу г. Кузьмина: онъ усердно копилъ матеріалъ для подтвержденія исторической басни; но этотъ матеріалъ можетъ пригодиться — при надлежащей провѣркѣ — и для серьезныхъ изслѣдователей. Mutatis mutandis, тутъ повторилась исторія Билеама.

„Записка о ритуальныхъ убійствахъ“, приписываемая В. И. Далю, и ея источники. Спб. 1914. (65 стр.).

Эта брошюра состоитъ изъ трехъ статей. Въ первой Ю. Гессенъ обозрѣваетъ литературу о ритуальныхъ обвиненіяхъ въ Россіи до появленія „Розысканія о убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ“, составленнаго въ 1843 г. въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ редакціей В. Даля (авторъ именно подчеркиваетъ, что извѣстный лексикографъ могъ быть только редакторомъ, а не авторомъ этого юдофобскаго памфлета *). Во второй статьѣ М. Вишницеръ даетъ обзоръ „ритуальной“ литературы на польскомъ языкѣ въ связи съ процессами и книгами, упоминаемыми въ „Розысканіи“. Въ третьей статьѣ А. Карлинъ уличаетъ Даля въ искаженіи еврейскихъ текстовъ.— Вся эта артиллерія выдвинута по поводу недавней перепечатки „Розысканія“, для агитаціонныхъ цѣлей (п. з. „Записка о ритуальныхъ убійствахъ“). Сомнѣваемся, чтобы стоило полемизировать съ нелѣпой книжкой спустя 70 лѣтъ послѣ ея появленія, хотя бы для цѣлей контръ-агитаціи; но нельзя отрицать, что попутно авторы статей— особенно первыхъ двухъ — дали и нѣкоторыя интересныя библіографическія свѣдѣнія.

Справка къ докладу по еврейскому вопросу. Составлена Канцеляріей Совѣта Объединенныхъ Дворянскихъ Обществъ. Части I — VII (безъ обозначенія мѣста и времени печатанія, фактически Спб. 1909—1912 г.). 4°.

Мы въ свое время не отмѣтили въ нашей библіографіи эту своеобразную коллекцію архивныхъ документовъ, напечатанную (хотя и не поступившую въ продажу) въ качествѣ матеріала для разрѣшенія еврейскаго вопроса въ духѣ юдофобской организаціи—„Совѣта объединенныхъ дворянъ“. Считаемъ нужнымъ восполнить этотъ библіографическій пробѣлъ теперь, такъ какъ, оставляя въ сторонѣ недобрую политическую цѣль издателей

*) Ср. замѣтку того-же автора: „Писалъ-ли Даль о кровавомъ навѣтѣ?“ Голосъ Минувшаго 1914 г., кн. I, стр. 327—331.

„Справки“, мы должны имъ сказать спасибо за тѣ поучительные историческіе матеріалы, которые они извлекли на свѣтъ изъ нѣдръ архива Государственнаго совѣта и тайниковъ разныхъ канцелярій, освѣтивъ этимъ много еврейскихъ трагедій XIX и даже начала XX вѣка... Матеріалъ нагроможденъ во всѣхъ семи выпускахъ безпорядочно, безъ хронологическаго и частью даже предметнаго распредѣленія. Такъ какъ въ „Справкѣ“ совершенно отсутствуетъ оглавленіе, то для пользованія ею читатель долженъ самъ составить для себя оглавленіе. Для облегченія этой кропотливой работы и для ознакомленія читателей съ содержаніемъ малодоступныхъ „дворянскихъ“ книгъ, мы даемъ здѣсь краткую опись содержащагося въ нихъ матеріала, по группамъ, опуская отдѣльные документы.

Часть I. Записка „Еврейскаго Комитета“ (1833 г.) и „Меморія Государственнаго совѣта“, какъ подготовительный матеріалъ для „Положенія о евреяхъ“ 1835 года (много характерныхъ резолюцій имп. Николая I).— Журналы Еврейскаго комитета и Госуд. Совѣта отъ 1856—61 гг., относящіеся къ тогдашнимъ льготамъ для евреевъ-купцовъ I гильдіи, лицъ съ высшимъ образованіемъ и т. п.— „О пожалованіи евреямъ дворянства“— изъ журнала Особаго совѣщанія по дѣламъ дворянскаго сословія (1897—1900 г.).

Часть II. Представленіе министра вн. д. гр. Игнатьева и журналъ Комитета министровъ, предшествовавшіе введенію „временныхъ правилъ“ 3 мая 1882 г.—Записка барона Гинцбурга: „Еврейскій вопросъ и антиеврейское движеніе въ Россіи въ 1881 и 1882 гг.“ стр. (29—124.*)— Журналъ Комиссіи по разсмотрѣнію Городового Положенія 1870 г. (интересныя пренія объ ограниченіяхъ для евреевъ-гласныхъ). — Извлеченія изъ проекта Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. — Представленіе Министерства внутр. дѣлъ о воинской повинности евреевъ, въ связи съ новымъ воинскимъ уставомъ 1874 г., донесенія объ уклоненіи евреевъ отъ воин. повинности и журналъ Особаго Присутствія по этому поводу (1875—78 г.). — Представленіе министровъ Макова и Толстого объ отношеніи евреевъ къ воинской повинности (1880, 1886—88 г.).—О замѣнѣ еврейскихъ именъ христіанскими (1872—73 и 1892 г.).—О производствѣ евреевъ въ офицеры (1874).

Часть III. О евреяхъ въ дворянствѣ (1895—99 г.).—О военно-медицинской службѣ евреевъ (1865 г.).—О правахъ караимовъ (1863 г.).—Подготовительныя работы къ закону 1865 г. о дозволеніи евреямъ-ремесленникамъ жить внѣ „черты“ (представленіе Валуева, ср. Леванда, Сбор. Зак. № 955).—Представленіе министра внут. дѣлъ Валуева о еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ (1866 г.).—Извлеченіе изъ протоколовъ Берлинскаго конгресса 1878 г., о равноправіи евреевъ въ Балканскихъ государствахъ.—Журналъ Соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта „о своевременности нѣкотораго смягченія ограничительныхъ объ евреяхъ законовъ“, отъ 11 мая 1905 г. (стр. 117—123). Журналъ Комитета Министровъ (3 мая 1905)

*) Это—та самая анонимная записка, значительная часть которой напечатана раньше, въ 1909 г., С. М. Дубновымъ въ „Еврейской Старинѣ“ (т. I, стр. 88—109 и 265—276, п. з. „Антиеврейское движеніе въ Россіи въ 1881—82 г. Изъ записки предназначенной для Паленской Комиссіи“). Изъ „Справки“ мы узнаемъ, что записка представлена правительству барономъ Гинцбургомъ (Г. О.?), но авторство ея остается до сихъ поръ анонимнымъ.

о порядкѣ выполненія пункта VI выс. указа 12 дек. 1904 г. въ отношеніи пересмотра законодательства о евреяхъ (стр. 124—132).

Часть IV. Записки сен. Турау, Кузьминскаго и Савича о „причинахъ безпорядковъ" (погромовъ) въ Кіевѣ, Одессѣ и Гомелѣ въ 1905 г. (стр. 1—62).—Труды Губернскихъ Комиссій по еврейскому вопросу въ 1881 г. (стр. 63—144).

Часть V. „Ритуальныя убійства": процессы въ Гроднѣ (1816—17 г.), Велижѣ (1823—35 г.), Борисовѣ (1833—35 г.) и Саратовѣ (1852—60 г.).

Часть VI: „Черта осѣдлости". Изъ матеріаловъ Комиссіи по устройству быта евреевъ (1852—74 г.).—Изъ трудовъ Губернскихъ Комиссій 1881 г.

Часть VII. „Кагалъ": изъ матеріаловъ Комиссіи по устройству быта евреевъ (1872—73 г.).—О равноправіи евреевъ: записка Н. Неклюдова и В. Карпова (1880).—Изъ трудовъ губернскихъ Комиссій 1881 года (стр. 124—287; см. ч. IV).

Весь этотъ матеріалъ, занимающій свыше 1000 страницъ in 4°, собранъ въ качествѣ „Справки" для „доклада о еврейскомъ вопросѣ" С. А. Панчулидзева на съѣздѣ Объединеннаго дворянства,—доклада, занимающаго 10 страницъ и сводящагося къ пяти законодательнымъ предложеніямъ: чтобы евреевъ и даже выкрестовъ не допускать въ армію и флотъ, въ земское и городское самоуправленіе, въ судебное вѣдомство и вообще на гражданскую службу!.. Намъ думается, что когда десятистраничный „докладъ" будетъ совершенно забытъ, „Справка" сохранитъ свое значеніе, какъ памятникъ того, что продѣлывалось надъ многострадальнымъ еврейскимъ народомъ въ теченіи цѣлаго столѣтія...

С. В. Познеръ. Евреи въ общей школѣ. Къ исторіи законодательства и правительственной политики въ области еврейскаго вопроса. Спб. 1914. Изд-во „Разумъ". XIII + 213 + 136 стран. 4°.

Историческій элементъ книги сосредоточенъ въ первыхъ четырехъ главахъ, гдѣ дается обзоръ отношеній русскаго правительства къ просвѣщенію евреевъ отъ эпохи Александра I до роковыхъ правилъ о „процентной нормѣ" 1887 года. Обзоръ становится болѣе подробнымъ по мѣрѣ приближенія къ этой печальной датѣ, и тутъ—въ главѣ „Реакція" (стр. 40—80) мы находимъ много цѣнныхъ историческихъ свѣдѣній, впервые систематизированныхъ авторомъ. Матеріалъ — заимствованъ преимущественно изъ оффиціальныхъ источниковъ („Сборникъ постановленій по Министерству народнаго просвѣщенія", отчеты Министерства и попечителей учебныхъ округовъ, обильная литература „циркуляровъ" и т. п.). Воспроизведенный въ „Приложеніи" in naturalibus, законодательный и циркулярный матеріалъ (128 актовъ за періодъ 1887—1912 г.) достаточно краснорѣчивъ. Во „второмъ раздѣлѣ" своей книги авторъ дѣлаетъ изъ этого матеріала и присоединенной къ нему обильной статистики публицистическое употребленіе. Трудъ разсчитанъ, по видимому, на вниманіе членовъ законодательныхъ учрежденій и вообще государственныхъ дѣятелей, которыхъ необходимо убѣждать въ безсмысленности и вредности „процентной нормы". Будетъ-ли достигнута эта цѣль — время покажетъ; но другая цѣль книги, обращенная не только къ внѣшнему міру—историческая информація,—несомнѣнно будетъ достигнута. Будущій историкъ мрачнаго періода „тридцатилѣтней войны" съ евреями не обойдется безъ солиднаго труда С. В. Познера, когда онъ дойдетъ

до главы о войнѣ противъ образованія еврейской молодежи.

И. Галантъ. Арендовали-ли евреи церкви на Украйнѣ? Съ письмомъ И. М. Каманина. 2 изд. Кіевъ, 1914. 18 стр.

Напечатанный первоначально въ „Еврейской Старинѣ" (1909 г.), настоящій очеркъ снабженъ въ этомъ изданіи нѣкоторыми дополненіями. Отрицательный отвѣтъ автора на поставленный въ заголовкѣ вопросъ подтвеждается въ приложенномъ письмѣ И. М. Каманина—ученаго, неповиннаго въ излишнемъ юдофильствѣ. Г. Каманинъ категорически утверждаетъ: „До настоящаго времени я не встрѣтилъ ни одного документа, касающагося аренды церквей... Евреи арендовали только шинки, мельницы и тому подобныя статьи въ имѣніяхъ". Впрочемъ, и послѣ этого заявленія мы сомнѣваемся, чтобы люди типа „высокопросвѣщеннаго (эвфемизмъ въ предисловіи г. Галанта) епископа Евлогія" отказались отъ ссылокъ на басню о поруганіи евреями церквей въ старой Украйнѣ.

E. Täubler. Mitteilungen des Gesamtarchivs der deutschen Juden. IV Jahrgang. Leipzig. 1914. 185 pp.

4-й выпускъ „Сообщеній Соединеннаго Архива германскихъ евреевъ" въ Берлинѣ выгодно отличается отъ предыдущихъ выпусковъ тѣмъ, что въ немъ помѣщенъ не только сырой матеріалъ, но и рядъ изслѣдованій. Г. Теублеръ излагаетъ „Планъ обработки сборника актовъ по исторіи евреевъ въ Германіи". Это будетъ нѣчто въ родѣ извѣстнаго сборника „Регестъ" Ароніуса, но болѣе полный и въ текстахъ, и въ критикѣ источниковъ, и наконецъ въ хронологическомъ объемѣ: туда войдетъ все средневѣковье (у Ароніуса только до 1273 г.) и новое время до тридцатилѣтней войны. Авторъ (г. Теублеръ) приводитъ образцы актовъ и регестъ въ новой обработкѣ (стр. 10—30). Въ трехъ статьяхъ объ актовыхъ источникахъ затронуты спорные вопросы: о грамотахъ Генриха IV и о генезисѣ Kammerknechtschaft германскихъ евреевъ; здѣсь подробно анализируются всѣ акты XII и XIII вѣковъ, въ которыхъ евреи характеризуются, какъ servi camerae или состоящіе подъ непосредственною защитою правителей. Слѣдующая статья — Я. Якобсона — переноситъ насъ уже на порогъ новѣйшей исторіи: она трактуетъ о „Таблицѣ привилегій евреевъ, городовъ и цеховъ въ южнопрусской области Познань". „Таблица" составлена въ 1787 г. по приказу начальника присоединенныхъ къ Пруссіи польскихъ провинцій, графа Гойма, который при урегулированіи правового положенія евреевъ въ „Южной Пруссіи" пожелалъ узнать, нѣтъ-ли у магистратовъ различныхъ городовъ старыхъ привилегій de non tolerandis judaeis, и вообще о юридическихъ взаимоотношеніяхъ между евреями, городскимъ управленіемъ и цехами. Сообщенныя въ „Таблицѣ" свѣдѣнія о сотнѣ слишкомъ городовъ весьма важны для исторіи евреевъ въ Великой Польшѣ до перехода ея къ Пруссіи. Въ концѣ книги помѣщенъ систематическій перечень всѣхъ книгъ и статей (не исключая и мелкихъ газетныхъ замѣтокъ) по исторіи евреевъ въ Германіи, появившихся въ 1911—12 г. (всего 519 №№).

М. Вишницеръ. Посланіе франкистовъ 1800 года. (Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Имп. Академіи наукъ, VIII серія, т. XII, № 3). Спб. 1914. 19 стр. 4°.

Авторъ подѣлился съ нами цѣнною находкою, обнаруженною имъ въ петербургскомъ Государственномъ архи-

вѣ. Это—еврейскій подлинникъ воззванія франкистовъ, разосланнаго въ 1800 г. различнымъ кагаламъ Россіи съ приглашеніемъ принять „религію Эдома" (іудео-христіанство франкистовъ). Югозападный генералъ-губернаторъ Гудовичъ прислалъ въ Петербургъ 24 экземпляра воззванія, перехваченные властями, — и теперь „опасныя" прокламаціи попали въ руки еврейскаго изслѣдователя. Оказывается, что это — извѣстное историкамъ франкизма воззваніе 1800 г., разосланное изъ Оффенбаха, резиденціи Евы Франкъ, апостолами покойнаго вождя братьями Воловскими и Дембовскими. Въ воззваніи цитируются болѣе раннія посланія самого Якова Франка отъ 1667 и 1668 г., когда онъ сидѣлъ въ Ченстоховской крѣпости. До сихъ поръ историки пользовались этимъ воззваніемъ по нѣмецкому переводу П. Беера въ его „Исторіи еврейскихъ сектъ" (1823), а теперь передъ нами еврейскій подлинникъ, устраняющій рядъ неточностей перевода и въ главномъ воззваніи, и въ цитируемыхъ тамъ посланіяхъ 1767—68 гг. Обстоятельное предисловіе г. Вишницера разъясняетъ нѣкоторые спорные вопросы, связанные съ этимъ эпизодомъ исторіи франкизма, и содержитъ еще ссылки на малоизвѣстные печатные источники.—Впрочемъ, и г. Вишницеру осталось неизвѣстнымъ, что въ опубликованіи посланія франкистовъ 1800 года его предупредилъ Порресъ, помѣстившій въ „Revue des études juives" 1894 г. (т. 29, стр. 282—88) еврейскій текстъ посланія по копіи съ экземпляра, адресованнаго въ чешскую Прагу. Въ этомъ текстѣ имѣется нѣсколько мелкихъ варіантовъ. Текстъ г. Вишницера имѣетъ однако то преимущество, что онъ непосредственно взятъ изъ оригиналовъ посланія.

S. A. Horodezky. Mystisch-religiöse Strömungen unter den Juden in Polen im 16—18 Jahrhundert. Leipzig, 1914. 80 pp.

Авторъ, спеціалистъ по исторіи еврейскаго мистицизма, излагаетъ здѣсь въ сжатой и популярной формѣ исторію мистическихъ движеній въ Польшѣ отъ XVI до конца XVIII вѣка. Представителемъ сефардской каббалы (теоретической) въ Польшѣ онъ считаетъ Мататію Делакрута, краковскаго раввина XVI вѣка, а луріанская практическая каббала у него представлена въ трехъ лицахъ—„Шело" (Іешаія Горвицъ), Натанѣ Шапиро и Симеонѣ Острополерѣ [1]). Далѣе бѣгло охарактеризовано мистическое броженіе въ народѣ послѣ мессіанства Саббатая Цеви: исторія „союза благочестивцевъ" и его паломничества въ Палестину подъ главенствомъ Іуды Хасида, превращеніе франкистовъ въ новыхъ іудео-христіанъ и начало Бештова хасидизма. Все это обрисовано на фонѣ общественныхъ и экономическихъ условій тогдашней еврейской жизни въ Польшѣ. Очеркъ г. Городецкаго былъ раньше опубликованъ имъ на еврейскомъ языкѣ (въ сборникѣ העתיד, кн. V, Берл., 1913), но въ нѣмецкомъ изданіи послѣднія главы значительно расширены. Изложеніе въ общемъ объективное, если исключить нѣкоторую склонность къ идеализаціи мистицизма, какъ фактора еврейской исторіи. Спорнымъ кажется намъ только заключительное мнѣніе автора, что число хасидовъ увеличивается въ Польшѣ „еще до нынѣшняго дня" (стр. 78).

J. Davidson. Sepher Shaashuim (ספר שעשועים). A book of mediaeval lore. New-Iork, 1914.

[1]) Подробные очерки г. Городецкаго о Горвицѣ и Шапиро помѣщены въ „Евр. Старинѣ" 1913 и 1910 г.г.

Jewish Theological Seminary of America. CXXIX + 197 pp.

„Книга утѣхъ" еврейскаго писателя второй половины XII вѣка, барселонскаго врача Іосифа ибнъ-Забары, принадлежитъ къ тому разряду дидактическихъ разсказовъ, которые по арабскому образцу сочинялись многими еврейскими писателями, начиная съ Алхаризи, современника автора. Смѣсь вымысла и правды, разсказа и поученія, шутокъ и „мудрости", causerie и научныхъ· свѣдѣній -- таковъ типъ этихъ произведеній. Въ книгѣ Забары имѣется множество ходячихъ афоризмовъ того времени, а также правилъ гигіены и свѣдѣній по анатоміи, физіологіи и физикѣ,—что дало поводъ новому издателю ея, И. Давидсону, назвать ее „книгою средневѣковаго лора" (обиходнаго знанія). Впервые „Книга утѣхъ" была напечатана извѣстнымъ издателемъ средневѣковыхъ сочиненій Акришемъ въ Константинополѣ, въ 1577 г. Спустя 300 лѣтъ ее издалъ Сеніоръ Заксъ въ Парижѣ по рукописи изъ библіотеки Гинцбурга (1865). Но вполнѣ научнаго изданія книга дождалась лишь теперь, благодаря усердію преподавателя нью-іорской Еврейской Теологической Семинаріи, г. Давидсона. Въ обширномъ введеніи (на англійскомъ языкѣ), занимающемъ почти половину лежащаго передъ нами тома, г. Давидсонъ изслѣдовалъ малоизвѣстныя обстоятельства жизни Забары, изложилъ планъ „Книги утѣхъ" и существенное ея содержаніе и далъ рядъ экскурсовъ по сравнительной исторіи литературы. Еврейскій текстъ книги сличенъ по обоимъ изданіямъ. Въ приложеніи напечатаны по манускриптамъ два небольшихъ трактата Забары: поэма בתי הנפש (Гнѣзда души), гдѣ въ стихотворной формѣ изложены извѣстныя тогда свѣдѣнія по анатоміи и физіологіи, и прозаическій фрагментъ מראות השתן (Виды мочи)—правила распознаванія болѣзней по окраскѣ мочи.

Еврейская Теологическая семинарія въ Нью-Іоркѣ заслуживаетъ большой признательности людей науки за изданіе подобныхъ книгъ.

צבי כשראי. ממלכות ארַרט, פרשת מסעותי בארצות קוקז ומעבר להררי קוקז ובעבר ים הכספי ואסיה התיכונה. אודיסה תרע״ב (139 עמ׳).

Трудно причислить къ разряду научныхъ книгъ такое описаніе путешествія по Кавказу, гдѣ авторъ безъ обиняковъ разрѣшаетъ вопросъ о принадлежности туземныхъ евреевъ къ потомкамъ „пропавшихъ" десяти колѣнъ Израилевыхъ (стр. 5 и слѣд.). Мало довѣрія внушаетъ излишняя склонность г. Коздоя къ отождествленію библейскихъ названій мѣстъ съ современными кавказскими (рѣка Кебаръ — Кура, Іехезкелевъ Тель-Авивъ—нынѣшній Телавъ; даже слово „Шееритъ"— остатокъ— превращается въ Ширамъ; см. стр. 7). Наивныя путевыя описанія, напоминающія превыспренныя „Шуламитъ" или „Аріель" К. Шульмана, часто возбуждаютъ улыбку. И тѣмъ не менѣе нельзя отказать „Царствамъ Арарата" въ нѣкоторомъ этнографическомъ интересѣ. Не будучи вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ (авторъ самъ сознается, что „шелъ по слѣдамъ" извѣстнаго путешественника Іосифа Чернаго, автора ספר המסעות), эта книга даетъ однако рядъ интересныхъ наблюденій надъ бытомъ дагестанскихъ евреевъ-горцевъ, съ которымъ авторъ встрѣчался во время своихъ странствованій, начиная съ 1887 года. Въ дополненіе къ описаніямъ Чернаго, здѣсь сообщены новыя бытовыя подробности—праздничные обычаи, домашніе и семейные нравы и проч. Вторая половина книжки г. Коздоя состоитъ изъ корреспонденцій автора, печатавшихся

въ свое время въ „Гацефирѣ" и „Гамелицѣ" и содержащихъ описанія жизни кавказскихъ евреевъ вообще (горскихъ, грузинскихъ, а также субботниковъ) въ разныхъ городахъ.

A. Friedemann. Das Leben Theodor Herzls. „Jüdischer Verlag". Berlin, 1914. 141 pp.

Самъ авторъ характеризуетъ свою біографію Герцля, какъ „дань благодарности и почитанія" — плодъ піэтета къ памяти друга и учителя. И дѣйствительно, какъ жизнеописаніе въ тѣсномъ смыслѣ, эту изящную книжку можно рекомендовать еврейской молодежи, которая здѣсь увидитъ образъ новаго національнаго героя, окруженный почти уже легендарнымъ ореоломъ. Но для изученія исторіи сіонизма книжка г. Фридемана нуждается въ существенныхъ коррективахъ, ибо исторію нельзя писать съ узко-партійной точки зрѣнія, въ духѣ безусловнаго преклоненія передъ „вождемъ", безъ оговорокъ объ органическихъ недостаткахъ „герцлизма", отмѣченныхъ даже многими сіонистами. Въ видѣ приложенія къ біографіи помѣщено нѣсколько писемъ Герцля къ друзьямъ. Мы думаемъ, что въ качествѣ матеріала для исторической, а не партійно-дидактической біографіи Герцля, слѣдовало бы издать по возможности всю его политическую корреспонденцію, которая много раскроетъ и въ личности Герцля, и въ ходѣ вызваннаго имъ движенія.

R. Gottheil. Zionism. (Movements in judaism). Philadelphia. 1914. Jewish Publication Society of America. 258 pp.

Одинъ изъ лидеровъ американскихъ сіонистовъ, проф. Р. Готгейль сдѣлалъ попытку дать въ этой книгѣ очеркъ исторіи новѣйшаго національнаго движенія въ еврействѣ, обобщаемаго имъ — не вполнѣ точно — подъ именемъ „сіонизмъ". Всѣ прежніе представители національной идеи у него отнесены въ группу „прегерцлитовъ"; сюда попали Смоленскій и Гессъ (гл. I). Особая глава удѣлена автору „Autoemancipation" Л. Пинскеру, а въ связи съ нимъ — Лиліенблюму и Ахадъ-Гаамовскому кружку „Бне - Моше". Центръ книги занимаютъ Герцль и сіонистскіе конгрессы (гл. 4—5), а затѣмъ уже идетъ „по - герцлевскій періодъ" (гл. V). Въ слѣдущей главѣ указаны и нѣкоторые фазы теорій сіонизма — „поале-ціонизмъ" съ одной стороны и ортодоксальный „мизрахизмъ" съ другой. Въ главѣ подъ названіемъ „Ахадъ-Гаамъ и философія еврейской исторіи" теоріи Ахадъ-Гаама предшествуетъ изложеніе „философіи исторіи" Дарместетера и Дубнова. Авторъ находитъ извѣстную преемственность въ теоріяхъ всѣхъ этихъ писателей, но онъ знакомъ далеко не со всѣми ихъ произведеніями) иначе онъ бы не сѣтовалъ (стр. 188: на отсутствіе практической національной программы въ этюдѣ „Что такое еврейская исторія" того писателя, который вслѣдъ за этимъ этюдомъ опубликовалъ свои „Письма о старомъ и новомъ еврействѣ" съ достаточнымъ матеріаломъ для программы текущей дѣятельности. Доктрина Ахадъ Гаама также изложена чрезчуръ поверхностно. Въ послѣдней главѣ („Сіонизмъ и западные евреи") авторъ оспариваетъ западную доктрину ассимиляціи и убѣждаетъ противниковъ сіонизма въ полной совмѣстимости его съ мѣстнымъ патріотизмомъ. Примѣчанія въ концѣ книжки даютъ неполную, но для даннаго скромнаго очерка достаточную библіографію вопроса.

Ю. Ю. Марти. Описаніе Мелекъ-Чесменскаго кургана и его памятниковъ, въ связи съ исторіей Боспорскаго царства. Оттискъ изъ 31-го тома

„Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древн." 1913, стр. 1—88.

Описанію хранящихся въ курганѣ, превращенномъ въ музей, древностей, предшествуетъ краткій но весьма содержательный очеркъ исторіи Боспорскаго царства, гдѣ упоминается и о роли евреевъ въ немъ. Эта роль выразилась, вопервыхъ, въ религіозномъ воздѣйствіи на эллинское общество въ эпоху шатанія и смѣшенія культовъ. Слѣды этого воздѣйствія сохранились въ памятникахъ, говорящихъ о религіозныхъ обществахъ, поклонявшихся единому „Всевышнему Богу". Среди хранящихся въ курганѣ надгробій имѣются семь (№№ 32, 35, 43, 103, 111, 125, 128), которыя можно приписать членамъ такихъ обществъ. Во-вторыхъ, само еврейство играло большую роль въ древнемъ Боспорѣ, что слѣдуетъ заключить изъ сравнительно большого числа еврейскихъ памятниковъ, достигающихъ 13 (съ надписями: 67, 98, 98a, 167; только съ эмблемами: 98/1—6 и 167/1—3. См. „Евр. Стар." 1913, вып. 1, стр. 61 сл.).

Не мѣшаетъ здѣсь упомянуть, въ связи съ древней синагогой въ Феодосіи, о весьма интересной для исторіи іудейства на Боспорѣ надписи 306 г., опубликованной въ 10-мъ выпускѣ малораспространенныхъ „Извѣстій Имп. Археологической Комиссіи.". Въ ней говорится о нѣкоемъ Согѣ, начальникѣ Феодосіи, извѣстномъ Августамъ и удостоенномъ почестей отъ Діоклетіана и Максиміана, который построилъ отъ основанія молитвенный домъ, т. е. синагогу. (**С. Вайсенбергъ**).

Еврейская Энциклопедія. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ. Подъ общей редакціей д-ра Л. Каценельсона. Томъ XVI. Шемирамотъ-Усесонъ. Алфавитный указатель. Изданіе Общества для научныхъ еврейскихъ изданій и изд-ва Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. (годъ не указанъ). 428 столб. + 211 стран.

Этимъ томомъ, вышедшимъ въ началѣ нынѣшняго года, закончена издававшаяся съ 1908 г. Энциклопедія, составленная по американской „Jewish Encyclopedia" съ многочисленными оригинальными добавленіями. Критика указала въ этомъ изданія много грѣховъ, частію унаслѣдованныхъ отъ американскаго образца, частію благопріобрѣтенныхъ; но нельзя, конечно, отказать „Еврейской Энциклопедіи" и въ извѣстныхъ заслугахъ по части популяризація еврейскаго знанія. Мы еще, можетъ быть, вернемся къ обстоятельной оцѣнкѣ этого „свода знаній" на страницахъ „Еврейской Старины".

Приложенный къ настоящему тому „алфавитный указатель" имѣетъ значеніе лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ объединяетъ указанія по одному предмету, разбросанныя въ различныхъ статьяхъ (напр. Богослуженіе, Жительство, Медицина и т. п.), но тамъ, гдѣ онъ повторяетъ заголовки статей „Энциклопедіи" онъ излишенъ. Потраченное на это лишнее мѣсто можно было бы съ пользою употребить на расширеніе текста статей, слишкомъ уже сокращенныхъ въ послѣднихъ томахъ „Энциклопедіи".— Добавимъ еще, что издательскій пріемъ, вслѣдствіе котораго годъ изданія не обозначенъ на заглавныхъ листахъ всѣхъ томовъ „Еврейской Энциклопедіи", мы считаемъ недопустимымъ съ точки зрѣнія научно-литературной, ибо справляющемуся важно знать, когда именно опубликована та или другая интересующая его справка, для оцѣнки ея новизны и полноты. Едвали умѣстна и самооцѣнка настоящаго изданія, помѣщенная въ статьѣ „Энциклопедія" (ст. 276—77).

Извѣстія Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

Собранія и публичныя засѣданія.

19 апрѣля 1914 г. состоялось, подъ предсѣдательствомъ М. И. Кулишера, засѣданіе Отдѣла Этнографіи при Еврейскомъ Историко-Этнографическомъ Обществѣ. **С. А. Раппопортъ** (Ан—скій) прочелъ докладъ о работахъ Этнографической Экспедиціи имени Барона Г. О. Гинцбурга, обслѣдовавшей болѣе 66-ти пунктовъ Волынской и Подольской губ. Собранныя экспедиціей коллекціи старинныхъ и рѣдкихъ музейныхъ предметовъ и рукописей, въ количествѣ болѣе 800, были выставлены въ томъ же помѣщеніи для обозрѣнія.—Предсѣдатель собранія во вступительной рѣчи выяснилъ значеніе совершеннаго экспедиціей большого труда и призывалъ къ содѣйствію этому благому начинанію.

---

21 апрѣля состоялось, подъ предсѣдательствомъ С. М. Дубнова, годовое общее собраніе членовъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества, по слѣдующей программѣ:

1. Обсужденіе отчета за 1913 г. и заключеніе Ревизіонной Комиссіи.
2. Утвержденіе смѣты на 1914 г. (отчетъ и смѣта утверждены).
3. Избраніе новыхъ членовъ.
4. Выборы 4-хъ членовъ Комитета вмѣсто выбывающихъ по очереди, согласно примѣчанію къ § 17 устава Общества: С. М. Дубнова, С. Г. Лозинскаго, М. Г. Сыркина и М. Л. Тривуса, и 3-хъ членовъ Ревизіонной Комиссіи. (Избраны вновь въ Комитетъ тѣ же лица, а въ Ревизіонную Комиссію—М. А. Бронштейнъ, С. Е. Вейсенбергъ и С. Г. Полякъ).
5. Докладъ **М. И. Кулишера**: „Борьба евреевъ за существованіе" (нѣкоторые общіе выводы изъ исторіи евреевъ) *).

Предсѣдатель собранія посвятилъ нѣсколько словъ памяти недавно скончавшагося члена Общества Якова Марковича Гальперна, а также историко-литературному значенію 25-лѣтняго юбилея писательской дѣятельности **Ахадъ-Гаама**, какъ представителя историческаго направленія въ еврейской идейной публицистикѣ.

---

23 апрѣля состоялась устроенная Еврейскимъ Историко-Этнографическимъ О-вомъ публичная лекція профессора философіи Марбургскаго университета **Германа Когена**, на тему: „Этическое содержаніе еврейской религіи".

Програма лекціи. Религія и этика. Откровеніе и основы познанія. Сотвореніе человѣка. Богъ какъ святыня. Значеніе единства Бога

---

*) Докладъ напечатанъ потомъ въ „Новомъ Восходѣ", №№ 16—18.

для понятія о человѣкѣ, какъ индивидуумѣ, и человѣчествѣ, какъ совокупности. Грѣховность человѣка и примиреніе съ Богомъ. Свобода нравственной воли и отвѣтственность. Развитіе идеи Божества и идеи человѣка у пророковъ и въ псалмахъ. Побѣда надъ эвдемонизмомъ понятія о нравственномъ долгѣ и вѣры въ Божественную любовь и справедливость. Царство Божіе и идея мессіанства.

Поступили въ архивъ Общества:

1) Опись товаровъ, привезенныхъ Витебскимъ жителемъ Ицкою Блохомъ въ декабрѣ 1772 г. Подлинникъ русскій, на гербовой бумагѣ 1770 г. съ подписью Блоха на еврейскомъ языкѣ. (Прислалъ І. Рыскинъ изъ м. Улла, Витеб. губ.).

2) Четыре фотограф. снимка развалинъ древней синагоги въ м. Старый Крымъ, близъ Ѳеодосіи. На одномъ надгробномъ памятникѣ ясно видна дата שי״א ליצירה, т. е. 1551 годъ. (Присл. Б. Н. Топоровскій изъ Екатеринослава).

3) Нотаріальная копія съ русскаго перевода привилегіи, пожалованной королемъ Яномъ Казиміромъ евреямъ на плацы въ г. Гроднѣ, отъ 1655 г., со ссылками на болѣе ранніе привилегіи (присл. І. Л. Шерешевскій, Гродно).

V-й годъ.

ОТЧЕТЪ

Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества за 1913 годъ.

Составъ Общества.

Къ 1-му января 1914 г. Общество состояло изъ 732 членовъ, изъ коихъ въ теченіе 1913 г. прибыло 138 членовъ (60 въ С.-Петербургѣ и 78 въ другихъ.городахъ).

По разрядамъ члены Общества распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Наименованіе разряда.	Въ С.-Петербургѣ.				Въ другихъ городахъ.				
	Состояло къ 1 Января 1913 г.	Выбыло въ теченіе 1913 г.	Поступило въ теченіе 1913 г.	Состояло къ 1 Января 1914 г.	Состояло къ 1 Января 1913 г.	Выбыло въ теченіе 1913 г.	Поступило въ теченіе 1913 г.	Состояло къ 1 Января 1914 г.	Всего состояло къ 1 Января 1914 г.
Почетныхъ	1	—		1	1	—	—	1	2
Пожизн. дѣйствительныхъ . .	27	1	2	28	26	—	3	29	57
„ соревнователей . . .	28	—	—	28	10	—	—	10	38
Дѣйствительныхъ	24	2	2	24	41	4	12	49	73
Соревнователей	75	6	30	99	195	7	53	241	340
Жертвователей	188	14	26	200	15	3	10	22	222
Итого. . .	343	23	60	380	288	14	78	352	732

Годовое Общее Собраніе.

9 мая 1913 г. состоялось годовое собраніе Общества. На очереди стояли слѣдующія дѣла: 1) Обсужденіе отчета за 1912 г. и заключеніе Ревизіонной Комиссіи. 2) Утвержденіе смѣты на 1913 г. 3) Избраніе новыхъ членовъ. 4) Выборы 5-ти членовъ Комитета вмѣсто выбывающихъ по очереди, согласно примѣчанію къ § 17 устава Общества, М. Л. Вишницера, М. И. Кулишера, С. А. Рапопорта, С. Л. Цинберга и М. И. Шефтеля. Избранными оказались тѣ же лица (кромѣ отказавшагося С. Л. Цинберга) и Г. Б. Сліозбергъ. Собраніе постановило включить въ смѣту Общества на 1913 г. особый фондъ на этнографическую экспедицію имени барона Г. О. Гинцбурга, руководимую членомъ Комитета С. А. Рапопортомъ (Ан—скій) *).

Въ члены Ревизіонной Комиссіи избраны: М. А. Бронштейнъ, С. Е. Вейсенбергъ и С. Л. Гуревичъ.

Составъ Комитета въ 1913 г.

М. М. Винаверъ (*Предсѣдатель*), С. М. Дубновъ и М. И. Кулишеръ (*Товарищи Предсѣдателя*), С. М. Гольдштейнъ (*Казначей*), С. В. Познеръ (*Секретарь*), М. Л. Вишницеръ, С. Г. Лозинскій, С. А. Рапопортъ (Ан—скій), Л. А. Севъ, Г. Б. Сліозбергъ, М. Г. Сыркинъ, М. Л. Тривусъ, И. І. Тувимъ, М. И. Шефтель и Л. Я. Штернбергъ.

Дѣлопроизводителемъ Комитета Общества состоялъ И. С. Окунь.

Дѣятельность Комитета.

I.

Въ теченіе отчетнаго года Комитетъ принималъ мѣры къ увеличенію числа постоянныхъ членовъ Общества, при чемъ особое вниманіе обращалось на привлеченіе членовъ-соревнователей и дѣйствительныхъ, являющихся вмѣстѣ съ тѣмъ подписчиками на издаваемый Обществомъ журналъ „Еврейская Старина". Этой мѣрой достигается также

*) Подробный отчетъ о дѣятельности этнографической экспедиціи, какъ дополненіе къ настоящему отчету, появится особо.

въ значительной степени стремленіе Комитета къ наибольшему распространенію журнала, составляющаго въ настоящее время одну изъ главныхъ задачъ Общества. Изъ помѣщаемаго списка членовъ Общества за 1913 г. видно, какой большой интересъ встрѣчаютъ цѣли Общества въ многочисленныхъ городахъ разныхъ концовъ Россіи.

Постоянное вниманіе къ нуждамъ Общества и весьма активное содѣйствіе привлеченію новыхъ членовъ и подписчиковъ на журналъ оказали: въ Екатеринославѣ — С. Л. Браславскій, І. Коринъ и Б. И. Топоровскій; въ Иркутскѣ — С. Х. Бейлинъ; въ Кіевѣ — И. В. Галантъ и Я. И. Израэльсонъ; въ Минскѣ—Г. Я. Сыркинъ и въ Харьковѣ—Х. Г. Коробковъ. Комитетъ выражаетъ означеннымъ сотрудникамъ свою глубокую признательность.

Большое содѣйствіе матеріальному успѣху устроенныхъ въ С.-Петербургѣ въ пользу Общества публичныхъ лекцій оказала Роза Георгіевна Винаверъ.

Научныя собранія Общества въ С.-Петербургѣ устраивались въ теченіе 1913 г. въ помѣщеніи Еврейской Богадѣльни имени М. А. Гинсбурга. Помѣщеніе это предоставлялось Обществу безвозмездно, за что Комитетъ приноситъ Моисею Акимовичу Гинсбургу свою искреннюю благодарность.

Черезъ Б. И. Топоровскаго въ Екатеринославѣ поступили въ кассу Общества 200 рублей, пожертвованные Іоной Михайловичемъ и Кларой Михайловной Майданскими въ первую годовщину смерти отца ихъ, бывшаго члена Еврейскаго Историко - Этнографическаго Общества Михаила Владиміровича Майданскаго. Сумма эта предназначена для выдачи по усмотрѣнію Комитета за литературную работу въ память М. В. Майданскаго. Осуществленіе этой цѣли Комитетъ передалъ спеціально для этой цѣли избранной Комиссіи.

Комитетъ Общества принялъ участіе въ празднованіи въ декабрѣ мѣсяцѣ 50-лѣтняго юбилея Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Въ составъ депутаціи вошли С. В. Познеръ, С. А. Рапопортъ, Л. А. Севъ, М. Г. Сыркинъ и Л. Я. Штернбергъ. На торжественномъ собраніи 22 декабря Л. Я. Штернбергъ отъ имени нашего Общества произнесъ привѣтственное слово.

14-го октября скончался въ С.-Петербургѣ на 93 году жизни членъ Общества Э. Б. Левинъ. Покойный Эммануилъ

Борисовичъ принималъ активное участіе въ работахъ Историко-Этнографической Комиссіи при Комитетѣ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями, которая выдѣлилась затѣмъ въ самостоятельное наше Общество. На могилу Э. Б. Левина возложенъ отъ Комитета Общества вѣнокъ съ надписью: „Заслуженному работнику на нивѣ еврейской исторіи".

II.

Журналъ „Еврейская Старина".

Въ области исторіи наиболѣе разрабатывались въ „Еврейской Старинѣ" за отчетный годъ новые вѣка и новѣйшее время. Къ XVI—XVIII вѣкамъ относятся статьи: *С. А. Городецкаго* „Вѣкъ аскетической морали" (авторъ „Шело" и его семья); *М. И. Кулишера*: „Евреи въ Кіевѣ" (захватываетъ также первую половину 19-го вѣка); *И. Кунина*: „Евреи въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка"; *С. Д.*: „Выдвореніе евреевъ изъ Малороссіи во второй четверти 18-го вѣка" и „Перепись евреевъ въ Малороссіи въ 1736 г." (важные архивные матеріалы); *Е. Геккеръ*: „Евреи въ польскихъ городахъ во второй половинѣ XVIII в." и „Юдофобія въ Польшѣ XVIII вѣка"; два изслѣдованія *М. Балабана*: „Ритуальный процессъ въ Познани 1736—40 г." и „Переходъ польскихъ евреевъ подъ власть Австріи: Галиційскіе евреи при Маріи Терезіи и Іосифѣ II". Въ особомъ приложеніи помѣщены доставленные *Ш. Б.Ниссенбаумомъ* фотографическіе снимки еврейскихъ надгробныхъ памятниковъ города Люблина, большинство которыхъ относятся къ XVI—XVIII вѣкамъ (съ текстами надписей и объясненіями).

Изъ статей по исторіи XIX вѣка въ отчетномъ году была закончена серія очерковъ *С. М. Дубнова*: „Евреи въ Россіи въ эпоху европейской реакціи" (1815—48 г.). Къ различнымъ моментамъ XIX в. относятся статьи: *Х. Г. Коробкова*: „Еврейская рекрутчина въ царствованіе Николая I"; *Б. Фрумкина*: Очерки изъ исторіи еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи (1885—97); *И. Галанта*: Къ исторіи кіевскаго гетто и цензуры еврейскихъ книгъ (1854—55); *Б. Розенштадта*: Еврейскія жертвы въ польскомъ возстаніи 1863 г., и рядъ сообщеній и замѣтокъ.

Живой иллюстраціей къ историческимъ изслѣдованіямъ въ этой области служатъ мемуары и описанія пережитаго. Воспоминанія „стараго журналиста“ *А. Е. Кауфмана* („За много лѣтъ“) возвращаютъ вниманіе къ общественнымъ и литературнымъ настроеніямъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Оригинальная статья субботника *М. Козьмина*: „Прошлое и настоящее сибирскихъ субботниковъ“ (съ иллюстраціями)—вводитъ въ неизслѣдованный міръ іудаизированнаго русскаго сектантства. Въ отчетномъ году былъ законченъ „Разсказъ стараго солдата“ *М. Меримзона*.

Въ группѣ статей по этнографіи видное мѣсто занимаютъ два изслѣдованія д-ра *С. А. Вайсенберга*: „Историческія гнѣзда Кавказа и Крыма“ (со снимками) и „Фамиліи караимовъ и крымчаковъ“ (обслѣдовано по порученію Евр. Историко-Этнограф. Общества). Въ бытъ литовскихъ евреевъ начала XIX вѣка вводитъ опубликованная *Д. І. Магидомъ* и имъ же комментированная бытовая пародія „Книга о Кундесѣ“.

Въ критическомъ отдѣлѣ обозрѣвались книги по всѣмъ отраслямъ еврейскаго знанія.

Продолженіе „Литовскаго областного Пинкоса“ (томъ II, текстъ съ переводомъ *И. І. Тувима*) печаталось въ приложеніи. Есть надежда, что удастся закончить это монументальное изданіе въ 1914 году.

Въ 1913 г. журналъ „Еврейская Старина“ расходится въ количествѣ свыше **700** экземпляровъ.

III.

Научныя собранія Общества.

Въ теченіе 1913 года въ научныхъ собраніяхъ Общества были прочитаны слѣдующіе доклады:

10 января. *Я. Н. Тепліцкаго*: „Еврейское обычное право, какъ элементъ народной культуры“.

Программа. Національно-культурное значеніе еврейскаго права. Принципы еврейскаго семейственнаго права. Заключеніе брака и личныя отношенія супруговъ. Имущественныя отношенія супруговъ. Расторженіе брака. Отношенія родителей и дѣтей. Право наслѣдованія. Гражданское право и судопроизводство. Эволюція еврейскаго права и его современное состояніе. Внѣшнія условія существованія и развитія еврейскаго права. Значеніе науки еврейскаго права.

Въ томъ же собраніи *А. И. Карлинъ* сдѣлалъ сообщеніе объ образовавшейся при Еврейскомъ Историко-Этнографическомъ Обществѣ, согласно § 12 устава, секціи изъ членовъ Общества для изученія исторіи еврейскаго права.

3 февраля. *С. М. Дубновъ*: „Еврейская реформація въ Германіи первой половины XIX вѣка".

Программа. Смѣшеніе религіозныхъ и политическихъ элементовъ въ реформаціонномъ движеніи.—Корень движенія—въ представленіи о еврействѣ какъ „религіозной группѣ", и въ приспособленіи іудаизма къ новому общественному строю.—**Первый фазисъ** реформы практическій: модернизація богослуженія; храмовая борьба въ Берлинѣ и Гамбургѣ; Фридлендеръ, Якобсонъ, агитація Либермана.—**Второй фазисъ** реформаціи—идеологическій: доктрины Гейгера и Гольдгейма, нарожденіе неоортодоксіи (Гиршъ), борьба въ общинахъ, радикальная программа Франкфуртскаго „Союза реформы".—**Третій фазисъ** реформаціи—соборный: съѣзды раввиновъ въ 40-хъ годахъ и попытки декретированія реформъ духовенствомъ: неудача этихъ попытокъ; берлинское „Общество реформы", его манифестъ и практика.—Эпигоны реформаціи.—Историческая оцѣнка движенія.

10 февраля. 1) *Б. Г. Столпнеръ*: „Удача и неудача попытокъ реформы іудаизма въ первой половинѣ XIX вѣка" (въ связи съ преніями по докладу С. М. Дубнова, состоявшемуся 3 февраля); 2) дополненія *С. М. Дубнова* къ своему докладу, въ связи съ отвѣтомъ на возраженія г. Столпнера.

25 февраля. *С. А. Ан—скій*: „Еврейское народное творчество" (публичная лекція).

Программа. I. Вслѣдствіе существующей у евреевъ въ теченіе тысячелѣтій обязательной грамотности и книжности, еврейскій фольклоръ въ большой степени проникнутъ элементами и мотивами религіозной письменности (библейской и талмудической). Онъ распадается на произведенія: 1) созданныя религіозной интеллигенціей съ дидактической цѣлью и вполнѣ ассимилированныя народной массой, 2) созданныя народомъ подъ вліяніемъ, а часто и на мотивы религіозной письменности и 3) созданныя народомъ въ духѣ обычнаго фольклора.

Наибольшему религіозному вліянію подверглось сказочное и, отчасти, пѣсенное творчество. Произведенія народной мудрости (пословицы, поговорки и, въ особенности, житейскія притчи) эмансипированы отъ религіозности, отчасти даже проникнуты отрицательнымъ къ ней отношеніемъ.

II. Характерныя особенности сказки: 1) она всегда дидактична. 2) въ большинствѣ случаевъ, принаровлена къ популярному духовному

лицу (раввину, цадику), вслѣдствіе чего, имѣетъ характеръ легенды или сказанія, 3) въ ней отсутствуютъ мотивы воинственно-героическаго эпоса, 4) отсутствуютъ любовные мотивы, 5) основная тенденція: духовная мощь могущественнѣе физической; цѣль жизни: духовное совершенство и познаніе высшей мудрости (Торы).

Главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ творчества другихъ народовъ, въ еврейскую сказку проникли всѣ классическіе мотивы европейскаго фольклора, но они перенесены съ почвы физической, матеріальной на почву духовную. (Примѣры).

III. Основные мотивы сказки: 1) порывъ духовному совершенству и подвигу. Героями этого цикла сказокъ являются: праведники, отшельники, сокрытые праведники, самоотверженные люди, рѣшившіеся на борьбу съ Асмодеемъ и его воинствомъ, дабы вызвать пришествіе Мессіи. Наиболѣе обычные персонажи—Илья Пророкъ, патріархи, ангелы. Мѣсто дѣйствія—теремъ въ лѣсу, пещера, Іерусалимъ, рѣка Самбатьенъ, Горы тьмы, Море Печени. 2) Достигшіе совершенства. Главнымъ образомъ, хассидскія легенды. Разсказываются чудеса и описываются безграничная мощь цадиковъ. 3) Сказки гоненія и ужасовъ. Описываются кровавые и другіе навѣты, преслѣдованія, гоненія на евреевъ и чудесное ихъ спасеніе. Обычные персонажи: съ одной стороны: король папа, бишофъ, злой царедворецъ; съ другой: сокрытый праведникъ, тайный совѣтчикъ царя (еврей) „второй отъ короля“ (еврей), ангелъ, „гойлемъ“ нѣчто въ родѣ гомункулуса, созданнаго праведникомъ спеціально для борьбы противъ кровавыхъ навѣтовъ. 4) Сказки о колдунахъ и дѣтскія.

IV. Народныя пѣсни: 1) Большинство на религіозные мотивы: переложенныя молитвы, праздничныя, восхвалительныя (Бога, Торы, Израиля, Іерусалима), Хассидскія, мистическія. 2) Бытовыя, большей частью проникнуты религіознымъ настроеніемъ и въ элегическомъ тонѣ. 3) Дѣтскія, свадебныя, любовныя, рекрутскія, семейныя. 4) Юмористическія, историческія и воинственныя совершенно отсутствуютъ. Характерная особенность пѣсни, что многія на русскомъ, польскомъ языкахъ, нѣкоторыя смѣшанныя.

V. Притча. Старая форма. Притча дидактическая. Ея творцы (проповѣдники, синагогальные обличители). Современная притча-анекдотъ. Освобожденіе отъ вліянія религіозной догмы. Тонкій юморъ, художественность, злободневность. Безпощадная критика пороковъ.

VI. Пословицы и поговорки. Сходныя съ европейскими, заимствованныя. Библейскія и талмудическія.

Пословицы и поговорки на другихъ языкахъ (древне-еврейскомъ, русскомъ, польскомъ, смѣшанныя).

Двухъ-этажныя пословицы: сентенція и ея отрицаніе.

Основныя черты: скептицизмъ, особенное отношеніе къ Богу, отрицаніе прописной морали. Глубокая житейская мудрость, юморъ, мораль, пословицы.

Заключеніе.

Лекція сопровождалась туманными картинами.

28 февраля. *Б. І. Столпнеръ*: „Богъ, Тора и Израиль: размышленія о роли еврейства въ исторіи человѣчества или еврейская исторія sub specie providentiae“.

22 октября. *М. И. Кулишеръ*: „По поводу изданныхъ Еврейскимъ Историко-Этнографическимъ Обществомъ: а) I-го тома „Литовскаго Пинкоса“; б) III-го тома „Регестъ и Надписей“.

21 ноября. *С. І. Лозинскій*: „Изъ исторіи испанской инквизиціи“.

IV.

Секція для изученія исторіи еврейскаго права.

Въ теченіе 1913 года на рядѣ засѣданій секціи прочитаны были слѣдующіе доклады: 1) Ф. М. Дикштейнъ читалъ докладъ на тему: „Асмахта (талмудическій терминъ въ ученіи объ условныхъ сдѣлкахъ) и ея развитіе въ талмудической и позднѣйшей литературѣ“. 2) А. И. Карлинъ читалъ на тему: „Источники еврейскаго права“. 3) Я. Н. Теплицкій: „Имущественныя отношенія между супругами“. Пренія по докладамъ обычно затягивались и часто занимали по нѣсколько засѣданій. Прочія засѣданія были посвящены организаціонной и другой работѣ.

Секція объявила въ періодической печати о своей готовности приходить на помощь своими совѣтами и указаніями лицамъ, желающимъ писать дипломныя работы и диссертаціи на темы изъ еврейскаго права и вообще всѣмъ, занимающимся научной работой въ этой области. Вслѣдствіе этого объявленія, секція получила нѣсколько запросовъ отъ разныхъ лицъ, и между прочимъ отъ одной организаціи— „кружка оттоманскихъ евреевъ-учащихся въ Константинополѣ“ אגודת המתלמדים העברים העותומנים בקושטא. На всѣ запросы были даны своевременно по возможности исчерпывающіе отвѣты.

Много усилій было затрачено секціей на организаціонную работу и привлеченіе работниковъ. Наблюденія показали, что среди молодыхъ юристовъ, какъ окончившихъ высшія учебныя заведенія, такъ и сидящихъ еще на университет-

ской скамьѣ, несомнѣнно наростаетъ интересъ къ научной разработкѣ исторіи своего національнаго права и ознакомленію съ его своеобразнымъ содержаніемъ, но при всемъ томъ по разнымъ причинамъ не удалось еще пока организовать всѣ эти разрозненныя силы, не удалось привлечь ихъ къ участію въ общей работѣ. Въ составъ секціи вошло до 30 членовъ.

Больше всего секція въ отчетномъ году занималась подготовкой къ выпуску въ свѣтъ сборника статей по талмудическому праву, гражданскому и уголовному, подъ названіемъ: „Очерки еврейскаго права". Редакціонную работу принялъ на себя Г. Б. Сліозбергъ, при содѣйствіи Ф. М. Дикштейна, А. И. Карлина и Я. Н. Теплицкаго. Доставленіе финансовыхъ средствъ, нужныхъ для изданія этого сборника, любезно принялъ на себя Г. Б. Сліозбергъ. Для осуществленія этой своей задачи, секція помѣстила въ періодической печати воззваніе, въ которомъ просила лицъ, желающихъ принять участіе въ научной работѣ секціи, присылать свои работы и статьи для помѣщенія въ сборникѣ. Секція также обратилась къ нѣкоторымъ лицамъ, извѣстнымъ своими научными работами въ этой области, съ непосредственными письмами по тому же поводу. Всѣ запрошенныя лица, а также много новыхъ лицъ, въ томъ числѣ немало и такихъ, которыя являются начинающими въ литературно-научной работѣ, откликнулись на зовъ секціи, выразили свое полное сочувствіе ея цѣлямъ и готовность охотно оказывать ей посильное содѣйствіе. Въ связи съ изданіемъ сборника, съ секціей вступили въ переписку много лицъ изъ разныхъ мѣстностей какъ изъ черты, такъ и изъ внутреннихъ губерній, а также изъ заграницы. Однако, по разнымъ причинамъ къ назначеннымъ срокамъ было доставлено сравнительно немного работъ. Но по характеру переписки секція имѣетъ полное основаніе разсчитывать, что для предполагаемыхъ слѣдующихъ выпусковъ сборника она получитъ гораздо болѣе обильный матеріалъ. Для перваго выпуска секція уже имѣетъ достаточный матеріалъ, состоящій изъ работъ мѣстныхъ членовъ секціи и иногородныхъ. Нынѣ секція приступаетъ къ печатанію сборника и предполагаетъ издать его въ первой половинѣ 1914 года.

V.

Печатаніе актовъ и документовъ.

Въ истекшемъ году оконченъ печатаніемъ и разосланъ всѣмъ членамъ 3-ій томъ регестъ и надписей, содержащій акты до 1799 года. Въ наступающемъ году Коммисія приступитъ къ печатанію 4-го тома Русско-Еврейскаго Архива, содержащаго акты съ 1569 года.

VI.

Архивъ, Музей и Библіотека.

Накопившіеся покуда документы, дѣла и бумаги для Архива, разные предметы древности для Музея и книги для Библіотеки Общества, требуютъ систематизаціи, приведенія въ порядокъ и расположенія въ соотвѣтствующихъ шкафахъ и витринахъ.

Архивная коммиссія полагаетъ, что въ наступившемъ 1914 году ей представится возможность составить опись накопившемуся матеріалу и создать ядро архива и музея.

VII.

Собираніе архивныхъ матеріаловъ.

Документы и памятники древности,

поступившіе въ архивъ Общества въ теченіе 1913 г. (продолженіе описи, помѣщенной въ отчетѣ за 1912 г.).

72. Оттиски надгробныхъ надписей на еврейскомъ кладбищѣ Мангупъ-Кале, въ Крыму. 2-я серія (30 оттиск.).

73. 17 фотографическихъ снимковъ кладбища и памятниковъ Мангупъ-Кале. (№№ 72—73 доставлены А. Я. Гидалевичемъ, Севастополь).

74. Два фотографич. снимка надгробныхъ памятниковъ съ еврейскими датами 16 и 18 вѣковъ, хранящихся въ городскомъ музеѣ Ѳеодосіи (Крымъ).

75. 1 снимокъ канделябра изъ старинной синагоги г. Ѳеодосіи.

76. Два снимка зданія и ковчега новой синагоги въ гор. Өеодосіи (№№ 74—76 присланы Б. И. Топоровскимъ изъ Екатеринослава).

77. Два фотографич. снимка старинной, нынѣ упраздненной синагоги въ гор. Чаусахъ, Могил. губ. (присл. д-ръ Г. Г. Паперинъ изъ Чаусъ).

78. Ожерелье и серебр. оправа съ подвѣсками для амулетовъ іеменскихъ евреекъ (Іерусалимъ).

79. 5 амулетовъ-заклинаній на пергаментѣ восточныхъ евреевъ (Іерусалимъ).

80. Пѣсни при полевыхъ работахъ и молитвы въ Абиссиніи на эфіопскомъ языкѣ (записаны въ Іерусалимѣ еврейскими литерами фалашомъ-землѣдѣльцемъ близъ гор. Гундаръ, Абиссинія, Шломою бенъ Ицхокъ).

81. Металлическія кружки, употребляемые колонистами Петахъ-Тиква въ Палестинѣ для раздачи милостыни взамѣнъ денегъ.

82. Почтовыя марки колоніи Петахъ-Тиква (№№ 78—82 пожертв. И. С. Лурье, Спб.).

83. 27 фотограф. снимковъ надгробныхъ памятниковъ Люблинскаго кладбища; столько же цинкографическихъ снимковъ (см. „Евр. Стар.“ 1913 г., кн. III).

84. 2 фотогр. снимка синагоги „Магаршала“ (מהרש"ל); 1 фотограф. снимокъ синагоги „Магарама“ (מהר"ם) въ Люблинѣ (№№ 83—4 присл. Ш. Нисенбаумъ, изъ Люблина).

85. Коммерческая переписка, векселя и пр. мѣст. Саланты и др. (26 документовъ 18-го вѣка, скопированы съ оригиналовъ присл. раввиномъ м. Саланты М. Рабиновичемъ).

86. „Русскіе и евреи. Сборникъ по русско-евр. вопросу“. Составилъ въ 1892 г. М. В. Симоновъ (большая рукопись, содержащая отзывы русскихъ писателей о евреяхъ и т. п.; присл. наслѣдниками автора, екатеринославскаго врача М. В. Симонова, черезъ С. М. Станиславскаго, Екатеринославъ).

87. Польскіе подлинники 13 писемъ Элизы Оржешко къ А. Кону за 1876—1883 гг. (напечатаны въ „Евр. Старинѣ“ 1914 г., кн. I, пожертв. С. В. Познеръ, Спб.).

Комитетъ выражаетъ благодарность всѣмъ названнымъ жертвователямъ.

Заключеніе Ревизіонной Комиссіи.

Ревизіонная Комиссія, избранная на годовомъ Общемъ Собраніи членовъ Общества 9 Мая 1913 г., провѣривъ дѣлопроизводство, приходо-расходную книгу и оправдательные къ ней документы, нашла, что сводъ кассы за отчетный годъ составленъ правильно.

Въ отношеніи исполненія смѣты на 1913 годъ Ревизіонная Комиссія констатируетъ, что приходъ, несмотря на увеличеніе въ отчетномъ году годовыхъ членскихъ взносовъ, оказался на 1400 руб. меньше противъ смѣтнаго предположенія, причемъ половина этой суммы приходится на единовременныя пожертвованія и четвертая часть на выручку отъ продажи изданій Общества; и если смѣта всетаки сведена была безъ дефицита, то это объясняется тѣмъ, что по статьѣ „печатаніе актовъ“ израсходовано 56 р. вмѣсто предполагающихся 1000 р. и предположенный по статьѣ „Этнографическія изслѣдованія“ расходъ въ 300 р. вовсе не былъ произведенъ.

Въ заключеніе Ревизіонная Комиссія отмѣчаетъ, что публичныя лекціи членовъ Общества С. А. Рапопорта (С. А. Ан—скаго) и Г. Б. Сліозберга, помимо своего общественнаго интереса, дали, благодаря любезному содѣйствію госпожи Р. Г. Винаверъ, 1400 руб. чистаго дохода въ пользу Общества.

12 Апрѣля 1914 г.

М. А. Бронштейнъ.

С. Е. Вейсенбергъ.

С. Л. Гуревичъ.

ОПИСЬ

книжнаго имущества Общества

на 1-ое Января 1914 года.

Комплекты журнала „Еврейская Старина“ за 1909 г.		224	экз.
„ „ „ „ 1910 г.		340	„
„ „ „ „ 1911 г.		328	„
„ „ „ „ 1912 г.		310	„
„ „ „ „ 1913 г.		290	„
Регесты и Надписи, I томъ		380	„
„ „ „ II „		425	„
„ „ „ III „		310	„
Очерки по еврейской исторіи и культурѣ (Историческая хрестоматія) I томъ		820	„
Областной Пинкосъ Ваада Литвы, I томъ		184	„
Русско-Еврейскій Архивъ С. А. Бершадскаго:	I томъ	360	„
	II „	290	„

Общая стоимость книжнаго имущества О-ва на 1-ое Января 1914 г. по номинальной цѣнѣ . . **10.076 руб.**

ПРИХОДЪ. Счетъ Кассы

	Руб.	К.	Руб.	К.
Остатокъ къ 1 января 1913 г.	—	—	243	62
По счету членскихъ взносовъ:				
Годовыхъ:				
въ С.-Петербургѣ	742	50		
въ другихъ городахъ	1.412	—	2.154	50
Пожизненныхъ:				
въ С.-Петербургѣ . . . . 200 р.				
въ другихъ городахъ . . . . 200 „	400	—	2.554	50
Чрезвычайныхъ доходовъ:				
Единовр. пожертв. Отъ г-жи М. П. Гинсбургъ въ СПБ. .	400	—		
„ „ „ I. и К. Майданскихъ въ Екатеринославѣ въ память М. В. Майданскаго	200	—		
Единовр. пожертв. отъ Барона В. Г. Гинцбурга въ Кіевѣ	100	—		
Чистаго дохода съ лекціи С. А. Рапопорта	1.195	80		
„ „ „ „ Г. Б. Сліозберга	161	15	2.056	95
По счету изданія журнала:				
Подписка и продажа отдѣльныхъ экземпл. . .	—	—	1.010	—
По счету продажи изданій:				
выручено за Регесты, архивъ Бершадскаго, Пинкосъ и истор. хрестоматію	—	—	226	53
По счету разныхъ доходовъ:				
% за текущія суммы	—	—	19	86
ИТОГО	—	—	6.111	46

за 1913 годъ.

РАСХОДЪ.

	Руб.	К.	Руб.	К.
Изданіе журнала:				
Гонораръ	1.489	46		
Бумага и печатаніе	1.411	20		
Экспедиція и расходы по отправкѣ	440	30		
Объявленія и проспекты	201	92		
Жалованье служащ. редакціи	165	—		
Редакціонные расходы и др.	26	10		
			3.733	98
Изданіе Актовъ:				
Расходы по III тому Регестъ	—	—	55	80
Устройство Собраній въ СПБ:				
Помѣщеніе, повѣстки и др.	—	—	118	70
Помѣщеніе:				
Наемъ помѣщенія Комитета и складъ изданій	—	—	396	40
Канцелярія:				
Почтовые расходы	74	92		
Канцелярскія принадлежи	105	49		
Разные	52	64		
Жалованье служащимъ	941	—		
			1.174	05
Разные:				
Печатаніе отчета О-ва за 1912 г. и др.	200	—		
Сборы членскихъ взносовъ	31	25		
Непредвидѣнные	95	—		
Субсидія библіотекѣ „ОПЕ“	100	—		
			426	25
ВСЕГО	—	—	**5.905**	**18**
Остатокъ на 1913 годъ	—	—	206	28
ИТОГО	—	—	**6.111**	**46**

Списокъ пожизненныхъ членовъ Общества

къ 31 Декабря 1913 г.

№№	Фамиліи членовъ.	Едино-врем. пожертв.	Городъ.
	Почетные члены.		
1	Гаркави, А. Я.	—	С.-Петербургъ.
2	Моргулисъ, М. Г. **)	—	Одесса.
	Пожизненные дѣйствительные члены.		
1	Абельсонъ, И. А.	100	С.-Петербургъ.
2	Ашкинази, З. А.	200	Одесса.
3	Бененсонъ, Г. І.	900*	С.-Петербургъ.
4	Бернштейнъ, Г. А.	100	"
5	Бомзе, М. И.	100	"
6	Браславскій, С. М.	100	Екатеринославъ.
7	Вавельбергъ, М. И.	200	С.-Петербургъ.
8	Вайнштейнъ, Г. Э.	100	Одесса.
9	Вайсенбергъ, С. Е.	100	С.-Петербургъ.
10	Винаверъ, М. М.	900*	"
11	Высоцкій, Д. В.	250	Москва.
12	Гавронскій, Б. О.	250	"
13	Гальперинъ, М. Б.	200	Кіевъ.
14	Гальперинъ, С. М.	100	"
15	Гандельманъ, Г. М.	100	С.-Петербургъ.
16	Гепнеръ, І. Г.	100	Кіевъ.
17	Гинсбургъ, Л. Б.	100	"
18	Гинсбургъ, М. А.	3000*	С.-Петербургъ.
19	Гинсбургъ, М. П. г-жа	500	"
20	Гинцбургъ, В. Г., Баронъ . .	200	Кіевъ.
21	Гольдштейнъ, М. Л.	100	С.-Петербургъ
22	Гоцъ, Р. А.	250	Москва.
23	Грузенбергъ, О. О.	100	С.-Петербургъ.
24	Гуревичъ, А. Я.	100	Москва.
25	Добрый, А. Ю.	100	Кіевъ.
26	Зайцевъ, М. І.	200	"
27	Заксъ, М. Р.	200	"
28	Каменка, Б. А.	400*	С.-Петербургъ.
29	Карпасъ, М. Ю.	100	Екатеринославъ.

*) Поступило частями какъ въ отчетн., такъ и въ предыдущ. годы.
**) Скончался въ 1912 г.

№№	Фамиліи членовъ.	Единоврем. пожертв.	Городъ.
30	Левинъ, А. В.	1000	Омскъ.
31	Либерманъ, С. Я.	100	Кіевъ.
32	Лурье, А. Е.	150*	С.-Петербургъ.
33	Майданскіе І. и К.	200	Екатеринославъ.
34	Мандаль, Э. С.	100	С.-Петербургъ.
35	Марголинъ, Д. С.	200	Кіевъ.
36	Маршакъ, І. А.	100	"
37	Мейеръ, Б.	100	Рига.
38	Мотлянскій, Е. А.	100	С.-Петербургъ.
39	Найдичъ, И. А.	200	Москва.
40	Познеръ, М. В.	100	С.-Петербургъ.
41	Ратнеръ, М. Д.	210*	"
42	Ратнеръ, П. И.	200*	"
43	Ривлинъ, М. Г.	100	Н.-Новгородъ.
44	Сліозбергъ, Г. Б.	350*	С.-Петербургъ.
45	Сліозбергъ, М. Б.	100	Москва.
46	Соловейчикъ, И. С.	100	С.-Петербургъ.
47	Трегубовъ, А. М.	100	Маріуполь.
48	Тривусъ, С. Л.	100	С.-Петербургъ.
49	Фельдманъ, А. Я.	200	"
50	Хаисъ, О. С.	100	Одесса.
51	Цетлинъ, Н. С.	100	С.-Петербургъ.
52	Цетлинъ, О. С.	250	Москва.
53	Шварцъ, Н. В.	100	Смоленскъ.
54	Шерешевскій, Г. С.	100	С.-Петербургъ.
55	Шефтель, М. И.	400*	"
56	Шлосбергъ, Б. М.	200	"
57	Штифтеръ, М. В.	100	"
	Пожизненные члены-соревнователи.		
1	Айзенбергъ, Л. М.	50	С.-Петербургъ.
2	Бомзе, В. И.	50	"
3	Брейтманъ, Г. М.	50	Кіевъ.
4	Бродскій, А. Е.	50	Одесса.
5	Бродскій, Х.	50	"
6	Бронштейнъ, М. А.	50	С.-Петербургъ.
7	Варшавскій, М. А.	50	"
8	Вейсблатъ, С. Э.	50	"
9	Виленкинъ, А. Я.	50	"
10	Вольфъ, М. М.	50	"
11	Ворошильскій, Я. С.	50	Одесса.
12	Гандельманъ, Д. М.	50	С.-Петербургъ.
13	Гиммельфарбъ, Г. И.	50	Одесса.
14	Гольденбергъ, А. М.	50	Кіевъ.
15	Гуревичъ, Ис. Венц.	50	С.-Петербургъ.
16	Гуревичъ, И. Б.	50	"
17	Дубровичъ, Э. П.	50	"
18	Залшупинъ, А. С.	50	"
19	Идельсонъ, В. Р.	50	"

№№	Фамиліи членовъ.	Единоврем. пожертв.	Городъ.
20	Кальмановичъ, С. Е.	50	С.-Петербургъ.
21	Капланъ, М. В.	50	"
22	Крейцеръ, Д. Л.	50	"
23	Лазаревъ, Н. Г.	50	Ст. Сулья (Уфим. губ.).
24	Лещинскій, М. Е.	50	Москва.
25	Ляховецкій, Л. Д.	50	С.-Петербургъ.
26	Магарилъ, Ф. А.	50	Одесса.
27	Майзель, С. И.	50	С.-Петербургъ.
28	Мандель, В. С.	50	"
29	Нисселовичъ, Л. Н.	50	"
30	Прессъ, А. А.	50	"
31	Пумпянскій, М. С.	50	"
32	Пумпянскій, Я. Л.	50	"
33	Рабиновичъ, И. М.	50	"
34	Рабиновичъ, Л. Г.	50	"
35	Рапопортъ, З. Л.	50	"
36	Румшишскій, М. Е.	50	"
37	Френкель, А. С.	50	Кіевъ.
38	Шафиръ, М. П.	50	С.-Петербургъ.

СПИСОКЪ
членовъ Общества на 31 Декабря 1913 г.

I.

Члены Общества, проживающіе въ С.-Петербургѣ.

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
1	Абельсонъ, Б. А.	Соревн.	5
2	Абельсонъ, И. А.	Пож. дѣйств.	—
3	Айзенбергъ, Л. М.	Пож. соревн.	—
4	Айзенштадтъ, М. Г.	Соревн.	—
5	Александръ, М. З.	Дѣйств.	10
6	Алесковскій, Б. А.	Жертв.	—
7	Альтшуль, А. Ш.	"	—
8	Альшицъ, М. Г.	"	—
9	Антокольскій, Г. І.	Соревн.	5
10	Арлозаревъ, М. А.	"	5
11	Бавли, Т. М.	Жертв.	3
12	Балабановъ, М. Л.	Дѣйств.	10
13	Барканъ, Б. М.	Соревн.	5
14	Баронъ, Н. Е.	Жертв.	—
15	Басевичъ, И. И.	Соревн.	5
16	Басинъ, Я. И.	Жертв.	—
17	Бейлинъ, И. Е.	Дѣйств.	10
18	Бейлинъ, А. Л.	Жертв.	—
19	Бененсонъ, М. М.	Соревн.	—
20	Бененсонъ, Г. І.	Пож. дѣйств.	—
21	Берлинъ, Ф. Ю.	Жертв.	—
22	Бернштейнъ, А. А.	Соревн.	—
23	Бернштейнъ, Г. А.	Пож. соревн.	—
24	Бернштейнъ, П. А.	Жертв.	3
25	Берсонъ, О. С.	Дѣйств.	10
26	Бикерманъ, І. М.	Соревн.	5
27	Бичунская, Б. Г.	Жертв.	—
28	Бичунскій, І. М.	Соревн.	5
29	Бланкъ, Р. М.	"	5
30	Блохъ, А. Ю.	Жертв.	—
31	Бомзе, В. И.	Пож. соревн.	—
32	Бомзе, М. И.	Пож. дѣйств.	—
33	Борецкій-Бергфельдъ, Н.	Жертв.	—
34	Ботвинникъ, Н. Р.	Соревн.	5
35	Брамсонъ, Л. М.	"	5
36	Браудо, А. И.	"	5
37	Брейнеръ, С. Н.	Жертв.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
38	Брискманъ, А.	Жертв.	—
39	Бройдо, Л. И.	„	—
40	Бройдо, И. Л.	„	—
41	Бройдо, Р. М. г-жа	„	—
42	Бройдо, М. А. г-жа	„	—
43	Бронштейнъ, М. А.	Пож. соревн.	—
44	Бронштейнъ, Г. Я. г-жа	Жертв.	—
45	Брумбергъ, А. М.	„	—
46	Бруцкусъ, Б. Д.	Соревн.	—
47	Бубисъ, Г. М.	Жертв.	3
48	Буракъ, Я. С.	„	—
49	Быховскій, Д. В.	Дѣйств.	10
50	Вавельбергъ, М. И.	Пож. дѣйств.	—
51	Варшавскій, М. А.	Пож. соревн.	—
52	Вейсблатъ, С. Э.	„	—
53	Вейсенбергъ, С. Е.	„	—
54	Вейцеръ, И. С.	Жертв.	—
55	Венгеровъ, Л. С.	Соревн.	5
56	Вержбинскій, Г.	Жертв.	—
57	Виленкина, Л. И.	„	—
58	Виленкинъ, А. Я.	Пож. соревн.	—
59	Виленкинъ, И. Я.	Жертв.	—
60	Вильнеръ, В. С.	Соревн.	5
61	Винаверъ, М. М.	Пож. дѣйств.	—
62	Винаверъ, Р. Г. г-жа	Соревн.	5
63	Винаверъ, Э. М.	„	5
64	Вишницеръ, М. Л.	„	5
65	Вольманъ, И. С.	„	5
66	Вольтке, Г. С.	Жертв.	3
67	Вольфсонъ, Ш.	„	—
68	Вольфъ, М. М.	Пож. соревн.	—
69	Вольфъ, М. С. г-жа	Жертв.	—
70	Выгодскій, Л. И.	„	3
71	Гальпернъ А. Я.	„	—
72	Гальпернъ, Я. М.	Соревн.	5
73	Гандельманъ, Г. М.	Пож. дѣйств.	—
74	Гандельманъ, Д. М.	Пож. соревн.	—
75	Гарберъ, М. М.	Жертв.	—
76	Гаркави, А. Я.	Поч. членъ.	—
77	Гейманъ, Я. Б.	Жертв.	3
78	Герчиковъ, И. Л.	Дѣйств.	10
79	Гершбергъ, Г. Д.	Соревн.	5
80	Гершбергъ, С. М. г-жа	„	5
81	Гессенъ, Ю. И.	„	—
82	Гильбо, П. Г.	Жертв.	—
83	Гильбо, С. И.	„	—
84	Гинзбургъ, А. Г. г-жа	„	—
85	Гинзбургъ, І. О.	„	—
86	Гинзбургъ, Н. М.	„	—
87	Гинзбургъ, С. М.	„	—
88	Гинсбургъ, М. А.	Пож. дѣйств.	—
89	Гинсбургъ, М. П. г-жа	„	100

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
90	Гинцбургъ, Н. А.	Жертв.	—
91	Голантъ, Е. Я.	"	—
92	Голомбъ, Э.	"	—
93	Голоскеръ, М. С.	"	—
94	Гольдбергъ, Г. А.	Соревн.	5
95	Гольдбергъ, I. С.	Жертв.	—
96	Гольдбергъ, С.	"	—
97	Гольдбергъ, Я. А.	Соревн.	5
98	Гольдштейнъ, М. Л.	Пож. дѣйств.	—
99	Гольдштейнъ, Р. М.	Жертв.	—
100	Гольдштейнъ, С. М.	Соревн.	5
101	Гольцманъ, Г.	Жертв.	—
102	Гордонъ, И. М.	Соревн.	5
103	Горнфельдъ, А. Г.	"	5
104	Грейсъ, А. Л.	Жертв.	—
105	Гросманъ, Л. А.	"	—
106	Грузенбергъ, О. О.	Пож. дѣйств.	—
107	Гурвичъ, А. I.	Жертв.	—
108	Гуревичъ, А. I.	"	—
109	Гуревичъ, Е. Б.	"	3
110	Гуревичъ, Ис. Бенц.	Пож. соревн.	—
111	Гуревичъ, И. Б.	"	—
112	Гуревичъ, С. I.	Жертв.	—
113	Гуревичъ, С. Л.	Дѣйств.	10
114	Гуревичъ, Х. Д.	Соревн.	5
115	Гуревичъ, Х. Л.	"	5
116	Гутманъ, С. И.	Жертв.	—
117	Гутнеръ, И. г-жа	"	—
118	Дикштейнъ, Ф. М.	Соревн.	—
119	Дубнова, И. Е.	Жертв.	3
120	Дубновъ, С. М.	Дѣйств.	10
121	Дубровичъ, Э. П.	Пож. соревн.	—
122	Езерскій, М.	Жертв.	—
123	Ерихимсонъ, К. Б.	"	3
124	Ефройкинъ, И. Р.	"	—
125	Жирмунскій, М. С.	Соревн.	5
126	Задворянскій, А. Г.	Жертв.	—
127	Закина, Э. М.	"	—
128	Закинъ, Х. Я.	"	—
129	Заксъ, М. А.	Соревн.	5
130	Заксъ, М. И.	"	5
131	Заксъ, С. М.	Жертв.	—
132	Залкиндъ, А. В.	Соревн.	5
133	Залшупинъ, А. С.	Пож. соревн.	—
134	Зельдовичъ, Б. Н.	Жертв.	—
135	Зельдовъ, А. М.	"	—
136	Зельцеръ, В. И.	Соревн.	5
137	Зельцеръ, Д. М.	"	—
138	Зивъ, Д. Л.	"	5
139	Зивъ, М. М.	Дѣйств.	10
140	Идельсонъ, В. Р.	Пож. соревн.	—
141	Идельсонъ, Ф. А. г-жа	Жертв.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1918 г. въ рубляхъ.
142	Идзонъ, Р. М. г-жа	Соревн.	5
143	Израелитъ, А. С. г-жа	Жертв.	—
144	Израелитъ, С. С. г-жа	"	—
145	Іоффе, Е. Н. г-жа	"	—
146	Каганъ, М. К. г-жа	"	—
147	Каганъ, Ф. И. г-жа	"	—
148	Кадинскій, М. Д.	"	—
149	Кальмановичъ, С. Е.	Пож. соревн.	—
150	Каменецкій, С. Л.	Жертв.	3
151	Каменка, Б. А.	Пож. дѣйств.	—
152	Канторъ, М. Л.	Соревн.	—
153	Капланъ, М. В.	Пож. соревн.	—
154	Капланъ-Капланскій, Д. И.	Жертв.	3
155	Карлинъ, А. И.	"	—
156	Кацъ, Г. А.	Дѣйств.	10
157	Квятъ, И. Л.	Жертв.	—
158	Кинкулькина, Б. М.	"	—
159	Киссельгофъ, Б. П. г-жа	"	—
160	Клячко, М. І.	"	—
161	Коганъ, И. М.	Дѣйств.	10
162	Кольмансонъ, Ц. Я.	Жертв.	—
163	Комайко, С. Л.	"	3
164	Корнухъ, С. Ф. г-жа	"	—
165	Коробочкинъ, Г. М.	"	—
166	Красный, Г. Я.	"	—
167	Креверъ, М. Р.	Соревн.	5
168	Крейнинъ, М. Н.	"	5
169	Крейцеръ, Д. Л.	Пож. соревн.	—
170	Крепсъ, Мих. Льв.	Соревн.	5
171	Крепсъ, Моис. Льв.	Жертв.	3
172	Крепсъ, П. Л.	Соревн.	—
173	Крижанскій, П.	Дѣйств.	—
174	Крижанская, П.	Жертв.	—
175	Кугель, Л. А.	"	—
176	Кулишеръ, Е. М.	Соревн.	5
177	Кулишеръ, І. М.	"	5
178	Кулишеръ, М. И.	"	5
179	Кунина, И. Я.	Жертв.	—
180	Курицкій, І. Н.	"	—
181	Кутиковъ, П. Г.	Соревн.	5
182	Ландау, Г. А.	"	5
183	Ландисъ-Ланда, Л. С.	Жертв.	—
184	Лацкая, Ф. Ф.	"	—
185	Левинзонъ, А. А. г-жа	"	—
186	Левинъ, Д. А.	Соревн.	5
187	Левинъ, Л. Ф.	Жертв.	—
188	Левичъ, И. В.	"	—
189	Лейбманъ, М. Л.	"	—
190	Лейбовичъ, Л. Э. (за 2 года)	"	6
191	Лесманъ, А. М.	"	—
192	Лиссеръ, М. г-жа	"	—
193	Литауэръ, Э. В.	Соревн.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
194	Лифшицъ, А.	Жертв.	—
195	Лозинскій, С. Г.	Соревн.	—
196	Лунцъ, Н. Я.	Жертв.	3
197	Лурье, А. Е.	Пож. соревн.	—
198	Лурье, Е. Х.	Соревн.	—
199	Лурье, И. С.	Жертв.	—
200	Лурье, И. Б. г-жа	"	—
201	Лурье, І. д-ръ	"	—
202	Лурье, І. Я.	"	—
203	Лурье, Л. Я.	"	—
204	Лурье, Р. М. г-жа	Соревн.	5
205	Лурье, Ц. У.	Жертв.	—
206	Ляховецкій, Л. Д.	Пож. соревн.	—
207	Магазинеръ, Я. М.	Соревн.	5
208	Маггинъ, Н. Л.	Жертв.	—
209	Майзель, Б. С.	Дѣйств.	—
210	Майзель, С. И.	Пож. соревн.	—
211	Мандель, В. С.	"	—
212	Мандель, Э. С.	Пож. дѣйств.	—
213	Марголина, А. И. г-жа	Жертв.	—
214	Марголинъ, М. М.	"	3
215	Марголинъ, С.	"	—
216	Марголинъ, С. И.	Дѣйств.	10
217	Марголинъ, С. О.	Жертв.	—
218	Марголина, С. О. г-жа	"	—
219	Марконъ, И. Ю.	"	—
220	Мейкляръ, Р. І.	"	3
221	Меровичъ, А. Н.	"	3
222	Меерсонъ, С. И.	"	3
223	Мерлинскій, М. М.	"	—
224	Миндлинъ, З. Л.	"	—
225	Минковичъ, М. Б.	Соревн.	5
226	Минковская, С. И.	Жертв.	—
227	Миркина, Г. Ф.	"	—
228	Миркинъ, Н. Б.	"	—
229	Мовшовичъ, Д. Е.	"	—
230	Мовшовичъ, М. Е. г-жа	"	—
231	Мовшовичъ, М. Х.	"	—
232	Мовшовичъ, Н. Е.	"	—
233	Могилянскій, Е. А.	Пож. дѣйств.	100
234	Моловицкій, А. Я.	Жертв.	—
235	Мороховскій, Л. С. (за 2 года) . . .	Соревн.	10
236	Мочанъ, Э. О.	"	—
237	Навяжскій, Г. Л.	Жертв.	—
238	Наумовскій, И. А.	"	—
239	Никольская, В. Г.	"	3
240	Нисселовичъ, Л. Н.	Пож. соревн.	—
241	Ожинская, Б. Н.	Жертв.	—
242	Окунь, И. С.	"	3
243	Оршанскій, С. И.	"	—
244	Орѣчкинъ, С. Б.	Соревн.	—
245	Острогорскій, М. Я.	"	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
246	Палемъ, К. А.	Жертв.	—
247	Паперна, Г. А.	"	3
248	Пасманикъ, Д. С.	"	3
249	Пацъ, Г. С.	"	—
250	Певанеръ, А. М.	"	—
251	Певанеръ Л. С.	"	—
252	Перельманъ, А. Ф.	"	—
253	Перельманъ, М. Г. г-жа	"	—
254	Переферковичъ, Н. А.	Соревн.	5
255	Персицъ, М. М.	"	5
256	Персонъ, М. М. г-жа	Жертв.	—
257	Пистракъ, С. М.	"	—
258	Погорѣльскій, М. В.	Соревн.	5
259	Познеръ, М. В.	Пож. дѣйств.	—
260	Познеръ, С. В.	Соревн.	—
261	Поляковъ, Вл. Абр.	Дѣйств.	10
262	Поляковъ, В. А.	"	—
263	Полякъ, С. Г.	"	10
264	Полѣесъ, Л. Г.	Жертв.	—
265	Понемунскій, Н. А.	"	—
266	Поплавскій, І. М.	"	—
267	Прессъ, А. А.	Пож. соревн.	—
268	Прессъ, Ц. М.	Жертв.	—
269	Пумпянскій, М. С.	Пож. соревн.	—
270	Пумпянскій, Я. Л.	"	—
271	Пундикъ, Н. А.	Дѣйств.	10
272	Пушасъ, И. О.	Жертв.	—
273	Рабиновичъ, Б. І. г-жа	"	—
274	Рабиновичъ, И. М.	Пож. соревн.	—
275	Рабиновичъ, Л. Г.	"	—
276	Рабиновичъ, Ю. В.	Соревн.	5
277	Равиковичъ, І. И.	Жертв.	—
278	Рай-Городецкій, Д. Е.	"	—
279	Рапопортъ, Е. И.	"	—
280	Раппопортъ, З. Л.	Пож. соревн.	—
281	Раппопортъ, С. А.	Соревн.	—
282	Раскинъ, С. И.	Жертв.	—
283	Ратнеръ, М. Д.	Пож. соревн.	—
284	Ратнеръ, П. И.	Пож. дѣйств.	—
285	Рафайловичъ, О. С. г-жа	Жертв.	—
286	Рафайловичъ, С. С.	"	3
287	Рафайловичъ, С. С.	"	—
288	Ренанпъ, А. Н.	Соревн.	5
289	Ритманъ, С. Я.	Жертв.	—
290	Розенталь, В. С.	Соревн.	—
291	Розова, С. А.	Жертв.	3
292	Розовъ, И. А.	Соревн.	5
293	Розовъ, Р. А.	Жертв.	3
294	Рохлина, Б. Ш.	"	—
295	Рохлинъ, И. Г.	"	—
296	Рохлинъ, М. Л.	"	—
297	Рудзовская, З. И.	"	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1918 г. въ рубляхъ.
298	Румшишскій, М. Б.	Пож. соревн.	—
299	Рывкинъ, М. Д.	Соревн.	—
300	Рывкинъ, М. М.	Жертв.	—
301	Рыжинъ-Орлянскій, М. С.	Соревн.	5
302	Салитанъ, О. С.	"	—
303	Самуновъ, И. Э.	Жертв.	—
304	Сапотницкій, Б. М.	Соревн.	—
305	Сахновскій, Л. И.	Жертв.	—
306	Свирииовская, М. А.	"	—
307	Севъ, Л. А.	Соревн.	5
308	Систринъ, С. Х.	Жертв.	—
309	Сліозбергъ, Г. Б.	Пож. дѣйств.	—
310	Слонимъ, Е. Л.	Соревн.	5
311	Слѣпянъ, І. Ф.	Жертв.	—
312	Соловейчикъ, И. С.	Пож. дѣйств.	—
313	Соловейчикъ, М. А.	Соревн.	5
314	Столинеръ, Б. Г.	Жертв.	—
315	Субботникъ, В. С.	Соревн.	—
316	Сыркинъ, М. Г.	"	5
317	Таненбаумъ, А. С.	"	5
318	Тейтель, А. Я.	Жертв.	—
319	Теплицкій, Я. Н.	Соревн.	—
320	Тоболовскій, І. Э.	Жертв.	—
321	Трайнинъ, Г. С.	Соревн.	5
322	Трайнинъ, П. Д.	"	5
323	Трайнинъ, С. С.	Жертв.	—
324	Трейвушъ, И. М.	"	—
325	Тривусъ, М. Л.	Соревн.	—
326	Тривусъ, С. А.	"	5
327	Тривусъ, С. Л.	Пож. дѣйств.	—
328	Трумпельдоръ, І. В.	Жертв.	—
329	Тубянскій, М. И.	"	—
330	Тувимъ, Н. І.	Соревн.	5
331	Файнбергъ, Г. И.	"	5
332	Файнбергъ, Д. Ф.	Дѣйств.	—
333	Файнштейнъ, А. Я.	Соревн.	—
334	Фалкнеръ, Г. А.	"	5
335	Фейгенбергъ, М. З.	Жертв.	—
336	Фельдманъ, А. Я.	Пож. дѣйств.	—
337	Финкель, М. А.	Соревн.	5
338	Франкфуртъ, В. М.	Жертв.	3
339	Фрейманъ, А. А.	"	3
340	Фридландъ, Я. Л.	Соревн.	5
341	Фридландъ, Т. И. г-жа	Жертв.	3
342	Фридляндская, О. М.	Дѣйств.	10
343	Фридляндскій, В. З.	"	10
344	Фридляндъ, П. М.	Жертв.	—
345	Фридманъ, Д. М.	"	3
346	Фридманъ, Н. М.	"	3
347	Фрумкинъ, Н. М.	"	3
348	Фрумкинъ, Я. Г.	Соревн.	5
349	Хазанъ, Д. А.	Жертв.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
350	Хоронжицкій, С. И.	Соревн.	5
351	Цетлинъ, Н. С.	Пож. дѣйств.	—
352	Цинбергъ, С. Л.	Жертв.	3
353	Цубинъ, В. Я.	"	—
354	Черейскій-Ицхокинъ, С.	"	—
355	Черцинъ, Б. М.	"	—
356	Чернякъ, Х. А. г-жа	"	—
357	Шайзонъ, А.	"	—
358	Шамисъ, Л. Н.	"	—
359	Шапиро, С. С.	Соревн.	5
360	Шаргородская, Ф. Д.	Жертв.	—
361	Шафиръ, М. П.	Пож. соревн.	—
362	Шварцъ, Н. В.	Жертв.	3
363	Шерешевскій, Г. С.	Пож. дѣйств.	—
364	Шефтель, М. И.	"	—
365	Шефтель, Н. Л. г-жа	Дѣйств.	—
366	Шкаффъ, А. Л.	Соревн.	5
367	Шлосбергъ, Б. М.	Пож. дѣйств.	—
368	Шлосберъ, Б. Л.	Жертв.	—
369	Шпиро, Б. Я.	Дѣйств.	10
370	Штернбергъ, Л. Я.	Соревн.	—
371	Штифтеръ, М. В.	Пож. дѣйств.	—
372	Эйгеръ, Я. Б.	Соревн.	5
373	Эйзенбетъ, И. Б.	Жертв.	5
374	Эліашбергъ, А. В.	"	—
375	Эльяссонъ, Л. С.	Соревн.	5
376	Эпштейнъ, З.	Жертв.	3
377	Эфросъ, Р. Ю.	"	—
378	Ягалинъ, Г.	"	—
379	Ясный М. А.	Дѣйств.	10
	Случайныхъ взносовъ	—	64,50
	Итого	—	942,50

II.

Иногородніе члены.

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
	Архангельскъ.		
1	Брольницкій, О. И.	Соревн.	—
	Астрахань.		
1	Дайхесъ, М. А.	Соревн.	5
	Атаки (Бесс. губ.).		
1	Перельманъ, Т. П.	Жертв.	3
	Баку.		
1	Гноенскій, С. С.	Соревн.	5
2	Тропъ, М. М.	Дѣйств.	10
	Барановичи (Минск. губ.).		
1	Евр. Лит. Арт. О-во	Пожертв.	—
	Батумъ.		
1	Уриновскій, М. Х.	Дѣйств.	10
	Бердичевъ (Кіевской губ.).		
1	Гершенгорнъ, А.	Соревн.	5
2	Кобилянскій, Ц. И.	"	—
	Бердянскъ (Тавр. губ.).		
1	Роммъ, М. В.	Соревн.	5
	Берлинъ (Германія).		
1	Эльясбергъ, А.	Соревн.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
	Бобровый Кутъ (Херс. губ.).		
1	Ламинъ, С. А.	Соревн.	5
	Брестъ-Литовскъ (Гродн. губ.).		
1	Шерешевскій, І. С.	Соревн.	5
	Бѣлая Церковь (Кіевской губ.).		
1	Векслеръ, М. И.	Соревн.	5
2	Колкеръ, Б. Д. г-жа	Жертв.	—
3	Ланда, А. Л.	Соревн.	5
	Варшава.		
1	Зильберштромъ, І. А.	Соревн.	5
2	Кравцовъ, Х. А.	"	5
3	Розенбергъ, И. С.	Дѣйств.	10
4	Шацкинъ, Я. В.	Соревн.	5
	Велижъ (Витебск. губ.).		
1	Зильбертъ, В.	Дѣйств.	—
	Вильно.		
1	Венякобъ, Я. И.	Соревн.	5
2	Гольдбергъ, В. А.	"	5
3	Гольдбергъ, И. Л.	"	5
4	Коганъ, П. И.	Дѣйств.	10
5	Мерецкій, И. М.	Соревн.	5
6	Найшуль, А. М.	"	5
7	Шескинъ, Я.	"	—
	Виндава (Курл. губ.).		
1	Киржниръ, А.	Соревн.	5
	Винница (Под. губ.).		
1	Палатникъ, А.	Соревн.	—
	Витебскъ.		
1	Вишнякъ, И. В.	Соревн.	5
2	Ойлимъ, В. А.	"	—
3	Слонимъ, Л. Е.	"	5
4	Яхнинъ, А. Б.	"	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
	Вольскъ (Сарат. губ.).		
1	Шмоткинъ, Л. С.	Соревн.	5
	Гадячъ (Полт. губ.).		
1	Миренскій, С. А.	Дѣйств.	—
	Гайворонъ (Под. губ.).		
1	Ридеръ, А. П.	Соревн.	—
	Гомель (Могил. губ.).		
1	Агроскинъ, І. И.	Соревн.	—
2	Брукъ, А. Я.	„	5
3	Шейнбаумъ, Л. І.	„	5
	Горки (Могил. губ.).		
1	Бѣленькій, И. Б.	Соревн.	—
	Гродно.		
1	Шерешевскій, І. Л.	Соревн.	—
	Джанкое (Таврич. губ.).		
1	Кублановскій, М. С.	Соревн.	5
	Евпаторія (Таврич. губ.).		
1	О-во вспом. нужд. крымч.	Пожертв.	5
	Екатеринбургъ (Перм. губ.).		
1	Хволосъ, М. И.	Дѣйств.	10
	Екатеринославъ.		
1	Айзенштейнъ Е.	Соревн.	—
2	Ашнуэль, М. Л.	„	5
3	Березовскій, Я. Д.	„	5
4	Браславскій, С. Л.	Пож. дѣйств.	—
5	Вронтманъ, В. Г.	Соревн.	—
6	Брукъ, М. С.	„	—
7	Бруштейнъ, М. Л.	„	—
8	Геккеръ, Г. Л.	„	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ
9	Должанскій, Я. М.	Соревн.	5
10	Карпасъ, М. Ю.	Пож. дѣйств.	—
11	Коринъ, I.	Соревн.	5
12	Кофманъ, Л. I.	Дѣйств.	—
13	Красный, Б. Я.	Соревн.	5
14	Лифшицъ, Л. М.	"	5
15	Мейданская, К. М.	Пож. дѣйств.	—
16	Мейданскій, I. М.	"	—
17	Ольшанскій, В. Г.	Соревн.	5
18	Палѣй, С. Н.	"	5
19	Рабиновичъ, А.	"	5
20	Рабиновичъ, Л. С.	Дѣйств.	10
21	Тавровскій, М. Я.	Соревн.	1
22	Топоровскій, Б. И.	Дѣйств.	—
23	Уринъ, Г. И.	Соревн.	—
24	Фридманъ, Ю. В.	"	—
25	Шапиро, В. М.	"	5
26	Шкляръ, Л.	"	—
27	Штейнъ, С. П.	Дѣйств.	—
	Елисаветградъ (Херс. губ.).		
1	Брукъ, П. Я.	Соревн.	5
2	Вайсенбергъ, С. А.	"	5
3	Заславскій, А. Ш.	"	5
4	Македонскій, К. М.	"	5
5	Македонскій, Я. М.	"	5
6	Мексинъ, Л. Я.	"	5
7	Шполянскій, А.	"	5
	Жабокригъ (Под. губ.).		
1	Зильберманъ, Г. Д.	Соревн.	5
	Иркутскъ.		
1	Авдановичъ, М. I.	Соревн.	5
2	Бейлинъ, С. Х.	"	—
3	Брамзонъ, Е. М.	"	5
4	Бѣлицкій, С. I.	"	5
5	Гасманъ, Б. М.	"	5
6	Дубниковъ, М. И.	"	5
7	Ицковичъ, И. И.	"	5
8	Калугскій, Г. М.	"	5
9	Качко, А. Б.	"	5
10	Козьминъ, М. З.	"	5
11	Крипкевичъ, Я. Э.	"	5
12	Кроль, М. А.	"	5
13	Лейбовичъ, М. Я.	"	5
14	Лобзовскій, Б. И.	"	5
15	Лопцихъ, Л. В.	"	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1918 г. въ рубляхъ.
16	Мейсельманъ, К. Д.	Жертв.	3
17	Патушинскій, А. С.	Соревн.	5
18	Памусъ, З. І.	"	5
19	Розенкранцъ, І. Р.	"	5
20	Розенцвейгъ, І. Я.	"	5
21	Рѣзниковъ, М. А.	"	5
22	Синагогальная библ.	Пожертв.	5
23	Фризеръ, Я. Д.	Соревн.	—
24	Фурманъ, А. Л.	Жертв.	3
25	Хохуткинъ, Г. І.	Соревн.	5
26	Цыбинъ, Л. Ш.	"	5
27	Шахновской, Г. М.	"	5
28	Шилингеръ, О. О.	Жертв.	3
29	Ширманъ, Л. И.	"	3
30	Юдалевичъ, Ф. Л.	Соревн.	5
	Кабанское (Заб. обл.).		
1	Пурве, А. И.	Соревн.	5
2	Эйдельманъ, Б. М.	"	5
	Казань.		
1	Шерешевскій, М. Д.	Соревн.	5
	Карасубазаръ (Тавр. губ.).		
1	Правл. О-ва Пособія бѣдн. крымч. .	Пожертв.	5
	Керчь (Тавр. губ.).		
1	О-во Пособія бѣдн. крымч.	Пожертв.	5
	Кибарты (Сув. губ.).		
1	Шерешевскій, П. И.	Соревн.	5
	Кишиневъ.		
1	Рабиновичъ, А. З.	Соревн.	—
2	Шайкевичъ, М. І.	"	5
	Кіевъ.		
1	Алешковскій, Я. М.	Соревн.	5
2	Амчиславскій, И. Б.	"	5
3	Барацъ, Г. М.	"	5
4	Бендерскій, И. А.	"	5
5	Брейтманъ, А. С.	"	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
6	Брискманъ, О. И.	Соревн.	5
7	Бродскій, А. О.	Дѣйств.	—
8	Бродскій, Л. И.	Соревн.	5
9	Бродскій, М. С.	Дѣйств.	—
10	Бродскій, М. Я.	Соревн.	5
11	Винокуръ, М. К.	"	5
12	Виткупъ, Н. А.	"	5
13	Галантъ, И. В.	"	—
14	Гальперинъ, М. Б.	Пож. дѣйств.	—
15	Гальперинъ, М. Б.	Дѣйств.	10
16	Гальперинъ, С. М.	Пож. дѣйств.	—
17	Гаркави, А. И.	Соревн.	5
18	Гепнеръ, І. Г.	Пож. дѣйств.	—
19	Герцманъ, Э. Г.	Соревн.	5
20	Гинсбургъ, Л. Б.	Пож. дѣйств.	—
21	Гинцбургъ, В. Г. баронъ	"	100
22	Гитманъ, І. Д.	Соревн.	—
23	Гольденбергъ, А. М.	Пож. соревн.	—
24	Горовицъ, А. Л.	Соревн.	5
25	Гринбергъ, А. Г.	"	5
26	Гуревичъ, А. Б.	"	5
27	Добрый, А. Ю.	Пож. дѣйств.	—
28	Дунаевскій, В. С.	Соревн.	5
29	Зайцевъ, М. І.	Пож. дѣйств.	—
30	Заксъ, М. Р.	"	—
31	Златопольскій, И. С.	Соревн.	5
32	Золотницкій, Я. А.	"	5
33	Израэльсонъ, Я. И.	"	5
34	Іоффе, С. Л.	"	5
35	Каміонскій, М. И.	"	5
36	Кельберинъ, И. Б.	"	5
37	Клячко, Л. С.	"	—
38	Кагановъ, В. Д.	"	5
39	Коморова, Ф. Д.	"	5
40	Коморовъ, М. К.	"	5
41	Кулишеръ, М. А.	Дѣйств.	10
42	Левенштейнъ, Д. Г.	Соревн.	5
43	Левинъ, Р. И.	"	5
44	Левъ, Л. А.	"	5
45	Либерманъ, С. Я.	Пож. дѣйств.	—
46	Лукацкій, А. О.	Соревн.	—
47	Лурье, В. Д.	"	5
48	Мазуръ, М. С.	"	5
49	Мандельбергъ, Л. Е.	"	5
50	Марголинъ, А. Д.	"	—
51	Марголинъ, Д. С	Пож. дѣйств.	—
52	Маршакъ, І. А.	"	100
53	Минцъ, И. Б.	Соревн.	5
54	Миркинъ, М. А.	"	5
55	Моргулисъ, И. М.	"	5
56	Моцкинъ, Х. Ш.	"	5
57	Ноткинъ, И. А.	"	5
58	Паулъ, Б. Б.	"	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1918 г. въ рубляхъ.
59	Письной, М. Л.	Соревн.	—
60	Полинковскій, М. І.	Дѣйств.	10
61	Поляковъ, Я. Л.	Соревн.	5
62	Рабинерсонъ, С. Л.	"	5
63	Ратнеръ, С. Б.	"	5
64	Рубинчикъ, Е. С.	"	5
65	Рубинчикъ, М. А.	"	5
66	Слободинъ, Д. М.	"	—
67	Слонимъ, Я. А.	"	5
68	Слуцкеръ, А. Е.	"	5
69	Сыркинъ, Н. С.	"	5
70	Темкинъ, Г. Е.	"	5
71	Феенбергъ, М. Я.	"	5
72	Франкфуртъ, С. Л.	"	5
73	Фрейдинъ, Р. Л.	"	5
74	Френкель, А. С.	Пож. соревн.	—
75	Фридляндъ, С. Е.	Соревн.	5
76	Фридманъ, Я. Б.	"	5
77	Чемиринскій, И. М.	"	5
78	Шмуклеръ, И. К.	"	5
79	Шухгальтеръ, В. Я.	"	5
80	Ямпольскій, П. А.	"	5
	Ковно.		
1	Вольфъ, С. И.	Соревн.	5
2	Файнбергъ, И. А.	"	5
	Константиноградъ (Вол. губ.).		
1	Финкель, Л.	Соревн.	5
	Кривой Рогъ (Херс. губ.).		
1	Браславскій, М. Л.	Соревн.	5
2	Гландъ, М. М.	Дѣйств.	—
3	Кожикъ, Л. М.	"	10
	Либава.		
1	Іоспе, А.	Соревн.	5
2	Рышманъ, Д. Л.	"	5
	Лодзь.		
1	Бабяцкій, А.	Соревн.	5
2	Гуральскій, С.	"	5
	Лоевъ (Мог. губ.).		
1	Фейгенбергъ, Л.	Соревн.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
	Лондонъ (Англія).		
1	Гинцбергъ, У. (Ахадъ-Гаамъ) . . .	Соревн.	5
	Лубны (Полт. губ.).		
1	Барскій, Ф. Я.	Соревн.	5
	Люблинъ.		
1	Ваксманъ, Я.	Жертв.	—
2	Варманъ, Б.	Соревн.	5
3	Клинковштейнъ, М.	"	5
4	Шейнбрунъ, В.	"	5
5	Эрлихъ, М.	"	5
	Ляховцы (Волынской губ.).		
1	Выгода, М. І.	Соревн.	5
	Малая Вишера (Новг. губ.)		
1	Гуткинъ, Б. И.	Соревн.	5
	Малинъ (Кіевской губ.).		
1	Фиксъ, Я. Ш.	Соревн.	—
	Маріуполь (Екат. губ.).		
1	Трегубовъ, А. М.	Пож. дѣйств.	—
	Мемель (Германія).		
1	Шейнгаузъ, Л.	Дѣйств.	10
	Мервъ (Заб. обл.)		
1	Соловей, И. М.	Соревн.	5
	Минскъ.		
1	Коварскій, С. Н.	Соревн.	5
2	Лунцъ, О. Л.	"	5
3	Роговъ, М. Ю.	"	5
4	Сыркинъ, Г. Я.	"	5
5	Шапиро, М. Е.	"	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
	Миргородъ (Полт. губ.).		
1	Виноградовъ, Л. (за 2 года)	Соревн.	10
	Могилевъ (Под. губ.).		
1	Штекелисъ, Б. И.	Соревн.	5
	Москва.		
1	Бейлинъ, А. Г.	Дѣйств.	—
2	Великовскій, С. Я.	Соревн.	5
3	Вольбергъ, И. С.	"	5
4	Высоцкій, Д. В.	Пож. соревн.	—
5	Гавронскій, Б. О.	"	—
6	Герчиковъ, Н. В.	Соревн.	5
7	Гоцъ, Р. А.	Пож. соревн.	—
8	Гуревичъ, А. Я.	"	—
9	Данкинъ, Н. С.	Дѣйств.	—
10	Каміонскій, М. С.	Соревн.	5
11	Кацнельсенъ, А. С.	"	5
12	Кершнеръ, М. Л.	"	5
13	Леви, Л. М.	"	5
14	Левинъ, А.	Дѣйств.	10
15	Лещинскій, М. Е.	Пож. соревн.	—
16	Лурье, И. М.	Соревн.	—
17	Лурье, Л. А.	"	5
18	Найдичъ, И. А.	Пож. дѣйств.	—
19	Розенталь, А. С.	Соревн.	5
20	Столяръ, Л. А.	Дѣйств.	—
21	Урысонъ, И. С.	Соревн.	5
22	Фуксъ, А. Л.	Дѣйств.	10
23	Фитерманъ, М. Я.	Соревн.	5
24	Цетлинъ, О. С.	Пожертв.	—
25	Членовъ, Е. В.	Соревн.	5
26	Шлезингеръ, И. М.	"	5
	Нижній-Новгородъ.		
1	Гуревичъ, С. Б.	Соревн.	—
2	Машкилейсонъ, Е. К.	"	5
3	Миркина, І. Е.	"	—
4	Ривлинъ, М. Г.	Пож. дѣйств.	—
5	Трепель, С. Ц.	Соревн.	5
	Николаевскъ (на Амурѣ).		
1	Духовное пр-іе евр. мол. дома . . .	Пожертв.	10

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
	Новоградволынскъ.		
1	Штендель, М. Л.	Дѣйств.	10
	Новозыбковъ (Черн. губ.).		
1	Леванеръ, Л. Б.	Дѣйств.	10
2	Фельдманъ, З. Л.	Соревн.	—
	Ново-Николаевскъ (Томской губ.).		
1	Мордуховичъ, М.	Дѣйств.	10
	Одесса.		
1	Арлюкъ, А. Г.	Жертвов.	—
2	Ашкинази, З. Е.	Пож. дѣйств.	—
3	Барбашъ, С. (за 2 года)	Дѣйств.	20
4	Брацлавскій, Я. П.	Жертв.	—
5	Брейтманъ, Г М.	Пож. соревн.	—
6	Бродскій, А. Е.	"	—
7	Бродскій, Х.	"	—
8	Вайнштейнъ, Г. Э.	Пож. дѣйств.	—
9	Виленскіе, Бр.	Жертв.	—
10	Вольфензонъ, Б. Л.	Соревн.	—
11	Ворошильскій, Я. С.	Пож. соревн.	—
12	Гельбейнъ, Я. Ш.	Жертв.	—
13	Гиммельфарбъ, Г. И.	Пож. соревн.	—
14	Зусманъ, М. Г.	Дѣйств.	10
15	Конельскій, І. Л.	"	—
16	Кофманъ, Д. Г.	Соревн.	5
17	Магарилъ, Ф. Л.	Пож. соревн.	—
18	Моргулисъ, М. Г.	Почетный.	—
19	Надель, І.	Жертвов.	—
20	Плессеръ, Л. М.	Соревн.	5
21	Повесъ, С. Г.	"	5
22	Раухваргеръ, С. Г.	"	—
23	Фельдманъ, Я. А.	"	5
24	Фишеровичъ, М.	Дѣйств.	10
25	Франкфельдъ, Г. В.	Жертвов.	—
26	Хаисъ, О. С.	Пож. дѣйств.	—
27	Шапиро, Л. Г.	Жертвов.	—
28	Шапиро, С. В.	Дѣйств.	10
	Омскъ.		
1	Левинъ, А. В.	Пож. дѣйств.	—
	Орелъ.		
1	Лурье, С. А.	Соревн.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1918 г. въ рубляхъ.
	Пермь.		
1	Зайдель, Л. Д.	Жертв.	3
2	Отд. О-во Распр. Просв.	Пожертв.	5
	Петровскій заводъ (Заб. обл.).		
1	Гершевичъ, Л. І.	Соревн.	—
	Полоцкъ (Вит. губ.).		
1	Барканъ, А. А.	Дѣйств.	10
	Проскуровъ (Волынской губ.).		
1	Вайсбергъ, Х. Б.	Дѣйств.	—
	Ревель.		
1	Вайнеръ, Я. Л.	Жертв.	3
	Рига.		
1	Берлинъ, Б. З.	Соревн.	—
2	Берлинъ, З.	"	5
3	Вейлеръ, О. Ш.	"	—
4	Гуревичъ, Е. З.	"	5
5	Іоффе, И.	"	5
6	Мейеръ, Б.	Пож. дѣйств.	—
7	Минцъ, П. М.	Дѣйств.	10
8	Страшунъ, И. М.	Соревн.	5
9	Шалитъ, Э.	"	5
10	Шалитъ, З.	"	5
	Ровно (Волын. губ.).		
1	Вальдманъ, Г. Ф.	Соревн.	—
2	Голендбергъ, І. Л.	Дѣйств.	10
3	Гальперсонъ, П. І.	"	10
4	Гальдбергъ, Н. В.	"	10
5	Куликовичеръ, С. А.	"	10
6	Штрикъ, М. Н.	"	—
	Ромны (Полт. губ.).		
1	Гальперинъ, І. Ф.	Соревн.	5
2	Гамзу, Л. З.	"	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
3	Исштейнъ, А. Л. г-жа	Соревн.	5
4	Гитикъ, І. Ш.	"	—
5	Рубинчикъ, П. Б.	"	—
	Россіены (Ков. губ.).		
1	Леви, А. М.	Соревн.	5
	Севастополь.		
1	Гидалевичъ, А. Я.	Дѣйств.	—
2	О-во Пособія бѣдн. крымч. евр.	Пожертв.	5
	Семятичи (Гродн. губ.).		
1	Авербухъ, З. М.	Соревн.	5
	Симферополь.		
1	Рейзнеръ, М. В.	Жертв.	—
2	Шоръ, С. М.	"	—
	Смоленскъ.		
1	Гильванъ, А. Н.	Соревн.	5
2	Рывкинъ, Х. Д.	"	5
3	Шварцъ, Н. В.	Пож. дѣйств.	—
	Соколы (Ломж. губ.).		
1	Вайнштейнъ, Г.	Соревн.	5
	Сормово (Нижегор. губ.).		
1	Фридманъ, Гр. (за 2 года)	Соревн.	10
	Срѣтенокъ (Заб. обл.).		
1	Тарабанъ, Л. Я.	Жертв.	—
	Ст. Сулья (Уфим. губ.).		
1	Лазаревъ, Н. Г.	Пож. соревн.	—
	Тарковичи (Пет. губ.).		
1	Вайншенкеръ, И. Е.	Соревн.	5
	Ташкентъ.		
1	Гилодо, Л. Р.	Соревн.	5
2	Розовскій, А. Г.	Жертв.	3
	Тишковка (Херс. губ.).		
1	Мусарскій, Ш.	Соревн.	5
	Томскъ.		
1	Быховскій, И. С.	Соревн.	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1913 г. въ рубляхъ.
	Умань (Кіевской губ.).		
1	Фрейденбергъ, Б. Б.	Соревн.	—
	Харьковъ.		
1	Бенгисъ, Б. Г.	Дѣйств.	—
2	Бергеръ, И. М. (за 2 года)	"	20
3	Вургафтъ, Л. М.	"	10
4	Ганелинъ, Л. И.	Соревн.	5
5	Гуревичъ, Х. З.	"	5
6	Добкинъ, Я. I.	Дѣйств.	10
7	Зороховичъ, И. М.	Соревн.	5
8	Коробковъ, Х. Г.	Дѣйств.	—
9	Лившицъ, Н. Б.	Соревн.	—
10	Лифшицъ, В. А.	"	5
11	Лифшицъ, М. И.	Жертв.	5
12	Любарскій, Г. А.	Дѣйств.	10
13	Магазаникъ, Н. Б.	"	10
14	Библ. „Hebraica"	Пожертв.	5
15	Покрасса, I. М.	Соревн.	5
16	Рабиновичъ, М.	"	—
	Чита (Заб. обл.).		
1	Шлезингеръ, И. М.	Соревн.	5
	Шавли (Ков. губ.).		
1	Фридманъ, Х. Б.	Жертв.	3
	Шебекино (Курск. губ.).		
1	Вольтцъ, I. Г.	Дѣйств.	10
	Шпола (Кіевской губ.).		
1	Бронштейнъ, Ш. Х.	Соревн.	—
	Юрбургъ (Ков. губ.).		
1	Бонеръ, Л. А.	Соревн.	5
	Ѳеодосія (Тавр. губ.).		
1	Левентовъ, I. Г.	Соревн.	5
	Итого	—	1.612
	Всего взносовъ за 1913 г. .	—	**2.554,50**

Въ С.-Петербургѣ (Списокъ I) . . . . 942 р. 50 к.
„ др. городахъ (Списокъ II) . . . . 1.612 „ — „ = 2.554 р. 50 к.

